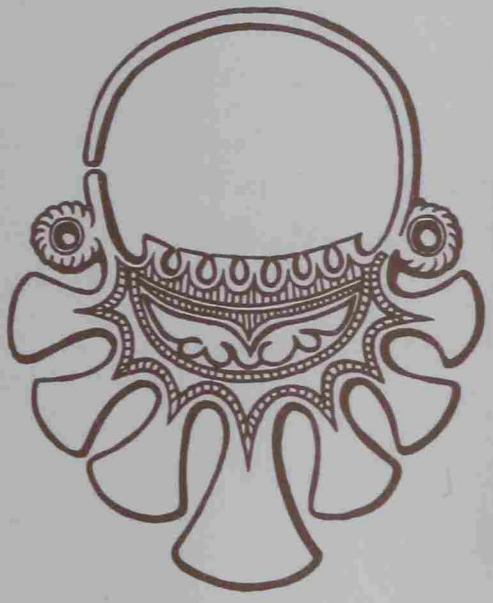
ISSN 0869-6063

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



1996 4

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Р.М. Мунчаев (председатель),

Т.И. Алексеева, А.П. Деревянко, Н.Я. Мерперт,
М.Г. Мошкова, Б.А. Рыбаков, В.В. Седов,
А.А. Формозов, А.И. Шкурко, В.Л. Янин

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В.И. Гуляев (главный редактор),

Х.А. Амирханов, Л.А. Беляев (зам. главного редактора),
А.Н. Гей, И.С. Каменецкий, Г.А. Кошеленко,
Н.А. Макаров, В.С. Ольховский (ответственный секретарь),
Е.Н. Черных

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
МОСКВА

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

1996 4

Журнал основан в январе 1957 г.

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

Лисицын Н.Ф. Средний этап позднего палеолита Сибири 5
Нечитайло А.Л. Европейская степная общность в эпоху энеолита 18
Изотова М.А. Керамика эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья 31
Зубарь В.М. Ольвия и Скилур 44
Обломский А.М. Среднее Посеймье в позднеримское время. Формирование южной границы колочинской культуры 51
Кузнецов В.А. Аланы на Западе: археологическая реальность или миф? 71
Никонов А.А. Археологические и исторические свидетельства разрушительного землетрясения на Устюрте в XVIII веке 80

К 850-летию города Москвы

Гунова В.С., Кирьянова Н.А., Кренке Н.А., Низовцев В.А., Спиридонова Е.А. Земледелие и система землепользования в долине Москвы-реки в железном веке... 93

Публикации

Сериков Ю.Б. Камень Дыроватый – уникальное пещерное святилище на реке Чусовой (первые результаты исследований) 121
Козловская М.В. Антропологическая характеристика скелетных материалов из скифских курганов Среднего Дона 141
Мордвинцева В.И. Фалары с изображением Беллерофонта из сарматского погребения у села Володарка в Западном Казахстане 148
Завьялов В.И. Железные изделия из памятников Белозерья 157
Яковлев Я.А. Первая находка Маасско-Рейнской чаши XII–XIII вв. в Азии 171

© Российская академия наук,
Институт археологии, 1996 г.

История науки

Щавелев С.П. Археологический почин курского учителя А.И. Дмитрюкова в 1820–1830-е годы 177

Критика и библиография

Ранов В.А., Дэвис Р.С. *Debenath A., Dibble H.L.* Hand-book of Paleolithic typology. V. I. Lower and Middle Paleolithic of Europe. Philadelphia, 1994 185
Белоцерковская И.В., Ахмедов И.Р. О кошибеевской культуре 192
Даркевич В.П. *Русанова И.П., Тимощук Б.А.* Языческие святилища древних славян. М., 1993 200
Кулаков В.И. Археологические исследования в ареале западных балтов (экспедиционная работа в 1991–1994 гг.) 207

Хроника

Берестнев С.И., Мартемьянов А.П., Сорочан С.Б. Межреспубликанская научная конференция "Проблемы археологии, древней и средневековой истории Украины" (Харьков, 1–3 марта 1995 г.) 215
Седов В.В. VIII Международный конгресс финно-угроведов (археологическая проблематика). (Финляндия, Ювяскюля, 1995) 219

Указатель статей, опубликованных в журнале "Российская археология" за 10 лет (1987–1996 гг.) 224

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY
MOSCOW

ROSSIYSKAYA ARKHEOLOGIYA

1996 4

Founded in 1957
Published quarterly

Editor-in-Chief
V.I. Gulyaev

CONTENTS

Lisitsin N.F. The Middle Late Palaeolithic in Siberia 5
Netchitailo A.L. The European Steppes Community in the Eneolithic 18
Izotova M.A. Late Bronze Age Ceramics from the Low Volga River Region 31
Zubar V.M. Olvia and Skilur 44
Oblomsky A.M. The Middle Seim River Region in the Late Roman Time. The Forming of Kolotchin Culture Borders 51
Kuznetsov V.A. Alans in the West: Archaeological Reality or a Myth 71
Nikonov A.A. Archaeological and Historical Traces of the Destructive Earthquake on Ustjurt in the 18th Century 80

Towards the 850th Anniversary of Moscow

Gunova V.S., Kirjanova N.A., Krenke N.A., Nizovtsev V.A., Spiridonova E.A. Agriculture in the Moskva River Valley in the Iron Age 93

Publications

Serikov J.B. Kamen Dyrovaty, a Unique Sanctuary on the Tchusovaya River (first results of research) 121
Kozlovskaya M.V. Anthropological Analysis of the Skeletons from the Scythian Barrows in the Middle Don Region 141
Mordvintseva V.I. Phalars with Bellerofont from a Sarmatian Burial near Volodarka Village from the Western Kazakhstan 148
Zavjalov V.I. The Iron Artifacts from Beloye Lake Area 157
Jakovlev J.A. First 12th–13th Centuries Maas-Rhine Cup Found in Asia 171

History of Science

Tshavelev S.P. Archaeological Initiative of A.I. Dmitrjukov, a Teacher from Kursk, in 1820–1880s 177

Critique and Bibliography

Ranov V.A., Davis R.S. *Debenath A., Dibble H.L.* Hand-book of Paleolithic Typology. V. I. Lower and Middle Paleolithic of Europe. Philadelphia, 1994 185
Belotserkovskaya I.V., Akhmetov I.R. Koshibejevo Culture 192
Darkevitch V.P. *Rusanova I.P., Timotshuk B.A.* Jazytcheskie svjatilitsha drevnikh slavjan. M., 1993 200
Kulakov V.I. Archaeological Researches in the Area of the Western Baltic Tribes (expeditions of 1991–1994) 207

Chronicle

Berestnev S.I., Martemjanov A.P., Sorotchan S.B. Interrepublic Scientific Conference "Problems of Archaeology, Ancient and Medieval History of Ukrain" (Kharkov, March 1–3, 1995) 215
Sedov V.V. 8th International Congress of Finno-Ugricists (Archaeological Problems). (Finland, 1995) 219

Articles Published in "Rossiyskaya Arkheologiya" in 1987–1996 224

Н.Ф. ЛИСИЦЫН

СРЕДНИЙ ЭТАП ПОЗДНЕГО ПАЛЕОЛИТА СИБИРИ

Появление в период 22–16 тыс. лет назад в Сибири стоянок с пластинчатым инвентарем "европейского облика" остается одной из загадок для археологии каменного века. Споры о генезисе индустрий, подобных находкам в Мальте, ведутся в рамках двух господствующих концепций: конвергентного развития и трансконтинентальных миграций.

Новые данные позволяют подойти к решению проблемы происхождения и развития раннесартанских пластинчатых комплексов Северной Азии. В Сибири сейчас известны стоянки с "ориньякским" набором орудий, которые по возрасту (26–24 тыс. лет) древнее Мальты. Эти памятники, подобные Игетейскому Логу-I в Приангарье, Сабанихе в бассейне Енисея и Малой Сыи в Причулымье, могли служить базой, на основе которой сформировалась мальтинско-буретьская культура. Вполне возможно, что вопрос о европейско-сибирских контактах надо рассматривать в связи с более ранним временем, чем средняя пора позднего палеолита (Лисицын Н.Ф., 1995).

Работы 1991–1992 гг. в Мальте, к сожалению, еще не опубликованные, показали наличие 13 уровней залегания артефактов. С "классической" коллекцией связываются только горизонты 5–6 (Липнина Е.А., Медведев Г.И., 1993).

К западу от Байкала, по пути предполагаемых миграций, выявлена целая группа стоянок с пластинчатой индустрией. Интересно отметить, что эти памятники, образующие цепь пунктов от Урала до Приангарья, по возрасту моложе Мальты.

Стоянка Талицкого на Урале – первое поселение, материалы которого сравнивались с ангарскими стоянками. Культурные остатки залегали в отложениях 20–25-метровой террасы на глубине ~12,5 м в слое тяжелого "шоколадного" суглинка, перекрытого толщей слоистых песков. Ниже находок прослежены три горизонта "шоколадных" глин и два горизонта светло-коричневой глины, разделенных прослоями песка. Эти красноцветные маркирующие горизонты можно использовать для корреляции стратиграфических разрезов сибирских стоянок, так как подобные отложения встречаются и в других регионах.

В бассейне Енисея прослежена определенная закономерность в распределении толщ осадков сартанского времени: на фоне серых и желто-серых лёссовидных супесей и песков достаточно четко выделяются четыре горизонта "шоколадного", красного, кирпичного, малинового или розового цветов. Верхний датируется временем интерстадиала 15–16 тыс. лет назад; супеси, заключенные между двумя нижележащими маркирующими прослойками, формировались 18–20 тыс. лет назад. Нижний, самый мощный горизонт относится к концу каргинского межледниковья – началу сартанского оледенения. Кстати сказать, он фиксируется везде в толщах покровных образований террас верхнего яруса и очень редко на галечнике низких террас.

Если применить эти наблюдения для сопоставления стратиграфии стоянок в разных районах, то можно получить дополнительные данные о геологическом возрасте памятников.

Судя по тому, что на стоянке Талицкого находки залегали в самой верхней маркирующей прослойке красноцветных отложений, они должны датироваться временем не древнее 16–17 тыс. лет. Радиоуглеродная дата 18 700 ± 200 (ГИН-1907) указывает на раннесартанский возраст памятника.

© Н. Ф. Лисицын, 1996 г.

В каменном инвентаре (4935 экз.), наряду с мелкими одноплощадочными с широким фронтом расщепления ядрищами, имеется серия простейших торцовых нуклеусов, предназначенных для скалывания микропластинок. В орудийном наборе преобладают скребки, среди которых много микроформ, есть скребки высокой формы. Много пластинок с притупленным краем, но без обработки концов, пластинок с краевой ретушью, изделий с выемками, долотовидных орудий, отщепов с ретушью. Немногочисленны галечные, скребловидные орудия, проколки с укороченным жальцем, скребла. К последним отнесены крупные боковые скребки и фрагменты пластин с ретушью. Отсутствуют резцы, остроконечники, нет сведений о наличии острий. В целом инвентарь стоянки носит ярко выраженный микролитический облик, даже изделия на пластинах в 1,5–2 раза по размерам меньше мальтинских (Щербакова Т.И., 1994).

В Западной Сибири к памятникам с мелкой пластинчатой индустрией относятся стоянки Томская, Шестаково, Ачинская.

Культурный горизонт Томской стоянки залегал в отложениях 45–55-метровой террасы на глубине 3,5 м на контакте желто-серых супесей, суглинков и лежащих ниже толщ коричневых и темно-коричневых глинистых супесей. Стратиграфическое положение находок соответствует положению культурного слоя стоянки Талицкого или немного перекрывает его. С.М. Цейтлин датирует стоянку временем 15–17 тыс. лет назад, что соответствует нашей схеме определения возраста по маркирующим горизонтам. Радиоуглеродная дата 18 300 ± 100 (ГИН-2100) указывает на раннесартанское время.

В коллекции каменных изделий (197 экз.) имеются мелкие одноплощадочные ядрища, пластинки с ретушированными краями, но без обработки концов, долотовидные орудия, угловые резцы на мелких пластинках, скребок. Нет сведений о скреблах, остроконечниках, остриях, галечных орудиях, пластинках с притупленным краем, выемчатых формах, торцовых нуклеусах. Инвентарь имеет микролитический облик (Абрамова З.А., Матющенко В.И., 1973; Цейтлин С.М., 1983).

Очень интересными, но, к сожалению, пока еще не опубликованными являются материалы стоянки Шестаково в бассейне р. Чулым. Культурные остатки залегали в отложениях 20–30-метровой террасы на глубине ~8,0 м от поверхности. В разрезе раскопа на фоне светло-желтых отложений четко фиксировались четыре маркирующих горизонта розово-серых с красно-коричневыми включениями суглинков; нижний из красноцветов располагался на русловом галечнике. Судя по тому, что первый культурный слой стоянки приурочен к второму сверху горизонту "шоколадных" супесей, а второй горизонт находок – к следующему по разрезу маркирующему слою, возраст памятника определяется в пределах 18–20 тыс. лет. По кости мамонта получена дата 22 980 ± 125 (СО АН-1380), но данные о том, откуда взят образец, отсутствуют.

Каменный инвентарь (свыше 1700 экз.) микролитического облика. Найдены мелкие одно- и двуплощадочные сработанные ядрища, есть небольшие нуклеусы с радиальными сколами, отсутствуют торцовые формы. Орудия: концевые скребки на отщепах и пластинах, ретушированные пластинки, выемчатые формы. Немногочисленны острия, единичны резцы, долотовидные и галечные орудия, комбинированные изделия. Отсутствуют скребла, скребки высокой формы (?), остроконечники. Нет сведений о пластинках с притупленной спинкой (Окладников А.П., 1976; Окладников А.П., Молодин В.И., 1978).

Культурный слой Ачинской стоянки залегал в склоновых отложениях 80–90-метровой возвышенности. Находки встречались на глубине 2,0–2,5 м в желто-сером суглинке, подстилаемом плотной светло-серой глиной и перекрытом серым суглинком. Изделия приурочены к подошве второго сверху маломощного (0,02–0,03 м) маркирующего горизонта с включениями кирпично-красной глины, что позволяет датировать стоянку в рамках 18–19 тыс. лет назад. В связи с этими наблюдениями, предложенный С.М. Цейтлиным геологический возраст в пределах 10,8–10,3 тыс. лет кажется неоправданно омоложенным.

В каменном инвентаре (свыше 1700 экз.) выделяются сильно сработанные мелкие ядрища разных форм, включая радиальные, конические и грубопризматические. Нет торцовых нуклеусов. Орудия: разнообразные скребки, включая изделия высокой формы, выемчатые орудия, мелкие пластинки с притупленным краем или с отретушированными концами, атипичные острия, проколки с небольшими жальцами. Немногочисленны атипичные резцы, долотовидные орудия, скребловидные орудия на гальках. Единичны скребла на отщепах, галечные орудия, пластинки-стамески. На некоторых изделиях прослеживается "ориньякская" ретушь (Аникович М.В., 1976).

В бассейне р. Енисей найдена целая группа стоянок с мелкой пластинчатой индустрией. В горах Западного Саяна исследованы стоянки Нижний Иджир-I, Уй-I (слой 2); в отрогах Батеневского кряжа – Афанасьева гора; в Чулымо-Енисейской котловине – Тарачиха, Новоселово-13 (слои 2–3), Каштанка (слой 1), Приморск (слой 1), Шленка; в западной части Восточного Саяна – Лиственка (слой 19), Кача-2 (Палеолит Енисея, 1991; Хроностратиграфия..., 1990).

Культурные остатки на пункте Нижний Иджир-I залегали в отложениях светло-серого песка в останце 20-метровой террасы на глубине 1,6 м. Сведений о наличии красноцветных горизонтов нет, и возраст находок определяется по дате 17 200 ± 70 (ЛЕ-1984). Среди предметов из камня (195 экз.) выделяется серия очень мелких пластинок без следов дополнительной обработки, ядрище в виде массивного срединного резца (нуклеус "иджирского типа"), концевые скребки на отщепах, небольшое боковое скребло, ретушированная пластинка и мелкая пластинка с притупленной спинкой.

Второй культурный слой стоянки Уй-I встречен на глубине 2,8–3,2 м от поверхности террасы, которая на первом этапе исследований определялась как вторая надпойменная (15 м), а позднее отнесена к третьей (23–25 м). В связи с пересмотром взглядов на геологию памятника удревнен и возраст находок с 13–16 тыс. лет до 23–18 тыс. лет. В разрезе вплоть до галечника залегают серые и желто-серые пески, в толще которых не зафиксированы маркирующие красноцветные горизонты, что позволяет определять время существования культурного слоя в пределах не древнее 16–17 тыс. лет. По образцам угля и кости получены четыре радиоуглеродные даты в рамках 16,7–22,8 тыс. лет назад.

В коллекции каменных изделий (более 5000 экз.) крупные галечные ядрища встречаются вместе с мелкими одно- и двуплощадочными, пирамидальными, дисковидными. Выделяется большая группа мелких торцовых нуклеусов. Орудия: скребки, включая изделия высокой формы, микроскребки, долотовидные орудия, отщепы с ретушью, широкие скребки переходного по размерам характера к скреблам, скребла на случайных заготовках, атипичные острия. Немногочисленны пластинки с ретушью, пластинки с притупленным краем, но без ретуши концов, зубчатые и выемчатые орудия, комбинированные формы. Единичны резцы, галечные орудия. Отсутствуют проколки, округлые скребки высокой формы, остроконечники. В культурном отношении находки связывались с афонтовской культурой, затем со стадией, предшествующей формированию этой культуры.

Геологический возраст второго культурного слоя стоянки Уй-I близок периоду существования находок стоянки Талицкого. В коллекциях каменного инвентаря прослеживается также много общего: сочетание крупных изделий и микроинвентаря, наличие большой группы микроскребков, мелких долотовидных орудий, мелких аморфных скребел и широких скребков, отщепов с ретушью, преобладание орудий на отщепах. Имеется серия мелких торцовых ядрищ, присутствуют пластинки с притупленным краем, но без обработки концов, единичны проколки, галечные орудия, резцы. Можно найти еще ряд общих признаков, но всего вышеперечисленного достаточно, чтобы говорить о своеобразии этих двух комплексов по отношению к другим памятникам средней поры позднего палеолита Сибири.

Культурный слой стоянки Афанасьева гора залегал на глубине 0,85–1,10 м в

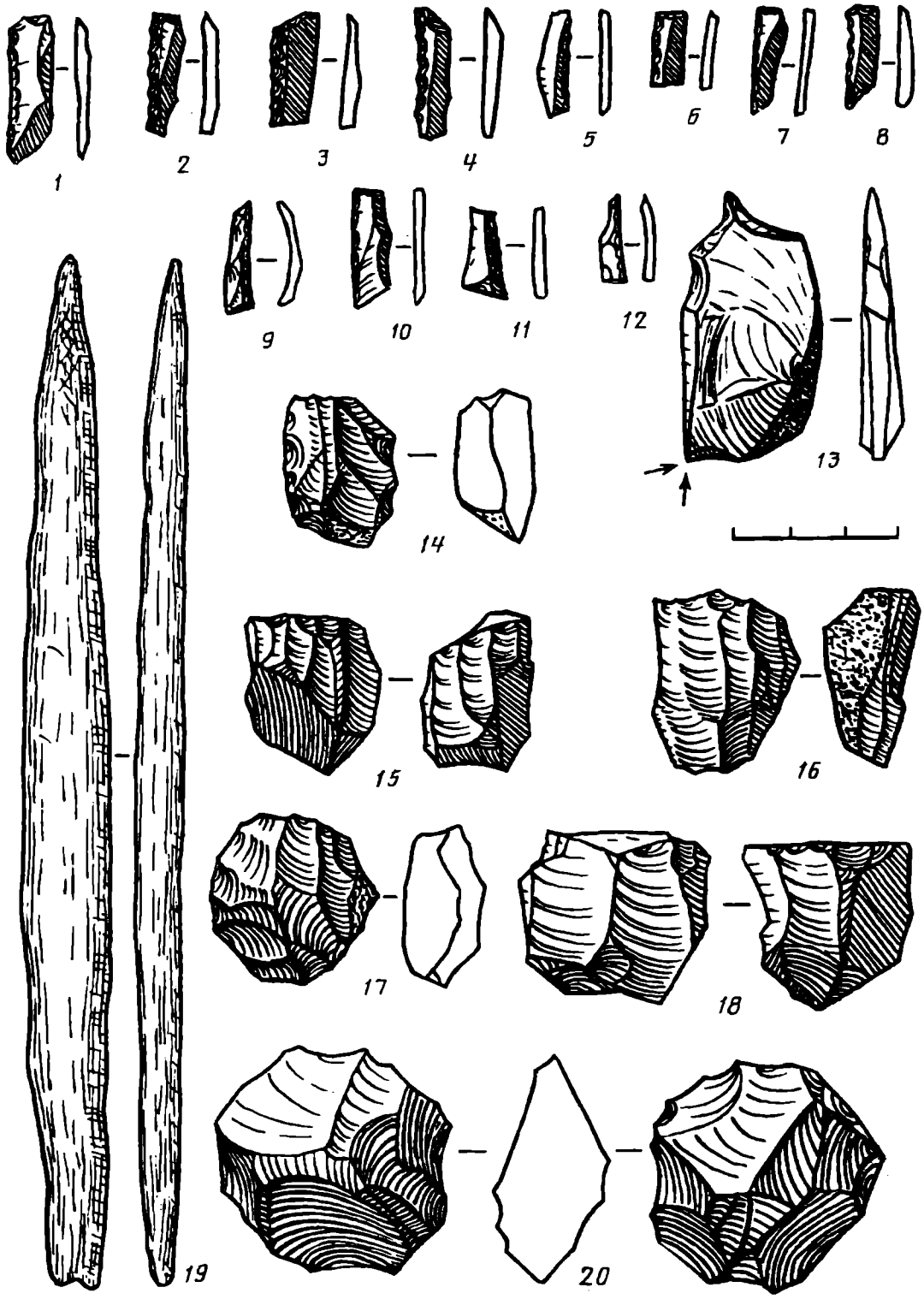


Рис. 1. Инвентарь стоянки Тарачиха (слой 2). *1–12* – пластинки с ретушью; *13* – проколка-резец; *14–18, 20* – нуклеусы; *19* – острие из кости

маломощных отложениях на 40-метровом скальном уступе. В западной части поселения находки встречались в кровле красно-бурой глины, в восточной – чуть выше, под второй сверху красноцветной маркирующей прослойкой в горизонте светло-серого суглинка. По расположению артефактов в разрезе стоянку можно датировать временем 18–19 тыс. лет назад.

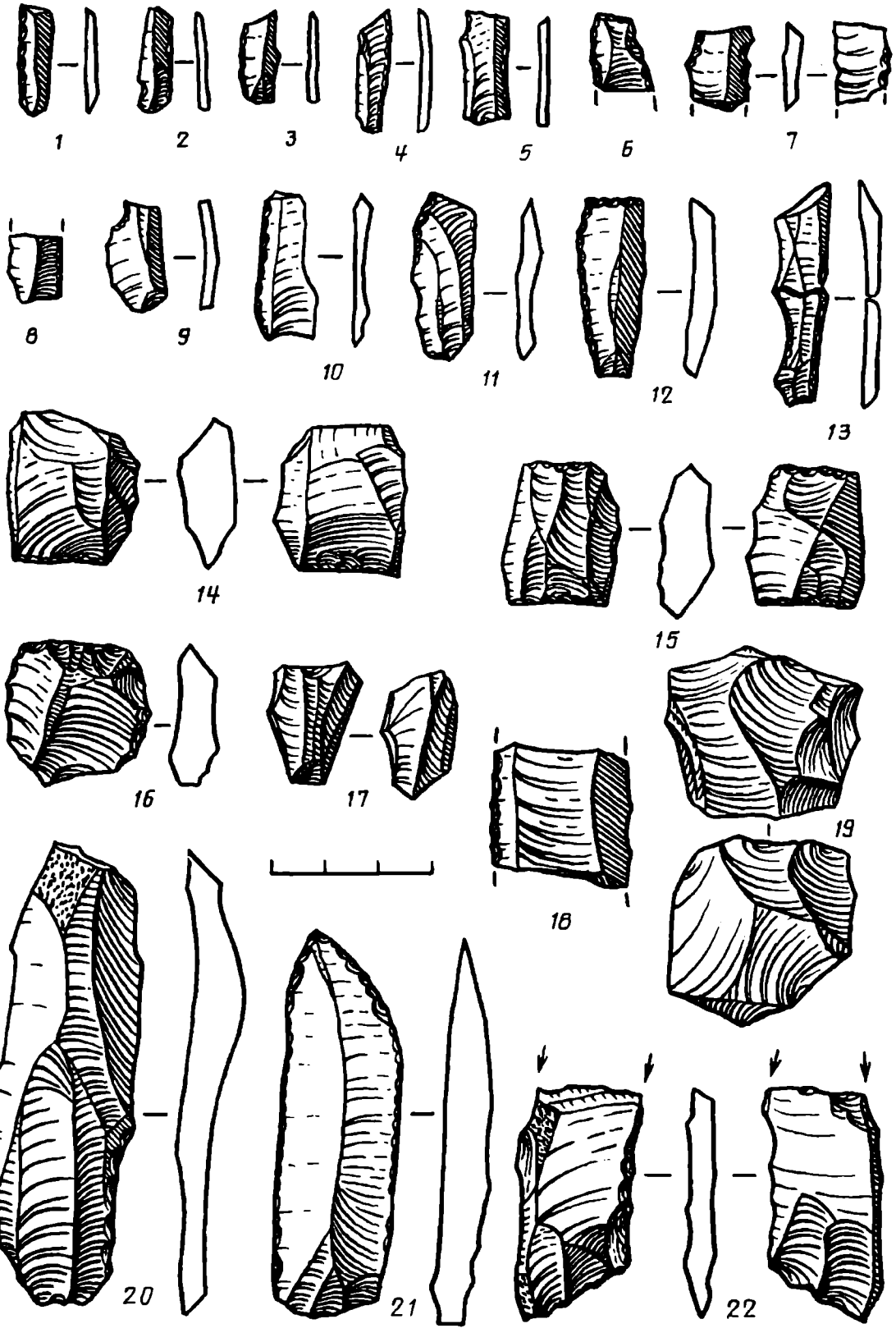


Рис. 2. Инвентарь стоянки Новоселово-13 (слой 2). *1–13, 18, 20* – пластинки с ретушью; *14, 15* – долотовидные орудия; *16* – скребок; *17, 19* – нуклеусы; *21* – острие; *22* – резец

В коллекции каменного инвентаря (2140 экз.) выделяется серия мелких ядрищ в разной стадии расщепления, от одноплощадочных до радиальных, есть нуклеусы "иджирского типа", единична галечка с торцовым сколом. Среди орудий преобладают мелкие пластинки с ретушью, среди которых выделяется большая группа пластинок с притупленным краем и срезанными наискось или под прямым углом концами со следами вторичной обработки. Достаточно много резцов, пластинок с выемками, есть мелкие острия, скребки. Проколка одна – с длинным вытянутым острием. Нет скребел, скребловидных, галечных и долотовидных орудий, скребков высокой формы, остроконечников.

На стоянке Тарачиха находки залегали в покровных отложениях 30–35-метрового террасовидного уступа. В береговом обнажении среди серо-желтых супесей ярко выделяются четыре горизонта красных и малиновых супесей, из которых нижний имеет мощность до 1,5 м. Верхний культурный слой стоянки встречен на глубине 1,7–1,8 м в подошве красноцветного прослоя, датируемого интерстадиалом 15–16 тыс. лет назад. В коллекции предметов из камня (361 экз.) имеются галечные и торцовые клиновидные ядрища, скребла на отщепах, концевые скребки, резцы на пластинах, пластинки средних размеров с ретушью края и одного из концов, галечные орудия, острие и проколка на пластинчатых заготовках.

Нижний культурный слой встречен на глубине 2,5–2,7 м в отложениях светло-серой слоистой супеси между второй и третьей маркирующими прослойками ярко-оранжевого цвета. По стратиграфии находки датируются в диапазоне от 18 до 20 тыс. лет. Этому заключению соответствуют радиоуглеродные определения: 19 850 ± 180 (ЛЕ-3821) и 18 930 ± 320 (ЛЕ-3824).

В коллекции каменного инвентаря второго культурного слоя (свыше 5000 экз.) есть небольшие одно-, двух- и трехплощадочные, кубовидные и подпризматические нуклеусы. Торцовые формы немногочисленны, единичны предметы с радиальными сколами. Орудия: скребки разной формы, пластинки с ретушью, мелкие пластинки с притупленным краем и ретушированными концами, резцы. Немногочисленны атипичные скребла, галечные орудия, пластинки с выемками. Единичны мелкие острия, проколки с небольшим шипом. Нет долотовидных орудий (рис. 1).

На стоянке Новоселово-13, расположенной по прямой от Тарачихи на расстоянии 1,5 км, в покровных отложениях 30–35-метрового уступа выявлено три культурных слоя. Первый культурный слой с материалами кокоревской культуры найден на глубине 1,0–1,1 м в светло-серой пылевидной супеси, расположенной выше на 0,5 м верхней красноцветной прослойки. Дата по костям северного оленя – 13 630 ± 200 (ЛЕ-4805).

Второй культурный слой залегал на глубине 1,50–1,52 м в прослойке красной супеси, относящейся к интерстадиалу 15–16 тыс. лет назад. В хронологическом и, вероятно, культурном плане он одновременен верхнему культурному горизонту стоянки Тарачиха. Среди предметов из камня (более 1900 экз.) есть крупные галечные торцовые ядрища (нуклеусы "кокоревского типа"), мелкие нуклеусы в разной стадии расщепления, единичные торцовые мелкие ядрища.

Орудия: пластинки с ретушью, пластинки с притупленным краем и ретушью на концах, пластинки с выемками, скребки. Немногочисленны резцы, долотовидные орудия, единичны острия, скребловидные орудия. Отсутствуют скребла, проколки, скребки высокой формы, галечные орудия, остроконечники (рис. 2).

Третий культурный слой стоянки Новоселово-13 залегал на глубине 1,85–2,0 м в условиях, аналогичных положению нижнего культурного горизонта стоянки Тарачиха. В связи с этим дата в 22 000 ± 700 (ЛЕ-3739), полученная по углю из кострища для первого пункта, кажется несколько удревненной.

Среди каменного инвентаря (384 экз.) нет крупных ядрищ. Найдены небольшие многоплощадочные изделия с негативами снятий мелких пластинок, есть две плоские галечки с торцовыми сколами. Орудия: пластинки с ретушью, пластинки с выемками, резцы на пластинчатых заготовках, скребки на отщепах, в том числе и высокой формы. Собраны мелкие пластинки без ретуши, но со следами использования (рис. 3).

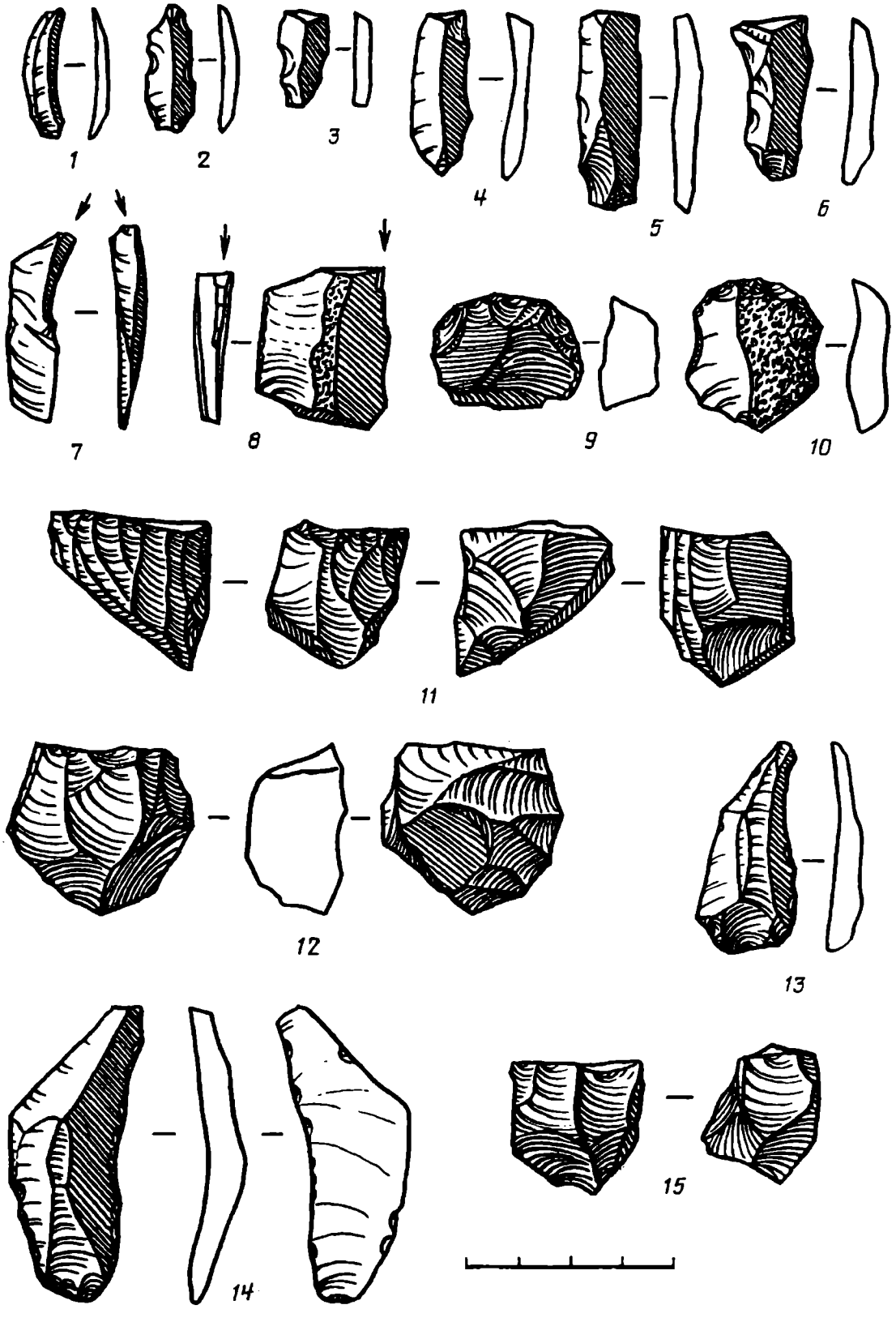


Рис. 3. Инвентарь стоянки Новоселово-13 (слой 3). *1–6, 13, 14* – пластинки; *7, 8* – резцы; *9, 10* – скребки; *11, 12, 15* – нуклеусы

Верхний культурный слой стоянки Каштанка-I располагался на склоне 70–80-метровой террасы на глубине 10,0–10,5 м в кровле четвертого сверху красноцветного маркирующего горизонта, датированного по углю 20 800 ± 600 (ГИН-6968), 21800 ± 200 (ИГАН-1049). Следует заметить, что толща отложений на этом участке очень велика по сравнению с разрезами в других районах Среднего Енисея и сопоставима только с напластованиями на Афонтовой горе в г. Красноярске.

Каменный инвентарь из раскопа (свыше 4600 экз.) включает скребки разной формы на отщепах и пластинах, пластинки с ретушью, мелкие пластинки с обработкой, отщепы с ретушью. Немногочисленны мелкие острия, долотовидные и выемчатые орудия. Единичны скребла, скребки высокой формы, резцы, проколки с укороченным жальцем, галечные и комбинированные орудия. Нет сведений о пластинках с притупленным краем. Нуклеусы: средние и мелкие одно- и двуплощадочные, пирамидальные с широкой площадкой, изделия с радиальными сколами, нет торцовых ядрищ.

На стоянке Шленка, расположенной в понижении 70–80-метрового террасовидного уступа, культурный слой зафиксирован на глубине 2,5 м от поверхности в отложениях, аналогичных залеганию находок в нижних культурных горизонтах Тарачихи, Новоселово-13. Даты по кости: 20 100 ± 100 (ГИН-2863), 19 700 ± 200 (ГИН-2861), 18 600 ± 2000 (ГИН-2862), 17 660 ± 700 (ГИН-2862а).

В каменном инвентаре (свыше 2300 экз.) есть мелкие ядрища разной формы, от одноплощадочных до изделий с радиальными сколами, но отсутствуют торцовые нуклеусы. Орудия: мелкие пластинки с ретушью, в том числе и с притупленной спинкой и ретушью на прямых или скошенных концах, пластинки с выемками, концевые скребки и скребки высокой формы на массивных округлых отщепах. Единичны проколки с вытянутым жальцем, боковые резцы на пластинках, скребловидные и галечные орудия. Отсутствуют скребла, долотовидные орудия, острия, остроконечники.

Верхний культурный горизонт стоянки Приморск (пункт 2), расположенной от Шленки на расстоянии 1 км, залегал на глубине 3,2–3,4 м в аналогичных условиях. Среди подъемных сборов из камня (2115 экз.) имеются мелкие ядрища разных форм вплоть до многоплощадочных, но нет изделий с радиальными снятиями. К торцовым нуклеусам можно отнести плоскую галечку со следами расщепления на узкой грани. Орудия: мелкие пластинки с ретушью, в том числе и с ретушированным концом, концевые скребки на пластинках и скребки высокой формы на массивных отщепах, галечные орудия. Единичны проколки, резцы, острия, мелкие скребла, скребловидные орудия. Отсутствуют долотовидные орудия, пластинки с выемками (рис. 4).

В культурном горизонте 19 стоянки Лиственка, исследованном в отложениях фрагмента 40-метровой террасы на глубине более 7,0 м от поверхности в слое сероцветных щебнистых песков, собраны мелкие и средние по размерам одноплощадочные ядрища, мелкие острия, пластинки с ретушью и притупленным концом, пластинки с выемками, резцы. Материал пока не опубликован, поэтому нельзя сказать, есть ли там скребла, долотовидные орудия, скребки, остроконечники, мелкие торцовые ядрища.

В разрезе Лиственки красноцветные отложения отсутствуют, но, вероятно, положение находок нижнего слоя по времени близко формированию комплексов стоянок Тарачиха (слой 1), Новоселово-13 (слой 2). По геоморфологическим наблюдениям отложения с культурными остатками горизонта 19 формировались в более теплое и влажное время, чем вышележащая толща, что позволяет датировать артефакты временем интерстадиала 15–16 тыс. лет назад. Этому выводу не противоречит и радиоуглеродная дата 16 300 ± 600 (ГИН-6093).

В черте г. Красноярска одновременной указанным выше находкам является коллекция стоянки Кача-2, собранная в отложениях 16-метровой террасы на глубине 3,5 м. Изделия залегали в горизонте светло-коричневого суглинка, перекрытого "лёссовидной супесью и подстилаемого мощным слоем красно-бурого суглинка. Каменный инвентарь: мелкие пластинки, концевой скребок, отходы производства.

Новые данные позволяют подойти вплотную к решению проблемы генезиса наи-

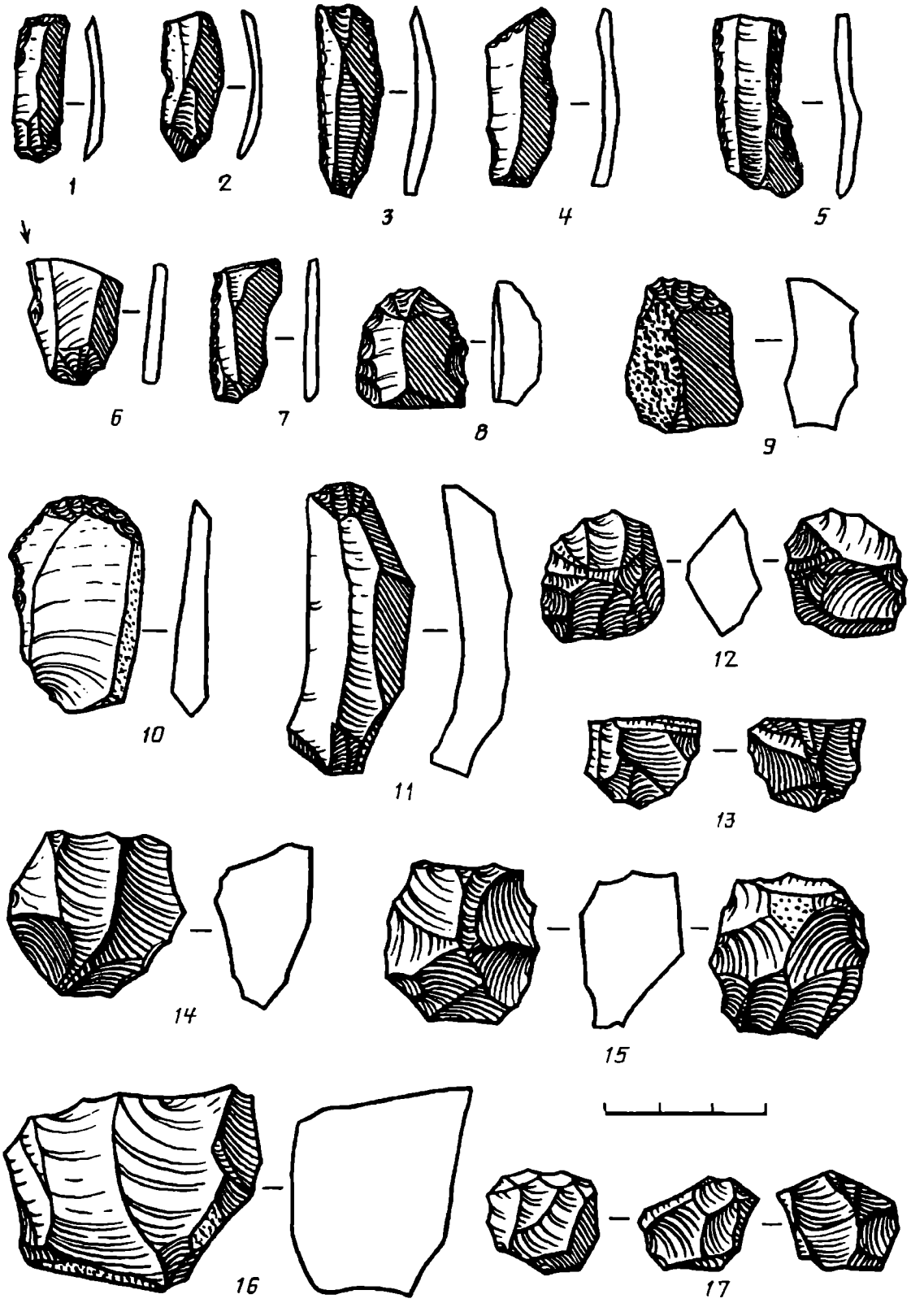


Рис. 4. Инвентарь стоянки Приморск (пункт 2, слой 1). *1–5, 7* – пластинки с ретушью; *6* – резец; *8–11* – скребки; *12–17* – нуклеусы

более известных позднепалеолитических культур Сибири – кокоревской и афонтовской.

Сейчас кажется наиболее вероятным, что первая из них имеет местные корни и формировалась на базе наиболее поздних памятников с мелкой пластинчатой индустрией. Речь идет о инвентаре "переходного облика" типа среднего слоя стоянки Новоселово-13. По сравнению с более ранними комплексами в инвентаре этих поселений прослеживается тенденция к увеличению размеров пластинчатых заготовок для орудий, появляются изделия характерные для кокоревской культуры, включая крупные галечные торцовые ядрища.

Таким образом, возраст этой культуры в бассейне Енисея не старше 16 тыс. лет. Что касается времени появления памятников афонтовского типа, то эта проблема волнует исследователей уже более 100 лет.

К сожалению, основные раскопочные работы группы стоянок на Афонтовой горе проведены более полувека назад и в свете современных требований не дают ответов на многие вопросы палеолитоведения. Значительная часть материалов не опубликована; неясно соотношение подъемных сборов из разных мест и разного времени и стратифицированных находок, количество случайных находок в коллекциях, относимых к числу собранных при раскопках. В связи с тем, что значительная часть склона горы разрушена карьерами, возникают сложности в корреляции стратиграфических разрезов, описание которых к тому же проведено не по отдельным слоям, а по крупным пачкам отложений.

Возраст афонтовской культуры сейчас определяется в рамках 19–20 тыс. лет. В связи с этим интересно отметить, что на стоянке Лиственка верхняя пачка культурных горизонтов (2–6 слои) с инвентарем афонтовского облика накладывалась на среднюю пачку (7–13-й слои) с типично кокоревским составом изделий. Геологический возраст последних, судя по серии радиоуглеродных дат, составляет 13–14 тыс. лет. В нижней пачке культуросодержащих горизонтов (14–18-й слои), по нашему мнению, представлен инвентарь переходного облика от набора изделий стоянок с мелкой пластинчатой индустрией (слой 19) к кокоревским коллекциям. Здесь найдены пластинки со следами обработки, мелкие пластинки с ретушью, резцы, средние по размерам галечные нуклеусы, а в кровле пачки, кроме того, и долотовидные орудия, торцовые микронуклеусы. Среди изделий нет наиболее типичных и многочисленных для афонтовской культуры орудий – скребел, микроскребков, проколок.

Мощность покровных отложений на склонах Афонтовой горы намного больше, чем в разрезах стоянки Лиственка. Толща сартанских лёссов не только скрывает все неровности древнего рельефа в районе г. Красноярска, но и погребает под собой III надпойменную террасу. Для понимания геологического положения культурных остатков стоянок необходимо напомнить, что только подпочвенный горизонт кирпичной глины, выбранный карьерами, достигал на этом участке толщины до 2 м. Ниже по разрезу прослеживались пачки серых или желто-серых лёссов сартанского времени, рассеченных прослойками красноцветных отложений.

Судя по материалам раскопок Н.К. Ауэрбаха на стоянке Афонтова гора-III, наиболее ранние находки обнаружены в разрезах 7–8 ниже второго красноцветного маркирующего горизонта, в слое желтоватой слоистой глины. По аналогии со стратиграфией других енисейских стоянок возраст этой коллекции датируется в диапазоне 18–20 тыс. лет назад. Вероятно, дата 20 900 ± 300 (ГИН-117) указывает на время существования нижнего культурного слоя Афонтовой горы-III, так как образцы угля на анализ брались из отложений, залегавших ниже двух горизонтов коричневых супесей (Ауэрбах Н.К., 1930; Цейтлин С.М., 1979).

В коллекции имеются скребок высокой формы, концевой скребок-острие, небольшое скребло, пластинка с ретушью и два крупных торцовых ядрища. Принадлежность этих изделий к афонтовской культуре исключена, так как все аналогии прослеживаются в материалах стоянок типа Тарачиха.

Средний культурный горизонт стоянки Афонтова гора-III всеми исследователями

связывается по стратиграфии с нижним основным культурным слоем поселения Афонтова гора-II. В связи с этим следует подчеркнуть, что в разрезе первого памятника находки зафиксированы в слое светло-серой лёссовидной супеси или желтого суглинка над первым маркирующим прослоем красноватого суглинка, который по нашей схеме датируется интерстадиалом 15–16 тыс. лет назад. В разрезе второй стоянки прослежены только сероцветные лёссы, пески и суглинки. Единственный маркирующий горизонт – прослой коричневой глины мощностью до 0,35 м располагался намного ниже культурных остатков (Громов В.И., 1948).

Таким образом, возраст афонтовской культуры в этом районе определяется в пределах 13–15 тыс. лет назад, а судя по материалам Лиственки – и более поздним временем.

В горах Западного Саяна наиболее ранний инвентарь афонтовского облика найден на Майнинской стоянке. В разрезе нет красноцветных прослоев и серые пески, супеси прослеживаются вплоть до галечника 16–18-метровой террасы. В нижних культурных горизонтах собран немногочисленный инвентарь, характерный для стоянок с мелкой пластинчатой индустрией, а начиная со слоя 6 и выше – изделия афонтовской культуры. Возраст находок следует еще уточнить, так как для слоя 5 получены даты 16 540 ± 170 и 16 176 ± 180 (ЛЕ-2135), а для слоя 4, залегавшем в той же пачке отложений всего на 0,5–0,6 м выше по разрезу, – 12 910 ± 100 и 12 980 ± 130 (ЛЕ-2133) (Васильев С.А., 1991).

Достаточно сложен вопрос с определением возраста стоянки Могочино-1 в Западной Сибири, в материалах которой автор раскопок нашел много общего с изделиями афонтовской культуры. Культурные остатки залегали в отложениях мыса на глубине около 4–5 м от поверхности и на высоте 14 м от уреза воды в желто-серых суглинках и песках. Красноцветные отложения в разрезе отсутствуют, за исключением очень тонкой ожелезненной прослойки темно-коричневого цвета, в которую вцементированы культурные остатки. Дата по кости из раскопа 20 150 ± 240 (СО АН-1513) считается удревненной и коллекция по аналогии с материалами Афонтовской группы стоянок, вероятно, относится ко времени 17–16 тыс. лет назад (Петрин В.Т., 1986).

В Приангарье на стоянке Мальта находки встречались, судя по наблюдениям М.М. Герасимова, на глубине ~1,5 м в слое коричневато-серой супеси с линзами и прослойками малинового суглинка в отложениях 15–16-метровой террасы. Ниже по разрезу фиксировались супеси с прослоями малинового песка и горизонт красной глины или песка, залегавший прямо на галечнике. Из описания геологических разрезов не ясно, относится ли археологический материал к маркирующей прослойке интерстадиала 15–16 тыс. лет назад или к нижележащим красноцветным отложениям. В первом случае для определения возраста находок верна дата 14 750 ± 120 (ГИН-87), во втором – 23 00 ± 500.

В каменном инвентаре Мальты (12 263 экз.) имеются небольшие ядрища призматической, конической и кубовидной формы. Единичны радиальные и торцовые нуклеусы. Орудия: пластинки с обработкой краев и конца, пластинки с притупленной спинкой, небольшие острия, пластинки с выемками, проколки, скребки, в том числе высокой формы. Немногочисленны резцы, скребла, долотовидные, галечные и комбинированные орудия (Герасимов М.М., 1931).

Стоянку Буреть называют двойником Мальты. Находки залегали на склоне 18–20-метровой террасы, пониженной на этом участке до уровня 13–14 м, в слое коричневатого суглинка. Ниже по разрезу прослеживается горизонт красно-бурого суглинка. Имеется радиоуглеродная дата 21 190 ± 100 (СО АН-1680).

Каменный инвентарь (менее 200 экз.), изученный З.А. Абрамовой, полностью идентичен мальтинским изделиям (Абрамова З.А., 1989).

Судя по тому, что в комплексе мальтинско-буретьской культуры только намечается зарождение техники торцового микронуклеуса, ставшего непременной принадлежностью коллекций позднесартанских памятников, можно говорить о раннесартанском возрасте находок на Ангаре.

Культурный горизонт VI стоянки Красный Яр залегал в отложениях 16–20-метровой террасы на глубине 5–6 м в толще слоистых серых и коричневых песков, подстилаемых и перекрытых красноцветными слоистыми песками и супесями. Дата 19 100 ± 100 (ГИН-5330) указывает на возраст, близкий существованию енисейских стоянок с мелкой пластинчатой индустрией. По сравнению с коллекциями последних в материалах Красного Яра имеется целая серия миниатюрных торцовых ядрищ и сколотых с них микропластинок. Среди расщепленного камня (свыше 1000 экз.) есть небольшие галечные нуклеусы, микропластинки с ретушью, резцы, пластинки с ретушированным поперечным концом или с ретушью у заостренного конца. Единичны скребло, нож на крупной пластинке.

Верхние культурные горизонты I–III стоянки расположены на глубине 2,5–2,85 м в песке с розовыми и палево-коричневыми прослоями, перекрытом светло-серой пылевидной супесью. Стратиграфия типична для верхней части покровных толщ южных регионов Сибири, а залегание находок в верхней маркирующей прослойке позволяет датировать весь комплекс интерстадиалом 15–16 тыс. лет назад. Каменный инвентарь (4148 экз.) включает серию небольших торцовых ядрищ, острия, проколки, скребки, долотовидные орудия, пластинки и микропластинки с ретушью, скребла. Единичны резцы, пластинки с выемками, остроконечники, галечные орудия, крупные ядрища. Отсутствуют пластинки с притупленным краем и ретушированным концом, нет сведений о скребках высокой формы. Исследователями отмечается удивительное сходство материалов стоянки Талицкого и верхних культурных горизонтов Красного Яра (Абрамова З.А., 1978; Медведев Г.И., 1966; Щербакова Т.И., 1986). Возможно, что это можно объяснить их единым геологическим возрастом.

В Забайкалье к средней поре позднего палеолита, судя по радиоуглеродным датам, можно отнести часть материалов поселения Варварина Гора – 17 035 ± 400 (СО АН-3053) и стоянку Усть-Менза-2 горизонт 20 – 16 980 ± 150 (ГИН-5465). В Приамурье для стоянок Усть-Ульма-1–3 получена дата 19 360 ± 65 (СО АН-2619). Информация по указанным пунктам очень незначительна и не дает основания для каких-либо выводов.

Подводя итоги нашего краткого обзора, можно отметить, что мальтинско-буретьская культура сформировалась, вероятно, на базе более ранних индустрий "европейского облика", появившихся в Сибири в раннюю пору позднего палеолита. Инвентарь Мальты и Бурети характеризует заключительную фазу развития "ориньякских" комплексов в этом регионе. Материалы верхнего слоя стоянки Каштанка-1 хронологически одновременны этим ангарским поселениям, но вопрос культурной близости остается открытым.

В промежуток времени 20–17 тыс. лет назад в Северной Азии прослеживается процесс постепенного уменьшения размеров орудий. Процесс микролитизации каменного инвентаря достигает ступени, сходной с "граветтийским эпизодом" Европы. Широкое распространение в инвентаре получают пластинки с притупленным краем, мелкие острия. В это время зарождается техника торцового микронуклеуса.

Распространение своеобразных мелких клиновидных ядрищ по всей территории Северной Азии способствовало появлению новой техники расщепления камня, отличной от европейских. На рубеже средней и поздней поры позднего палеолита Сибири намечается тенденция как к увеличению размеров орудий, так и к изменению их состава. Появляются новые археологические культуры, из которых наиболее известны афонтовская и кокоревская. Инвентарь последней можно считать реликтом "ориньякской эпохи", так как от европейской традиции сохранился только процесс изготовления орудий на пластинчатых заготовках.

Вопрос о том, почему на среднем этапе позднего палеолита, по сравнению с предыдущей и последующей стадиями развития техники расщепления камня, наиболее ярко выражен процесс микролитизации орудийного набора, пока остается открытым. Вряд ли это явление можно объяснить изменениями в смене объектов охоты. Видовой состав животных на протяжении позднего палеолита Сибири остался практически

одним и тем же. Имеется все больше свидетельств, что даже носороги и мамонты, остатки которых в териофауне стоянок привлекались для обоснования древнего возраста находок, могли существовать в Северной Азии, так же как и в Европе, еще 14–13 тыс. лет назад.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамова З.А., 1978. Палеолитическое поселение Красный Яр на Ангаре (верхний комплекс) // Древние культуры Приангарья. Новосибирск.

Абрамова З.А., 1989. Палеолит Северной Азии. Л.

Абрамова З.А., Матющенко В.И., 1973. Новые данные о Томской палеолитической стоянке // Из истории Сибири. Вып. 5. Томск.

Аникович М.В., 1976. Некоторые итоги раскопок Ачинской палеолитической стоянки // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности. Эпоха палеолита. Новосибирск.

Ауэрбах Н.К., 1930. Палеолитическая стоянка Афонтова Гора III // Тр. Об-ва изучения Сибири и ее производительных сил. Вып. 7. Новосибирск.

Васильев С.А., 1991. Поздний палеолит Верхнего Енисея (по итогам раскопок на водохранилище Майнской ГЭС) // СА. № 2.

Герасимов М.М., 1931. Мальта – палеолитическая стоянка. Иркутск.

Громов В.И., 1948. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР (млекопитающие, палеолит) // ТГИ. Сер. геол. Вып. 64.

Липнина Е.А., Медведев Г.И., 1993. Новые данные о Мальтинском палеолитическом местонахождении // Исторический опыт освоения восточных районов России. Владивосток.

Лисицын Н.Ф., 1995. К вопросу о ранней поре позднего палеолита Сибири // РА. № 1.

Медведев Г.И., 1966. Археологическое исследование многослойной палеолитической стоянки Красный Яр на Ангаре в 1964–65 гг. // Отчеты археологических экспедиций за 1963–1965 гг. Иркутск.

Окладников А.П., 1976. Научный отчет о раскопках Шестаковской палеолитической стоянки (Кемеровская обл.) в 1976 г. // Архив ИА РАН. Р-1 № 6172.

Окладников А.П., Молодин В.И., 1978. Археологические исследования палеолитической стоянки Шестаково летом 1978 г. // Архив ИА РАН. Р-1 № 7108.

Палеолит Енисея, 1991. Л.

Петрин В.Т., 1986. Палеолитические памятники Западно-Сибирской равнины. Новосибирск.

Хронострати графия палеолитических памятников Средней Сибири (бассейн р. Енисей), 1990. Новосибирск.

Цейтлин С.М., 1979. Геология палеолита Северной Азии. М.

Цейтлин С.М., 1983. Томская стоянка: (данные новых исследований) // БКИЧП. № 52.

Щербакова Т.И., 1986. Палеолит Южного и Среднего Урала. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.

Щербакова Т.И., 1994. Материалы верхнепалеолитической стоянки Талицкого (Островской). Екатеринбург.

Институт истории
материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург

N.F. LISITSIN

THE MIDDLE LATE PALAEOLITHIC IN SIBERIA

Summary

There were sites in Siberia 22,000–16,000 years ago where the population produced tools very much alike the European ones. Aurignacian technique prevails among the tools from Malta and Buret sites. In the period of 20,000–17,000 years ago this technique was changed by Gravette technique. Tools became smaller, micro tools, small backed blades, small points, and a small number of micro cores appeared. The main sites of this time are Tomskaya, Shestakovo, Atchinskaya, Taratchikha, Afanasjeva Gora, Shlenka, Novoselovo-13, Ui-1, Primorsk, Krasny Jar. 16,000–15,000 years ago the development of the Siberian Palaeolithic began to differ from the European one. The new technique of stone splitting based on the small cores appeared in the Northern Asia. Tools became larger, their types changed. New archaeological cultures appeared. The most famouse are Afontovskaya, Kokorevskaya, Duktaiskaya.

А.Л. НЕЧИТАЙЛО

ЕВРОПЕЙСКАЯ СТЕПНАЯ ОБЩНОСТЬ В ЭПОХУ ЭНЕОЛИТА

В первой половине IV тыс. до н.э. степная территория юго-восточной Европы была заселена группами племен, которыми оставлены разные по характеру памятники, с разными вариантами взаимосвязанных культур. В настоящее время археологам известны суворовская, новоданиловская, нижневолжская, предкавказская группы, характеризующие именно степной тип культур и представляющие собой мир скотоводческих племен. Они могут быть включены в особое «единство» степного энеолита прикаспийско-причерноморской зоны (азово-черноморская линия развития), выделенное В.Н. Даниленко и Н.М. Шмаглием (1972, с. 3–20). Это «единство» может быть определено понятием общности, которая одним крылом касается Северо-Восточного Кавказа и Урала, другим – Карпат и Балкан (Nečitajlo A.L., 1994, S. 1–5). Именно на этой обширной территории в первой половине IV тыс. до н.э. на смену существовавшим общностям приходят новые – формирующиеся скотоводческие группы племен. Историческим основанием их вычленения является сложная культурно-хозяйственная дифференциация, наличие условий, когда достаточно полное овладение определенными типами производящего хозяйства позволило освоить степные пространства полностью. Вероятно, в этом кроется объяснение единовременного появления в степях от Терека и Волги до Дуная первых скотоводов, связанных с местными традициями, в широком смысле, а не с единой конкретной группой населения. Эту общность составляли племена разных культур с четко выраженными едиными особенностями в своих степных вариациях. Несомненно, сложение ее осуществлялось в силу таких социально-экономических факторов, как естественно-географические условия (степь) и «влияния» сопредельных земледельческо-скотоводческих культур (ранних этапов трипольской, гумельницкой, мариупольской, кавказского энеолита). Начало степных культур, их особенности, традиции, идеология уходят своими корнями именно в этот временной пласт.

В.Н. Даниленко и Н.М. Шмаглий связывали единство памятников Архара – Суворово – Касимча с «особым типом скотоводческой культуры восточного происхождения», а именно с продвижением племен с прикаспийско-прикавказских областей, и называли его «степной филиацией майкопской культуры». В настоящее время, когда возникла необходимость дифференцированной характеристики совокупности племен на изучаемой территории, проблема «единства» требует новых определений. Вероятно, под ним следует понимать сложное формирование в виде совокупности названных выше групп, с одной стороны, отличающихся некоторыми своими традициями, с другой – объединенное общими признаками, как бы единство разнообразий. Возникла особая общность подвижных скотоводов (животноводов) Евразийских степей (включая степи Добруджи и Подунавья). Она состояла из отдельных племенных групп с единым видом хозяйственной деятельности, основой которой было специализированное животноводство (козоводство, овцеводство, разведение крупного рогатого скота, коневодство), в единой ландшафтно-географической зоне – степи, т.е. с одинаковыми предпосылками производства, и с единой идеологией. Последнее выражено индивидуальным типом захоронения (в отличие от коллективных неолитических могильников) – появлением небольших курганных насыпей или использованием естественных возвышенностей, воспринимаемых как курган. Для их инвентаря характерны крупные кремневые

© А.Л. Нечитайло, 1996 г.

или обсидиановые ножи (которые не свойственны ни предшествующим, ни последующим культурам); обилие балкано-карпатских металлических вещей (спиралевидные браслеты, бляхи с пунсоном, ракушкообразные подвески) большей частью в западной зоне расселения общности, а также особые круглые или с отсеченным сегментом перламутровые изделия по всей зоне степи. Как свидетельство социальной стратификации отметим погребения патриархальных вождей со скипетрами или булавами.

Основное различие входящих в общность групп состоит в наличии своей специфической посуды, по форме и технологии присущей местным для каждой группы керамическим традициям, в изготовлении орудий труда, скипетров, украшений из местных пород камня, кремня, обсидиана (не считая импорта), а также в различных направлениях движения этих групп, в связях их с разными культурно-историческими общностями того времени.

Мною выделен конкретный комплекс признаков, который тесно связывает названные группы, так как репродуцируется в каждой из них. Устойчивыми элементами погребений являются: подкурганная могила неправильно-прямоугольной формы, костяк на спине с согнутыми ногами (колени вверх), *восточная ориентация*, обилие охры и специфический инвентарь – *кремневая ножевидная пластина*. В то же время каждая из этих культурных групп имеет свои особенности, что определялось характером внутреннего развития, типом окружения, экологией. В какой-то степени на эти особенности уже обращалось внимание в предшествовавших публикациях. Вместе с тем важным представляется указать на признаки, имеющие существенное значение для каждой из групп. Это намечающееся различие происхождения, выделение из разных этнических общностей, т.е. отличающаяся подоснова. Во всех случаях формирование происходило на местном субстрате, о чем свидетельствует керамика – она совпадает с территорией, где самостоятельно возникали культурные варианты, соответствующие новым этническим образованиям, осваивавшим степные просторы Восточной Европы. Наряду с этим необходимо подчеркнуть, что их объединяли такие черты, как родственная психология, сходные элементы верований, т.е. близкие религиозные представления и ритуалы.

Поскольку эти группы являются очень важным источником наших построений (причем пока еще воедино не собранным и количественно не полным), считаем возможным кратко остановиться на их характеристике, пытаясь показать общие и отличительные стороны каждой из групп.

Особое место занимает *суворовская* группа, памятники которой выявлены в Днестро-Дунайском междуречье и Добрудже (территория юго-западной Украины, Молдовы, Румынии) и известны также в Венгрии и Югославии. Некоторые исследователи не отделяют ее от новоданиловской (Телегин Д.Я., 1991, с. 60, 61), а В.А. Дергачев (1989, с. 44), связывая данные памятники с восточными степными и лесостепными культурами энеолита, интерпретирует их как периферийное образование хвалынско-среднестоговской общности. Последний тезис в настоящее время должен быть уточнен, так как не все исследователи признают образование названной общности, допуская только сосуществование раннесреднестоговских и хвалынских памятников, и справедливо считая их различными как в генетическом, так и в культурном плане (Телегин Д.Я., 1991).

Нам представляется более точным мнение В.Г. Петренко (1989, с. 18–20), который, характеризуя группу Суворово, отмечает ее близость по ряду показателей к новоданиловской, а также хронологическое соответствие последней. И.Л. Алексеева (1992, с. 132), детально рассмотревшая памятники суворовской группы, также сравнивает их с новоданиловскими. Этому не противоречат наблюдения Е.В. Ярового (1985), который для ранних подкурганных комплексов рассматриваемой территории предлагает использовать более широкое определение, а именно «юго-западная группа степных энеолитических погребений». Вероятно, со временем при накоплении большего количества материала оно и будет употребляться.

Характеризуя в целом юго-западный регион древнейших скотоводческих племен,

Е.В. Яровой (1985, с. 115, 116) справедливо считает, «что по признакам материальной и духовной культуры у него гораздо больше сходства, чем различий, со всем восточноевропейским массивом "первых скотоводов"». Вместе с тем он отмечает, что никаких широких и разрушительных вторжений, как предполагали М. Гимбутас (Gimbutas M., 1977, p. 277) и ее коллеги, в то время в юго-западный регион не было, а незначительное количество таких погребений, как Суворово и Кайнары, показывает, что «освоение территорий в энеолите носило эпизодический и ограниченный характер». Их и не могло быть много, потому что население бескрайних степей во все времена было малочисленным, что объясняется как формой хозяйства (подвижное скотоводство), так и экологией. В данном случае, имея только материальные остатки быта, приходится ориентироваться на них, и в первую очередь на керамику.

Необходимо подчеркнуть, что керамика рассматриваемой группы имеет специфический характер. Она свойственна только этому району. Здесь обнаружены два сосуда, один из которых относится к керамике Триполья BI (Кайнары) и хорошо известен по публикациям (Мовша Т.Г., Чеботаренко Г.Ф., 1969, с. 45–49). Другой – из погребения Копчак в Молдове – представляет собой глиняную плошку, близкую найденной в слое второго гумельницкого теля Голямо Делчево в Болгарии, время культуры Сава, фаза Варна (Бейлекчи В.С., 1990, с. 39–49). Это очень показательный момент, когда в погребениях одной группы найдены сосуды двух различных земледельческих культур (трипольской и гумельницкой).

Кроме того, важно наличие в памятниках Суворово орудий труда – ножевидных пластин и скребков из добружского кремня и скипетров в виде головки лошади из камня (известняк, мрамор) месторождений Добруджи (Петренко В.Г., 1989, с. 18–20). В.Г. Петренко включает в группу Суворово и поселение Мирное (верхний слой), керамика и индустрия которого, по его мнению, аналогичны инвентарю погребальных комплексов. Это весьма конкретные и яркие свидетельства местной основы данной группы, испытывающей влияния окружающего мира и занимающей в нем свое положение. Происхождение суворовских памятников представляется сложным. Его нельзя увязывать с одной группой населения. Здесь отчетливо прослеживается смешение, привнесение разных элементов. Возможно, картина прояснится после детальной публикации материалов из Джурджулешт (раскопки В. Хахеу).

Новоданиловская группа на Украине фиксируется на территории Нижнего Поднепровья и степного левобережья. В процессе ее многолетнего изучения она имела разные названия, в частности как тип Чапли (Касимча) – Петро-Свистуново (Добровольский А.В., 1954, с. 106–108; Збенович В.Г., 1973, с. 72–75; Мовша Т.Г., 1993, с. 37). И наконец, Д.Я. Телегин (Археология УССР, 1985, с. 311) вычленяет могильники новоданиловского типа из числа среднестоговских и дает им конкретную характеристику. Отметим, что ряд авторов включал в новоданиловскую группу и памятники Суворово, но с накоплением материала большинство исследователей Северного Причерноморья (И.Л. Алексеева, В.А. Дергачев, В.Г. Петренко, Е.В. Яровой) признают самостоятельное существование суворовской группы.

Относительно происхождения новоданиловской группы выдвигались разные точки зрения. В.Н. Даниленко (1974, с. 38) считал появление скорченных погребений Мариупольского и Чаплинского могильников результатом изменения комплексов азово-днепровской (мариупольской) культуры вследствие кавказских воздействий или инфильтрации населения Предкавказья. Необходимо отметить, что связь новоданиловских памятников с предшествующими достаточно устойчива. Еще Н. Макаренко (1933, с. 30) писал о связи материалов скорченных погребений 21 и 24 с основными погребениями Мариупольского могильника. Позднее к этому мнению присоединяются В.Н. Даниленко и Д.Я. Телегин. Это подтверждается антропологическими данными (Потехина И.Д., 1992, с. 16). Мнение О.Г. Шапошниковой о связи новоданиловских материалов с предкавказскими культурами тоже имеет под собой основания. Н.Я. Мерперт (1987, с. 92, 93) считает, что памятники данного типа отражают не только южные, кавказские влияния, но и юго-западные воздействия, которые про-

явились прежде всего в металлических изделиях, повторяющих гумельницкие и тисаполгарские формы.

Итак, новоданиловская группа дает целую серию памятников и представляет определенное явление. К ней относятся как могильники (Яма, Чапли, Петро-Свистуново, Новоданиловка и др.), так и отдельные подкурганные захоронения, а именно курган 1/2 в г. Луганске; курган 1 у с. Ольховатка близ Енакиево (Археология УССР, 1985, с. 313; Писларий И.А. и др., 1976, с. 21–28); курган 1, погребения 4 и 11 у с. Огородное Первомайского района Донецкой обл. (Посредников В.А., Зарайская Н.П., 1993, с. 94–96, 102–105); курган 8; погребение 7 у с. Кут и погребение у с. Нижний Рогачик (Березовец Д.Т., 1951, с. 12, 69); погребение 169 у с. Благовещенка Каменско-Днепровского р-на Запорожской обл. (Оленковський М.П., Пустовалов С.Ж., 1993, с. 53, 54, рис. 19, *6*, *8*); погребения 1–4 в г. Кривой Рог (Рассамакин Ю.Я., Будников О.Б., 1993, с. 128–139). Имеются и памятники синкретического характера, такие как Александровский могильник (Братченко С.Н., Константинеску Л.Ф., 1987, с. 17–30).

В целом новоданиловская группа характеризуется восточной или северо-восточной ориентировкой погребенных, положенных на спине с согнутыми ногами (коленями вверх), обилием охры в могильных ямах. Инвентарь, как правило, составляют кремневые ножевидные пластины, реже кремневые топоры, наконечники копий и дротиков, а также многочисленные украшения из створок речных раковин, пластинок из расколотых клыков кабана, медных браслетов и подвесок в виде «черепашки», пронизей и пр. Вместе с тем наблюдаются и специфические особенности, в частности, использование камня при сооружении могил, что не отмечено в других группах, и ряд иных нюансов.

Что же касается Александровского могильника близ Луганска, то большинство раскопанных в нем погребений (29) размещалось на естественных холмах в неглубоких ямах неправильной прямоугольной формы. Захоронения совершены на спине, скорченно, ориентация восточная, охра встречалась в виде порошка и комков. Из инвентаря наиболее характерны кремневые пластины, в том числе крупные, ножевидные. Найдены кремневое копье и дротик, а также костяная «застежка» в виде стержня с боковым выступом и отверстием в нем; из украшений – крупные и мелкие перламутровые круглые бусины из створок раковин, костяные пронизи, медный браслет типа нальчикских каменных, подвески в виде «черепашки» и др. Исследователи Александровского могильника относят его к кругу памятников новоданиловского типа и предполагают возможность широких контактов населения Донеччины с северокавказскими племенами.

В настоящее время хронологические рамки группы определяются прежде всего по наличию в Новоданиловке импортного закубанского сосуда, полностью соответствующего третьему типу высокогорлых сосудов поселения Свободное времени конца Триполья А–ВІ (Нечитайло А.Л., 1994, с. 34–36), т.е. наблюдается полная синхронность данной группы с описанной выше суворовской.

Нижневолжская группа, или древнейшие подкурганные захоронения степного Заволжья, охарактеризованы И.И. Дремовым и А.И. Юдиным (Дремов И.И., Юдин А.И., 1990, с. 33–39; 1992, с. 18–31). В последнее время эти авторы называют их ямно-бережновскими захоронениями. Особенностью группы является ее керамика, которая по форме, орнаменту и тесту близка керамике Хвалынского и Хлопковского могильников, а также энеолитического поселения Кумыска. О том же свидетельствуют и другие категории инвентаря. На этом основании авторы датируют указанную группу 3700–3300 гг. до н.э. и делают вывод не только о хронологической, но и о культурной связи ее с хвалынскими памятниками, относимыми некоторыми исследователями к началу IV тыс. до н.э. (Пестрикова В.И., 1987, с. 15; Агапов С.А. и др., с. 160). Таким образом, корни этой группы находятся в более древних местных культурах.

В *предкавказскую* группу (с рядом локальных проявлений) объединены памятники, расположенные в основном в степных и предгорно-плоскостных районах Северного

Кавказа от Дона до Терека, включая в нее соответствующие погребения из целого ряда пунктов юго-восточного Приазовья, степного Прикубанья и Прикумья, калмыцких степей, терской зоны.

Материалы восьми энеолитических погребений Центрального Предкавказья и моздокских степей собраны и интерпретированы С.Н. Кореневским и А.О. Наглером (Кореневский С.Н., Наглер А.О., 1987, с. 74–86). Эта работа представляется очень важной, так как послужила началом детального анализа погребений такого рода. В связи с этим нет необходимости подробно их описывать. Надо подчеркнуть, что при всем разнообразии в устройстве этих погребений выделенный нами выше комплекс признаков устойчиво повторяется. Исследователи отмечают близость некоторых форм их инвентаря вещам Триполья BI, указывают на возможность влияния, с одной стороны, Балкано-Карпатских культур, с другой – хвалынско-среднестоговской общности, существование которой, как уже выше отмечалось, пока не доказано. Д.Я. Телегин считает их разными культурами и утверждает, что хвалынская складывалась на основе местных воложских памятников, а в генезисе среднестоговской главную роль играли сурские памятники с влиянием днепро-донецкой культуры. Как бы там ни было, не отрицая указанных влияний, правомернее было бы, на наш взгляд, сопоставить центральнокавказские энеолитические погребения с новоданиловскими, которые по ряду признаков связаны с ними и были выделены уже Д.Я. Телегиным в самостоятельную культурную группу.

В настоящее время, по доступным нам материалам, насчитывается свыше 50 погребений данного типа. Более точно определить их количество не представляется возможным, так как большая часть из них не опубликована или суммарно отнесена к разным типам энеолитических образований.

Для всей предкавказской группы памятников отмечаются свои специфические черты, выражающиеся в наличии кавказских орудий и керамики. Важным в ее характеристике является выделение особой зоны (юго-восточное Приазовье), где прослеживаются самые ранние подкурганные захоронения, в которых отмечается сочетание признаков, с одной стороны, типично степных (мариупольские пластины), с другой – комплекс подкурганного погребения с вещами кавказского круга. Примером могут служить материалы из раскопок у ст. Старонижнестеблиевской, где исследован курган, давший пять таких погребений, правда, с некоторым отклонением в ориентации (Шаталин Ю.А., 1984, с. 25). Судя по отчетным данным (Шаталин Ю.А., 1982), эти древнейшие погребения (№ 13, 14, 28, 29, 31) на плане составляют довольно компактную группу под южной полой насыпи и, вероятно, в древности над ними была небольшая насыпь или насыпи, которые затем слились по мере разрастания и досыпок кургана. Планиграфия кургана позволяет увидеть последовательность его роста, связанную с разновременными и разнокультурными группами погребений. Это подтверждается и общей стратиграфической колонкой насыпи. Возвращаясь к памятникам с перечисленными признаками из ст. Старонижнестеблиевской, отметим, что, помимо кремневых пластин, в четырех из них обнаружены украшения мариупольско-новоданиловского типа, а именно перламутровые, кольцевидные и костяные шаровидные (и не только) бусы, подвески из клыков оленя, как в Нальчикском могильнике, гагатовые бусины, а также, что весьма показательно, пластины мариупольско-новоданиловского типа трех видов, изготовленные из клыка кабана. Известно, что подобные единичные находки встречены в энеолитических могильниках Северного Кавказа. Поэтому серия погребений, исследованных в юго-восточном Приазовье и открытых именно в зоне контактов населения степной Украины и Кавказа, может рассматриваться как одно из существенных и ранних звеньев в системе взаимоотношений обеих сторон. Именно здесь, на грани двух регионов, создавались условия прямых контактов и смешения населения.

Это подтверждают и материалы Нижнего Подонья, а именно часть погребений, выделенных В.Я. Кияшко (1974, с. 11, 12) в первую энеолитическую группу, и памятники, открытые в последнее время в Ростовской обл. К ним относятся несколько одно-

типных погребений из курганного могильника Кастырский VIII, восточнее г. Константиновска, исследованных В.Г. Житниковым в 1987 г. Это также материалы из доследованного в 1988 г. А.К. Гамаюновым в с. Каменка близ Ростова энеолитического погребения в разрушенном кургане, засыпанного охрой, с крупными кремневыми ножевидными пластинами и другими каменными орудиями.

В степном Прикубанье зафиксированы подобные захоронения у станицы Батуринской Брюховецкого района – курган 3, погребения 14, 18, 20 (Шарафутдинова Э.С., 1983, с. 18, 19, рис. 1, *1*, *16*, *31*) и курган 10/5 у ст. Ново-Титоровской Динского района Краснодарского края (раскопки А.А. Нехаева). Последнее содержало кроме значительного количества кремневых орудий серпентинитовое клиновидное тело и дуговидную пластину из клыка кабана. А.А. Нехаев (1992, с. 82, 83) считает, что это одно из ранних подкурганных захоронений, синхронных поселению Свободное. Сочетание в его материалах, с одной стороны, кавказских изделий (тесло), с другой – типично степных украшений (пластинка) свидетельствует о разносторонних влияниях.

Погребенные в кургане у ст. Батуринской лежали головой на восток, скорченно на спине, густо засыпанные охрой. В каждом захоронении найдена кремневая ножевидная пластина, в одном – фрагмент рассыпавшейся «обоймочки» (скорлупки?). Эти погребения В.А. Трифонов (1991, с. 95–104) относит к типу 5 энеолитической группы степного Прикубанья, включая в нее и погребения типов 6 и 7 по его схеме, правда условно, так как не зафиксировано их взаимное стратиграфическое соотношение.

В Центральном Предкавказье памятники с указанными признаками сконцентрированы на Ставрополье в Александровском районе у хут. Веселая Роща (В. Роща II – 15/1, 18/2, 18/3; В. Роща III – 2/3, 2/5, 3/3, 22/3, 24/3) (Романовская М.А., 1982, с. 174; Державин В.Л., 1989, с. 12, 136, рис. 7, рис. 16, *3–6*, рис. 17, *1–3*). Весьма показательным в этой серии является комплекс погребения 1 из кургана 15 (Веселая Роща II). В нем кроме кремневой пластины имелась костяная пластинка из клыка кабана, четыре медных подвески-скорлупки, а также глиняный сосудик, по форме и технологии близкий посуде западнокавказских энеолитических погребений. Четыре подвески из балканской меди, обнаруженные в могиле близ упомянутой пластинки, вероятно, крепились с помощью центральных отверстий и составляли шумящую пектораль, как, например, это зафиксировано в энеолитическом погребении из Джурджулешт в Молдове (Haheu V., Kurciatov S., 1993, S. 114, Pl. 8, *1*).

В Предгорном р-не Ставропольского края у станицы Суворовской мною было исследовано одно погребение (1/4) (Нечитайло А.Л.,1979, с. 5, рис. 3, *1*, *2*). Оно являлось основным в кургане. В грунтовой могиле с деревянным перекрытием скелет человека лежал на спине, головой на восток (череп трепанирован), ноги согнуты в коленях, руки вытянуты вдоль туловища. В правой руке находилась ножевидная пластина из дымчатого прозрачного кремня. Костяк и дно могилы обильно засыпаны охрой (Нечитайло А.Л., 1972, с. 83–86).

Согласно антропологической характеристике, данной И.Д. Потехиной, череп этого погребенного принадлежит к гиперморфному долихокранному, исключительно широколицему краниологическому варианту протоевропеоидов. Наиболее близкими к нему по строению являются черепа из могильников мариупольского типа, а также из энеолитических погребений новоданиловской группы в г. Луганске и Мариуполе (Ковалева И.Ф., Потехина И.Д., 1991, с. 65, 66). Это пока единственный случай, но как показатель близости указанных групп может быть использован.

К предкавказской группе мною отнесены погребения, исследованные в курганах близ ст. Кардоникской. Здесь в долине, у истоков р. Малый Зеленчук, раскопано несколько курганов с энеолитическими могилами в грунтовых ямах, где костяки, лежавшие скорченно, обильно засыпаны красной краской, среди находок мелкие (бисерные) бусы и орудия из обсидиана и кремня (Биджиев Х.Х., Койчуев А.Д., 1992, с. 7).

Наиболее многочисленной в предкавказской зоне является группа таких погребений из бассейна Терека и его притоков, как в степной, так и в предгорно-плоскостной местности, а именно: в Кабардино-Балкарии два подкурганных погребения; 23 у се-

ления Кызбурун III (Мизиев И.М., 1984, с. 106) и 11 у сел. Верхний Акбаш (Крупнов Е.И., 1950, с. 210); в Северной Осетии – у с. Комарово в курганах 2/18, 7/9, 7/18 (Гиджрати Н.И., 1986, с. 17, 18); у с. Сунжа – 4/11 (Козаев П.К., 1992, с. 28, 29), у ст. Павлодольской (доследования Э. Черджиева, 1991 г.) погребение под курганом с обилием охры, кремневой пластинкой и сосудом. По данным А.О. Наглера и В.А. Ростунова, такие захоронения, но разрушенные, отмечены в кургане 4 у с. Троицкое и ряде других. Раскопаны они и у ст. Галюгаевской Курского р-на Ставропольского края.

Наиболее показательным из этой серии является погребение 2/18 из Комарово, ориентированное строго на восток, засыпанное охрой и содержавшее помимо кремневой кожевидной пластины два кремневых скребка на пластинах, прекрасно отшлифованное каменное клиновидное тесло (такого же типа, как на поселениях Свободное, Ясенова Поляна, «Замок»), кирпично-красный лощеный сосудик со слегка отогнутым наружу венчиком и узким дном. По верхнему краю сосуда нанесены косые вдавления, под горлом – шишечки («жемчужины»). Очень близкие фрагменты керамики (по профилировке венчика, орнаменту, обработке поверхности) найдены на поселении «Замок» под Кисловодском (Рунич А.П., 1967, с. 229). Кроме того, отсюда же происходят костяной стержень и фрагмент костяного изделия (возможно, «застежка»). Как видим, в погребении сочетаются как степной обряд, так и элементы материальной культуры с наличием типично кавказских находок (тесло, сосуд), что очень важно, поскольку указывает на тесную связь степных племен с кавказским земледельческим населением.

В эту же группу включаем и основные погребения из курганов г. Грозного (Милорадович О.В., 1956, с. 132) и у хут. Новый Аргишти – Бамут (Мунчаев Р.М., 1961, с. 139, 140) в Чечне. В Погребении из Бамута, засыпанном охрой, найдены кремневая ножевидная пластина и несколько сотен штук пастового бисера. Разрушенное погребение в Грозном, помимо кремневой пластины, содержало круглую мергелевую подвеску, которую автор публикации справедливо сопоставляла с подобной подвеской из Мариупольского могильника.

Перечисленные памятники Терской зоны обладают своими особенностями, причем они ярко сочетают в себе степные и кавказские компоненты. Это терское объединение может рассматриваться как локальное в системе большой предкавказской группы энеолитических погребений (Нечитайло А.Л., 1991, с. 86–89).

Памятники, входящие в предкавказскую группу, открыты и на территории Калмыкии. Это захоронение в кургане 27/1 Архаринского могильника с каменным конеголовым скипетром (Синицын И.В., Эрдниев У.Э., 1966, с. 93, 94). Такой же скипетр с кремневыми пластинами и орудиями новоданиловского типа обнаружены в погребении 1/3 у Джангр (Сафронов В.А., 1989, с. 196, рис. 52, 20–22). Фиксация распространения подобных находок от Прикаспия до Адриатики позволила В.Н. Даниленко наметить пути движения древнейших скотоводов и указать на их связь между собой.

Еще раз подчеркнем, что сосуды, обнаруженные в предкавказской группе, имеют типично кавказский облик, как, например, керамика из Веселой Рощи и Комарово. Близость этой энеолитической подкурганной посуды керамическим традициям таких поселений, как Свободное и Мешоко в Адыгее, «Замок» у Кисловодска, уже отмечалась в литературе (Кореневский С.Н., Наглер А.О., 1987, с. 77), а по нашим наблюдениям подобные сосуды также близки одному из типов керамики с поселения Мысхако под Новороссийском. Необходимо отметить, что сосуд из Сунжи (4/11) напоминает керамику из энеолитического слоя Унакозовской пещеры (Ловпаче Н.Г., 1992, с. 18, 19). Таким образом, генетические корни этой группы уходят в местный энеолитический пласт и в ее керамике прослеживается развитие предшествовавшего культурного компонента. По наличию в группе датирующих предметов она синхронизируется с концом Триполья А – периодом Триполья BI.

Итак, подводя итог проведенному здесь сопоставлению, необходимо отметить, что каждая из четырех выше названных групп обладает своими специфическими чертами,

определенными локальными особенностями. Это объясняется факторами как внутреннего, так и внешнего порядка, и прежде всего территориальной удаленностью их друг от друга, разными экологическими нишами. Вместе с тем, хотя эти группы не идентичны, они близки в своей основе. Последнее возможно при общем характере условий жизни (степные пространства), единых стартовых условиях экономики (подвижное скотоводство), возможности одновременного формирования, а также общей идеологической направленности и родственности психологических черт (духовного мира).

Одним из ярких свидетельств общности быта и социальной организации скотоводов являются находки в степных погребениях скипетров и костяных застежек («протопсалиев», по В.Н. Даниленко). В настоящее время скипетры известны в ряде памятников, распространение которых вызывает особый интерес. Они отмечены на Волге: Куйбышев, Хвалынск, Даниловка и Хлопковский мог. Саратовской обл. (2 экз.), хут. Шляховский Волгоградской обл. В Прикаспии: подкурганные погребения, Джангр и Архара в Калмыкии; Терекли-Мектеб в Дагестане; на Тереке – Владикавказ; в бассейне Кубани – Ясенова Поляна, Майкоп; на Дону – Ростов, Константиновка. Далее – в Северном Причерноморье (находки из Мариупольского музея, по В.Н. Даниленко); на Днепре – Игрень, Кодачек (по Д.Я. Телегину); Воисковое и Васильевка, по (Е.Н. Якубенко); на Южном Буге (Березовская ГЭС), в низовьях Дуная – Суворово и др., а также Кюлевча, Касимча, вплоть до Адриатики (Даниленко В.М., Шмаглий М.М., 1972, с. 3–20; Даниленко В.Н., 1974, с. 92–106; Gimbutas M., 1977, p. 315, 316, fig. 4, 5; Telegin D.V., 1985, p. 113, 114; Дергачев В.А., Сорокин В.Я., 1986, с. 54–65; Radunseva, 1986; Кияшко В.Я., 1988, с. 141–146; Сафронов В.А., 1989, с. 196, 197; Клепиков В.М., 1994, с. 99, рис. 2, 3).

Хотя перечисленные скипетры входят в состав комплексов разнокультурных памятников, расположенных в разных областях, но находятся все-таки в зоне Северного Причерноморья, т.е. на территории европейских степей или в ближайшем с ними соседстве. Четко просматриваются две области сосредоточения находок. Одна из них – Прикаспийско-Приазовский район, другая – Черноморско-Адриатический. Обе связаны с зонами концентрации земледельческих поселений, что, вероятно, не случайно. В настоящее время объяснить это пока не представляется возможным, однако тяготение степного скотоводческого населения к земледельческим поселениям несомненно. В.П. Шилов отмечает, что связь подвижных племен и оседлых «прослеживается со времени появления производящего хозяйства в Передней Азии, на Аравийском полуострове (Египет, Ливия), в Алжире и других районах» и накладывает на земледельцев свой отпечаток (Шилов В.П., 1992, с. 26, 27). Не являются ли энеолитические скипетры таким своеобразным отпечатком на рассматриваемой территории?

Характерно, что подобная ситуация наблюдается и в распространении костяных «застежек». Они есть на энеолитическом поселении «Замок» (предгорный район Ставропольского края), Свободное (Адыгея); на Украине – Александровский могильник, поселение Березовская ГЭС, Сабатиновка I; в Молдове – Новые Русешты; в Румынии – Хэбэшешть.

Возможно, подобное распространение скипетров свидетельствует о передвижении определенных групп скотоводческих племен. Если это так, то они могли продвигаться по Кубани на Дон или прикаспийскому пути от Дагестана и Урала на Дон и далее на Украину и в Молдову, с одной стороны, и от Дуная и Днестра на Украину и затем на восток – с другой.

Необходимо отметить, что значительная часть скипетров приходитя на Северный Кавказ (Майкоп, Ясенова Поляна, Владикавказ, Терекли-Мектеб, Архара, Джангр), а это с большой долей вероятности позволяет связывать данные предметы с кавказскими традициями в их изготовлении и подтверждает наблюдения В.Н. Даниленко и Н.М. Шмаглия, связывавших возникновение наверший со степными прикаспийско-прикавказскими областями. Может быть, отсюда и была заимствована идея скипетра, распространившаяся вместе с волнами восточных племен, как предполагал В.Н. Даниленко. О прикавказском происхождении скипетров писал в свое время А.А. Иессен.

Поэтому нам представляется недостаточно обоснованным мнение об участии носителей хвалынской культуры в создании схематических наверший, а суворовской – в появлении реалистических, при том что все остальные находки – это результат контактов с указанными культурами (Дергачев В.А., Сорокин В.Я., 1986, с. 61–63). Мнение о западном происхождении скипетров (в кукутенско-гуммельницких районах и проникновение их отсюда в районы Поволжья и Кавказа (Сафронов В.А., 1989, с. 196, 197) противоречит приведенным выше конкретным данным.

Конечно, распространение скипетров и застежек можно связывать не только с процессом обмена, но и с передвижением определенных, различных групп, имеющих общие культурные традиции (в данном случае – наличие комплекса этих предметов). Нам представляется, что процессы передвижения племен в первой половине IV тыс. до н.э. были более сложными и разнонаправленными, и не ограничивались только какой-то одной ориентацией. Это и отразилось в материальной культуре.

Примером проникновения вещей из весьма отдаленных районов являются находки круглых бляшек из меди с отверстием у края, найденные на Северном Кавказе (ст. Тульская, курган 11; В. Акбаш, курган, погребение 11). Такого же типа бляшки, с парными отверстиями с противоположных сторон, выполненные в золоте, происходят из Варненского некрополя в Болгарии, на что исследователи уже обращали внимание (Кореневский С.Н., Наглер А.О., 1987, с. 75). Кроме того, находки в Александровском могильнике на Донеччине медных подвесок в виде «черепашки» с отверстием (Братченко С.Н., Константинеску Л.Ф., 1987, с. 27) и таких, как в могильнике Чапли на Днепре (Добровольский А.В., 1954, с. 108, рис. 2, *9*) или в энеолитическом погребении на Южном Буге – Ковалевка V, курган 1/4 (Ковпаненко Г.Т. и др., 1978, с. 110, 111, рис. 62, *11–13*), а также медных «скорлупок» в Веселой Роще на Ставрополье – курган 15/1 (Романовская М.А., 1982, с. 174, рис. 2) тоже, вероятно, своим происхождением связаны с балканским миром. Скорее всего близость их опосредованная, поскольку эти вещи имеют свои специфические особенности как на Украине, так и в Предкавказье. Украшения из меди балканского происхождения фиксирует на поселении Свободное А.А. Нехаев (1992, с. 79). Среди украшений упомянутого Александровского могильника имеется почти круглая, слегка выпуклая бляха с пунсонным орнаментом по краю, похожая на бляшку Карбунского клада и на золотые, окаймленные пунсоном бляшки Варненского некрополя (The First..., 1982, p. 101, fig. 350). В этом плане показателен инвентарь упомянутого погребения новоданиловского типа из раскопок А.Б. Будникова в г. Кривой Рог. Здесь, помимо золотой трубочки, как в Варненском некрополе, найдены медный браслет, многовитковые подвески, бусы, а также обломки медных четырехгранных стержней – слитков (возможно, заготовки металла). Можно привести и иные примеры, позволяющие утверждать, что именно племена степных культур были распространителями, с одной стороны, западных, с другой – юго-восточных, кавказских влияний, и что эти встречные движения как бы сфокусировались на соединяющей их территории в Азово-Черноморской зоне.

Наши построения находят подтверждение в выступлении Н.В. Рындиной во время дискуссии по моему докладу на первом полевом семинаре в Тальянках (Нечитайло А.Л., 1990, с. 174–177). Исследовательница считает, что общими для севернопричерноморской зоны в период конца Триполья А–BI были спиралевидные браслеты, бляхи с пунсоном, ракушкообразные подвески («черепашки»). Анализ показал, что они изготовлены из балканского металла, который шел в основном с севера Югославии (Рудна Глава), достигая Кавказа и Волги. Это направление «движения» металла Н.В. Рындина объясняет не столько экономическими соображениями энеолитических племен, сколько результатом этнокультурных связей. В последнее время Н.В. Рындина (1993, с. 26) установила, что основная часть изделий в новоданиловской коллекции «связана с продукцией местных мастеров, работающих на привозном металле фракийско-нижнедунайского и среднедунайского регионов», а также что в металлообработке причерноморского (новоданиловского) очага сочетаются гумельницко-варненские, трипольские и местные приемы и традиции.

Эти данные очень важны, так как документируют не только распространение балканского металла и его местную обработку в причерноморских степях, но и тесную связь скотоводческих племен, возможность общения их друг с другом и соседями-земледельцами на гигантских просторах. Однотипность ряда металлических украшений от Дуная до Волги фиксирует не только моду на эти изделия, но подтверждает синхронные взаимодействия рассмотренных групп в аналогичных условиях общественного развития. Соприкасаясь с центрами дунайско-балканской металлургии, степные племена Северо-Западного Причерноморья не только овладевали традициями западных мастеров, но и далеко разносили продукты их деятельности, навыки металлообработки, примером чему служит новоданиловский очаг.

Именно с подвижными скотоводческими племенами, как отмечает Н.Я. Мерперт (1988, с. 27) «связана динамика процесса и территориальный его размах, а также определенная "контактная непрерывность" внутри новой системы культурных общностей». Новая европейская общность степных племен, сформировавшаяся в первой половине IV тыс. до н.э. и представлявшая собой устойчивое единство, при всем разнообразии (приведенные выше группы – культуры) явилась одной из составных частей «энеолитического культурного массива» Европейского континента и способствовала «поворотному моменту» в его древней истории, что уже подчеркивал В.Н. Даниленко. Именно ее представители, можно полагать, впервые освоили скотоводческий тип хозяйства разных вариантов, предопределивших развитие экономики европейских степей на несколько тысяч лет. У них также впервые появился курган как погребальный памятник, символизирующий связь с космическим миром, в чем выразилось единство их воззрений. Этот исконно степной феномен просуществовал до средневековья. А погребение лица высшего ранга с зооморфным, чаще конеголовым скипетром (Архара, Джангр, Суворово, Касимча, Кюлевча) как бы указывает на единую социальную структуру, иерархию степных энеолитических обществ, нашедшую выражение в таком символе власти.

До настоящего времени, как справедливо заметил А. Косько (Koško A., 1985, p. 56–72), причерноморская степная культура или азово-черноморская линия степного энеолита, в отличие от лесостепной среднестоговской, вызывала активную таксономическую полемику, а памятники Петро-Свистуново – Касимча или новоданиловские рассматривались как индикатор направленности миграций с востока. Предлагая в числе других свою модель развития «до-ямной» общности в степях, концептуально связанную с построениями Н.Я. Мерперта и В.Н. Даниленко, считаем, однако, что такие синхронные памятники, как Суворово – Кайнары – Касимча – Кюлевча, оставленные населением единой степной метакультурной общности, маркируют не одни лишь пути миграций с востока, а свидетельствуют о сосуществовании их с Архарой и Джангаром. Однородность черт материальной и духовной культуры, хозяйства, способа существования позволяет утверждать скорее надэтническое сходство групп – культур (суворовской, новоданиловской, нижневолжской, предкавказской) в определенном пространственно-временном континууме. Сопряженность и тесная связь их друг с другом (территориальная, экономическая, культурно-социальная) свидетельствуют об их целостности, понимаемой как культурно-историческая общность. Исходя из ее ареала, предлагаем именовать характеризуемую общность европейской. Она возникла в то время, когда процесс консолидации племен на основе комплексного хозяйства с преобладанием подвижного скотоводства способствовал появлению новых единых черт в идеологии ее представителей, когда степь служила организующим пространством, способствовавшим связям по всей ее евразийской полосе.

Эта общность хронологически занимает промежуточное положение. Она, с одной стороны, как бы замыкает собой явления, связанные с существованием племен мариупольской области, с другой – стоит у истоков ямной культурно-исторической общности. Формирование последней Н.Я. Мерперт объясняет результатом взаимодействия различных культур и племенных групп. Более 30 лет назад исследователь прозорливо написал: «Большую роль в этом процессе сыграло определенное культурное

единство, наметившееся на этой территории еще в "до-ямную" эпоху начиная с мезолита. Это единство определило близкие пути развития культур, а возможно, и этническую близость создавших их племенных групп» (Мерперт Н.Я., 1961, с. 170, 171). В настоящее время трудно говорить о едином этносе, составляющем европейскую общность, как вообще о стабильности границ в ту эпоху. Скорее всего здесь проявляется тенденция к становлению близких по духу и образу жизни единиц – групп, предопределивших создание глобальной общности.

Настоящая статья не претендует на решение проблемы, речь идет лишь о постановке вопроса в концептуальном порядке. Европейская общность рассматривается как подвижная незавершенная система, открытость которой для многосторонних влияний явилась своеобразным первотолчком дальнейшего развития, послужила источником его энергии. В этом русле движущей силой оказались энеолитические племена скотоводов, преодолевшие в своем миграционном прорыве целину степи и зону межэтнического разобщения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И., 1990. Хвалынский энеолитический могильник. Саратов.

Алексеева И.Л., 1992. Курганы эпохи палеометалла в Северо-Западном Причерноморье. Киев.

Археология УССР, 1985. Киев.

Бейлекчи В.С., 1990. Раскопки кургана 3 у с. Копчак // Археологические исследования в Молдавии в 1985 г. Кишинев.

Березовец Д.Т., 1951. Отчет о раскопках курганного могильника в с. Кут Апостоловского района Днепропетровской обл. // Архив ИА НАНУ. 1951/3а.

Биджиев Х.Х., Койчуев А.Д., 1992. Методические рекомендации к спецсеминару «Краеведение на уроках истории». Карачаевск.

Братченко С.Н., Константинеску Л.Ф., 1987. Александровский энеолитический могильник // Древнейшие скотоводы степей юга Украины. Киев.

Гиджрати Н.И., 1986. Новые данные о каменном веке в Северной Осетии // Новые материалы по археологии Центрального Кавказа. Орджоникидзе.

Даниленко В.Н., 1974. Энеолит Украины. Киев.

Даниленко В.М., Шмаглий М.М., 1972. Про один поворотний момент в історії енелітичного населення Південної європи // Археологія. № 6.

Дергачев В.А., 1989. Молдавия и соседние территории в эпоху энеолита – бронзы. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Л.

Дергачев В.А., Сорокин В.Я., 1986. О зооморфном скипетре из Молдавии и проникновении степных энеолитических племен в Карпато-Дунайские земли // Изв. АН Молд. ССР. Кишинев.

Державин В.Л., 1989. Погребение эпохи бронзы из курганов у хут. Веселая Роща // Древности Ставрополья. М.

Добровольский А.В., 1954. Могильник в с. Чаплі // Археологія. Вип. IX.

Дремов И.И., Юдин А.И., 1990. Древнейшие подкурганные захоронения степного Заволжья // Проблемы Древней истории Северного Прикаспия. Куйбышев.

Дремов И.И., Юдин А.И., 1992. Древнейшие подкурганные захоронения степного Заволжья // СА. № 4.

Збенович В.Г., 1973. Енеоліт північно-Західного Причорномор'я // МАУ.

Киященко В.Я., 1974. Нижнее Подонье в эпоху энеолита и ранней бронзы. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Киященко В.Я., 1988. Энеолитические скипетры из Ростовского областного музея краеведения // Изв. Рост. музея краеведения. № 5. Ростов н/Д.

Клепиков В.М., 1994. Погребение позднеэнеолитического времени у хутора Шляховский в Нижнем Поволжье // СА. № 3.

Ковалева И.Ф., Потехина И.Д., 1991. Новые энеолитические постмариупольские погребения Приорелья // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск.

Ковпаненко Г.Т., Бунятян Е.П., Гаврилюк Н.А., 1978. Раскопки курганов у с. Ковалевка // Курганы на Южном Буге. Киев.

Козаев П.К., 1992. Новые данные к характеристике Восточной группы памятников майкопской культурно-исторической общности // XVII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Майкоп.

Кореневский С.Н., Наглер А.О., 1987. Некоторые вопросы изучения энеолита Центрального Предкавказья и Моздокских степей // Проблемы интерпретации археологических источников. Орджоникидзе.

Крупнов Е.И., 1950. Археологические исследования в Кабарде в 1948 г. // Ученые записки. Т. 5. Нальчик.

Ловпаче Н.Г., 1992. Унакозовские пещеры – памятник протомайкопской культуры // XVII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Майкоп.

Макаренко М.Е., 1933. Маріупільский могильник. Киев.

Мерперт Н.Я., 1961. Энеолит степной полосы европейской части СССР // L'Europe á la fin de l'age de la pierre. Praha.

Мерперт Н.Я., 1987. Циркумпонтийская зона в раннем бронзовом веке: вопросы культурных контактов // Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии. Тбилиси.

Мерперт Н.Я., 1988. Об этнокультурной ситуации IV–III тысячелетий до н.э. в циркумпонтийской зоне // Древний Восток. Этнокультурные связи. М.

Мизиев И.М., 1984. Два кургана у селений Кишпек и Кызбурун III // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик.

Милорадович О.В., 1956. Новые археологические находки в Грозненской области // КСИИМК. Вып. 64.

Мовша Т.Г., 1993. Взаємовідносини степових і землеробських культур в епоху енеоліту – ранньго бронзового віку // Археологія. № 3.

Мовша Т.Г., Чеботаренко Г.Ф., 1969. Энеолитическое курганное погребение у ст. Кайнары в Молдавии // КСИА. Вып. 115.

Мунчаев Р.М., 1961. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа // МИА. № 100.

Нехаев А.А., 1992. Домайкопская культура Северного Кавказа // Археологические вести. № 1. С.-Пб.

Нечитайло А.Л., 1972. Найдавніше поховання з трепанованим черепом на Ставрополлі // Археологія. № 6.

Нечитайло А.Л., 1979. Суворовский курганный могильник. Киев.

Нечитайло А.Л., 1990. Об определенном культурно-историческом единстве степных энеолитических племен – южных соседей Триполья // Раннеземледельческие поселения – гиганты трипольской культуры на территории Украины. Киев.

Нечитайло А.Л., 1991. Ранние подкурганные захоронения в характеристике связей племен Северной Осетии в эпоху энеолита // I Междунар. научн. конф. «Осетиноведение: история и современность». Владикавказ.

Нечитайло А.Л., 1994. Импорты в корректировке археологического соотношения памятников энеолита – ранней бронзы Украины и юга Восточной Европы // Проблемы хронологии культур энеолита – бронзового века Украины и юга восточной Европы. Днепропетровск.

Оленковський М.П., Пустовалов С.Ж., 1993. Пам'ятники енеоліту та ранньої бронзи. Археологічна карта Нижньо-дніпровського регіону. Херсон.

Пестрикова В.И., 1987. Хвалынский энеолитический могильник как исторический источник. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Петренко В.Г., 1989. Памятники энеолита и поворот эпохи к бронзовому веку // История и археология Нижнего Подунавья. Рени.

Писларий И.А., Кротова А.А., Клочко Т.Н., 1976. Погребение эпохи энеолита в Ворошиловграде // Энеолит и бронзовый век Украины. Киев.

Посредников В.А., Зарайская Н.П., 1993. Материалы курганов у с. Огородное (Северное Приазовье) // Донецкий археологический сборник. Донецк.

Потехина И.Д., 1992. Население Украины в эпохи неолита и раннего энеолита по антропологическим данным (конец V – начало III тыс. до н.э.). Автореф. дис. ... канд. ист наук. Киев.

Рассамакин Ю.Я., Будников О.Б., 1993. Проблеми раннього степевого енеоліту у світлі вивчення нових пам'яток // Археологія. № 3.

Романовская М.А., 1982. Об одном погребении эпохи ранней бронзы // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев.

Рунич А.П., 1967. Энеолитическое поселение близ Кисловодска // СА. № 1.

Рындина Н.В., 1993. Древнейшее металлообрабатывающее производство юго-восточной Европы (истоки и развитие в неолите – энеолите). Автореф. дис. ... док. ист. наук. М.

Сафронов В.А., 1989. Индоевропейские прародины. Горький.

Синицын И.В., Эрдниев У.Э., 1966. Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР // Труды. КНИИЯЛИ. Вып. 2. Элиста.

Телегин Д.Я., 1991. Еще раз о выделении памятников новоданиловского типа эпохи меди // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н.э. – V в. н.э. Киев.

Трифонов В.А., 1991. Степное Прикубанье в эпоху энеолита – средней бронзы (периодизация) // Древние культуры Прикубанья. Л.

Шарафутдинова Э.С., 1983. Новые материалы по эпохе энеолита и бронзы в степном Прикубанье // КСИА. Вып. 176.

Шаталин Ю.А., 1982. Отчет о раскопках курганов на землях колхоза им. Калинина Красноармейского района в 1982 г. // Архив ИА РАН. Дело Р-1/9511.

Шаталин Ю.А., 1984. Курган у ст. Старонижнестеблиевской, раскопанный в 1982 г. // Матер. по научно-практ. семинару археологов. Краснодар.

Шилов В.П., 1992. К проблеме взаимодействия первобытных земледельско-скотоводческих племен Евразии // Северная Евразия от древности до средневековья. С.-Пб.

Яровой Е.В., 1985. Древнейшие скотоводческие племена юго-запада СССР. Кишинев.

Gimbutas Makija, 1977. The First Wave of Eurasian Steppe Pastoralists into Copper Age Europe // Indo-European Studies. Vol. 5. № 4. Ninter.

Haheu V., Kurciatov S., 1993. Cimitirul plan eneolitic de lingâ satul Giurgiuleşti // Revista Arheologicâ. № 1.

Koško A., 1985. Influences of the «Pre-Yamnaya» («Pre-Pitgrave») Communities from Black Sea Steppe Area in Western Auropean Culteres // L'énéolithique et le début de l'âge du bronze dans certaines régions de L'Ęurope. Krakow.

Nečitajlo A.L., 1994. Die metakulturele Gemeinschaft der nordpontisch-nordkaspischen Zone // Z. für Archäologie. № 28. Berlin.

Radunseva, 1986. Zoomorher Zepter aus Kjalevca Bezink // Studia Prechistorika. № 8.

The First Civilization in Europe and the Old'est Gold in the World, Catalogia, 1982. Varna.

Telegin D.V., 1985. Dereivka. A Settlement and Cemetery of Copper Age Horse Keepers on the Middie Dnieper // BAR internat. Ser. 287. Oxford.

Институт археологии
Национальной академии наук
Украины, Киев

A.L. NETCHITAILO

THE EUROPEAN STEPPES COMMUNITY IN THE ENEOLITHIC

Summary

The author makes the first detailed analysis of the "community" that consisted of large cattle-breeding tribal groups. These groups, from the Northern Pontic area, had flamboyant cultural traditions. The typical features of the funeral rite (position of skeletons, orientation, burial goods) testify to the existence of a definite community that included different groups. They are Suvorovskaya in the region between the Dnestr and Danube rivers, Novodanilovskaya in the Low Dnieper and Azov sea region, a group in the Pre-Caucasus region with a number of local sub-groups, and one in the Low Volga river region. The author discusses the characteristics of the community which is called the European community. It occupied a wide belt of steppes from the Balkans and Carpathians to the Urals and Caucasus. The author also raises the issue of how the cultures included in this system were formed. The community existed in the middle of the 4th millennium B.C.

М.А. ИЗОТОВА

КЕРАМИКА ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

Эпоха поздней – финальной бронзы на территории Нижнего Поволжья представлена материалами срубной и хвалынской культур, к проблеме взаимоотношения которых неоднократно обращались исследователи (Кривцова-Гракова О.А., 1955, с. 38; Агапов С.А. и др., 1983, с. 28; Малов Н.М., 1987, с. 159, 160 и др.). Однако и по сей день эта проблема далека от своего окончательного решения.

Основная цель и задача настоящей работы – провести сравнительный анализ керамики эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья, выяснить степень, а также характер сходства и различия срубного и хвалынского комплексов, специфику каждого из них и попытаться на этой основе проследить динамику развития керамического комплекса эпохи поздней бронзы этого региона.

Накопленная база данных и имеющиеся разработки по срубной поселенческой, как правобережной (Сергеева О.В., 1991, с. 39–45), так и степной заволжской (Лопатин В.А., 1987, с. 128–136), погребальной правобережной (Кочерженко О.В. и др., 1993, с. 86–109; 1994, с. 74–96) и хвалынской поселенческой (Изотова М.А. и др., 1993, с. 110–136; Изотова М.А., Слонов В.Н., 1994, с. 97–109) керамике позволяют приступить к решению поставленных задач.

В общей сложности были привлечены материалы 5 заволжских (1375 сосудов), 6 правобережных (688 сосудов) срубных[1], 8 хвалынских (250 сосудов) поселений и 22 погребальных правобережных памятников (250 сосудов)[2].

Сравнение керамики проводилось по следующим показателям: форме, общей степени орнаментированности комплекса, месту размещения (зоны), сюжетам, элементам, кратности, усложнению и композиции орнамента. Методика обработки керамики, как по форме, так и по орнаменту неоднократно приводилась в публикациях (Кочерженко О.В. и др., 1993, с. 86–109; 1994, с. 74–96; Изотова М.А. и др., 1993, с. 110–136; Изотова М.А., Слонов В.Н., 1994, с. 97–109).

Следует отметить, что керамика левобережных срубных поселений обрабатывалась по несколько отличной методике, что не позволило в ряде случаев привлекать ее для сравнения (например, местоположение, кратность, усложнения, композиции орнамента). В тех случаях, где получен значимый результат, помимо суммарных данных приводится деление хвалынского материала по двум хронологическим этапам.

Основой срубного керамического комплекса Нижнего Поволжья является баночная форма (табл. 1).

Округлобокие сосуды, составляющие на срубных поселениях правобережья от 20,0 до 42,0% (Сергеева О.В., 1991, с. 40), редки и маловыразительны для степного Заволжья – около 15,0%[3] (Лопатин В.А., 1987, с. 130) и погребений правого берега – 17,2% (Кочерженко О.В. и др., 1993, с. 96–98).

---

[1] На поселениях Новая Покровка I и Сады срубные и хвалынские материалы расчленялись как стратиграфически, так и планиграфически, что позволило использовать их для характеристики обеих культур.

[2] Выражаю искреннюю признательность Н.М.Малову, И.И. Дремову, В.Г. Миронову за возможность использовать неопубликованный материал.

[3] Средний показатель 26,7% (см. табл. 1) получен за счет поселения Осинов Гай, где данная форма составляет 41,3% (Лопатин В.А., 1987, с. 130).

© М.А. Изотова, 1996 г.

Таблица 1

Основные формы в комплексах эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья (в %)

Комплексы	Форма посуды			
	банки	округлобокие сосуды с выделенным венчиком	остроребериые сосуды	колоколовидные сосуды
Хвалынский поселенческий ранний (срубно-хвалынский)	46,9	40,8	12,3	–
Хвалынский поселенческий поздний (кайбельско-танавский)	9,9	70,4	19,7	–
Хвалынский поселенческий в целом	36,4	49,2	14,4	–
Срубный правобережный поселенческий	48,4	32,7	4,9	12,9
Срубный правобережный погребальный	52,7	17,2	25,6	–
Срубный левобережный поселенческий	62,5	26,7	10,8	0,07

Остроребериые сосуды, напротив, характерны в основном для погребальных комплексов (25,6%) (Кочерженко О.В. и др., 1993, с. 98), на поселениях же, особенно правого берега, они встречаются редко.

Колоколовидные сосуды, представленные небольшой, но достаточно выразительной серией на срубных правобережных поселениях, очень редки для степного Заволжья и отсутствуют в погребальных памятниках правого берега Волги.

Хвалынские комплексы отличаются от срубных в первую очередь удельным весом первых трех групп керамики и полным отсутствием четвертой. Наиболее четко эти отличия – сокращение баночных, увеличение остроребериых и особенно округлобоких сосудов – фиксируются на позднехвалынских поселениях. Срубно-хвалынские памятники по процентному соотношению основных типов в целом близки срубным правобережным поселениям, хотя и обладают некоторыми особенностями: менее разнообразны баночные сосуды; чаще встречаются остроребериые, ребро которых становится сглаженным и приходится на верхнюю треть сосуда, в то время как «классические» срубные остроребериые очень редки; хвалынские сосуды имеют более вертикальные пропорции; чаще встречаются овальные и приостренные венчики, а также венчики, не имеющие аналогов на срубной посуде (Изотова М.А. и др., 1993, с. 112).

Таким образом, удельные вес, а также наличие или отсутствие тех или иных вариантов основных типов посуды в комплексах эпохи бронзы фиксируют как хронологические и культурные, так и ритуальные различия между ними.

Общая степень орнаментированности посуды на правобережных срубных поселениях (49,6%) в целом ниже, чем на хвалынских (63,8%). Однако это в первую очередь касается позднехвалынских памятников (90,6%), в то время как ранние хвалынские по этому показателю от срубных практически не отличаются (54,7%).

Интересно отметить, что изменение степени орнаментированности комплексов в основном за счет роста этого показателя в группах округлобоких сосудов с выделенным венчиком и остроребериых. Банки на срубно-хвалынском этапе хвалынской

Таблица 2

Степень орнаментированности зон сосудов в комплексах эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья (в %)

Зоны	Комплексы		
	хвалынский поселенческий	срубный правобережный поселенческий	срубный правобережный погребальный
X	4,9	15,8	3,8
I	10,4	8,9	12,3
II	15,9	11,8	24,0
III	80,4	70,7	91,6
IV	13,5	10,3	36,4
V	1,8	7,9	18,2
Сюжет, занимающий несколько зон	14,7	24,4	3,9

культуры орнаментировались так же, как и срубные, на позднехвалынских же памятниках этот тип керамики практически сходит на нет.

Следовательно, увеличение степени орнаментированности керамики на поселениях хвалынской культуры связано в первую очередь с хронологическими изменениями. Однако удельный вес орнаментированности комплексов эпохи поздней бронзы отражает также ритуальные различия – погребальная срубная керамика, для которой более характерны признаки парадности, орнаментировалась чаще (61,6%), чем поселенческая.

Основной орнаментируемой зоной как на срубной, так и на хвалынской керамике является плечо (табл. 2, рис. 1; 2). Совпадает также нагруженность плеча орнаментом – как правило, на эту зону наносился один бордюр. Удельный вес сосудов, на плечо которых наносилось два и более бордюров, составляет 13,7% на срубных правобережных поселениях, 14,5% на срубных правобережных погребениях и 13,0% на хвалынских поселениях.

Некоторое увеличение степени орнаментированности плеча, фиксируемое на хвалынских сосудах по сравнению со срубными поселенческими, может отражать как культурные отличия, так и хронологические изменения.

По степени орнаментированности остальных зон показатели срубной и хвалынской керамики в целом близки, хотя имеются и некоторые различия. В ходе подробного анализа выяснилось, что эти различия фиксируются преимущественно на округлобоких с выделенным венчиком и остроребериых сосудах. Так, например, верхний срез венчика банок орнаментировался редко как у хвалынцев, так и у срубников, а вот в группе округлобоких и остроребериых этот показатель значительно выше у срубных (до 25,0%), чем у хвалынских (3,2–3,8%) сосудов. Венчик у остроребериых срубных орнаментировался реже, чем у хвалынских, а вот шейка, напротив, чаще. Указанные различия являются, видимо, культурно-хронологическими. Что же касается зон шейки (II) и максимального расширения тулова (IV), то здесь различия носят скорее ритуальный характер, так как орнаментация этих зон имела распространение преимущественно на срубной погребальной керамике, на поселениях же, как срубных, так и хвалынских, эти зоны орнаментировались в основном на остроребериых сосудах, которые мало отличаются в этом отношении от погребальных. Вероятнее всего, наиболее богато и сложно орнаментированные сосуды на срубных и хвалынских поселениях, как и в погребениях, имели в первую очередь ритуальное значение.

В статье, написанной в соавторстве с В.Н. Слоновым, сопоставляя срубную погребальную и хвалынскую керамику, мы пришли к выводу, что орнаментальный сюжет плеча на хвалынских сосудах перестает быть жестко связанным с этой зоной и

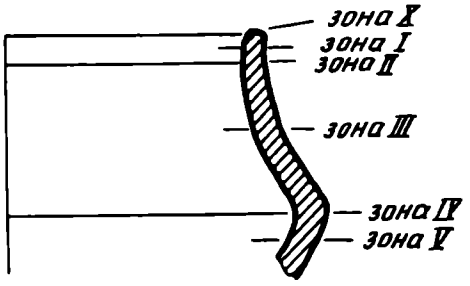


Рис. 1. Зоны расположения орнамента на сосуде эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья

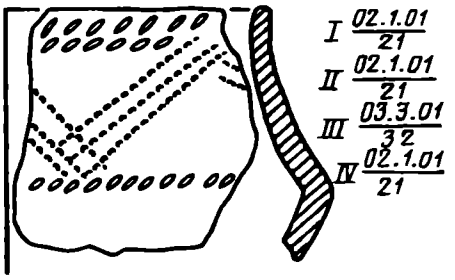


Рис. 2. Пример индексации орнамента сосуда эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья

Вид сюжета	Название	Вариант	Индекс
	гориз. линия		01
	ряд отрезков	наклонные	02н
		вертикальные	02в
	ряд зигзагов		03
	ряд ромбов		04
	ряд „уточек"		05
	ряд треуг-ков	вершинами вниз	06н
		вершинами вверх	06в
		верш-ми друг к другу	06вн
	ряд крестов	непересекающихся	07н
		пересекающихся	07п
		свастик	07с
	гориз. „ёлочка"		08
	ряд дуг		09
	знаки		10
	сюж. рисунок		11
	хаотичн. орн.		12
	меандр		13
	волн. линия		14
	верт. „елочка"		15

Рис. 3. Сюжеты орнамента керамики эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья

Таблица 3

Сюжеты орнамента керамики в комплексах эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья (в %)

Сюжеты	Комплексы				
	хвалынский поселенческий ранний (срубно-хвалынский)	хвалынский поселенческий поздний (кайбельско-танавский)	хвалынский поселенческий в целом	срубный правобережный поселенческий	срубный правобережный погребальный
01	26,2	9,4	18,4	58,4	49,4
02*н*	26,2	42,2	32,5	21,1	22,7
02*в*	8,1	9,4	7,4	3,4	–
03	21,2	9,4	15,3	19,6	49,4
04	4,3	3,1	3,7	4,4	6,5
05	–	–	–	–	1,9
06*н*	2,0	–	1,2	–	1,3
06*в*	–	–	–	0,5	0,9
06*вн*	–	–	–	–	1,9
07*п*	3,2	25,0	11,7	1,5	1,9
07*н*	4,3	7,8	5,5	5,0	1,9
07*с*	–	–	–	0,6	0,3
07*пс*	–	–	–	0,5	–
08	3,2	10,9	6,1	2,6	0,9
09	–	–	–	–	1,3
10	7,1	4,7	6,1	0,3	3,2
11	–	–	–	–	0,3
12	3,2	–	1,8	2,3	0,3
13	3,2	–	1,8	–	–
14	1,0	–	0,6	–	–

может заходить на зону шейки и максимального расширения тулова. Обработка срубных поселенческих материалов внесла коррективы в этот тезис. В ходе сравнительного анализа выяснилось, что сосуды с небрежно нанесенным орнаментом на срубных поселениях встречаются чаще, чем на хвалынских, особенно на позднехвалынском этапе, когда «канонизация» орнамента (т.е. жесткая привязка сюжетов к определенным зонам) приближается по своему показателю (6,3%) к погребальной посуде (3,9%).

В зональном размещении орнамента обнаружилось также много общего между хвалынской (особенно ранней) и срубной (в первую очередь поселенческой) керамикой, что, видимо, свидетельствует не только о генетическом родстве, но и о частичной синхронности существования срубных и хвалынских памятников. Различия же, фиксирующиеся в основном на округлобоких с выделенным венчиком и остроребериых сосудах имеют как культурно-хронологический (увеличение степени орнаментированности плеча, сокращение орнаментированности верхнего среза венчика, ужесточение «канонизации» орнамента в целом), так и ритуальный (орнамент на II и IV зонах) характер.

Основными, наиболее распространенными сюжетами на керамике эпохи бронзы Нижнего Поволжья являются горизонтальная прямая линия (01), ряд наклонных отрезков (02*н*) и зигзаг (03). Однако использование этих сюжетов в комплексах существенно различается (табл. 3; рис. 3).

Горизонтальная прямая линия, являясь доминирующим сюжетом на посуде срубных правобережных памятников, значительно реже использовалась на хвалынских памятниках, в том числе и ранних, что явно отражает не только хронологические, но и культурные различия. В подтверждение сказанного отметим редкое применение этого

сюжета в орнаменте керамики левобережных срубных поселений (9,3–18,5%) (Лопатин В.А., 1987, с. 132).

Ряд наклонных отрезков – наиболее стабильный сюжет для керамики эпохи поздней бронзы, однако и он является ярким культурно-хронологическим индикатором. Доминируя на керамике степных заволжских (от 32,7 до 55,0%, исключая Осинов Гай) и позднехвалынских (42,2%) поселениях, он вдвое реже применялся на срубных правобережных памятниках и поселениях срубно-хвалынского этапа хвалынской культуры (см. табл. 3).

Зигзаг за редким исключением использовался примерно одинаково на срубных право- и левобережных и раннехвалынских поселениях (от 13,0 до 25,0%) (Сергеева О.В., 1991, с. 44; Лопатин В.А., 1987, с. 132), в то время как на позднехвалынской керамике он применялся значительно реже – 9,4%. Наибольший удельный вес этого сюжета фиксируется на погребальной посуде – 49,4%.

В отношении других, менее распространенных сюжетов отметим следующее: 1) в целом общий набор и удельный вес каждого из них примерно одинаков для керамики всех комплексов эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья; 2) различия, имеющиеся в наборе сюжетов разных групп памятников, связаны либо с инокультурными влияниями – меандр (13) и волнистая линия (14), зафиксированные на хвалынской керамике, принадлежат инокультурным сосудам восточного (андроновского) происхождения, либо с ритуальными различиями памятников – такие сюжеты, как ряд «уточек» (05), свастика (07*с*; 07*пс*), ряд дуг (09), сюжетные рисунки, (11) встречаются практически исключительно на погребальной посуде; 3) исключением является ряд пересекающихся крестов (07*п*), редко применявшийся как на срубной, так и на срубно-хвалынской керамике и ставший одним из самых распространенных сюжетов на позднехвалынской; 4) наблюдается также некоторый рост на позднехвалынских поселениях горизонтальной елочки (08), не часто используемой на срубных памятниках как левого, так и правого берега. Интересно, что этот сюжет не встречается на остроребериой посуде; 5) знаки (10), встречающиеся на срубной погребальной и хвалынской керамике, крайне редки для срубных поселений. Как представляется, это один из наиболее сложных сюжетов, требующий специального рассмотрения; 6) анализ керамики эпохи поздней бронзы внес определенные коррективы в распространенный тезис о сокращении к концу эпохи поздней бронзы геометрического орнамента, под которым подразумеваются в первую очередь ромбы (04) и треугольники (06*в*, 06*н*, 06*вн*). Дело в том, что эти сюжеты даже на погребальной керамике никогда не превышали 6,5%, на поселениях же, в том числе и срубных, они встречались еще реже.

Таким образом, удельный вес сюжетов орнамента керамики эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья отражает в первую очередь культурные, хронологические или культурно-хронологические различия, в то время как наличие или отсутствие тех или иных сюжетов в общем наборе имеет скорее социально-ритуальный характер или свидетельствует о наличии инокультурных компонентов.

Основные различия и наибольшая восприимчивость к разного рода изменениям зафиксированы в основном на округлобоких с выделенным венчиком и остроребериых сосудах, в то время как банки оказались в этом плане намного стабильнее и консервативнее.

Наибольшие различия в керамических комплексах эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья обнаруживаются при рассмотрении элементов, которыми выполнялся орнамент (табл. 4; рис. 4).

Прежде всего следует отметить, что из 30 элементов[4], зафиксированных на керамике эпохи поздней бронзы, только 9 применялись повсеместно (101, 102, 104, 106, 109, 21, 31, 32, 36). Кроме того, имеются специфические элементы, характерные

[4] На самом деле элементов несколько больше, однако в силу своей крайней малочисленности некоторые из них (например, различного рода налепы в виде шишечек, нестандартные штампы) в выборку не вошли.

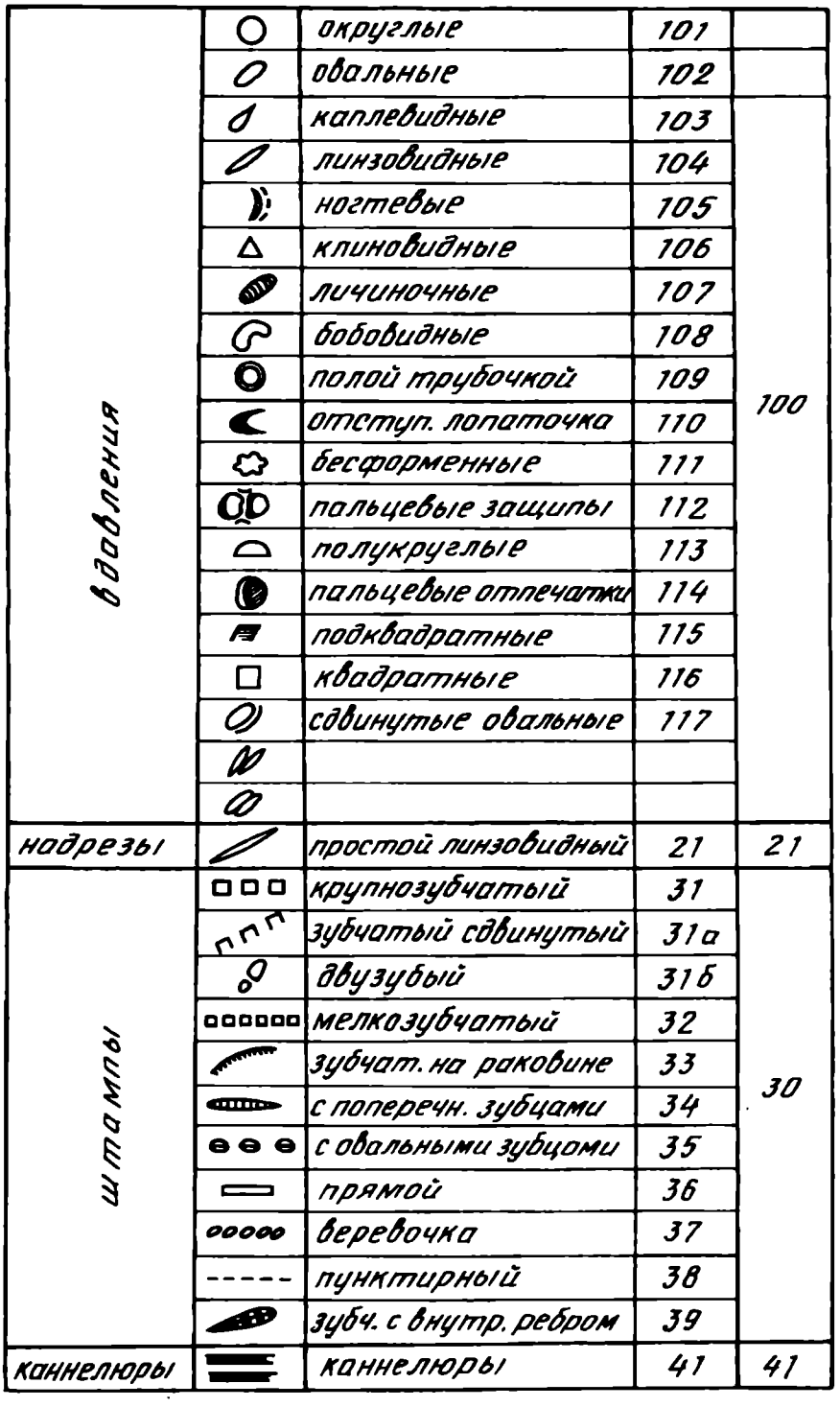


Рис. 4. Элементы орнамента керамики эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья

только для срубной поселенческой (112, 115–119) либо только для срубной погребальной (108, 35) посуды.

Поскольку большая часть элементов применялась относительно редко, сравнение оказалось удобнее всего проводить по основным группам элементов: вдавления, нарезка (прочерчивание), штампы, каннелюры (табл. 5).

Вдавления, часто использующиеся на срубных правобережных памятниках, значительно реже встречаются на срубно-хвалынских поселениях и практически сходят на нет на позднехвалынской керамике. Кроме того, вдавления на срубной керамике значительно разнообразнее.

Таблица 4

Элементы орнамента керамики в комплексах эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья (в %)

Элементы	Комплексы			Элементы	Комплексы		
	хвалынский поселенческий	срубный правобережный поселенческий	срубный правобережный погребальный		хвалынский поселенческий	срубный правобережный поселенческий	срубный правобережный погребальный
101	0,6	2,1	2,6	116	–	0,6	–
102	2,5	3,2	7,8	117	–	3,3	–
103	–	8,5	5,2	118	–	0,6	–
104	1,8	11,1	0,6	119	–	1,8	–
105	–	9,8	2,6	21	62,6	23,5	37,7
106	1,8	3,5	3,9	31	8,2	36,1	26,6
107	–	0,6	2,6	32	10,4	3,8	17,0
108	–	–	0,6	33	–	0,6	1,3
109	1,5	0,6	0,3	34	–	2,9	1,9
110	–	0,3	1,9	35	–	–	2,6
111	–	0,9	3,9	36	0,6	0,6	3,9
112	–	0,3	–	37	1,5	–	0,6
113	6,7	0,3	–	38	2,5	0,3	–
114	0,6	0,9	–	39	11,0	2,3	–
115	–	1,5	–	41	2,5	1,8	–

Таблица 5

Группы элементов орнамента керамики в комплексах эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья (в %)

Комплексы	Группы элементов			
	вдавления	нарезка	штампы	каннелюры
Хвалынский поселенческий ранний (срубно-хвалынский)	20,2	50,5	43,4	4,0
Хвалынский поселенческий поздний (кайбельско-танавский)	9,4	81,3	20,3	–
Хвалынский поселенческий в целом	15,3	62,6	34,4	2,5
Срубный правобережный поселенческий	40,5	28,3	49,8	1,8
Срубный правобережный погребальный	35,1	37,7	50,6	–
Срубный левобережный поселенческий	52,9	30,4	16,6	–

Резной орнамент, напротив, являясь основным даже на срубно-хвалынском этапе хвалынской культуры, на позднем становится доминирующим, в то время как на срубной керамике он встречается вдвое реже.

Штампы – основной элемент правобережной срубной керамики – также нередко встречаются на срубно-хвалынских поселениях. Однако со временем на позднехвалынском этапе удельный вес этой группы элементов снижается вдвое. Кроме того, на срубной керамике явное предпочтение отдавалось крупнозубчатому штампу, в то время как даже на раннем этапе хвалынской культуры эта разновидность штампа использовалась редко (14,2%), на позднем же не применялась вовсе. Мелкозубчатый штамп, нередко встречающийся на срубной погребальной и хвалынской (10,4%), особенно поздней (17,0%) керамике, практически не характерен для срубной поселенческой (3,8%).

Вид	Название	Обозначение
	Одиночный сюжет.	. 1.
	Двойной сюжет.	. 2.
	Тройной сюжет.	. 3.

Рис. 5. Кратность сюжетов орнамента керамики эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья

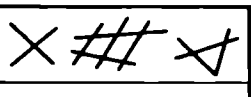
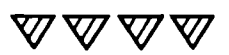
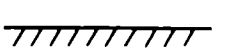
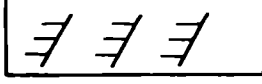
	Принципиальная невозможность сюжетных особенностей.	.00
	Отсутствие особенностей при принципиальной возможности наличия.	.01
	Заполнение зигзага снизу.	.11
	Заполнение треугольников, направленных вершинами вверх.	.12
	Заполнение зигзага сверху.	.21
	Заполнение треугольников направленных вершинами вниз.	.22
	Заполнение зигзага сверху и снизу.	.31
	Заполнение треугольников, направл. вершинами к основан. друг друга.	.32
	Заполнение ромбов.	.33
	Хаотическое заполнение сюж.	.41
	Наличие в сюж. линии с бахром.	.51
	Лесенка.	.61

Рис. 6. Усложнения сюжетов орнамента керамики эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья

Интересно, что совершенно отличное процентное соотношение основных групп элементов как от срубной правобережной, так и от хвалынской имеет керамика заволжских поселений, где явное предпочтение отдавалось вдавлениям (52,9%), так же, как и у правобережных срубников применялась нарезка (30,4%) и не пользовались популярностью штампы (16,6%).

Таблица 6

Кратность сюжетов орнамента керамики в комплексах эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья (в %)

Комплексы	Кратность						
	1	2	3	4	5	1/2	2/3
Хвалынский поселенческий	85,8	9,3	3,1	–	1,8	–	–
Срубный правобережный поселенческий	81,0	13,9	3,3	0,3	0,6	0,9	–
Срубный правобережный погребальный	75,1	14,8	5,2	0,3	0,7	1,6	1,0

Таблица 7

Композиции орнамента керамики в комплексах эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья (в %)

Комплексы	Композиции		
	I	II	III
Хвалынский поселенческий	63,7	12,3	24,0
Срубный правобережный поселенческий	58,6	17,0	24,4
Срубный правобережный погребальный	47,4	9,7	42,9

К сказанному следует добавить, что одним из основных отличий срубной керамики от хвалынской является распространение на последней рельефного «орнамента» – валика и воротничка, а также встречающихся, хотя и редко, разного рода налепов. Таким образом, набор и удельный вес элементов керамики отражают как культурную или ритуальную специфику комплекса, так и хронологические изменения.

В исследовании орнамента определенный интерес представляют собой такие показатели, как кратность и усложнения сюжета (рис. 5; 6). По первому показателю срубный и хвалынский орнамент достаточно близки (табл. 6) – явно преобладающими являются однократные сюжеты. Многократные, видимо, были более характерны для ритуальных сосудов, так как они чаще встречаются на погребальной посуде.

Усложнения также характерны в основном для погребальной керамики (18,7% сюжетов). На поселенческой, как срубной, так и хвалынской посуде они использовались вдвое реже (12,1 и 9,6% соответственно).

Анализ композиций – одного из интереснейших и сложнейших показателей орнамента – требует специального исследования, выходящего за рамки данной статьи, поэтому в настоящей работе ограничимся только некоторыми наблюдениями.

Все узоры, попавшие в выборку, были разделены на три категории сложности: I – композиции, состоящие из одного бордюра, включающего только один сюжет; II – композиции, состоящие из двух и более бордюров, в которых повторяется один и тот же сюжет; III – композиции из двух и более бордюров, в которых сочетаются разные (от двух до четырех) сюжеты (табл. 7).

Наибольшее распространение на керамике эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья получили простые композиции, состоящие из одного бордюра, который включает в себя только один сюжет, иногда имеющий кратность (1).

Композиции, состоящие из двух (гораздо реже из трех или четырех) бордюров (II), относительно немногочисленны. Причем набор сюжетов в данном случае весьма огра-

ничен – это прямая горизонтальная линия и ряды наклонных отрезков. На поселениях иногда встречаются также ряды вертикальных отрезков, в погребениях – зигзаг. Кроме того, в виде исключения на одном хвалынском сосуде встречены пересекающиеся кресты, а на одном погребальном срубном – знаки.

Сочетание двух и более бордюров, включающих в себя разные сюжеты (III), значительно чаще встречается на погребальной посуде, чем на поселенческой, как срубной, так и хвалынской (табл. 7).

Использование сюжетов в сложных композициях на керамике разных комплексов отражает ту же картину, которая наблюдалась при рассмотрении сюжетов в целом. Наиболее распространенными оказались прямая горизонтальная линия, ряд наклонных отрезков и зигзаг. При этом на срубной керамике большая часть рассматриваемых композиций представлена различными вариантами сочетания этих трех сюжетов при отсутствии других (70,2% – на срубных поселенческих, 59,4% – на срубных погребальных сосудах), в то время как на хвалынской таких композиций значительно меньше (39,4%), т.е. в сложных композициях на хвалынских сосудах значительно чаще использовались другие сюжеты. В то же время «богато» орнаментированные сосуды, на которых не присутствует хотя бы один из трех основных сюжетов, в эпоху поздней бронзы в рассматриваемом регионе практически не встречаются. Исключение составляют один хвалынский сосуд, на котором имеется ряд вертикальных отрезков в сочетании с непересекающимися крестами, и два погребальных срубных, содержащих в орнаменте ряды треугольников, в одном случае сочетающихся с непересекающимися крестами, а в другом – со знаками.

Кроме того, сложные композиции на керамике эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья в подавляющем большинстве случаев начинаются с одного из этих трех сюжетов (97,3% – на срубных поселенческих, 91,0% – на хвалынских поселенческих и 87,0% – на срубных погребальных сосудах со сложными композициями). Существенные различия между срубным и хвалынским комплексами в данном случае состоят в том, что большая часть сложных композиций срубного орнамента начинается с прямой горизонтальной линии (57,4% – на поселениях и 63,8% – в погребениях) и гораздо реже, особенно на погребальной посуде – с ряда наклонных отрезков (27,7 и 14,5% соответственно). На хвалынских сосудах это распределение примерно одинаково – 42,4% сложных композиций начинается с ряда наклонных отрезков и 36,4% – с горизонтальной прямой линии. Композиций, начинающихся с зигзага, относительно мало во всех комплексах (8,7–12,7%).

На поселенческой керамике кроме указанных в виде исключения сложные композиции могут начинаться с ряда непересекающихся, а на хвалынской и пересекающихся крестов (на одном хвалынском сосуде композиция начинается с ряда вертикальных отрезков). Погребальная посуда в этом плане более разнообразна – верхний бордюр, хотя и редко, могут представлять непересекающиеся кресты, ряды уточек, ромбов, треугольников и дуг.

В результате сравнительного анализа керамики эпохи поздней бронзы выяснилось следующее.

1. Имеются достаточно заметные различия в наборе форм и системе орнаментации керамики правобережных «лесостепных»[5] и заволжских степных поселений срубной культуры Нижнего Поволжья, что может служить еще одним аргументом в пользу высказывавшегося ранее мнения о существовании в эпоху поздней бронзы в этом регионе как минимум двух вариантов срубной культуры (Качалова Н.К., 1977; Кочерженко О.В., Слонов В.Н., 1991, с. 17; Изотова М.А., 1994, с. 78).

2. Различия, зафиксированные при сравнении срубной погребальной и поселенческой керамики правобережья Нижней Волги, позволяют предметно говорить о специфике посуды этих категорий памятников.

---

[5] Строго говоря, эта зона относится к пограничью степи и лесостепи.

3. Существенные различия, имеющие не только хронологический, но и культурный характер, а также специфические особенности (помимо рельефного «орнамента»), подтверждают культурную обособленность памятников хвалынской культуры уже на раннем этапе ее существования.

4. Наибольшее сходство хвалынская керамика, особенно ранняя, обнаружила с правобережными поселенческими материалами, причем характер этого сходства позволяет говорить не только о генетическом родстве этих памятников, но и о частичной синхронности срубных правобережных и хвалынских (скорее всего срубно-хвалынских) поселений. Как представляется, новации в конце эпохи поздней бронзы даже на правом берегу наложили существенный отпечаток далеко не на все срубные поселения, часть которых продолжала развиваться традиционным путем.

5. Тезис об обеднении орнамента в эпоху финальной бронзы, достаточно распространенный среди исследователей, как выяснилось, не вполне верен – хвалынский орнамент беден по сравнению с погребальным срубным. Что же касается срубного поселенческого, то здесь эта тенденция выражена гораздо менее ярко и только относительно ранних, срубно-хвалынских комплексов. Кроме того, хвалынская керамика орнаментировалась в целом чаще, чем срубная, особенно на позднем этапе существования хвалынской культуры.

6. Основные различия в керамических комплексах срубной и хвалынской культур фиксировались на остроребериых и особенно на округлобоких сосудах с выделенным венчиком, оказавшихся гораздо более динамичными и восприимчивыми к инновациям по сравнению с банками – наиболее консервативным как по форме, так и по орнаменту типом посуды.

7. Главным изменением в керамике конца эпохи поздней бронзы оказался переход функций основного ведущего типа посуды от банок к округлобоким сосудам с выделенным венчиком, причем практически по всем параметрам. Эта тенденция зародилась не позднее начала срубно-хвалынского времени, охватив, видимо, весь регион Нижнего Поволжья. На позднехвалынском этапе она достигла своего апогея – физического вытеснения баночной формы, по крайней мере на поселениях. Данный вывод подтверждается не только материалами Нижнего Поволжья, но и сопредельных регионов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агапов С.А., Васильев И.Б., Кузьмина О.В., Семенова А.П., 1983. Срубная культура лесостепного Поволжья // Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев.

Изотова М.А., 1994. Сравнительно-статистический анализ керамики эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья // Срубная культурно-историческая общность. Саратов.

Изотова М.А., Малов Н.М., Слонов В.Н., 1993. Классификация форм керамики и периодизация поселений хвалынской культуры эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья // Археологические вести. Саратов.

Изотова М.А., Слонов В.Н., 1994. Статистическое изучение системы орнаментации хвалынской поселенческой керамики эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья // Теория и прикладные методы в археологии. Саратов.

Качалова Н.К., 1977. О локальных различиях в лесостепной срубной культуре // АСГЭ. Вып. 18.

Кочерженко О.В., Малов Н.М., Слонов В.Н., 1993. Опыт использования кластерного анализа при классификации форм керамики срубных погребений Нижневолжского Правобережья (Пограничье степи и лесостепи) // Археологические вести. Саратов.

Кочерженко О.В., Малов Н.М., Слонов В.Н. 1994. Орнаментация срубной погребальной керамики Нижневолжского Правобережья (Пограничье степи и лесостепи) // Теория и прикладные методы в археологии. Саратов.

Кочерженко О.В., Слонов В.Н., 1991. О соотношении покровских и раннесрубных памятников в Нижневолжском Правобережье // Проблемы культур начального этапа эпохи поздней бронзы Волго-Уралья. Вторые Рыковские чтения. Тез. докл. конф. Саратов.

Кривцова-Гракова О.А., 1955. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // МИА. № 46.

Лопатин В.А., 1987. Опыт статистического анализа керамики срубных поселений степной левобережной зоны Нижнего Поволжья // Вопросы отечественной и всеобщей истории. Саратов.

Малов Н.М., 1987. Хвалынская культура валиковой керамики эпохи поздней бронзы в Поволжье // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Тез. докл. конф. Суздаль.

Сергеева О.В., 1991. Характеристика керамики срубно-абашевских поселений Саратовского Правобережья // Проблемы культур начального этапа эпохи поздней бронзы Волго-Уралья. Вторые Рыковские чтения. Тез. докл. конф. Саратов.

Саратовский государственный
университет

M.A. IZOTOVA

LATE BRONZE AGE CERAMICS FROM THE LOW VOLGA RIVER REGION

Summary

This article deals with the main types of the Late Bronze Age Ceramics from the Low Volga River Region. The ceramics belong to the timber-grave and Khvalyn cultures. The author compares shapes and ornaments of the vessels, and determines common and specific features of the timber grave right bank burials, timber grave right and left bank settlements and Khvalyn culture settlements. The results prove the idea that there were at least two types of the timber grave culture in the Low Volga river region in the Late Bronze Age. They also prove a cultural isolation of the early Khvalyn culture settlemets. The common features of the right bank timber-grave and the early timber-grave Khvalyn settlements make it possible to draw a conclusion that these monuments were not only genetically kindred but partially synchronous. Probably, the innovations of the end of the Late Bronze Age in the Low Volga River region were spread gradually. They didn't led to the large changes everywhere. A part of the timber-grave settlements continued to develope in a traditional way. Besides that the author marks out specific features of the ceramics from the right bank burials and settlements and follows the development and the most important changes of the Late Bronze Age ceramics in this region.

В.М. ЗУБАРЬ

ОЛЬВИЯ И СКИЛУР

Северное Причерноморье на протяжении античной эпохи было огномной контактной зоной, где на протяжении веков греческое и варварское население вступало в контакты, характер которых зависел от массы военно-политических и социально-экономических факторов. Исследование конкретного содержания этих взаимоотношений на том или ином хронологическом отрезке – одна из главных задач исторической науки. Причем в последнее время для реконструкции особенностей исторического развития все большее значение начинает приобретать археологический материал. Поэтому обращение к известным событиям северопричерноморской истории и привлечение для их исследования новых археологических материалов и разработок является не только своевременными, но и позволяют лучше понять характер греко-варварских связей, которые в каждом конкретном случае имели свою специфику.

Ю.Г. Виноградов в своей монографии, посвященной политической истории Ольвии VII–I вв. до н.э., всесторонне рассмотрел взаимоотношения Ольвийского государства с позднескифским царством Скилура и подвел своеобразный итог изучению этого вопроса (Виноградов Ю.Г., 1989, с. 230–250; ср.: Русяева А.С., 1983, с. 10; Высотская Т.Н., 1979, с. 10, 11, 149; 1992, с. 140; Пуздровський О.Є., 1992, с. 125). На базе комплексного исследования всех имеющихся источников и аналогий он пришел к выводу, что в 50-х годах II в. до н.э. Ольвия находилась под протекторатом Скилура. Суммируя, Ю.Г. Виноградов подчеркнул, что ольвиополиты добровольно признали над собой главенство Скилура, что позволило получить более или менее надежную защиту от варваров. Вместе с этим наличие при дворе Скилура греческих советников, в том числе Посидея, сына Посидея, позволило ольвиополитам сохранить в неприкосновенности большинство автономных прав полиса "номинально поступившись принципами эллинской элевтерии, спасти отечество и извлечь при этом явные экономические выгоды из создавшейся политической ситуации" (Виноградов Ю.Г., 1989, с. 248). Однако целая группа исследователей Ольвии не согласилась с этим выводом и указала, что заключение Ю.Г. Виноградова о протекторате Скилура над Ольвией пока можно рассматривать только в качестве интересной гипотезы. Кроме этого, с точки зрения С.Д. Крыжицкого, В.В. Крапивиной и Н.А. Лейпунской, позиция Н.А. Фроловой о дружественных или союзных отношениях Ольвии и Скилура, а также вывод В.А. Анохина о том, что Скилур для Ольвии был обычным эмитентом, представляются более обоснованными (Крижицький С.Д. и др., 1994, с. 38; ср.: Фролова Н.А., 1964, с. 44–55; Анохин В.А., 1989, с. 53). Таким образом, на характер взаимоотношений Ольвии и Скилура единства взглядов нет. При этом следует подчеркнуть, что все исследователи, анализировавшие характер и содержание взаимоотношений Ольвии со Скилуром, опирались на нумизматический и эпиграфический материал, используя археологические данные в очень ограниченной степени (Виноградов Ю.Г., 1989, с. 247). Такое положение было вызвано тем, что до самого последнего времени отсутствовали надежные данные этой категории источников, которые можно было бы привлечь для исследования поставленной проблемы.

Однако в последние годы положение существенно изменилось. В результате работ, проведенных на территории Неаполя Скифского Ю.П. Зайцевым и А.Е. Пуздровским, были получены новые материалы, которые позволяют более широко, чем это

© В.М. Зубарь, 1996 г.

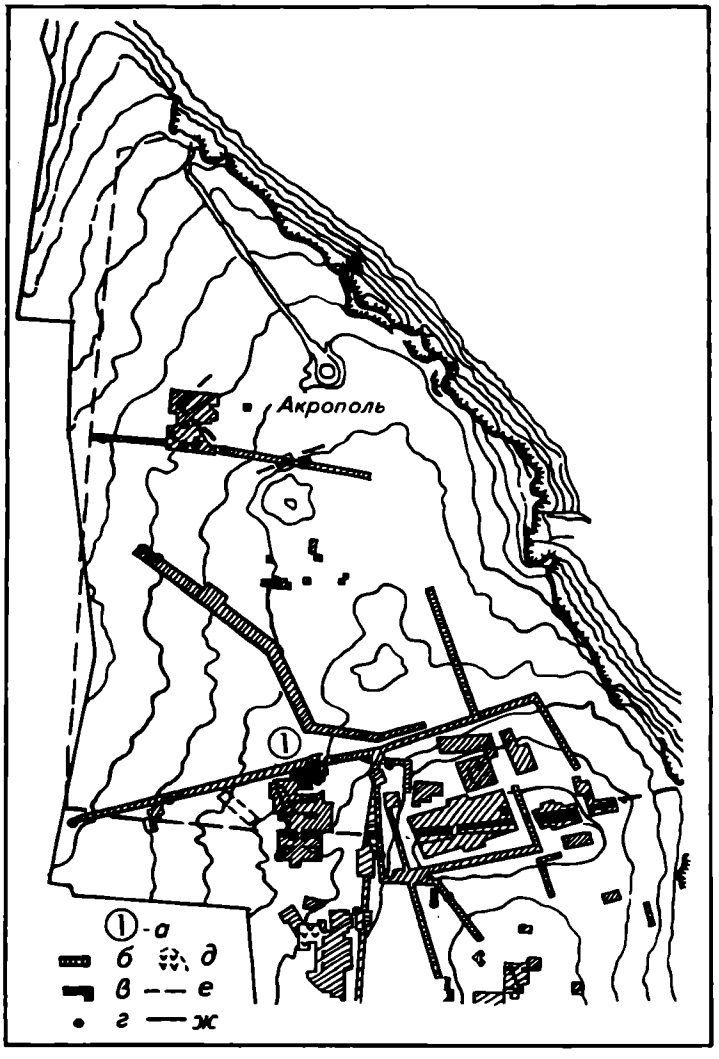


Рис. 1. План Неаполя Скифского, по Ю.П. Зайцеву и А.Е. Пузровскому: *а* – комплекс Южного дворца; *б* – каменные постройки; *в* – оборонительная стена; *г* – полуземляночные и легкие наземные жилища; *д* – зольник; *е* – предполагаемые линии оборонительных стен; *ж* – граница современной застройки

делалось ранее, использовать данные археологии для реконструкции ольвийско-позднескифских отношений в период правления Скилура. Поэтому вполне оправданно вновь обратиться к этой чрезвычайно важной проблеме и попытаться вновь рассмотреть характер ольвийско-позднескифских взаимоотношений в рассматриваемое время, а также проследить, как сближение Ольвии с правителями поздней Скифии отразилось на традиционно дружественных контактах Ольвийского государства и Херсонеса.

Раскопки, проведенные на городище Керменчик, большинством исследователей отождествляемом с Неаполем, показали, что в конце III в. до н.э. его территория была обнесена оборонительной стеной (Колтухов С.Г., Махнева О.А., 1988, с. 156). Несколько позже была возведена внутренняя оборонительная стена, которая отделяла от остальной части городища цитадель, где были расположены дворцовый комплекс, общественные и культовые здания. Однако большая часть территории городища оставалась незастроенной. Это позволило Ю.П. Зайцеву и А.Е. Пуздровскому заключить, что значительная территория площади Неаполя оставалась незастроенной и служила убежищем для окрестного сельского населения в случае опасности. Исследователи, обобщив весь доступный археологический материал, пришли к выводу, что Неаполь выполнял роль царской ставки, где основную массу

жителей составляли приближенные царя, ремесленники и торговцы (Зайцев Ю.П., Пуздровский А.Е., 1994, с. 232–234).

В связи с этим особого внимания заслуживает почти полностью раскопанный перед центральными воротами Неаполя большой жилищно-хозяйственный и культовый комплекс, представлявший сложный архитектурный ансамбль, включающий фундаментальный мегарон, постройки различного типа, здание с портиками, "бассейны" и др. (Зайцев Ю.П., 1990, с. 83–94; 1994, с. 47, 48; Зайцев Ю.П., Пуздровский А.Е., 1994, с. 232, 233) (рис. 1,*а*). Комплекс указанных построек определен Ю.П. Зайцевым как Южный дворец, который начал функционировать, судя по археологическому материалу, во второй половине II в. до н.э., т.е. в правление Скилура (Зайцев Ю.П., 1994, с. 47). Интерпретируя этот дворец в качестве резиденции знатного рода и культового центра, Ю.П. Зайцев подчеркнул, что археологический материал и эпиграфические памятники, обнаруженные на его территории, свидетельствуют о значительной степени эллинизации обитателей Неаполя (Зайцев Ю.П., 1990, с. 89–94). Причем интересно, что здание с портиками было украшено фресками, близкими по характеру росписи структурного стиля Ольвии (Зайцев Ю.П., 1990, с. 92). Ольвийское происхождение имеют ордерная архитектура, декор и многие архитектурные детали, а также серии терракот Кибелы и Деметры-Коры (Зайцев Ю.П., 1994, с. 47). Примечательно и то, что, как показали новейшие исследования материалов из мавзолея Неаполя Скифского, первоначально он использовался для погребений греками и лишь после похода Диофанта более ранние захоронения были сдвинуты, а на их место положены новые умершие (Зайцев Ю.П., 1992, с. 97).

Следовательно, как комплекс Южного дворца, начало функционирования которого относится к середине – второй половине II в. до н.э., так и ранние погребения в мавзолее, свидетельствуют о достаточно значительном удельном весе греческого населения в Неаполе в период правления Скилура. Ряд конкретных археологических материалов, обнаруженных в процессе раскопок, находит прямые аналогии в Ольвии и позволяет связывать возведение комплекса Южного дворца с периодом сближения позднескифского государственного образования с этим античным центром. При этом эпиграфические памятники, в частности посвящения Зевсу Атабирию, Зевсу-царю, Афине Линдии, богине Родос и Ахиллу Понтарху (IOSPE, 1^2, №№ 668–673; Соломоник Э.И., 1962, с. 32–44), вне всякого сомнения, позволяют говорить, что здесь какое-то время жила группа греков – выходцев из Ольвии, которые оказывали определенное влияние на верхушку позднескифского общества и самого царя (Щеглов А.Н., 1988, с. 37). Иными словами, чеканка в Ольвии монет Скилура, которые исследователи относят ко второй половине II в. до н.э. (Фролова Н.А., 1964, с. 44–53; Каришковський П.Й., 1973, с. 28–33; 1988а, с. 102; Анохин В.А., 1989, с. 52, 53) (рис. 2), и археологический материал, полученный в результате раскопок комплекса Южного дворца в Неаполе и датирующийся тем же временем, неопровержимо свидетельствуют об имевшем место достаточно тесном сближении Скилура и гражданской общины Ольвии. Несмотря на то что, безусловно, чеканка монеты Скилуром была чисто демонстративным актом и преследовала лишь политические цели (Ольховский В.С., 1992, с. 138), в настоящее время все же нельзя рассматривать этого позднескифского царя в качестве обычного эмитента (ср.: Анохин В.А., 1989, с. 53).

Говоря о позднескифско-ольвийских отношениях в период правления Скилура, очевидно, следует обратить особое внимание на характер связей между Ольвией и Херсонесом. Сейчас твердо установлено, что уже в III в. до н.э. территория Херсонесского государства в Северо-Западном Крыму подвергалась скифским набегам и Херсонес вплоть до походов Диофанта вел с поздними скифами перманентные войны, в ходе которых, несмотря на потерю части своих земель, ему удалось отразить агрессию варваров (Щеглов А.Н., 1978, с. 131–133). Ввиду того, что Херсонес выступал в качестве непримиримого врага скифов, сближение Ольвии со Скилуром должно было неизбежно отразиться на характере херсонесско-ольвийских отношений, ибо любая степень зависимости от позднескифского царства вела к разрыву отно-

Рис. 2. Монеты скифского царя Скилура, чеканившиеся в Ольвии, по Н.А. Фроловой и П.О. Карышковскому

шений между этими государствами. С другой стороны, если между Ольвией и Скилуром существовали дружественные отношения или равноправный союз, а также в том случае, если позднескифский правитель выступал в качестве лишь эмитента, херсонесско-ольвийские отношения не претерпели бы сколько-нибудь существенных изменений.

В свое время А.Н. Щеглов высказал мнение о том, что в середине IV в. до н.э. между Ольвией и Херсонесом имело место вооруженное противостояние (Виноградов Ю.Г., Щеглов А.Н., 1990, с. 323). Однако эта точка зрения не может быть принята, о чем подробно говорится в моей специальной статье (Зубарь В.И., 1995, с. 17–21). Здесь же хотелось бы лишь подчеркнуть, что на основании имеющихся в настоящее время источников можно говорить о наличии уже с первой половины IV в. до н.э. между Ольвией и Херсонесом разносторонних связей. Об этом, в частности, свидетельствует ольвийская проксения, данная херсонесцу (Надписи Ольвии, 1968, №№ 3, 12, с. 15, 16; Карышковский П.О., 1975, с. 126, 127). В дальнейшем экономические, политические и культурные контакты между указанными государствами укрепились, и к IV – началу II в. до н.э. относится целый ряд памятников, отражающих разносторонние связи этих античных государств (Русяєва А.С., 1983,

с. 7–13; Золотарев М.И., 1989, с. 30, 31). В этом отношении показательно, судя по результатам изучения херсонесских астиномных клейм, обнаруженных в Ольвии, что на III в. до н.э. приходится ввоз в этот центр значительных партий херсонесского вина. Причем значительное количество клейм с именем Аполлония позволило М.И. Золотареву предположить, что именно Аполлоний около середины III в. до н.э. предоставил в распоряжение гражданской общины ольвиополитов 3000 золотых, за что был удостоен почетного декрета (Золотарев М.И., 1994, с. 124, 125).

Помимо чисто экономических между Ольвией и Херсонесом существовали тесные политические связи. Только этим можно объяснить тот факт, что, судя по ольвийскому декрету в честь Никерата, он был призван в качестве третейского судьи в Херсонес, "обуреваемый постоянными войнами" (IOSPE, I^2, № 34). Ю.Г. Виноградов датировал этот документ первыми десятилетиями II в. до н.э. (Виноградов Ю.Г., 1989, с. 184–188), и, следовательно, есть веские основания говорить, что вплоть до этого времени между Ольвией и Херсонесом существовали достаточно тесные связи.

Однако в первой половине II в. до н.э. положение меняется. Как свидетельствует анализ нумизматического материала и клейм, в первой четверти этого столетия торговые операции между Ольвией и Херсонесом прекращаются (Золотарев М.И., 1989, с. 30; 1994, с. 129). Причем полное отсутствие каких-либо источников по вопросу о контактах этих центров после первой четверти II в. до н.э. убеждает в правильности вывода А.С. Русяевой о том, что такое положение было вызвано переориентацией Ольвии на Неаполь и сближением ее со Скилуром, который направил свои военные усилия против Херсонесского государства (Русяєва А.С., 1983, с. 10; ср. Сапрыкин С.Ю., 1986 с. 204, 205). Показательно и то, что в Неаполе во II в. до н.э. значительно увеличивается количество родосских амфорных клейм, причем список имен на родосских клеймах в позднескифской столице и Ольвии поразительным образом совпадает (Леви Е.И., 1964, с. 227–237; Высотская Т.Н., 1979, с. 151; Голенцов А.С., Голенко В.К., 1979, с. 83). Если учесть, что родосский импорт в Херсонес занимал незначительне место, то резкое увеличение клейменой тары этого центра, ввозившейся, видимо, из Ольвии, свидетельствует об определенной переориентации торговых связей указанного античного центра (Бондарь Н.Н., 1956, с. 127; Зубарь В.М., 1993, с. 51). В связи с этим интересно, что подавляющее большинство клейм, обнаруженных в Неаполе при раскопках здания с портиками, было родосскими, в то время как херсонесские клейма здесь редки (Зайцев Ю.П., 1990, с. 88, 89; 1994, с. 218, 227, 233).

Таким образом, есть все основания заключить, что чеканка в Ольвии монет Скилура, а также отмеченная переориентация политических и экономических связей этого центра после первой четверти II в. до н.э. неопровержимо свидетельствуют об определенной степени зависимости ее гражданской общины от раннеклассового позднескифского государственного образования. Поэтому исходя из имеющихся в настоящее время данных, можно согласиться с Ю.Г. Виноградовым в том, что Ольвия в середине II в. до н.э. по существу попала под военно-политический протекторат Скилура, который, по-видимому, обеспечивал ей не только вооруженную защиту, но и определенные экономические выгоды (Виноградов Ю.Г., 1989, с. 239, 244, 245). Формально такой протекторат мог существовать в форме обычной в античном мире симмахии, о чем позволяют говорить присутствие названия города на монетах Скилура, выпуск Ольвией параллельно с чеканкой Скилура автономных монет типа Гермес-кадуцей (Фролова Н.А., 1964, с. 49) и функционирование городских магистратур, что четко фиксируется эпиграфическими памятниками (Виноградов Ю.Г., 1989, с. 241). Однако такой союз не мог быть равноправным, ибо при сохранении внешних атрибутов независимости фактически юрисдикция гражданской общины теперь распространялась лишь на внутренние дела государства, а ее внешняя политика и экономические связи целиком и полностью были подчинены интересам более сильного в военном отношении союзника.

Итак, на основании приведенных данных можно констатировать, что около середины II в. до н.э. в силу неблагоприятной военно-политической ситуации,

сложившейся в Северо-Западном Причерноморье, и углубления экономического кризиса, Ольвия была вынуждена отдать себя под покровительство позднескифского государственного объединения, во главе которого стоял Скилур. Это позволило гражданской общине, несмотря на определенное ущемление политических прав, получить помощь могущественного владыки, который также самым непосредственным образом был заинтересован в сближении с этим античным центром и в привлечении греков в свою столицу. Определенная группа греков-ольвиополитов, как об этом свидетельствует археологический материал, приняла участие в строительной деятельности на территории Неаполя и укреплении позднескифской державы, которая при Скилуре стала централизованным, хотя и недостаточно прочным, государственным образованием, объединявшим под верховной властью царя ряд районов поздней Скифии, которые до этого управлялись своими царьками (Зубар В.М., 1992, с. 100, 101). Подобно другим варварским династам, при дворе Скилура находились греческие советники, которыми и были поставлены посвящения греческим божествам, обнаруженные на территории Неаполя. А один из них – Посидей, – сын Посидея, ольвиополит – был не только советником и приближенным Скилура, но и осуществлял руководство боевыми действиями против "пиратствующих сатархеев" (IOSPE, 1^2, № 762; Соломоник Э.И., 1962, с. 37–40).

В заключение следует подчеркнуть, что протекторат Скилура в середине II в. до н.э. не был каким-то уникальным явлением в истории Ольвии. Сближение гражданской общины этого античного центра с варварами имело место как в V в. до н.э., когда в городе выпускались монеты Эминака (Карышковский П.О., 1988а, с. 79, 89; 1988б, с. 49–52; Анохин В.А., 1989, с. 15–17; Виноградов Ю.Г., 1989, с. 90–109), так и во второй половине I в. до н.э., когда в Ольвии чеканились монеты царей аорсов – Фарзоя и Инисмея, заключивших при посредничестве римской администрации с гражданской общиной долговременный оборонительный союз (Зубарь В.М., 1994, с. 218–221). Вероятно, более тесные контакты, которые в отличие, например, от Херсонеса поддерживала Ольвия с окружающими варварами, периодически заключая с ними оборонительные союзы или попадая под их протекторат, следует рассматривать в качестве одной из характерных особенностей исторического развития этого античного центра и считать традиционным направлением его внешней политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анохин В.А., 1989. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев.

Бондарь Н.Н., 1956. Торговые отношения Ольвии со Скифией в IV–I вв. до н.э. // СА. Т. 25.

Виноградов Ю.Г., 1989. Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н.э. Историко-эпиграфическое исследование. М.

Виноградов Ю.Г., Щеглов А.Н., 1990. Образование территориального Херсонесского государства // Эллинизм: экономика, политика, культура. М.

Висотська Т.М., 1992. До питання про соціально-політичну структуру пізньоскіфсвкої держави // Археологія. № 2.

Высотская Т.Н., 1979. Неаполь – столица государства поздних скифов. Киев.

Голенцов А.С., Голенко В.К., 1979. Из керамической эпиграфики. Неаполя Скифского // КСИА. Вып. 159.

Зайцев Ю.П., 1990. До питания про грецьке населения Неаполя // Археологія. № 1.

Зайцев Ю.П., 1992. Мавзолей Неаполя Скіфського // Археологія. № 1.

Зайцев Ю.П., 1994. Неаполь Скифский – Ольвия – Боспор: К проблеме этнокультурных связей // Ольвия – 200 лет. Тез. докл. Николаев.

Зайцев Ю.П., Пуздровский А.Е., 1994. Неаполь Скифский в эпоху Диофантовых войн // Северо-Западный Крым в античную эпоху. Киев.

Золотарев М.И., 1989. Взаимоотношения Ольвии и Херсонеса по нумизматическим данным // Древнее Причерноморье. Тез. докл. Одесса.

Золотарев М.И., 1994. Взаимоотношения Ольвии и Херсонеса в VII–II вв. до н.э. (по материалам херсонесских керамических клейм из Ольвии) // Северо-Западный Крым в античную эпоху. Киев.

Зубар В.М., 1992. Про пізньоскіфську державність // Археологія. № 1.

*Зубарь В.М., 1993.*Херсонес Таврический в античную эпоху (экономика и социальные отношения). Киев.

Зубарь В.М., 1994. Ольвия, сарматы и Рим во второй половине I в. н.э. // ВДИ. № 3.
Зубарь В.М., 1995. Еще раз о так называемом ольвийско-херсонесском конфликте в середине IV в. до н.э. // Старожитності Причорномор'я. Одеса.
Каришковський П.Й., 1973. Про так званімонети Скіфського царя Скілура // Археологія. Вип. 9.
Карышковский П.О., 1975. Древнейшая ольвийская проксения херсонесца (НО, № 3 + 12) // ОАМ АН УССР 150 лет. Тез. докл. Одесса.
Карышковский П.О., 1988а. Новые материалы о монетах Эминака // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. Киев.
Карышковский П.О., 1988б. Монеты Ольвии. Киев.
Колтухов С.Г., Махнева О.А., 1988. Новый участок оборонительной стены Неаполя Скифского // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев.
Крижицький С.Д., Крапівіна В.В., Лейпунська Н.О., 1994. Головні етапи історичного розвитку Ольвії // Археологія. № 2.
Леви Е.И., 1964. Керамический комплекс III–II вв. до н.э. из раскопок Ольвийской агоры // Ольвия. М.; Л.
Надписи Ольвии., 1968. Л.
Ольховский В.С., 1992. Про дискусійні питания соціально-політичної історії пізньоскіфського царства // Археологія. № 2.
Пуздровський О.Є., 1992. Кримська Скіфія в кінці II ст. до н.е. – перешій половині III ст. н.е. // Археологія. № 2.
Русяєва А.С., 1983. Економічні та культурно-політичні відносини Ольвії з Херсонесом // Археологія. Вып. 44.
Сапрыкин С.Ю., 1986. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М.
Соломоник Э.И., 1962. Эпиграфические памятники Неаполя Скифского // НЭ. М.
Фролова Н.А., 1964. Монеты скифского царя Скилура // СА. № 1.
Щеглов А.Н., 1978. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л.
Щеглов А.Н., 1988. Позднескифское государство в Крыму: К типологии эллинизма // Древний Восток и античная цивилизация. Л. IOSPE, 1^2: Latyschev B. Insriptiones antiquae orae Septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae, 1916. Vol. I. Petrolic.

Институт археологии
Национальной Академии наук
Украины. Киев

V.M. ZUBAR

OLVIA AND SKILUR

Summary

This article deals with the relations between Olvia and the Late Scythians during the reign of Skilur. The author analyses the archaeological finds that have been obtained during the latest excavations of Naples the Scythian. The author together with J. G. Vinigradov and the other scolars who share his point of view comes to a conclusion that there are forcible grounds to speak about the Scythian protectorate over Olvia in the middle – second half of the 2nd century B. C. The close relations between Olvia and Naples provided Olvia with and armed defence and certain economic advantages. Though the Scythian protectorate led to a break of traditional friendly relations with Chersonesus that took part in the long term wars with the late Scythians. Olvia often concluded alliances with surrounding barbarians or was under their protectorate. These close contacts were one of the typical features of a historic development and a traditional sphere of a foreign policy of this ancient state.

А.М. ОБЛОМСКИЙ

СРЕДНЕЕ ПОСЕЙМЬЕ В ПОЗДНЕРИМСКОЕ ВРЕМЯ. ФОРМИРОВАНИЕ ЮЖНОЙ ГРАНИЦЫ КОЛОЧИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В черняховский период, а также на рубеже позднеримского времени и раннего средневековья в Среднем Посеймье сосуществуют памятники двух культурно-хронологических типов. К первому относятся 16 поселений с преобладанием груболепной керамики с примесью крупного шамота в тесте, на которых встречены отдельные черняховские импортные изделия (фрагменты гончарных сосудов, обломки жерновов из туфа, грузил для ткацкого станка и т.д.). Они, впрочем, редки и на селищах, исследованных раскопками, не составляют и 1% находок от общего количества массового материала. Памятники второго типа (их всего 20) характеризуются, напротив, резким преобладанием гончарной керамики над лепной и по этому признаку могут быть отнесены к черняховской культуре. Имеет специфику также и топография поселений. Поселения первого типа расположены на краях песчаных и супесчаных террас рек (включая останцы в пойме – девять случаев), реже – на черноземных террасах (пять случаев) и изредка – на дюнах в пойме (два случая). Подобное расположение поселений на местности характерно для киевских, колочинских и пеньковских памятников Днепровского Левобережья (Горюнов Е.А., 1981, с. 11; Приходнюк О.М., 1991, с. 108; Терпиловский Р.В., Абашина Н.С., 1992, с. 24; Левченко Д.І., 1993, с. 30). Поселения второго типа занимают, как правило, черноземные первые или вторые террасы, и лишь одно поселение (Октябрьское-2) представляет собой исключение и находится на песчаной почве. Такое расположение поселений типично для черняховской культуры, в том числе и Днепровского Левобережья (Сымонович Э.А., 1964, с. 37; Кропоткін А.В., Обломський А.М., 1991, с. 78).

Не совпадает полностью и территория, на которой распространены памятники первого и второго типов. Поселения с находками преимущественно лепной керамики сосредоточены в долине Сейма по обоим его берегам и к северу от него (рис. 1, 2), причем наибольшая их концентрация наблюдается от с. Хижки Конотопского р-на Сумской обл. до устья р. Снагость (Курская обл.). Черняховские селища обнаружены лишь на левом берегу Сейма, в низовьях его притоков и далее к югу.

Дата появления памятников этого круга в Среднем Посеймье пока не ясна, однако черняховское население в регионе достоверно присутствовало в IV в. н.э. На поселении Снагость-2 обнаружен железный гребень и фрагмент амфоры типа F (Сымонович Э.А., 1983, с. 97). К сожалению, хронология первых разработана весьма слабо. Е.Л. Гороховский относит гребни с полукруглой спинкой к III в. н.э. (Гороховский Е.Л., 1988а, с. 159), не исключая возможности более длительного их использования. Амфоры типа F датируются серединой III–IV в. (Шелов Д.Б., 1978, с. 19; Абрамов А.П., 1993, с. 49). С поселения 10-ый Октябрь происходит фибула варианта БІ черняховских прогнутых подвязных по классификации Е.Л. Гороховского (Гороховский Е.Л., 1988а, с. 223, 224).

Обследование долины Сейма, проведенное Левобережной раннеславянской экспедицией в 1990–1993 гг., позволяет уточнить сведения Э.А. Сымоновича и И.И. Ляпушкина о северной границе ареала черняховских древностей. Вопреки популярному мнению, она не полностью совпадает с пределом распространения лесостепных ландшаф-

© А.М. Обломский, 1996 г.

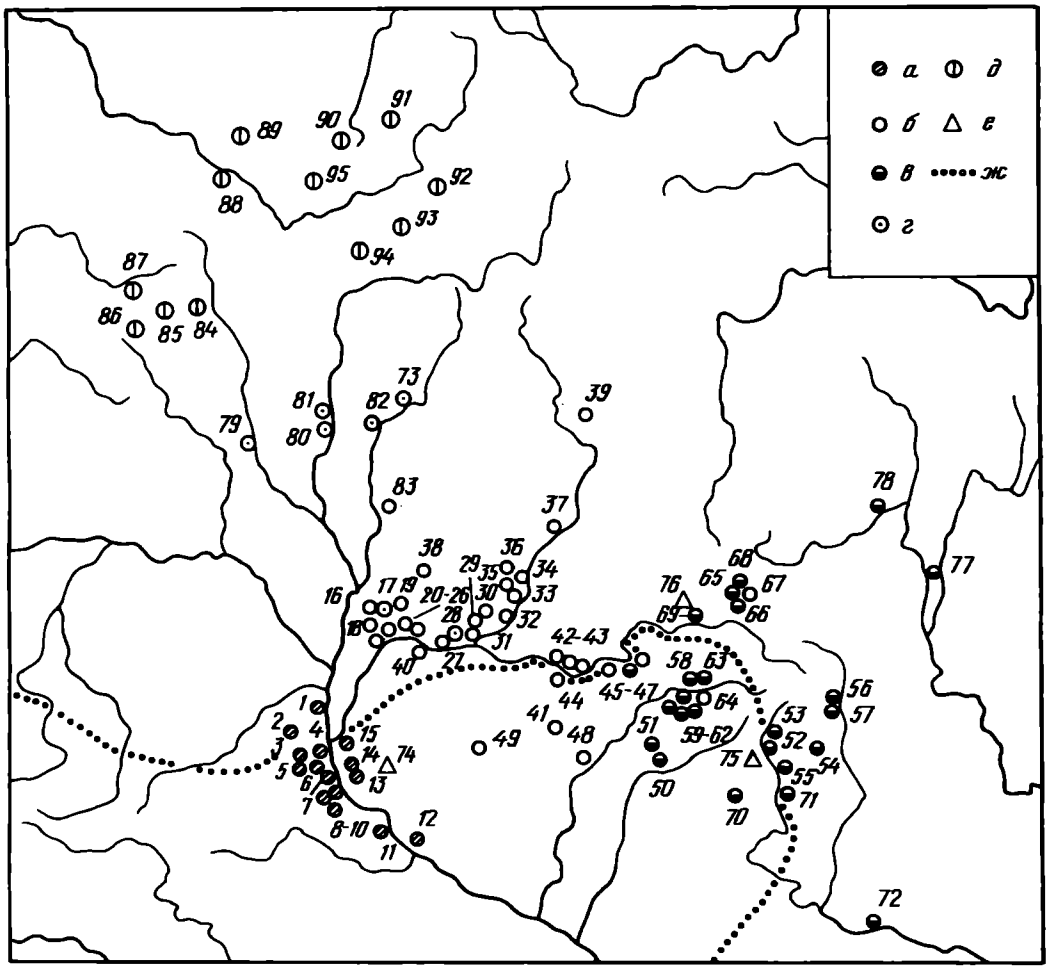


Рис. 1. Памятники киевской культуры, исследованные раскопками. *а* – среднеднепровский вариант (по Р.В. Терпиловскому и Н.С. Абашиной); *б* – деснинский вариант (по Р.В. Терпиловскому); *в* – сеймино-донецкий вариант (по А.М. Обломскому); *г* – памятники типа Абидни (по Р.В. Терпиловскому и А.М. Обломскому); *д* – памятники типа Заозерье (по Н.В. Лопатину), *е* – памятники черняховской культуры с элементами киевских традиций (по А.М. Обломскому и А.Н. Некрасовой); *ж* – границы черняховской культуры. *1* – Казаровичи; *2* – Савенки; *3* – Белгородка; *4* – Киев (Кирилловские высоты); *5* – Глеваха; *6* – Ходосовка; *7* – Новые Безрадичи; *8* – Обухов-2; *9* – Обухов-3; *10* – Обухов-7; *11* – Григоровка; *12* – Сушки-2; *13* – Вишенки; *14* – Бортничи; *15* – Погребы; *16* – Малый Листвен; *17* – Верхнестриженское-3; *18* – Верхнестриженское-2; *19* – Роище; *20* – Деснянка; *21* – Чернигов (Александровка); *22* – Чернигов (Еловщина); *23* – Березанка; *24* – Ульяновка; *25* – Киселевка-1; *26* – Киселевка-2; *27* – Гребля; *28* – Мена-5; *29* – Киреевка-2; *30* – Киреевка-1; *31* – Спасское; *32* – Вишенки; *33* – Мезин; *34* – Лавриков Лес; *35* – Форостовичи; *36* – Колодезный Бугор; *37* – Кветунь; *38* – Смычин; *39* – Касилово-2; *40* – Выбли; *41* – Беседовка; *42* – Пересыпки-1; *43* – Чаплищи-3; *44* – Октябрьское-2; *45* – Попово-Лежачи-4; *46* – 10-й Октябрь; *47* – Комаровка-2; *48* – Курган-Азак; *49* – Щуровка, *50* – Рябовка-1; *51* – Боромля-2; *52* –Шишино-1; *53* – Шишино-5; *54* – Цепляево-2; *55* – Шоссейное; *56* – Дачное-2; *57* – Приоскольское-2; *58* – Шмырево; *59* – Гочево-1; *60* – Гочево-1; *61* – Гочево-3; *62* – Гочево-4; *63* – Кулига; *64* – Песчаное; *65* – Тазово; *66* – Букреевка-2; *67* – Каменево-2; *68* – Воробьевка-2; *69* – Авдеево; *70* – Родной Край-3; *71* – Новодоновка-2; *72* – Богородичное; *73* – Демьянки; *74* – Хлопков; *75* – Головино-1; *76* – Колосовка; *77* – Староживотинное; *78* – Каширка-2; *79* – Щатково; *80* – Абидня; *81* – Тайманово; *82* – Барсуки; *83* – Гудок; *84* – Дедиловичи; *85* – Ревячка; *86* – Городище; *87* – Некасецк; *88* – Бельчица; *89* – Повалишино; *90* – Тролье; *91* – Каменная Лава; *92* – Подосинки; *93* – Шугайлово; *94* – Заозерье; *95* – Городок

тов и черноземов. «Лесостепные» территории и участки подобных почв известны и на левобережье Сейма, где нет черняховских памятников: в среднем течении р. Клевень, между Глушково и Рыльском. Можно предположить, что переходу черняховского населения через Сейм помешали обширные лесные пространства, препятствовавшие пашенному земледелию. Мне представляется это маловероятным, особенно для

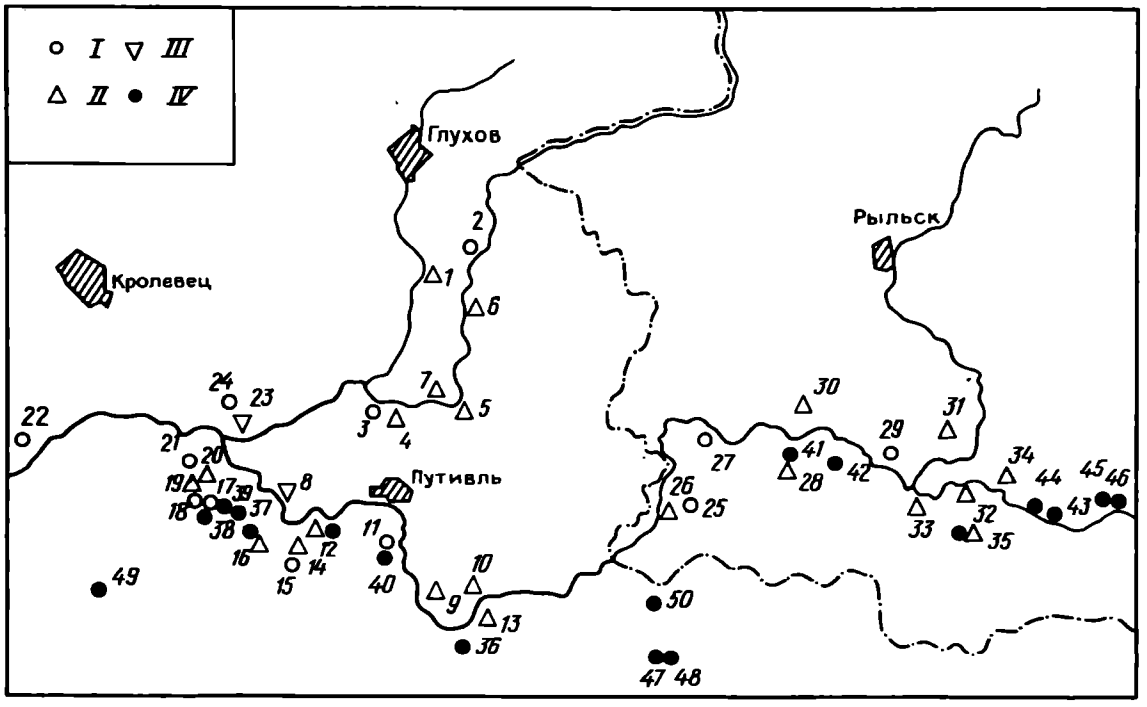


Рис. 2. Среднее Посеймье в римское время. *I* – позднезарубинецкие памятники; *II* – памятники киевской культуры; *III* – раннеколочинские памятники; *IV* – памятники черняховской культуры (северные). *1* – Перемога-1; *2* – Черневое; *3* – Вегеровка-1; *4* – Вегеровка-2; *5* – Руднево-2; *6* – Веселое-2; *7* – Ховзовка; *8* – Красное-4; *9* – Пересыпки-1; *10* – Чаплищи-3; *11* – Скуносово (Калиновка)-2; *12* – Октябрьское-2; *13* – Пески-4; *14* – Шевченково-1; *15* – Шевченково-2; *16* – Гвинтовое-1; *17* – Духановка-2; *18* – Хижки-1; *19* – Хижки-2; *20* – Хижки-3; *21* – Хижки-6; *22* – Любитово-1; *23* – Литвиновичи-3; *24* – Петровка-1; *25* – Бырдовка-2; *26* – Попово–Лежачи-4; *27* – Алексеевка-1; *28* – Ходяковка; *29* – Шагарово-4; *30* – Лещиновка-3; *31* – Забелино-3; *32* – Комаровка-2; *33* – Комаровка-А; *34* – Снагость-3; *35* – 10-й Октябрь; *36* – Чумаково; *37* – Духановка-1; *38* – Духановка-4; *39* – Духановка-3; *40* – Скуносово-1; *41* – Званное-1; *42* – Глушково-1; *43* – Снагость-1; *44* – Снагость-2; *45* – Любимовка-3; *47, 48* – Белополье; *49* – Поселок; *50* – Голышевское

восточной части региона. В эпоху голоцена, как известно, климат Европы периодически изменялся. В работах А.М. Римана, Д.И. Левченко, С.А. Сычевой и А.А. Узянова, где специально рассматривается вопрос о его особенностях на востоке Днепровского Левобережья, делается вывод, что в позднеримское время климат был относительно засушливым, континентальным и довольно близким к современному или даже более сухим (Ріман О.М., 1985, с. 7; Сычева С.А., Узянов А.А., 1987, с. 79, 80; Левченко Д.І., 1993, с. 32–34). Лесов, таким образом, вряд ли было много больше, чем сейчас.

Черняховские племена за Сеймом удерживали, очевидно, не почвенно-климатические особенности региона и не способ обработки земли, а другие причины, скорее всего политические. Видимо, не случайно в своем движении на север черняховское население остановилось на южной границе компактной и достаточно высокой области концентрации памятников киевской культуры в Среднем Посеймье: вероятно, «черняховцам» было оказано сопротивление. Косвенным показателем враждебных отношений племен деснинского варианта киевской культуры (к которым, как будет показано ниже, принадлежало и население Среднего Посеймья в позднеримское время) и «черняховцев» может служить различие в характере и степени влияния последних на материальную культуру киевских памятников двух регионов: Нижнего Подесенья – Среднего Посеймья, примыкавшего к черняховскому ареалу с севера, и верховьев Сейма, Псла – бассейна Северского Донца, граничащего с ним на востоке.

В первом регионе количество гончарной керамики на позднекиевских селищах не превышает 2–5%, лишь в некоторых комплексах, например в хозяйственной постройке 1 Роища, ее доля достигает 15% (Терпиловский Р.В., 1984а, с. 25). На этих

памятниках встречены также импортные украшения и орудия труда, свидетельствующие о заимствовании киевским населением некоторых более эффективных ремесленных и сельскохозяйственных технологий (Терпиловский Р.В., 1984а, с. 83, 84).

На поселениях сейминско-донецкого варианта киевской культуры доля импортной гончарной посуды обычно выше (от 4% в Шишино-1 до 20 в Тазово, 23 в Букреевке-2, 35% в Цепляево-2). Черняховские украшения и орудия труда также довольно часты. В отличие от Подесенья и Среднего Посеймья особенности набора лепной посуды, а также приемы домостроительства киевских селищ водораздела Днепра и Дона и некоторых черняховских поселений (Головино-1, Боромля-2, Колосовка) свидетельствуют о частичном этническом смешении населения в восточном киевско-черняховском пограничье (Обломский А.М., 1991, с. 99, 114–118). По этой причине, кстати, на востоке довольно трудно определить границу черняховской культуры. В 1991 г. автор настоящей работы и А.В. Кропоткин попытались проделать это по распространению основного массива помятников (Кропоткін А.В., Обломський А.М., 1991, с. 77). Однако к востоку от него, т.е. уже на киевской территории, также известны отдельные черняховские поселения (Голубовка-2, Хохлово-2, Стрельниково и др.). Северная граница черняховской культуры в отличие от восточной выглядит очень «жесткой»: проходит строго по Сейму и несколько южнее нижнего течения Десны.

Степень черняховско-киевской интеграции, таким образом, на северной границе распространения черняховских памятников была значительно ниже, чем на восточной, причем в последнем регионе контакты населения были не только торгово-экономическими, но и этническими, что свидетельствует об отношениях дружественных, возможно, даже союзнических.

Вернемся, однако, к территории Среднего Посеймья. Изо всех памятников позднеримского времени с преобладанием лепной керамики стационарными раскопками исследовались лишь пять (Красное-4, Чаплищи-3, Литвиновичи-3, Комаровка-2, Пересыпки-1). На большинстве из них основные материалы этого периода происходят из культурных слоев. Закрытые комплексы немногочисленны (по одной постройке из Красного-4 и Чаплищ-3 и несколько хозяйственных ям из последнего пункта) и при анализе материала могут служить лишь ориентирами, что, естественно, снижает качество обобщения.

Типологически, по набору лепной посуды[1], все эти памятники близки между собой. На них встречены лепные округлобокие сосуды с выпуклой дугой на участке профиля от места наибольшего расширения тулова до шейки (тип I, 1: рис. 3, *17, 18*; 4, *5, 6*; 5, *38*; 6, *3, 23, 26*; 7, *15*); закрытые слабопрофилированные близкие к баночным (тип I, 3-*а*: рис. 3, *3, 4, 6, 8–10, 22, 23, 25*; 4, *4, 16–18, 21, 22, 24, 26*; 5, *2, 3, 19–22, 24, 43, 45*; 6, *8, 9, 24, 25, 29, 30, 36, 38*; 7, *3, 4, 6, 7, 10–13, 16–20, 23–26, 29, 30, 31, 36, 39, 45, 52*) «тюльпановидные» (тип I, 3-*б*; рис. 3, *11–13, 15, 16, 19, 24*; 4, *3, 10, 11, 19, 25, 27*; 5, *1, 10, 17, 23, 25*; 6, *11, 13, 16, 27, 28, 32, 37, 41*; 7, *5, 9, 27, 33, 42–44*); три варианта баночных (тип I, 4-*а* с выпуклым загнутым внутрь краем: рис. 3, *26*; 6, *4, 6, 7, 14, 19, 33, 39, 47; 7, 14, 32*; тип I, 4-*б* с выпуклой дугой в верхней части и небольшим желобком под венчиком: рис. 3, *7, 14, 21;* 4, *23;* 6, *18, 20, 31, 35, 45, 46;* 7, *8;* тип I, 4-*а* с прямой верхней частью, выпуклой нижней и иногда с небольшой закраиной под венчиком: рис. 5, *7;* 7, *21, 35*). Ребристые горшки представлены формами с изогнутой дугой (тип II, 1: рис. 5, *9;* 6, *1, 2, 15;* 7, *40*) и прямой линией в верхней части профиля (тип II, 2: рис. 3, *2, 5;* 4, *20;* 5, *49;* 7, *39*) с отогнутыми наружу венчиками, а также сосудами без венчика, верхняя часть которых приближается к цилиндру (тип II, *5*: рис. 4, *1;* 6, *5*). На всех памятниках обнаружены диски, как плоские, так и со слабо выраженной закраиной и даже с довольно высоким бортиком. Особенностью поселе-

[1] В статье используется классификация автора 1991 г. (Обломский А.М., 1991, с. 35–37, табл. II).

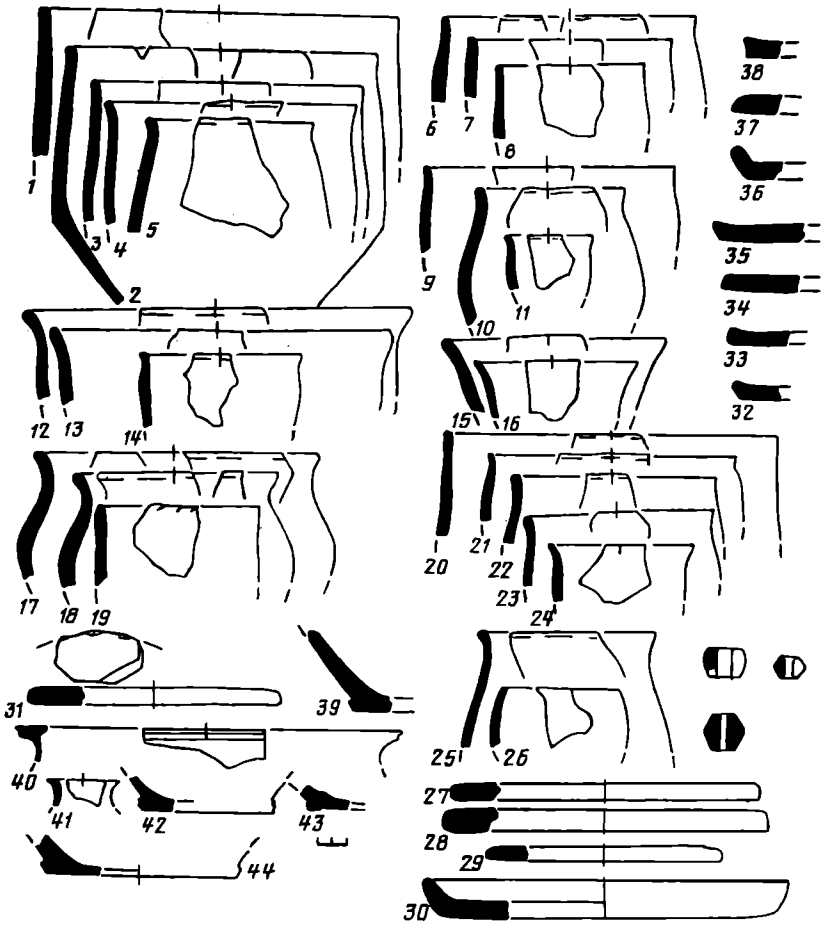


Рис. 3. Материалы римского времени из культурного слоя поселения Пересыпки-1. *1 – 38*– груболепная керамика; *39–44* – фрагменты черняховских гончарных сосудов

ния Литвиновичи-3 являются усеченно-конические горшки типа I, 4-г без даже слабо выраженных венчика и плеча (рис. 5, *12–15*).

Подавляющее большинство сосудов неорнаментировано. Лишь единицы имеют насечки или пальцевые вдавления по краю венчика (рис. 3, *19;* 4, *16*; 6, *2*), т.е. они декорированы в позднезарубинецко-раннекиевской манере. В Чаплищах-3 на стенке одного из сосудов помещен небольшой валикообразный вертикальный налеп (рис. 4, *17*). В Литвиновичах-3 обнаружен фрагмент сосуда с уплощенным венчиком, орнаментированным насечками в виде мелкой сетки, нанесенной ножом (рис. 5, *11*). Эти два элемента орнаментации характерны для раннесредневековой керамики Днепровского Левобережья (см. поселение Хитцы) (Горюнов Е.А., 1981, рис. 33, *12, 14;* 34, *4;* 35, *3, 13, 14*).

На всех перечисленных выше памятниках имеются отдельные предметы черняховского импорта. К ним относятся немногочисленные фрагменты гончарных черняховских сосудов из Пересыпок-1, Чаплищ-3, Красного-4, Комаровки-2, обломок конического грузила для ткацкого станка из Красного-4, фрагмент позднеримской амфоры типа F из Комаровки-2, обломки туфовых жерновов из Литвиновичей-3 и Красного-4.

Относительно узко датируется лишь железная пряжка с поселения Красное-4 (рис. 6, *53*), язычок которой утрачен. Изделие было довольно массивным, имело вертикально-овальную раму с утолщением и небольшим прогибом спереди. В центральной Европе аналогичные пряжки относятся к стадии Д (Madyda R., 1977, s. 377; Madyda-Legutko R., 1983, s. 114), которая по схеме К. Годловского 1985 г. датируется

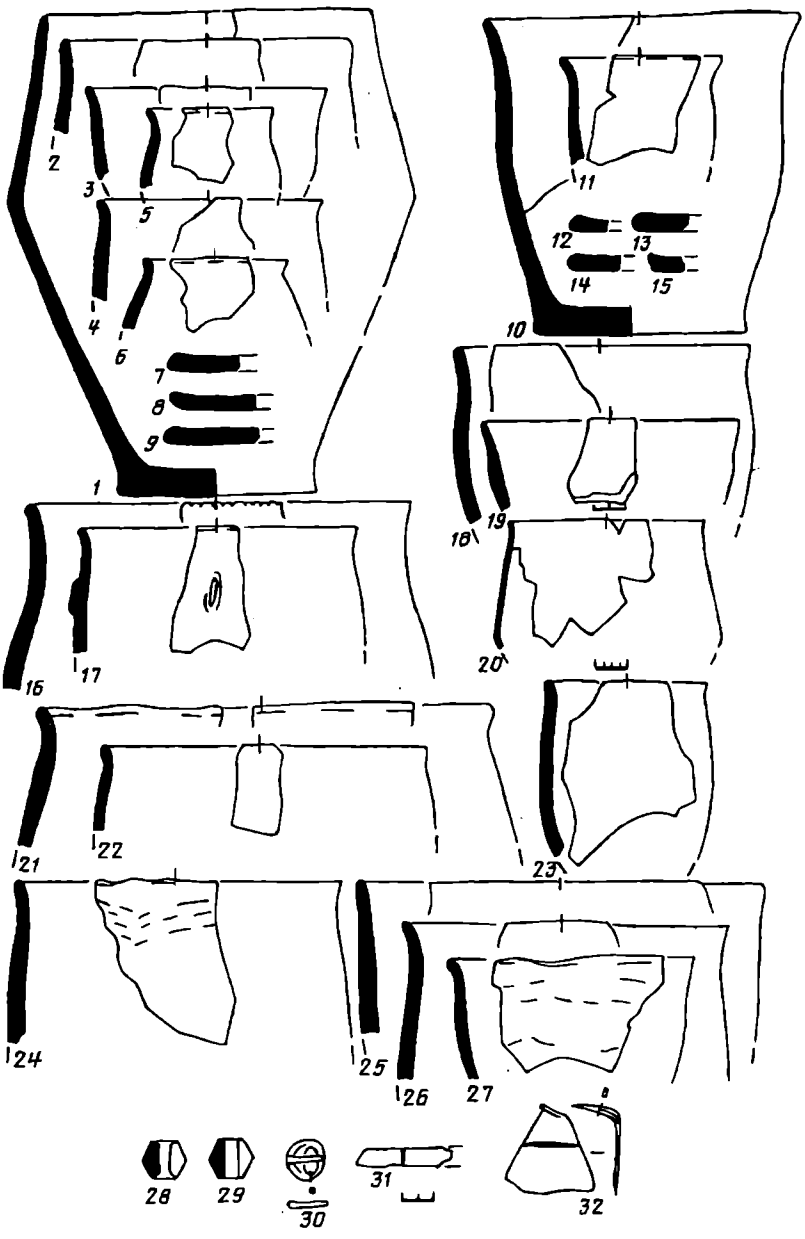


Рис. 4. Чаплищи-3. Материалы римского времени. *1–27* – груболепная керамика; *28, 29* – глиняные пряслица; *30–32* – изделия из железа; *1, 21, 25, 26* – яма 13; *2–9, 29, 31, 32* – культурный слой; *10–15, 18–20, 28, 30* – постройка 2; *16, 17, 22, 27* – яма 12; *23* – яма 1; *24* – яма 10

концом IV–V в. (Godlowski K., 1985, s. 112, 113), причем сам автор отмечает условность этой даты. Близкие по форме рамок изделия из черняховских комплексов Е.Л. Гороховский объединяет в серию Д, которая, по его мнению, существовала во второй половине IV – начале V в., включая раннегуннскую эпоху (Гороховский Е.Л., 1988а, с. 305). Известны аналогичные пряжки и на поздних памятниках киевской культуры (Роише, Ульяновка, Каменево-2) (Терпиловский Р.В., Абашина Н.С., 1992; Обломский А.М., 1991, с. 17, 18).

Совершенно очевидно, что крайне скудный датирующий материал, происходящий с позднеримских селищ Среднего Посеймья с преобладанием лепной керамики, не позволяет определить их дату в хотя бы относительно узких рамках. По находкам черняховской гончарной керамики и обломкам туфовых жерновов они могут быть синхронизированы с черняховской культурой, не исключая ее финала и даже раннегуннского времени, на что, вроде бы, указывает пряжка из Красного. Наличие «римс-

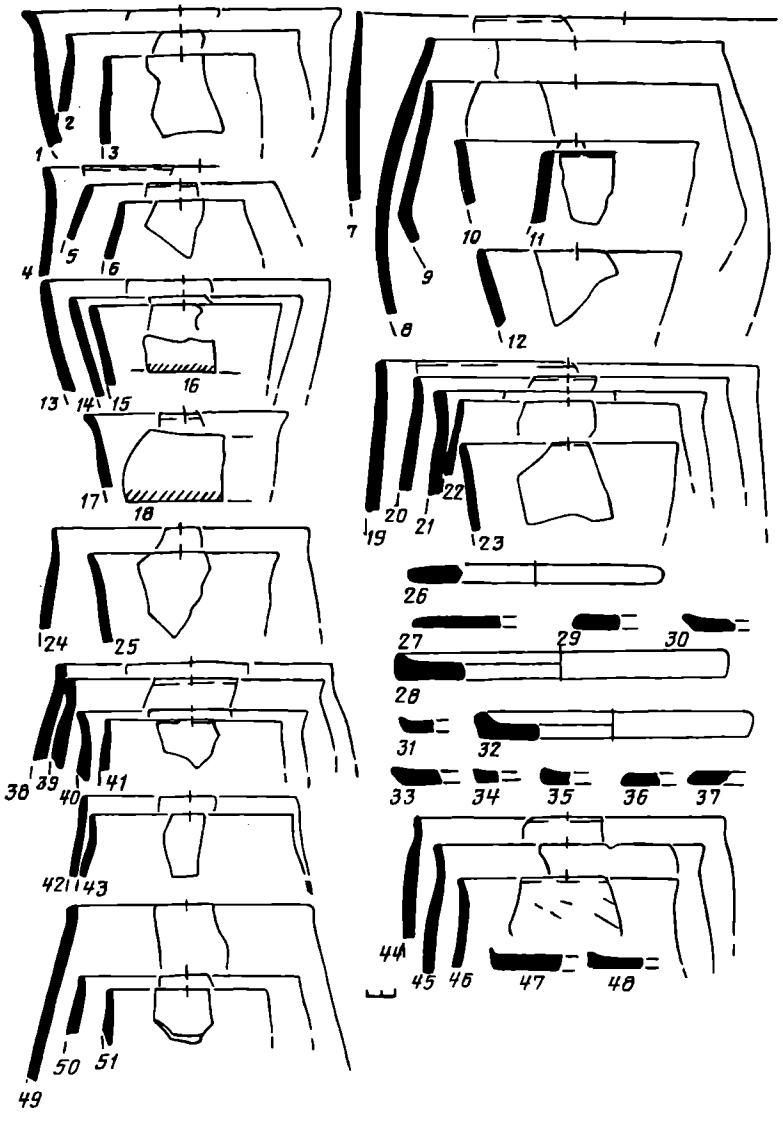


Рис. 5. Литвиновичи-3. Материалы римского времени. *1–15, 17, 19–51* – груболепная керамика; *16, 18* – фрагменты туфовых жерновов; *1–3, 6, 18, 36, 37* – постройка 5–6; *8* – раскоп 2, яма 2; *4, 7, 9–17, 19–35, 38–51* – культурный слой

ких» элементов орнаментации сосудов наряду со средневековыми также подтверждает наблюдение о переходном характере памятников.

Из орудий труда наиболее интересны пряслица. По классификации, предложенной автором в 1991 г. (Обломский А.М., 1991, с. 53), они относятся к четырем типам: ко второму («лепешковидные» – три экз.: два из Красного-4, один из Пересыпок-1, рис. 3, *46*; 6, *48*), пятому («низкие биконические» – 2 экз., оба – из Красного-4, одно из них – лощеное, рис. 6, *50, 55*); шестому («биконические средней высоты»: четыре экз., по одному из Красного-4, Пересыпок-1 и два – из Комаровки, первые два – с воронковидными основаниями, рис. 3, *47;* 6, *49*) и седьмому («высокие биконические»: восемь экз., два – из Чаплищ-3, одно – из Пересыпок-1, пять – из Комаровки, рис. 3, *45;* 4, *28, 29*) (Мельниковська О.М., Симонович Е.О., 1975, рис. 1, 5–9, 17). Большая коллекция пряслиц происходит с поселения Литвиновичи-3, но выделить из их числа предметы, относящиеся к горизонту рубежа римского времени и средневековья, практически невозможно. На этом памятнике имеются объекты волынцевского периода, для которого в такой же степени характерны и лепешковидные пряслица, и биконические высокие с широким отверстием.

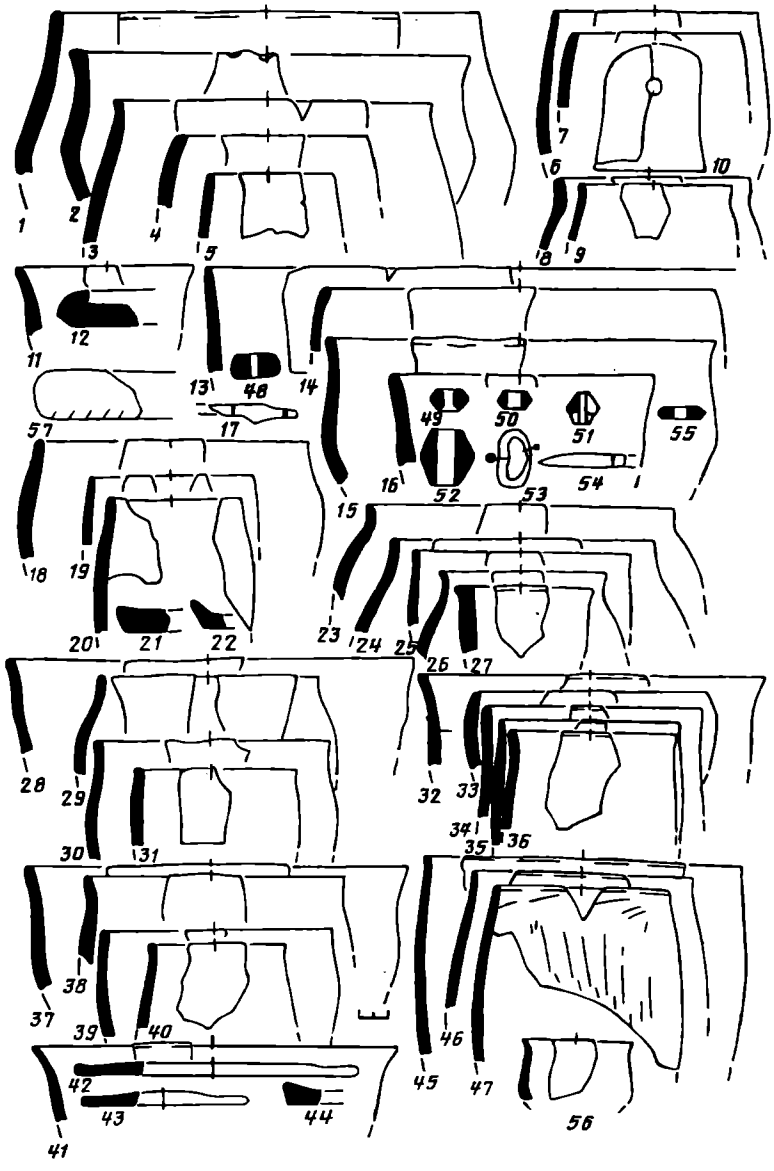


Рис. 6. Красное-4. Материалы римского времени. *1–9, 11–16, 18–47* – груболепная керамика; *10* – фрагмент глиняного грузила; *17, 53, 54* – изделия из железа; *48–51, 55* – глиняные пряслица; *52* – глиняный грузик; *56* – фрагмент черняховского гончарного сосуда с шероховатой поверхностью; *57* – фрагмент туфового жернова; *1–5* – постройка 2 раскопа 2; *6–51* – культурный слой

Ранее отмечалось, что на разных территориях киевской культуры периоды наибольшего распространения некоторых типов пряслиц не совпадают. Так, на водоразделе Днепра и Дона весь набор изделий, по форме аналогичных обнаруженным на памятниках Среднего Посеймья, бытует с позднезарубинецкого периода до конца римского времени. Тем не менее высокие биконические пряслица наиболее часты на ранних киевских памятниках (до начала черняховского влияния), ребристые средней высоты с воронковидными основаниями типичны для древностей круга Букреевки – Тазово, находившихся под черняховским воздействием, а низких биконических больше всего на финальном для римского времени поселении Каменево-2 (Обломский А.М., 1991, с. 53, 104).

В комплексах киевской культуры Подесенья преобладают уплощенные биконические пряслица. Высокие ребристые изделия появляются на финале римского времени, однако наибольшее распространение получают в раннем средневековье как в Подесенье, так и в более южных и восточных областях Левобережья (Терпиловский

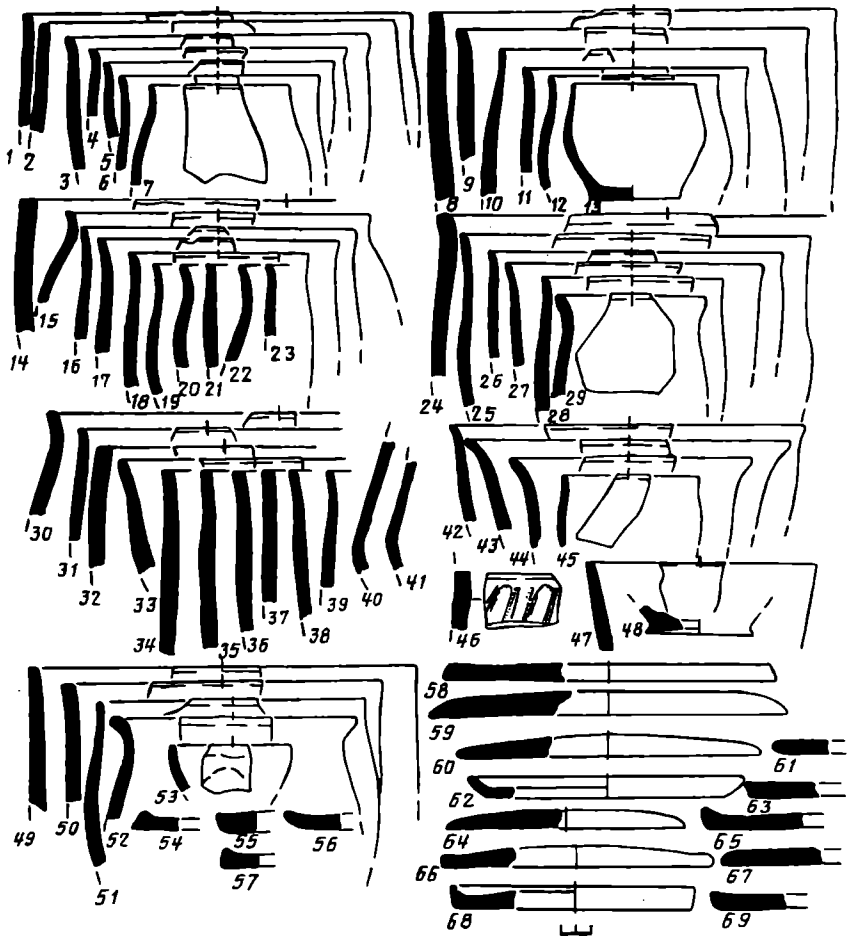


Рис. 7. Беседовка. Материалы позднеримского времени. *1–45, 49–69* – груболепная керамика; *46, 48* – фрагменты гончарных черняховских сосудов; *47* – фрагмент лощеной лепной миски

Р.В., 1984а, с. 33; Горюнов Е.А., 1981, рис. 22, *1, 2, 7, 15, 17;* Тихомиров Н.А., 1990, рис. 5). Ниже будет показано, что по своему керамическому набору поселения Среднего Посеймья наиболее близки к деснинским. Преобладание на первых высоких биконических пряслиц является еще одним свидетельством относительно поздней даты этих памятников, близости их по хронологии к раннему средневековью.

Прочие орудия труда не имеют культурно-хронологической специфики. К ним относятся обломки ножей с прямыми спинками, пробойник, массивное треугольное железное изделие вроде тяпки с отогнутым перпендикулярно плоскости лезвия черешком (рис. 4, *7, 8;* 6, *17, 54*). Неоднократно встречались также куски точильных камней и костяные точила или тупики. Из постройки 2 поселения Красное-4, имевшей хозяйственное назначение, происходит рассыпавшийся на несколько частей верхний жернов ручной мельницы, изготовленный из плотного известняка.

Единственное относительно неплохо сохранившееся жилище римского времени (постройка 2 Чаплищ-3) представляет собой прямоугольную полуземлянку размерами около 4,8 × 2,6 м и глубиной 34–52 см от уровня материка со следами двух опорных столбов, стоящих рядом в центре сооружения, стены которого были возведены без применения обмазки. Этот тип жилищ широко распространен на территории Среднего Поднепровья, Днепровского Левобережья и водораздела Днепра и Дона в I–VII вв. На поселении Литвиновичи-3 исследованы остатки полуземлянки («постройка 5–6») размерами 3,2 × 5 м с полукруглым выступом с одной из сторон. Сооружение имело глубину 28–30 см. Его контуры прослежены в культурном слое, т.е. размеры и глубина постройки реконструированы приблизительно. Какие-либо детали интерьера, конструкции стен или кровли зафиксировать не удалось.

При определении места памятников Среднего Посеймья с преобладанием лепной керамики в системе археологических общностей Днепровского Левобережья позднеримского времени и начала средневековья необходимо решить несколько спорных вопросов, что требует привлечения ряда дополнительных данных. Среднее Посеймье является пограничным районом между деснинским и сейминско-донецким вариантами киевской культуры (рис. 1). Для выяснения этнокультурной принадлежности материалов этой территории требуется их сравнение с памятниками, находящимися как восточнее, так и западнее от нее. Последние до недавнего времени воспринимались как единое археологическое целое – прообраз раннесредневековой колочинской культуры (Третьяков П.Н., 1974, с. 48–74; 1982, с. 60–83; Горюнов Е.А., 1981, с. 35–47; Терпиловский Р.В., 1984а, с, 73–78). Сомнения в однородности материалов киевских деснинских памятников высказал О.М. Приходнюк, который указал на различия в структуре керамического комплекса Лаврикова Леса – Форостовичей, с одной стороны, и Роища – с другой (Приходнюк О.М., 1991, с. 118). Если мнение О.М. Приходнюка справедливо, то внутри деснинского варианта киевской культуры нужно выделять, как минимум, две традиции, что необходимо учитывать при сравнении среднесейминских материалов с деснинскими.

Рубеж между деснинскими киевскими древностями и более поздними колочинскими в настоящее время определяется недостаточно отчетливо. Е.А. Горюнов, разделивший материалы второй – третьей четверти I тыс. н.э. Подесенья на три хронологические группы, вторую (колочинскую) датировал IV–VII вв., причем в ее состав вошло и селище Ульяновка, которое автор раскопок Р.В. Терпиловский считает одним из эталонов позднего этапа киевской культуры Подесенья. В свою очередь Р.В. Терпиловский предложил считать колочинскими памятники с особой структурой набора керамических форм, где господствуют тюльпановидные, биконические и цилиндроконические горшки (Терпиловский Р.В., 1984а, с. 74–76). Критерий этот выглядит достаточно четким, однако, как нам представляется, лишь на первый взгляд. На многих территориях распространения колочинских древностей наблюдается иное соотношение типов горшков и корчаг. В Нижнем Посожье, например, преобладают различные разновидности слабопрофилированных близких к баночным сосудов, тюльпановидные находятся на втором месте, ребристые – на третьем, а цилиндроконические очень редки (Макушников О.А., 1987, с. 8). В Курском Посеймье единичны ребристые формы (см. публикацию могильников Лебяжье и Княжий – Тихомиров Н.А., 1990, рис. 3, 4).

По всей видимости, колочинские памятники не столь уж однородны типологически, как, впрочем, и поздние киевские Подесенья. Довольно зыбкие критерии отличия их друг от друга порождают путаницу в определении хронологии комплексов. Последнее осложняется еще и тем, что киевский этап заканчивается, а колочинский начинается в период использования населением Подесенья черняховского импорта (Терпиловский Р.В., 1985, с. 95, 96). Для Среднего Посеймья выделение двух этапов по лепной керамике имеет принципиальное значение, учитывая скудость датирующего материала.

Третья задача имеет более общий характер и заключается в определении времени распространения протоколочинского населения на восток и юг в лесостепную зону. Киевские памятники концентрируются в Среднем Посеймье, а южнее они довольно редки (рис. 1; 2). Восточнее, в верховьях Сейма, Псла, бассейне Северского Донца и, по всей видимости, далее к востоку вплоть до р. Воронеж распространены поселения круга Букреевки – Тазово (или позднего этапа сейминско-донецкого варианта киевской культуры), которые с колочинской археологической общностью типологически не связаны, а представляют собой один из прототипов пеньковки (Обломский А.М., 1991, с. 124–128). Граница колочина в раннем средневековье проходит значительно южнее и восточнее Среднего Посеймья: памятники этого круга известны в верхнем и среднем течении Сулы и Псла, в верховьях Сейма, т.е. на территории, ранее занятой черняховскими и киевскими сейминско-донецкими древностями (Горюнов Е.А., 1981,

Таблица 1

Структура керамического комплекса памятников Подесенья, Среднего Посеймья и лесостепи Сумщины

Памятники	Типы сосудов								Диски	Конические крышки
	I, 1	I, 3-*а*	I, 3-*б*	I, 4	II, 1	II, 2	II, 5	I, 4-*г*		
Пересыпки-1	2/6	9/25	7/19	4/11		2/6			12/33	
Чаплищи-3	2/7	8/30	6/21	1/4		1/4	1/4		8/30	
Красное-4	3/7	9/20	8/18	14/32	3/7		1/2		6/14	
Литвиновичи-3	1/2	15/25	10/17	7/12	1/2	1/2		5/8	19/32	
Курган-Азак	4/7	14/25	13/24			2/4	2/4		17/32	2/4
Беседовка	1/1	28/35	9/11	7/9	1/1	1/1			34/41	1/1
Ульяновка	6/21	14/50			2/7	3/11			3/11	
Роище	5/11	11/24	5/11	2/5	14/30	6/13			3/6	
Каменево-2	14/26	11/21	9/17	7/13	1/2	3/6	3/6		1/2	4/7
Комаровка-2	2/5	19/50	8/21	1/3	2/5				6/16	
Песчаное	6/30	9/45	1/5						3/15	
Выгоры-2	4/22	10/56		2/11		2/11				
Александровка (1993)	2/8	5/19	4/15	1/4	2/8	8/30			1/4	3/12

Примечание: числитель – количество, знаменатель – процент.

рис. 15). Предстоит, таким образом, определить время продвижения сюда носителей протоколочинских традиций и найти место оставленных ими памятников в «культурной стратиграфии» (термин Е.А. Горюнова) региона.

Для решения всех этих задач необходим комплексный анализ массового материала – керамики. Для этого используется методика, предложенная автором в 1991 г., основанная на сопоставлении форм сосудов, их пропорций и структур керамических комплексов (Обломский А.М., 1991, с. 47–51, 64–79). К анализу привлекаются памятники Среднего Посеймья первой группы, исследованные широкими площадями (Красное-4, Комаровка-2, Пересыпки-1, Чаплищи-3, Литвиновичи-3), поселения поздней фазы деснинского варианта киевской культуры по Р.В. Терпиловскому (Ульяновка, Роище, исключая средневековые комплексы, Выбли, Киселевка-2) (Терпиловский Р.В., 1984б, с. 42; Терпиловский Р.В., Абашина Н.С., 1992, с. 82). К этому же периоду в Подесенье относится не опубликованное пока селище Александровка. Из раннеколочинских селищ (по определению Р.В. Терпиловского) используются материалы только поселения Выгоры-2, поскольку они полностью опубликованы (Шекун А.В., Терпиловский Р.В., 1993, с. 18–20) (табл. 1).

Из всех известных к настоящему времени киевских памятников лесостепной части Сумской обл. широкой площадью раскопаны три селища: Боромля-2, Курган-Азак и Беседовка. Киевский горизонт первого из них относится к раннечерняховскому периоду (вторая половина III в.) (Некрасова А.Н., 1991, с. 2), перекрывается собственно черняховским слоем и соответственно к теме статьи прямого отношения не имеет. К анализу привлечены лишь материалы из Курган-Азака, где наряду с отдельными фрагментами сероглиняной гончарной керамики обнаружена фибула IV в., и Беседовки.

Материалы поселения Беседовка (раскопки Е.В. Махно, 1949 г.) неоднократно привлекали внимание исследователей. Находки римского времени – начала раннего средневековья при этом интерпретировались по-разному: как черняховские (И.И. Ляпушкин, А.Н. Некрасова), раннекиевские (Е.А. Горюнов), относящиеся к двум периодам – раннекиевскому и колочинскому (Р.В. Терпиловский, Н.С. Абашина). Просмотр материалов этого селища в фондах Института археологии Национальной Академии наук Украины убедил меня в том, что наиболее вероятно предположение о наличии на памятнике двух довольнцевских горизонтов. В коллекции находок поселения имеется керамика, как лощеная, так и груболепная, типологически подобная позднезарубинецкой I–II вв. или раннекиевской. С этим горизонтом памятника, видимо, связаны находки «танаисских» амфор (одной целой и второй в обломках). Отдельные черепки черняховских гончарных сосудов (рис. 7, *46, 48*), скорее всего, составляют единую хронологическую серию со слабопрофилированной лепной керамикой и фрагментами дисков (рис. 7, *1–45, 49–69*). Последняя, на мой взгляд, хотя и близка к колочинской, но все же ею считаться не может. Как соотношение форм, так и пропорции сосудов ставят Беседовку в один ряд с памятниками типа Ульяновки и Курган-Азака, т.е. позднекиевскими.

Из поселений, расположенных на водоразделе Днепра и Дона, к анализу привлекаются наиболее поздние из них (в рамках римского времени) – Каменево-2 и Песчаное, керамический комплекс которых близок к деснинскому. Для сравнения используются и материалы поздней фазы сейминско-донецкого варианта киевской культуры с поселений Букреевка-2, Тазово и Авдеево, где набор лепной посуды был достаточно представительным (Обломский А.М., 1991, с. 90–100, 108–123).

По структуре набора форм сосудов все перечисленные выше памятники делятся на три группы. В первую включены поселения, где преобладают горшки типа I, 3-*а* (близкие к баночным, с выраженными венчиком и шейкой), на втором месте, как правило, находятся тюльпановидные сосуды (тип. I, 3-*б*), на третьем, четвертом и пятом – формы типа I, 1 (с отогнутым наружу изогнутым венчиком и выпуклой дугой на участке профиля от места наибольшего расширения тулова до шейки), I, 4 (различные варианты баночных) и ребристые (II, 1; II, 2-*а*, и II, 5). Суммарный процент

последних обычно очень низок: от 1% в Беседовке до 18% в Ульяновке. В Песчаном их нет вовсе (табл. 1). Первую группу составляют поселения Пересыпки-1, Чаплищи-3, Комаровка-2, Курган-Азак, Беседовка, Песчаное, Ульяновка, Выгоры. Сюда же относятся, по-видимому, Киселевка-2, где сосудов типа 1, 3-*а* насчитывается 10 из 14 форм, и Выбли (6 из 9) (Обломский А.М., 1991, с. 122). От этих поселений резко отличаются Роище и Александровка: по преобладанию ребристых форм (43 и 38%). На обоих памятниках на втором месте находятся горшки типа 1, 3-*а*, а на третьем и четвертом – типа I, 3-*б* и I, 1.

В третью группу включены Красное-4 и Литвиновичи-3. На первом из них преобладают баночные формы (тип I, 4 – 32%), на втором и третьем местах находятся слабопрофилированные закрытые (I, 3-*а* – 20%) и тюльпановидные (I, 3-*б* – 18%), прочие представлены небольшими сериями. В Литвиновичах наибольшее распространение имеют I, 3-*а* (25%), однако баночных с загнутым внутрь краем довольно много (12%). Специфичны для этого памятника баночные сосуды с расширяющимся венчиком, близкие по форме к усеченному конусу (I, 4-*г*). Суммарный процент всех разновидностей «банок» очень высок – 20%. В структуре керамического комплекса памятника они находятся на втором месте.

Особняком стоит поселение Каменево-2, где горшков I, 3-*а* и I, 1 приметно равное количество (21 и 24%). Как уже отмечалось ранее, своеобразие этого памятника заключается в смешении традиций сейминско-донецкого и деснинского вариантов киевской культуры (Обломский А.М., 1991, с. 119–121).

Практически на всех памятниках присутствуют диски (их нет только в Выгорах-2), хотя удельный вес их в комплексе разный – от 0,5 до 42% от общего числа форм. Конические миски из Курган-Азака, Беседовки (рис. 7, *55*) и Александровки являются, скорее, не типологическим, а хронологическим показателем: демонстрируют принадлежность памятника позднеримскому времени.

По структуре керамического комплекса все перечисленные памятники относятся к иной традиции, чем поселения сейминско-донецкого варианта киевской культуры. На всех памятниках этого круга, датирующихся черняховским периодом, резко преобладают сосуды типа I, 1, а прочие формы представлены сравнительно небольшими сериями (Обломский А.М., 1991, рис. 29). Первая группа поселений (типа Ульяновка – Курган-Азак) наиболее близка к ранним киевским памятникам деснинского варианта (Лавриков Лес, Форостовичи) (Обломский А.М., 1991, с. 67) и в этом смысле является продолжением местной традиции Подесенья. Селища второй группы занимают как бы промежуточное положение между собственно деснинскими (на них также довольно много сосудов типа I, 3-*а*) и киевскими среднеднепровскими, где достаточно широко распространены ребристые формы, особенно на поздних памятниках (Абашина Н.С., 1986, с. 101–103). Не исключено, что возникновение «второй керамической традиции» в Подесенье было связано с притоком населения из Среднего Поднепровья. Для Роища по крайней мере это подтверждается спецификой пропорций сосудов. Раннеколочинские селища Подесенья (Целиков Бугор, Смольянь, Заярье), где, по данным Е.А. Горюнова и Р.В. Терпиловского, достаточно часто встречаются биконические и цилиндро-конические горшки, продолжают, видимо, развитие традиций Александровки и Роища.

На памятниках третьей группы преобладают (или встречены в значительном количестве) формы, которые в римское время либо относительно редки (баночные), либо не известны вовсе (усеченно-конические), т.е. по своему набору эти селища «тяготеют» к раннему средневековью. По всей видимости, наступление колочинского этапа в Среднем Посеймье характеризуется широким распространением закрытых баночных сосудов и появлением усеченно-конических. Структура керамического комплекса Красного-4 относительно близка к соотношению набора типов горшков и корчаг Нижнего Посожья и Гомельского Поднепровья в том виде, как ее воссоздал О.М. Макушников (Макушников О.А., 1987, с. 7, 8), хотя в Красном реже, чем в

Посожье, встречаются ребристые формы. Литвиновичи-3 имеют как бы промежуточное положение между памятниками первой группы Подесенья-Левобережья, с которыми его сближает преобладание сосудов типа I, 3-*а*, и Посожья. Вопрос заключается в том, является ли сложение специфического колочинского комплекса Среднего Посеймья результатом эволюции традиций киевской культуры Подесенья или на рубеже римского времени и средневековья в Посеймье появляются какие-то группы населения из Южной Белоруссии. Он остается пока открытым. Памятники периода раннего средневековья в северной части Сумской и Курской областей исследованы весьма слабо (несмотря на наличие таких больших могильников, как Княжий и Лебяжье). Да и белорусские древности V–VII вв. нуждаются в новом обобщении.

По степени профилированности верхней части сосуды подавляющего большинства памятников, включенных в выборку, близки между собой: на этих поселениях абсолютно преобладают слабопрофилированные формы (с углом наклона венчика от стенок профиля выше максимального расширения тулова бóльшим 150°). В Литвиновичах-3 подобных сосудов – 93%, в Курган-Азаке – 92, в Пересыпках – 76, в Чаплищах – 90, в Красном – 93, в Выгорах-2 – 86, в Александровке – 75, в Ульяновке – 78, в Киселевке-2 – 89, в Каменево-2 – 76, в Комаровке – 92%, в Выблях – семь сосудов из восьми. В Беседовке вообще нет сильнопрофилированных горшков.

Роище в этом отношении представляет собой исключение. Сосудов со слабым отгибом венчика здесь – 59%, т.е. чуть больше половины. Сильнопрофилированная керамика в позднеримское время характерна для сейминско-донецкого и среднеднепровского вариантов киевской культуры. Учитывая, что на водоразделе Днепра и Дона относительно редки ребристые горшки, широко распространенные в Роище, специфика пропорций сосудов последнего памятника является еще одним свидетельством присутствия в Подесенье населения из Среднего Поднепровья, по крайней мере в IV в. Из анализа пропорций горшков сосуды из Роища по причине своеобразия исключаются.

Для форм типа I, 3-*а* с памятников Среднего Посеймья и лесостепи Сумщины (кроме Комаровки) на графиках ранжира наблюдается одна и та же тенденция расположения точек, соответствующих значениям коэффициентов Д1 : Н2, Д2 : Н2, Д3 : Н2, т.е. пропорции верхних частей горшков из этих двух регионов близки. Соотношения имеют крайние пределы значений Д1 : Н2 – 1,45–5,17; Д2 : Н2 – 1,39–5,13; Д3 : Н2 – 1,8–5,17. Все они «вписываются» в границы значений тех же коэффициентов для памятников Подесенья (рис. 8, I). Совпадает и группировка точек: в пределы до четырех попадает 94% всех значений пропорциональных соотношений сосудов Посеймья – Лесостепи и 92% – Подесенья. Иное положение на графике занимают формы из Комаровки и Каменево[2]. Общие пределы значений их коэффициентов гораздо уже: 1,61–3; 1,5–2,97; 1,61–3,14. При этом максимум точек группируется в начале полосы в границах 1,6–2,04; 1,5–2; 1,6–2,25 (рис. 8, *I*). График пропорций нижних частей сосудов показывает, что у форм I, 3-*а* с последних двух памятников угол наклона стенок на участке ниже наибольшего расширения тулова больше (в тенденции), чем у горшков того же типа из Подесенья – Среднего Посеймья – лесостепи (рис. 9, *I*). В Каменево и Комаровке, таким образом, в рамках общих для деснинского круга памятников пропорций сосудов I, 3-*а* как бы избираются формы с расположением плеча около середины высоты и с относительно резко суженными стенками нижней части профиля.

Для форм I, 3-*б* картина очень близка, несмотря на то что малочисленность измеренных в Подесенье сосудов не позволила вычислить стандарты значений для этого региона. Точки, соответствующие коэффициентам пропорций верхних частей

---

[2] Горшки из Песчаного по причине трудности измерения по рисункам малого масштаба в публикации в выборку не вошли.

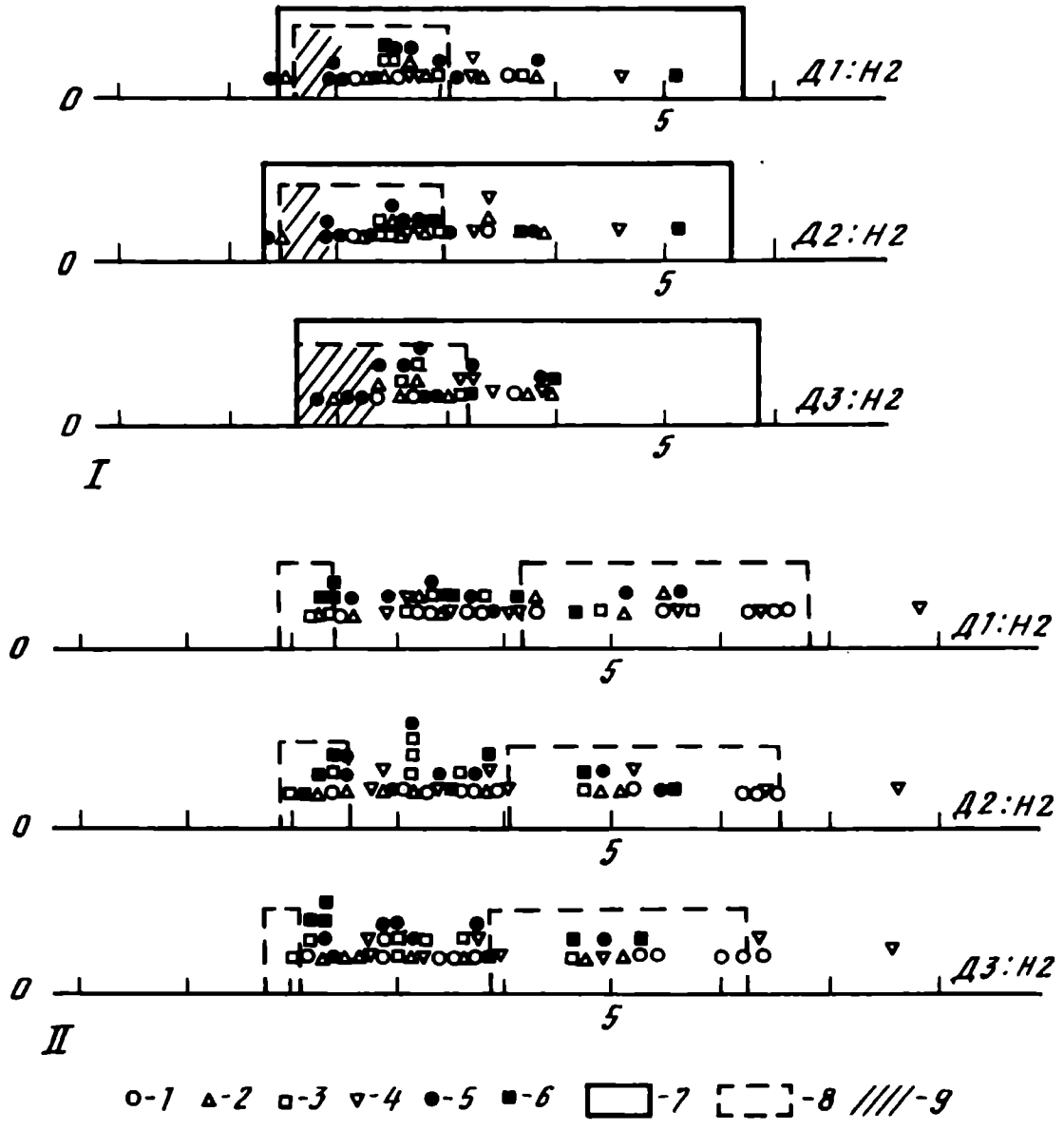


Рис. 8. Графики пропорций верхних частей сосудов. *1* – тип I, 3-*а*; II – тип I, 3-*б*; *1* – Литвиновичи-3; *2* – Пересыпки-1; *3* – Чаплищи-3; *4* – Красное-4; *5* – Беседовка; *6* – Курган-Азак; *7* – пределы значений пропорциональных соотношений для памятников Подесенья; *8* – пределы значений пропорциональных соотношений для Комаровки и Каменево; *9* – область максимальной концентрации коэффициентов на графике для Каменево и Комаровки

горшков из Среднего Посеймья, имеют определенную тенденцию расположения. Картина их группировки выглядит несколько «смазанной» на графике Д1 : Н2, но на двух других она достаточно отчетлива. В принципе можно выделить три группы точек, из которых первая имеет пределы значений Д1 : Н2 – 2,22–4,29; Д2 : Н2 – 1,93 : 3,94; Д3 : Н2 – 2–3,97; вторая соответственно 4,1–5,75; 4,64–5,5; 4,6–5,48; третья – 6,22–6,6; 6,2–6,48; 6–6,4. Для Д1 : Н2 границы между второй и третьей группами условны. Большими значениями обладает единственный сосуд-исключение (рис. 6, *13*), происходящий из Красного-4. Формы сосудов из Беседовки и Курган-Азака распределяются по первым двум группам (рис. 8, *II*). Третья включает всего четыре сосуда (три – из Литвиновичей и один – из Красного). Видимо, горшки с очень высоким расположением плеча (под самым венчиком) специфичны для складывающегося среднесейминского колочинского комплекса, к которому Литвиновичи и Красное относятся по структуре керамического набора.

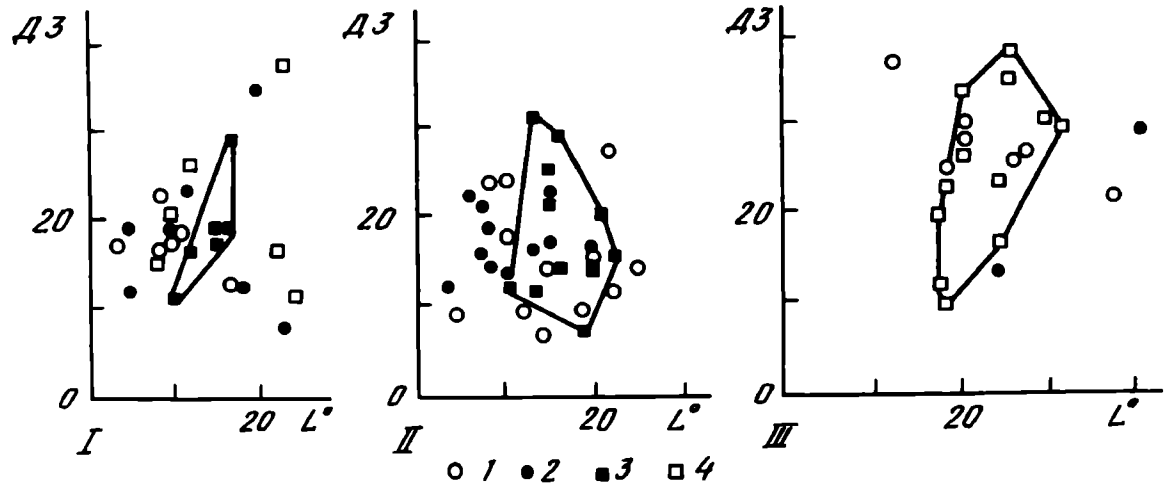


Рис. 9. Графики пропорций нижних частей сосудов. I – тип I, 3-*а*; II – тип I, 3-*б*; III – класс II; *1* – Среднее Посеймье; *2* – лесостепь востока Левобережья, *3* – Каменево – Комаровка; *4* – Подесенье

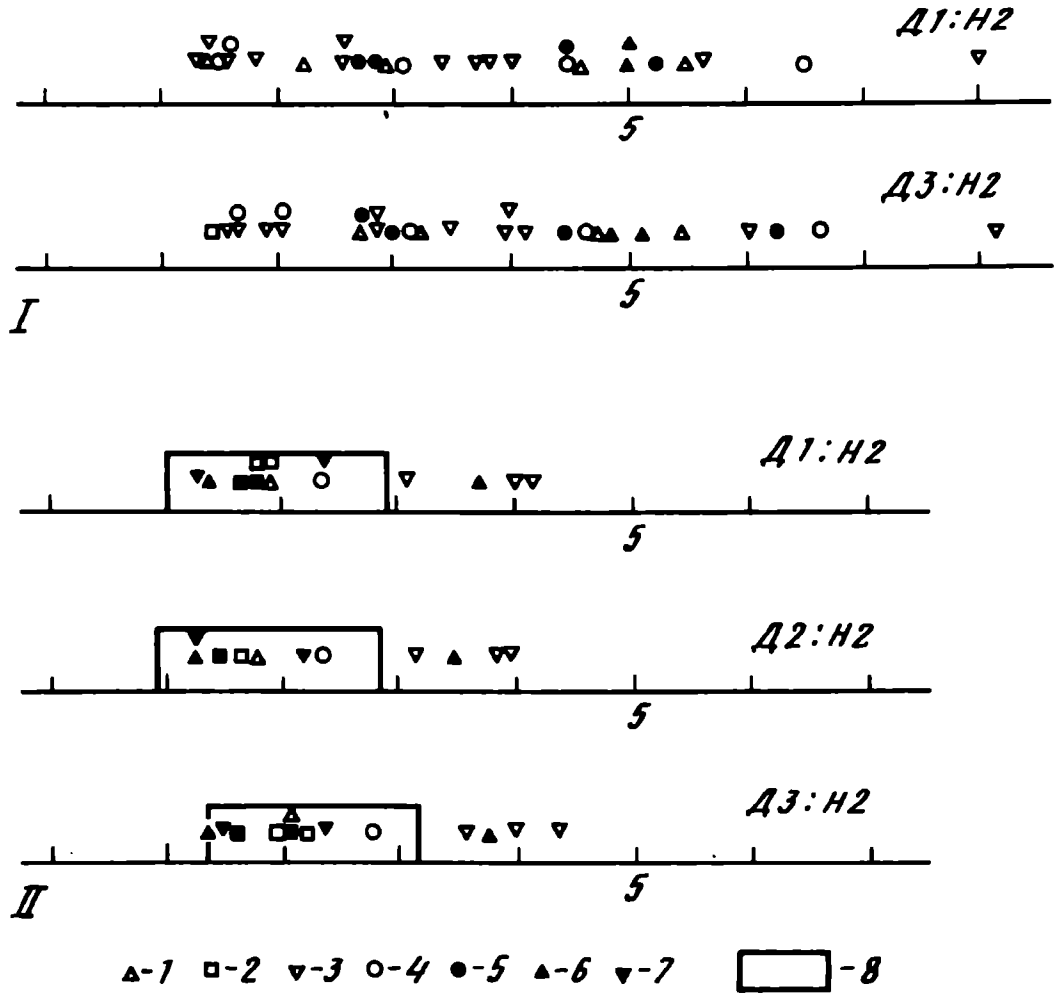


Рис. 10. Графики пропорций верхних частей сосудов. I – тип I, 4; II – класс II (условные обозначения те же, что на рис. 8)

Иначе группируются точки коэффициентов сосудов из Комаровки и Каменево. Там выделяются два стандарта значений (Обломский А.М., 1991, с. 119, 120). Правый (с некоторым сдвигом влево) соответствует второй и третьей группе коэффициентов Среднего Посеймья. Смещение влево может быть и случайным. Возможно, оно вызвано малочисленностью измеренных экземпляров (всего восемь). Зато второй охватывает лишь крайние левые точки первой группы Среднего Посеймья (рис. 8, *II*). Значения пропорций подавляющего большинства сосудов из Среднего Посеймья – лесостепи «ложатся» между стандартами Комаровки – Каменево, а на графике соотношения Д3 и угла наклона стенок нижних частей горшков отчетливо видно, что последний в Комаровке и Каменево имеет большую «избирательность» (рис. 9, *II*).

В Среднем Посеймье и лесостепи Сумщины вариабельность пропорций тюльпановидных сосудов, таким образом, довольно велика: место наибольшего расширения тулова может находиться как очень высоко, под венчиком (2-я и 3-я группы), так и ближе к середине горшка (1-я группа). В Комаровке и Каменево в рамках этого разнообразия наблюдается «полярность» пропорций «тюльпанов»: они приближаются к цилиндроконическим и усеченно-коническим формам.

Для типа I, 4 характерен очень большой разброс значений пропорций верхних частей (рис. 10, *I*), причем какие-либо группы точек на графиках не выделяются. По этой причине заключение о преемственности или различии в традициях оформления пропорций горшков сделать невозможно.

Сосуды класса II (ребристые) со всех памятников близки по соотношению диаметров и высот (рис. 10, *II*). В «деснинский стандарт» пропорций верхних частей не вписываются лишь 4 экз. (из 14) с территории Посеймья – лесостепи, у которых ребро находится несколько выше, чем у прочих: 3 – из Красного и 1 – из Каменево. По всей видимости, они представляют собой лишь случайное отклонение от нормы, что следует из графика соотношения Д3 и угла наклона стенок нижних частей горшков. Сосуды из всех трех регионов имеют одинаковую тенденцию группировки (рис. 9, *III*).

Подведем итоги анализу керамики. По пропорциям большинства типов сосудов памятники черняховского периода Подесенья (за исключением Роища), Среднего Посеймья, лесостепи Сумщины (Беседовка и Курган-Азак), верховьев Сейма и Псла (Каменево-2, Песчаное) близки между собой и, таким образом, оставлены родственным населением. При этом наблюдается тенденция к оформлению региональных особенностей пропорций слабопрофилированных, близких к баночным и тюльпановидных сосудов (I, 3-*а* и I, 3-*б*) на восточных памятниках Посеймья. В Каменево и Комаровке у большинства сосудов этих форм наибольшее расширение тулова находится в средней части высоты. Выделяется также небольшая группа «тюльпанов», близких к усеченно-коническим горшкам.

Судя по публикации Н.А. Тихомирова, слабопрофилированные округлобокие сосуды с расширением в середине профиля резко преобладают на классических колочинских могильниках Лебяжье и Княжий восточного Посеймья (группы I–III, VI, VII–X, по его классификации) (Тихомиров Н.А., 1990, рис. 3, 4). Если при дальнейшем накоплении материала такое соотношение форм будет выявлено на других памятниках региона, то Комаровку и Каменево можно будет расценивать как прообраз особого культурно-хронологического типа колочинских древностей юго-восточной области их распространения.

По структуре керамического комплекса подавляющее большинство поселений Подесенья, Среднего Посеймья (Пересыпки-1, Чаплищи-3, Комаровка), селища Курган-Азак и Беседовка лесостепи Сумщины и Песчаное в верховьях Псла относятся к одному кругу древностей. В известном смысле к ним приближается и Каменево-2. Из этого наблюдения следуют два важных вывода. Во-первых, Среднее Посеймье в позднеримское время можно включить в территорию деснинского варианта киевской

культуры. Здесь продолжается развитие традиций населения, оставившего такие относительно ранние памятники, как Попово – Лежачи-4 и Веселое. Во-вторых, возникновение колочинской культуры на землях, занятых в III–IV вв. черняховскими и сейминско-донецкими киевскими памятниками, т.е. в лесостепи Сумщины и в северной части водораздела Днепра и Дона, произошло в результате продвижения в эти регионы населения из Подесенья и Среднего Посеймья.

Второй тип древностей деснинского варианта киевской культуры (Роище и Александровка) является как бы зародышем культуры колочинских памятников Подесенья с традицией относительно широкого использования ребристых сосудов. Поселения третьей группы (Литвиновичи и Красное) представляют собой специфический тип раннеколочинских древностей Среднего Посеймья.

Когда же произошла миграция позднекиевских племен Подесенья – Среднего Посеймья в восточном и южном направлении? Время появления их на водоразделе Днепра и Дона установлено достаточно точно по соотношению хронологических индикаторов поселения Тазово, археологический комплекс которого обладает всеми признаками сейминско-донецкого варианта киевской культуры, и селища Каменево-2. В керамическом наборе последнего и сочетании типов пряслиц ощущается наряду с сейминско-донецкой, наличие деснинской традиции. Появление деснинского населения на водоразделе Днепра и Дона произошло довольно поздно: в конце IV или на рубеже IV–V вв. (Обломский А.М., 1991, с. 17, 18).

Сложнее определить время проникновения деснинских племен в лесостепные районы Сумщины. Анализируя хронологию черняховских могильников, Е.Л. Гороховский пришел к выводу, что наиболее поздние комплексы востока Днепровского Левобережья относятся к заключительной 5-й фазе этой культуры, т.е. к последней четверти IV – первой трети V в. (Гороховский Е.Л., 1988б, с. 45). Позднее на этой территории известны славянские памятники и присутствуют какие-то группы кочевников. О последнем свидетельствует погребене 4 с деформированным черепом из могильника Сумы-Сад, перекрывающее одно из черняховских захоронений и относящееся к раннесредневековому периоду (Гороховский Е.Л., 1988б, с. 177).

Исходя из этих наблюдений, наиболее архаичные пеньковские и протоколочинские памятники региона, такие, как Хитцы, Сенча, Рябовка-3, Беседовка и Курган-Азак, должны относиться ко времени после ухода с этой территории «черняховцев», т.е. к периоду не ранее середины V в. Парадокс заключается в том, что на всех этих памятниках имеется черняховская гончарная керамика (правда, в небольшом количестве), а на поселении Хитцы обнаружен обломок костяного гребня (Горюнов Е.А., 1981, рис. 28, *31*). Из культурного слоя Курган-Азака происходит железная прогнутая подвязная двучленная фибула. Аналогичные изделия Е.Л. Гороховский датирует последней третью III – серединой IV в., отмечая, что экземпляр из Курган-Азака имеет ряд типологически поздних черт и, по-видимому, относится к IV в. (Гороховский Е.Л., 1988б, с. 222). Весьма вероятно, что какие-то центры, снабжавшие раннеславянское население гончарной керамикой на востоке Левобережья к моменту его появления продолжали существовать, а фибула из Курган-Азака принадлежит к числу отнюдь не самых поздних черняховских изделий. Правда, нельзя исключить возможность вторичного ее использования.

Проблема хронологического соотношения поздних черняховских и ранних славянских памятников востока Днепровского Левобережья в настоящее время далека от разрешения. Причина этого заключается в относительно слабой изученности региона. До накопления нового матерала невозможно ответить на вопрос, какие территории и когда именно были оставлены «черняховцами». Не ислючено, что северная часть Сумской лесостепи запустела раньше, чем южные и восточные районы, и это сделало возможным возникновение здесь Курган-Азака и поздней Беседовки. Отсутствуют данные, позволяющие подтвердить или опровергнуть широко распространенное мнение (В.В. Седова, Е.А. Горюнова, М.Б. Щукина и др.) о том, что некоторые черняховские общины после ухода основной массы населения на запад остались на

месте и влились в состав пеньковской культуры. Вместе с тем весьма вероятно, что деснинско-среднесейминское население начинает движение на юг в IV в., в то время, когда черняховская культура в лесостепной части Днепровского Левобережья еще продолжала существовать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абашина Н.С., 1986. Население Среднего Поднепровья в III–V вв. (по материалам киевской культуры). Дис. ... канд. ист. наук // Архив Института археологии Национальной Академии наук Украины. Ф. 8, а. Киев.

Абрамов А.П., 1993. Античные амфоры. Периодизация и хронология // Боспорский сборник. Вып. 3. М.

Гороховский Е.Л., 1988а. Хронология ювелирных изделий первой половины I тыс. н.э. лесостепного Поднепровья и Южного Побужья. Дис. ... канд. ист. наук. // Архив Института археологии Национальной Академии наук Украины. Ф. 12, а. Киев.

Гороховский Е.Л., 1988б. Хронология черняховских могильников лесостепной Украины // Тр. V Междунар. конгр. археологов-славистов. Т. 4. Киев.

Горюнов Е.А., 1981. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л.

Кропоткін А.В., Обломський А.М., 1991. Про етнокультурну ситуацію у районі вододілу Дніпра та Дону в III–V ст. н.е. // Археологія. Вип. 1.

Левченко Д.І., 1993. Про вплив кліматичних змін на формування та поширення пеньківської культури // Полтавський археологічний збірник. Т. І. Полтава.

Макушников О.А., 1987. Нижнее Посожье во второй половине I тыс. н.э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев.

Мельниковська О.М., Симонович Е.О., 1975. Розкопки в Комарівці на Посеймʼї // Археологія. Вип. 15.

Некрасова А.Н., 1991. Раскопки памятников черняховской культуры у с. Боромля // Археологічні дослідження на Україні у 1990 р. Київ.

Обломский А.М., 1991. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона. Москва, Сумы.

Приходнюк О.М., 1991. О территории формирования и основных направлениях распространения пеньковской культуры // Древности юго-запада СССР (I – середина II тыс. н.э.). Кишинев.

Ріман О.М., 1985. Про вплив природних умов на топографію поселень скифського часу в бассейні Сіверського Донця // Археологія. Вип. 50.

Сымонович Э.А., 1964. Северная граница памятников черняховской культуры // МИА. № 116.

Сымонович Э.А., 1983. Черняховская культура и памятники киевского и колочинского типов // СА. № 1.

Сычева С.А., Узянов А.А., 1987. Динамика водности р. Тускарь по почвенным и археологическим данным // Изучение и оптимизация водных ресурсов Центральной лесостепи. Курск.

Терпиловский Р.В., 1984а. Ранние славяне Подесенья. Киев.

Терпиловский Р.В., 1984б. О характере контактов киевской и черняховской культур // КСИА. Вып. 178.

Терпиловский Р.В., 1985. Колочинская культура // Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н.э. Киев.

Терпиловский Р.В., Абашина Н.С., 1992. Памятники киевской культуры (свод археологических источников). Киев.

Тихомиров Н.А., 1990. Княжинский и Лебяжьинский могильники // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Курск.

Третьяков П.Н., 1974. Древности второй и третьей четвертей I тыс. н.э. в Верхнем и Среднем Подесенье // Раннесредневековые восточнославянские древности. Л.

Третьяков П.Н., 1982. По следам древних славянских племен. Л.

Шекун А.В., Терпиловский Р.В., 1993. Памятники I в. до н.э. – VII в. н.э. у с. Деснянка близ Чернигова. Чернигов.

Шелов Д.Б., 1978. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых вв. н.э. // КСИА. Вып. 156.

Godłowski K., 1985. Przemiany kulturowe i osadnicze w południowej i środkowej Polsce w młodszym okresie przedrzymskim i w okreisie rzymskim. Wrocław etc.

Madyda R., 1977. Sprzaczki i ocucia pasa na ziemiach Polskich w okresie rzymskim // Materiały Starożytne i Wczesnośredniowieczne. T. 4. Warszawa.

Madyda-Legutko R., 1983. Proba reconstrukcii pasow z metalowymi czesciami wa obsarze srodkowoeuropejskiego Barbaricum w okresie wplywow rzymskich i we wczesnej fazie okresu wedrowek Ludow // Przegląd Archeologiczny. T. 31. Poznan (Wrocław)

Институт археологии РАН,
Москва

A.M. OBLOMSKY

THE MIDDLE SEIM RIVER REGION IN THE LATE ROMAN TIME. THE FORMING OF KOLOTCHIN CULTURE BORDERS

Summary

There were two types of sinchronous monuments in the middle Seim river region in the late Roman time. Tchernjakhov culture settlements occupied the southern part of the region and reached the Seim in the north. The sites with prevaling hand made vessels and a few number of imported Tchernjakhov culture artifacts were situated in the Seim river valley and in the area to the north from it. The clear borders and the weak traces of contacts probably testify to the hostile relationships between the population of these archaeological communities. The population of the settlements with the hand made ceramics that lived in the middle Seim river region was kindred to the tribes of the Desna sub-group of Kievan culture. The author carried a complex analysis of the ceramics and managed to divide amorphic monuments belonging to the Desna tradition of the left bank Dnieper region into several types. The first type, Ulyanovka-Kurgan-Azak, continued to develope traditions of Kievan culture of the Desna river region in the pre-Tchernyakhov time. The second type called Roitshe-Aleksandrovka formed as a result of moving of the middle Dnieper population to the Desna river region. This type formed on the basis of the "classical" Kolotchin culture of the Desna river region. The other group of sites (Litvinovitchy-3 and Krasnoye-4) forms a peculiar middle Seim type of the early Kolotchin monuments. The fourth type (Komarovka-2 and Kamenjevo-2) was a prototype of the later Kolotchin culture of the upper Seim river region. The proto-Kolotchin population moved to the east, to the upper Seim and Psel rivers regions, at the end of the 4th – early 5th centuries. It is still unclear when this population appeared in the forest-steppes in the south from the Seim. It could happen even in the 4th century in the time of Tchernyakhov culture in the east from the left bank Dnieper region.

В.А. КУЗНЕЦОВ

АЛАНЫ НА ЗАПАДЕ: АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ИЛИ МИФ?

События эпохи "Великого переселения народов", связанные с глубокими демографическими, политическими и культурными последствиями для Европы, продолжают привлекать внимание исследователей. Но археологическое изучение материального наследия бурной эпохи "переселения" сопряжено с огромными трудностями. Постоянные передвижения древних этнических групп и турбулентность среды, племенная чересполосица и нивелирование культуры восточных кочевников в результате тесных контактов с местным населением делают чрезвычайно сложной проблему этнической дифференциации археологических материалов конца IV–V в. и вычленения собственно гуннских, германских и иных этномаркирующих древностей. Эти трудности оказываются объективно настолько значительными, что применительно именно к эпохе "переселения народов" И. Вернер не без основания писал о малой перспективности опытов этнических определений (Werner J., 1956, S. 1), а относительно готских древностей Р. Хахманн заметил, что это "дискуссия без конца" и что никогда не наблюдается полного переноса всего культурного комплекса на новую территорию, в связи с чем переселение археологически не может быть доказано и может лишь предполагаться, с чем в целом солидарен М.Б. Щукин (Щукин М.Б., 1977, с. 84). Заметим, что достаточно скептическая, хотя и трезвая оценка Р. Хахманна относится к казалось бы хорошо проработанным готским древностям "эпохи переселения" (см., например, Birbrauer V., 1971, S. 131–165).

В данной статье, имеющей дискуссионный характер, мы попытаемся еще раз обратиться к сюжету о поисках возможных следов восточноевропейских ираноязычных кочевников – алан на территории Западной Европы. Первый такой опыт автором этих строк совместно с В.К. Пудовиным был предпринят в 1961 г., когда мы пришли фактически к тому же выводу, что и Р. Хахманн: "В сложившейся к началу V в. пестрой и необыкновенно сложной этнической и культурной среде Центральной Европы трудно было бы ожидать открытия чисто аланских (сарматских) комплексов" (Кузнецов В.А., Пудовин В.К., 1961, с. 89). Тем не менее отдельные элементы восточно-причерноморского происхождения, может быть, занесенные на Запад в конце IV–V в. аланами, нами были намечены, и было подчеркнуто, что их "трудно связывать именно с аланами, но нельзя отрицать тот факт, что аланы могли быть их активными распространителями в Западной Европе" (Кузнецов В.А., Пудовин В.К., 1961, с. 91). С этих общих позиций мы и должны рассматривать и интерпретировать как старый, так и новый археологический материал по нашей теме: северопонтийские и среднедунайские элементы материальной культуры, для Западной Европы выделяемые сейчас М. Казански (Kazanski M., 1991, p. 123–139; 1993a, p. 119–127 и др.), искусственно деформированные черепа, убедительно связываемые с обычаем восточного происхождения, не могут быть интерпретированы однозначно как именно аланские. Мы и сейчас в состоянии лишь допускать возможность присутствия алан среди носителей и распространителей этих элементов и обычаев на Западе. Но, как нам кажется, и такой осторожный подход может стать определенным шагом вперед. Важно движение и нащупывание верного пути, ибо не истина недоступна – наши методы и исследовательские процедуры и инструменты слишком несовершенны.

© В.А. Кузнецов, 1996 г.

Прежде всего кратко коснемся некоторых чисто исторических аспектов проблемы. Сразу же подчеркнем главное – исторически пребывание алан на Западе в V в. не вызывает никаких сомнений. Не останавливаясь на старых и хорошо известных трудах историков (см. например: Кулаковский Ю.А., 1899, с. 34, 45), укажем на обстоятельную монографию Б.С. Бахраха "История алан на Западе" (Bachrach B.S., 1973), в которой проблема изложена наиболее детально, получившую положительную оценку в научной литературе (Stock K., 1977, p. 852–858). Б.С. Бахрах отметил, что аланы были единственным негерманским народом, основавшим "значительные поселения" на территории Западной Европы, и что они давно заслуживают серьезного изучения как уникальное явление в истории Западной Европы (Bachrach B.S., 1973, p. VIII). Рассмотрев существующий комплекс источников, в том числе аланскую топонимику Галлии и северной Италии, исследователь приходит к заключению о влиянии западноевропейских алан на развитие военного дела, облика аристократии, на художественное ремесло, религию и литературу Запада (Bachrach B.S., 1973, p. 118, 119). Данные выводы Б.С. Бахраха могут показаться преувеличением, однако в том, что касается военного дела, они соответствуют наблюдениям Ф. Кардини (Кардини Ф., 1987, с. 42, 55). Маршрут движения алан из восточноевропейских степей на Запад через Паннонию, Нижнерейнские земли, Галлию и на Пиренейский полуостров вплоть до Северной Африки в научной литературе также сомнений не вызывает (Кузнецов В.А., Пудовин В.К., 1961, с. 84, рис. 1; Perin P., 1989, p. 315, карта миграции вандалов и алан). Теоретически мы вправе ожидать в перечисленных регионах открытия археологических следов алан.

За последние 25–30 лет выявлен или вновь опубликован и интерпретирован археологический материал, который может пролить дополнительный свет на интересующую нас проблему. Мы не претендуем на исчерпывающую информацию, ибо не вся западноевропейская специальная литература нам доступна, и остановимся только на некоторых фактах, любезно предоставленных в наше распоряжение археологом Сен-Жерменского музея Парижа М. Казански (М.М. Казанским). Но и эти факты представляют значительный интерес.

На Нижнем Рейне это могила 4607 некрополя Крефельд-Геллеп в Германии, исследуемого Р. Пирлинг. Погр. 4607, как отмечает автор раскопок, было изолировано от остальных могил свободным пространством и находилось в грунтовой яме с выступом-заплечьем в северо-восточной части. В состав инвентаря, наряду с тремя глиняными позднеримскими сосудами, входило разбитое металлическое зеркало-подвеска с боковым выступом и ушком для подвешивания диаметром 4,8 см с рельефным валиком по краю и таким же рельефным крестообразным изображением, заполняющим диск (рис. 1, *1*). Р. Пирлинг датирует погр. 4607 второй половиной IV в., а зеркало считает восточноевропейским – сарматским (Pirling R., 1988, S. 455–464; 1993, S. 112). Сармато-аланская атрибуция зеркала и погребения, возможно, объясняет изолированное положение могилы на некрополе.

Восточноевропейские аналогии зеркалу из Крефельд-Геллеп частично приведены Р. Пирлинг. Заметим, что сарматские зеркала с боковыми ручками, не свойственные гуннам и германцам эпохи "переселения народов", обладают вполне реальными диагностическими возможностями: они хорошо известны как в Северном Причерноморье и в Крыму (Гущина И.И., 1982; рис. 2, *22*; 3, *21*, *42*, *53* и т.д.; Соломоник Э.И., 1959, с. 37, рис. 6, III; Гросу В.И., 1990, с. 138, табл. 4, рис. 18, *6* и др.), так и на Северном Кавказе (Абрамова М.П., 1987, с. 47, 1993, с. 28–33 и др., рис. 1, *2*). Типологические параллели Р. Пирлинг обоснованы. Но возникают определенные хронологические трудности, исследовательницей не разъясненные: сарматские зеркала-подвески с боковым выступом на территории Восточной Европы, как правило, бытуют в I–III вв. (см., например, хронологию В.И. Гросу, 1990, с. 138 – конец I–III в. н.э. – и М.П. Абрамовой, 1993, с. 164, рис. 66). Возникший хронологический хиатус протяженностью примерно в столетие пока не поддается убедительному объяснению, хотя М. Казански называет аналогии IV в. в могильниках у Мелитополя, Ново-Филипповки, Инкермана

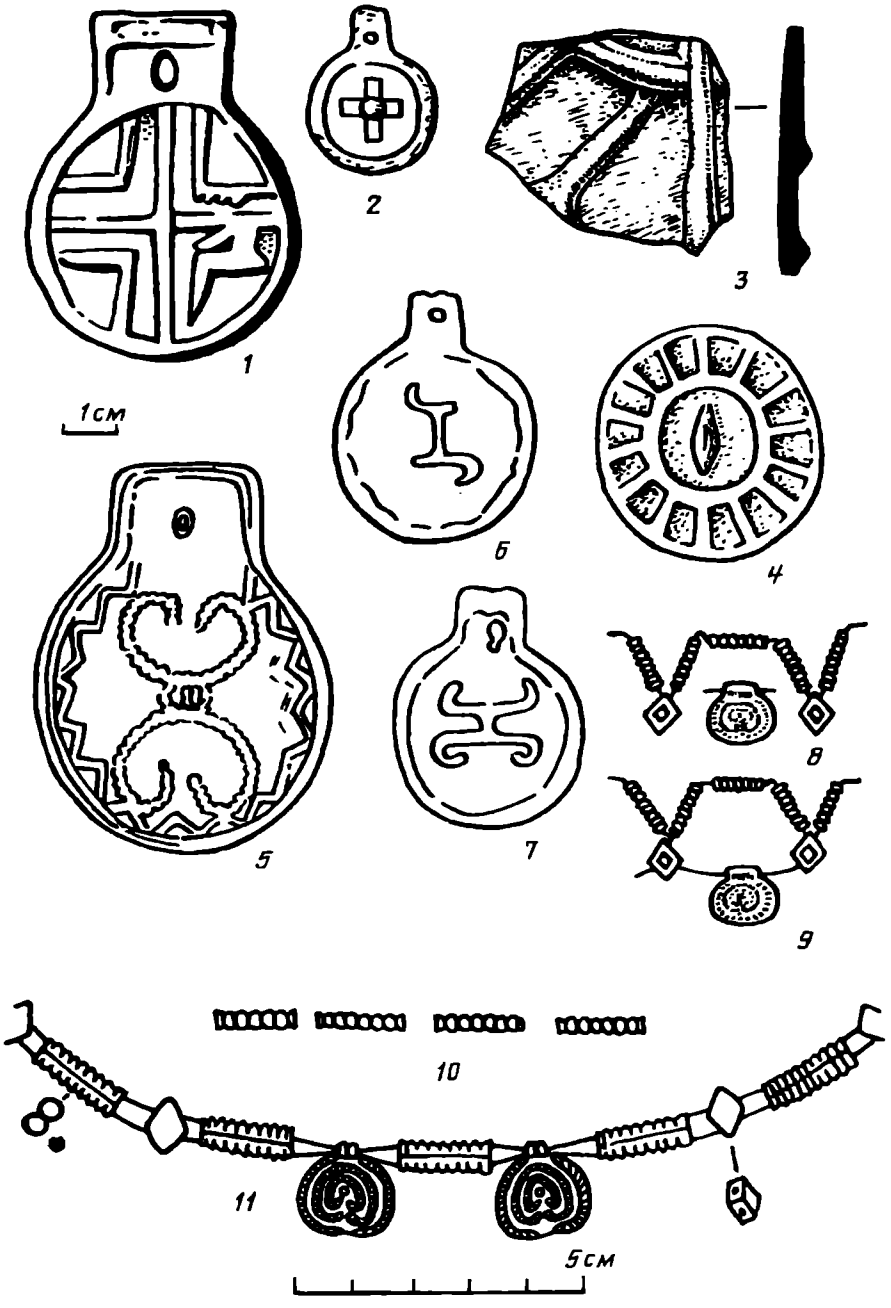


Рис. 1. Аланские археологические находки V в. на Западе и их параллели в Восточной Европе. *1* – зеркало из некрополя Крефельд-Геллеп (по Р. Пирлинг); *2* – зеркало из могильника Нижний Джулат в Кабардино-Балкарии (по М.П. Абрамовой); *3* – обломок зеркала из Мессштеттена (по Г. Шмитту); *4* – зеркало из могильника Чми в Северной Осетии; *5* – зеркало из "Жан-Фат" (по М. Казански); *6, 7* – зеркала из Керчи; *8, 9* – обшивка ворота платья из некрополя Танаиса (по Л.Н. Гречановой); *10* – золотые рубчатые пронизи из погребения у с. Пороги на Днестре (по А.В. Симоненко и Б.И. Лобаю); *11* – ожерелье из Гранады (по М. Темпельманн-Мачинской). Часть предметов дана без масштаба

и Кеп (Kazanski M., 1986, p. 35, 36). Думать, что сарматское зеркало из Крефельд-Геллеп было занесено какой-то более ранней, нежели аланы, сарматской группой, нет никаких оснований, тем более что комплекс 4607 датируется хорошо изученной позднеримской керамикой второй половины IV в. Нам остается, с учетом сделанных выше оговорок, принять дату Р. Пирлинг и подчеркнуть главное – восточноевропейское сарматское происхождение интересующего нас зеркала, причем положенного в могилу разбитым, что является признаком именно сарматского погребального

ритуала (Абрамова М.П., 1993, с. 96). Данное обстоятельство и дает возможность думать, что Р. Пирлинг права – могила 4607 оставлена женщиной-сарматкой (Pirling R., 1988, S. 462). Для конца IV в. это может быть аланка из состава наемных римских федератов, охранявших имперскую границу по Рейну.

В связи с зеркалом из Крефельд-Геллеп будет уместно упомянуть обломок металлического круглого зеркала, случайно найденный в 1978 г. в могиле меровингского времени (VI–IX вв.) у Мессштеттена в Швабских Альпах, прилегающих к Нижнему Рейну (рис. 1, *3*). Находка специально изучена Г. Шмиттом, сделавшим реконструкцию предмета (Schmitt G., 1989, S. 472, Fig. 3) по обломку, украшенному на лицевой стороне рельефным орнаментом, и сопоставившим это зеркало с зеркалом из могильника Гиляч в верховьях Кубани (Минаева Т.М., 1951, с. 278, рис. 5, *,11*, могила № 3). Разумеется, речь идет не о прямой аналогии между Мессштеттеном и Гилячем, а о типологическом сходстве и родстве. Действительно, в восточноевропейских и северокавказских раннесредневековых древностях круглые металлические зеркала с центральным ушком и рельефным орнаментом, включающим в себя и концентрические круги, пронизанные "лучами" (солнечная символика. – *В.К.*), представляют обычное явление. Круг параллелей может быть значительно расширен (см., например: Chantre E., 1887, tab. VIII–IX; Jenny W.A., 1928, S. 348–360; Хазанов А.М., 1963, с. 58–71 и т.д., рис. 1, *4*). Однако остается неясным – попало ли зеркало в Мессштеттен из Восточной Европы или оно было занесено в V в. (дата Г. Шмитта) или несколько позже из Паннонии, где подобные металлические зеркала хорошо известны в древностях "эпохи переселения" (как и в Сербии, см. например: Germanen, Hunnen und Awaren..., 1988, S. 221, Fig. V, *6*; S. 224, Fig. V, *11a*; S. 323, Fig. VII, *34* – Унтерзибенбрунн и т.д.)? В западной литературе эти зеркала, также иногда разбитые (Унтерзибенбрунн), принято именовать "кочевническими". Г. Шмитт считает зеркало из Мессштеттена гуннским или готским (Schmitt G., 1989, S. 479), но эти этнические определения не обязательны. Очевидно, как в этом, так и в других подобных случаях мы можем говорить лишь о распространении восточноевропейских – позднесарматских металлических зеркал различными передвигающимися с востока на запад этническими группами, среди которых были и аланы. Акцент на последних будет особенно заметен в тех случаях, когда мы сталкиваемся с разбитыми зеркалами. В Мессштеттене мы имеем дело с разбитым зеркалом; кроме того, оно обнаружено на прирейнской территории, где проходил римский лимес и стояли части из варваров-федератов. Данные обстоятельства усиливают соображения в пользу сармато-аланского происхождения зеркала и могилы в Мессштеттене, но это только осторожное предположение.

На том же уровне представляется возможной интерпретация и этнокультурная атрибуция давней (1895 г.) находки в местности "Жан-Фат" у г. Реймса (Франция), вновь изданной М. Казански в 1986 г. (Kazanski M., 1986, p. 33–39). В погребальный инвентарь входили две двупластинчатые фибулы длиной 8,8 см с ромбовидным основанием, датированные М. Казански концом IV – первой половиной V в., но не содержащие в себе этномаркирующую информацию. Тем не менее заметим, что по наблюдениям А.К. Амброза гунны фибул не носили (Амброз А.К., 1982, с. 113), и это, по-видимому, позволяет сразу исключить гуннскую принадлежность могилы в "Жан-Фат".

Наиболее интересно и информативно круглое металлическое зеркало-подвеска с боковым выступом-ручкой и отверстием для подвешивания (рис. 1, *5*). По краю диска и ручки проходит рельефный валик, лицевая сторона украшена узором из треугольно-ломаной линии, в центре рельефным знаком в виде двух круто загнутых рогов, расположенных симметрично и соединенных тройной перемычкой. Зеркало из "Жан-Фат" однотипно зеркалу из могилы 4607 некрополя Крефельд-Геллеп, что и отмечено Р. Пирлинг (Pirling R., 1988, S. 458). Но "сарматские" знаки на них разные. Сарматское происхождение зеркала из "Жан-Фат" справедливо подчеркнуто М. Казански (Kazanski M., 1986, p. 34, 35). В этом свете интересен знак на зеркале. М. Казански называет его тамгой, отмечая неопределенность хронологии, и считает его алано-

сарматской эмблемой. Полагаем, что это весьма возможно, ибо по Э.И. Соломоник подобные сарматские знаки представляют стилизацию головы животного (Соломоник Э.И., 1959, с. 21), точнее барана, с круто загнутыми концами рогов, что было популярно в сарматской символике (Гущина И.И., Засецкая И.П., 1994, с. 14, 15). Изображение барана или бараньих рогов у сарматов идентифицировалось с культом Фарна, т.е. благодати. "В скифо-сарматско-аланской среде, – пишет об этом Б.А. Литвинский, Фарн был исконным, незаимствованным божеством" (Литвинский Б.А., 1968, с. 74). Как видим, и в иконографическом, и в семантическом отношении знак на зеркале "Жан-Фат" может быть признан сарматским.

Приведем несколько достаточно показательных аналогий с территории Северного Причерноморья. Типологически близкая схема (буква Н, положенная набок) встречена в Керчи (рис. 1, *6, 7*), публикация Б.В. Фармаковского (Werner J., 1956, Tab. 44, *6*). Несколько иные вариации I–III вв. известны в сарматских памятниках Днестровско-Прутского междуречья: мотив тех же бараньих рогов Фарна (Гросу В.И., 1990, с. 138, табл. 4, *3–7*, рис. 18, *6*; 23, *7*) на зеркалах с боковой ручкой. Серия аналогий содержится в сводке сарматских знаков Э.И. Соломоник (Соломоник Э.И., 1959, с. 47–53, 168, 169). Особо отметим зеркала с боковой ручкой из Керчи (Соломоник Э.И., 1959, с. 141, 142, № 98, 99, рис. 1, *3–4*) со знаком боспорского царя Ининфимея, правившего в 235–240 гг. Так же идентифицирует данную серию знаков В.С. Драчук (Драчук В.С., 1975, с. 98, табл. XIV, *1–8*), считая Ининфимея выходцем из сарматов. Исходя из приведенных аналогий, коль скоро они не являются случайными совпадениями, знак на зеркале из "Жан-Фат" можно было бы принять за знак-тамгу сарматского рода Ининфимея, в III в. имевшего большое влияние на Боспоре. Но сохранялся ли в обиходе такой знак до конца IV в., когда он мог быть перемещен на Запад, мы не знаем. Поэтому версия о сарматском знаке рода Ининфимея из "Жан-Фат" остается только гипотезой, но сармато-аланское происхождение самого зеркала можно считать установленным, и это важный позитивный результат.

Сказанное еще раз подтверждается тамгами сарматских царей Фарзоя и Инисмея I–II вв., происходящими из богатого погребения у с. Пороги на Днестре (Симоненко А.В., Лобай Б.И., 1991, с. 62–75, рис. 32, 33, фото 13, 37). Особенно тамга из "Жан-Фат" типологически близка тамге Инисмея из Рошава Драгана в Болгарии (Симоненко А.В., Лобай Б.И., 1991, рис. 33, *1*). А.В. Симоненко, Б.И. Лобай и В.И. Гросу в северо-западной части Причерноморья локализуют аорсов, вождями которых и были Фарзой и Инисмей.

В последней публикации М. Казански включает зеркало из "Жан-Фат" и его аналог из Крефельд-Геллеп наряду с искусственно деформированными черепами и некоторыми фибулами типа "Лебяжье" в число объектов алано-сарматского происхождения (Kazanski M., 1993b, p. 176). Указанная интерпретация зеркала и погребения из "Жан-Фат" находит прямое подтверждение в римской "Notitia Dignitatum", где "Praefectus Sarmatarum gentilium" ("префект народа сарматов") упоминается "inter Renos et Tambianos", т.е. между Реймсом и Амьеном (Kazanski M., 1986, p. 36). Письменные свидетельства и археологические данные совпадают.

Еще одна интересная для нас находка случайно обнаружена в 1880 г. на правом берегу р. Дарро близ г. Гранады в южной Испании. Это золотое ожерелье, состоящее из набора трубчатых ребристых и ромбовидных пронизей и двух овальных подвесок (рис. 1, *11*). Украшение привлекло внимание археологов и было опубликовано Н. Обергом и Г. Цейссом, а в последние годы вновь рассмотрено М. Темпельманн-Мачинской, статью которой мы используем (Tempelmann-Maczynska M., 1986, S. 375–388). Не останавливаясь на описании и датировке (первая половина V в.), с коей следует согласиться (Tempelmann-Maczynska M., 1986, S. 377), обратим внимание на вопросы этнокультурной атрибуции и исторической интерпретации.

М. Темпельманн-Мачинская отмечает, что Н. Оберг и Г. Цейсс связывали находку из Гранады с германскими материалами Иберийского полуострова раннего V в., хотя Г. Цейсс ее происхождение считал не очень ясным. Сама автор обращает внимание на

северо-западную часть полуострова, где в то время находились свевы, вандалы и аланы, напоминает о широко известной могиле с мечом из Бежа в Португалии (V в., считается германской – Raddaz K., 1960, S. 150) и ищет ответ на вопрос: какому германскому народу принадлежит ожерелье из Гранады? Сделан вывод о его вандальском происхождении (Tempelmann-Maczynska M., 1986, S. 377).

Данная интерпретация Н. Оберга и М. Темпельманн-Мачинской представляется спорной. Анализируя две центральные овальные подвески-лунницы ("лунулы"), исследовательница рассматривает широкий круг типологических аналогий, часто удаленных (за исключением Иноврацлава и Скирневицы в Польше), отмечает связи с варварскими областями, в частности с Керчью, и убедительно связывает находку из Гранады с распространением понтийского стиля на Иберийском полуострове (Tempelmann-Manczynska M., 1986, S. 385). М. Темпельманн-Мачинская указывает наиболее полную аналогию и "лунулам", и трубчатым пронизям из собрания Б. Шиллера из Южной России (Tempelmann-Maczynska M., 1986, Tab. 75, *136*), т.е. опять в ареале понтийского стиля; кроме того, не учтено заключение А. Краловански о производстве подвесок-лунниц в Южной России, откуда они распространялись по всей Европе до XI–XII вв. (Краловански А., 1959, с. 82). Но сказанное противоречит вандальской атрибуции ожерелья из Гранады, ибо вандалы не жили в Северном Причерноморье и не имели отношения к формированию северопонтийского стиля.

Для осмысления находки из Гранады большое значение, на наш взгляд, имеет опубликованное в 1988 г. Л.Н. Гречановой погр. 295 некрополя Танаиса (Нижний Дон). Погребение молодой женщины сопровождали лощеный серо-коричневый кувшин, биллоновые копоушка и ногтечистка на колечке, металлическое зеркало с центральным ушком, тремя рельефными концентрическими кругами и заключенным между ними орнаментом, золотая серьга с утолщением – "гирькой" в виде четырнадцатигранника и обшивка ворота платья (или ожерелье? – *В.К.*), состоявшая из 13 золотых штампованных бляшек – "лунул", 13 ромбических бляшек с отверстиями для крепления и 47 рубчатых золотых пронизей – трубочек. Дата погр. 295, по Л.Н. Гречановой, V в. (Гречанова Л.Н., 1988, с. 58–65).

Обшивка ворота платья из погр. 295 Танаиса дает нам ближайшую стилистическую параллель ожерелью из Гранады (рис. 1, *8, 9*). Л.Н. Гречанова приводит аналогии "лунулам" из танаисского погр. 251, датированного второй половиной II – первой половиной III в., а также ромбическим бляшкам из Северной Осетии IV–V вв. и рубчатым пронизям первых веков н.э. из некрополей Ольвии, Боспора, Неаполя Скифского, Танаиса (Гречанова Л.Н., 1988, с. 62). В мавзолее Неаполя Скифского подобные трубчатые золотые пронизи существуют уже в I в. (Погребова Н.Н., 1961, с. 160, рис. 31, *9–12*), и это подчеркивает зарождение таких украшений одежды в Северном Причерноморье задолго до эпохи "переселения народов" и появления здесь гуннов и готов. Л.Н. Гречанова привела в качестве близкого аналога украшениям из могилы 295 ожерелье из Гранады, но ошибочно (вслед за Т. Сулимирским) приписала его находке из Кудьят-Затер в Карфагене (Гречанова Л.Н., 1988, с. 62). К сожалению, на историко-культурной интерпретации двух родственных комплексов украшений, обнаруженных в разных концах Европы, Л.Н. Гречанова не остановилась.

Поскольку ожерелье из Гранады и обшивка ворота платья из Танаиса выполнены в одном стиле, а сформировался этот стиль в Северном Причерноморье до эпохи "переселения народов", допустимо предположить, что погребение в Гранаде оставлено не вандалами, как считает М. Темпельманн-Мачинская, а сармато-аланами. В таком случае могилу аланской женщины из Гранады можно было бы поставить в связь с той группой алан, которая в мае 428 г. (что полностью соответствует датировке М. Темпельманн-Мачинской) вместе с вандалами во главе с Гейзерихом переправилась через Гибралтарский пролив в Северную Африку.

Учитывая огромные расстояния, отделявшие сармато-аланский мир Восточной Европы от Крефельд-Геллеп, Реймса или Гранады, а также бурную военно-полити-

ческую обстановку эпохи "переселения народов", мы вправе проявлять изрядный скепсис и осторожность в наших атрибуциях и интерпретациях. И тем не менее подобные опыты не должны исключаться: они мало чем отличаются от наблюдений А.К. Амброза над готскими древностями, ибо ближайшие аналогии пластинчатым фибулам могильника Суук-Су в Крыму (VI в.) он находил в готских могильниках Испании (Амброз А.К., 1968, с. 22), объясняя этот феномен переселением "каких-то групп населения" (Амброз А.К. Хронология раннесредневековых древностей Восточной Европы V–IX вв. Рукопись докт. дис. Архив ИА РАН, Р-2, № 2142, с. 207). Полагаем, что у А.К. Аброза и у нас речь идет о явлениях одного порядка. Находки в Крефельд-Геллеп, возможно в Мессштеттене, в Реймсе и Гранаде представляются как вполне допустимые и реальные следы сармато-алан в Западной Европе, хотя однозначно утверждать это невозможно.

За пределами данной статьи остались такие яркие находки V в., как погребение в Хохфельдене, открытое в 1964 г. в области того же Нижнего Рейна (Hatt J.-J., 1965, p. 250–256), и широко известный комплекс вещей из Эрана в Нормандии (Salin E., France-Lanord A., 1949, p. 119–135). Их восточное кочевническое происхождение в западноевропейской археологической литературе, как и северопонтийские влияния, не оспаривается. Но они признаются, и не без основания, комплексами не восточноевропейского, а среднедунайского происхождения, и отождествление их именно с аланами слишком проблематично. То же самое мы должны сказать и о португальской находке V в. в Бежа, о которой выше уже упоминалось. Венгерский археолог А. Кишш в данном случае отмечает понтийский стиль находок в Бежа и вполне справедливо указывает, что бежавшие в 405–406 гг. из Карпатского бассейна вандалы не имели в своем распоряжении предметов понтийского типа, в то время как аланские выходцы из Понта их имели (Kiss A., 1994, с. 170). И тем не менее для уверенной аланской идентификации этого недостаточно. Упомянутая новейшая работа А. Кишша об археологических памятниках алан в Паннонии, Галлии, Испании и Африке страдает излишней категоричностью и оставляет простор для сомнений и дальнейших разысканий (Кузнецов В.А., 1995, с. 99, 100). Еще более неубедительны попытки И. Боны приписать аланам погребения могильника Абрау-Дюрсо под Новороссийском и кинжалы с двойным вырезом у рукояти, встречающиеся в качестве эндемичных и явно восточных элементов в некоторых памятниках Венгрии (Bona J., 1991, S. 83, Fig. 30, 31), что уже отмечено в рецензии М. Казански (Kazanski M., 1933*c*, p. 130–136). В таком случае, очевидно, пришлось бы объявить аланским крупный могильник эпохи "великого переселения" у г. Чонград, действительно воплотивший в своих материалах северокавказское, но не узко аланское влияние (Párducz M., 1955, S. 309–398). Заметим кстати, что Чонградский могильник под этим углом зрения заслуживает специального исследования.

Наиболее перспективным в настоящее время представляется выявление и исследование следов пребывания алан на территории Франции. Подобное исследование должно носить комплексный характер и включать в себя выделение по письменным свидетельствам районов наиболее компактного расселения алан в Галлии, совмещение этих районов с картографированием погребений с искусственно деформированными черепами V в., совмещение того и другого с картографированием топонимики аланского происхождения и, наконец, выявление в совмещаемых ареалах археологических реалий восточноевропейского – северопонтийского происхождения, датированных V в. Такая работа уже начата В.Б. Ковалевский (Kovalevskaja V.B., 1993, p. 209–221), и несмотря на вероятную спорность некоторых этимологий топонимов она интересна и заслуживает продолжения, как и чисто исторические разыскания и построения Б. Бахраха (археологический материал им использован неудачно). В плане археологического исследования, наряду со статьей А. Кишша, важное значение имеют последние публикации М. Казански (Kazanski M., 1993*b*, p. 176; 1995, p. 189–205). Таким образом, реальные основы для исследования проблемы пребывания групп наших древних соотечественников на Западе заложены.

Несмотря на существующие объективные сложности, преодолеваемые с огромным трудом и пока еще невысоким коэффициентом полезного действия, мы можем в заключение сказать – следы пребывания сармато-алан на Западе в эпоху "великого переселения народов" не романтический миф. Они реальны и их поиск должен продолжаться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамова М.П., 1987. Подкумский могильник. М.

Абрамова М.П., 1993. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.). М.

Аброз А.К., 1968. Дунайские элементы в раннесредневековой культуре Крыма (VI–VII вв.) // КСИА. Вып. 113.

Амброз А.К., 1982. О двупластинчатых фибулах с накладками. Аналогии к статье А.В. Дмитриева // Древности эпохи великого переселения народов. М.

Гречанова Л.Н., 1988. Раннесредневековое погребение из Танаиса // Изв. Ростовского областного музея краеведения. Вып. 5. Ростов-на-Дону.

Гросу В.И., 1990. Хронология памятников сарматской культуры Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев.

Гущина И.И., 1982. О локальных особенностях культуры населения Бельбекской долины Крыма в первые века н.э. // Археологические исследования на юге Восточной Европы. Ч. II. М.

Гущина И.И., Засецкая И.П., 1994. "Золотое кладбище" римской эпохи в Прикубанье. СПб.

Драчук В.С., 1975. Системы знаков Северного Причерноморья. Тамгообразные знаки северопонтийской периферии античного мира первых веков нашей эры. Киев.

Кардини Ф., 1987. Истоки средневекового рыцарства. М.

Краловански А., 1959. Данные к вопросу о лунницах X–XI вв. в Карпатском бассейне // АЕ. № 86.1.

Кузнецов В.А., 1995. Новое исследование по истории западноевропейских алан // Аланы: История и культура. Alanica. III. Владикавказ.

Кузнецов В.А., Пудовин В.К., 1961. Аланы в Западной Европе в эпоху "великого переселения народов" // СА. № 2.

Кулаковский Ю.А., 1899. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев.

Литвинский Б.А., 1968. Кангюйско-сарматский фарн. Душанбе.

Минаева Т.М., 1951. Археологические памятники на р. Гиляч в верховьях Кубани // МИА. № 23.

Погребова Н.Н., 1961. Погребения в мавзолее Неаполя Скифского // МИА. № 96.

Симоненко А.В., Лобай Б.И., 1991. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н.э. Киев.

Соломоник Э.И., 1959. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев.

Хазанов А.М., 1963. Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. № 4.

Щукин М.Б., 1977. Современное состояние готской проблемы и черняховская культура // АСГЭ. Вып. 18.

Bachrach B.S., 1973. A History of the Alans in the West. Minneapolis.

Birbrauer V., 1971. Zu den Vorkommen ostgotischer Bügelfibeln in Raetia II. Bayerische Vorgeschichtsblätter 36. H. 1.

Bona J., 1991. Das Hunnenreich. Budapest.

Chantre E., 1887. Recherches anthropologiques dans le Caucase. T. III. Paris; Lyon.

Germanen, Hunnen und Awaren. Schätze der Völkerwanderungszeit, 1988. Hürnberg.

Hatt J.-J., 1965. Une tombe barbare du Ve siecle a Hochfelden (Bas–Rhin) // Gallia. T. XXIII. Fasc. 2.

Jenny W.A., 1928. Verzierte Bronzespiegel aus nordkaukasischen Gräbern // Praehistorische Zeitschrift. T. XIX. № 3–4.

Kazanski M., 1986. Un témoignage de la présence dea Alano-Sarmates en Gaule: La sépulture de la fosse Jean-Fat a Reims // Archéologie Medievale. Vol. XVI.

Kazanski M., 1991. A propos des armes et des elements de narnachement "orientaux" en Occident a l'epoque des Grandes Migrations (IVe – V^{e} s) // Journal of Roman Archaelogy. Vol. 4.

Kazanski M., 1993a. Les objets orientaux de l'epoque des Grandes Migrations découverts dans le couloir rhodanien // Antiquites Nationales. № 25.

Kazanski M., 1993b. Les Barbares orientaux et la défense de lá Gaule aux IV-e – V-e siecles // L'armee Romaine te les Barbares du III-e au VII-e siecle. Paris.

Kazanski M., 1993c. L'archéologie de "l'empire" hunnique // Francia. Forschungen zur Westeuropäischen Geschichte. Bd. 20/1. Paris.

Kazanski M., 1995. Les tombes des chefs alano-sarmates au IV-e siecle dans les steppes pontiques // La noblesse romaine et les chefs barbares du III-e au VII-e siecle. Paris.

Kiss A., 1994. Stand der Bestimmung archäologischer Denkmäler der "Gens Alanorum" in Pannonien, Gallien, Hispanien und Afrika // Acta Antiqua Hung. T. 35. Budapest.

Kovalevskaja V.B., 1993. La présence alano-sarmate en Gaule: confrontation des données archéologiques pale-oanthropologiques, historiques et toponymiques // L'armée Romaine et les Barbares du III-e au VII-e siecle. Paris.

Párducz M., 1955. Archäologische Beiträge zur Geschichte der Hunnenzeit in Ungarn // Acta Archaeologica. T. XIV. № 1–4. Budapest.

Perin P., 1989. Vandales (archéologie et arts des) // Encyclopaedia Universalis. Paris.

Pirling R., 1988. Ein sarmatischer Spiegel aus Krefeld – Gellep // Germania. 66. 2. Halbband.

Pirling R., 1993. Römische Gräber mit barbarischem Einschlag auf den Gräberfeldern von Krefeld-Gellep // L'armée Romaine et les Barbares du III-e au VII-e siecle. Paris.

Raddaz K., 1960. Das völkerwanderungszeitliche Kriegergrab von Beja, Südportugal // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. 6. Jahrgang. Mainz.

Salin E., France-Lanord A., 1949. Le trésor en Calvados // Monuments et Memoires. № 43.

Schmitt G., 1989. Das bruchstück eines hunnischen Metallspiegels von Messstetten, Zollerhalbkreis // Fundberichte aus Baden – Würtemberg. Bd. 14. Stuttgart.

Stock K., 1977. Bernard S. Bachrach. A History of the Alans in the West // Francia Forschungen zur Westeuropäischen Geschichte. Bd. 5. Paris (rez).

Tempelmann-Maczynska M., 1986. Der goldfung aus den 5. Jahrhundert N. Chr. aus Granada – Albacin und seine Beziehungen zu Mittel- und Osteuropa // Madrider Mitteilungen. № 27. Madrid.

Werner J., 1956. Beiträge zur Archäeologie des Attila-Reiches. München.

Северо-Осетинский институт
гуманитарных исследований,
Владикавказ

V.A. KUZNETSOV

ALANS IN THE WEST: ARCHAEOLOGICAL REALITY OF A MYTH

Summary

The presence of the Alans, the east-european nomads, in the Central and Western Europe during the great migration of peoples was proved by historical sources (Bachrach B.S.). Nevertheless it's difficult to mark out the traces of the 4th–5th century Alans in the other cultures of different tribes and peoples that moved to the west. This sientific problem was studied both by the Russian (Kuznetsov V.A., Pudovin V.K., Kovalevskaya V.K.) and European (Kazanski M., Pirling R., Kiss A.) archaeologists. The author analyses the Sarmatian-Alan burials of the 5th century with metal mirrows broken according to a Sarmatian rite. The mirrows were found in the necropolis of Kreffeld-Gellep, in a grave in Messtetten (the Low Rhine, Germany). The author also analyses a casual find of a broken mirror in "Jan-Fat", the area near Reims (France), and a golden neclace from Granada (the South Spain). All these materials are unknown to the Russian scientific literature. The author thinks that the territory of Rfance is the most prospective for the marking out the archaeological traces of the 5th century Alans.

А.А. НИКОНОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА РАЗРУШИТЕЛЬНОГО ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ НА УСТЮРТЕ В XVIII веке

Вопрос о нахождении на Устюрте следов прошлых землетрясений и их воздействии на архитектурные и археологические памятники региона звучит ново. Однако он вполне актуален.

В 80-е годы в западной части плато Устюрт (Республика Казахстан) Л.Л. Галкиным и В.С. Ольховским была обнаружена и частично исследована целая серия культовых сооружений эпохи раннего железа, IV–II вв. до н.э.; на территории некоторых святилищ, в частности Байте III, были выявлены погребальные и жертвенно-поминальные конструкции более позднего времени разной формы и размеров (Галкин Л.Л., Ольховский В.С., 1989; Ольховский В.С., Галкин Л.Л., 1990; Ольховский В.С., 1991). Памятники несут ясные следы сильных сейсмических воздействий (Никонов А.А., Ольховский В.С., 1996). Ввиду отсутствия четких датирующих признаков сооружений поздней хронологической группы удалось определить время их бытования и сильного разрушения только в широком временно́м диапазоне, а именно XV–XVIII вв.

Сведения косвенного характера можно извлечь из изучения (правда, без раскопок) намогильных сооружений на Мангышлаке (Поляков С.П., 1973). Эти сооружения в виде каменных надгробий разного характера, реже могильных ящиков, склепов, а тем более мавзолеев, относят ко времени жизни на Мангышлаке туркмен не ранее XIV и не позднее XVIII в. (Поляков С.П., 1973) или к XV в. (Мендикулов М.М., 1956). Все эти сооружения в отличие от более поздних казахских надгробий, мавзолеев и культовых сооружений начала и конца XIX в. сохранились в существенно поврежденном или разрушенном состоянии. Немалое число из них, как это следует из описаний, фотографий и чертежей, деформированы (Поляков С.П., 1973, табл. XIX, № 24), развалены (№ 25), провалились в подземные склепы (№ 26). Надгробия с крупными могильными камнями сверху "разрушены больше, чем надмогильные памятники только с двумя стеллами" (Поляков С.П., 1973, с. 48, табл. XIX, № 15, 17), т.е. вкопанные стоймя плиты обычно не перемещены в отличие от стоявших и лежавших на могильных холмиках.

Крупный могильник длиной 6–7 м (Поляков С.П., 1973, табл. XIX, № 24) деформирован в продольном направлении неравномерно волнисто и демонстрирует неравное отклонение боковых плит, как это бывает при прохождении продольных сейсмических волн.

Под некоторыми каменными пирамидами-надгробиями положенные горизонтально плоские плиты оказались треснутыми поперек или наискосок (Поляков С.П., 1973, табл. XXIII), тогда как деформации подстилающей поверхности отсутствуют. Это ведет к предположению о динамическом импульсно-волновом воздействии на сооружения после их установки. На северо-западной оконечности Мангышлака надгробия в виде каменных ящиков с фертообразными стелами "сильно разрушены, большинство стел расколото. Особенно сильно пострадали наружные выкладки" (Поляков С.П., 1973, с. 52).

© А.А. Никонов, 1996 г.

На одном из самых древних культовых комплексов Западного Казахстана – некрополе Шопан-Ата – намогильные сооружения древнее начала XVIII в. деформированы (наклон вертикальных блоков, заваливание стен, сдвигание перекрывающих камней и др.) (Аджигалиев С.И., 1994, рис. 12, 18, 25) в отличие от более поздних (Аджигалиев С.И., 1994, рис. 12, 13, 25, 29).

Все указанные признаки, начиная от общей степени сохранности (повреждения) большинства памятников и кончая отдельными характерными чертами именно сейсмических воздействий (а не разрушения людьми), согласуются с представлениями об их повреждении при сейсмических воздействиях. Таким образом, и на Манглышлаке мы находим следы значительных сейсмических воздействий в интервале XV–XVIII (вероятно, первой половины) в. Интенсивность воздействий предварительно оценивается не выше 7–8 баллов и направление – примерно вдоль простирания Мангышлака.

Для решения проблемы сейсмических воздействий на архитектурные и археологические памятники региона ниже рассмотрены под особым углом зрения данные по памятникам и археологическим остаткам позднего средневековья на всем Устюрте.

Анализ архитектурных и археологических данных

Рассмотрим сначала материалы по караван-сараям главного торгового пути через Устюрт (рис. 1). Наиболее полные сведения имеются по *караван-сараю Белеули*. Хотя постройки здесь возведены в XIII–XIV вв., основательно и профессионально (Манылов Ю.П., 1982; Манылов Ю.П., Юсупов Н.Ю., 1982), сохранность их весьма умеренная. Неплохо, хотя неравномерно, сохранилась только фасадная часть с порталом, обращенная к юго-юго-западу. На западе-северо-западе участок стены сохранился до высоты 4,5 м в отличие от других стен по периметру, высота которых достигала лишь 1,5–1,7 м. Сам портал высотой 10 м сохранился только на 7,6 м. Очень важно указание (Манылов Ю.П., 1982, с. 104) о том, что все раскопанные помещения по внутреннему периметру стен, имевшие в поперечнике размеры 2,8 × 3 м, завалены блоками, упавшими со стен, квадратными или прямоугольными плитками известняка с бывших сводчатых или купольных перекрытий.

Вид портала караван-сарая Белеули дает возможность заметить на ранних фото некоторые важные с интересующей нас точки зрения признаки (Толстов С.П., 1948; Виноградов А.В., 1966). Более раннюю фотографию 1899 г. (Жукова Л., Левтеева Л., 1976) использовать невозможно, так как она очень сильно ретуширована. Наиболее показательны два фрагмента фасада. Во-первых, это остатки декоративной круглой башенки на северо-западном углу. Башня возведена на фундаменте из плит. Сама башня диаметром 3,2 м, как и стены, выложена из отесанных и тщательно обработанных (закругленных) и пригнанных известняковых блоков, внутри засыпана щебнем (Манылов Ю.П., 1982). На рис. 85 в книге С.П. Толстова (1948) отчетливо видно, что верхний из сохранившихся трех рядов основания кладки, все каменное кольцо целиком, сдвинут по отношению к нижним рядам на 1/10–1/20 диаметра. Сдвиг произошел к западу или западу-юго-западу, и в ту же сторону верхний ряд получил наклон. Вся сохранившаяся часть башни отломана от стены, т.е. имеет место расхождение конструктивных элементов от сильных горизонтальных воздействий.

На фотографии общего вида арки портала (Толстов С.П., 1948, рис. 88) слабо видны нарушения в замковой части фасадной кладки, выкол средней части внутренней арки на юго-восточной стороне и косая трещина в одном из блоков 5-го ряда фасадной кладки. Но особенно показательна фотография верхней части портала (Толстов С.П., 1948, рис. 89), где глаз специалиста видит несколько нарушений конструкции (рис. 2). Во-первых, на северо-западной стороне арки, в ее основании, при переходе от устоя к дуге арки выбит кусок высотой в 5 блоков. Кусок этот ограничивается горизональными трещинами со смещением порядка первых сантиметров внутрь арки, т.е. к юго-востоку (рис. 2, *1*, *2*).

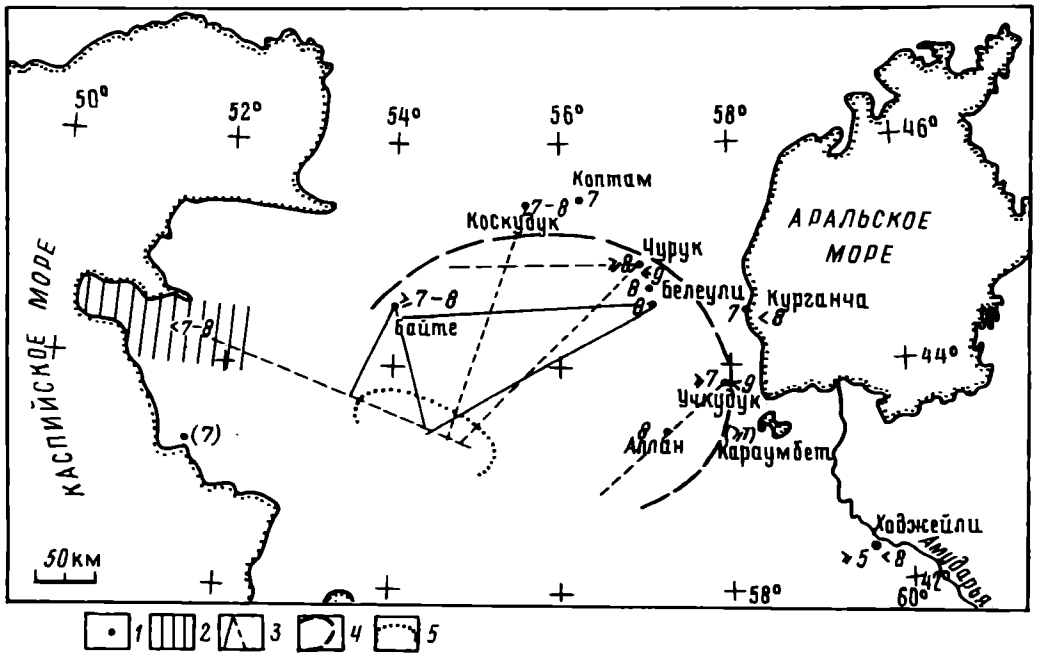


Рис. 1. Схема расположения рассматриваемых архитектурных и археологических памятников со следами сейсмических повреждений. *1* – пункты расположения архитектурных и археологических памятников; *2* – область распространения средневековых туркменских надгробий; *3* – вероятные направления (секторы) прихода сейсмических импульсов к памятнику; *4* – предполагаемая граница сотрясений интенсивностью 8 баллов; *5* – предполагаемая эпицентральная область землетрясения XVIII в.

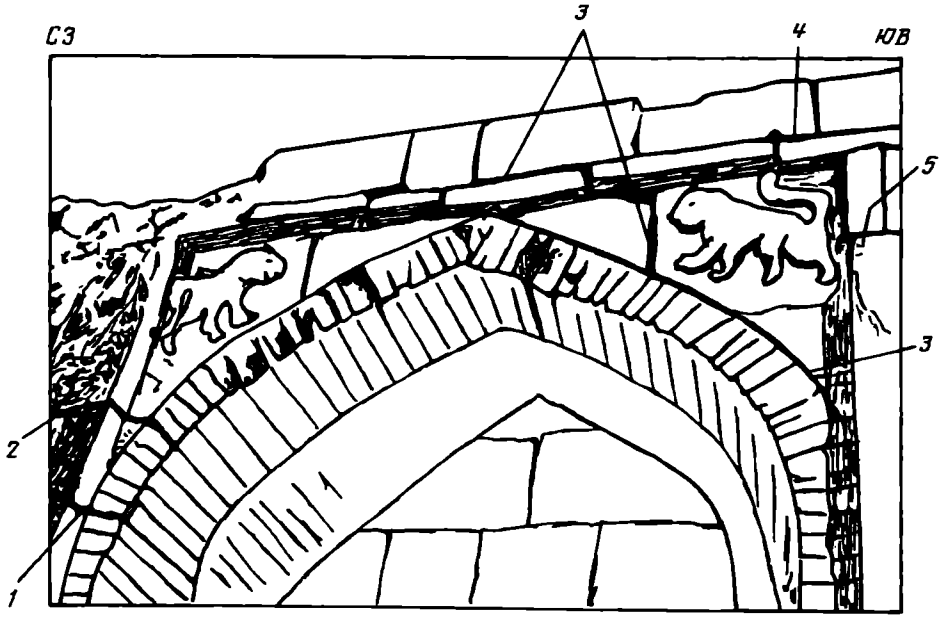


Рис. 2. Портал караван-сарая Белеули (XIV в.) со следами сейсмических повреждений (пояснения в тексте). Рисунок по фотографии из книги С.П. Толстова (1948)

Вся замковая часть арки и антаблемент над ней явно расшевелены и расщелены, хотя и весьма неравномерно. Кирпичная (плинфовая) часть арки несет продольные щербины и утери. Но главные расщеления расположены в антаблементе. Основная щель – трещина по границам разных элементов кладки ступенчато опускается к юго-востоку, заканчиваясь щелью между арочной кладкой и плитами-вставками с орна-

ментом (изображением льва). В месте пересечения щелью плит наличника последние смещены относительно друг друга на несколько сантиметров и по вертикали и по горизонтали (юго-восточная к юго-западу). То же, как будто, относится и к плите с орнаментом (рис. 2, *3*). В восточной части антаблемента также имеются расщеления (рис. 2, *4*) и некоторое смещение по вертикали и горизонтали верхнего вертикального камня устоя (рис. 2, *5*).

Больше повреждена, следовательно, восточная половина портала. Все отмеченные признаки совместно указывают на горизонтальные (по-видимому, раскачивающие) воздействия в направлении поперечном к оси арки, т.е. в близширотном. О том же, как отмечено, свидетельствуют признаки повреждения башни.

Ряд важных особенностей отмечен и на соседнем могильнике в 350 м северо-западнее караван-сарая (Манылов Ю.П., 1982, рис. 5). Погребение 3 перекрыто массивной каменной плитой трапецеобразной в поперечнике формы, которая оказалась сдвинутой наискосок относительно оси и краев симметричного обработанного камня в головах на 15 см к юго-западу. Костяк в могиле (шириной только в человеческое тело) лежит в нормальном положении. В узком погребении 4 скелет лежал нормально в отличие от погребения 1 с более широкой погребальной ямой. Костяк в этом погребении лежал более или менее нормально, но череп и верхние ребра совершенно неестественно сдвинуты относительно позвоночника к западу на 15–20 см. Поперечный намогильный камень в головах захоронения сдвинут относительно главного продольного намогильного камня к востоку-северо-востоку примерно на 10 см.

В целом получается, что при благоприятной ориентировке малые намогильные камни смещены к востоку-северо-востоку, а при свободном пространстве в могильных ямах части костяков смещены к западу-юго-западу, т.е. в общем согласно в близширотном направлении.

Наконец, нельзя пройти мимо того, что ближайшие к караван-сараю водохранилища (сардобы) полусферической формы также разрушены. Раскопан один из каменных желобов широтного протяжения, ведущих с соседнего такыра к водохранилищу. На протяжении 5 м желоба разница уровней его краев составляет 14 см. На рисунке (Манылов Ю.П., 1982, рис. 3) отчетливо видно, что желоб значимо изогнут на 2/3–3/4 протяжения и сохранившийся вертикальный бортик на выпуклой стороне изгиба в середине дуги отклонен в ту же сторону от вертикали и частью разорван. Такого рода повреждения водоводов достаточно характерны для сейсмических воздействий.

Таким образом, на трех группах сооружений комплекса (а именно на портале и башне караван-сарая, могильнике и на водосборных устройствах) независимо, но согласно обнаруживаются следы сейсмических воздействий близширотного направления. Наиболее определенно направление устанавливается на фасадной части (угловая башенка и арка портала) караван-сарая, где удар (колебания) выводится как пришедший скорее всего грубо с запада. По степени разрушения всего комплекса (если считать его состояние в начале XIX в. близким к тому, что создало землетрясение) сила сотрясения определяется в 7–8 баллов. Разрушения башни соответствуют 8 баллам, арки портала (с учетом капитальности постройки и наличия алебастрового раствора в кладке) – 8 баллам, повреждения на могильнике – 7–8 баллам, и изгиб каменного водовода – 7–8 баллам, т.е. в целом данные согласуются и позволяют считать, что комплекс Белеули подвергался примерно 8-балльному сейсмическому воздействию.

Караван-сарай Учкудук на юго-восточном краю караванного пути через Устюрт, вблизи сора Барсакельмес (см. рис. 1), построен из крупных, вертикально поставленных на ребро известняковых плит на алебастровом растворе. Между тем, раскопанные на глубине около 2 м внутренние помещения завалены плитками ракушечника от обвалившихся сводов (Манылов Ю.П., 1982). Важно, что в самом северном крупном помещении, но только в его восточном углу, обнаружены следы реконструкции. Здесь же был завал арки из блоков трапециевидной формы, скреплен-

ных алебастровым раствором. Это означает, что обрушение арки происходило не путем последовательного отделения и падения строительных блоков, но(и) обваливанием крупных фрагментов, что свойственно разрушению при сейсмических воздействиях. Вероятное направление – с юго-запада. Сила толчка не менее 7 баллов.

Караван-сарай Чурук в 54 км западнее Белеули. По устным сообщениям в первой половине XVIII в. (между 1736 и 1750 гг.) в урочище "Гурук" на Устюрте "сделаны два покоя больших..., а наверху оных положены толь великие каменья, что один камень десяти или пятнадцати человекам едва можно поднять" (Рычков П.И., 1887). Значит, в 30–40-х годах XVIII в. здесь сохранились еще верхние части крупных строений.

Согласно сведениям археологов, караван-сарай Чурук построен из крупного плиточного камня, но во второй половине XX в. сохранился очень плохо. Все раскопанные помещения в нем завалены большим количеством плиток ракушечникового известняка с перекрытий. В помещении № 2 обнаружено два пола (Манылов Ю.П., 1982). Важно, что завалы обнаружены в помещениях западной и северной частей комплекса, причем в крупном северо-восточном помещении (№ 7) завал подпружных арок обнаружен только у угла и стены, обращенных к северо-востоку и востоку. Ориентировочная оценка интенсивности сотрясений, которые могли привести к подобным повреждениям, составляет 8 баллов.

В караван-сарае Косбулак достойно внимания то, что в наиболее западном примыкающем изнутри к внешней стене помещении № 1 отремонтировано сырцовым кирпичом основание юго-западной стены. В нем же обнаружен второй пол на 0,23 м выше первого, причем между ними залегала комковатая глина (Манылов Ю.П., 1982). Трудно истолковать эти факты иначе, как приняв, что помещение, построенное, судя по монетной находке, не ранее 1312–1340 г., было сильно повреждено (с юго-запада), частью завалено комковатой глиной, так что потребовало ремонта стены и создания нового глиняного пола.

Крайний северо-западный из исследованных на Устюрте *караван-сарай Коскудук* расположен у обрыва западного чинка (рис. 1). Караван-сарай размером 40 × 40 м сохранился в виде остатков стен до высоты 1,6–1,7 м (Толстов С.П., 1958). Постройка осуществлена из крупных поставленных вертикально и скрепленных алебастровым раствором известняковых блоков. Помещения имели сводчатые перекрытия из каменных плиток в форме кирпичей, о чем говорят завалы в некоторых раскопанных помещениях. Поскольку разрушены и стены весьма основательной постройки, и внутренние помещения, завалены и стены, и своды в помещениях размером, например, 3,1 × 2,7 м (Толстов С.П., 1958), то наиболее вероятной причиной представляется считать сильное землетрясение. В этом же смысле легко истолковать растрескивание некоторых крупных каменных блоков в сохранившихся частях внешних стен и разброс камней в виде коротких полос северо-северо-восточного простирания, а от южной башни – к юго-юго-востоку. Ориентировочная оценка силы сотрясений по указанным признакам составляет 7–8 баллов.

Сохранность стен рассмотренных караван-сараев на Устюрте оказывается неодинаковой (по их современной высоте). На центральном отрезке и ближе к северо-западу караванной дороги высота сохранившихся стен меньше, чем на юго-востоке (0,4–1 и 1–1,6 м соответственно). Исключение составляет караван-сарай Ажигельды (между караван-сараями Учкудук и Косбулак), высота сохранившихся стен которого 0,3–0,9 м, но он построен не из камня, а из необожженных глиняных кирпичей. Соседний караван-сарай Косбулак из такого же материала имеет высоту стен до 1,6 м, но при толщине 2,8–3,8 вместо обычных 0,7–1,2 м.

Примечательно, что в караван-сараях именно Центрального Устюрта, в том числе в Чуруке, с наименьшей высотой внешних стен наиболее велики повреждения, обнаруженные при раскопках внутренних помещений, и в них же обнаружены по два пола и другие следы ремонтов. Получается, что сохранность памятников Центрального Устюрта в целом хуже, а следы повреждений в общем серьезнее по сравнению с его краевыми частями.

Другая важная черта состоит в том, что направленность горизонтальных воздействий при разрушении (повреждении) построек как будто меняется от восточной-северо-восточной (Учкудук) через северо-восточную (Белеули) до северо-северо-восточной (Коскудук). Иными словами, область, откуда направлялись сейсмические воздействия, намечается юго-западнее караванной дороги, где-то в центральной части Устюрта. В целом это согласуется с ранее и независимо сделанным выводом на основе повреждений могильных сооружений на Байте (северо-западный Устюрт) о расположении эпицентра позднесредневекового землетрясения в центральной или западной части плато Устюрт (Никонов А.А., Ольховский В.С., 1996).

Автор подробного археологического изучения караван-сараев Устюрта Ю.П. Манылов по находкам монет, особенностям керамики и архитектурным аналогиям относит строительство караван-сараев к началу второй четверти XIV в., хотя комплекс Белеули по преданиям можно относить к XIII в. (Григорьев В.В., 1908).

Никакого сомнения нет в том, что памятники находились в разрушенном состоянии не только к началу XIX в., но, скорее всего, уже к началу второй четверти XVIII в., что устанавливается по крайней мере для нескольких караван-сараев (Григорьев В.В., 1870). Как показано выше, разрушение памятников можно связывать с сильным землетрясением, а не с походами Тимура (Манылов Ю.П., Юсупов Н.Ю., 1982).

Важны также свидетельства ремонта некоторых помещений в виде устройства вторых полов на трех комплексах. Сооружение без особых причин вторых глянных полов на 15–25 см выше первых и через 20–30 лет после постройки зданий представляется маловероятным. Это, как и следы ремонта в одном из помещений караван-сарая Косбулак, могло быть вызвано скорее всего необходимостью восстановления после сильных повреждений (разрушений). Однако отнесение разрушений именно к XVIII в. остается проблематичным, ибо вполне возможно предположение о землетрясении и в XIV в. на западной окраине Хорезма.

Уточнение времени разрушений

С точки зрения уточнения нижнего предела времени сейсмического события на Устюрте, особенно важны памятники XV в. и более поздние. Начнем с развалин *Каптам* ("много домов") в 10 км от песков Сам на Устюрте (рис. 1). Здесь к 1822 г. насчитывалось до 30 разрушенных зданий (Левшин А., 1832). Здания были построены из кирпича и камня, и, по-видимому, имели сводчатые перекрытия ("многие целы"). Согласно обследованию (Басенов Т.К., 1947), речь идет об остатках укрепленного городища прочной постройки, и к тому же не подвергавшегося разборке. Имеются указания о существовании здесь в XV в. большого торгового города (Zimmerman C., 1848; Бартольд В.В., 1902). Однако надежной такая датировка не может считаться.

По народным преданиям, постройку (возможно, на древнем городище) относят к XVI или к XVII в., а по архитектурным особенностям – ко второй половине XVI или началу XVII в. (Басенов Т.К., 1947). Между тем, степень руинированности памятника в целом та же, что и караван-сараев XIII–XIV вв. Заметим, что в нескольких километрах юго-западнее городища Каптам в прекрасном состоянии стоят два мавзолея, построенные в последнем десятилетии XIX в., и другие начала XX в. (Басенов Т.К., 1947; Маргулан А. и др., 1959). Налицо резкие различия в степени сохранности памятников, построенных с разрывом всего в два с половиной столетия, между тем как за 50–100 лет они не претерпевают заметных повреждений без особых воздействий.

Другое сильно разрушенное и также, по-видимому, позднее сооружение находится на юго-востоке Устюрта. К северо-западу от сора Барсакельмес у *местечка Алан* близ одной из провальных ям в 70-х годах XIX в. описаны развалины небольшого каменного укрепления размером примерно 40 × 40 м при толщине стен свыше 70 см и сохранившейся высоте до 4,5 м (Непринцев Н., 1874; Алиханов-Аварский М., 1899). По тогдашним сообщениям местных казахов, укрепление будто бы сооружено во время Хивинского похода князя А. Бековича-Черкасского. Если это сообщение

соответствует истине (а между прочим, на одном из камней выбит крест), его постройка относится к 1717 г. Разрушение караван-сарая можно относить к интервалу между 1717 и 1850 гг. Обратим внимание, что в данном случае, как и на основном караванном пути через Устюрт, мы имеем дело с развалинами крупного, построенного из камня караван-сарая. Несмотря на разницу в возрасте около 400 лет, сохранность его в общем та же, что и караван-сараев на основном пути через Устюрт в отличие от вполне сохранившихся построек на два века моложе (см. ниже).

Наиболее показательны для решения обсуждаемого вопроса дневниковые записи немецкого путешественника, пересекшего Устюрт в начале 1732 г. (Journal von der Reise..., 1902). Он довольно подробно характеризует остатки пяти поселений и караван-сараев на протяжении около 85 км главного караванного пути от северного чинка к юго-востоку. Кратко его сообщения сводятся к следующему. У края чинка стоял караван-сарай, и неподалеку – остатки города. Это место под названием Ирнак идентифицируется с Коскудуком. Четыре стены из камня еще были целы, как и четырехугольное строение со сводом (!) и частью стен 16 комнат.

Другое место примерно в 43 км к юго-востоку, названное Дзеслах, по описанию здесь могильных склепов у этого автора и у П.И. Рычкова (1887) идентифицируется с *поселением Чурук*. В остатках города, отмеченных в обоих источниках, выделены "2 покоя больших..., а наверху оных положены толь великие каменья, что один камень десяти или 16 человек едва можно поднять" (Рычков П.И., 1887). Это значит, что часть строений, вероятно капитальные, тогда (1732 г.) еще сохранились в значительной степени, хотя и в руинах. Еще далее к юго-востоку в 30 и 57 км соответственно указаны частью разрушенные постройки. В последнем пункте, идентифицированном как Белеули, путешественник (Journal von der Reise..., 1902) увидел крупные постройки и мечети в руинах, усыпальницу и могилу, а также разрушенный караван-сарай. Из этих, ранее практически не использованных свидетельств следует, во-первых, что в марте 1732 г. все караван-сараи и крупные постройки ("города") на главном караванном пути находились уже в сильно разрушенном состоянии. Во-вторых, по описаниям оказывается, что самый северо-западный город сохранился лучше других сооружений на пути, а наиболее пострадавшим (около 8 баллов) оказывается пункт между бывшими населенными пунктами, ныне колодцами, Чурук и Белеули. То же самое, как мы показали по высоте сохранившихся стен, согласно археологически-архитектурным обследованиям (Манылов Ю.П., 1982), имеет место и до настоящего времени.

Отсюда мы делаем вывод о том, что наблюдаемые до сих пор разрушения (конечно, усилившиеся) возникли после XVI–XVII вв., но до 1732 г., скорее всего не менее чем за несколько лет (иначе бы проводники-казахи могли об этом сообщить).

Еще один показательный с рассматриваемой точки зрения памятник – это *поселение Дэв-Кескен* на крайнем юго-восточном выступе чинка Устюрта. Здесь сохранились и обследованы три мавзолея и мечеть, определяемые как ансамбль конца XV – первой половины XVI в. (Пугаченкова Г.А., 1963). Сооружения возведены в основном из жженого кирпича на глиняном растворе с цоколем высотой 1–1,5 м из плитняка. Второй мавзолей в виде портально-купольной композиции несет сильные повреждения, а именно: разрушение купола выше парусов, крупные трещины в восточной стене, значительные косо-ступенчатые, т.е. за счет динамического воздействия, трещины в парусах. Обрушен купол и у третьего мавзолея, а подкупольный барабан его и стены рассечены крупными трещинами. Сильно разрушена и мечеть.

Разрушения ансамбля, по-видимому, также сейсмические, возникли, несомненно, не ранее середины – конца XVI в. Оценка интенсивности – не менее 7–8 баллов.

Другие важные для рассматриваемого вопроса сведения получены при археологических раскопках в Хорезмском оазисе на берегу р. Амударьи у современного города Ходжейли. Здесь обследован и частично раскопан мавзолей халифа Раджаба (Юсупов К., 1990). Это сооружение кубовидной формы с наружными размерами 12,2 × 12,3 м возведено в XI в. из крупноформатного жженого и сырцового кирпича на

глиняном растворе. Жженый кирпич использован в конструктивно важных узлах, а также при кладке фасадной юго-западной стены. Здание сильно разрушено, но на старых фотографиях в интерьере еще видны сохранившиеся своды купола. На недавних фотографиях (Юсупов К., 1990) внутри памятника через всю стену близ арки видна вертикальная трещина. Есть и субгоризонтальная трещина от угла, демонстрирующая (как бы) выбивание верхней части стены внутрь здания. Кирпичная веерная кладка над аркой разбита трещиной. Если это не следы недавних взрывов, что маловероятно из-за старого облика повреждений, то для объяснения надо привлекать сейсмическое воздействие (не менее 6 –7 баллов).

Главным с интересующей нас точки зрения является обнаружение при раскопках упавшей наружу единым блоком юго-западной стены. Стена упала целой и образовала завал 0,5–1,7 м толщиной. Судя по находкам под завалом надгробий и датирующих материалов XIV–XVIII вв., падение относят ориентировочно к XVIII в., считая, что это произошло за счет односторонней усадки камышовой прокладки (на высоте 1 м от основания стены) и отклонения тяжелой фасадной стены от остальных сырцовых стен (Юсупов К., 1990). Однако такое объяснение маловероятно, ибо усадка камышовой прокладки если бы и произошла, то вскоре после строительства, да и вряд ли стена упала бы при этом целиком, а не частями. Вместе с приведенными признаками именно сейсмических воздействий на сооружение (причем в позднее время, ибо ранее он активно функционировал и, вероятно, подновлялся) падение стены более естественно объясняется сейсмическим ударом. Если так, то и здесь он датируется, по-видимому, временем до середины XVIII в.

Обратим внимание в этой связи на свидетельство середины XVIII в. о том, что город (Ургенч) пуст, а у мечетей, дворца хана и у нескольких других домов "крышки уже обветшали" (Путешествие из Оренбурга..., 1840, с. 31).

Нельзя опять-таки не обратить внимание на тот факт, что крупные сооружения начала XIX в. между Куня-Ургенчем и Дэв-Кескеном, хотя и построенные в другой технике, вовсе не несут сколько-нибудь заметных повреждений (Андрианов Б.В., Васильева Г.П., 1958; Вайнберг Б.И., Костин Г.С., 1958).

Итак, как на самом Устюрте, так и к юго-востоку от него несколько сооружений оказываются разрушенными, по-видимому, в результате сильных сейсмических воздействий в первой половине XVIII в. или, точнее, до 1732 г., что резко контрастирует с полной сохранностью сооружений начала XIX в.

Очень важный материал по сейсмическим воздействиям могли бы дать остатки городищ и сигнальных башен, располагавшихся в большом числе (свыше 20) по всему Восточному чинку Устюрта.

Приведем один сравнительно показательный для обсуждаемого вопроса пример. Речь идет о башне Караумбет на Восточном чинке Устюрта, восточнее сора Барсакельмес и южнее прежнего юго-западного угла Аральского моря. Археологическое обследование башни обнаружило, что она функционировала не только до начала XIII в., как остальные, но и в XIII–XIV вв. (Древняя и средневековая культура..., 1978). На рукопсной карте Закаспия, обоснованно относимой к 1715 г. (Шафрановский К.И., Княжецкая Е.А., 1952; Княжецкая Е.А., 1964), отдельно нарисована именно и только эта башня с шатровой крышей. Подпись на карте у этой башни ("Каракумет") относительно подробная, и из нее явствует, что перевалка товаров с амударьинских судов на сухопутную дорогу через Устюрт проходила в то время именно здесь. Рисунок, подробная подпись и указание именно и только этой башни показывают, что она была хорошо знакома составителю карты (А. Бековичу-Черкасскому). Следовательно, показ шатрового деревянного или пирамидального каменного завершения башни можно считать не вольностью рисовальщика, но отражением хорошего состояния башни. В этом случае мы имеем основания считать, что башня хорошо пережила и землетрясение 1208/1209 г. (Никонов А.А., 1989а), и монгольское нашествие, что, конечно, не исключает возможность ее подновления. Если она была цела еще в 1715 г., то в 1946 г. уже только по завалу жженых

кирпичей вокруг основания можно было определить, какой верх имела башня (Древняя и средневековая культура..., 1978). Трудно найти другое правдоподобное объяснение разрушения столь прочного сооружения, чем воздействие сильного землетрясения в этот промежуток времени, точнее в XVIII в. (до 1740 г.), ибо о более поздних крупных событиях сведения поступали достаточно регулярно.

Исторические сведения и их обсуждение

Заметим в этой связи, что с середины XVIII в. до наших дней вся рассматриваемая область не подвергалась сотрясениям интенсивностью свыше 6 баллов и соответственно сооружения не испытывали сейсмических повреждений помимо совсем незначительных.

Единственным и одновременно исключительного значения историческим источником, прямо свидетельствующим о землетрясении, является попутное упоминание при характеристике событий в Астрахани. Воспроизводимый ниже текст ранее не фигурировал в научных исследованиях. "Заметим, что в 1725 г. чувствовано было довольно легкое землетрясение в Астрахани и ее окрестностях" (Гришов А.Н., 1794). Член Петербургской Академии наук А.Н. Гришов известен своими трудами, и его сообщение, хотя и без указания первоисточника сведений, вполне заслуживает доверия. Примечательно, что А.Н. Гришов говорит об ощущении землетрясения не только в самом городе, но и в окрестностях, т.е., по-видимому, в первую очередь вдоль р. Волги, что придает сообщению дополнительное доверие. Мы считаем, что нужно исходить в дальнейшем из факта, что в Астрахани и окрестностях действительно имело место слабое (3–4 балла) землетрясение в 1725 г. (не исключено, с ошибкой в 1 год). Что это было за землетрясение, где оно возникло, каковы размеры и особенности области его проявления?

Сотрясения в Астрахани (и окрестностях) могли быть результатом местного, так и удаленного события. Само по себе сообщение не содержит никаких признаков, которые бы позволили сделать выбор. Тем не менее ряд соображений должен быть высказан. Практически невозможно допустить кавказское происхождение сотрясения в Астрахани, как это известно, например, для событий 1668, 1830, 1875 гг. (Никонов А.А., 1989б). Что происходило на Северном Кавказе с 1721 г., в России было хорошо известно благодаря Кавказскому походу Петра I, пребывание там армии, сначала вместе с императором, заложению крепостей и фортов и постоянному интересу императора к тамошним событиям. Весьма маловероятной представляется идентификация указанных сотрясений с каким-либо землетрясением в Южном Каспии, ибо, во-первых, оттуда нет никаких сообщений или хотя бы косвенных указаний, а во-вторых, столь сильные землетрясения как, например, Узунадинское (Красноводское) 1895 г. чаще, чем однажды в несколько сотен лет, как правило, в одном и том же районе не возникают. Наконец, нет никаких оснований допускать возможность сильных землетрясений севернее г. Астрахань.

Остается, если анализировать вариант возникновения сотрясений в 1725 г. в Астрахани за счет удаленного землетрясения, рассмотреть возможность такового на Мангышлаке или Устюрте. Известия из этого региона поступали в начале XVIII в. только спорадически, так что шансы обнаружить оттуда независимое сообщение невелики. Насколько известно, единственным письменным источником для 1725 г. о Хивинском ханстве и пути из Хивы в Астрахань через Гурьев, т.е. Устюрт и Мангышлак, может служить отчет итальянца на русской службе, посланца Петра I Флорио Беневине (Посланник Петра I..., 1986). Этот дипломатический агент тщательно описывал все события во время пребывания в Бухаре с 1721 по начало 1725 г. Ни до 8 апреля 1725 г. в Бухаре, ни по пути в Хиву, ни во время пребывания в ней (с 18 IV по 7 VIII), ни далее по пути в Гурьев, ни в Астрахани, куда он прибыл 17 сентября и где оставался до начала октября, он не отмечает ни землетрясения, ни его следов. Между тем, трудно предположить, чтобы крупное, разрушительное событие не только в главных центрах, но и по пути, каковое только и могло сказаться

в удаленной Астрахани, осталось бы им не замеченным и не отмеченным. Если бы Ф. Беневини даже прошел по потрясенной области после столь сильного землетрясения, он неминуемо должен был бы слышать рассказы о свежем (тем более почти небывалом в этих местах) событии, ощущать афтершоки, узнать об изменении дебита источников на скудоводном пути, если даже он не видел бы самих следов разрушений. Коль скоро этого не произошло, остается считать, что событие возникло в конце года, после сентября, когда Ф. Беневини покинул Астрахань по пути в Москву. Если, конечно, не допускать ошибки в указании А.Н. Гришовым года события.

Оренбургское укрепление было заложено только в 1736 г. (Рычков П.И., 1887), и соответственно этот канал поступления сведений с Устюрта еще не действовал.

Таким образом, пока не удается найти письменные подтверждения возникновения сильного землетрясения 1725 г. именно на Устюрте. В то же время, по имеющимся сведениям косвенного характера, можно вывести, что если сильное землетрясение действительно имело место в 1725 г., то это могло произойти в конце года.

Синтез сведений и их значение для региональной археологии

Итак, мы рассмотрели раздельно сведения об основных сохранившихся на Устюрте архитектурных памятниках, по старым описаниям и более новым обмерам, археологические данные о времени их постройки, функционирования и разрушения и доступные исторические свидетельства о памятниках и событиях на Устюрте в XIII–XVIII вв. По этим трем группам данных достаточно определенно можно сказать, что все построенные в большинстве своем в XIII–XIV и частью в XV–XVI вв. сооружения (караван-сараи и мавзолеи) находятся в руинированном состоянии в отличие от нескольких мавзолеев и крупных жилых комплексов XIX в., которые вполне хорошо сохранились. Разрушение рассмотренных сооружений, судя по свидетельству путешественников XVIII–XIX вв., произошло явно после XIV (XVI) в., но до второй трети XIX в., в отдельных случаях – до XIX и даже середины XVIII в. Сооружения соответствующего времени вдоль Восточного чинка Устюрта, в Хорезмском оазисе и на северо-западе Устюрта оказываются повреждены и руинированы в значительно меньшей мере, чем таковые в центральных частях Устюрта.

Рассмотренные караван-сараи Устюрта XIII–XIV вв. несут более или менее (что зависит и от степени изученности и подробности публикации данных) определенные следы именно сильных сейсмических воздействий. Интенсивность повреждений достигает 8 баллов. Достаточно определенно выявляется, что рассматриваемые сейсмические воздействия на средневековые памятники на северо-западном Устюрте исходили из южных направлений, на Центральном – из юго-западного и на юго-восточном – из западного – юго-западного. Иными словами, оказывается, что область сейсмического излучения скорее всего располагалась где-то на Западном Устюрте или на западе Центрального, южнее основной караванной дороги. Наиболее вероятным представляется связывать ее с зоной Центральноустюртского разлома, молодая активность которого, в том числе и сейсмические нарушения вдоль которого, недавно установлены геологическими и геоморфологическими методами (Шолохов В.В., Никонов А.А., 1994; Никонов А.А., Шолохов В.В., 1996).

Естественно, возникает вопрос, а не могут ли наблюдаемые повреждения и разрушения возникнуть за счет других землетрясений. О местных землетрясениях в XVI–XIX вв. говорить не приходится. Из удаленных, Узунадинское (Красноводское) землетрясение 1895 г. проявилось на Устюрте с интенсивностью 6 баллов в южной его части и 5 баллов – в северной. Несомненно, что такие сотрясения могли привести к падению отдельных камней и неустойчивых элементов уже руинированных строений, но не к их разрушению, столь серьезному, как это наблюдалось уже к середине XVIII в.

При землетрясениях Казанджинском 1946 г. и Ашхабадском 1948 г. сотрясения в южных частях Устюрта в общем не превышали 4 баллов (Голинский Г.Л., 1977). Возможно, что результатом одного из трех перечисленных землетрясений явился "недавний" обвал в крупном ане-карстовой воронке у колодца Узун-кую южнее

котловины Ассаке-Гаудан. Здесь С.В. Викторов в 1953 г. наблюдал в ане на рухнувших в него огромных плитах известняка свежие изломы по краям, сохранившиеся со времени падения глыб на почву, и растения (Викторов С.В., 1971).

В общем, мы находим, что независимые группы данных неплохо согласуются между собой в указании на разрушительное землетрясение на Устюрте в промежутке времени между XIV–XVI вв. и концом XVIII – второй третью XIX в. Единственное, впервые обнаруженное письменное указание на сейсмические колебания в г. Астрахани и в ее окрестностях в 1725 г. (скорее всего в конце года) может быть предварительным основанием для отнесения Устюртского землетрясения именно к этому году. Косвенные сведения о разрушениях (сейсмических!) построек в пункте Алан на Устюрте и у г. Ходжейли в Хорезме после начала XVIII в. в первом и до середины XVIII в. во втором, кажется, находятся в хорошем согласии с указанной датой землетрясения.

Поэтому, несмотря на отсутствие прямых свидетельств землетрясения в это время на Устюрте, мы полагаем возможным принять, что в 1725 г. произошло очень сильное землетрясение на Устюрте. Если привлеченные исторические сведения о сейсмических проявлениях в Астрахани, на всем Устюрте (описания руин, археологические свидетельства) и на отдельных памятниках северо-западной части Хорезмского оазиса (по археологическим материалам и частью признакам на архитектурных памятниках) относятся к одному и тому же событию, то область его ощутимости оказывается вытянутой более чем на 1000 км с северо-запада на юго-восток. Заметим, что в этом же направлении и по той же трассе вытянута и главная (если не единственная) наиболее вероятная сейсмогенерирующая зона – зона Центральноустюртского и Центральномангышлакского разломов. Поэтому представляется естественным признать ее ответственной за возникновение выделяемого сейсмического события.

Проведенное исследование влечет за собой ряд следствий археологической и исторической значимости. Сам факт выявления разрушительных землетрясений на территории от Каспийского моря до долины Амударьи (Никонов А.А., 1989а; 1994; Никонов А.А., Ольховский В.С., 1996), особенно после памятных 9- и 9–10-балльных землетрясений 1976 и 1984 гг. в Газли, заставляет принимать эти явления в качестве серьезнейшего фактора, неоднократно нарушавшего течение и даже устои общественной жизни как оседлого населения оазисов, так и кочевников в степях. Несомненно, при объяснении драматических исторических событий нельзя ограничиваться общественными потрясениями и войнами (монгольское нашествие, походы Тимура), но необходимо шире привлекать и косвенные признаки природных катаклизмов. Ряд вопросов истории региона уже сейчас могут быть рассмотрены с новых позиций.

Целый ряд принципиальных вопросов палеогеографии, исторической географии, этнографии и экологии может быть решен, если использовать известные сейсмологам и геофизикам сведения о сопутствующих сильным землетрясениям внезапным морфологическим и ландшафтным изменениям[1].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аджигалиев С.И., 1994. Генезис традиционной погребальной культовой архитектуры западного Казахстана. Алматы.

Алиханов-Аварский М., 1899. Поход в Хиву, 1873 г. Степь и оазис. СПб.

Андрианов Б.В., Васильева Г.П., 1958. Покинутые туркменские поселения XIX века в хорезмском оазисе // КСИЭ. Вып. XXVIII.

---

[1] Автор признателен Б.И. Вайнберг, В.С. Ольховскому и В.В. Шолохову за просмотр рукописи и полезные замечания, З.В. Халтуриной за техническую помощь.

Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 94-05-16828).

Бартольд В.В., 1902. Сведения об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи с древнейших времен до XVII в. Ташкент.

Басенов Т.К., 1947. Архитектурные памятники в районе Сам. Алма-Ата.

Вайнберг Б.И., Костин Г.С., 1958. Гокле-медресе // КСИЭ. Вып. XXX.

Викторов С.В., 1971. Пустыня Устюрта и вопросы ее освоения. // Тр. моск. о-ва испыт. природы. Т. XLV. М.

Виноградов А.В., 1966. Тысячелетия, погребенные пустыней. М.

Галкин Л.Л., Ольховский В.С., 1989. Комплекс святилищ Байте (начало исследований) // Маргулановские чтения (сб. матер. конф.). Алма-Ата.

Голинский Г.Л., 1977. Уравнения макросейсмического поля землетрясений Туркмении // Изв. АН Туркм. ССР. Сер. физ-техн., хим. и геол. наук. № 1.

Григорьев В.В., 1870. О путешествии Гарбера в Хиву в 1732 г. // Изв. Русск. Геогр. о-ва. Т. VI. № 1. СПб.

Григорьев В.В., 1908. Описание Хивинского ханства и дороги туда из Сарайчиковской крепости // Тр. Оренбургской ученой Архивн. комиссии. Вып. 19. Оренбург.

Гришов А.Н., 1794. Рассуждения о землетрясениях и огнедышащих горах // Новые ежемесячные сочинения. Ч. XCVII. СПб. Древняя и средневековая культура юго-восточного Устюрта, 1978. Ташкент.

Жукова Л., Левтеева Л., 1976. Экспедиция в Среднюю Азию // Памятники Туркменистана. № 1(20).

Княжецкая Е.А., 1964. Судьба одной карты. М.

Левшин А., 1832. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Ч. I. СПб.

Манылов Ю.П., 1982. Археологические исследования караван-сараев Центрального Устюрта // Археология Приаралья. Вып. 1. Ташкент.

Манылов Ю.П., Юсупов Н.Ю., 1982. Караван-сараи Центрального Устюрта (в пределах Каракалпакской АССР) // СА. № 1.

Маргулан А., Басенов Т., Мендикулов М., 1959. Архитектура Казахстана. Алма-Ата.

Мендикулов М.М., 1956. Памятники архитектуры полуострова Мангышлак и Западного Устюрта. Алма-Ата.

Непрынцев Н., 1874. Топографическое описание путей, пройденных Мангышлакским отрядом при движении к Хиве и обратно в 1873 г. // Изв. Кавк. отд. Русск. Геогр. о-ва. Т. III. № 1.

Никонов А.А., 1989а. Разрушительное землетрясение 1208–1209 гг. на Туранской платформе (по письменным источникам) // Оценка эффекта сильных землетрясений. Вопросы инженерной сейсмологии. Вып. 30.

Никонов А.А., 1989б. Сильнейшие землетрясения Восточного Кавказа с точки зрения геодинамики // Геодинамика Кавказа. М.

Никонов А.А., 1994. Разрушительное землетрясение на Мангышлаке // Физика Земли. № 5.

Никонов А.А., Ольховский В.С., 1996. О признаках разрушительных сейсмических воздействий на археологических памятниках Западного Устюрта (в печати).

Никонов А.А., Шолохов В.В., 1996. О сейсмодеформациях и древних землетрясениях на Мангышлаке // Сейсмичность и сейсмическое районирование Северной Евразии. М.

Ольховский В.С., 1991. Предварительные итоги исследования святилища Байте III на Устюрте // Проблемные вопросы истории Западного Казахстана. Матер. тез. межрег. научно-теоретической конф. Гурьев.

Ольховский В.С., 1992. Святилище Байте III в Западном Казахстане (продолжение исследований) // Маргулановские чтения. 1990. (Сб. матер. конф.). Ч. I. М.

Ольховский В.С., Галкин Л.Л., 1990. Культовый комплекс на Устюрте (предварительное сообщение) // СА. № 4.

Поляков С.П., 1973. Этническая история северо-западных туркмен в средние века. М.

Посланник Петра I на Востоке, 1986. М.

Пугаченкова Г.А., 1963. Материалы к истории Хорезмского зодчества // Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1958–1961 гг. МХЭ. Т. II. М.

Путешествие из Оренбурга в Хиву самарского купца Рукавнина в 1753 г., 1840. СПб.

Рычков П.И., 1887. Топография Оренбургской губернии. Оренбург.

Толстов С.П., 1948. По следам древнехорезмской цивилизации. М.; Л.

Толстов С.П., 1958. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949–1953 гг. // Тр. Хорезмск. археол.-этногр. экспедиции. Т. II. М.

Шафрановский К.И., Княжецкая Е.А., 1952. Карты Каспийского и Аральского морей, составленные в результате экспедиции Александра Бековича-Черкасского в 1715 г. // Известия Всесоюз. географ. о-ва. № 6.

Шолохов В.В., Никонов А.А., 1994. О новейшей структуре Мангышлака // Геотектоника. № 6.

Юсупов К., 1990. Уникальный памятник архитектуры средневекового Миздахкана // Археология Приаралья. Вып. IV. Ташкент.
Journal von der Reise aus Astrachan nach Chiwah und Bucharen. 1732, 1902. St.–Ptb.
Zimmerman C., 1848. Denkschrift uber den Unten Lauf des Uxus zum Karabugax Haft des Caspischen Meers. Berlin.

Объединенный институт физики Земли РАН,
Москва

A.A. NIKONOV

ARCHAEOLOGICAL AND HISTORICAL TRACES OF THE DESTRUCTIVE EARTHQUAKE ON USTJURT IN THE 18th CENTURY

Summary

Archaeological excavations of the medieval buildings on an ancient caravan track through Ustjurt and the remains of Ustjurt archaeological monuments preserved till the middle of the 20th century make in possible to draw a conclusion that the monuments have the traces of a srtong unrecorded earthquake. A number of monuments of the eastern Ustjurt and the western part of the ancient Khorezm have the same traces. The earthquake can be dated to the first half of the 18th century. This fact is proven by a short written evidence about an earthquake in Astrakhan in 1725. The author offers possible explanations of the traces and discusses the importance of the new idea for the archaeological and historical studies.

К 850-летию города Москвы

**В.С. ГУНОВА, Н.А. КИРЬЯНОВА, Н.А. КРЕНКЕ,
В.А. НИЗОВЦЕВ, Е.А. СПИРИДОНОВА**

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ И СИСТЕМА ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ В ДОЛИНЕ МОСКВЫ-РЕКИ В ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ

Задача настоящей работы – сопоставление независимых и взаимодополняющих данных, полученных в ходе археологических, палеоботанических и ландшафтных исследований с целью реконструкции хозяйственного уклада и системы землепользования в бассейне Москвы-реки в IX–VIII вв. до н.э. – VII в. н.э. В основу работы положены материалы изучения Дьякова городища в Москве и его округи.

Этот памятник одновременно типичен как ячейка поселенческой макроструктуры железного века и уникален по количеству информации о хозяйстве и динамике природной обстановки, полученной при целенаправленном сборе палеоботанических данных в ходе раскопок 1981–1987 гг., по степени археологической, геологической и ландшафтной изученности окрестностей (Анучин, Д.Н., 1909; Апродов А.В., Апродова А.А., 1963; Бадер О.Н., 1947; Борзов А.А. и др. 1950; Гунова В.С., 1991; Гунова В.С., Кренке Н.А., 1985; Даньшин Б.М., 1933; 1941; Кренке Н.А., 1991; Павлов А.П., 1946; Семихатов Б.Н., 1955; Сизов В.И., 1897).

1. Археологические данные. Собственно археология предоставляет два основных источника информации, которые позволяют судить о направленности хозяйства обитателей берегов Москвы-реки в железном веке. Это археологическая карта памятников и немногочисленные виды артефактов – орудия труда, связанные с сельскохозяйственным производством ("экофакты", также полученные при раскопках, анализируются в следующих разделах).

Рассмотрим в первую очередь карту памятников. Долина Москвы-реки в археологическом отношении лучше изучена в пределах Большой Москвы. Общее количество выявленных здесь памятников железного века на участке течения Москвы-реки протяженностью около 90 км между устьями рек Самынка и Людовка достигает 45 (рис. 1), в том числе 17 городищ, 28 селищ и мест елиничных находок. Количество обнаруженных городищ, видимо, очень близко к реально существовавшим в древности (вряд ли пропущено более двух-трех), в то время как число небольших сезонных (?) поселений, остатки которых обозначаются термином селище, должно оцениваться в 80–100, что доказывается детальным обследованием микрорегиона вокруг Дьякова городища.

Густота поселений на рассматриваемом участке была велика уже на начальном этапе железного века – в IX–VII вв. до н.э. Керамика этого времени, орнаментированная оттисками гребенчатого штампа, обнаружена на всех московских городищах за исключением тех (Кремль, Нижние Котлы, Капотня), о которых информации вообще мало (Кренке Н.А., 1995).

Детальные исследования Дьякова городища и его округи позволили установить, что

© В.С. Гунова, Н.А. Кирьянова, Н.А. Кренке,
В.А. Низовцев, Е.А. Спиридонова, 1996 г.

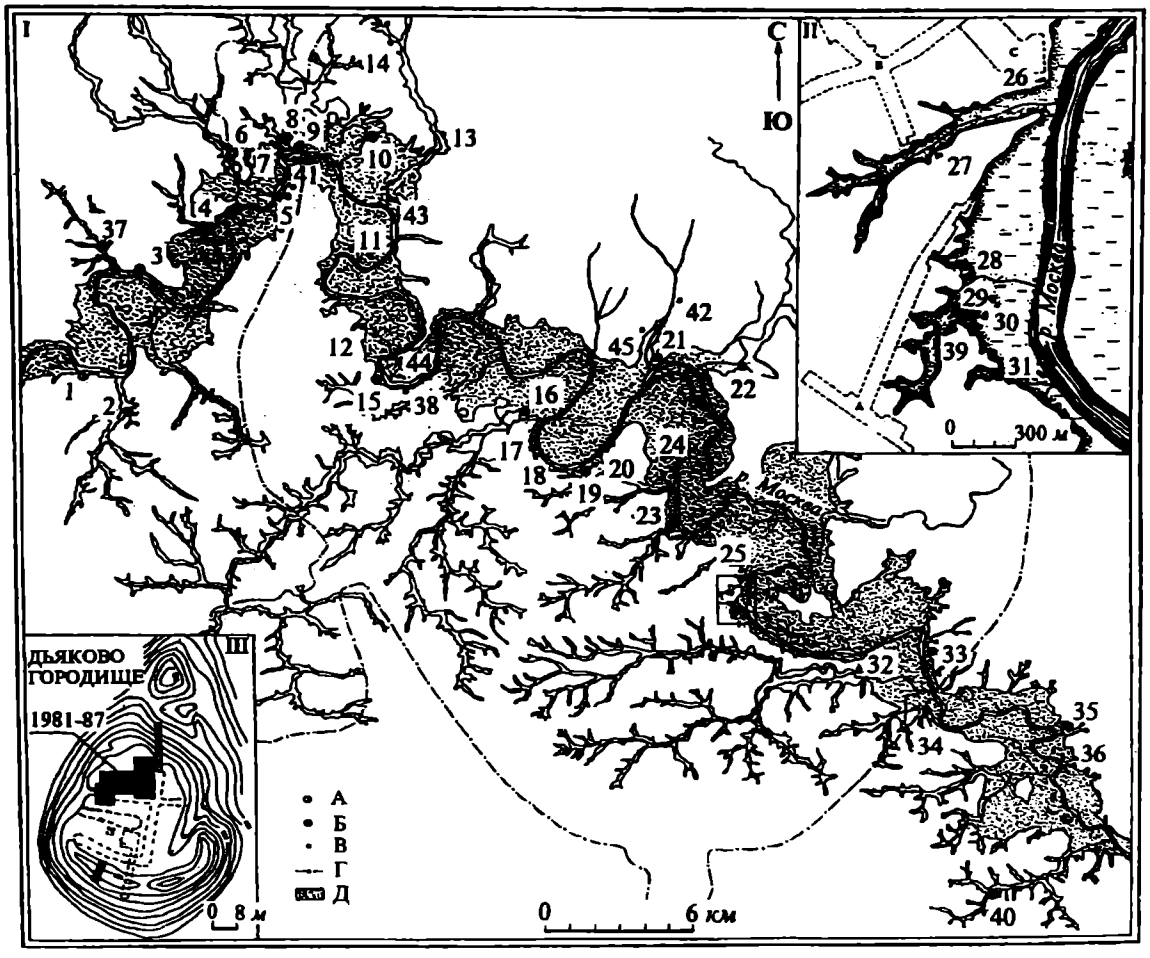


Рис. 1. I. Памятники железного века в пределах Большой Москвы. *А* – памятники, характер которых не установлен (селища или городища); *Б* – городища; *В* – селища и единичные находки; *Г* – границы Москвы на 1996 г.; *Д* – низменные земли в долине Москвы-реки. *1* – Жуковка; *2* – Барвихинское; *3* – Архангельское; *4* – Гольевское, *5* – Мякинино 1; *6* – Пенягинское; *7* – Барышиха; 8 – Спас-Тушинское *2;* 9 – Спас-Тушинское 1; *10* – Тушинское; *11* – Троице-Лыковское; *12* – Татарово; *13* – Никольское; *14* – Алешкинское; *15* – Кунцевское, *16* – Сетунское; *17* – Ленинские горы, нижнее; *18* – Ленинские горы, верхнее; *19* – Мамоново; *20* – Андреевское; *21* – Кремль; *22* – Андроников монастырь; *23* – Нижние Котлы; *24* – Данилов монастырь; *25* – Коломенское; *26* – к югу от церкви Вознесения; *27* – Девичий камень; *28* – Выгон; *29* – Дьяково; *30* – Дьяково-пойма; *31* – Чертов городок; *32* – Братеевское; *33* – Капотня; *34* – Беседы; *35* – Соколова гора; *36* – Петровское; *37* – Воронки; *38* – Филевское; *39* – Дьяково-южное; *40* – Коробово; *41* – Мякинино 2; *42* – Трубная площадь (сомнительный памятник, возможно "археологический фантом»); *43* – Химкинское селище (по сообщению М.Г. Рабиновича); *44* – Терехово; *45* – Манежная площадь; *1–36, 40* – памятники, возникшие в раннедьяковское время; *37–39, 41–45* – памятники, где раннедьяковский материал отсутствует или он не отмечен. II. Район Дьякова городища. *А* – место расположения с. Дьяково; *В* – Садовой слободы; *С* – дворцового комплекса. III. План площадки Дьякова городища, показаны раскопы разных лет: пунктиром отмечены границы раскопов XIX в. и 1935 г., штриховкой – раскопы 1981–1987 гг.

этот памятник на начальном этапе "обживания" территории еще собственно не являлся городищем: оборонительный вал отсутствовал, он появился, судя по радиоуглеродным датам, лишь на рубеже VI–V вв. до н.э. (Кренке Н.А., 1986). Центром домашней жизни микрорегиона на этом этапе, возможно, было селище Чертов городок, расположенное возле реки (рис. 1).

Таким образом, можно предположить, что на начальном этапе железного века хозяйство населения, проживавшего в округе Дьякова городища, было преимущественно ориентировано на эксплуатацию ресурсов речной долины, поймы.

Анализ ландшафтной приуроченности раннедьяковских памятников с текстильной керамикой, датирующихся в пределах V–III вв. до н.э., свидетельствует, что большинство из них занимает порубежное положение между низменными землями речной долины и полосой примыкающих к ним коренных придолинных склонов. Особенности хозяйства в железном веке, по-видимому, требовали обязательного сочетания разнообразных ландшафтных компонентов, имевшихся лишь в долинах сравнительно крупных рек. Случаи, когда поселения оказывались удаленными от широкой долины Москва-реки, единичны (городища Барвихинское, Коробовское).

В пределах низменных участков речной долины обнаружены лишь мелкие памятники, занимающие удобные незаливаемые в половодье участки, привлекавшие людей в различные исторические периоды. Например, селище Дьякова-пойма имеет не менее 5 разновременных культурных комплексов. Фрагмент текстильной керамики из Данилова монастыря был найден на месте, которому затем, в эпоху средневековья, неоднократно оказывалось предпочтение при выборе территории для поселения (авторы благодарят Л.А. Беляева за предоставленную возможность использования неопубликованных материалов).

Расположение мелких селищ, вынесенных на оконечности мысов и прибровочные части водораздельных склонов (например, рис. 1, *26 – 28*) и имеющих сравнительно значительные высотные отметки (около 30 м над уровнем реки), безусловно говорит о том, что такое их расположение было обусловлено удобством эксплуатации (по-видимому, земледельческой) "высоких территорий" коренного берега ближайших к центральному поселению – городищу.

В "позднедьяковское время", которое охватывает первую половину I тыс. н.э. (а, скорее всего, простирается и до VII в. н.э.), структура расселения остается аналогичной той, которая зафиксирована для раннедьяковского времени. Достоверные данные о возникновении в этот период на изучаемой территории крупных поселений на новых местах отсутствуют. По-видимому, это объясняется тем, что еще на предшествующем этапе был достигнут уровень, близкий к предельной емкости территории (при соответствующем типе хозяйства и социальной структуре).

Большинство позднедьяковских селищ, так же как и городищ, наследует места более ранних поселений. Памятники, основанные на новых местах, единичны. Примером могут служить селище Дьяково-южное (рис. 1, *39*) возле Дьякова городища, селище Терехово (рис. 1, *44*) напротив Кунцевского городища.

Расчет расстояний между городищами показывает, что средняя дистанция между ними по прямой равнялась 5,4 км (минимальное значение 2,7 км, максимальное – 10 км). Исключение составляют парные городища Спас-Тушинское 1 и 2, отстоящие друг от друга всего на 1 км. Таким образом, как правило, радиус округи каждого базового поселения приближался к 3 км.

Такое взаиморасположение поселений железного века в долине Москвы-реки даже при условии, что у нас отсутствовали бы какие-либо иные данные о хозяйстве, безусловно свидетельствует о предпочтительности их интерпретации как стационарно-земледельческих. На это указывают результаты исследований структур расселения земледельцев, проведенные в Азии и Европе. М. Чишольм по этнографическим данным установил, что расстояние от поселений до полей обычно не превосходило 1 км, чрезвычайно редко превышало 3–4 км (Chisholm M., 1968). Археологи, изучавшие размеры ресурсных территорий древних земледельцев, пришли к сходным выводам, что наиболее интенсивно эксплуатировалась территория в пределах часа ходьбы от поселения (4–5 км). Эксплуатация более отдаленных земель резко повышала "стоимость" продукции и, как правило, требовала возникновения промежуточных поселений (Higgs E.S., Vita–Finzi C., 1972; Ellison A., Harris J., 1972).

Относительно хорошая изученность округи Дьякова городища позволяет перейти от анализа макроструктуры расселения к суждениям о характере системы заселения и землепользования в отдельной ячейке этой макроструктуры. Всего вблизи городища на расстоянии от 100 до 1600 м выявлено 7 селищ, из которых 3 были изучены рас-

копками, а на остальных лишь закладывались шурфы и делались зачистки. Полученные материалы позволяют предполагать, что многие из этих 7 селищ существовали одновременно. Для 5 селищ получены надежные свидетельства их весьма длительного (возможно, с перерывами) функционирования в интервале от V–III вв. до н.э. до первых веков н.э.

Селища, "тянущие" к Дьякову городищу, образуют две группы: первая составляет "малый круг" памятников, удаленных от центра на 100–200 м; вторую образуют "дальние" памятники, занимающие, как правило, "ключевые позиции" – мысы или всхолмления при устьях ручьев. Более обоснованная функциональная интерпретация может быть предложена для лучше изученных ближних селищ. Одно из них (селище Дьякова-пойма, рис. 1, *29, 30*) на основании археолого-этнографических параллелей интерпретируется как место дойки (Кренке Н.А., 1992).

Находки железных серпов на одном из этих памятников – селище "Выгон" (рис. 1, *28*), вообще-то бедном находками, расположенном на оконечности мыса коренного берега, являются археологическим аргументом, позволяющим предполагать, что это, по-видимому, сезонное (следов построек не обнаружено) поселение было связано преимущественно с одним родом деятельности – земледелием. Вероято, этот памятник можно интерпретировать как полевой стан.

Селище Дьяково-южное (рис. 1, *39*), по-видимому, являлось настоящим поселением, так как в культурном слое этого памятника были зафиксированы характерные признаки построек – очажные камни и обожженная глина. То же можно сказать относительно селища Чертов городок (рис. 1, *31*).

Дальние селища в округе Дьякова городища лишь шурфовались. Про селище "Девичий камень" (рис. 1, *27*), расположенное в средней части Голосова оврага, можно предполагать, что это незначительная стоянка – место кратковременной (?) активности, в результате которой в землю попало несколько черепков. Возможно, это место имело ритуальное значение, так как черепки были найдены вблизи каменной глыбы редкой формы, вокруг которой даже в наши дни регулярно совершаются культовые действия.

Про поселения в устья Голосова оврага (рис. 1, *26*) и селище на территории бывшего села Коломенского (рис. 1, *25*), расположенного на склоне берега возле заплывшего старичного озерка, известно лишь, что они возникали в раннедьяковское время и, вероятно, продолжали функционировать и позже.

Выявленная в районе Дьякова городища система селищ, безусловно, указывает на очень "плотную", если не сплошную, занятость территории, окружавшей базовое поселение, интенсивно эксплуатировавшимися хозяйственными угодьями, вероятно, связанными развитой сетью дорожек.

Вторым источником сведений о хозяйстве населения железного века являются находки орудий труда. Набор обнаруженных изделий, связанных с занятием земледелием, невелик. Это железные серпы и "серпообразные" орудия, каменные зернотерки. Всего на городище было найдено 11 серпов и серповидных ножей (рис. 2–4).

В период отложения нижнего слоя городища, то есть в V–III вв. до н.э. (Кренке Н.А., Сулержицкий Л.Д., 1988), железные серпы, по-видимому, не употреблялись, но к этому слою относятся находки ножей с лезвием серповидной формы (рис. 2, *11, 12*), которые, возможно, являлись прототипами настоящих серпов.

Серпы, найденные в основании верхнего культурного слоя Дьякова городища (II–I вв. до н.э.) и на селище "Выгон" (рис. 2, *9, 10*), близки по форме к типу 6, выделенному Ю.А. Красновым (Краснов Ю.А., 1971), но отличаются меньшей длиной рабочей части (5,5–7 см по сравнению с 10–16 см по Краснову) и меньшей величиной ее изгиба. По-видимому, развитие данного варианта серпов, обладавших еще сравнительно низкой производительностью, привело к возникновению типа 6, а может быть, также типов 4 и 7 по Краснову, характеризующихся высокой эффективностью (Краснов Ю.А., 1971, с. 74–76). Все эти типы серпов встречены преимущественно в

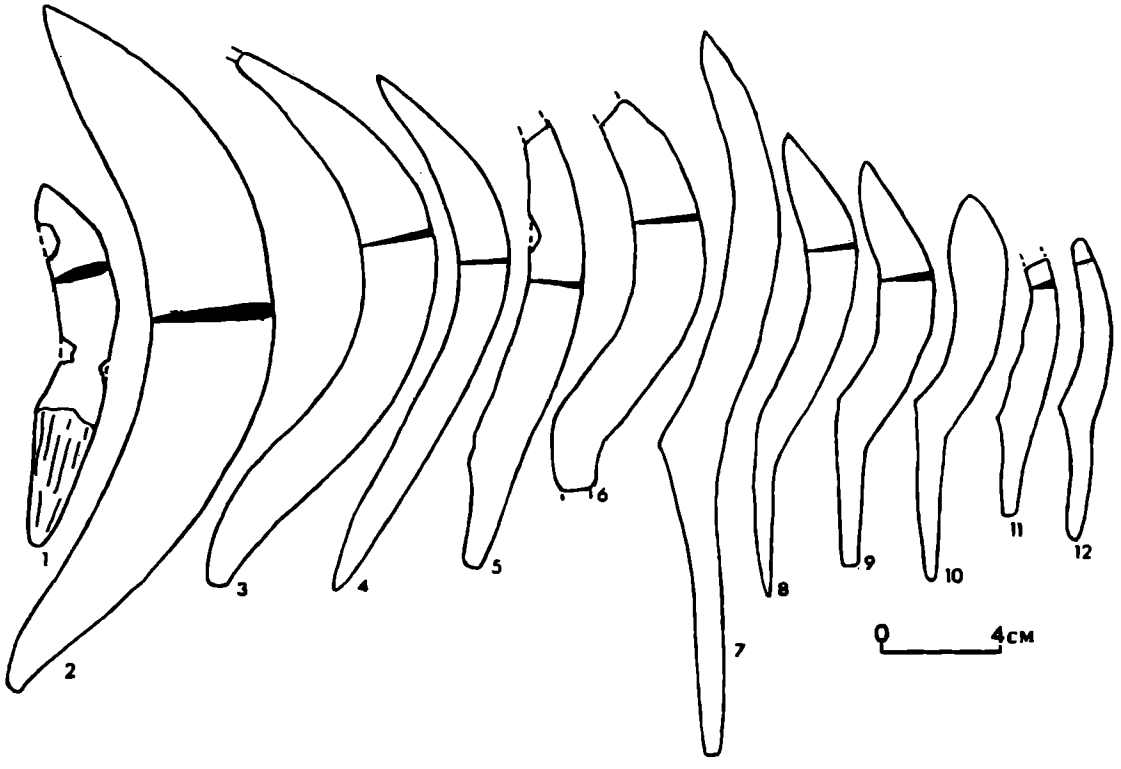


Рис. 2 Железные серпы, серповидные ножи и косарь из раскопок Дьякова городища (*1–8, 10–12*) и селища "Выгон" (*9*); *7, 10* – из раскопок XIX в. В.И. Сизова, остальные – из раскопок 1981–1986 гг.

средней части верхнего слоя (рис. 2, *3–6, 8*), датирующегося рубежом эр – первыми веками н.э. Таким образом, распределение по глубинам серпов различных форм в культурном слое Дьякова городища позволяет предположить, что в период, приблизительно датирующийся II в. до н.э. – I в. н.э., прослеживается переход от примитивных к более совершенным орудиям. При этом надо отметить, что ножи с серповидным лезвием продолжали использоваться и на поздних этапах жизни городища (рис. 2, *1*).

Кроме собственно серпов на Дьяковом городище было найдено орудие, напоминающее по форме серп, но значительно более массивное (рис. 4), которое, вероятно, следует интерпретировать как косарь (ударно-режущее орудие), функциональное назначение которого могло отличаться от назначения серпов. Подобные массивные изделия изредка встречаются на городищах "дьякова типа" (Смирнов К.А., 1974, с. 41).

Базируясь на наблюдении Ю.А. Краснова о том, что распространение серпов может считаться индикатором пашенного земледелия (Краснов Ю.А., 1971, с. 36, 37), мы можем относительно уверенно говорить о последнем с начала формирования верхнего слоя городища.

К находкам–индикаторам земледелия, по-видимому, следует относить и каменную плиту с вогнутой поверхностью, имеющей следы сработанности, найденную в нижнем слое Дьякова городища (рис. 5). По всей вероятности, этот предмет следует интерпретировать как зернотерку. Об обнаружении другой каменной плиты-зернотерки на селище Чертов городок близ Дьякова городища сообщает О.Н. Бадер (Бадер О.Н., 1947, с. 145).

Заключая обзор чисто археологических данных о типе хозяйства жителей городищ долины Москвы-реки, можно отметить, что, с одной стороны, на примере серпов прослеживается совершенствование орудий труда, связанных с земледелием, с другой стороны, система расселения остается стабильной, данные о колонизации новых территорий отсутствуют, что позволяет предположить о сходстве форм хозяйственной деятельности в ранне- и позднедьяковское время.

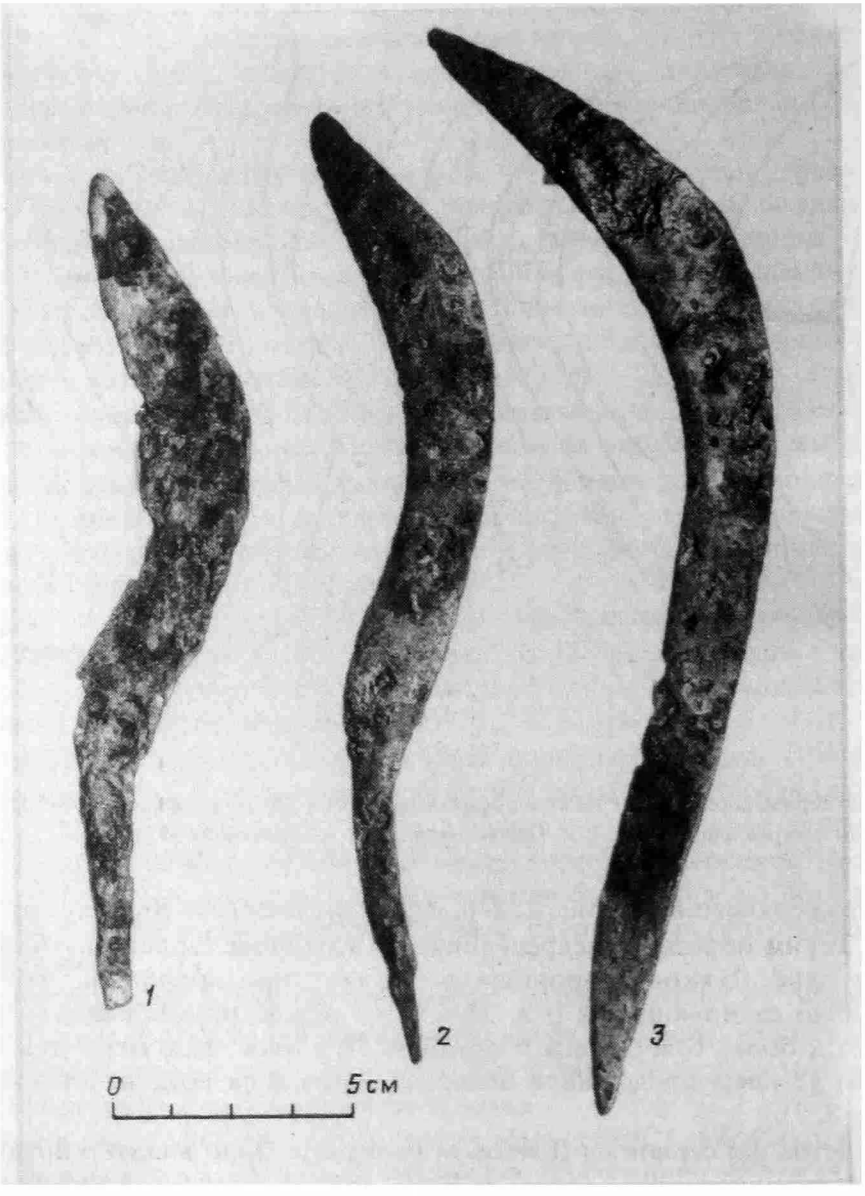


Рис. 3. Железные серпы из раскопок селища "Выгон" (*1*) и Дьякова городища (*2* – основание верхнего слоя, *3* – средняя часть верхнего слоя)

2. Палинологические данные. Палеоботанические реконструкции, основанные на данных спорово-пыльцевого анализа, базируются на сравнении состава субфосильных пыльцевых спектров, отражающих характер современной растительности, с ископаемыми спектрами, что способствует более верной интерпретации результатов анализа. С этой целью в работе приводится описание современной растительности в окрестностях Дьякова городища и состава спектров проб, отобранных здесь же.

Современная растительность холма Дьякова городища, его склонов и склонов коренного берега р. Москвы и прилегающих к ним участков поймы по описанию В.И. Тураниной – злаковые луга в сочетании с рудеральными ассоциациями. Основной аспект составляют злаки семейства Poaceae. Среди них преобладают луговая и овечья овсяницы, мятлик обыкновенный, тимофеевка. В состав рудеральной растительности входят самые обычные сорняки, связанные с деятельностью человека и встречающиеся повсеместно около жилья, на пустырях, сорных местах, у дорог и т.д. Это крапива двудомная (Urtica dioica L), марь белая (Chenopodium album L), лебеда

Рис. 4. Железный косарь из раскопок Дьякова городища (верхний слой)

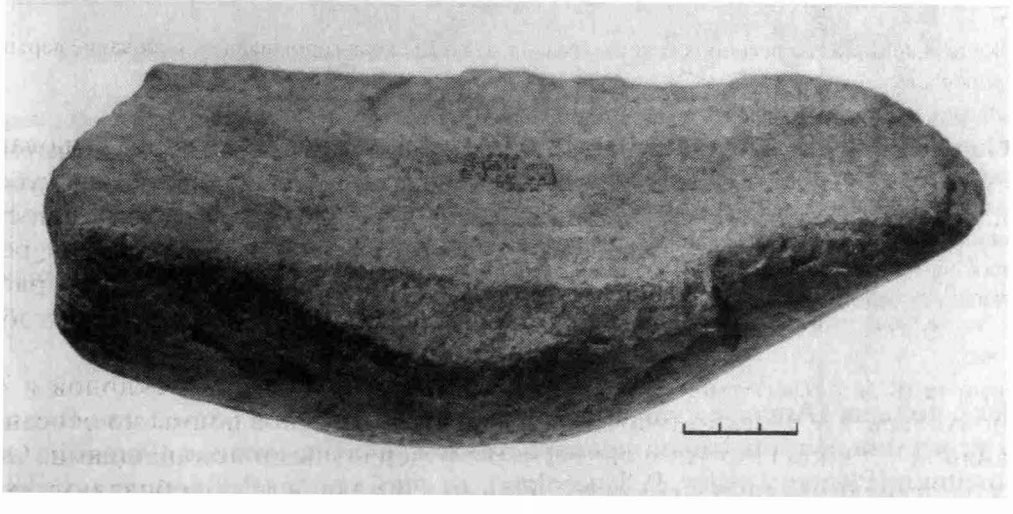


Рис. 5. Каменная плита-зернотерка из нижнего слоя Дьякова городища (раскопки 1984 г.)

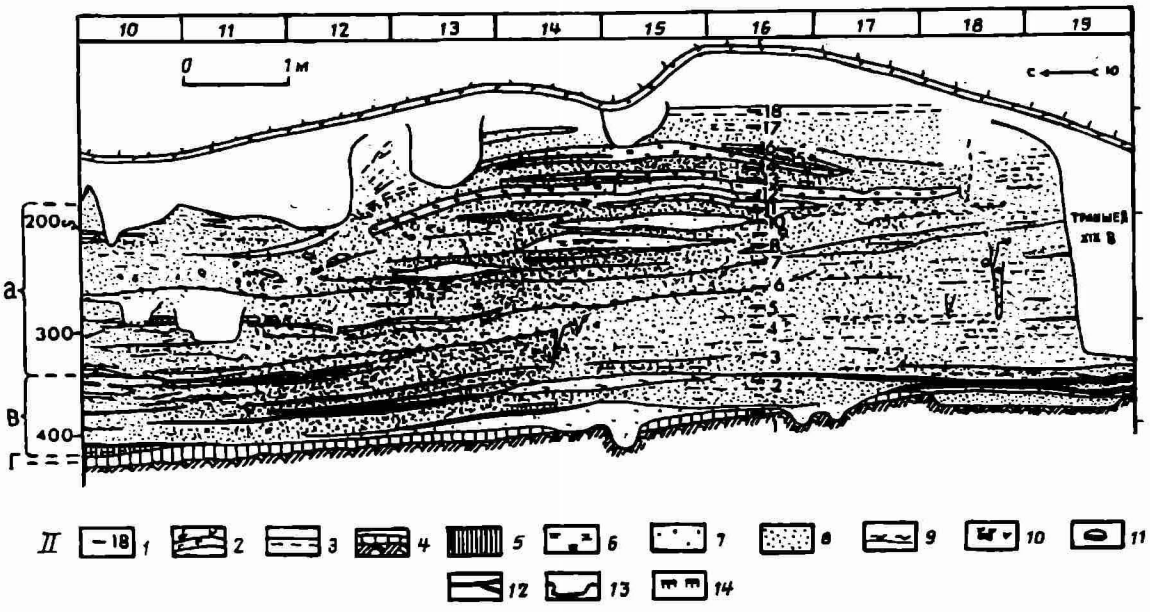


Рис. 6. Разрез культурного слоя в центре площадки Дьякова городища (восточная стенка раскопа 1983/1984 гг.) с обозначением мест отбора проб для построения 2-й спорово-пыльцевой диаграммы. I – фотография разреза; II – графическая фиксация разреза: *1* – номера образцов, отобранных для палинологического анализа; *2* – современный дерн; *3* – погребенный дерн под отвалами раскопок XIX в.; *4* – погребенная почва; *5* – гумусированный суглинок; *6* – суглинок (подсыпки на полах построек); *7* – песок (подсыпки на полах построек); *8* – золистая супесь; *9* – зола; *10*– угли; *11* – камни; *12* – коричневые органогенные прослойки (слежавшиеся листья, кора?); *13* – ямы; *14* – тлен

(Atriplex), полыни (Artemisia vulgaris, A. absinthium), сурепка (семейство Brassicaceae). Вдоль утоптанных троп, дорог произрастают лапчатка гусиная (Potentilla anserina), подорожники (Plantago major, P. lanceolata), птичий горец (Polygonum aviculare) и др. Луговое разнотравье играет незначительную роль в травостое. В основном это виды из семейств Fabaceae (люцерна хмелевая, лядвинец, клевер), Apiaceae (тмин, бедренец), Asteraceae (пижма, золотая розга), Boraginaceae (чернокорень), Scrophulariaceae (вероника), Caryophyllaceae (гвоздика), Equisetaceae (полевой и луговой хвощ), из рода Galium

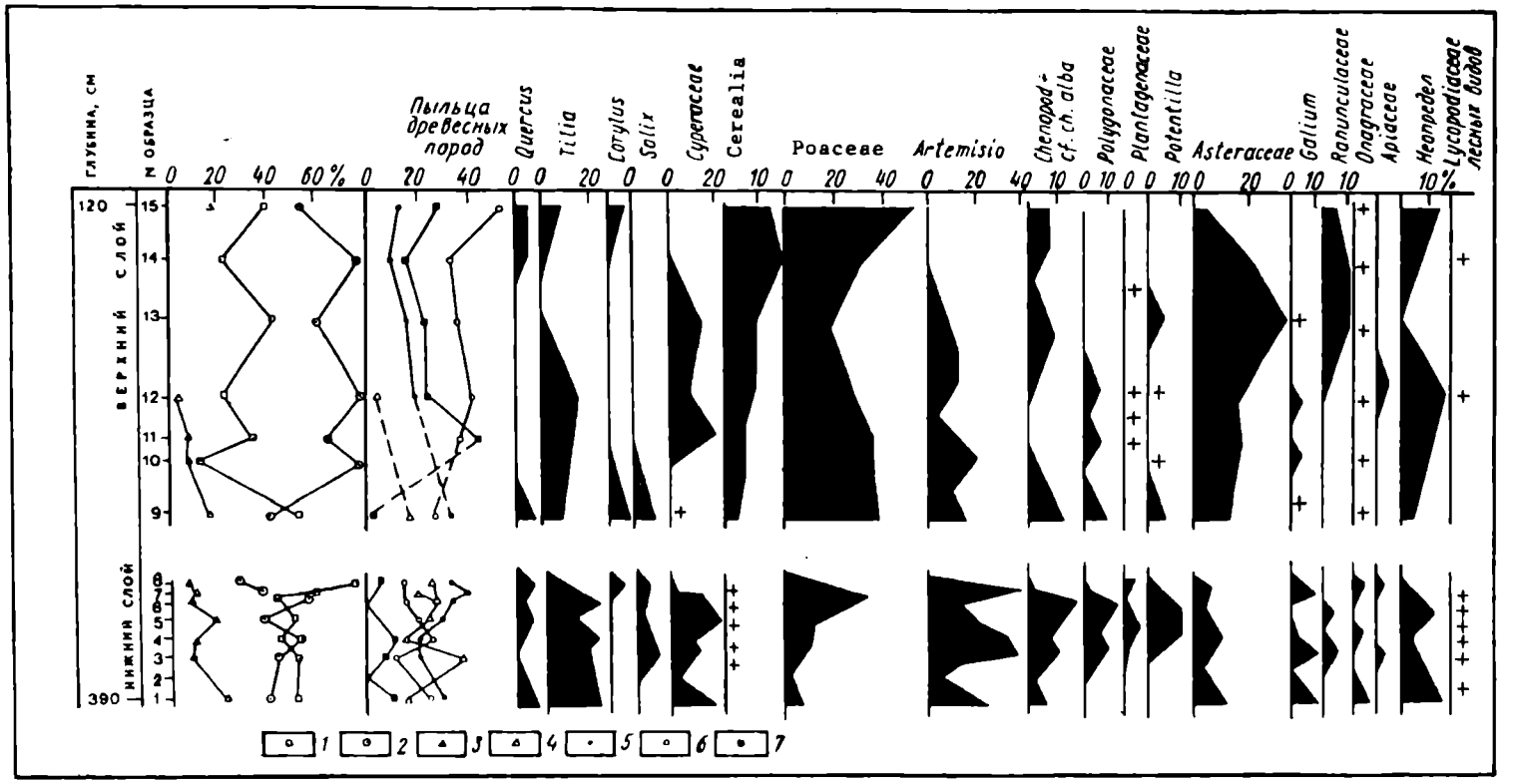


Рис. 7. Спорово-пыльцевая диаграмма (1-я), построенная по образцам, отобранным в разрезах на северной и западной периферии площадки Дьякова городища. Общий состав пыльцы: *1* – древесные породы; *2* – травянистые растения; *3* – споры. Пыльца: *4* – ели; *5* – сосны; *6* – березы; *7* – ольхи

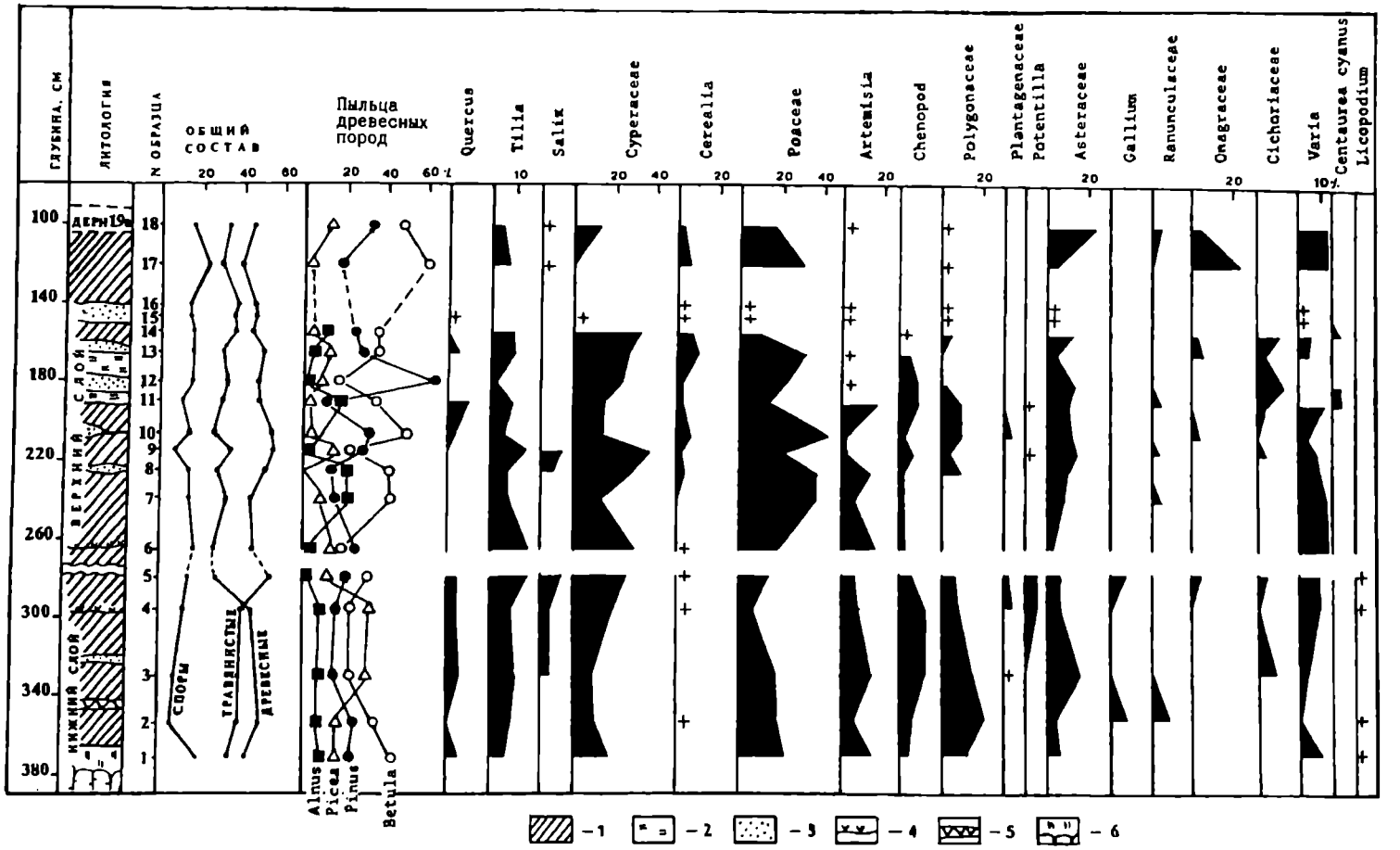


Рис. 8. Спорово-пыльцевая диаграмма (2-я), построенная по образцам, отобранным по разрезу в центральной части площадки Дьякова городища. *1* – золистая супесь; *2* – суглинок от построек; *3* – песок от построек; *4* – зола; *5* – коричневая органогенная прослойка; *6* – погребенная почва на покровном суглинке

(настоящий и мягкий подмареники) и др. Увлажненные места поймы заняты осоками (семейство Cyperaceae).

Древесная растительность представлена зарослями ольхи (Alnus), ивы (Salix), березы (Betula) по оврагам и изредка на пойме, встречаются также клен, вяз, липа, дуб, сосна и ель.

Поверхностные пробы на спорово-пыльцевой анализ были отобраны на холме, его склонах и на пойме. Во всех образцах преобладает пыльца травянистых растений (50–56%). Доминирует среди них пыльца злаков (25–35%) и пыльца из семейств Polygonaceae, Asteraceae, Chenopodiaceae, Fabaceae, родов Urtica, Artemisia, многие виды которых относятся к сорной растительности антропогенного происхождения. Заметно присутствие пыльцы осок, особенно в пойменных пробах.

Пыльца древесных пород в общем составе не превышает 25%. Более высокое процентное содержание отмечается в пробах со склонов Дьяковского холма и коренного берега. Преобладает пыльца березы (до 40%) и сосны (25–30%) – пород, обладающих большой пыльцевой продуцирующей способностью и наибольшей летучестью пыльцевых зерен. Пыльца ели составляет не более 5–8%, содержание пыльцы широколиственных пород не превышает 10–12%, среди которых чаще встречается пыльца дуба (2–4%) и липы (6–8%), единично зерна клена. Количество ольхи колеблется от 15 до 20%.

На долю спор в современных спорово-пыльцевых спектрах приходится около 20%. Это в основном споры семейств Polypodiaceae и Bryales.

Состав описанных спорово-пыльцевых спектров в целом соответствует составу растительного покрова, который существует в настоящее время вокруг Дьякова городища. Отмечается лишь несовпадение в количественном содержании отдельных компонентов, особенно это касается древесных пород, пыльца которых обладает повышенной летучестью или плохой сохранностью. Это необходимо учитывать при интерпретации результатов спорово-пыльцевого анализа.

Вышеописанные палиноспектры поверхностных проб отражают локальные условия, сложившиеся вблизи городища, расположенного в черте большого города, в результате разрушения естественного зонального типа растительного (смешанные хвойно-широколиственные леса) под воздействием мощного антропогенного фактора.

На спорово-пыльцевой анализ из культурного слоя Дьякова городища были отобраны 3 колонки образцов (рис. 6), на основании анализа которых построены две диаграммы (рис. 7, 8). Общая мощнось культурного слоя на всех исследованных участках составляла около 3 м, и он подразделялся на верхний (около 2 м) и нижний (около 0,8 м) слои, разделенные на периферии площадки городища "стерильной" прослойкой песка с пеплом. Ближе к центру городища стерильная прослойка выклинивалась, но разделение нижнего и верхнего слоев могло быть проведено достаточно четко благодаря значительному простиранию ряда прослоек и различиям в составе археологических находок. Образцы отбирались как из гумусового горизонта погребенной под культурным слоем дерново-подзолистой почвы, так и из самого культурного слоя с интервалом около 15–20 см с учетом микростратиграфии. Сборная диаграмма (рис. 7) составлена по образцам из нижнего слоя, отобранным на северной периферии городища, и образцам из верхнего слоя, отобранным в раскопе 1981 г. на западной периферии площадки. Оба эти участка находились вне пределов построек и, по-видимому, являлись "задворками". Другая диаграмма (рис. 8), построенная по образцам, отобранным в одной колонке в раскопе 1983/1984 гг., характеризует участок культурного слоя, накопившегося или внутри жилых построек, или рядом с ними.

Обе диаграммы довольно схожи по своему содержанию: четко различаются по составу спорово-пыльцевые спектры верхнего и нижнего культурных слоев; состав спектров каждого слоя однотипен; тенденции в развитии отдельных элементов спектров внутри каждого слоя сохраняются, хотя количественные соотношения иногда не совпадают.

Спорово-пыльцевые спектры нижнего культурного слоя типично лесные. В общем составе господствует пыльца древесных пород (около 50%). Преобладает пыльца хвойных деревьев (сосна, ель), заметно участие пыльцы березы и широколиственных пород (дуб, липа). Сравнение пыльцевых диаграмм, полученных нами, с полными голоценовыми диаграммами центра Русской равнины (Хотинский Н.А., 1977) позволяет отметить их идентичность на отрезке, располагающемся между двумя верхними максимумами ели, что соответствует началу субатлантического периода (фаза SA-1). В это время в окрестностях Дьякова городища, как и на всей Русской равнине, были распространены темнохвойные леса с участием мелколиственных (береза) и широколиственных пород (дуб, липа). В долине реки произрастали ива, ольха. Присутствие человека улавливается по довольно высокому процентному содержанию пыльцы травянистых растений (до 40%), что не свойственно фоновым диаграммам. Среди трав доминирует пыльца рудеральных растений: полыни – 20–25%, другие сложноцветные и маревые – 15–20%, среди которых много сорняков, селящихся вблизи жилья человека, на мусорных кучах. Много пыльцы дикорастущих злаков (до 20%). Довольно разнообразно представлена пыльца нарушенных местообитаний типа пастбищ. Это прежде всего пыльца Galium, Plantago, Potentilla, семейства Polygonaceae, совместное нахождение которых может свидетельствовать о развитии скотоводства. Судя по единичным находкам пыльцевых зерен культурных злаков, земледелие также существовало, но в слаборазвитой форме.

Наряду с пыльцой сорных растений выделяется пыльца мезофильного разнотравья, наиболее характерного для увлажненных пойменных лугов (семейств Ranunculaceae, Valerianaceae, Caryophyllaceae и др.). Участки, свободные от леса, необходимые для пастбищ и земледелия, располагались в основном вблизи поселения и не оказывали влияния на естественный фон растительности.

Верхний культурный слой формировался, по радиоуглеродным и археологическим датировкам, в основном во вторую половину субатлантического периода (фаза SA-2). В центре Русской равнины в это время получили широкое распространение темнохвойные леса с преобладанием ели в древостое.

В спектрах верхнего культурного слоя, как видно из диаграмм, доминирует пыльца травянистых растений, так же как и в современных спорово-пыльцевых спектрах. Содержание пыльцы трав колеблется от 40 до 70%. Среди них наибольший процент принадлежит пыльце сорных рудеральных растений из семейств Polygonaceae, Asteraceae, Cichoriaceae, Chenopodiaceae, Poaceae и др. Количество пыльцы древесных пород составляет около 40%. Превалирует пыльца березы (40%), ольхи (до 30%).

Сокращение участия пыльцы нарушенных субстратов, увеличение содержания пыльцы культурных злаков и одновременное снижение количества пыльцы древесных пород в спорово-пыльцевых спектрах связано с развитием устойчивого земледелия в среднем течении Москвы-реки в первой половине I тыс. н.э, и преобладанием открытых пространств в окрестностях базовых поселений.

3. Комментарий к интерпретации спорово-пыльцевых диаграмм (раздел подготовлен Е.А. Спиридоновой).

Работы последних лет показали, что данные палинологического анализа можно использовать не только для восстановления растительного покрова территории, где существовал тот или иной памятник, но и реконструировать те изменения природной среды, которые неминуемо происходили на местности вблизи и на самих поселениях. Наиболее отчетливо локальные особенности растительного покрова выявляются в тех местах, где само положение памятника приурочено к специфическим условиям рельефа и поэтому характерные черты зонального типа растительности ослаблены. Вместе с тем четкая корреляция отдельных горизонтов и целых ритмов в изученных разрезах, фиксация палинологическими спектрами нарушений природной среды, связанных с деятельностью человека, невозможны без установления характера изменений растительного покрова, обусловленных колебаниями климата в это время. Работами ряда исследователей выявлено, что для центра Русской равнины за последние два

тысячелетия не устанавливается явного тренда климатических изменений, хотя и отмечается тенденция к сокращению длительности теплых этапов и увеличению продолжительности холодных. Максимальные отклонения от современных показателей климата за рассматриваемый промежуток времени составляют для летних температур – 2 градуса, для зимних – 3 градуса, а кривая среднегодовых осадков отклонялась в пределах 50 мм. Результаты исторических, фенологических, палинологических и дендрологических исследований хорошо увязываются между собой, фиксируя потепления климата около 2300, 2100, 1800, 1300 лет назад, тогда как экстремумы похолоданий наблюдаются 2500, 2200, 1900 и 1600–1500 лет назад (материалы В.А. Климанова, любезно предоставленные в 1991 г.).

Рассмотрим теперь материалы, касающиеся непосредственно Дьякова городища. В первую очередь они представляют интерес не только с позиций общих изменений природной среды, но и возможностью проследить влияние человека на окружающую природную обстановку.

Сопоставление полученных материалов по двум разрезам в пределах одного раскопа на Дьяковом городище с имеющимися данными по другим одновозрастным памятникам позволяет предположить, что интенсивность осадконакопления на городище была различна, что проявилось в изменчивой мощности культурных слоев и иногда в выпадении части ритмов на спорово-пыльцевых диаграммах, полученных по различным участкам раскопа.

Палинологические материалы свидетельствуют о том, что при формировании нижнего культурного слоя растительный покров в основном подвергался антропогеному воздействию только в округе городища и эти изменения имели чисто локальное значение, не отражаясь на составе зонального типа растительности, связанного с широким развитием сосново-еловых лесов с участием широколиственных пород.

На начальном этапе проживания людей на Дьяковом городище (рис. 7, образец 1) их влияние на окружающую среду обитания в основном проявилось в сведении лесов, обустройстве пахотных земель и пастбищ. Однако уже тогда площади, занятые под березовыми лесами, на данной территории были значительны.

Затем наблюдается некоторая стабилизация или ослабление хозяйственного освоения новых территорий вокруг Дьякова городища (рис. 7, образец 3), что отразилось на значительном уменьшении роли березняков и восстановлении коренных еловых лесов (аналогичная картина послеживается и в разрезе 2, рис. 8, образцы 1–4).

В средней части нижнего культурного слоя (рис. 7, образец 4) по данным палинологического анализа вновь прослеживается сведение еловых лесов, что нашло отражение не только среди пыльцы древесных пород, но и в общем составе спектра. Кроме того, отмечается увеличение роли ольхи, а среди трав – полыней и лапчатки. Возможно, это связано с изменением самого хозяйственного уклада населения Дьякова городища, которое заключалось в освоении новых пахотных угодий на водоразделе и заброшенности полей в пойме, что и привело к появлению ольшанников. Не исключено, что эта мера была вынужденной из-за изменения природных условий (например, мощные и длительные паводки, подъем уровня грунтовых вод).

Затем вновь (рис. 7, образцы 5, 6) человек, по-видимому, меньше нарушает природную среду, и опять происходит увеличение площадей, занятых сосновыми и еловыми лесами, уменьшается заболоченность территории, и облегчается ее освоение. Скорее всего, человек стал более рационально использовать природные ресурсы, не производил нарушения, которые приводили бы к серьезным изменениям зонального типа растительности.

На финальном этапе формирования нижнего культурного слоя (рис. 7, образцы 7, 8) произошло полное восстановление естественной растительности в округе Дьякова городища. Этот процесс нашел отражение не только в значительном увеличении роли древесных пород в общем составе спектра, но и в большей заболоченности поймы и уменьшении роли рудеральных сорняков. Все эти изменения могли быть связаны также с уменьшением самого населения Дьякова городища.

С большим перерывом во времени происходило формирование верхнего культурного слоя на городище. Этот культурный слой по составу палинологических спектров резко отличается от нижнего слоя, так как ни по одному из прослоев не фиксируется восстановление естественного зонального типа растительности.

Менее нарушенным оказался самый нижний уровень верхнего культурного слоя, где в составе спектров еще преобладает пыльца древесных пород, среди которых доминирует сосна, а ель составляет около 20%. Вместе с тем даже на этом уровне выявляется большее влияние человека на окружающую среду, чем это отмечалось в конце формирования нижнего слоя. Эти отклонения проявились, в частности, в большей роли вторичных березовых лесов. В то же время, говоря о хозяйственном укладе населения на начальном этапе накопления верхнего слоя, надо сказать, что он мало отличается от уклада, существовавшего в период формирования нижнего слоя. В первую очередь это касалось дальнейшего хозяйственного использования незаболоченной поймы, что по данным палинологического анализа проявилось в почти полном отсутствии ольхи и осок в спектрах, а также малой роли луговой растительности вблизи городища.

Выше (на уровне образца 11, рис. 7), скорее всего, произошли какие-то катастрофические события на городище, которые привели к временному запустению поселения (?). Это в первую очередь сказалось на заболачивании поймы и ее зарастании осочниками и ольхой. О деградации пашен свидетельствует распространение в спектрах рудеральных сорняков – Artemisia, Galium, Polygonaceae. Описанный уровень прослеживается только по первому разрезу, тогда как по второму разрезу состав спектров более осредненный. Однако период деградации в жизни людей на городище был, скорее всего, непродолжительным, так как не произошло существенных изменений растительного покрова в ближайшей округе поселения. Зарастание пахотных угодий, восстановление первичных хвойных лесов не наблюдается.

Начиная с 12-го до 14-го образцов (рис. 7) структура всего природного комплекса мало менялась, но в отличие от раннего этапа основные изменения в хозяйственном укладе населения городища коснулись перераспределения земельного фонда. Судя по палинологическим данным, в это время уменьшился клин пахотных угодий и возросло значение разнотравных лугов, которые могли использоваться в качестве пастбищ или сенокосных угодий.

Самый верхний уровень (рис. 7, образец 15) характеризуется возросшей ролью злаков, тогда как роль лугового разнотравья и различных сорняков уменьшилась. Общий состав и соотношение пыльцы отдельных древесных пород мало изменились по сравнению с предыдущим периодом. Увеличение содержания злаков, в том числе и культурных видов, бесспорно свидетельствует об изменениях в хозяйственном укладе местного населения, возросшей роли земледелия. Отсутствие пашенных сорняков можно связать только с более совершенным типом хозяйствования. Сохранение невысокого участия древесных пород в общем составе, отсутствие в спектрах ели и малая роль сосны (до 20%) указывают на высокую экологическую нагрузку, созданную человеком на данную территорию. Это было время заключительного этапа существования Дьякова городища в середине – третьей четверти I тыс. н.э.

Таким образом, в результате проведенных палинологических исследований выявилась чрезвычайно сложная картина взаимоотношения человека с окружающей средой, что в первую очередь было связано с разной интенсивностью хозяйственной деятельности и ее типами. Скорее всего, в нижнем культурном слое прослеживается два цикла освоения территории, окружающей Дьяково городище. Вначале осуществлялось сведение коренных хвойных пород и обустройство пахотных земель и пастбищ. Следующий этап отражает некоторое равновесное состояние между площадями, занятыми естественным растительным покровом и культурным клином. И наконец, завершение каждого цикла было связано с заболачиванием поймы, изменением состава пойменных лугов и уменьшением площадей пахотных угодий. Возможно, это было связано с неблагоприятным гидрологическим режимом реки.

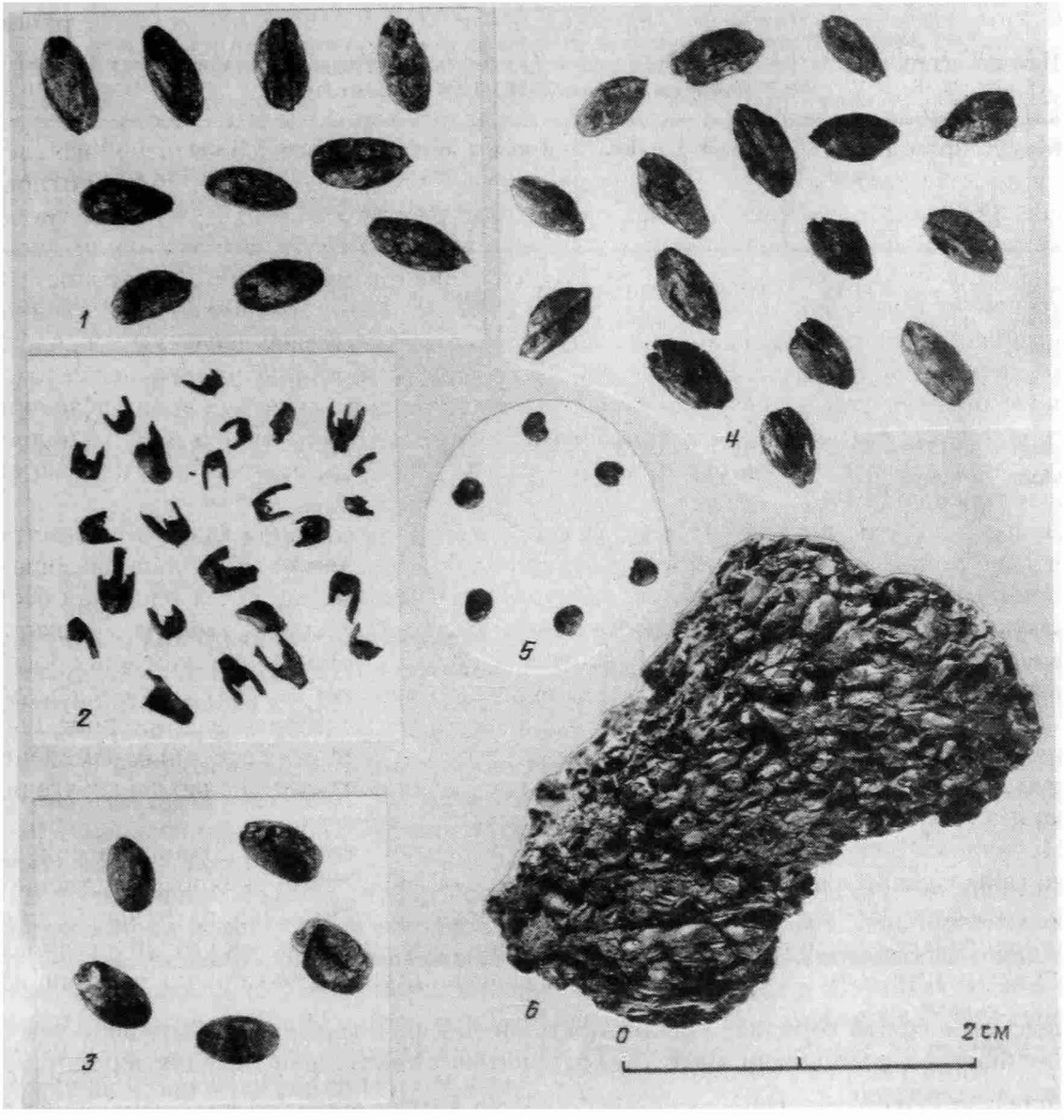


Рис. 9. Находки зерен из верхнего культурного слоя Дьякова городища: *1*, *2* – зерна и остатки колосков пшеницы пленчатой (Triticum spelta L., Triticum dicoccun Schubl.); *3* – зерна пшеницы голозерной (Triticum aestivo/compactum); *4* – зерна ячменя (Hordeum vulgare L.); *5* – просо (Panicum miliaceum L.); *6* – скопление зерен льна (Linum usitatissimum L.)

Что касается верхнего культурного слоя, то в нем также намечаются подобного типа циклы и этапы, но выражены они были иначе. Это различие проявилось в более значительном уничтожении коренных хвойных лесов и в более успешной борьбе с заболачиванием поймы, во всяком случае на первых этапах отложения верхнего слоя. Последний цикл освоения Дьякова городища характеризовался существенным изменением хозяйственного уклада населения, когда в большей степени стали использоваться территории коренного берега. Не исключено, что это было вызвано высокими паводками, обусловленными повышенной влажностью климата в V–VI вв. (Климанов В.А. и др., 1995). Это дает повод предполагать, что цикличность освоения окрестностей Дьякова городища определялась не только историческими причинами, но и существенными изменениями природной обстановки, особенно на пойме, где в значительно большей степени сказывались экстремальные колебания климата.

4. Результаты карпологического анализа. История изучения памятников дьяковской культуры насчитывает более 100 лет, но до сих пор основным источником сведений о

Таблица 1

Находки остатков культурных растений и желудей в отмывках и отсевках культурного слоя Дьякова городища (раскопки 1983, 1984 и 1987 гг.)

Слои	Просо	Пшеница	Ячмень	Лен	Горох	Желуди	Обломки зерен	Число отмывок с зерном/отсевок	Всего отмывок
Верхний горизонт верхнего слоя (ВС)	7/8 + +комки	11/15	21/149	8/10 + +комки	1/1	–	43	30/7	74
Средний горизонт ВС	50/158+ + комки	50/279	110/ /1013	14/23	1/1	/3	743 + +колосковые чешуйки	163/9	223
Нижний горизонт ВС	65/242	45/63	39/160	4/6	–	–	78 + колосковые чешуйки	106/–	150
Нижний слой	36/217	33/37	22/26	–	–	–	42 + колосковые чешуйки	70/3	120

Примечание: в числителе – число отмывок, в знаменателе – число зерен.

хозяйстве жителей городищ являлись остеологические материалы, данных о земледелии было получено очень мало. Это были немногочисленные находки зерен, также серпы и зернотерки.

К настоящему времени известно всего несколько памятников, где найдены зерна. На Щербинском городище на р. Пахре встречены спекшиеся в комок семена льна. На фрагменте текстильной керамики V–III вв. до н.э., происходящем с Борисовского селища (раскопки Н.А. Кренке, 1985 г.), расположенного близ Щербинского городища, обнаружен отпечаток зерна пшеницы. Зерновые находки с Боршевского городища, датируемые последними веками до н.э. – первыми веками н.э., невелики по размеру и содержат обугленные зерна пшеницы и ячменя, а также просо и лен, спекшиеся в комки. При раскопках Огубского городища в бассейне р. Протвы были замечены раздробленные пленки проса, датируемые III–VII вв. н.э.

Отмывкой культурного слоя позднедьяковского времени было получено некоторое количество зерна при раскопках Кикинского городища на р. Веля (25 км к северо-западу от г. Сергиев Посад) и некоторых других памятников, расположенных в бассейнах р. Клязьмы и в Верхнем Поволжье (Вишневский В.И., 1994). Основной культурой, найденной там, был ячмень. Значительно меньше встречено зерен проса. Пшеница представлена единичными зернами.

Небольшие материалы были получены и при раскопках Дьякова городища еще в XIX в. В.И. Сизов писал о находке "запаса каких-то зерен, частью обугленных, а частью перегнивших", не поддававшихся определению из-за плохой сохранности (Сизов В.И., 1897, с. 265).

С целью получить более значительные сведения о земледелии дьяковских племен

Таблица 2

Состав культур в скоплениях зерен из раскопок на Дьяковом городище (1982–1984, 1987 гг.)

№ скопления	Место находки	Просо	Пшеница	Ячмень	Обломки зерен
1	разрез вала	–	–	217	–
2	верхн. слой, верхний горизонт (заполнение сосуда)	комки	+	+	+(лен)
3	верхний слой, средний горизонт	1	7	702	колосковые чешуйки
4	то же	–	–	242	–
5	то же (жилище)	–	–	5080	–
6	то же	комки	–	–	–
7	то же	–	–	808	–
8	то же (жилище)	1	1	519	–
9	≫	10	–	602	500

при раскопках Дьякова городища в 1982–1987 гг. впервые на памятниках этой культуры был применен метод получения зерновых материалов путем отмывки водой (флотации) и отсева культурного слоя через 1- и 3-мм сетку. Объем отбиравшихся образцов приблизительно равнялся 1 л.

Всего на исследование в лабораторию естественнонаучных методов Института археологии РАН поступило 567 отмывок из верхнего и нижнего культурных слоев. Зерна были обнаружены в 346 отмывках в количестве более 2 тыс. целых экземпляров (табл. 1, рис. 9).

В большинстве пластов (отбор производился по нескольку десятков образцов из каждого 10-см пласта) зерна встречены более чем 50% отмывок. Наиболее высокий процент встречаемости зерна (более 70%) в среднем и нижнем горизонте верхнего слоя. Довольно часто встречаются зерна и остатки колосков в отмывках из нижнего слоя. По средним данным, в отмывках верхнего горизонта верхнего культурного слоя зерно встречается реже, чем в других слоях. Это связано, вероятно, со значительной нарушенностью верхнего слоя городища.

Кроме отмывок, исследовано 19 отсевок культурного слоя и 8 скоплений зерна (табл. 2). Некоторые данные о составе культур, правда, крайне немногочисленные, дают отпечатки на "рогатых кирпичах" – специфическом типе глиняных изделий с выступами-рогами (очажных подставках?).

Почти все найденные зерна карбонизированы. Исключение составляет часть семян льна, которые сохранили свой цвет. Значительное количество зерен деформировано, из-за чего не удается все найденные материалы отнести к определенному роду сельскохозяйственных культур, но большинство зерен все же поддается определению. Обломки зерен, по которым можно определить только род культуры, учитываются лишь при подсчетах процента ее встречаемости в слоях[1].

Нижний культурный слой представлен 120 отмыками, в 70 из которых обнаружены зерна. Первое место (рис. 10) по встречаемости в образцах, содержащих зерно, занимает просо (Panicum miliaceum L.), второе – пшеница, представленная зерном пленчатых и голозерных видов культуры. В этом слое среди золы от сгоревшей органики найдены основания колосков ("вилочки") и обломок колоскового стержня пленчатой пшеницы.

[1] Под встречаемостью культур понимается отношение количества отмывок с зерном данной культуры к общему количеству отмывок, содержавших зерновые находки.

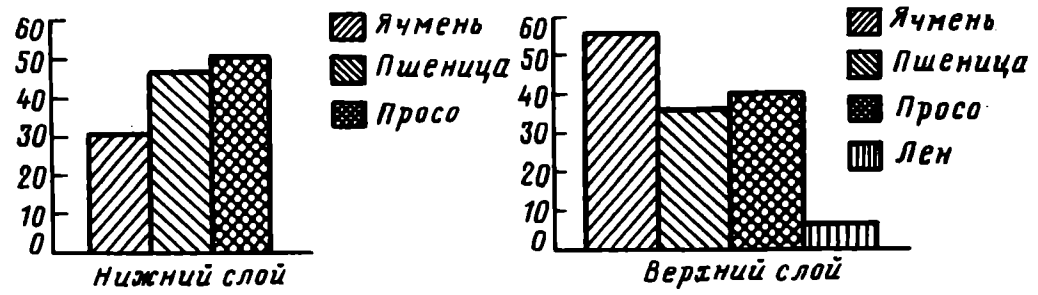


Рис. 10. Частота встречаемости (в %) отмывок, содержавших различные виды культурных злаков, в верхнем и нижнем слоях Дьякова городища (100% – общее количество отмывок с зерном в каждом слое)

На третьем месте стоит ячмень (Hordeum vulgare L.). Половину всех найденных зерен ячменя составляет пленчатый ячмень.

На обломке керамики из этого слоя сохранились отпечатки зерен ячменя, пшеницы и проса.

В верхнем культурном слое из 447 отмывок, отсевок и скоплений зерно найдено в 229. В этом слое соотношение культур несколько иное, чем в нижнем. Если рассматривать целиком найденные в слое материалы, то на первом месте по встречаемости стоит ячмень (рис. 10), в подавляющем большинстве (94,5% всех зерен) пленчатый. На втором месте находится просо, пшеница занимает третье место. В этом слое в незначительном числе находок появляются семена льна (Linum usitatissimum Z).

На "рогатых" кирпичах из этого слоя заметны отпечатки щуплых зерен, большая часть из них напоминает ячмень, меньшее число отпечатков могло принадлежать пшенице.

Интересно соотношение встречаемости культур в различных горизонтах верхнего слоя. В нижнем горизонте верхнего культурного слоя на первом месте по встречаемости стоит просо, на втором месте – пшеница, и на третьем находится ячмень. Культуры располагаются в том же порядке, что и в слое предыдущего периода. В верхней части горизонта (с глубины 260 см) появляются семена льна.

В среднем горизонте верхнего слоя наиболее часто встречаются зерна ячменя, значительно опережая занимающих второе-третье место просо и пшеницу. Редки в слое семена льна. В одной отмывке с глубины 225 см найдено зерно гороха, напоминающее горох посевной.

В верхнем горизонте верхнего культурного слоя наиболее часто встречаются зерна ячменя. На втором месте стоит пшеница, третье занимает лен, а четвертое – просо. Если средние показатели встречаемости пшеницы, льна и проса отличаются не очень сильно, то ячмень попадается в два раза чаще пшеницы.

В общем, во всех горизонтах верхнего культурного слоя содержался одинаковый набор яровых земледельческих культур: ячмень, пшеница, просо и лен. В средней части слоя обнаружены еще зерна гороха посевного. Нижний культурный слой содержал зерна трех культур: ячменя, пшеницы и проса. Таким образом, в верхнем и нижнем слоях Дьякова городища набор земледельческих культур был в основном одинаков. Различия наблюдаются только в соотношении частоты встречаемости зерен этих культур в каждом из слоев. Существенная трансформация пропорций частоты встречаемости культур приходится на средний горизонт верхнего слоя, начиная с которого ячмень занимает доминирующее положение, а просо постепенно отходит с первого места на четвертое.

Не менее важно проследить соотношение видов пшеницы в различных горизонтах. Часть зерен пшеницы имеет плавные очертания, округлое брюшко, прямую бороздку. Другие зерна более вытянуты, с несколько вогнутой поверхностью брюшка. Первые зерна напоминают голозерные пшеницы – мягкую (Triticum aestivum), карликовую (Triticum compactum) и смесь их популяций (Tr. aestivo/compactum); вторые – пленчатые пшеницы: спельту (Triticum spelta), полбу-двузерянку (Triticum dicoccum). Кроме того,

в ряде отмывок встречены только остатки чешуй. В нескольких отмывках с этими пленками вместе находились зерна пшеницы с вогнутым брюшком, что дает дополнительные основания отнести такие зерна к пленчатым пшеницам.

В распространении этих видов пшениц по слоям наблюдается определенная динамика. В нижнем слое чаще встречены пшеницы пленчатые. В верхнем слое голозерные пшеницы встречаются в отмывках почти втрое чаще пленчатых. В трех горизонтах верхнего слоя совершенно четко прослеживается уменьшение встречаемости пленчатых пшениц и значительное увеличение голозерных видов.

Для объяснения прослеженной по представленным материалам динамики соотношения земледельческих культур необходимо остановиться вкратце на биологических особенностях каждой из них. Просо является культурой, которая требует чистых от сорняков земель, оно хорошо использует плодородие, накопленное в залежи. Пшеницы также чувствительны к чистоте и плодородию посевных участков. Из них полба менее требовательна к климату и плодородию почвы. Она может расти на истощенных почвах и мирится с плохой обработкой, но из-за пленчатости она менее урожайна, возникают трудности с ее уборкой и хранением. Карликовая пшеница по своим признакам близка к пшенице мягкой.

Ячмень также чувствителен к засоренности почв, но несколько меньше пшеницы. По требовательности к почве и климату он близок к пшенице, но его посевы могут заходить значительно севернее.

Учитывая сказанное, можно говорить о том, что в нижнем слое и основании верхнего встречаются зерна культур, которые хорошо развиваются на малоокультуренных почвах. За период, в течение которого накопился верхний культурный слой, на первое место выходят те культуры, которые более терпимо относятся к условиям, складывающимся на более окультуренных почвах. На этом основании можно считать, что шел процесс появления большого количества земель длительного использования, повлиявший на состав культур. Всего вероятнее, залежи сменялись перелогами различного срока использования.

Оценивая в целом состав культур, выявленных в культурном слое Дьякова городища, можно отметить, что он характерен для многих других синхронных и хронологически близких памятников, расположенных в той же почвенно-климатической зоне или несколько южнее.

5. Ландшафтно-экологическая характеристика окрестностей Дьякова городища и предполагаемая схема природопользования в железном веке.

Используемый район является уникальным не только как объект историко-археологических исследований, но и в природном отношении. Район сел Дьяково – Коломенское расположен на стыке четырех ландшафтов двух физико-географических провинций, резко контрастных по своим природным свойствам: 1) Москворецко-Окской моренно-эрозионной равнины, в прошлом под широколиственными и широколиственно-еловыми лесами (правобережье р. Москвы) и 2) Мещерской зандровой низменной равнины под сосновыми лесами (левобережье р. Москвы) (Анненская Г.Н. и др., 1987). Поэтому ландшафты исследуемой территории отличаются сложностью устройства и большим разнообразием составляющих их природных территориальных комплексов (ПТК). Например, на междуречьях распространены такие различные как по происхождению, так и по дальнейшей истории развития и хозяйственному освоению ПТК, как урочища моренных, моренно-водноледниковых и озерно-водноледниковых равнин, древнеозерных котловин и долинных зандров (Низовцев В.А., 1989).

Исключительно большим набором разнообразных ПТК отличается и долина р. Москвы на изучаемом отрезке. Разнообразие природных условий и соответственно природных ресурсов способствовало раннему заселению (с неолита) и интенсивному хозяйственному освоению данной территории. Естественно, первичных (коренных) ПТК к настоящему времени не схранилось совсем, все они в той или иной степени трансформированы и представляют антропогенные модификации или даже антропогенно-производные комплексы.

Голосов овр.
Дьяково городище
р. Москва
0 30м
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
С

Большая сложность и пестрота ландшафтной структуры данного района во многом определяется особенностями его геологического строения. На относительно небольшой площади представлен практически полный набор четвертичных отложений Подмосковья: покровные лессовидные суглинки, морена, водноледниковые пески и галечники, аллювиальные суглинки, супеси, пески и т.д., то есть породы, отличающиеся не только литологическим составом, но и резко различные по эдафическим свойствам, что решающим образом сказалось на формировании крайне неоднородного почвенно-растительного покрова. К тому же близко от дневной поверхности (от 5 до 15 м) залегают неравномерно чередующиеся в пространстве коренные породы: меловые (аптский и неокомский яруса) пески и песчаники, юрские (волжский и оксфордский яруса) пески и глины.

Реконструкция природных условий и видов природопользования дьяковских поселенцев проведена на период около 2 тыс. лет назад, то есть время, когда уже произошла существенная смена климата, который приобрел основные черты современного (Хотинский Н.А., 1977). При восстановлении природных свойств коренных ПТК и в первую очередь коренного растительного покрова акцент делался на анализе таких важнейших природных факторов, как рельеф и местоположение, трофность (плодородие) субстрата, характер увлажнения и степень увлажненности.

Верхний ярус рельефа междуречий занимают моренные равнины с абсолютными отметками свыше 170 м. С поверхности они сложены покровными суглинками преимущественно среднего механического состава, которые с глубины 1–2 м подстилаются моренными суглинками каменистыми московского возраста. Подобное строение почвообразующей толщи предопределило относительно повышенную трофность субстрата

Рис. 11. Схема природопользования на рубеже I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. в районе Дьякова городища по данным ландшафтного анализа. Хозяйственные угодья и виды природопользования. *1* – пашня – постоянные пахотные участки; ПТК полого-покатых и покатных присетьевых склонов (крутизной от 2 до 6 градусов, реже круче) и "водораздельных межсетьевых" гребней; *2* – мелколесья – участки краткосрочных и среднесрочных перелогов, распахиваемых 3–4 года, а затем залежь и выпас скота (преимущественно крупного рогатого) по мелколесью; "оборот" – порядка 10–20 лет. ПТК полого-наклонных (крутизной 2–4 градуса) хорошо дренируемых (сочетание наклонных поверхностей с короткими линиями добегания и близким и глубоким базисом эрозии – присетьевое положение) высоких долинных зандров; *3* – мелколиственные леса на месте коренных широколиственно-хвойных и сложных неморальных сосняков. Использование – подсечно-огневое земледелие с долгосрочным перелогом, выпас скота по лесу, лесное хозяйство, мясная и пушная охота и т.д. ПТК плоских и полого-наклонных (менее 3 градусов) высоких долинных зандров и моренно (?)-водно-ледниковых между речных равнин с дерново-слабоподзолистыми и слабо- и среднеподзолистыми супесчаными и легкосуглинистыми почвами; *4* – мелколиственные и мелколиственно-хвойные леса с преимущественным использованием как охотничьи угодья и под выпас скота: лесное хозяйство в силу неблагоприятного водно-воздушного режима почв и их более тяжелого механического состава, препятствующих использованию для песчано-огневого земледелия. ПТК приводосборных понижений с натечным увлажнением и растянутым снеготаянием; почвы холодные с поздней весенней спелостью; *5* – сенокосные и пастбищные пойменные луга с редкостойными дубравами и ветляниками паркового (пасторального) типа – выпас скота, заготовка сена, желудей, ветошного корма и т.д.; *6* – пастбищные луга (суходольные) и редины широколиственных пород (дуб, липа), использование – выпас преимущественно мелкого рогатого скота, прогон крупного рогатого скота, лесное хозяйство. ПТК крутых (крутизной 20–30 градусов) коренных склонов долин, балок и оврагов разного профиля и разного геологического сложения; *7* – ольшаники, дубравы и вязовники, местами черемушники, разреженные пасторального типа – выпас скота, преимущественно свиней. Делювиально-пролювиальные шлейфы, наложенные на 1-ю надпойменную террасу; *8* – сочетание суходольных лугов, пасторальных дубрав паркового типа и небольших пахотных участков. ПТК хорошо дренированных нижних частей коренных склонов и делювиальных шлейфов; *9* – сочетание суходольных лугов, редкостойных дубрав, вязовников, липняков и сосняков с разнообразным хозяйственным использованием (пашни, перелоги, пастбища и т.д.). ПТК эрозионно-денудационного генезиса, преимущественно оползневого с подработкой аллювиально-аккумулятивными процессами; *10* – леса близкие к коренным, ограниченного использования: лесозаготовки, охота, бортничество. Крутые склоны оврагов и балок; *11* – археологические памятники (городища и селища) – селитебные земли, постоянные и сезонные, а также места специфической активности, например, "полевые станы", места дойки скота и т.п.

(относительно богатый тип местообитаний среди всех междуречных равнин), что в сочетании с повышенным и соответственно несколько более теплым положением благоприятствовало произрастанию здесь широколиственно-(липовых) – еловых лесов со значительным участием неморальных элементов в наземном покрове на дерново-среднеподзолистых почвах. Выровненный характер рельефа с преобладанием плоских и слабовыпуклых поверхностей не способствовал процессам поверхностного стока, поэтому дренированность их очень слабая, а сроки снеготаяния поздние и растянутые во времени. В почвах повсюду распространены процессы оглеения, чему благоприятствуют также: большая влагоудерживающая способность покровных суглинков, текстурная дифференциация почвенного профиля (наличие слабопроницаемого иллювиального горизонта с утяжеленным механическим составом) и двучленность материнской породы. Преобладающие гигротопы влажноватые и влажные; к тому же близко к поверхности (1–2 м) держится весной и ранним летом, а в дождливые годы весь сезон надморенная верховодка. Поэтому почвы здесь "холодные" с поздними сроками готовности к полевым работам и мало пригодны в условиях с напряженным вегетационным периодом, как в наших климатических условиях, к пашенному земледелию с выращиванием яровых культур.

Следовательно, можно предположить, что эти местообитания могли использоваться (и то выборочно и далеко не всегда) только для подсечно-огневого земледелия с выборочным выпасом скота, а также для ведения лесного хозяйства и охоты (рис. 11, *3–4*). Естественно, для выпаса скота были предпочтительнее участки (фации и парцеллы) с преобладанием широколиственных пород в древостое, с густым подлеском и широкотравьем в древостое, а не, к примеру, участки ельников-зеленомошников или влажноразнотравных. Исходя из средних сроков возврата к подсекам в 60 лет, можно считать, что коренные леса здесь со временем были замещены устойчивыми формациями мелколиственных лесов (естественное сукцессионное восстановление коренных широколиственно-еловых лесов составляет не менее 200 лет).

Моренно-водноледниковые равнины образовались в позднеледниковое время в результате переработки моренного рельефа ледниковыми водами и как бы окаймляют моренные равнины на абсолютных отметках 162–170 м. По эдафическим свойствам они мало отличаются от вышеописанных моренных равнин. Незначительные различия, с точки зрения хозяйственного использования, в почвообразующей толще (на контакте с мореной встречается маломощный, как правило, не более 0,5 м, прослой водноледниковых сильноопесчаненных суглинков, супесей или песков) практически не приводят к улучшению водно-воздушного режима господствующих здесь дерново-среднеподзолистых почв. Эти земли также, и даже в большей степени, могли использоваться под подсечно-огневое земледелие.

Следующим фоновым ПТК междуречных равнин являются крупные ложбины стока ледниковых вод, от которых сохранились отдельные фрагменты двух высотных уровней, соответствующих двум этапам таяния московского ледника. Это высокий долинный зандр (IV надпойменная терраса) с абсолютными отметками 155–165 м и низкий долинный зандр (III надпойменная терраса) с высотами 140–145 м. Они имеют сходное геологическое строение: с поверхности сложены покровными (водно-ледниковыми) суглинками со значительным варьированием по мощности (0,5–1,5 м), подстилаемыми водно-ледниковыми песками, иногда с гравийно-галечниковыми прослоями. Мощность водно-ледниковых песков также колеблется в широких пределах: от 0,5 до 4,0 м. Практически повсеместно они в свою очередь подстилаются мореной, местами сильно перемытой. Такая неоднородность почвообразующей толщи сказалась на пестроте почвенно-растительного покрова, которая проявилась на самом низком (элементарном) фациальном уровне. В целом преобладающие на водно-ледниковых равнинах дерново-слабоподзолистые почвы имеют относительно невысокую трофность, что имело следствием незначительное участие неморальных элементов в растительном покрове.

Отличаются долинные зандры и их отдельные участки в первую очередь по

степени дренированности, связанной с положением по отношению к бровкам долин реки и малых эрозионных форм. При этом различия по степени увлажненности отдельных местообитаний достигают существенных величин. Например, плоские поверхности высоких долинных зандров, удаленных от эрозионной сети, слабо дренированы, имеют поздние сроки снеготаяния и выраженные признаки оглеения в почвах. Эти местообитания также характеризуются холодными, небогатыми почвами и, несмотря на то что почвы летом хорошо "обсыхают", для пашенного земледелия они мало пригодны. В то же время это одни из лучших земель (в силу легкого механического состава почв и соответственно меньших затрат при ручной обработке) на данной территории для подсечно-огневого земледелия (рис. 11, *3*).

Низкие долинные зандры, а также приречные участки высоких долинных зандров значительно лучше дренированы: имеют легкие уклоны (2–3 градуса), короткие линии добегания поверхностных вод (близко глубокий базис эрозии), на многих участках рассечены короткими береговыми оврагами и, реже, балками. Таким образом, почвы данных местообитаний имеют хороший для земледелия водно-воздушный режим, ранние сроки (средние?) весенней спелости и, несмотря на относительно невысокую трофность, являются оптимальными, в сочетании с размерами, для пашенного земледелия. Однако производительные возможности населения железного века, вероятно, не позволяли их использовать в качестве постоянных пахотных полей. К тому же быстрое истощение почв препятствовало их использованию более трех-четырех лет подряд. Изучение ландшафтной структуры этих участков, их размеров и конфигурации позволяет считать, что их эксплуатировали преимущественно в качестве краткосрочных перелогов с побочным использованием под выпас скота (рис. 11, *2*). Достаточно уверенно определяются и границы этих масивов. Их естественными межами служили эрозионные формы (короткие береговые овраги) и бровки перегибов элементов рельефа. При этом, на наш взгляд, контуры данных угодий были очень устойчивыми во времени и унаследовались и в более поздние времена. Положение оврагов в качестве границ между угодьями способствовало в свою очередь и их дальнейшему и интенсивному росту. Эти овраги однотипны, имеют зрелый профиль и практически все выработали свои приводосборные понижения.

Однако в долинных зандрах, на участках, примыкающих к бровкам долин и оврагов и являющихся либо присетьевыми склонами, либо межсетьевыми гребнями, возникли постоянные пахотные угодья (рис. 11, *1*). Этому благоприятствовало оптимальное сочетание природных факторов для пахотного земледелия того времени. Наличие в верхней части (свыше 0,5–1,0 м) почвообразующей толщи покровных и делювиальных суглинков обеспечивает достаточно высокую трофность субстрата. Значительное участие неморальных элементов в растительном покрове способствовало формированию подзолистых почв с развитым гумусовым горизонтом, относящихся к дерново-подзолистым почвам. На это указывают и сохранившиеся дерново-подзолистые почвы, погребенные под культурным слоем Дьякова городища. Легкий механический состав почвообразующих пород (легкие суглинки, супеси и пески) в сочетании с прибровочным положением, легкими уклонами (2–4 градуса) и сточным режимом увлажнения обеспечивают хороший дренаж и отличный водно-воздушный режим почв. В силу этого, несмотря на средние сроки снеготаяния, почвы весной обсыхают быстро, являются теплыми и имеют ранние сроки весенней спелости. В то же время в засушливые периоды в почвах может содержаться достаточное количество влаги на контакте с относительно близко лежащей (1,5–2,5 м) мореной. Все это позволяло первопоселенцам рассчитывать на получение на этих землях гарантированно минимальных урожаев в любые экстремальные годы. Легкий механический состав почв к тому же требовал меньших физических затрат, а это было одним из решающих факторов того времени, определявших выбор и предпочтение легких почв перед средне- и тяжелосуглинистыми, хотя и более плодородными.

Соответственно и дьяковские селища располагались непосредственно вблизи постоянных пахотных участков на этих ПТК. Однако конкретное их размещение

лимитировалось наличием постоянных источников водоснабжения. Так как "дьяковцы" еще не умели "перехватывать" поверхностный сток, копать глубокие колодцы и пруды, то они селились прямо у реки или у выходов грунтовых вод. Выходы родников связаны с разгрузкой надъюрских грунтовых вод и отмечаются в районе самого городища в Городищенском (Дьяковском) и соседнем с ним овраге, а также в Голосовом овраге. Здесь же размещены и основные селища железного века, что хорошо видно на карте (рис. 11).

Долинные ПТК на исследуемой территории занимают относительно небольшие площади, однако в развитии поселений железного века сыграли значительную, если не решающую роль. Они представлены разнообразными и часто контрастными по свойствам урочищами коренных склонов долины подмываемого берега р. Москвы и малых эрозионных форм, а также пойменными комплексами.

Коренные склоны долин достигают относительной высоты в 30–40 м над урезом реки и имеют, как правило, сложное строение и профиль. Верхние и средние части коренных склонов крутые (20–30 градусов, а иногда и больше) и имеют ровный или вогнутый профиль. Они сложены водно-ледниковыми песками, подстилаемыми маломощной и сильно перемытой мореной, а иногда алевритистыми или лессовидными суглинками. Средняя часть склонов сложена мощной (10–20 м) толщей меловых песков с прослоями песчаников. С поверхности по всему профилю склонов они прикрыты маломощными (около 0,5 м) делювиальными суглинками, на которых сформировались разной мощности склоновые дерновые почвы. В прошлом, до антропогенного освоения, здесь произрастали преимущественно сосновые леса с разным участием широколиственных пород в зависимости от преобладания процессов аккумуляции или смыва мелкоземистого материала на разных участках, большим или меньшим участием суглинков в почвообразующей толще. Преобладают свежие и свежеватые гигротопы (реже сухие), так как сказывается преобладание восточных (теневых) экспозиций. Сочетание значительных уклонов поверхности и соответственно господство сточного режима увлажнения с преобладанием водопроницаемых почвообразующих пород приводит к быстрому и дружному снеготаянию, быстрому прогреванию почв и ранней вегетации растений. Крутые уклоны не позволяли использовать коренные склоны для земледелия, за исключением, может быть, покато-наклонных террасовидных площадок.

Тем не менее ПТК коренных склонов долин активно использовались под выпас скота, особенно весной на начальных этапах вегетации растений, когда большинство ПТК еще лежит под снегом. Кроме того, коренные склоны вынужденно использовались и для прогона скота с междуречий в долину и обратно (рис. 11, *б*). Все это приводило к нарушению почвенно-растительного покрова, замене коренных лесов на вторичные мелколиственные и появлению специфической пастбищно-луговой растительности, а также к активизации процессов смыва-намыва, проявлению линейной эрозии и появлению характерного ступенчатого микрорельефа вдоль скотопрогонных троп.

В нижней части коренных склонов долин почти повсеместно наблюдается пластовая разгрузка надъюрских грунтовых вод в виде выпотов, мочажин и на отдельных участках родников. Эти участки склонов сложены меловыми и юрскими песками, подстилаемыми водоупорными юрскими глинами. В зависимости от условий залегания юрских глин и проявляется интенсивность разгрузки грунтовых вод. Повышенной степени увлажненности способствует также и преобладающий натечный тип поверхностного увлажнения. Поэтому низовья коренных склонов характеризуются сырыми местообитаниями повышенной трофности с господством дерновых мощных и дерновых темноцветных значительно оглеенных почв, занятых в прошлом травянистыми липодубравами с густым подлеском. Широкому использованию их в качестве пастбищных угодий препятствовали значительная крутизна и малые площади распространения.

С выходами юрских глин связано широкое распространение характерных оползневых ПТК, занимающих большие площади и представленных двумя массивами:

южнее устья Голосова оврага один и южнее устья Городищенского оврага другой. Оползневые массивы состоят из оползневых гряд, образующих оползневые террасовидные уступы, отделенные друг от друга понижениями. Здесь на небольшой территории можно встретить разнообразный и крайне пестрый набор эдафических условий. Это связано с большим набором литологических разностей почвообразующих пород, микро- и мезоформ рельефа. Например, выпуклые вершины поверхности песчаных оползневых бугров отличаются крайне сухими и бедными по трофности местообитаниями со слаборазвитыми подзолистыми песчаными почвами, а отдельные межбугровые понижения или стенки срывов (оползневые ниши) с выходами минерализованных грунтовых вод заняты небольшими болотами с перегнойно-глеевыми и перегнойно-торфянистыми почвами. Наличие и соседство на ограниченной территории разнообразных по свойствам почв и растительного покрова предполагают и самое разнообразное их использование. Здесь могли быть и постоянные пахотные поля, занимающие вершинные поверхности бугров с хорошо дренированными теплыми почвами (супесчано-суглинистыми), обладающими к тому же повышенной трофностью (редкое сочетание), и участки перелогов. Но большая часть оползневых массивов, по-видимому, использовалась как пастбищные угодья (рис. 11, *9*). В целом данные ПТК характеризуются достаточно высокой трофностью и хорошим увлажнением, благоприятными для развития широколиственных лесов с густым наземным покровом, трансформировавшимися под воздействием человека в пастбищные луга. Близость воды, особенности рельефа ("замкнутость") также способствовали выпасу скота, частично с вольным содержанием в летний период. Здесь же, возможно, было и существование временных поселений летнего типа.

Аналогичное хозяйственное использование, только в больших масштабах, было характерно и для пойменных ПТК и делювиальных шлейфов. На исследуемой территории распространено несколько видов ПТК высокой поймы, отличающихся в первую очередь литологией почвообразующих пород и условиями увлажнения. В общей своей массе это прекрасные пастбищные и сенокосные угодья. Уже в то время на пойме и на делювиальных шлейфах коренные леса на большинстве участков были замещены вторичными луговыми сообществами и редколесьями. Это связано с традиционно унаследованным, возможно еще с конца неолита (Низовцев В.А., 1990), использованием этих ПТК под выпас скота (рис. 11, *5, 7, 8*). Сначала это было специфическое лесное скотоводство с разведением свиней, а впоследствии и другого домашнего скота. Постоянный выпас скота, особенно свиней, в течение длительного времени на одной и той же замкнутой территории с динамичным протеканием природных процессов привел к обезлесиванию пойм и делювиальных шлейфов и распространению здесь луговой растительности. Широкое развитие заготовок зимних кормов, особенно сенокошение, сделало возобновление пойменных лесов еще более затруднительным. Пашенное земледелие в этих ПТК было мало распространенным из-за сезонного переувлажнения в результате длительного стояния или подтопления полыми водами и дополнительного натека вод со склонов и оврагов.

Крутые склоны оврагов и балок в железном веке могли сохранять леса близкие к коренным в силу ограниченности использования этих урочищ, по-видимому, служивших для лесозаготовок, охоты, бортничества.

6. Сопоставление результатов. На основании изучения археологических данных стало ясно, что земледелие играло существенную роль с раннедьяковского времени и особенно интенсифицировалось начиная с последних веков до н.э. (многочисленные находки серпов).

Высокая насыщенность культурного слоя остатками обугленных зерен подтвердила несомненность значительного развития земледелия уже по крайней мере с V–III вв. до н.э. Кроме того, находки зерен позволили установить набор основных выращивавшихся культур – просо, ячмень, пшеница, лен – и хронологические изменения в их соотношении. "Переломным" горизонтом, с точки зрения карпологии, оказался средний горизонт верхнего слоя (ориентировочный возраст – рубеж эр – первые века н.э.), когда

доминировавшая до этого культура проса постепенно утрачивает свое значение, на первое место по частоте встречаемости выдвигается ячмень, пленчатые пшеницы вытесняются голозерными. Биологические особенности перечисленных культур позволили сделать вывод об увеличении доли постоянно распахивавшихся участков, краткосрочных перелогов. Данное предположение логично согласуется с фактом исключительно длительного (до 1000 лет!) существования на одном месте постоянного поселения – Дьякова городища.

Прослеженные изменения в составе карпологических находок совпадают по времени с такими важными инновациями, как появление на городище лощеной столовой посуды, совершенствование профилировки керамики в целом, существенное развитие бронзолитейного и железоделательных производств.

Сказанное заставляет с большим вниманием отнестись к периодизации позднедьяковского этапа культуры и указывают на его внутреннюю неоднородность.

Интерпретация палинологических диаграмм для реконструкции хозяйства имеет двоякое значение. Во-первых, палинологические данные позволяют, хотя бы приблизительно, оценивать масштабы воздействия человека на природу, представить, каков был порядок площадей, освобожденных от леса, соотношение коренных и вторичных лесов.

Спорово-пыльцевые спектры, характеризующие растительность в окрестностях Дьякова городища в интервалы расцвета хозяйства в период отложения верхнего слоя, сопоставимы по соотношению пыльцы древесной и травянистой растительности со спектрами, полученными здесь же, но датирующимися XIX в. (горизонт погребенной почвы под отвалами раскопок 1875 г.). Картографические материалы XIX в. свидетельствуют, что в пределах 3-км радиуса вокруг Дьякова городища древесной растительностью было покрыто не более 5–10% территории. Конечно, эту цифру нельзя прямо экстраполировать на древность, но, безусловно, палинологические данные указывают на значительное сведение лесов в окрестностях городища уже в железном веке.

В то же время нельзя не оговориться, что лес и лесные ресурсы вплоть до финальной стадии жизни на Дьяковом городище продолжали оставаться вполне доступными для его жителей, о чем свидетельствуют костные остатки охотничьей добычи – лосей, медведей, бобров, глухарей, рябчиков, тетеревов и др. (определения Л.И. Алексеевой, Г.В. Захаренко, В.Н. Калякина), удельная концентрация которых в верхнем горизонте верхнего слоя даже несколько увеличилась по сравнению с нижележащими горизонтами (Кренке Н.А., 1987).

Во-вторых, детальный анализ спорово-пыльцевых диаграмм позволил выявить целый ряд циклов, связанных с подъемами и упадками хозяйства, а возможно, даже и временным запустением территории микрорегиона. "Наложение" палинологической и археологической версий реконструкций истории жизни на городище дает следующие результаты.

Для интервала от периода начального освоения территории до конца раннедьяковского периода (нижний слой) сходимость археологической и палинологической версий почти полная: существенное воздействие человека на окружающую природную обстановку в IX–VI вв. до н.э., затем ослабление этого воздействия (что соответствует отсутствию непрерывности археологических материалов), и наконец, новый цикл хозяйственного воздействия в период V–III вв. до н.э. Важно отметить, что палинологические данные фиксируют упадок хозяйства и восстановление коренной растительности в финальный период отложения нижнего слоя, что существенно дополняет представления, полученные "классическим" археологическим путем, и служат аргументом в пользу предположения о наличии временного разрыва между двумя этапами заселения городища.

Выделенные по палинологическим данным циклы для позднедьяковского периода (верхний слой) при совпадении общей картины (интенсификация антропогенного воздействия на природное окружение городища) рисуют гораздо более динамичную

картину подъемов и спадов, чем та, которую можно было реконструировать, опираясь лишь на осторожную трактовку археологических фактов. При этом необходимо отметить, что археологические материалы вполне допускают такую "сложную" интерпретацию. Весьма вероятно, что отсутствие стерильных прослоек в 2-метровой толще верхнего слоя и неизученность его на предмет выявления горизонтов почвообразования маскируют перерывы в его формировании. В свете палинологической интерпретации иное звучание получают данные об инновациях в керамической шкале и прослойки многочисленных пожаров, возможно, отмечающие не только локальные события и плавное эволюционное развитие, но фиксирующие существенные перемены в жизни всего поселения в целом.

Цель реконструкции системы древнего землепользования, проведенной методом ландшафтного анализа, заключалась в выявлении конкретных контуров урочищ различного хозяйственного назначения. Эта работа была выполнена исключительно на основании комплексного анализа геолого-почвенных, геоморфологических и других природных характеристик территории, определения потенциальных возможностей использования тех или иных урочищ для различных видов хозяйственной эксплуатации, выявления форм рельефа, развитие которых было связано с древней хозяйственной деятельностью.

Анализ ландшафтной структуры исследуемого района показал, что на относительно небольшой площади расположены ПТК разной сложности внутреннего устройства, отличающиеся большим разнообразием и большой пестротой эдафических условий и соответственно большим разнообразием природных ресурсов, что явилось важнейшим фактором в заселении этой территории начиная с неолитического времени. Благоприятные для сельскохозяйственного производства (животноводства и земледелия) природные условия способствовали интенсивному освоению района Дьякова городища в железном веке. Здесь (как, вероятно, и вокруг других городищ) сформировался один из древнейших очагов земледелия в Подмосковье.

Наложение гипотетической карты, реконструирующей систему землепользования в железном веке, полученной ландшафтным методом, на археологическую карту дало весьма обнадеживающие результаты. Выявленные археологические памятники чрезвычайно логично "вписались" в ландшафтную реконструкцию. Оказалось, что постоянные пахотные участки, реконструированные ландшафтным методом, вплотную примыкают к археологически зафиксированным селищам. По мере удаления от последних на ландшафтной карте-реконструкции, как правило, сменяются урочища, испытывавшие все меньшую антропогенную нагрузку. Примечательно также появление новых археологических данных, подтверждающих составленную ранее ландшафтную реконструкцию. Так, в 140 м к западу от селища, возле церкви Вознесения (рис. 1, *2б*) на левом берегу Голосова оврага – территории, которая, согласно ландшафтной реконструкции, являлась постоянным пахотным угодьем в железном веке (рис. 11), при шурфовке 1994 г. были обнаружены единичные фрагменты лепной гладкостенной и текстильной керамики при отсутствии культурного слоя. Подобные редкие находки керамики вне территории поселения характерны для пашень как ранних, железного века, так и позднесредневековых.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анненская Г.Н., Жучкова В.К., Мамай И.И. и др., 1987. Ландшафты Московской области // Вестн. МГУ. Сер. 5. География. № 2.

Анучин Д.Н., 1909. Геологическое прошлое и геологическое настоящее Москвы // Москва в ее прошлом и настоящем. Т. 1. М.

Апродов А.В., Апродова А.А., 1963. Движения земной коры и геологическое прошлое Подмосковья. М.

Бадер О.Н., 1947. Материалы к археологической карте Москвы и ее окрестностей // МИА. № 7.

Борзов А.А., Дик Н.Е., Евтюхова М.А., Кудрявцев М.П., Монин С.А., Соловьев А.И., 1950. Географические экскурсии по Москве и ее окрестностям // МГПИ им. В.П. Потемкина. Ученые записки. Т. XI. Вып. 2. М.

Вишневский В.И., 1994. Новые материалы о земледелии дьяковских племен верхнего Поволжья // Историко-археологическое изучение Поволжья. Йошкар-Ола.

Гунова В.С., 1991. Археолого-палеогеографические исследования // Итоги науки и техники. Сер. Палеогеография Т. 7. М.

Гунова В.С., Кренке Н.А., 1985. Археолого-палеогеографические исследования в среднем течении Москвы-реки // Вестн. МГУ. Сер. 5. География. № 1.

Даньшин Б.М., 1933. Геологическое строение долины р. Москвы от Шелепихи до Перервы // Изв. Московского геолого-разведывательного треста. Т. II. Вып. М.; Л.

Даньшин Б.М., 1941. Геологическое строение района Коломенское – Котлы, в окрестностях Москвы // Изв. Московского геологического управления. Т. VII. М.; Л.

Климанов В.А., Хотинский Н.А., Благовещенская Н.В., 1995. Колебания климата за исторический период в центре Русской равнины // Изв. РАН. Сер. географ. № 1.

Краснов Ю.А., 1971. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. М.

Кренке Н.А., 1986. Вал Дьякова городища // КСИА. Вып. 186.

Кренке Н.А., 1987. Культура населения бассейна Москвы-реки в железном веке и раннем средневековье. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Кренке Н.А., 1991. Археологическая карта заповедника "Коломенское" // Коломенское: материалы и исследования. Вып. 2. М.

Кренке Н.А., 1992. Селище Дьяково-пойма – древнерусская деревня XI–XII вв. в Коломенском // Коломенское: материалы и исследования. Вып. 3. М.

Кренке Н.А., 1995. "Чертов городок" – селище железного века в окрестностях Коломенского // РА. № 3.

Кренке Н.А., Сулержицкий Л.Д., 1988. Радиоуглеродная и археологическая хронология Дьякова городища // КСИА. Вып. 194.

Низовцев В.А., 1989. Структурно-генетический анализ ландшафтов юго-западного Подмосковья // Современные проблемы физической географии. М.

Низовцев В.А., 1990. История хозяйственного освоения ландшафтов Юго-Западного Подмосковья (домонгольский период) // Ландшафты Московской области, их использование и охрана. М.

Павлов А.П., 1946. Географический очерк окрестностей Москвы. М.

Семихатов Б.Н., 1955. Геологические экскурсии в окрестностях Москвы. М.

Сизов В.И., 1897. Дьяково-городище близ Москвы // Тр. IX археологического съезда в Вильне 1893. Т. II. М.

Смирнов К.А., 1974. Дьяковская культура // Дьяковская культура. М.

Хотинский Н.А., 1977. Голоцен Северной Евразии. М.

Chisholm M., 1968. Rural settlement and land use. An essay in location. 2-d rev. ed. London.

Ellison A., Harris J., 1972. Settlement and land use in the prehistory and early history of Southern England: a study based on locational models // Models in archaeology. London.

Higgs E.S., Vita-Finzi C., 1972. Prehistoric economies: a territorial approach // Papers in economic prehistory. Cambridge.

Московский государственный университет
Институт археологии РАН, Москва

**V.S. GUNOVA, N.A. KIRJANOVA, N.A. KRENKE,
V.A. NIZOVTSEV, E.A. SPIRIDONOVA**

AGRICULTURE IN THE MOSKVA RIVER VALLEY IN THE IRON AGE

Summary

This article deals with the reconstruction of a land tenure system in the Moskva river valley in the Iron Age. The authors used archaeological, palaeobotanic and landscape approaches to the problem, studied a structure of settling, a landscape dependance of the monuments, sickles and querns found in this area, polen diagrams made of the cross-section of Dyakovo fortified settlement, a collection of grains from the same monument gathered with the help of flotation, geological, soil and geomorphological peculiarities of the Moskva river valley, different types of lands (parts of a landscape) potentially suitable for different types of an ancient land tenure. It was found out that three cultures: millet, barley and wheat were the most important. In the first millennium B.C. millet was used more often, at the beginning of A.D. it was replaced by barley as the most widely used grain. Polen analysis data testify to the fact that the history of the cultivating of the area around Dyakovo settlement was very complex and consisted of several cycles. The agriculture landscape formed in the first centuries A.D. The result of the landscape analysis was a hypothetical map of the ancient land tenure system in Dyakovo settlement area (fig. 12).

Публикации

Ю.Б. СЕРИКОВ

КАМЕНЬ ДЫРОВАТЫЙ – УНИКАЛЬНОЕ ПЕЩЕРНОЕ СВЯТИЛИЩЕ НА РЕКЕ ЧУСОВОЙ

(первые результаты исследований)

Первая информация о наличии жертвенного места в одной из пещер Камня Дыроватого на р. Чусовой была опубликована в 1776 г. в книге И.Г. Георги "Описание всех в Российском государстве обитающих народов". Все последующие упоминания об этом памятнике в XIX – первой трети XX в. имели своим первоисточником данный труд И.Г. Георги.

Первые научные раскопки в пещере провел ленинградский археолог Н.А. Прокошев в 1932, 1933 и 1937 гг. В результате этих работ была вскрыта практически вся площадь пещеры. Полученная коллекция находок (хранится в Эрмитаже) содержит около 7 тыс. наконечников стрел из камня, кости, бронзы, железа. Среди находок – сасанидская монета VI в. с пробитым отверстием и много костей мелких животных (Прокошев Н.А., 1934; 1935).

К большому сожалению, уникальная коллекция находок из пещерного святилища на Камне Дыроватом не опубликована ни Н.А. Прокошевым, ни последующими исследователями. Предложенная Н.А. Прокошевым датировка святилища от медно-каменного века до XII–XIV вв. н.э. никогда не подвергалась сомнению и перекочевывала из издания в издание (Арциховский А.В., 1954, с. 128; Канивец В.И., 1964, с. 17, 25, 26; Авдусин Д.А., 1977, с. 156).

В 1982, 1983, 1988, 1991–1993 гг. исследования святилища проводил автор. Им было установлено, что наконечники стрел залегают не только в пещере, но и под нею у подножья скалы. Шурф 1983 г. показал, что наконечники стрел насыщают слои у подножья скалы до глубины 1,7 м, причем количество их весьма значительно – 70 целых и около 100 в обломках на 0,6 м^2. Поскольку пещера полностью раскопана Н.А. Прокошевым, проводилась промывка его отвала. В результате промывки получено около 14,5 тыс. находок, в основном – наконечников стрел (Сериков Ю.Б., 1993а).

Камень Дыроватый находится на левом берегу р. Чусовой в 17 км к западу от с. Усть-Утка (Пригородный р-н Свердловской обл.). Скала Камня высотой 50–80 м протянулась на целый километр. На Камне известно пять пещер. Пещерное святилище находится на северо-восточной оконечности Камня. Оно расположено на отвесной скале, имеющей в этом месте высоту 60 м (рис. 1). От подножья скалы пещера находится на высоте 20 м, от уровня воды – на высоте 33 м (рис. 2). В туристических путеводителях эта пещера известна под названием "Пещера скалолазов" (Постоногов Е.И., Постоногов Ю.И., 1980, с. 59), так как подняться в нее без специального снаряжения практически невозможно. Вход пещеры размером 8 × 5 м экспонирован на юго-восток.

© Ю.Б. Сериков, 1996 г.

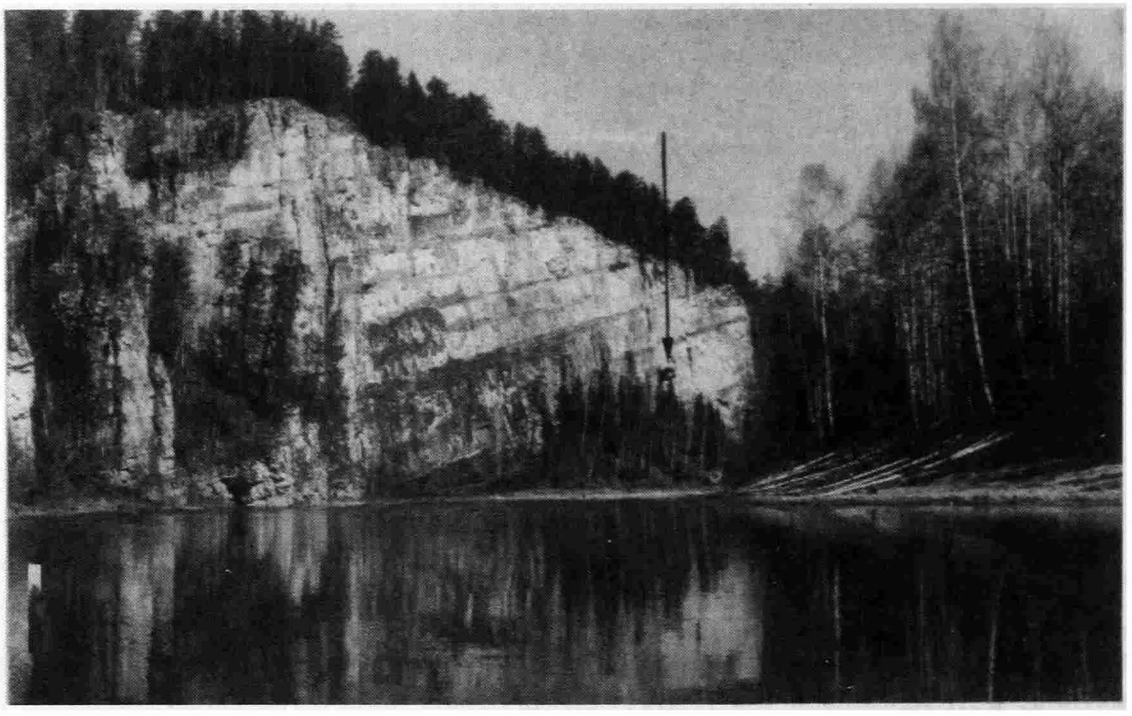


Рис. 1. Камень Дыроватый. Вид на скалу и пещеру с юго-востока

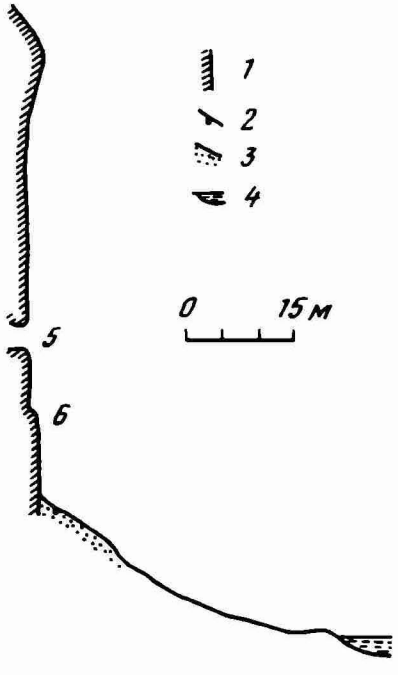


Рис. 2. Камень Дыроватый IV (пещера Скалолазов). Разрез. *1* – скала; *2* – шурф; *3* – осыпь; *4* – русло р. Чусовой; *5* – устье пещеры; *6* – карниз

Если смотреть на пещеру с реки или с противоположного берега, то на скале можно увидеть заключенное между двумя расселинами лицо. Хорошо различаются глаза в виде углубленных участков скалы и нос в виде сильного выступа (в настоящее время частично разрушенного). Сама пещера представляет открытый в крике рот, а остатки колонн в пещере – зубы (рис. 3). Данное лицо имеет определенное сходство с лицами известных на Среднем Урале идолов (Шигирского, Горбуновского и других). Особенно хорошо "лицо идола" прссматривается с поляны противоположного берега. Если же спускаться или подниматься к пещере по воде, то черты "лица идола" искажаются, и оно принимает угрожающее выражение. Трудно не допустить, что данный фактор сыграл важную, если не решающую роль в использовании пещеры в качестве

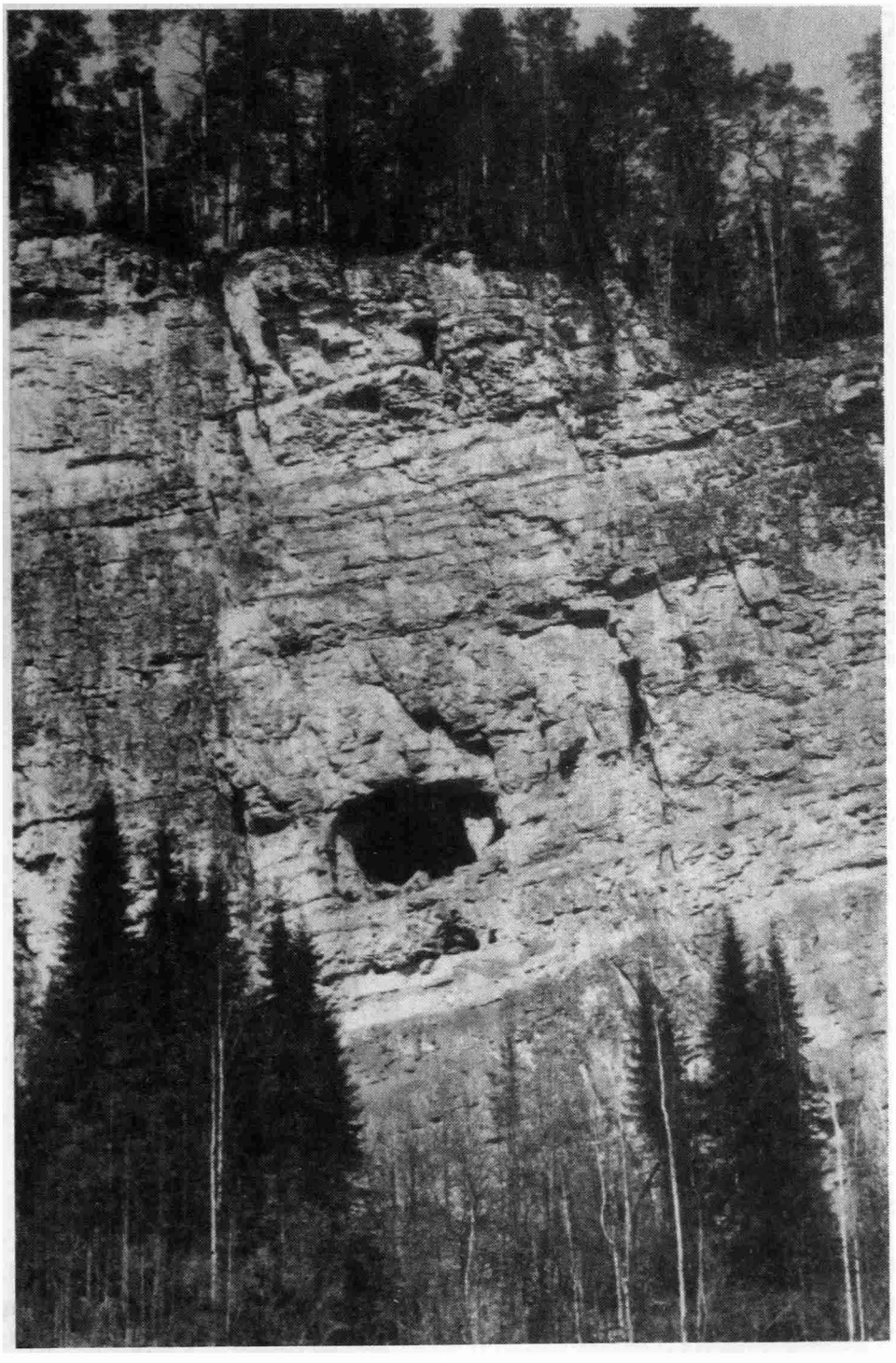


Рис. 3. Камень Дыроватый. Вид с востока

святилища. На Чусовой еще имеются пещеры, расположенные на отвесных скалах (например, пещера на Камне Ермак находится на отвесной скале на высоте 21 м), но ни одна из них не служила святилищем типа описываемого.

Комплекс находок из пещеры впечатляет. В Эрмитаже хранится коллекция из раскопок Н.А. Прокошева, состоящая из 6754 наконечников стрел (данные И.В. Калининой) (видимо, без учета обломков). Наша коллекция составляет 14 498 находок. Среди них 11 434 наконечника (каменных 7174 экз., костяных – 3641 экз., бронзовых – 466 экз., железных – 153 экз.), 3016 микропластинок – вкладышей из мезолитических наконечников, 47 культовых предметов и 15 галек.

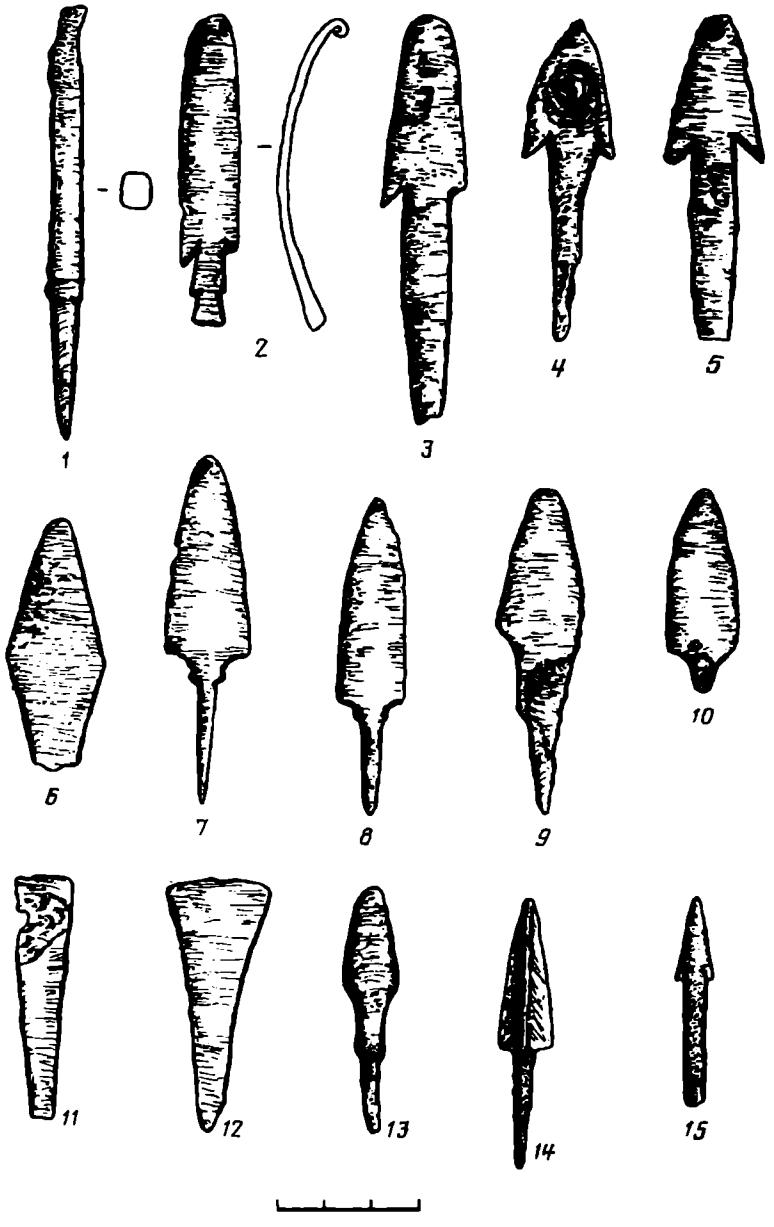


Рис. 4. Камень Дыроватый. Железные наконечники стрел

Железные наконечники представлены как минимум 14 типами (рис. 4, *1–15*). Самые ранние наконечники из железа относятся к гладеновской культуре и датируются последними веками до н.э. (рис. 4, *7*). Самые поздние имеют широкие аналогии в родановской культуре IX–XV вв. н.э. (рис. 4, *3, 6*).

Бронзовые наконечники в основной своей массе представлены трехгранными наконечниками так называемого "скифского типа". Их можно разделить на два подтипа – трехгранные с укороченной и с удлиненной втулкой. Их длина колеблется от 1,7 до 4,5 см, но преобладают наконечники длиной 3–3,5 см. 72 наконечника сохранили во втулках пропитанные солями меди обломки деревянных древков стрел. Кроме "скифских наконечников" в коллекции присутствуют 1,5 десятка черешковых наконечников. 2 из них – трехлопастные, остальные – плоские. Представлены восемью типами (рис. 5, *23–28*). Возможно, некоторые из них изготовлены из меди, а не бронзы. Если втульчатые наконечники датируются VII–II вв. до н.э., то датировка черешковых наконечников пока затруднена. Часть плоских наконечников относится к более раннему времени, чем скифский период.

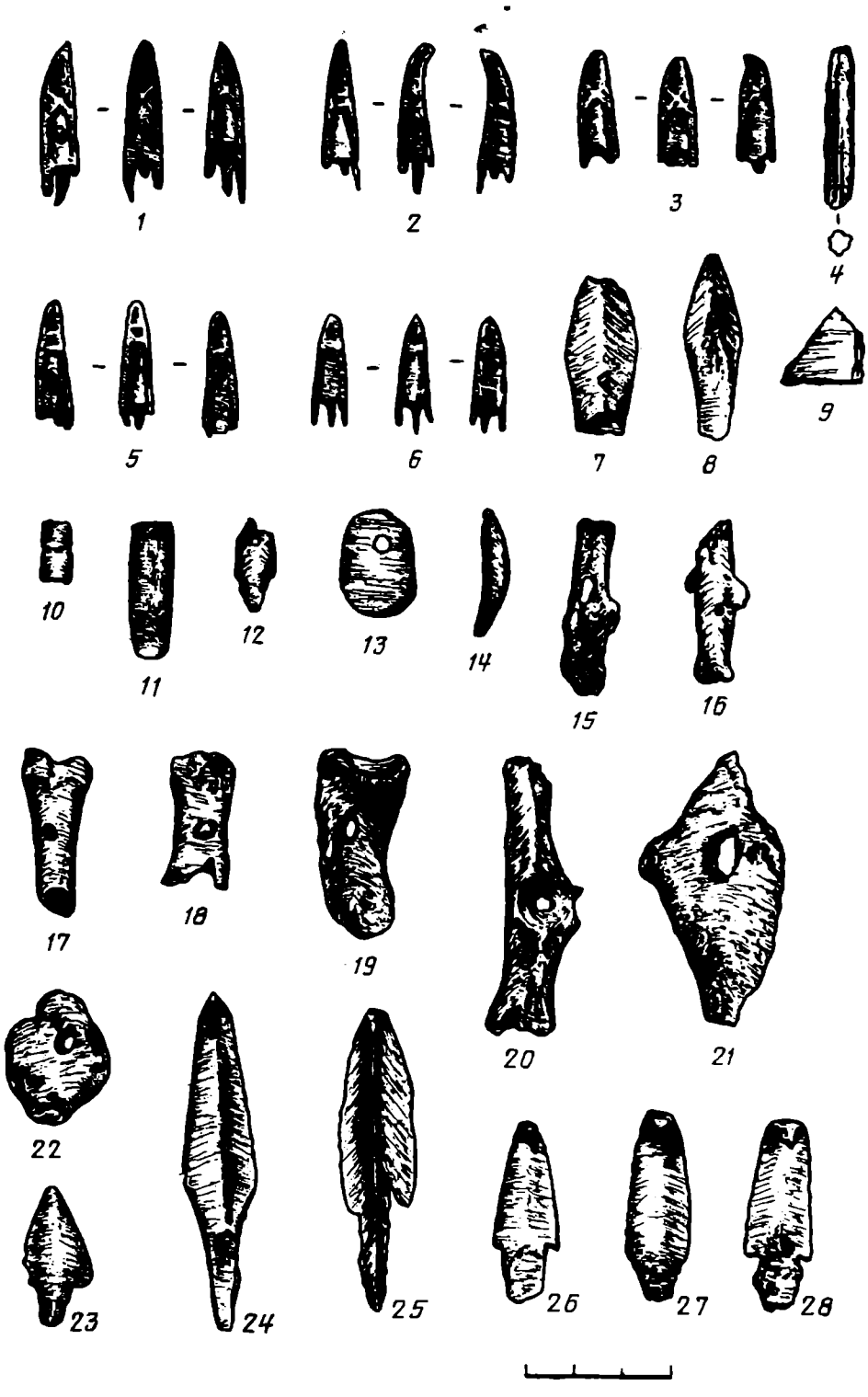


Рис. 5. Камень Дыроватый. Предметы культа (*1–22*) и бронзовые наконечники стрел (*23–28*) (*1–3, 5, 6* – бронзовые наконечники стрел с орнаментом; *4* – бронзовая пронизка; *7, 8* – костяные наконечники стрел со "знаками"; *9* – костяная пластинка с орнаментом; *10* – костяная пронизка; *11* – отшлифованный резец бобра; *12, 13* – костяные подвески; *14* – подвеска из зуба соболя; *15–21* – кости животных с пробитыми отверстиями; *22* – "курий бог")

Самой крупной серией в коллекции представлены каменные наконечники стрел – 7174 экз. Больше половины из них – 4774 экз., – являются обломками, по которым восстановить тип наконечника невозможно. Среди оставшихся можно выделить свыше 20 типов. Самой представительной серией – свыше 700 экз. – представлены наконеч-

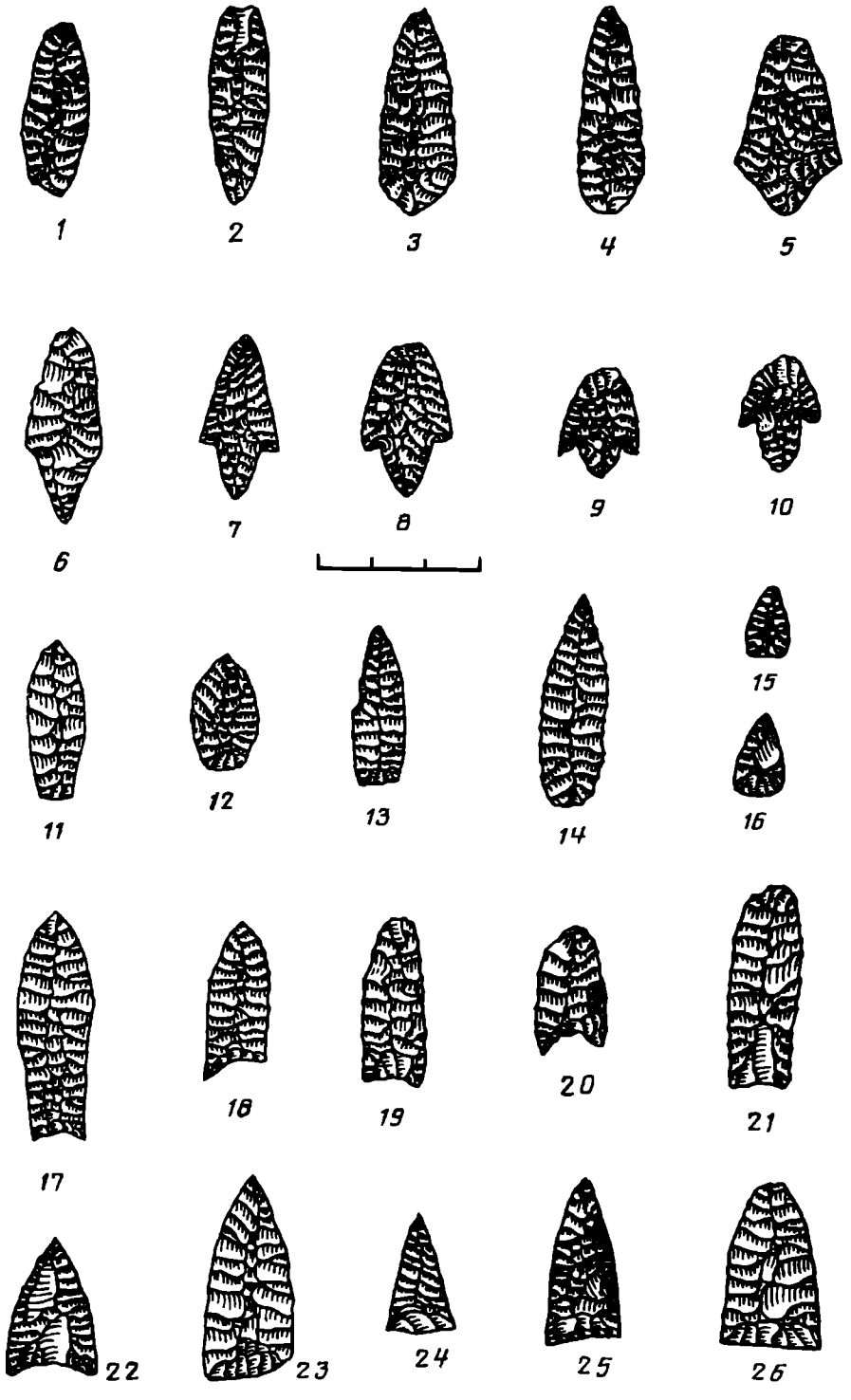


Рис. 6. Камень Дыроватый. Каменные наконечники стрел

ники треугольные, широкие, с ровным или слегка вогнутым основанием. Большое их количество объясняется не столько преобладанием этого типа в коллекции, сколько устойчивостью наконечника при удар о скалу – обломков таких наконечников зафиксировано очень мало. По времени они подразделяются на три группы. Тонко выделанные треугольники, плоские, длиной 3,5–4 см, боковые края слегка раздуты, иногда обработаны слабовыраженной пильчатой ретушью, датируются эпохой энеолита (рис. 6, *23, 25*). Симметричные треугольники длиной 2,5–3 и 1,5–2 см характерны

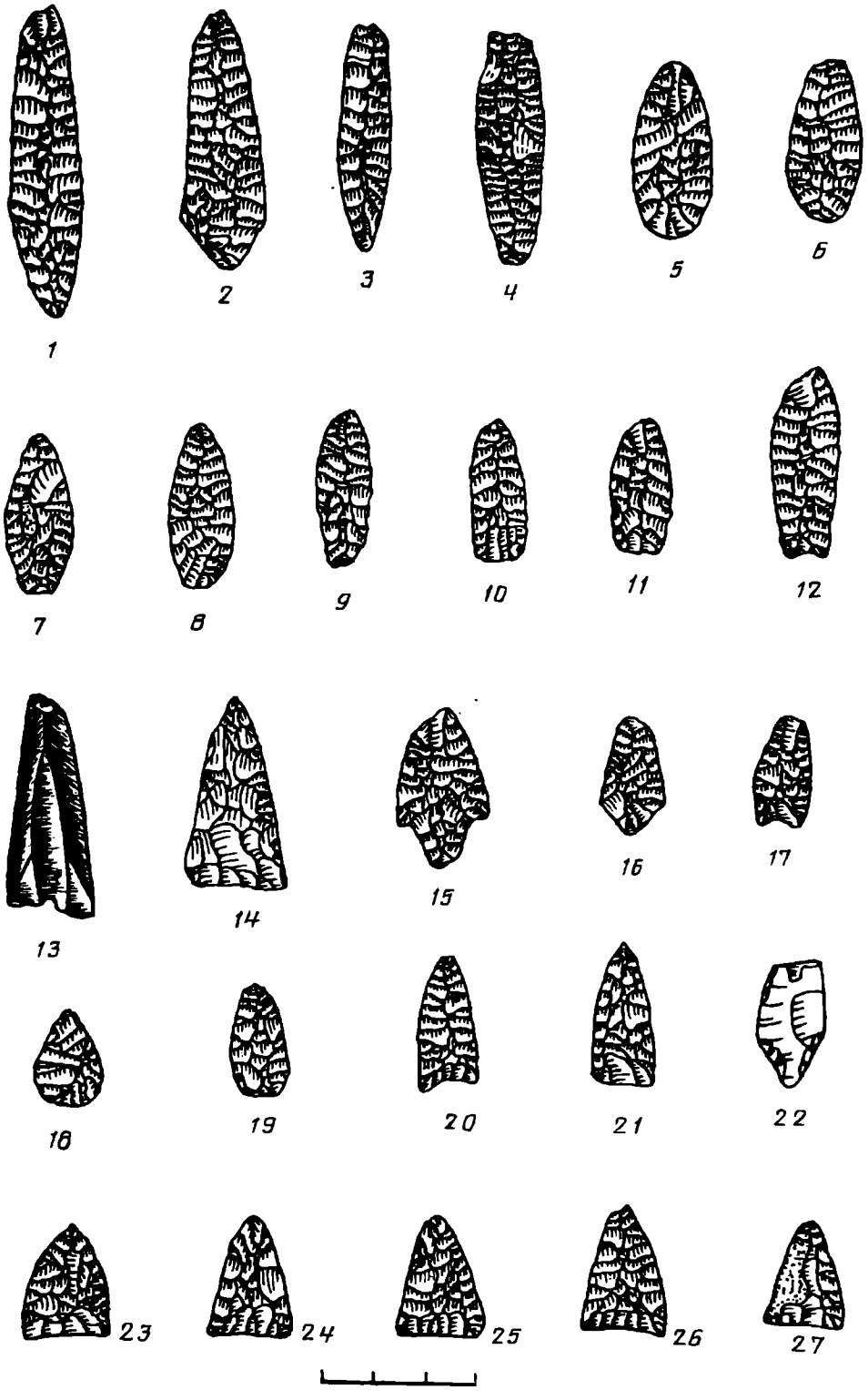


Рис. 7. Камень Дыроватый. Каменные наконечники стрел

для поздней бронзы, но большими сериями встречаются и в раннем железном веке (рис. 7, *14, 24–27*).

Следующей по численности (около 500) является серия наконечников треугольных по форме, но сильно вытянутых с симметрично или асимметрично вогнутым основанием (рис. 6, *17–21*; 7, *12, 17, 20*). Датируются они эпохой раннего металла – энеолит, ранняя бронза. К этому же времени относятся наконечники в виде вытянутых

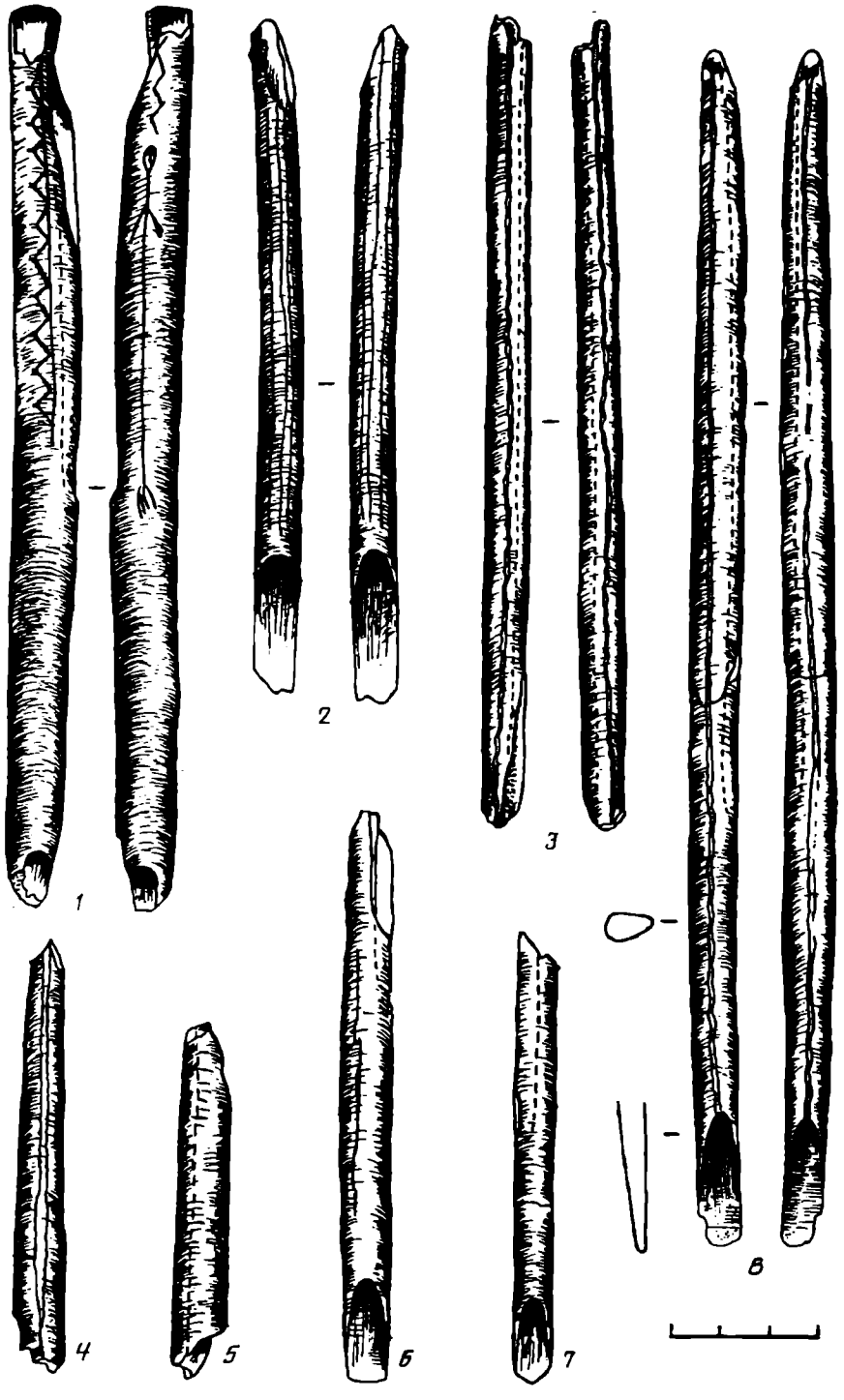


Рис. 8. Камень Дыроватый. Вкладышевые наконечники стрел

треугольников с ровным или округленным основанием. Эти наконечники наиболее совершенны в выделке, зачастую обработаны пильчатой ретушью (рис. 6, *11*, *13*, *14*).

Наконечники иволистной и листовидной формы (рис. 7, *1*, *3–9*; 8, *1–4*) в большинстве своем относятся к неолитической эпохе. Интересно отметить, что только среди иволистных наконечников отмечено их вторичное использование. Три наконечника имели линейные следы использования в качестве сверл, а один – в качестве бокового скребка.

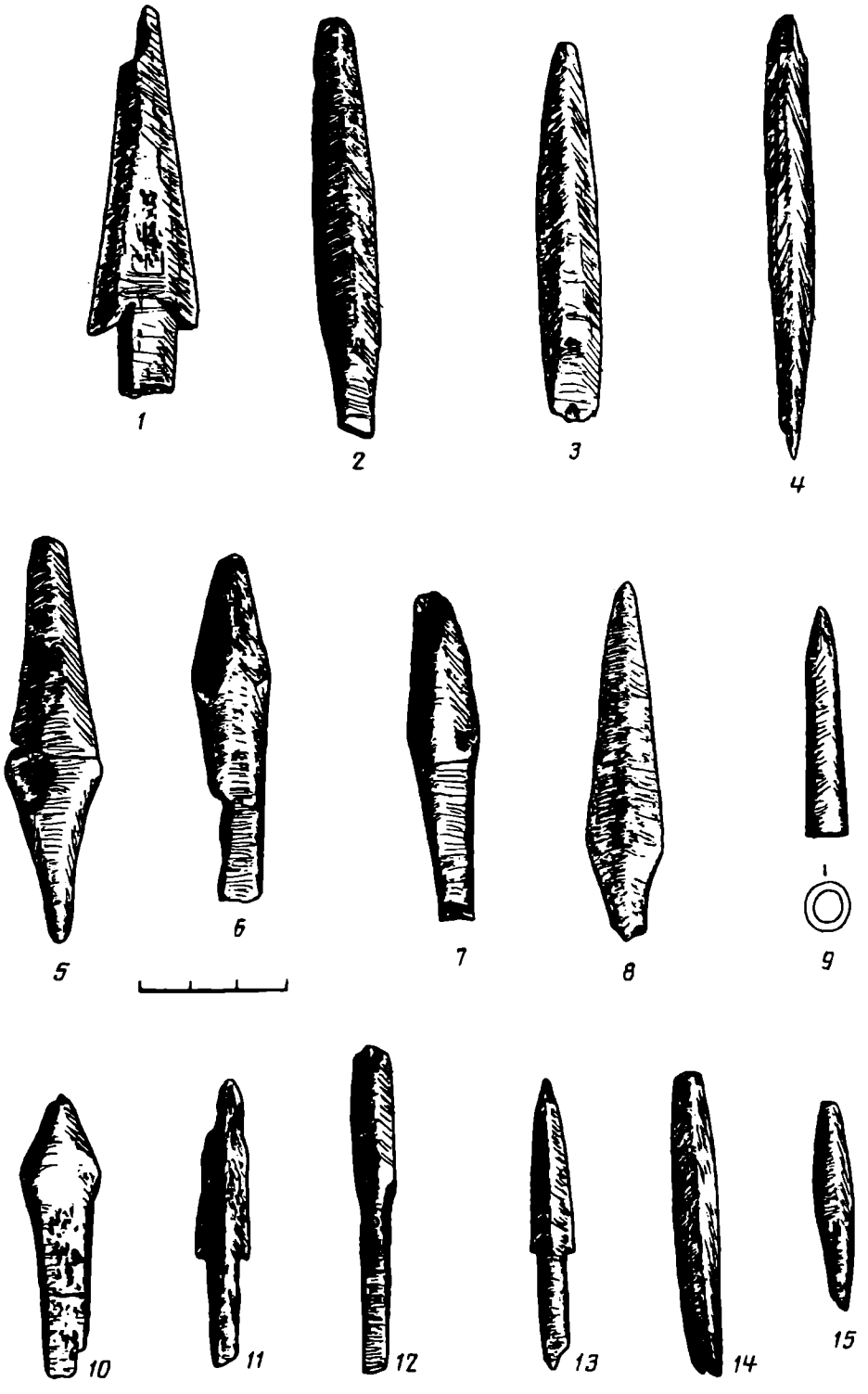


Рис. 9. Камень Дыроватый. Костяные наконечники стрел

Незначительной серией (около 80) представлены наконечники ромбической формы (рис. 7, *16*). Датировка их затруднена, но, по-видимому, этот тип будет укладываться в рамках раннего металла.

Очень интересна группа черешковых наконечников стрел. В ней представлено три варианта: широкие треугольники укороченных пропорций с треугольным черешком и шипами (рис. 6, *7–10*; 7, *15*), узкие вытянутые треугольники со слабо выраженными шипами и листовидные наконечники со слабо выраженным треугольным черешком (рис. 6, *6*). Первые два типа датируются эпохой энеолита, третий – неолитом.

Почти все шлифованные наконечники представлены обломками (рис. 7, *13*). Изготовлены они из тонкозернистого сланца или шифера темно-серого и сиреневатого цвета. Датировка их не ясна.

Оригинальный, никогда не встреченный нами ранее тип представляют наконечники с боковыми шипами типа гарпунов.

Очень сложной в типологическом и хронологическом отношениях представляется серия наконечников на пластинах – их 300 экз. Здесь присутствуют наконечники с боковой выемкой, иволистные, черешковые, с намеченным черешком, с вогнутым, прямым или овальным основанием и др. Судя по сколам о стены пещеры, можно с уверенностью сказать, что наконечниками стрел также служили простые пластины без малейших следов обработки. Для датировки наконечников на пластинах требуется индивидуальный подход, но уже сейчас можно сказать, что они бытовали во всех эпохах от мезолита до энеолита или даже ранней бронзы.

Следует отметить, что практически во всех группах присутствуют миниатюрные наконечники длиной 1,3–1,8 см (рис. 6, *15, 16*).

Коллекция костяных наконечников из наших раскопок по сравнению с коллекцией Эрмитажа выглядит очень бедной – 560 наконечников против 5000. Но здесь учитывались только целые экземпляры. Представлены они, как минимум, 13 типами (рис. 9; 10) и охватывают все эпохи от ранней бронзы до XV в. Наиболее представительны среди листовидных (рис. 9, *2–4*), ромбовидных (рис. 9, *5*), "бронебойных" – с утяжеленной головкой (рис. 9, *6, 10*), черешковых (рис. 9, *1*), с граненым пером (рис. 10, *17*), шильцевидных (рис. 10, *11, 26*). Встречаются наконечники индивидуальной формы, например, втульчатый с граненым пером (рис. 9, *9*) – типичный наконечник родановской культуры, трехлопастной – повторяющий форму бронзовых наконечников (рис. 10, *25*), широкий треугольник с ровным основанием, повторяющий форму каменных наконечников раннего железного века, с боковым шипом и некоторые другие. Как и среди каменных, выделяется серия миниатюрных наконечников длиной 2,1–3,7 см (рис. 10, *15–16*).

Значительная часть костяных наконечников (3065 экз.) относится к эпохе мезолита и представлена (к сожалению, чаще всего в обломках) вкладышевыми, биконическими, игловидными, гарпунными и некоторыми другими типами (рис. 8, *11*). Среди них преобладают вкладышевые. На 450 наконечниках (в основном вкладышевых) присутствует орнамент в виде геометрических узоров. Чаще всего это узоры из прямых, волнистых, зигзагообразных линий, точек и насечек. Встречаются и более сложные орнаменты в виде крестов, ромбов, решеток, треугольников. На одном наконечнике имеется композиция, которую можно трактовать как изображение пещеры и летящей в нее стрелы (рис. 8, *1*). Почти всегда в орнамент втерта светло-красная охра.

Пластинчатый комплекс очень своеобразен. В нем представлены практически все типы изделий, что и на мезолитических поселениях: пластинки без ретуши (35%), пластинки с ретушью утилизации, пластинки с ретушью с брюшка, пластинки с ретушью со спинки (рис. 12, *4–7*), пластинки с притупленной спинкой (рис. 12, *1–3*), пластинки с обработанным ретушью концом (притупленным, скошенным, выемчатым (рис. 12, *8–15*), пластинки с отретушированными выемками, пластинки с зубчатой ретушью, резцы (угловые, боковые, срединные), резчики, острия, скошенные острия (рис. 12, *16–23*), геометрические микролиты (рис. 12, *24–49*). Этот набор изделий удивляет хотя бы потому, что мы знаем, что все изделия из пластинок – это выпавшие из оправы вкладыши. Если на поселениях преобладают пластинки шириной 0,6–0,8 см (около 49%), то в пещере преобладают пластинки шириной 0,4–0,5 см (около 66%). 97% всех пластинок в пещере – это сечения. На поселениях сечения обычно не превышают 25–30%. В перещер найдено 68 геометрических микролитов самых разных типов. В коллекции присутствуют сильно вытянутые асимметричные трапеции с боковой выемкой (рис. 12, *24, 25, 27*), симметричные и асимметричные

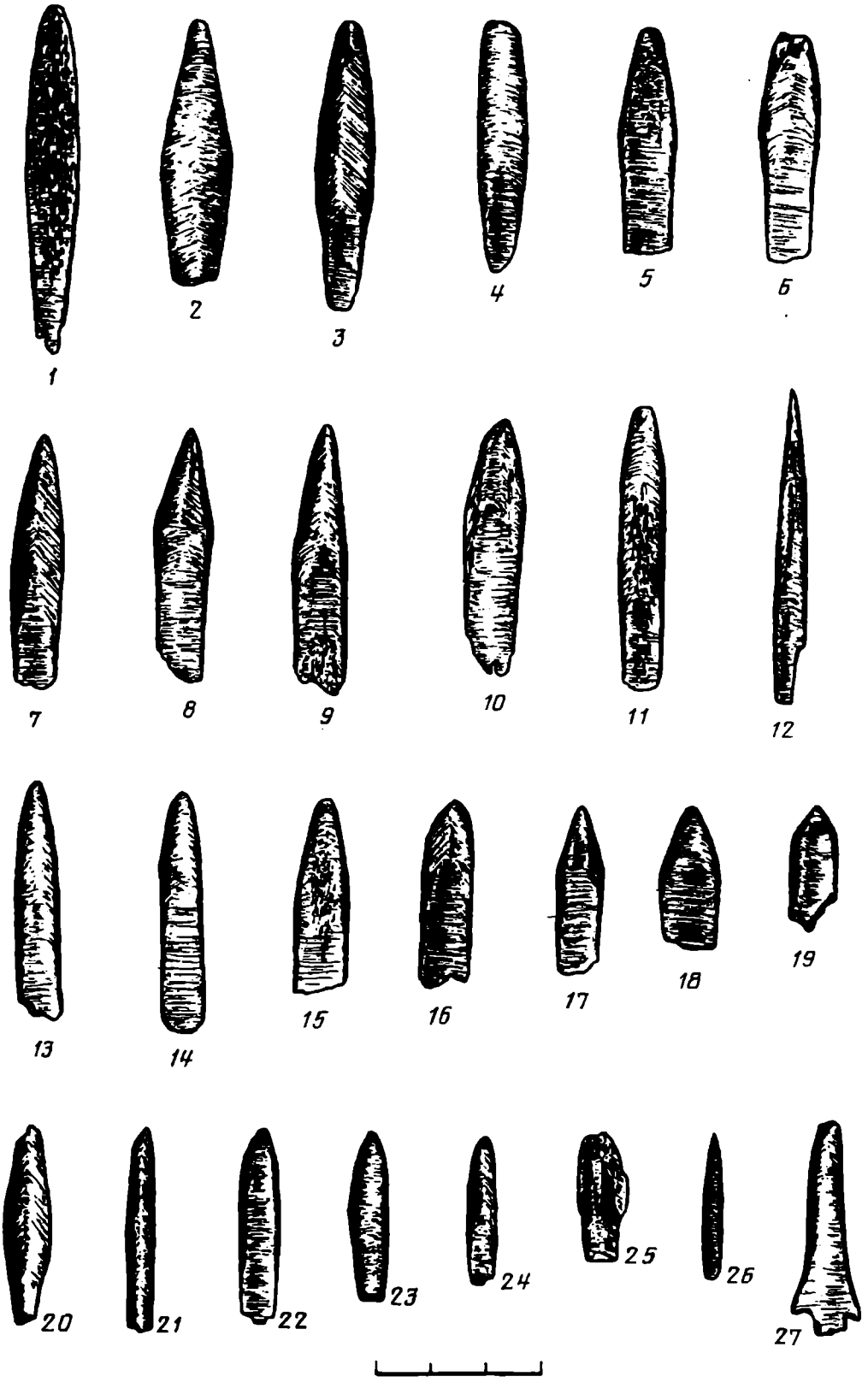


Рис. 10. Камень Дыроватый. Костяные наконечники стрел

трапеции, изготовленные на мелкой и узкой пластине (рис. 12, *28–34, 36, 40, 42–45*), прямоугольники (рис. 12, *37–39, 41*), треугольник (рис. 12, *46*) и микролиты, близкие по форме к ромбу (рис. 12, *26, 35*). Следует отметить полное отсутствие (пока) трапеций высокой формы с двумя боковыми выемками.

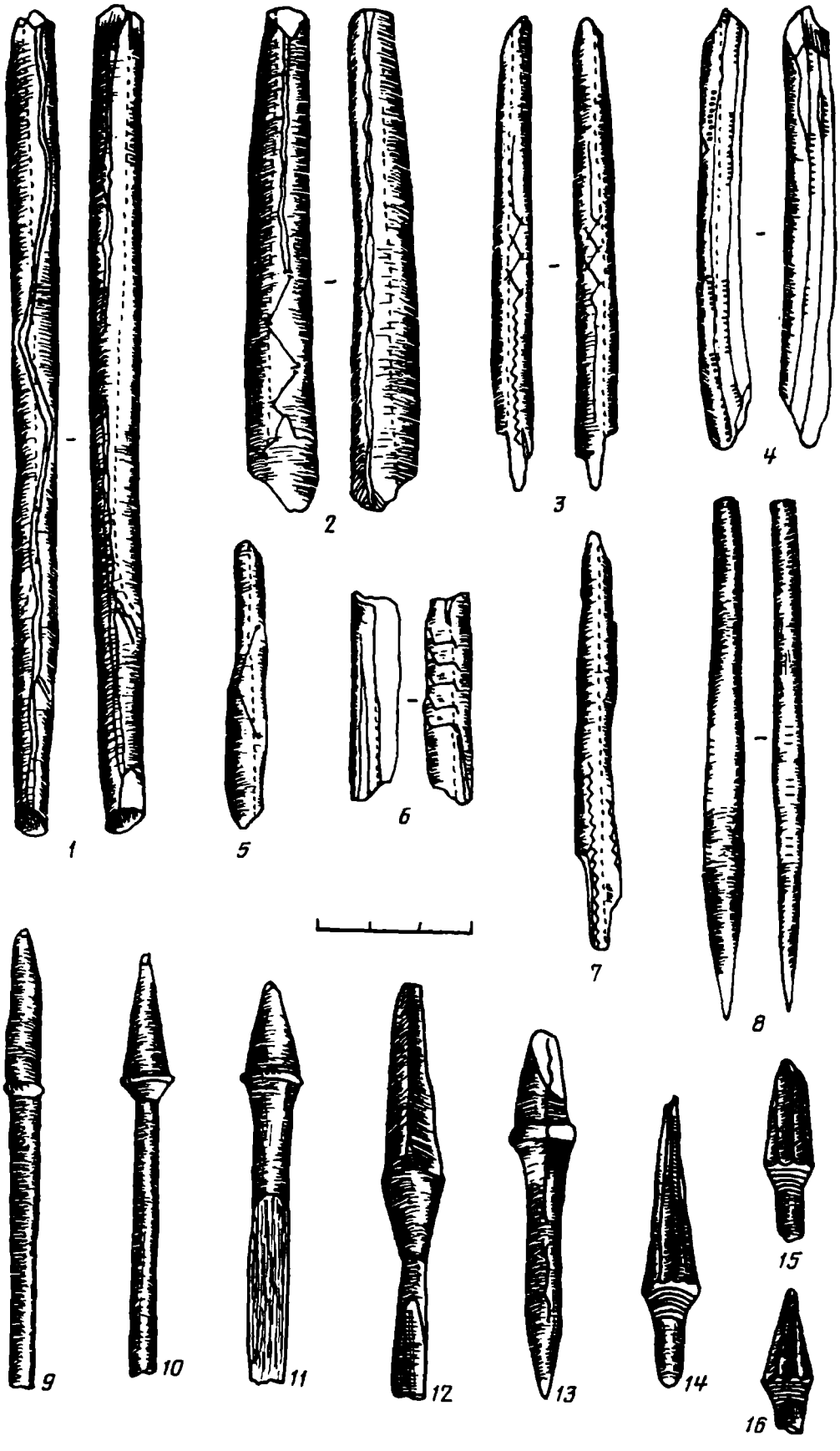


Рис. 11. Камень Дыроватый. Вкладышевые (*1–7*), игловидный (*8*) и биконические наконечники стрел (*9–16*)

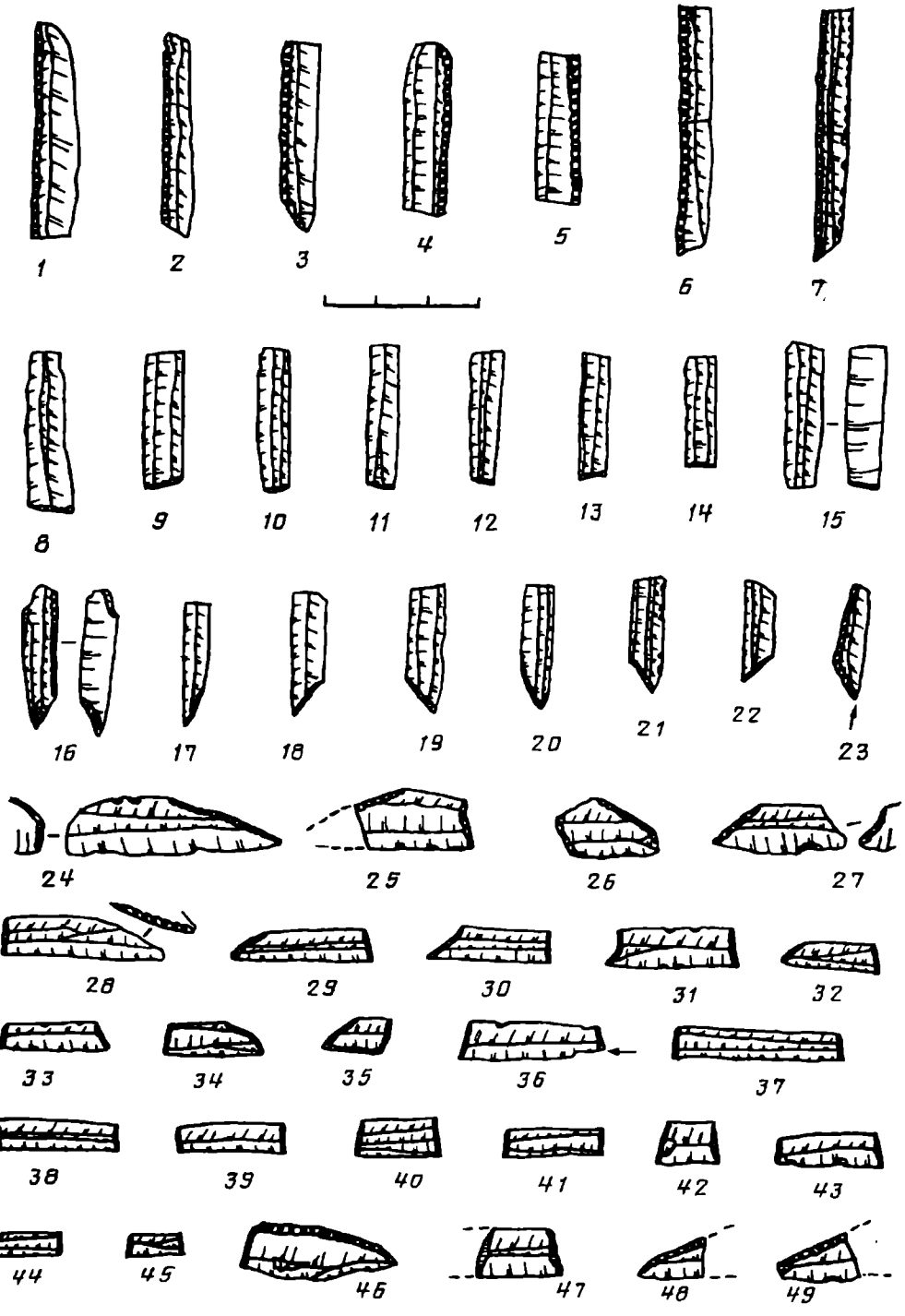


Рис. 12. Камень Дыроватый. Изделия на пластинах (*1–3* – пластинки с притупленной спинкой; *4–7* – пластинки с ретушью с брюшка; *8–15* – пластинки с притупленным ретушью концом; *16–23* – скошенные острия; *24–49* – геометрические микролиты)

Любопытна сырьевая характеристика пластинчатого комплекса. 71% пластинок изготовлен из разнообразных кремнистых сланцев. Из коричневого кремня хорошего качества изготовлено 8% пластинок. 10,5% пластинок изготовлено из разнообразных халцедонов, причем цветных халцедонов очень мало, а преобладают халцедоны светло-серых оттенков. 5,5% пластинок изготовлено из голокаменского алевротуфа, выходы которого и мастерская по его расщеплению находятся в 96 км на склоне горы Голый Камень в черте г. Нижнего Тягила (Сериков Ю.Б., 1988) (по рекам расстояние от святилища до мастерской по меньшей мере удваивается). И наконец, из

яшмы (сургучной, зеленой, полосчатой (красно-зеленой), светло-серой) изготовлено 3,5% пластинок. Сырьевая характеристика Среднего Зауралья и прилегающих территорий достаточно хорошо известна (Сериков Ю.Б., 1989), и уже по сырью можно судить, какую территорию обслуживало святилище на Камне Дыроватом. Мезолитическое население Тагильского Зауралья широко использовало темно-серые и черные кремнистые сланцы, реже применяло цветные халцедоны, голокаменский алевротуф, зеленоватые кремнистые сланцы. Еще реже – разные виды яшм, прежде всего бурой и сургучной. В Свердловском Зауралье наряду с темно-серыми кремнистыми сланцами широко были распространены кремнистые сланцы и халцедоны свето-серых оттенков. С территорией Среднего Приуралья можно связать происхождение коричневого (от темного до светлого) кремня, некоторых видов халцедона и кремнистых сланцев (прежде всего темно-серого и зеленоватого). Появление же на святилище изделий из полосчатой (красно-зеленой) (0,37%) и светло-серой (0,8%) яшмы следует относить к существованию эпизодических связей с населением Южного Урала, так как на территории Среднего Урала она практически не встречается (в отличие от яшмы сургучной и зеленой). Изучение сырья каменных наконечников поздних эпох предложенную картину нисколько не меняет, а лишь расширяет.

Особую группу находок (47 экз.) составляют предметы, которые мы относим в категорию культовых. Это 15 орнаментированных бронзовых наконечников скифского типа, причем всегда с укороченной втулкой (рис. 5, *1–3, 5, 6*). Чаще всего на них изображался косой крест (по всем граням). Имеются два костяных наконечника поздних эпох со знаками. На одном из них вырезан треугольник (рис. 5, *7*), на другом – круг (рис. 5, *8*). Сюда же относятся три обломка костяных изделий (не наконечников) с орнаментом (рис. 5, *9*), обработанный резец бобра (рис. 5, *11*) и шлифованная костяная пластинка с выемками для привязывания. Самой большой серией представлены разного рода подвески. Среди них две пронизки, одна бронзовая (рис. 5, *4*), другая из птичьей кости (рис. 5, *10*), просверленный клык лисицы, клык соболя или куницы с прорезанной канавкой для подвешивания (рис. 5, *14*), фаланга северного оленя с такой же канавкой, просверленная жаберная крышка крупной рыбы, три костяные подвески (рис. 5, *12, 13*), восемь костей животных с пробитыми отверстиями (среди них пять заячьих) (рис. 5, *15–21*) и шесть стеклянных бусин (одна из них склеена из двух половинок). Возможно, в эту же категорию культовых следует отнести так называемый "курий бог" – камень с естественным отверстием (рис. 5, *22*), окаменевший стебель морской лилии, два кристалла горного хрусталя и кусочки охры.

Непонятно появление в пещере галек (в основном кварцитовых) диаметром до 5 см. Возможно, часть из них являлась снарядами для пращи.

Также в пещере найдено много мелких обломков костяных наконечников, которые в статистических подсчетах не учитывались, но в коллекцию брались, так как существует теоретическая возможность реставрировать значительную часть сломанных при ударе о скалу наконечников и других изделий. В процессе обработки коллекции нами склеено: 1 железный, 1 бронзовый, 15 каменных и 30 костяных наконечников, 32 пластинки и бусина.

Видимо, необходимо упомянуть, что промывка земли из пещеры дала также большое количество дроби и свинцовых пуль – ружейных и малокалиберных. Следовательно, стрельба в пещеру продолжается и в наше время.

И наконец, при промывке земли из пещеры извлечены тысячи костей животных. Пока обработаны кости из раскопок 1988 и 1991 гг. Фаунистический список голоцена весьма обширный: лось, северный олень, лошадь, косуля, медведь, волк, лисица, соболь или куница, заяц, бобр, горный, белка, грызуны, птицы, рыба[1]. В количест-

---

[1] Фаунистический анализ проведен научным сотрудником Института экологии растений и животных УрОРАН Косинцевым П.А., которому выражаю глубокую благодарность за многолетнее сотрудничество. Кости птиц и рыб пока не определены.

венном отношении преобладают (в порядке убывания) кости северного оленя, зайца, лося, лошади, боба. Единичными находками представлены кости косули, волка, соболя или куницы, горностая.

Совершенно неожиданным результатом исследований явилось обнаружение костей животных эпохи плейстоцена. Пока их выявлено 104. Среди них кости северного оленя и зайца (преобладают), лошади и бизона (следующие по численности), сайги, песца и носорога (единичные).

Несмотря на то, что еще в 1935 г. Н.А. Прокошев определил Камень Дыроватый как новый тип жертвенного места, культовый обряд на котором состоял в стрельбе из лука в сторону пещеры, находящейся на большой высоте и человеку не доступной, памятник не привлек внимания археологов. Возможно, это было связано с тем, что в плане предложенной Н.А. Прокошевым датировки святилище, действительно, не является выдающимся. Неопубликованность комплекса и слабая изученность каменного века (прежде всего – мезолита) Среднего Урала способствовали возникновению самых превратных представлений об этом святилище. Так, например, А.В. Арциховский относил его к пьяноборской культуре и датировал II в. до н.э. – V в. н.э. (Арциховский А.В., 1954).

Современный уровень знаний позволяет отнести начало функционирования святилища к эпохе мезолита (VIII–VI тыс. до н.э.). Присутствие в пещере плейстоценовой фауны допускает возможность опустить нижнюю дату функционирования святилища до верхнего палеолита. Эта датировка зависит от определения способа попадания костей в пещеру. По мнению автора, кости крупных животных попали в пещеру, будучи привязаны к стрелам или надеты на них. Здесь следует отметить наличие двух аргументов против высказанного предположения: в древности человек или крупный хищник время от времени мог проникать в пещеру снизу или сверху. И второй: кости в пещеру были занесены пернатыми хищниками. Оба аргумента основаны фактически на одной идее – невозможности попадания в пещеру стрелой, утяжеленной куском мяса или костью. Поскольку вопрос очень важен для определения начальной даты функционирования святилища, приходится остановиться на нем подробнее.

1. Достаточно взглянуть один раз на пещеру лично, чтобы понять, что ни человек, ни животное снизу подняться в неё не сможет: отвесная скала, на которой расположена пещера, перед самым входом в нее имеет на протяжении 6–8 м отрицательный угол. Выхода на поверхность на вершине скалы и в окрестностях не обнаружено, даже засыпанного или в виде карстовой воронки. А если он был, он должен был бы просматриваться, так как от вершины скалы до пещеры 40 м по вертикали.

2. Кости мелких животных, бесспорно, могли попасть в пещеру при помощи пернатых хищников. Но вряд ли пернатым хищникам удалось бы поднять в пещеру кости крупных животных, таких, как носорог, бизон, лошадь, лось, северный олень и т.д. Да и фаунистический список не соответствует рациону питания пернатых хищников.

3. У подножья скалы наконечники стрел занимают пространство в 20–25 м вдоль скалы. Ареалы наконечников стрел и костей животных полностью совпадают. Этот факт убеждает в том, что и те, и другие попали к подножью скалы в результате одного и того же действия, а именно: в результате стрельбы из лука. Поэтому, если даже допустить, что пернатые хищники могли доставить в пещеру кости крупных млекопитающих, то собирали они их не со всей округи, а брали здесь же, у подножья скалы.

4. Проведенный выше анализ находок однозначно показывает присутствие в пещере только наконечников стрел. Исключение составляют 47 предметов культового назначения, попадание которых в пещеру при помощи стрел не должно, на взгляд автора, вызывать особых возражений (17 из них сами являются наконечниками, а на 25 присутствуют отверстия или выемка для привязывания). Полностью отсутствуют отходы обработки камня, орудия или керамика.

И наконец, последнее. Дискуссии на различных уральских конференциях показали, что большинство археологов не представляют, как стрела может лететь с куском мяса. Они забывают, что мезолитический костяной вкладышевый наконечник имел длину 20–27 см и диаметр 8–12 мм. К тому же он был утяжелен каменными вкладышами. Чтобы донести такой наконечник до цели, стрела должна была иметь соответствующую длину (около 120–150 см) и диаметр. А размеры лука должны были соответствовать размеру и весу стрелы. И действительно, найденные на I Висском торфянике деревянные луки эпохи мезолита имели длину от 134 до 156 см. А некоторые найденные на торфянике луки достигали длины 177, 255, 267 и даже 348 см (Ошибкина С.В., 1989). И даже если считать данные гигантские луки луками-самострелами, сам факт существования их очень важен для нас: в случае необходимости их могли использовать для доставки в пещеру стрелы с куском жертвенного мяса.

Наличие в пещере плейстоценовой фауны легче было бы объяснить, если бы в каменном и костяном инвентаре святилища удалось выделить наконечники палеолитического времени. И при продолжении исследований (а осталось доисследовать самые нижние, самые древние пещерные отложения) этот вопрос вполне может быть решен. Во всяком случае некоторые наконечники в виде широких треугольников с ровным основанием по технике изготовления и по сырью вполне соответствуют наконечникам стрелецкого типа, находки которых на территории Среднего Приуралья уже не единичны (устное сообщение Э.Ю. Макарова на мезолитическом совещании в Перми в декабре 1993 г.).

В пользу высказанного предположения о начале функционирования святилища в эпоху верхнего палеолита может свидетельствовать радиоуглеродная дата костей мелких млекопитающих – 13 757 ± 250 лет до нашего времени (ИЭМЭЖ – 1140) (Смирнов Н.Г., Улитко А.И., 1994). Эта дата определяет возраст бурого суглинка, насыщенного костями мелких животных и птиц. В этом же слое встречаются единичные вкладышевые наконечники мезолитического облика. По всей видимости, из-за малочисленности находок Н.А. Прокошев не вскрыл бурый слой до скального пола пещеры, так как видимых следов перекопа данный слой не имеет. Учитывая, что дата получена из средней части бурого слоя, возраст последнего может заметно удревниться. Нашими исследованиями затронута самая верхняя часть бурого слоя.

Проведенные исследования показывают, что святилище на Камне Дыроватом функционировало по меньшей мере 14 тыс. лет. Маловероятно, что на протяжении этого времени обряд культа оставался неизменным – стрельба из лука в направлении пещеры.

Внимательное изучение коллекций находок и данных раскопок позволило выявить целый ряд особенностей, которые дают возможность шире взглянуть на черты культа.

Объект стрельбы. Считается общепризнанным, что стреляли в пещеру. Именно оттуда получено 18 тыс. наконечников стрел. Но наши исследования 1982–1983 гг. показали, что большое количество наконечников находится и под пещерой. Некоторые из них имеют сломанные острия (т.е. после выстрела они ударились о скалу и упали на землю у ее подножья), но некоторые наконечники были найдены воткнувшимися в землю. Иногда в щели между двух камней находили по два-три воткнувшихся наконечника. Представляется невероятным, чтобы древний охотник, стреляя в целью диаметром около 8 м, мог ошибиться на 20 м и более. Следовательно, объектом стрельбы была не только пещера. Широких раскопок под пещерой пока не проводилось, но по материалам шурфов можно сказать следующее. Основным объектом стрельбы была все же пещера. Но в разные эпохи были и дополнительные объекты стрельбы: сама скала (т.е. "лицо идола") и ее подножье (где могли стоять деревянные идолы). В эпоху мезолита предпочитали стрелять в пещеру, а в раннем железе и средневековье большая часть стрел посылалась к подножью скалы.

Направление стрельбы. Его можно установить по воткнувшимся в землю или стены пещеры наконечникам стрел. Н.А. Прокошевым в стенках пещеры найдены десятки

наконечников. Он считает, что стрельба производилась с реки. Нами тоже найдено в стенках пещеры 16 наконечников: 3 железных, 2 бронзовых и 11 костяных. Из костяных 3 относятся к мезолиту, датировка 1 не ясна, а остальные датируются ранним железом и средневековьем. Один наконечник (железный) находился в скальном выступе перед входом в пещеру, еще один (костяной) торчал в потолке, в юго-западной стенке пещеры найден бронзовый наконечник, а все остальные обнаружены в расселинах северо-восточной стенки пещеры. Следует отметить, что перед пещерой река протекает почти строго с юга на север. Анализ вонзившихся наконечников показывает, что стреляли в основном действительно с реки. 13 наконечников пущено в пещеру при сплаве вниз по течению, 1 послан с поляны на противоположном берегу реки, еще 1 – от подножья скалы (стрелка застряла в потолке). Все наконечники попали в скалу, не пройдя высшей точки своей траектории полета. И только один бронзовый из северо-восточной стенки пещеры вонзился в скалу уже на излете. Это говорит о том, что стрелявший находился очень далеко от пещеры. Первоначальный анализ показывает, что стрела пущена при выходе из последнего поворота реки, когда пещера видна как небольшое темное пятно на светлой скале (примерно за 350–400 м) (рис. 1).

Наконечники стрел у подножья скалы залегали в разных позициях, остриями стягиваясь к какому-то объекту, находившемуся строго под пещерой. Следует отметить, что находка непотревоженных наконечников под пещерой и в ее стенках свидетельствует о том, что площадка и склон берега под пещерой были свободны от какой-либо растительности (сейчас они заросли лесом).

Таким образом, анализ угла залегания наконечников стрел показывает, что стрельба происходила с разных направлений: и сверху по течению, и снизу против течения, и с середины реки напротив пещеры, и с противоположного берега, и даже от подножья скалы. Необходимо добавить, что при продолжении исследований под кальцитовыми натеками северо-восточной стенки пещеры возможна находка невыявленных наконечников стрел (прежде всего – бронзовых).

Детали культа. Внешние черты культа на Камне Дыроватом в течение тысячелетий оставались неизменными – стрельба из луков в сторону пещеры. Но при неизменности основной черты культа в деталях обряд должен был иметь какие-то различия. И первые результаты в этом направлении уже получены.

В орнамент мезолитических наконечников часто втерта охра. Но есть мезолитические наконечники без малейших следов охры. С другой стороны, в коллекции присутствуют мезолитические и неолитические (биконические) наконечники стрел без орнамента, но с обильными следами натирания охрой. Пока не найдено ни одного мезолитического или неолитического наконечника со следами воздействия огня. А вот обожженные наконечники позднего времени (раннего железа и средневековья) присутствуют как в пещере, так и у подножья скалы. Большая часть выявленных культовых предметов также относится к поздним эпохам: бронзовые наконечники стрел с орнаментов, подвески (просверлены металлическим сверлом), стеклянные бусины, пронизки, монета. К каменному веку можно отнести клык соболя или куницы с круговой канавкой и просверленный клык лисицы (просверлен каменным сверлом). За каждой указанной деталью и находкой стоит какая-то особая черта культа, сущность которой еще предстоит выяснить.

Фаунистические остатки. Важную роль в реконструкции сущности культа могут сыграть кости крупных животных. При изучении фаунистической коллекции возникает много вопросов, ответы на которые могут дать не только биологи, но и археологи. Какие части тела крупных животных преобладают? Есть ли на крупных костях погрызы хищников? Если есть, то каких? Каково состояние крупных костей? Разломаны? Разгрызены? Разрублены? Есть ли в коллекции кости крупных животных со следами воздействия огня? Рассеяны ли кости крупных животных по всем слоям и по всей пещере? Имеются ли неоспоримые факты совместного залегания костей и наконечников стрел? К сожалению, ответов, на большинство поставленных здесь вопросов мы уже не получим: пещера раскопана почти полностью. Но изучение не тронутых

раскопками участков (а они в пещере есть) и раскопки у подножья скалы оставляют нам некоторые надежды.

В данной работе автор не пытался реконструировать сущность культа пещерного святилища на Камне Дыроватом. Разные исследователи будут по-разному интерпретировать сущность культа данного памятника (поражение стрелой духа зла; обеспечение успеха охоты; поклонение горам, скалам, пещерам; обычай принесения в жертву тех стрел, с которыми посчастливилось на охоте; ритуальное взаимодействие мужского и женского начал и т.п.). Однако подлинная сущность культа, видимо, навсегда останется нераскрытой. Завершение раскопок в пещере и у подножья скалы поможет выявить новые детали культа, которые позволят нам приблизиться к пониманию сущности данного святилища. Но не более того. Однако уже сейчас ясно, что несмотря на внешнее однообразие отправления культа, внутреннее его содержание в разные эпохи могло быть разным.

На Среднем Урале и за его пределами известно достаточно святилищ самого разного облика. Они различаются по топографии, набору находок и функциональному назначению. Наиболее известны из них так называемые "костища" (Шмидт А.В., 1932; Мельничук А.Ф., Оборин В.А., 1989), "писанцы" (Чернецов В.Н., 1971; Генинг В.Ф., 1954; Бадер О.Н., 1954), вершины гор (Берс Е.М., 1963, с. 14, 15, 80–84, 94; Кипарисова Н.П., 1948) и пещеры (Бадер О.Н., 1965; Гуслицер Б.И., Канивец В.И., 1965; Мурыгин А.М., 1987; Петрин В.Т., 1992; Петрин В.Т. и др., 1990; Чаиркин С.Е., 1989). Но пещерное святилище на Камне Дыроватом отличается от прочих пещерных святилищ и по топографии, и по набору находок, и по продолжительности функционирования, и, видимо, по своему назначению.

Река Чусовая – это своеобразный уникум, это единственная река, пересекающая Уральский хребет с востока на запад. Начинается она из оз. Сурны Челябинской обл., 700 км протекает по территории Челябинской, Свердловской и Пермской областей и впадает в р. Каму в районе г. Перми. И вот в среднем течении этой уникальной реки, связывающей восточный и западный склоны Урала, и расположено святилище на Камне Дыроватом. Географическое расположение святилища, наличие в пещере наконечников стрел различных типов, бытовавших как на восточном, так и на западном склоне, а также анализ каменного сырья, поступавшего из разных районов Урала, позволяют рассматривать его как межплеменное святилище. По продолжительности функционирования, по обилию и содержанию находок святилище на Камне Дыроватом не имеет аналогов не только на территории России, но и во всем мире. Так что вполне допустимо, что святилище принадлежало целой группе племен, занимавших обширную территорию от истоков до устья р. Чусовой, а возможно, и больше. Также не исключено, что появление других археологических памятников вблизи святилища непосредственно связано с его культом, например, богатейшее неолитическое погребение шамана или вождя из грота на Камне Дождевом и святилище раннего железного века с культом огня из этого же грота (6 км от Камня Дыроватого) (Сериков Ю.Б., 1993б). Ранняя дата начала функционирования святилища на Камне Дыроватом позволяет ставить его в один ряд со святилищами в Каповой и Игнатьевской пещерах, которые имеют даты в пределах от 13,5 до 14,5 тыс. лет назад (Петрин В.Т., 1992, с. 138). Но эти святилища использовались только в конце палеолита, тогда как святилище на Камне Дыроватом продолжало функционировать вплоть до средневековья.

Учитывая уникальность святилища на Камне Дыроватом, можно предполагать, что также уникальна, не имеет аналогов и первопричина его функционирования. Возможно, эта причина скрывается в облике скалы, в "лице идола". Но может быть, она до сих пор таится у подножья скалы и ждет своего открытия. Первопричиной могло быть погребение или наскальная живопись очень давних времен. Но какой бы она ни была, она ни разу больше не повторилась ни в одном из известных пещерных святилищ.

В данной статье автор смог только кратко представить проблематику и основные направления дальнейших исследований. Продолжение полевых исследований, обра-

ботка и публикация коллекций святилища потребуют много времени, значительных финансовых затрат и усилий большого числа специалистов. Но памятник того заслуживает. Поэтому данную статью автор предлагает рассматривать как призыв к научным учреждениям страны и зарубежья для продолжения уже совместных комплексных исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Авдусин Д.А., 1977. Археология СССР. М.

Арциховский А.В., 1954. Основы археологии. М.

Бадер О.Н., 1954. Жертвенное место под Писаным камнем на р. Вишере // СА. Т. XXI.

Бадер О.Н., 1965. Капова пещера. М.

Берс Е.М., 1963. Археологические памятники Свердловска и его окрестностей. Свердловск.

Генинг В.Ф., 1954 Наскальные изображения Писаного камня на р. Вишере // СА. Т. XXI.

Гулящер Б.И., Канивец В.И., 1965. Пещеры Печорского Урала. М.; Л.

Канивец В.И., 1964. Канинская пещера. М.

Кипарисова Н.П., 1948. Жертвенное место на Голом Камне // Первое Уральское археологическое совещание. Молотов.

Мельничук А.Ф., Оборин В.А., 1989. Новые исследования Гремячинского поселения-святилища // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар.

Мурыгин А.М., 1987. Древнее святилище в Эшмесской пещере // Материальная и духовная культура населения Европейского Северо-Востока. Сыктывкар.

Ошибкина С.В., 1989. Мезолит центральных и северо-восточных районов Севера Европейской части СССР // Мезолит СССР. М.

Петрин В.Т., 1992. Палеолитическое святилище в Игнатьевской пещере на Южном Урале. Новосибирск.

Петрин В.Т., Широков В.Н., Чаиркин С.Е., 1990. Древнее святилище во 2-й Серпиевской пещере на Южном Урале // Семантика древних образов. Первобытное искусство. Новосибирск.

Постоногов Е.И., Постоногов Ю.И., 1980. По Чусовой. Свердловск.

Прокошев Н.А., 1934. Разведки на Чусовой // ПИДО. № 2.

Прокошев Н.А., 1935. Район реки Чусовой // ИГАИМК. Вып. 109.

Сериков Ю.Б., 1988. Голокаменская мастерская и ее место в мезолите Среднего Зауралья // СА. № 4.

Сериков Ю.Б., 1989. Производящие формы труда населения Среднего Зауралья в каменном веке // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. Свердловск.

Сериков Ю.Б., 1993а. Новые находки на Чусовой // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. Тез. докл. XII Уральского археологического совещания. 19–22 апреля 1993 г. Екатеринбург.

Сериков Ю.Б., 1993б. Исследования грота на Камне Дождевом (р. Чусовая) // ВАУ. Вып. 21.

Смирнов Н.Г., Улитко А.И., 1994. Фауна из плейстоценового слоя пещеры "Дыроватый Камень" // II Берсовские чтения. Матер. науч. конф. Екатеринбург.

Чаиркин С.Е., 1989. Исследования в Лобвинской (Шайтанской) жертвенной пещере // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар.

Чернецов В.Н., 1971. Наскальные изображения Урала // САИ. Вып. В4–12. М.

Шмидт А.В., 1932. Жертвенные места Камско-Уральского края // Изв. ГАИМК. Т. XIII. Вып. 1–2.

Нижнетагильский государственный
педагогический институт

J.B. SERIKOV

KAMEN DYROVATY, A UNIQUE SANCTUARY ON THE TCHUSOVAYA RIVER (first results of research)

Summary

The Tchusovaya river is the only river that crosses the Urals from east to west. In the middle of the river at a height of 20 m. there is cliff Kamen Dyrovaty with a cave (fig. 1) that was used as a sanctuary for a long period. 18,000 stone, bone, bronze and iron arrow-heads have been already found during the excavation in the cave (fig. 2–8). Worship artifacts such as bronze ornamented arrow-heads, different pendants made of bone, bronze and animal teeth, glass beads

(fig. 10) form a special group of finds. The tite was a bow shooting towards the cave. The sanstuary existed from the Mesolithic to the Late Middle Ages. The Pleistocene fauna that have been found in the cave make it possible to date the early period of the sanctuary to the Late Upper Palaeolithic. The radiocarbon analyses and analyses of rodent teeth give the date of about 14,000 years ago. This early dating testifies to the fact that Kamen Dyrovaty sanctuary belongs to the same group as the sanctuaries in Kapova and Ignatjevskaya caves. These caves are 13,500–14,500 years old. Therefore a number of factors such as geographic position, topography, types and number of finds, an early dating, a long period of existance, and details of the worship testify to the fact that Kamen Dyrovaty cave sanctuary is unique. Studies of the sanctuary have stopped temporary because of financial difficulties, but they should be continued in collaboration with the well known Russian and foreign specialists.

М.В. КОЗЛОВСКАЯ

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СКЕЛЕТНЫХ МАТЕРИАЛОВ ИЗ СКИФСКИХ КУРГАНОВ СРЕДНЕГО ДОНА*

Анализ антропологических материалов из археологических памятников, оставленных скифскими племенами, играет известную роль в решении узловых вопросов истории скифского мира. В дискуссии по поводу автохтонного, центральноазиатского или переднеазиатского происхождения скифов используются наблюдения Г.Ф. Дебеца (Дебец Г.Ф., 1948, с. 78), изучавшего краниологические особенности скифских серий. Многочисленные антропологические материалы из раскопок скифских памятников с территории Украины также обработаны в русле классического краниологического описания (Кондукторова Т.С., 1972, с. 21). Методы краниологических исследований позволяют решать в основном этногенетические задачи.

В последние годы в мировой палеоантропологической практике широко используются самые разнообразные методы скелетной биологии. В арсенале этого научного направления существуют методические приемы и методологические подходы, позволяющие извлекать из палеоантропологических материалов более обширную информацию, не ограничиваясь анализом краниологических признаков. Новые методы предполагают подробное описание полного объема антропологических материалов с характеристикой физиологических особенностей, патологических проявлений, реконструкцией основных видов физической нагрузки и пр. Краниологические исследования можно проводить лишь на сериях черепов удовлетворительной сохранности. Методы же скелетной биологии позволяют описывать особенности индивидуума, а не только групповые и работать с фрагментарными материалами плохой сохранности. Плохая сохранность материалов, конечно, резко ограничивает объем получаемых после палеоантропологического анализа данных, но все же не исключает их полностью.

Цель настоящей небольшой работы – характеристика немногочисленных антропологических материалов из скифских курганных погребений Среднего Дона. Использованы материалы А.И. Пузиковой из раскопок могильника Дуровка Белгородской обл. и В.И. Гуляева из могильника Терновое Воронежской обл. Могильники датируются концом V–IV в. до н.э. Курганные погребения – погребения элитарные, характеризующие своеобразие не всего населения, а его социальной верхушки. Уже одно это обстоятельство заставляет с известными оговорками использовать палеопопуляционный подход к анализу этого материала.

Как исходный материал для дальнейшего анализа приведем индивидуальные описания скелетных материалов.

Могильник Дуровка, курган 15, костяк 1. Сохранность черепа не позволяет проводить каких-либо измерений. Из описательных признаков следует отметить массивность костей черепа, значительное развитие рельефа, особенно в затылочной области. Степень облитерированности[1] швов позволяет считать, что индивидууму было более

* Работа выполнена в рамках проектов: "Историческая экология человека. Методика биологических исследований" (№ 96-06-80278, РФФИ); "Исторические реконструкции в палеоантропологических исследованиях" (96-01-00493, РГНФ).

[1] Зарастания швов с внутренней и наружной сторон черепа.

© М.В. Козловская, 1996 г.

пятидесяти лет. В антропологической практике существует ряд признаков – индикаторов физиологического стресса (Бужилова А.П., 1995, с. 47). Физиологический стресс – сильное негативное воздействие на организм (болезнь, физическое перенапряжение, недоедание и пр.), которое было столь значимым, что организм был вынужден дать компенсирующий ответ. Следы этих реакций организма, отразившихся на скелетной системе, и являются индикаторами физиологического стресса. Ни одного из таких признаков стресса здесь не обнаружено. Прежде всего это свидетельствует о том, что в детстве этот индивидуум не переносил биологически значимых стрессов (сильных заболеваний, голодания, авитаминозов и пр.).

Описание развития костного рельефа информирует об интенсивности работы определенных мышц. На черепе индивидуума 1 из кургана 15 обнаружены значительная остеокластическая и остеобластическая[2] реакции костной ткани (с преобладанием последней), вызванные интенсивным использованием шейных мышц.

Из патологических проявлений на черепе на внутренней стороне лобной кости отмечены значительные остеокластические реакции, которые могли быть вызваны длительным бактериальным поражением. Также на внутренней поверхности лобной кости отмечены складчатые вздутия, ассоциируемые со злокачественными опухолями. Однозначно ответить на вопрос, было ли именно это заболевание причиной смерти, не представляется возможным.

Посткраниальный скелет (длинные кости конечностей) характеризуется умеренной массивностью, значительным развитием рельефа, особенно на бедренных костях и костях предплечья. Явных патологических проявлений не обнаружено. Имеет место общая возрастная поротизация[3].

Краткий обзор этих особенностей позволяет судить о том, что данный индивидуум мужского пола умер в возрасте, превышающем пятидесятилетний; в течение длительного времени он испытывал значительные физические нагрузки, которые, однако, не привели к развитию различных патологий. Характер развития костного рельефа позволяет считать, что все интенсивно работавшие мышцы относятся к комплексу всадника. Судя по всему, качество жизни этого человека было вполне удовлетворительным. Нельзя не отметить, что сочетание таких признаков, как высокий возраст смерти, отсутствие следов биологически значимых физиологических стрессов, общее физическое развитие, позволяет сделать предположение о том, что данный индивидуум занимал высокое социальное положение.

Могильник Дуровка, курган 15, костяк 2. Сохранность фрагментов черепа такова, что проводить реставрацию и измерения невозможно. Кости свода черепа массивны, надглазничный рельеф (балл 1), рельеф в области надпереносья и затылочный рельеф развиты значительно (баллы 2–3). На черепе обнаружен ряд индикаторов физиологического стресса. Это и легкая поротизация в области внутреннего края глазницы и затылочной кости, вокруг большого затылочного отверстия, ушных ходов. Эмалевая гипоплазия[4] обнаружена на верхней челюсти; локализация максимального развития дефекта эмали на короке коренных и предкоренных зубов позволяет считать, что в возрасте 3–4 лет индивидуумом был перенесен сильный физиологический стресс.

Костный рельеф в затылочной области развит значительно, что является следствием постоянных нагрузок на шейные мышцы. На внутренней стороне лобной и теменных костей также присутствуют резорбированные[5] участки, что могло быть вызвано длительным воспалением бактериальной природы.

[2] В основе любой перестройки костной ткани заложен процесс разрушения старой структуры и создания новой. Функцию "разрушения" костной ткани выполняют клетки-остеокласты. Соответственно процесс, результатом которого является рассасывание участков костной ткани, называется остеокластическим. Остеобласты – клетки, создающие новую костную ткань. Процесс, приводящий к образованию новых участков кости, называется остеобластическим.

[3] Пороз – разрежение структуры костной ткани.

[4] Эмалевая гипоплазия – морфологические дефекты эмали зубов.

[5] Резорбция – процесс рассасывания костной ткани.

Сумма признаков позволяет считать, что этот индивидуум мужского пола умер в возрасте, превышающем пятидесятилетний.

Посткраниальный скелет. Длинные кости конечностей отмечает общая массивность. Рельеф развит значительно, особенно на бедрах и костях предплечья. Отмечаются выраженная остеобластическая реакция в приэпифизарных областях на костях ног и общая возрастная поротизация на всех длинных костях. На правой головке правой бедренной кости обнаружены значительные костные разрастания, изменения суставной поверхности тазобедренного сустава, что не только вызывало сильные боли, но и значительно ограничивало подвижность ноги. Интересно, что Гиппократ отмечает: "Верховая езда, при которой ноги постоянно висят по бокам лошади, производит у них опухоли; затем при сильном развитии этой болезни является растяжение бедер и хромота", и далее, "...где много и часто ездят верхом, там очень многие страдают опухолями, ломотою в бедрах и подагрою" (текст Гиппократа цитируется по хрестоматии: "Скифы", Кузнецова Т.М., 1992, с. 88, 91).

Обобщая все фрагментарные сведения о данном индивидууме, можно сказать, что этот человек также дожил до возраста, не столь часто встречающегося в этот исторический период. На протяжении жизни он испытывал значительные физические нагрузки, причем их характер хорошо увязывается с комплексом физических нагрузок всадника. Качество жизни по сравнению с первым индивидуумом не столь высокое, но все же его следует расценивать как достаточно высокое для данного исторического периода.

Могильник Дуровка, курган 16. Сохранность черепа и посткраниального скелета очень плохая и не позволяет проводить каких-либо измерений. По сравнению с морфологическими особенностями индивидуумов из кургана 15 данный скелет не массивен. Судя по состоянию облитерации швов черепа, зубной системы и суставных поверхностей длинных костей конечностей, фрагменты относятся к женщине возраста 30–35 лет. Костный рельеф развит слабо, в частности, на черепе, что свидетельствует в пользу того, что значительных физических нагрузок не было. Анализ скелетных останков женщины из кургана 16 не дает оснований предполагать, что она была всадницей (амазонкой). Сохранность материала не позволяет в необходимой мере оценить выраженность последствий стрессов. Однако хорошее состояние зубной системы (полное отсутствие кариеса, отсутствие эмалевой гипоплазии) может свидетельствовать о высоком качестве жизни, отсутствии значительных голодовых стрессов, хронических заболеваний.

Могильник Дуровка, курган 19, костяк 1. Сохранность фрагментов костей черепа также пригодна лишь для проведения описаний. Кости черепа умеренно массивны. Рельеф в надглазничной области, области надпереносья и затылочный развит слабо (баллы 0). На зубах (резцах и клыках) обнаружена эмалевая гипоплазия – морфологический дефект эмали, свидетельствующий о перенесении значительных физиологических стрессов в детском возрасте. Также отмечается значительная стертость эмали до дентина практически по всему зубному ряду. На верхней челюсти – следы длительного воспалительного процесса, проявившиеся в значительной поротизации кости.

Посткраниальный скелет. Длинные кости конечностей не массивные, рельеф выражен слабо, суставные поверхности руки и ноги лишены видимых возрастных и патологических изменений. На грудных позвонках – следы остеопороза.

Сумма признаков половозрастной диагностики на черепе и посткраниальном скелете позволяет данный костяк отнести к женщине 30–35 лет. Общее состояние здоровья ее можно охарактеризовать как неблагополучное. Столь сильная степень стертости зубной эмали свидетельствует об употреблении грубой пищи. На основании незначительного развития костного рельефа можно судить о том, что сильных и регулярных физических нагрузок эта женщина в течение жизни не переносила.

Могильник Дуровка, курган 19, костяк 2. Череп и посткраниальный скелет. Крайне фрагментарные материалы относятся к подростку 12–14 лет (судя по степени про-

резывания и сформированности коренных зубов). Определение возраста по зубам делалось по схеме Убелакера (Ubelaker D.H., 1978, p. 112). На зубах обнаружены легкие, но многочисленные проявления эмалевой гипоплазии. На внутренней поверхности орбиты отмечена специфическая поротизация (cribra orbitalia), на теменных костях – поротизация поверхностных слоев кости. Эти признаки свидетельствуют о том, что организм переносил значительные физиологические стрессы, возможно, связанные с недоеданием, а также длительное заболевание бактериальной природы (Бужилова А.П., 1995, с. 21). Степень развития надглазничного рельефа и рельефа в области надпереносья позволяет предполагать, что это подросток мужского пола.

Могильник Дуровка, курган 19, костяк 3. Фрагменты черепа относятся к ребенку в возрасте 6–8 лет. В этом возрасте проводить половую диагностику довольно сложно. Но ориентируясь на развитие надглазничного рельефа, можно предположить с небольшой вероятностью, что это был мальчик. Плохая сохранность практически не позволяет делать какие-либо описания.

Таким образом, курган 19 – захоронение женщины средних лет и двух детей разного возраста.

Могильник Дуровка, курган 20. Из черепа сохранились лишь фрагмент верхней челюсти и зубы. На зубах не обнаружена эмалевая гипоплазия. Фрагменты бедра, ключицы, таза позволяют предположить, что костяк относится к мужчине 30–35 лет. Костный рельеф на бедре развит значительно.

Плохая сохранность материала не дает возможности провести сколько-нибудь полное описание индивидуума в целом. Однако следует обратить внимание на отсутствие эмалевой гипоплазии как следствие благополучного состояния здоровья в детстве.

Могильник Дуровка, курган 22. Сохранились лишь 8 зубов (резцы и коренные верхней челюсти), поэтому половая диагностика затруднена. Однако размеры зубов столь миниатюрны, что можно предполагать, что они принадлежат женщине. Следов гипоплазии не обнаружено. Судя по степени стертости зубов, возраст индивидуума мог составлять 35–40 лет. Этот возраст может быть завышен, так как ранняя стертость зубов возможна при употреблении грубой, жесткой, как правило, растительной пищи.

Могильник Дуровка, курган 23. Фрагменты черепа позволяют судить о незначительной степени выраженности надглазничного рельефа (I), рельефа в области надпереносья и затылочного рельефа (0–I), (I), череп не массивен. В области прикрепления шейных мышц выражена четкая остеобластическая реакция поверхности кости. Из индикаторов физиологического стресса отмечена легкая, практически следовая эмалевая гипоплазия всего зубного ряда. Зубная система в очень хорошем состоянии.

Посткраниальный скелет. Длинные кости конечностей массивные. На бедрах значительно развит рельеф. На рукоятке грудины в месте прикрепления ключицы обнаружены значительные остеокластические реакции, которые могли быть вызваны значительными физическими нагрузками на пояс верхних конечностей. В области прикрепления первого ребра отмечена значительная поротизация, что можно связывать с длительным воспалительным процессом.

Сумма признаков половозрастной диагностики указывает на то, что данный костяк относится к мужчине 25–30 лет. У него достаточно ярко выражены признаки развития рельефа, предположительно связанные с регулярной верховой ездой и дополнительными нагрузками на верхний пояс конечностей (стрельба из лука?). Практическое отсутствие явных последствий физиологического стресса позволяют считать, что качество жизни этого индивидуума было достаточно высоким.

Низкая численность материала из могильника Дуровка не позволяет делать какие-либо статистически обоснованные выводы. Однако и на примере погребений из пяти курганов не трудно заметить явное преобладание мужских индивидуумов по сравнению с женскими (4:2). На всех мужских скелетах обнаружены следы значительных физических нагрузок, которые могут ассоциироваться с верховой ездой. У женщин

таких признаков не обнаружено. Половозрастной состав курганных захоронений с множественными погребениями показывает сложность и поливариантность погребальных традиций скифов, к реконструкции которых подойти чрезвычайно трудно. Женские скелеты не имеют ярко выраженных признаков всадниц.

Могильник Терновое, курган 7. Обнаружены фрагмент бедренной кости, средняя фаланга, а также один молочный зуб. Рассмотрение этих фрагментов позволило судить о том, что в кургане было захоронение женщины возраста 30–35 лет и ребенка 4–6 лет. Определения пола и возраста проводились на основании методики дифференциальной диагностики по остеологическим материалам (Ubelaker D.H., 1978, p. 53) и методики определения возрастного остеоморфного статуса (Павловский О.М., 1986, с. 210). Столь фрагментарный материал не дает основания для каких-либо описаний.

Могильник Терновое, курган 3, погребение 2. Обнаружены многочисленные фрагменты черепа и посткраниального скелета. Плохая сохранность практически не позволяет проводить измерения. Степень прорезывания зубов, облитерированность швов, состояние суставных поверхностей длинных костей, состояние сочленованных поверхностей лобкового симфиза позволяют определить возраст индивидуума как 18–20 лет. Облик черепа и длинных костей конечностей не оставляет сомнения, что это была женщина. Индикаторов физиологического стресса (эмалевой гипоплазии и специфической поротизации внутренней поверхности глазницы) на черепе не обнаружено. Заметное развитие костного рельефа присутствует лишь на левом плече. На фрагментах костей ноги и костей предплечья рельеф не развит. Перечисленные фрагментарные сведения дают основание предполагать, что общее качество жизни данного индивидуума было достаточно высоким. Нет ярко выраженных признаков того, что эта женщина регулярно переносила интенсивные физические нагрузки.

Могильник Терновое, курган 4, погребение 1. Фрагменты черепа и ребро. Состояние черепных швов и степень сформированности основного зубного ряда дают основания определить возраст индивидуума – 12–14 лет. Определение половой принадлежности в этом возрасте только по черепу затруднено. Обнаружены множественные проявления гипоплазии эмали, что является свидетельством неоднократных физиологических стрессов, перенесенных оганизмом в возрасте до одного-двух до семи лет.

Могильник Терновое, курган 5, погребение 1. Обнаружены многочисленные фрагменты черепа. Степень облитерированности швов, состояние зубной системы позволяют определить возраст как 20–25 лет. Череп грацильный без выраженного рельефа в надглазничной, затылочной областях, надпереносье. Его облик характерен для женских черепов. Эмалевой гипоплазии и cribra orbitacia не обнаружено. Обращает на себя внимание поротизация лобной кости в области надглазничного рельефа, надпереносья, лобных бугров. Лобные и теменные бугры чрезвычайно выражены, что зачастую бывает связано с комплексом проявлений рахита – одного из системных заболеваний дистрофической природы.

Могильник Терновое, курган 7, погребение 1. Обнаружены многочисленные фрагменты черепа, длинных костей конечностей, ребра, грудина, лопатки. Череп умеренной массивности, надглазничный рельеф – I и рельеф в области надпереносья – III, в затылочной области – I. В месте развития надглазничного рельефа обнаружена значительная поротизация поверхности кости. Эмалевой гипоплазии и cribra orbitalia не обнаружено. Затылочный рельеф развит умеренно, но остеобластическая реакция в месте прикрепления шейной мускулатуры выражена ясно. Облик черепа и состояние швов и зубной системы позволяют считать, что в кургане находились останки мужчины в возрасте 30–35 лет.

Посткраниальный скелет можно характеризовать как умеренно массивный. Костный рельеф развит значительно (2) на бедре, плече, локтевой и лучевой костях, лопатке. Примечательна обнаруженная сильная остеокластическо-остеобластическая реакция (с преобладанием первой) на рукоятке грудины. Такая реакция могла быть вызвана очень сильными физическими нагрузками на пояс верхних конечностей. Это же подтверждается и значительным развитием рельефа (2) акромиального отростка

лопатки. Суставные поверхности длинных костей конечностей не несут признаков возрастной постдефинитивной[6] изменчивости. Значительные патологические проявления обнаружены на 1–3 ребрах. На внутренней медиальной стороне выражены следы сильного пороза, то же наблюдается в месте прикрепления ребер. Эти особенности свидетельствуют об имевшем место остром воспалительном процессе, который мог и быть причиной смерти. Сводя характеристики развития рельефа вместе, можно сделать вывод о том, что данный индивидуум в течение жизни испытывал значительные физические нагрузки, особенно на верхний пояс конечностей. Все особенности, типичные для людей, интенсивно занимающихся верховой ездой, достаточно выражены у данного индивидуума. Особенности признаков половозрастной диагностики на посткраниальном скелете подтверждают выводы, полученные при описании черепа: мужчина 30–35 лет.

Раскопки могильника Терновое, расположенного в Острогожском р-не Воронежской обл., были начаты в 1993 г., и в настоящее время памятник исследован далеко не полностью. На основании этого невозможно судить о демографической структуре палеопопуляции. К тому же, как упоминалось, скифские курганные могильники скорее всего не являются палеопопуляций в строгом смысле этого слова (Алексеев В.П., 1993, с. 13, Медникова М.Б., 1995, с. 9). Таким образом, все следующие замечания носят чисто гипотетический характер и будут дожидаться доказательств до времени исчерпывающего сбора материала.

При общем описании материалов из могильника Терновое обращает на себя внимание низкий возраст смерти – индивидуума старше 30–35 лет не обнаружено. Из пяти описанных погребений – три женских, одно – подростка и одно – взрослого мужчины. То обстоятельство, что специфическая поротизация внутренней поверхности глазницы (cribra orbita – lia) не обнаружена ни у одного индивидуума и проявления эмалевой гипоплазии – лишь у одного, является фактом в пользу мнения об относительно высоком качестве жизни этих людей. Единичные наблюдения позволяют предположить различия в уровне и характере физических нагрузок у мужчин и женщин. Если на мужском скелете явно выражены признаки – индикаторы значительных физических нагрузок, то на женских скелетах этого практически не наблюдается. Эти замечания могут быть использованы в качестве дополнительных источников при реконструкции социальной специфики исследуемых скифских племен. Известно, что племена скифского мира имели самые разнообразные варианты социального устройства (Хазанов А.М., 1975, с. 99). Ярко описан у Геродота, Гиппократа, Николая Дамасского и пр. феномен амазонок, столь экзотичный для некочевого мира. В наиболее полном виде он отмечен у савроматов, но встречается и у ряда скифских племен. Амазонки наравне с мужчинами занимались верховой ездой, стрельбой из лука, метанием дротиков и пр. В другом варианте женщины участвуют в боевых действиях лишь в случае общей войны, а в остальное время кочуют в кибитках и выполняют работу по ведению домашнего хозяйства. Женские погребения из могильника Терновое непременно сопровождались оружием, поэтому есть основания считать женщин включенными в практику военных действий, однако имеющиеся в нашем распоряжении к настоящему времени антропологические материалы дают больше оснований полагать, что "амазонская традиция" в наиболее полном виде не была характерна для племени, оставившего могильник Терновое.

Аналогичное предположение можно сделать и в отношении интерпретации результатов описания могильника Дуровка. Для антропологических материалов из двух могильников характерен ярко выраженный половой диморфизм: женщины значительно менее массивны, чем мужчины. Значительная массивность костяка – черта, характерная для населения степи в целом. Объяснить природу явного полового диморфизма в массивности скелета в настоящее время невозможно по причине плохой

[6] Постдефинитивные возрастные изменения скелета – возрастные изменения в структуре различных отделов скелета, которые появляются после окончания процессов роста и созревания организма.

сохранности материала. Характеристикам проявлений полового диморфизма следует придавать особое внимание при работе с антропологическими материалами из скифских погребений. Геродотом, Гиппократом, а также другими античными и римскими авторами описан феномен женоподобных мужчин. Проявления женоподобия отмечены именно для людей высокого социального ранга (Хазанов А.М., 1975, с. 112; Дюмезиль Ж., 1990, с. 168). В настоящее время, видимо, верным следует признать, что обнаружение этого феномена возможно лишь методами подробной палеоантропологической экспертизы.

Давая общую характеристику качества жизни населения, оставившего могильники Дуровка и Терновое, следует считать его достаточно высоким, что лишний раз подтверждает высокий социальный статус погребенных в курганах. Наименее благополучное состояние здоровья в обоих могильниках отмечено для детей и подростков.

Таким образом, краткое описание фрагментарных материалов из двух скифских могильников бассейна Среднего Дона наметило подходы к антропологическому анализу материалов плохой сохранности[7], но чрезвычайно ценных в контексте комплексного изучения археологических памятников. Подробные индивидуальные описания дают информацию для изучения образа жизни исследуемого населения, а именно реконструкции основных видов деятельности, качества жизни, социальной значимости возраста и пола. Анализ некоторых морфологических особенностей адаптивной природы (массивности скелета, пропорций конечностей) также является инструментом этногенетических исследований. Сбор информации об основных видах заболеваний, присущих этому населению, поможет выделить направление воздействия основных неблагоприятных внешних факторов как природной, так и социальной среды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев В.П., 1993. Очерки экологии человека. М.

Бужилова А.П., 1995. Древнее население: палеопатологические аспекты исследований. М.

Дебец Г.Ф., 1948. Палеоантропология СССР. М.; Л.

Дюмезиль Ж., 1990. Скифы и Нарты. М.

Кондукторова Т.С., 1972. Антропология древнего населения Украины. М.

Кузнецова Т.С., 1992. Скифы: хрестоматия. М.

Медникова М.Б., 1995. Древние скотоводы Сибири: Палеоэкологическая реконструкция по данным антропологии. М.

Павловский О.М., 1986. Биологический возраст человека. М.

Хазанов А.М., 1975. Социальная история скифов. М.

Ubelaker D.H., 1978. Human skeletal remains. Chicago.

Институт археологии РАН,
Москва

M.V. KOZLOVSKAYA

ANTHROPOLOGICAL ANALYSIS OF THE SKELETONS FROM THE SCYTHIAN BARROWS IN THE MIDDLE DON REGION

Summary

The analysis of the anthropological materials from the Scythian burial hills is significant for the history of the Scythians. Modern methods of skeletal byology make it possible to reconstruct some physiological peculiarities, physical jobs, pathological conditions. The anthropological materials from the Scythian monuments of the Middle Don river region are discussed in this article. Due to the poor preservation of the materials we are only able to provide their descriptions. These descriptions allow us to determine horse-riders skeletons. There are no signs on the female skeletons that attest to the fact that these women rode horses.

[7] Первый опыт проведения подробной экспертизы антропологических материалов лишь демонстрирует возможности методики применительно к проблематике исследования. По этой причине автор сознательно ограничивает себя в проведении аналогий и сравнений.

В.И. МОРДВИНЦЕВА

ФАЛАРЫ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ БЕЛЛЕРОФОНТА ИЗ САРМАТСКОГО ПОГРЕБЕНИЯ У СЕЛА ВОЛОДАРКА В ЗАПАДНОМ КАЗАХСТАНЕ

Большинство раннесарматских комплексов с богатыми украшениями конской упряжи происходит с территории Северо-Западного Причерноморья (Щукин М.Б., 1994, рис. 51а-б; Fettich N.,1953, abb. 1,2, 4–12; Allen D.F., 1971, pl. XVIb), Северного Причерноморья и Подонья (Гущина И.И., 1961, 1969; Яценко И.В., 1962; Костенко В.И., 1978; Сибильов М., 1936, табл. V, *7*; Спицын А.А., 1909, с. 41, 42, рис. 51–55, 57; с. 44, 45, рис. 59 – 69), а также Прикубанья (Спицын А.А., 1909, с. 33–35, рис. 15, 16, 21–23, 25, 31; с. 38, рис. 39, 41; с. 39–41, рис. 42–45, 47–49; с. 50, 51, рис. 77, 78; Анфимов Н.В., 1987, с. 198, 199, 202, 204, 208) (рис. 1, *1–20*). К востоку от Дона фалары встречаются гораздо реже (Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1981; Спицын А.А., 1909, с. 51, рис. 79; Мордвинцева В.И., 1994) (рис. 1, *21–23*). Долгое время подобные находки были неизвестны в Приуралье, где по общепризнанному мнению происходило формирование раннесарматской культуры (Смирнов К.Ф., 1964; Мошкова М.Г., 1963; 1974). В настоящий момент к числу погребений, в которых были найдены богатые украшения конской упряжи, с полным правом можно отнести два комплекса из Приуралья (рис. 1, *24, 25*): кург. 1 у д. Прохоровка Оренбургской обл., ахеменидские блюда из которого были в древности переделаны в фалары (Мордвинцева В.И., 1996), и кург. 4 у с. Володарка Приуральского р-на Уральской обл. (раскопки Г.А. Кушаева 1981 г.). За последние годы стали известны и более восточные находки фаларов эллинистического времени в Зауралье (Таиров А.Д., 1995, с. 31) и Омской обл. (Древние сокровища..., 1988, кат. № 19).

Сведения о находке у с. Володарка были опубликованы в очень сжатом виде, практически без комментариев, Учитывая большую значимость полноценного введения в научный оборот уникальных фаларов этого комплекса, необходимость новой публикации очевидна. В своем кратком очерке Г.А. Кушаев охарактеризовал обстоятельства находки фаларов следующим образом. Курган диаметром 48 м и высотой 1,6 м содержал двухъярусное захоронение в могильной яме 6 × 3 м. В северном конце ямы сохранились кости ног человеческого скелета. В южной половине ямы обнаружено мужское погребение. У левого бедра погребенного лежал длинный меч, у левой кисти – бронзовое зеркало с валиком на обороте и ручкой-штырем. Справа от умершего находились кости лошади. На правом запястье был надет литой золотой браслет в пять спиралей. Под правой кистью найден короткий кинжал с серповидным навершием. Между ног лежал один фалар, у правой голени другой. Рядом стоял глиняный сосуд. На груди умершего лежал колчан с сильно коррозированными мелкими наконечниками стрел[1].

[1] По сведениям, которые любезно предоставил мне Б.Ф. Железчиков, данным отчета, хранящегося в фондах Уральского областного краеведческого музея, не вполне соответствуют этой публикации. По ним следует, что кург. 4 содержал одно захоронение в широкой прямоугольной яме 2,5 × 1,6 мм, длинной осью ориентированной по линии север – юг. Глубина ямы 2,2 м, точка отсчета не указана. На дне ямы лежал костяк мужчины на спине, вытянуто, головой и позвоночным столбом ориентированный на юг. В погребении найдены: 1) лепной шаровидный сосуд; 2) литой золотой браслет в шесть спиралей. Один из фаларов лежал на правой ноге, чуть ниже колена. Другой накрывал кисть левой руки.

© В.И. Мордвинцева, 1996 г.

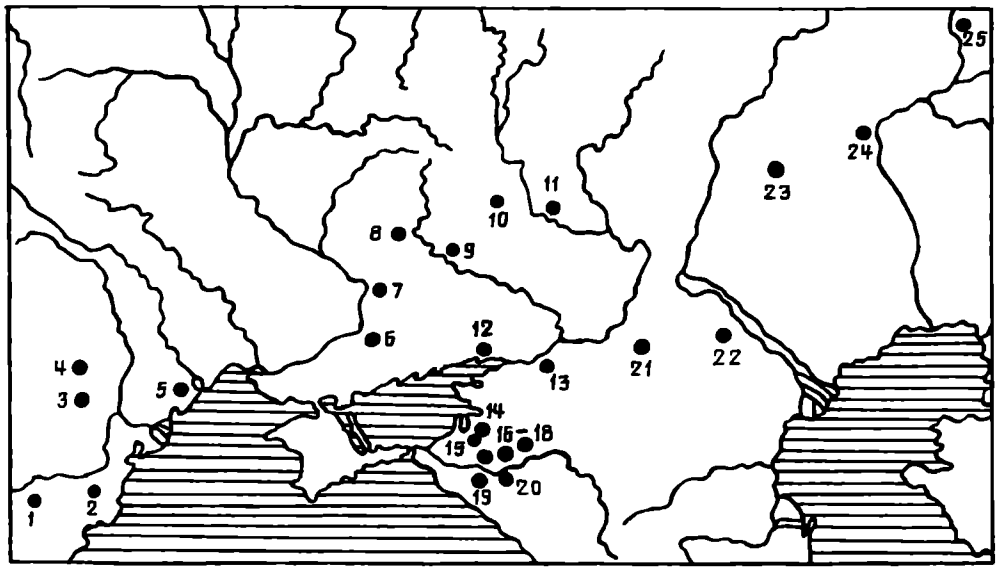


Рис. 1. Находки фаларов эллинистического времени на территории Восточной Европы: *1* – Галиче; *2* – Стара Загора; *3* – Хэрастреу; *4* – Серче; *5* – Твердице; *6* – Янчокрак; *7* – Булаховка; *8* – Балаклея; *9* – Старобельск; *10* – Клименковский; *11* – Антиповка; 12 – Таганрог; *13* – Федулов; *14* – Новоджерелиевская; *15* – Кореновск; *16* – Воронежская; *17* –Ахтанизовская; *18* – Успенская; *19*– Северская; *20* – Сергеевская; *21* – Жутово; *22* – Кривая Лука; *23* – Новоузенск; *24* – Володарка; *25* – Прохоровка

Судя по этим данным, погребение относится к развитой раннесарматской культуре III–II вв. до н.э. На это указывают характерный лепной шаровидный сосуд с невысокой узкой горловиной, слегка уплощенным дном и орнаментом в виде "полотенец", меч с серповидным навершием, зеркало с валиком и другие детали.

Предметом настоящего исследования являются серебряные фалары – прекрасные образцы эллинистической торевтики (рис. 2 и 3).

Фалары диаметром 24,6 см и высотой 3,6 см изготовлены из толстого серебряного листа толщиной у края 0,35 см, в середине – 0,1 см. Край их закруглен и тщательно заполирован. С обратной стороны каждого имеются три скобы, крепящиеся к бляхе с помощью шести заклепок, пробивших лист насквозь и заполированных с лицевой стороны.

На левом фаларе (рис. 2) всадник и конь обращены влево, на правом (рис. 3) – вправо. Изображения на фаларах различаются деталями.

По краю фаларов проходит полоса кружочков диаметром 0,07 см, набитых с лицевой стороны при помощи пунсона в виде трубочки. Центральное изображение окружено валиком с орнаментом, имитирующим венок из листьев лавра ромбовидной формы, которые в обоих случаях показаны в направлении против часовой стрелки. Венок перехвачен в четырех местах перевязью двух типов. Полоса из кружочков по краю, венок и персонажи позолочены холодным способом. Позолота местами стерта и отслаивается.

На обоих фаларах изображен один и тот же сюжет из коринфского цикла греческой мифологии: герой Беллерофонт на крылатом коне Пегасе убивает Химеру – фантастическое существо, порождение Ехидны и Тифона. У нее туловище: спереди –льва, в середине – козье, сзади – змеи. Она изрыгает пламя (Гесиод, Теогония: II, 3, 1–2). По преданию, Беллерофонт одолел Химеру, сначала взлетев над ней на Пегасе и осыпав ее стрелами, а затем протолкнув концом копья кусок свинца между ее челюстей. Огненное дыхание Химеры расплавило металл, и он потек ей в глотку, прожигая внутренности (Аполлодор, Библиотека, II, 3, 2; Схолии к "Илиаде" Гомера, VI, 155).

Сцена, изображенная на фаларах, происходит в небесах: под задними копытами коня изображены волнистые облака, покрытые параллельными горизонтальными ря-

Рис. 2. Левый фалар (*а* – фото; *б* – прорись)

Рис. 3. Правый фалар (*а* – фото; *б* – прорись)

дами крупных точек, набитых при помощи круглого пунсона диамером 0,1 см. На правом фаларе линии облаков подчеркнуты резцом.

На облака опирается задними лапами и Химера. Передними лапами она держится за венок. Лапы трехпалые с когтями, как у кошачьего хищника. Поджарое тело покрыто рядами насечек. Львиная голова Химеры повернута в три четверти в стороны всадника. Взгляд устремлен вдаль. Глаза круглые, зрачки обведены резцом. Брови подняты к переносице, что придает выражению львиной морды страдальческий вид. Пасть полуоткрыта. Складки кожи над пастью показаны прочерченными резцом линиями. Грива разделена на отдельные пряди, которые над лбом распадаются на прямой пробор.

Голова козы повернута назад. Она показана в профиль и помещена между передними ногами коня. Глаза круглые, зрачки подчеркнуты резцом. Слегка загнутые рога покрыты косыми широкими насечками. Шерсть на морде показана мелкими точками, нанесенными заостренным пунсоном.

Длинный хвост трактован в виде причудливо изогнутой змеи с чешуей из мелких точек, набитых параллельными рядами, повторяющими изгибы ее тела. Голова змеи треугольной формы направлена к животу коня.

Вся фигура Химеры за исключением змеи лишена агрессии. Видимо, художник изобразил развязку мифа, когда Химера, согласно предсказанию, гибнет от руки Беллерофонта.

Крылатый конь изображен вставшим на дыбы. Передние ноги готовы опуститься на Химеру, одна из них уже касается ее тела. Задняя нога показана только одна. Над копытами с помощью выбитых пунсоном-трубочкой полуколец изображена шерсть. Тело коня довольно массивное. Голова опущена вниз. Грива подстрижена, но стоит не щеткой, а ниспадает на шею отдельными прядями. Крылья начинаются ниже плеч, почти от живота. Крыло, изображенное на переднем плане, направлено назад. По краю его идет ряд перьев, показанных S-видными линиями, нанесенными резцом. Затем три ряда широких коротких листовидных перьев. Крыло заканчивают четыре длинных и одно короткое тонких изогнутых пера. Каждое из них разделено продольной прочерченной линией, от которой отходят косые насечки наподобие "елочки". Крыло, изображенное на заднем фоне, наоборот, направлено вперед и также состоит из перьев перечисленных выше типов. Оба крыла длинными перьями заходят на венок. Из каких-либо элементов конской сбруи изображены только поводья.

Между крыльев коня, прижавшись к его шее, сидит всадник. В одном случае (правый фалар) он изображен в три четверти, в другом – в профиль. В обоих случаях правая рука поднята вверх и сжата в кулак таким образом, что в нем должно было быть помещено какое-то оружие, скорее всего копье. На левом фаларе всадник левой рукой держит поводья коня. Лицо всадника с правильными чертами лица. Взгляд направлен на левом фаларе на Химеру, на правом – мимо нее. Вьющиеся волосы убраны со лба и развеваются на ветру. Всадник одет по-гречески в короткую тунику, подпоясанную поясом, и плащ, развевающийся на ветру. На левом фаларе плащ покрыт параллельными рядами мелких точек. Спускающиеся из-под крыльев коня ноги обуты в мягкие, плотно облегающие сапоги.

По своим морфологическим признакам фалары из Володарки относятся к группе фаларов–распределителей наплечных ремней конской сбруи с тремя петлями на обороте. Через крайние петли проходил горизонтальный нагрудный ремень, далее крепящийся к седлу. В неподвижном положении он фиксировался благодаря еще одному, вертикальному ремню, проходившему через среднюю скобу (рис. 4, 1а, б). В этом типе упряжи задний ремень крепился прямо к седлу, без посредства фаларов, как демонстрируют рельефы Пальмиры и другие памятники (Tanabe K., 1986, p. 171, № 138; Herrmann G., 1989, pl. pl. VI–VII). Таким образом, набор наплечных фаларов в этих случаях состоял из двух парных блях, в отличие от кельто-римского конского убора (Bischop M.C., 1988, fig. 25).

Подавляющее большинство наплечных фаларов указанного типа представлено

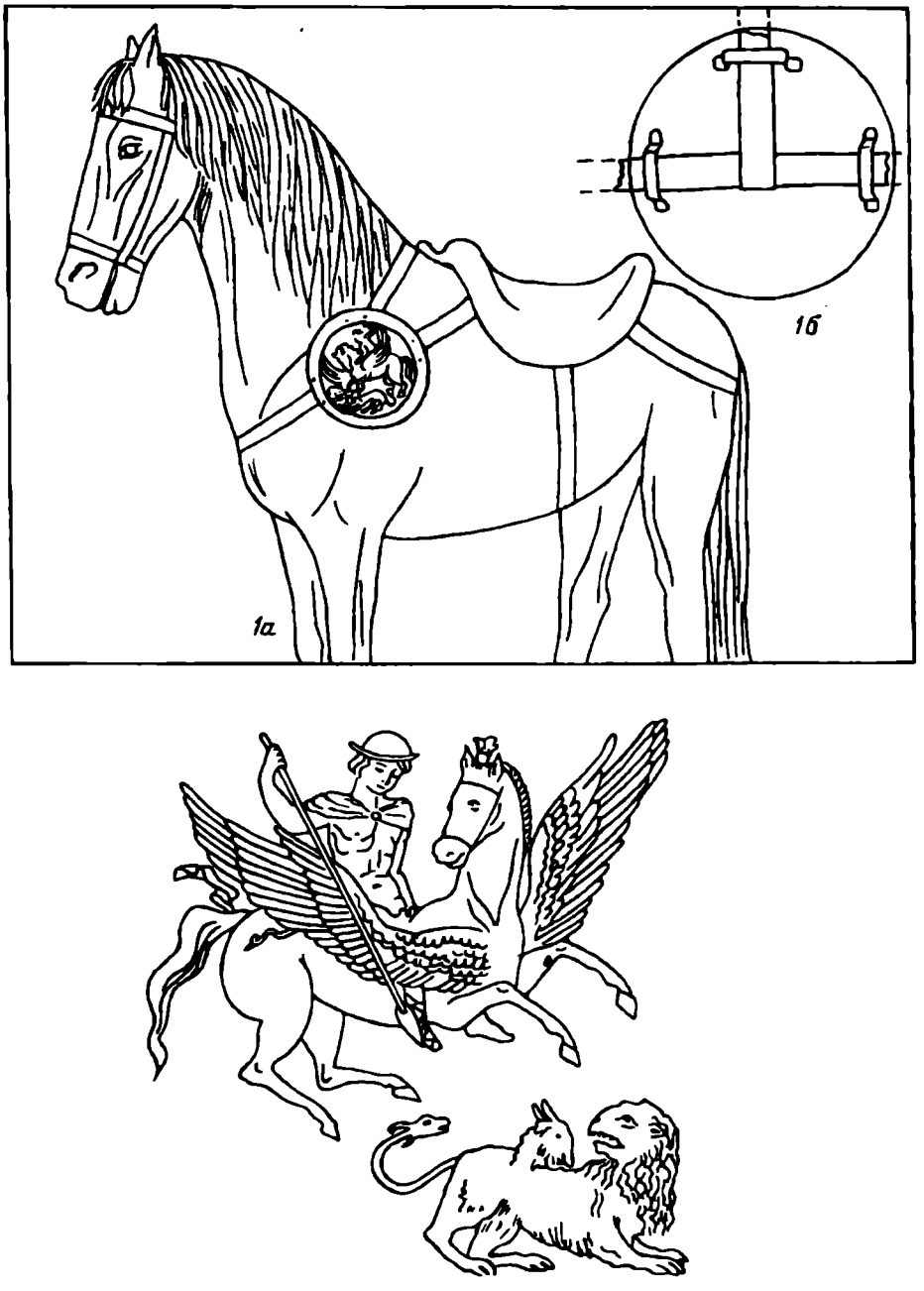


Рис. 4. *1* – реконструкция упряжи из погребения у с. Володарска (*а* – реконструкция упряжи; *б* – крепление ремней упряжи); *2* – рисунок на греческой вазе V в. до н.э. (Петискус А.Г., 1883, с. 291)

относительно плоскими бляхами с зооморфными и антропоморфными изображениями. Причем во всех случаях сюжеты повторяются на бляхах в зеркальном отражении, так что каждый отдельный фалар изготавливался для определенного места – правого или левого плеча. Все находки и изображения такого рода фаларов происходят со степной территории. Евразии к востоку от Меотиды (рис. 1, *13, 18, 22–25*), а также из Сирии (Tanabe K., 1986, № 138, 174; Herrmann G., 1989, pl. XII, XIII), Бактрии (Тревер К.В., 1940, табл. 1–4), Индии (Marschall J., 1951. pl. 165, № 93, 94; pl. 187, № 22) и Монголии (Тревер К.В., 1940, табл. 39, 40).

Наиболее точную аналогию фаларам из Володарки составляют бляхи со слонами из Кунсткамеры (Спицын А.А., 1909, рис. 74–76). Они имеют такой же профиль и закругленный, тщательно зашлифованный край. Полностью совпадают также размеры фаларов из обеих находок, форма и способ крепления скоб. Шляпки гвоздей на лице-

вой стороне одинаково заполированы. Для нанесения орнамента использованы одни и те же типы пунсонов и чеканов. К.В. Тревер отнесла бляхи со слонами к произведениям искусства Греко-Бактрии (Тревер К.В., 1940, с. 46–48). М. Пфроммер также считает их бактрийскими (Pfrommer, 1993, p. 9).

В то же время сюжеты блях сильно различаются. Если бляхи со слонами представляют собой сцену в большей степени варварскую, то сюжет фаларов из Володарки греческий.

Культ Беллерофонта был распространен вначале в Ликии и Коринфе, затем по всей Греции. Имена Беллерофонта и связанных с ним Пегаса и Химеры – негреческого, восточного происхождения. Изображения борьбы Беллерофонта и Химеры имеются уже на протокоринфских вазах (Hoppin T.C., 1900, tav. IV). В античном изобразительном искусстве Беллерофонт – один из популярных персонажей, особенно в вазописи (битва с Химерой) и пластике, главным образом в рельефах, а также на монетах Коринфа и в помпейских росписях (Enciclopedia Italiana, 1959, fig. 75; Das Museum..., 1896, p. 93, fig. 3; Lullies R., 1940, tav. 21; Materiali..., 1948–1949, p. 246; tav. XIV, *1*; Dictionnaire..., 1877, fig. 811). Химеры и крылатые Пегасы также широко встречаются в античном искусстве (Этрусское искусство, 1972, рис. 47–49, 62, 83, 84; Marschall M.A., 1911, kat. № 1390).

Но коринфский герой и его крылатый конь были весьма популярны и за пределами материковой Греции. В Малой Азии крылатый конь был божеством неба и погоды. Изображения Беллерофонта и его коня часто встречаются на малоазийских печатях. Химера была изображена на одном из хеттских зданий в Кархемеше и символизировала три времени года: лев обозначал весну, коза – лето, змей – зиму (Грейвс Р., 1992, с. 196). Пегасы украшали капители колонн в Фасосе эпохи эллинизма (Ghirshman R., 1963, pl. 453). Изображение Пегаса помещено на фаларе из Хасанлу VIII в. до н.э. (Ghirshman R., 1963, p. 291, pl. 350). Также из Ирана происходят фигурки крылатого коня (Луконин В.Г., 1987, 1987, № 42, 43).

Таким образом, несмотря на свое греческое происхождение, в эллинистическую эпоху данный сюжет мог вполне появиться как собственно в Греции, так и в любом из греко-варварских государств Востока, ибо образы всадника и крылатого коня были там весьма популярны.

При сравнении изображений на фаларах из Володарки и их греческих аналогов (рис. 4, *2*) становится ясно, что вряд ли приуральские фалары были сделаны в Греции. На это указывает ряд стилистических, иконографических и композиционных особенностей володарских изображений. Так, в ущерб реалистичности изображение привязано к форме венка. Поза и движения главного героя статичны. На правом фаларе волосы всадника и его плащ развеваются в разных направлениях, взгляд направлен мимо Химеры. Правая рука всадника на левом фаларе неестественно вывернута, левое плечо сильно выдается вперед. Копье в руке на обоих экземплярах отсутствует, видимо, из-за трудностей изобразительных (мастеру пришлось бы перечеркнуть всю сцену) или технических (необходимость отдельной отливки копья и закрепления его подобно тому, как крепился один из бивней у слона на сибирской бляхе). Ноги всадника обуты в короткие мягкие сапоги с завязками – "скифики". Такая обувь не характерна для изображений греков, зато весьма была популярна у варваров-кочевников и вообще на Востоке. Такой же тип обуви изображен на фаларах из сарматского погр. 17 кург. 1 могильника Кривая Лука (Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1981, с. 102, рис. 2, 3).

Изображение коня также не соответствует греческим канонам. У животного изображены только три ноги. На греческих изображениях часто вторая задняя нога повторяет контуры первой, но нет такого случая, чтобы ее изображение вовсе отсутствовало. Крылья Пегаса выполнены также довольно условно. Фигура коня дана в профиль, а крылья, по-восточному загнутые вверх, развернуты в фас. Таким же образом изображались боги в искусстве ахеменидского Ирана (Sarre F., 1923, Taf. I), так же развернуты крылья у львиных грифонов на тканях из Ноин-улы (Тревер К.В.,

1940, табл. 41). Вся композиция копирует, видимо, какое-то плоскостное изображение (рисунок на вазе?), детали которого в рельефной передаче неизбежно были искажены.

В качестве даты изготовления фаларов из Володарки наиболее вероятен II в. до н.э. Выше уже говорилось об их чрезвычайной близости с сибирскими бляхами с изображением слонов, дата которых была определена К.В. Тревер не позднее середины II в. до н.э. (Тревер К.В., 1940, с. 48). Центральная сцена фаларов из Володарки заключена в рамку-венок. Такие венки были весьма популярны в эллинистическом мире в III–II вв. до н.э. Они встречаются и на фаларах (Спицын А.А., 1909, с. 34, рис. 25; с. 40, 41, рис. 47, 49; с. 50, рис. 77), и на других предметах торевтики (Hoffmann H., Davidson P.F., 1965, fig. 93a, b; Oliver A., 1977, p. 53, № 21), а также на рельефной керамике (Courby F., 1922, fig. 76, *26*, fig. 88, *29, 30*). Львиная голова Химеры близка статуям львов II в. до н.э. из Аполлонии Иллирийской (Цветаева Г.А., 1977, с. 195). Инвентарь погребения из Володарки не противоречит этой дате.

Что касается происхождения приуральских блях, то, принимая во внимание все вышесказанное, наиболее вероятным представляется их восточное происхождение. Более точно определить место производства этих блях вряд ли возможно, хотя очень соблазнительно на основании сходства их с фаларами с изображением слонов из Кунсткамеры отнести обе пары блях к изделиям одной мастерской. По крайней мере, нельзя исключать такой возможности.

Закономерен вопрос о путях попадания к приуральским сарматам богатых украшений упряжи, видимо, из Ирана или Бактрии. Погребенный в кургане у с. Володарка воин несомненно принадлежал к кочевой элите. Возможно, находка здесь импортных фаларов указывает на участие погребенного воина в военных действиях или грабительских походах на эллинистическом Востоке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анфимов Н.В., 1987. Древнее золото Кубани. Краснодар.

Грейвс Р., 1992. Мифы древней Греции. М.

Гущина И.И., 1961. Случайная находка в Воронежской области // СА. № 2.

Гущина И.И., 1969. Янчокракский клад // Древности Восточной Европы. М.

Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1981. Серебряные фалары из сарматского погребения могильника Кривая Лука IX в. Астраханской области // КСИА. Вып. 168.

Древние сокровища Сибири, 1988. Омск.

Костенко В.И., 1978. Комплекс с фаларами из сарматского погребения у с. Булаховка // Курганные древности степного Поднепровья III–I тыс. до н.э. Днепропетровск.

Луконин В.Г., 1987. Сасанидское серебро. М.

Мордвинцева В.И., 1994. Серебряные фалары из Жутовского курганного могильника // ПАВ. № 8. СПб.

Мордвинцева В.И., 1996. О вторичном использовании ахеменидских блюд из Прохоровского кургана // РА. № 2.

Мошкова М.Г., 1963. Памятники прохоровской культуры // САИ. Вып. Д1–10. М.

Мошкова М.Г., 1974. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М.

Петискус А.Г., 1883. Олимп. СПб.; М.

Сибильов М., 1936. Фалари Изюмщины // Хроніла археологіі та мистецтва. Київ.

Смирнов К.Ф., 1964. Савроматы. М.

Спицын А.А., 1909. Фалары Южной России // ИИАК. Вып. 29. СПб.

Таиров А.Д., 1995. Торговые коммуникации в западной части Урало-иртышского междуречья. Челябинск.

Тревер К.В., 1940. Памятники греко-бактрийского искусства. М.

Цветаева Г.А., 1977. Статуи львов из Аполлонии Иллирийской // История и культура античного мира. М.

Щукин М.Б., 1994. На рубеже эр. СПб.

Этрусское искусство, 1972. М.

Яценко И.В., 1962. Раннее сарматское погребение в бассейне северского Донца // КСИА. Вып. 89.

Allen D.F., 1971. The Sark Hoard. Oxford.

Bishop M.C., 1988. Cavarl equipment of the Roman army in the first century A.D. // Military Equipment and the Identity of Roman Soldiers. BAR International Series 394. Oxford.

Courby F. 1922. Les Vases Grecs a reliefs. Paris.

Das Museum der Griechisch-Römischen Altertumer zu Alexandrien, 1986 // Archaeologischer Anzeiger. Vol. XI.
Dictionnaire des Antiquites grecques et romaines, 1877. Vol. 1. Paris.
Enciclopedia Italiana, 1959. Vol. II. Roma.
Fettich N., 1953. Archaologische Beitrage zur Geschichte der sarmatisch-dakischen Beziehungen // Acta Archaologica Hungarica. Vol. III. Budapest.
Ghirshman R., 1963. Perse. Gallimard.
Herrmann G., 1989. Parthian and Sasanian Saddlery // AIO. Vol. II. Gent.
Hoffmann H., Davidson P.F., 1965. Greek Gold. Jewelry from Age of Alexander. The Brooklyn Museum. Brooklyn.
Hoppin T.C., 1900. Three Argive Lekythi in the Museum of Fine Arts in Boston // American Journal of Archaeology. Vol. IV.
Lullies R. 1940. Zur Boiotisch Rotfiqurigen Vasenmalerei // Athenische Mitteilungen. N 65.
Marschall J., 1951. Taxila. Vol. 3. Cambridge.
Marschall M.A., 1911. Catalogue of jewellery. London.
Materiali per un "Corpus" della ceramica Etrusca, 1948–1949 // Studi Etruski. Vol. XX.
Oliver A., 1977. Silver for the Gods. 800 Years of Greek and Roman Silver. Toledo, Ohio.
Pfrommer M., 1993. Metalwork from the Hellenized East. Malibu, California.
Sarre F., 1923. Die Kunst dei Alten Persien. Berlin.
Tanabe K., 1986. Sculptures of Palmyra I. Memoirs of the Ancient Orient Meseum I. Tokyo.

Волгоградский государственный
университет

V.I. MORDVINTSEVA

PHALARS WITH BELLEROFONT FROM A SARMATIAN BURIAL NEAR VOLODARKA VILLAGE IN THE WESTERN KAZAKHSTAN

Summary

In 1981 the expedition of the Urals teachers' training institute headed by G.A. Kushajev found silver gilded phalars in an early Sarmaitian burial in the barrow 4 near Volodarka village in the Urals district of the Urals region. Phalars had the image of Bellerofont on winged Pegasus killing Chimera. Inspite the greek theme the phalars were most likely produced in the Hellenistic East. The phalars with elephants from Kunstkammer, St. Petersburg's museum of curiosities, are identical to the phalars from the Urals in proportions, style, technique, and the place in a horse harness. There is a possibility that the both pairs of phalars were produced in the same workshop.

В. И. ЗАВЬЯЛОВ

ЖЕЛЕЗНЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ ПАМЯТНИКОВ БЕЛОЗЕРЬЯ*

Археологические раскопки средневековых памятников Белозерья предоставляют богатый материал для технологического изучения предметов из черного металла. Интерес к кузнечной продукции этого региона не случаен. В начале II тыс. н.э. здесь происходили сложные этнокультурные процессы. В XI–XII вв. на основе смешения славян с местной белозерской весью, а также финнами – выходцами из поволжских и северо-западных областей – формируется новая этническая общность (Макаров Н.А., 1990, с. 128). Подобные явления нередко сопровождались в материальной сфере появлением новых типов орудий труда, а в производственной – внедрением новых технологий. Ярким примером этому служит широкое распространение трехслойных ножей в северных областях Руси, на территории со смешанным славяно-финно-скандинавским населением (Кочкуркина С.И., Розанова Л.С., 1987, с. 90).

Отличительной чертой матеральной культуры населения Белозерья является то, что в начале II тыс. н.э. в ней появляются орудия труда, соответствующие общим техническим стандартам своей эпохи (Макаров Н.А., 1990, с. 115). Следует отметить, что в рассматриваемом регионе не были обнаружены остатки металлургических или металлообрабатывающих комплексов. Это наблюдение в сочетании с заключением о необычайной подвижности населения (Макаров Н.А., 1990, с. 115) приводит к выводу о полном удовлетворении потребностей местных жителей в предметах из железа и стали за счет их привоза из ближайших ремесленных центров.

Большая часть коллекции происходит из могильников. Набор предметов из черного металла ограничивается 10–12 категориями. Такое небольшое разнообразие категориального состава может быть объяснено, с одной стороны, традициями погребального обряда (состав железного инвентаря в могильниках веси на р. Оять включает не более 8–9 категорий) (Кочкуркина С.И., Линевский А.М., 1985, с. 102–169), а с другой – уже упоминавшейся подвижностью населения, что предопределяло использование лишь самых необходимых предметов.

Из коллекции железных предметов, найденных на памятниках Белозерья, удалось отобрать достаточно репрезентативную серию орудий для проведения металлографического исследования[1]. В нее вошло 49 предметов из 5 могильников и 5 поселений. Коллекция представлена следующими категориями: топоры рабочие – 25 экз., топоры боевые – 6, ножи – 16, кресало и наконечник стрелы. Анализы проводились в лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН на металломикроскопе ММР-2Р и микротвердомере ПМТ-3.

Памятники, из которых происходят исследованные предметы, территориально объединяются в три группы. Первая расположена в низовьях Кемы и включает Кемские курганы (могильник Никольское III) 30–70 гг. XI в., селище Никольское V (X в.) и селище Новое Село (X–XII вв.). Вторую группу составляют памятники, расположенные вокруг Волока Славенского: могильники Нефедьево IA, Нефедьево IB, Погости-

* Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 96-06-80131).

[1] Пользуюсь случаем выразить признательность Н.А. Макарову за предоставленный материал.

© В.И. Завьялов, 1996 г.

ще на р. Модлоне и Шуйгино (они датируются XI–XIII вв.), селища Щаниково, Усть-Ситна и Кудрино. Наконец, к третьей группе отнесен более северный могильник Погостище на Мошинском озере в Няндомском р-не Архангельской обл. Этот памятник датируется XI в. Расределение предметов по памятникам приведено в таблице 1.

Хотя, как упоминалось выше, памятники Белозерья носят синкретический славяно-финский характер, по мнению автора раскопок, в поздних погребениях могильников Погостище на р. Модлоне, Нефедьево IA и Нефедьево IB ярче представлены финно-угорские черты, в то время как население Кемских курганов в большей степени являлось носителем славянской культуры (Макаров Н.А., 1990, с. 120). В то же время следует оговориться, что в железном инвентаре эти различия практически незаметны. Все исследованные предметы относятся к типам, получившим широкое распространение на рубеже I и II тыс. н.э. на всем пространстве Русской равнины.

Наиболее часто встречаемым орудием в памятниках Белозерья являлся топор.

Вероятно, здесь, на залесенных территориях Восточной Европы, потребность в этом орудии ощущалась особенно остро, что нашло отражение и в погребальном обряде (Макаров Н.А., 1990, с. 25). Позволю себе высказать еще одно предположение, связанное с частой встречаемостью топоров в погребениях. Из норвежских источников известно, что топор наряду с копьем и щитом был обязательным элементом вооружения свободного воина-общинника. Для рядового дружинника топор по значимости играл роль меча (Blom G.A., 1991, p. 131). Большую роль играл топор и в древнерусской погребальной обрядности. Он имел значение магического оберега, призванного отпугивать злых духов от тела покойника (Даркевич В.П., 1961, с. 98). Кроме того, в образе топора в Древней Руси почитался Перун – покровитель князя и дружины, культ которого носил отчетливо выраженный военный характер (Даркевич В.П., 1961, с. 101). В связи с этим – не входил ли топор в состав погребального инвентаря как символ личной свободы погребенного и его обязанности выполнять функции дружинника-ополченца? В таком случае большое количество топоров в погребальных комплексах Севера Руси связано со значительным числом лично свободного населения, для которого обязательной была воинская повинность. Незначительное число этих орудий в некрополях других регионов связано как с более глубоким распространением христианства, которое не допускало помещения в могилу погребального инвентаря, так и с феодальным закабалением ранее свободных общинников.

Самыми многочисленными в исследованной коллекции являются топоры с прямой или слегка отогнутой вверх верхней гранью, опущенным лезвием и полукруглой выемкой в основании (тип V по А.Н. Кирпичникову). Металлографическому анализу подверглись 17 орудий этого типа. Большинство топоров массивные. Несомненно, они использовались прежде всего как орудия труда (рис. 1–2). Для северорусских областей в X – первой половине XII в. тип V был ведущей формой рабочего топора. В XI–XII вв. подобные орудия получают широкое распространение и у восточнофинских племен. Судя по находкам на поселениях Крутик и Никольское V, в Белозерье топоры типа V вошли в употребление не позднее X в. Сварочные швы, которые прослеживаются на ряде образцов, позволяют заключить, что топоры этого типа формовались двумя способами. Одна часть орудий отковывалась из полосы металла, согнутой на оправке пополам (рис. 1, ан. 2974, 2975, 3822; рис. 2, ан. 7780). Другая группа изготовлена по способу огибания вокруг оправки одного конца заготовки (рис. 1, ан. 4913, 4914, 4916; рис. 2, ан. 5959) (Колчин Б.А., 1953, с. 104). Наиболее распространенным технологическим приемом изготовления лезвия у топоров типа V из Белозерья была вварка стальной лезы. Такая схема обнаружена на 8 орудиях (рис. 1, ан. 3822, 3823, 4914, 4917; рис. 2, ан. 5533, 5956, 5961, 7779). В большинстве случаев сварка проведена на низком уровне: сварочные швы широкие, забиты шлаковыми включениями (рис. 3, *1*). Лишь у образца 7779 сварочный шов тонкий. Стальные лезвия у четырех экземпляров были подвергнуты термообработке: в двух случаях – закалке с последующим отпуском (ан. 3822, 5956) и в двух – резкой закалке (ан. 3823, 7779).

Таблица 1

Распределение исследованных предметов* по памятникам

Памятник	Топоры рабочие	Топоры боевые	Ножи	Кресало	Наконечники стрелы	Всего
Кемские курганы	2961	2960 2962 4911 4912				5
Никольское V	3823					1
Новое Село			2965			1
Нефедьево IA	3819 3820 3821 3822	3818				5
Нефедьево IB	4913 4914 4916 4917 5533 5534 5957 5958 5959 5961 7778 7779 7780	5960	5536 5537 5538 5539 5540 6341 6342 6343 6344	5542	5541	25
Шуйгино	4915					1
Щаниково			7227			1
Усть-Ситна			7224 7225 7226			3
Кудрино			5535			1
Погостище на р. Модлоне	2972 2973 2974 2975		2971			5
Погостище на Мошинском озере	5956					1
Всего	25	6	16	1	1	49

* В таблице приведены номера анализов

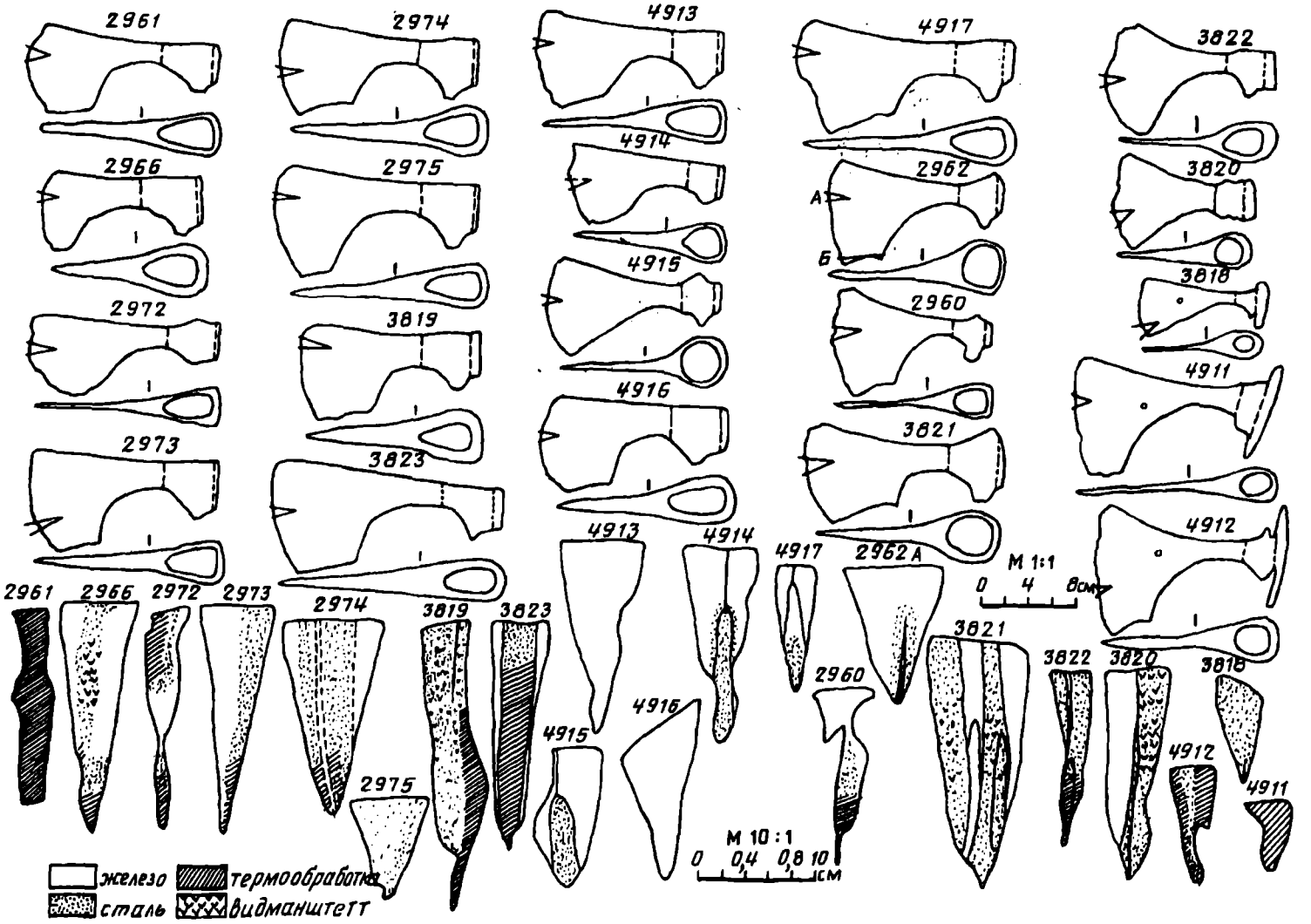


Рис. 1. Топоры. Технологические схемы

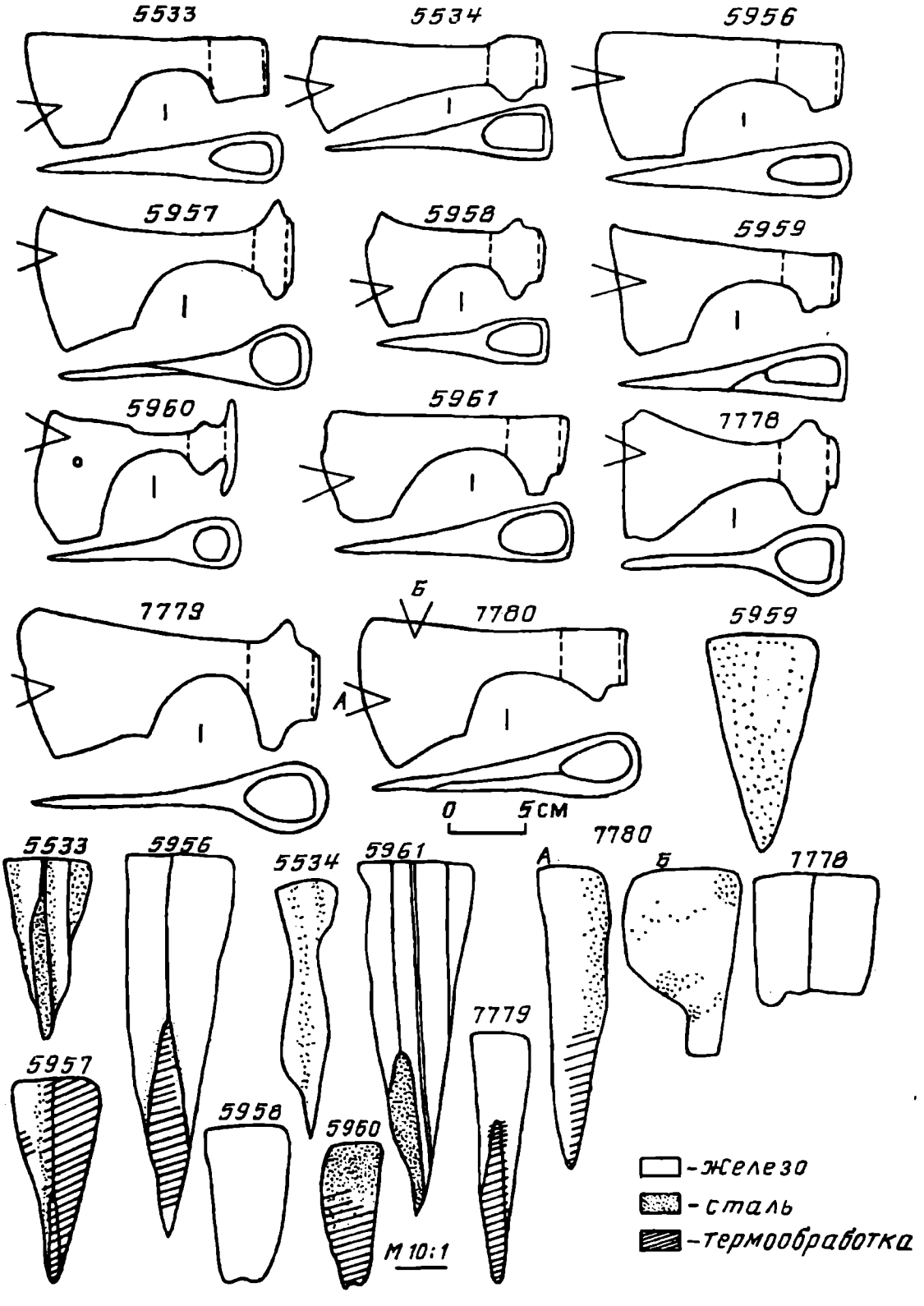


Рис. 2. Топоры. Технологические схемы

Четыре топора типа V были откованы из кричных заготовок с последующей цементацией лезвия (рис. 1, ан. 2973, 3819; рис. 2, ан. 5959, 7780). Содержание углерода доходит до 0,3–0,5% у образцов 3819, 5959 и 7780 (рис. 3, *2*) и до 0,8% у образца 2973. Два орудия этой технологической группы были подвергнуты термообработке: резкой (ан. 7780) и мягкой (ан. 3819) закалке.

Один топор имел цельностальное лезвие (рис. 1, ан. 2961). Возможно, и в этом случае имела место цементация, но в результате термообработки характерные черты этого приема стерлись.

Из пакетной заготовки откован топор из могильника Погостище на р. Модлоне (рис. 1, ан. 2974). Пакет сварен из стальной и железной полос. Заключительной операцией по улучшению рабочих свойств орудия была локальная закалка.

Наконец, у трех топоров на лезвии была обнаружена ферритная структура (рис. 1, ан. 2975, 4913, 4916). Феррит всех образцов средне- и крупнозернистый, с высокой микротвердостью (от 181–193 до 236–274 кг/мм^2). Эти факторы свидетельствуют о повышенном содержании в железе фосфора. Не исключено, что указанные топоры были преднамеренно откованы из высокофосфорного железа.

Топоры типа VI отличаются от вышеописанных прежде всего наличием двух пар щековиц. Орудия этого типа представлены пятью экземплярами (рис. 1, ан. 2972, 3821; рис. 2, ан. 5957, 5958, 7778). Сварочные швы на образцах 3821, 5957, 5958 и 7778 свидетельствуют, что обушное отверстие у этих топоров формовалось путем складывания полосы металла на оправке пополам. В отличие от топоров типа V эти орудия имели округлое, а не миндалевидное обушное отверстие. Следует отметить, что у топора из могильника Погостище на р. Модлоне (ан. 2972) щековицы намечены слабо. Обушное отверстие у этого экземпляра миндалевидной формы, как у топоров типа V. Возможно, что данный топор представляет переходную форму от типа V к типу VI. Такая же форма и у обушного отверстия топора 5958. Его небольшие размеры свидетельствуют о специализированном назначении этого орудия. Топоры типа VI широко представлены на Руси, в Финляндии и Скандинавии. Экземпляры из Белозерья датируются началом XI–XII вв. Технология изготовления топоров типа VI представлена тремя схемами. Два орудия имели вварное стальное лезвие (ан. 3821, 5957). Сварка проведена умело: сварочные швы тонкие, чистые (рис. 3, *3*). Тело топора 3821 сварено из пакетного металла. Топор 5957 дополнительно был подвергнут резкой закалке. Лезвие орудия 2972 было процементировано. Заключительной операцией по улучшению его рабочих качеств была закалка с последующим отпуском. На двух образцах обнаружена структура феррита (ан. 5958, 7778). Лезвия обоих топоров имели плохую сохранность, не исключено применение более сложной технологии.

Из Кемских курганов происходят два топора типа VI, которые можно считать боевыми (рис. 1, ан. 2960, 2962). Они отличаются меньшим весом, более тонким лезвием и узкой шейкой. Одна из секир имела вварное стальное лезвие (ан. 2962). Другой топор откован из кричной заготовки с последующей цементацией лезвия (ан. 2960). Боевые свойства обоих орудий улучшены высоким отпуском.

Ко второй половине XII – началу XIII в. относятся два топора переходного типа 2 по классификации Б.А. Колчина. Происходят они из могильников Нефедьево и Шуйгино (рис. 1, ан. 3820, 4915). Орудия этого типа отличаются симметрично расходящимся лезвием и облегченным обухом. Подобные орудия вошли в употребление в северных областях Восточной Европы во второй половине XII в., сменив орудия типа V. Сложение этой формы связано с древнерусскими ремесленными центрами, однако уже в конце XII–XIII в. топоры этого типа получили распространение и за пределами Руси, в частности у восточнофинских племен (Макаров Н.А., 1990, с. 50; Савельева Э.А., 1971, с. 197, табл. 18, *157*). Отличительной особенностью топора из могильника Шуйгино (ан. 4915) является наличие двух пар щековиц. Топор из могильника Нефедьево имеет широкий обух без щековиц с округлым проушным отверстием (ан. 3820). Способ изготовления обоих орудий – вварка стальной лезы в железную основу. На лезвие пошла хорошо прокованная сталь с содержанием углерода 0,3–0,4%. Сварка у топора из могильника Шуйгино проведена на невысоком уровне, у экземпляра из Нефедьево качество сварки более высокое.

Из погребения 16 могильника Нефедьево IB происходит узколезвийный топор (рис. 2, ан. 5534). Исследованный экземпляр датируется второй половиной XII в. Он откован из неравномерно науглероженной заготовки. Содержание углерода до 0,4–0,5%,

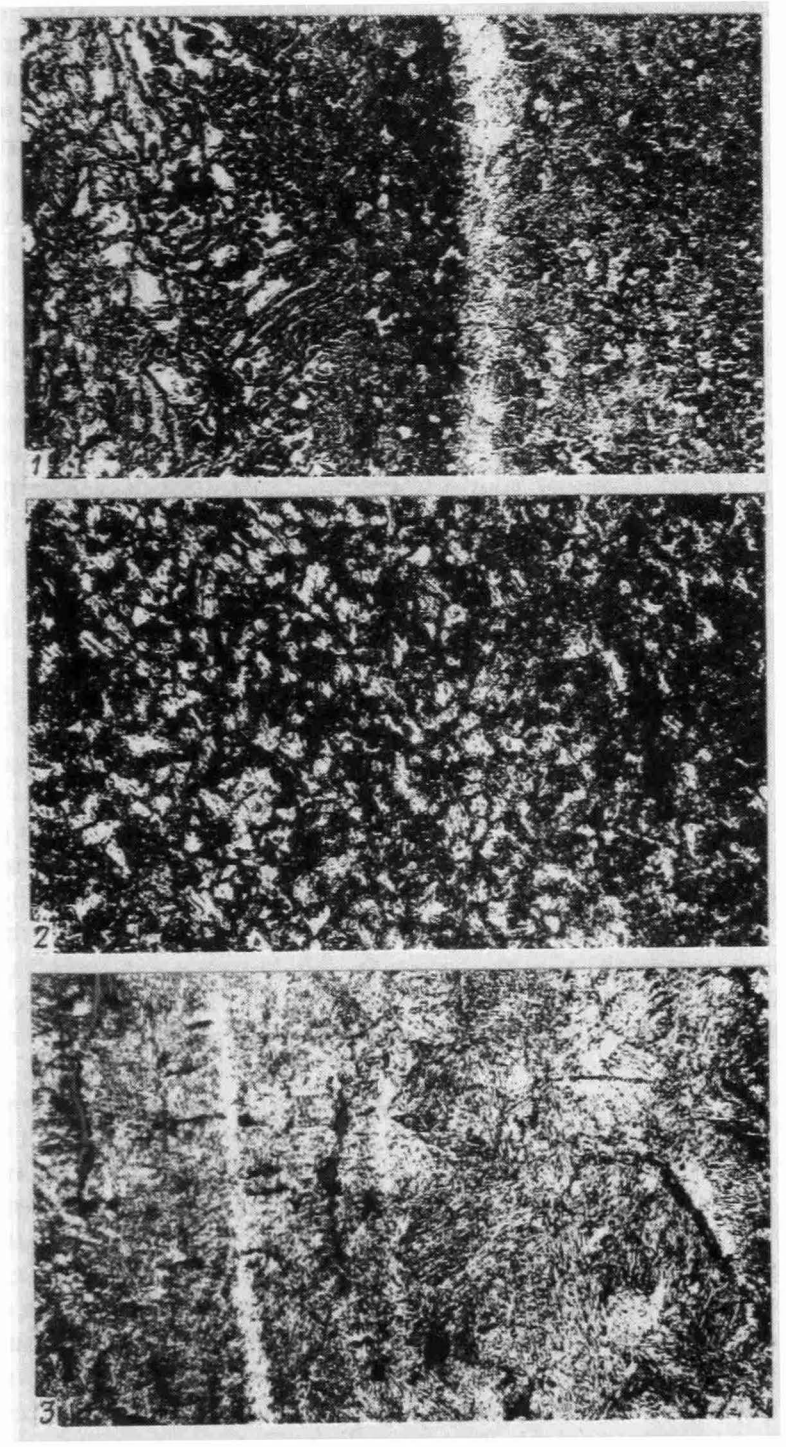


Рис. 3. Фотография микроструктур. *1* – ан. 5961, топор, сварочный шов; *2* – ан. 5959, топор, феррит с перлитом; *3* – ан. 5957, топор, сварочный шов. *1*, *2* – травление реактивом Оберхоффера, *3* – травление нталем. Увеличение 150

но при этом наблюдаются и зоны чистого феррита. На отдельных участках встречается структура сорбитообразного перлита, что указывает на отпуск изделия. Такая технологическая схема хотя и выглядит довольно простой, придала топору высокие технические качества.

Кроме двух вышеописанных боевых топоров типа VI, еще четые орудия в исследованной коллекции относятся к категории оружия. Топорик XII в. из погребения 16 могильника Нефедьево (рис. 1, ан. 3818) представляет тип III по классификации А.Н. Кирпичникова. Эти топоры имеют русское происхождение. Они встречены в различных областях Руси (Кирпичников А.Н., 1966, с. 35, 36), многочисленны они и в памятниках восточных финнов, прежде всего в мордовских могильниках (Иванов П.П., 1952, с. 224, табл. XI, *1*). На боковых гранях топора сохранились остатки орнамента, инкрустированного белым металлом по стали. Технология изготовления оказалась несложной: он был откован из хорошо прокованой стальной заготовки с содержанием углерода около 0,5–0,7%. Микротвердость стали – 181–221 кг/мм^2.

Три боевых секиры относятся к типу IV. Две происходят из Кемских курганов, одна – из могильника Нефедьево (рис. 1, ан. 4911, 4912; рис. 2, ан. 5960). Топоры типа IV имеют оттянутое вниз лезвие с полукруглым вырезом в основании, две пары боковых щековиц и удлиненный вырезной обух. На лезвиях – круглые отверстия для крепления чехла. Согласно А.Н. Кирпичникову, этот тип является самым массовым из боевых топоров по числу находок на территории Руси. Широкое распространение эти топоры получили и в Прибалтике. Технология изготовления всех трех секир оказалась идентичной: они были откованы из стальных заготовок с последующей закалкой и низким отпуском лезвия (структура мартенсита с троосititом; рис. 4, *1*, *2*). Сырьем для топоров послужила хорошо прокованная сталь с содержанием углерода 0,5–0,8%. Это оружие имело высокие боевые качества.

В результате металлографических исследований удалось установить, что основной технологией изготовления топоров из памятников района Белого озера была вварка стального лезвия в железную основу. Ни в одной из ранее изученных серий топоров вварка не составляла столь большой доли (Колчин Б.А., 1953, с. 104–108; Гурин М.Ф., 1987, с. 55–57). Уровень сварки не всегда был высок: зачастую сварочные швы широкие, в них присутствуют шлаковые включения. Частой операцией по улучшению рабочих качеств топора была термообработка. Метастабильные структуры обнаружены на половине исследованных образцов. Наряду со сварной технологией широко применялась и цементация лезвия (табл. 2). Отличительной чертой исследованной коллекции является отсутствие в ней экземпляров с наварным лезвием – технологическим приемом, широко применявшимся в ремесле Древней Руси (Колчин Б.А., 1953, с. 105).

Абсолютное большинство исследованных ножей имело уступ при переходе от спинки к черенку. Два экземпляра (рис. 5, ан. 6341 и 7224) близки IV группе ножей (Минасян Р.С., 1980, с. 68–74). А нож из Усть-Ситны III имел прямую без уступа спинку (рис. 5, ан. 7225), что позволяет отнести его к I группе. Соответствия между типом и технологией изготовления у этой категории не прослеживается.

При изготовлении ножей применялось шесть технологических схем. Четыре орудия изготовлены по технологии трехслойного пакета. Анализ трех из них (рис. 5, ан. 2971, 5539, 7224) показал, что они были продукцией высококвалифицированных кузнецов, хорошо освоивших эту сложную технологию. Толщина сварочных швов не превышает 0,025 мм,. Окончательной операцией по улучшению рабочих качеств была резкая закалка. Судя по анализу черенка орудия из Усть-Ситны III (рис. 5, ан. 7224), закалке подвергался только клинок. Для боковых полос использовалось высокофосфорное железо, на что указывают крупнозернистость феррита и его повышенная микротвердость (до 206–274 кг/мм^2). Эти технологические черты сближают перечисленные орудия с ножами "классического" трехслойного пакета, хорошо известными по материалам из Новгорода Великого (Колчин Б.А., 1959, с. 51, 52; Завьялов В.И., Розанова Л.С., 1990, с. 155, 156). Интересно отметить, что все три ножа датируются не позднее

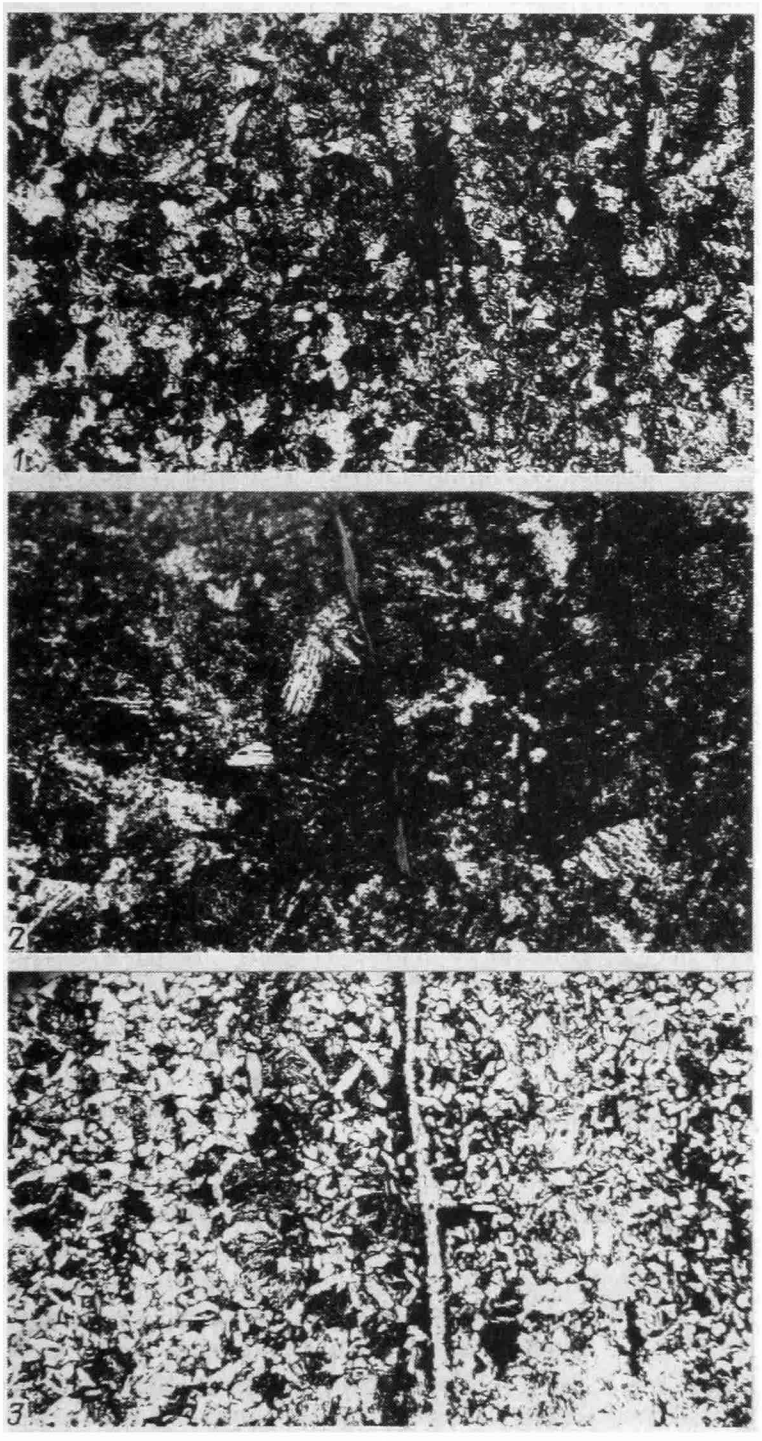


Рис. 4. Фотографии микроструктур. *1* – ан. 5960, топор, феррит с перлитом; *2* – ан. 5960, топор, мартенсит с троосititом; *3* – ан. 6343, нож, сварочный шов. Травление ниталем. Увеличение 150

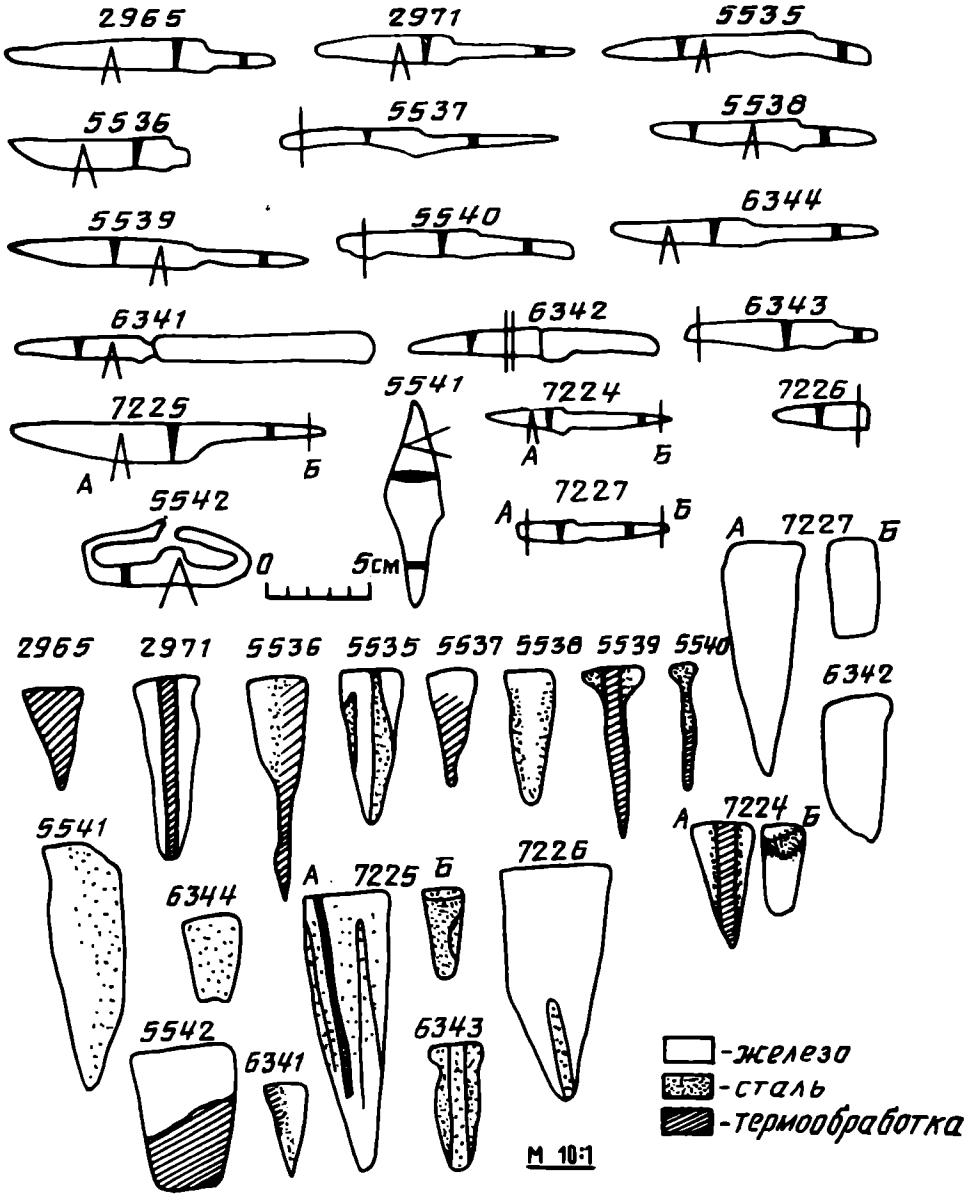


Рис. 5. Технологические схемы изготовления железных предметов

середины XI в., т.е. временем наибольшего распространения подобных орудий в Восточной Европе.

Еще один нож этой технологической группы происходит из погребения 34 могильника Нефедьево IB. Сварка полос выполнена также на достаточо высоком уровне (рис. 5, ан. 6343). Однако подбор сырья свидетельствует о том, что кузнец не вполне ясно осознал все преимущества "классического" трехслойного клинка. Пакет этого орудия был сварен из трех стальных пластин с неравномерным содержанием углерода (колеблется от 0,05 до 0,7%). При этом наиболее углеродистые участки наблюдаются на крайних полосах. Металл сильно загрязнен шлаками. Следов термообработки на данном образце не обнаружено (рис. 4, 6).

Близкая к трехслойному пакету технология вварки обнаружена на ноже из поселения Усть-Ситна III (рис. 5, ан. 7226). Из технологических особенностей этого орудия отмечу, что сварка велась длительное время при повышенной температуре. Результатом явилось отсутствие четкого сварочного шва. Подобную картину описывает на основании экспериментов Р. Плейнер (Pleiner R., 1973, p. 25). Для основы взято

высокофосфорное железо (микротвердость феррита – 254–350 кг/мм^2). Характер структуры указывает, что нож, возможно, подвергался высокому отпуску.

Кузнечная сварка применялась и при изготовлении ножей из пакетных заготовок. В исследованной коллекции обнаружено два таких ножа (рис. 5, ан. 5535, 7225). На шлифе орудия XIII в. из селища Кудрино выявлены четыре чередующиеся полосы железа и стали. Содержание углерода 0,3–0,4% в крайней полосе и 0,7–0,8% в центральной полосе (ан. 5535). Широкие (около 0,03–0,04 мм) сварочные швы указывают на невысокий уровень сварки. Более качественно сварка выполнена у ножа из Усть-Ситны III (ан. 7225). Ширина сварочных швов у этого образца не превышает 0,015–0,025 мм. Содержание углерода в стальных полосах колеблется от 0,2 до 1,2%. Однако в отличие от образца 5535 на шлифе ножа из Усть-Ситны III последовательного чередования стальных и железных полос не прослеживается. Но четкое вертикальное расположение сварочных швов и в данном случае позволяет говорить о преднамеренном пакетовании заготовки. Следует подчеркнуть, что этот нож является единственным в исследованной коллекции, относящимся к I группе по классификации Р.С. Минасяна, которую исследователь соотносит с финно-угорским миром (Минасян Р.С., 1980, с. 68–74). Долгое время ножи этой группы вообще не встречались в памятниках Белозерья (Макаров Н.А., 1990, с. 54).

Ножи с цементированным лезвием представлены четырьмя экземплярами. Все они происходят из могильника Нефедьево IB и датируются XII в. (рис. 5, ан. 5536, 5537, 5538, 6341). Лезвия трех орудий были термообработаны – одно закалено (ан. 5537), а два других после закалки отпущены (ан. 5536, 6341). Следует отметить, что такая высокая доля использования цементации (четверть всех исследованных ножей) не характерна для памятников северной зоны Древней Руси, где этот технологический прием не получил широкого распространения. Для примера: в карельских памятниках ножи с цементованными лезвиями составляют 4% (Хомутова Л.С., 1982, с. 207), а в курганах веси на р. Оять и на поселении Крутик не встречено ни одного такого ножа (Хомутова Л.С., 1985, с. 216; Розанова Л.С., 1991, с. 178). Ножи, изготовленные по этой технологии, обнаружены только в одном из исследованных памятников, что, возможно, является специфической чертой кузнечной продукции.

Из цельнометаллических заготовок откованы пять ножей. Три орудия откованы из стали (рис. 5, ан. 2965, 5540, 6344). При этом на изготовление одного ножа пошла сырцовая сталь с содержанием углерода около 0,2% (ан. 6344). Два других орудия откованы из твердой стали и закалены (ан. 2965, 5540). Два ножа откованы из кричного железа (рис. 5, ан. 6342, 7227). Качество ковки обоих орудий невысокое.

Кресало происходит из погребения 19 могильника Нефедьево IB. Оно относится к типу калачевидных кресал с язычком, получивших широкое распространение в Новгороде в X–XII вв. (Колчин Б.А., 1982, с. 163). Кресало изготовлено по технологии наварки стального лезвия на железную основу (рис. 5, ан. 5542). Качество сварки удовлетворительное. Сварочный шов в виде белой полосы имеет ширину 0,025–0,03 мм. Стальная и железная части орудия очень сильно отличаются по количеству шлаковых включений: если железная основа сильно загрязнена шлаками, то в стали они практически отутствуют. Изделие подвергнуто резкой закалке. Такая технологическая схема повторяет орудия, известные по новгородским материалам (Колчин Б.А., 1959, с. 102).

Плоский черешковый наконечник стрелы типа 46 по А.Ф. Медведеву (Медведев А.Ф., 1966, с. 67, 68) найден в погребении 22 могильника Нефедьево IB. Откован он из сырцовой стали с содержанием углерода на отдельных участках до 0,4–0,6%. Ковка наконечника завершилась при повышенной температуре, на что указывает видманштетный характер феррито-перлитной структуры (рис. 5, ан. 5541).

Обобщая результаты металлографических анализов железных орудий из памятников региона Белого озера, прежде всего следует подчеркнуть технологическое единство всех предметов. Не прослежено каких-либо различий между орудиями из памятников трех региональных групп. Говоря о качестве сырья, можно отметить, что железо

большинства экземпляров характеризуется крупнозернистостью. У многих образцов в феррите наблюдается большое количество шлаков. Сталь в отношении неметаллических включений намного чище. Для изготовления орудий применялась как сырцовая, так и в большей степени специальная томленая сталь. Крупнозернистость феррита и его повышенная микротвердость (на некоторых образцах она достигала 274 кг/мм^2 и выше) свидетельствует об использовании железа с высоким содержанием фосфора. Судя по ножам (ан. 2971, 5539, 7224) и топорам (ан. 2917, 4913, 4916), это сырье применялось целенаправленно.

Наиболее характерным технологическим приемом изготовления орудий труда в исследованной коллекции оказалась сварка стального лезвия и железной основы предмета, позволявшая сочетать в орудии твердость стали и вязкость железа. Этот прием получил широкое распространение у кузнецов Восточной Европы начиная с конца I тыс. н.э. Особенностью этого приема в коллекции железных орудий из памятников Белозерья является отсутствие (за исключением кресала) изделий с наварными стальными лезвиями. Основная масса орудий была изготовлена или по схеме трехслойного пакета (ножи), или по схеме вварки стального лезвия (топоры) (табл. 2). Возможно, что это наблюдение имеет хронологический характер – широкое распространение технологии наварки по материалам Новгорода начинается со второй половины XII в. Вполне естественно, что на периферии Новгородской земли появление новых технологий происходило с запаздыванием.

Технологическая сварка у орудий из памятников Белозерья не отличалась высоким качеством. На 12 образцах (из 21 сварного предмета) сварочные швы оказались широкими, в них встречаются довольно крупные шлаки. При этом интересно отметить, что у всех ножей, изготовленных по технологической схеме трехслойного пакета, сварка была проведена на высоком уровне.

Из более простых технологий, применявшихся для улучшения рабочих качеств орудия, следует упомянуть цементацию. Этот прием, как и технологическая сварка, позволяет получить острое стальное лезвие при вязкой железной основе. Однако цементация заметно проигрывает сварке в связи с большими временны́ми затратами (для получения стальной структуры толщиной в 1,5 мм требуется не менее 1 ч). Длительный нагрев предметов требовал к тому же и значительного расхода топлива. Вот почему в начале II тыс. н.э. среди материалов ведущих ремесленных центров Восточной Европы этот технологический прием сравнительно редок. В исследованной коллекции, напротив, изделия с цементированным лезвием составляют значительную часть (около 19%), а среди ножей даже четверть была изготовлена с помощью этого приема (табл. 2). Такую высокую долю цементации можно объяснить тем, что она является более простой технологией по сравнению со сваркой и могла применяться менее квалифицированными кузнецами.

Из цельнометаллических заготовок было выковано 17 предметов (табл. 2). Большинство из них было цельностальными (11 экз.). Интересно отметить, что цельностальными были боевые топоры типов III и IV. По наблюдениям над материалами из других памятников видно, что выковка боевых топоров из цельностальных заготовок – устойчивый технологический прием изготовления этого вида древнерусского оружия. В то же время для рабочих топоров более характерной была сложная технологическая схема изготовления – вварка стального лезвия.

Распространенной операцией по улучшению рабочих качеств орудий была термическая обработка. Метастабильные структуры обнаружены более чем на половине исследованных изделий. Применялись как резкая закалка, так и закалка с последующим отпуском. Причем последний прием был более характерен для топоров.

Проведенные металлографические исследования позволяют говорить о том, что орудия труда из железа и стали попадали в Белозерье из ведущих ремесленных центров Северо-Запада Руси. Прежде всего это касается раннего этапа освоения славянами рассматриваемого региона (XI – первая половина XII в.). Именно для этого периода характерны ножи с трехслойным клинком. Несомненно, что в процессе

Таблица 2

Распределение технологических схем по категориям исследованных предметов

Категории изделий	Технологические схемы*							Всего
	1	2	3	4	5	6	7	
Топоры рабочие		3820 3821 **3822** **3823** 4914 4915 4917 5533 **5956** 5957 5961 **7779**		**2974**	**2972** 2973 **3819** 5959 **7780**	**2961** **5534**	2975 4913 4916 5958 7778	25 (11)
Топоры боевые		2962			**2960**	3818 **4911** **4912** **5960**		6 (5)
Ножи	**2971** **5539** 6343 **7224**	7226		5535 7225	**5536** 5537 5538 **6341**	**2965** **5540** 6344	6342 7227	16 (8)
Кресала			**5542**					1(1)
Наконечники стрелы					5541			1
Всего	4 (3)	14 (6)	1 (1)	3 (1)	11 (7)	9 (7)	7	49 (25)

* 1 – трехслойный пакет; 2 – вварка; 3 – наварка; 4 – пакетование; 5 – цементация; 6 – цельностальной; 7 – цельножелезный. Выделены термообработанные экземпляры. В итоговой графе количество термообработанных экземпляров приведено в скобках.

освоения региона Белого озера на поселениях появляются местные кузницы. Однако уровень работающих в них мастеров вряд ли был сравним с уровнем городских кузнецов. Именно с этими кузнецами следует связать поковки, показавшие невысокое качество изготовления. Можно высказать предположение, что доля предметов местного изготовления увеличивается начиная с середины XII в. Это предположение подкрепляется тем фактом, что с этого времени, по данным, полученным на материалах Новгорода, среди ножей начинают преобладать орудия с наварными лезвиями. В исследованной же коллекции не обнаружено ни одного такого ножа. В свою очередь это может свидетельствовать об уменьшении зависимости местного населения от привозных орудий труда.

В целом полученные данные подтверждают факт колонизации районов к северу от Белого озера выходцами из Новгородских земель. На первом этапе колонизации, при сохранении тесных связей с ремесленными центрами (или до тех пор, пока были

пригодны орудия, изготовленные в этих центрах), население почти полностью удовлетворяло свои потребности в железных орудиях за счет привозных предметов.

Постепенно, с налаживанием собственного производства, отвечавшего скромным потебностям небольших коллективов, в быту начинают преобладать предметы местного изготовления, начинает формироваться местное железообрабатывающее производство.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гурин М.Ф., 1987. Кузнечное ремесло Полоцкой земли IX–XIII вв. Минск.

Даркевич В.П., 1961. Топор как символ Перуна в древнерусском язычестве // СА. № 4.

Завьялов В.И., Розанова Л.С., 1990. К вопросу о производственной технологии ножей в древнем Новгороде (по материалам Троицкого раскопа) // Материалы по археологии Новгорода. 1988. М.

Иванов П.П. 1952. Материалы по истории мордвы VIII–IX вв. Моршанск.

Кирпичников А.Н., 1966. Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, боевые топоры, кистени IX –XIII вв. // САИ. Вып. Е1-36. М.; Л.

Колчин Б.А., 1953. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси. Домонгольский период // МИА. Вып. 32.

Колчин Б.А., 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. Вып. 65.

Колчин Б.А., 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.

Кочкуркина С.И., Линевский А.М., 1985. Курганы летописной веси X – начала XIII века Петрозаводск.

Кочкуркина С.И., Розанова Л.С., 1987. Итоги технологического изучения кузнечной продукции древней корелы (по материалам городищ Паасо и Тиверск) // КСИА. Вып. 190.

Макаров Н.А., 1990. Население русского Севера в XI–XIII вв. По материалам могильников восточного Прионежья. М.

Медведев А.Ф., 1966. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострелы) VIII–XIV вв. // САИ. Вып. Е1-36. М.

Минасян Р.С., 1980. Четыре группы ножей Восточной Европы эпохи раннего средневековья (к вопросу о появлении славянских форм в лесной зоне) // Арехологический сборник ГЭ. Вып. 21. Л.

Розанова Л.С., 1991. Итоги металлографических исследований кузнечных изделий // Голубева Л.А., Кочкуркина С.И. Белозерская весь (по материалам поселения Крутик IX–X вв.) Петрозаводск.

Савельева Э.А., 1971. Пермь вычегодская. К вопросу о происхождении народа коми. М.

Хомутова Л.С., 1982. Технологическая характеристика кузнечных изделий из раскопок Тиверска и Паасо по результатам металлографического анализа // Кочкуркина С.И. Древняя корела. Л.

Хомутова Л.С., 1985. Металлографическое исследование структуры железных вещей из курганов Юго-Восточного Приладожья // Кочкуркина С.И., Линевский А.М. Курганы летописной веси X – начала XIII века. Петрозаводск.

Blom G.A., 1991. Iron in Medieval documents and literature // Bloomery ironmaking during 2000 years. Seminar in Budalen 1991. Vol. I. Trondheim.

Pleiner R., 1973. Metallography of Early Artifacts: the Problem of Welding Together Iron and Steel // Early Medieval Studies. № 6. Stockholm.

Институт археологии РАН, Москва

V. I. ZAVJALOV

THE IRON ARTIFACTS FROM BELOYE LAKE AREA

Summary

This article deals with the metallographic analyses of iron artifacts from the Lake Beloye area. The complex ethnocultural process that this region underwent occurred simultaneously with the appearanc of new instruments. The collection includes about 10–12 types of irons tools (not very many). Axes were the most widespread tool-usually made with the help of technologiya "vvarki". The use of this method became a typical feature of the axes that were studied. It's interesting to note its use in the producting of knives. This method includes the "classical" method as well as other simpler methods. The analyses data prove that the area around was colonized by settlers from the Novgorod land. In due course, the tools that were made by local craftsmen were used in conjunction with the imported black metal implements.

Я.А. ЯКОВЛЕВ

ПЕРВАЯ НАХОДКА МААССКО-РЕЙНСКОЙ ЧАШИ XII–XIII вв. В АЗИИ

В Среднем Приобье, в верхнем устье р. Кети – правого притока р. Оби – стоит раб. пос. Тогур. Административно эти земли входят в Колпашевский р-н Томской обл. В 1979 г. в 4–5 км ниже Тогура в осыпи правого берега Конеровской протоки местным жителем была случайно найдена бронзовая чаша. Обернутая берестой, она залегала на глубине 0,8 м от линии современного горизонта. Предпринятые, по словам находчика, поиски других раритетов и даже частичные раскопки берегового склона никаких иных находок, а также остатков строений либо погребений не выявили. Через год чаша была подарена Колпашевскому краеведческому музею, где под инв. № 2569 хранилась среди неатрибутированных экспонатов вплоть до 1992 г., пока случайно не была обнаружена автором. Выезд на место находки и самое тщательное обследование берега склоняют к мысли об отсутствии на этом месте погребения или культурного слоя, хотя 13-летние ежегодные паводковые разрушения берега не позволяют утверждать это безоговорочно (Яковлев Я.А., 1992, с. 10, 11).

Чаша великолепно сохранилась. Изготовленная из бронзы толщиной 2,5–3,0 мм, она имеет диаметр устья 291–294 мм, диаметр плоского дна около 175 мм и высоту 46–50 мм (рис. 1). Верхний край отогнут параллельно дну на 9–10 мм и к ребру немного утолщен. Через 75–120 мм по нему нанесено 10 групп-скоплений мелких кольцевых вдавлений, поочередно образующих овальные и подтреугольные фигуры.

Дно и внутренние стенки чаши орнаментированы гравировкой – растительными узорами, изображениями людей и надписями на латыни.

В центральном медальоне помещена сидящая антропоморфная фигура с фасовым положением корпуса и повернутой на $^3/_4$ вправо чуть склоненной головой. Ее драпирует длинная просторная одежда, ниспадающая с разведенных в разные стороны колен прямыми складками. Наброшенная на плечи и перекинутая через правую руку накидка узкой лентой тоже свободно опущена вниз. Из коротких широких рукавов со свисающими вниз манжетами высовываются разведенные в стороны, согнутые в локтях и поднятые вверх руки, в каждой из которых зажато по книге. На голове изображен невысокий головной убор (корона?), очерченный кругом-нимбом. Длинной прерывающейся дугой в композицию рисунка ввведено слово HUM-KI-T-AS (правильно Humanitas – Человеколюбие). По контуру центральной медальон ограничен двумя концентрическими линиями шнурового орнамента, между которыми помещена надпись "HAC RADICE BONANASCITUROMNE BONUM" (Nac radice bona nascitur omne bonum – Из этого доброго корня произрастает всякое благо). Начало и конец надписи, замкнутой по кругу и почти не имеющей разрывов между словами, помечено значком креста, расположенным над головой центрального антропоморфного персонажа.

Вокруг медальона на дугообразной плоскости перехода дна в стенки в крестообразной композиции группируются четыре погрудные антропоморфные фигуры. Плечи их изображены в фас, передача голов различна: противолежащие слева и справа персонажи расположены в полный профиль с разворотом в противоположные стороны, верхний и нижний – с поворотом в $^3/_4$ в разные стороны и с наклоном вниз.

© Я.А. Яковлев, 1996 г.

Как и центральное изображение, все они имеют на головах одинаковые головные уборы (короны?) с нимбами и одеты в широкие ниспадающие вниз одежды с отложным открытым широким воротом. Аллегорический характер фигур подчеркнут дугообразными надписями вокруг их голов: верхней – FID-ES (Вера), правой – SP-ES (Надежда), нижней – PARI-TAS (Равенство), левой – PACIE-NTIA (правило Patientia – Терпение).

Остальную поверхность стенок занимает стилизованный растительный орнамент. Над головой каждой из четырех погрудных антропоморфных фигур изображено по широкой чашке цветка с волнистым верхним краем и лепестками, проработанными строенными вертикальными линиями. На свободных участках меж ними четырежды повторяется один и тот же узор из подобных, но более узких цветочных чашек, стеблей и листьев с вплетенными среди них надписями – названиями пороков: OD-IVO (правильно Odium –Ненависть, Вражда), PE-CCA-TU (правильно Peccatum – Прегрешение), Do-LUS (Хитрость, Лукавство). Заметны ошибки (в написании слов "Humanitas", "Patientia", "Odium", "Peccatum") и небрежность графики (неверное начертание букв "e" и "a" в "Peccatum"). По верху внутренней стенки у самого края чаши узор завершается четырьмя отрезками шнурового орнамента.

Изделие относится к числу "выкованных из листовой бронзы романских чаш XI–XIII вв., по технике изготовления и стилю выгравированного изнутри орнамента составляющих компактную группу" (Даркевич В.П., 1966, с. 55). Накопленный почти за два последних века обширный материал по затронутой теме наиболее полно представлен в обобщающей работе Т. Поклевского (Poklewski T., 1961). С ее основными положениями русскоязычный читатель знаком по тому "Свода археологических источников" под авторством В.П. Даркевича (1966). В общей сложности этими исследователями опубликованы данные о 156 бронзовых чашах. Все они, по типологии Т. Поклевского, в зависимости от орнамента разделены на шесть типов. Описанный экземпляр относится к типу II, представленному В.П. Даркевичем следующим образом: "Тип II объединяет экземпляры с изображениями погрудных человеческих фигур, персонифицирующих христианские добродетели и пороки. Фигуры снабжены пояснительными легендами. В их орнаменте различаются две стилистические тенденции. На чашах подтипа II-а орнамент, выгравированный тонкими линиями, трактован детально и старательно, слова выписаны аккуратно, очень мало пропусков и изменений букв... На сосудах подтипа II-б... рисунок, выполненный глубокими жесткими штрихами, более схематизирован. Надписи изобилуют ошибками и пропусками букв, часто совсем неразборчивы... Складки одежд условно переданы вертикальными прядями черточек одинаковой длины. Орнамент скомпонован в центрической лепестковой композиции из трех или четырех погрудных широкоплечих фигур в полукружиях, размещенных вокруг центрального медальона. Характерными мотивами растительно-геометрического орнамента фона являются длинные радиальные стебли с чашечками цветов и округлыми листьями, пучки параллельных линий, имитации шнура в виде коротких S-видных черточек" (Даркевич В.П., 1966, с. 55, 56). Изделия этого типа датируются второй половиной XII – рубежом XII–XIII вв. Отличия между подтипами II-а и II-б заключены в области стиля: второй подтип, по мысли Т. Поклевского, является хронологическим продолжением подтипа первого, причем с признаками явного художественного регресса. Объясняется это изменением в характере производства чаш: если до конца XII в. они изготавливались по индивидуальным заказам (подтип II-а), то к рубежу XII–XIII вв. мастера, выпуская массовую продукцию, стали работать на рынок (подтип II-б) (Даркевич В.П., 1966, с. 63; Древняя Русь..., 1985, с. 396). По орнаментальному оформлению, погрешностям в орфографии и графике легенд гогурская чаша близка экземплярам подтипа II-б. Однако детализация и проработанность центральной фигуры, наличие круговой надписи в медальоне удовлетворяют критериям подтипа II-а. Поэтому описываемая находка может быть отнесена к промежуточному варианту между подтипами II-а и II-б и датироваться второй половиной XII – рубежом XII–XIII вв. Такая же хронология определена В.П. Даркe-

Рис. 1. Тогурская чаша XII–XIII вв. из области Мааса – Нижнего Рейна

вичем для аналогичной чаши из Риги с надписью антонимического содержания "Nac radice mala nascitur omne malum" – "От этого дурного корня произрастает всякое зло" (Даркевич В.П., 1966, с. 43, табл. 12, *1*).

Место изготовления находки определяется довольно точно. Согласно мнению В.П. Даркевича, им является район низовьев Мааса и Рейна. В экономически развитых городах именно этого региона Лотарингии – Льеже, Аахене, Динане, Гюи, Кельне и др. – во второй половине XII–XIII в. наблюдался всплеск производства бронзовой художественной утвари, в том числе орнаментированных чаш, распространявшихся по всей Европе. Наиболее вероятными пунктами для расположения мастерских либо одной

специализированной мастерской по изготовлению бронзовых чаш этот исследователь называет города Аахен и Кельн. Т. Поклевский считает, что на исходе XII в. центр производства чаш из района Мааса–Нижнего Рейна переместился на Нижнюю Эльбу, в Саксонию – другой крупнейший бронзолитейный центр Западной Европы того времени (Даркевич В.П., 1966, с. 52, 55, 56, 63, 64; Древняя Русь..., 1985, с. 396).

Места обнаружения чаш типа II (II-а – 14 экз.; II-б – 18 экз.) довольно равномерно распределены по территории Западной, Средней и Восточной Европы. На древнерусских землях таких находок отмечено две (на Вщижском городище Черниговского княжества и в Старой Рязани – Даркевич В.П., 1966, с. 21, 22; Древняя Русь..., 1985, с. 410, табл. 170, *б*) или три (плюс к названным мелкий обломок чаши с городища Зеленче на территории Галицкого княжества – Даркевич В.П., 1966, с. 9). Массовый выпуск чаш подтипа II-б предназначался на экспорт, "восточное направление которого определяет картографирование". Основной причиной этого, очевидно, были колонизационные устремления крестоносцев в Восточной Прибалтике и христианизация местного населения, в которой чаши с аллегорическими изображениями христианских добродетелей и пороков призваны были выполнять и пропагандистские, и ритуально-прикладные функции (Даркевич В.П., 1966, с. 56, 57, 69).

До обнаружения тогурского экземпляра самой восточной точкой в картографированнии находок таких чаш было городище Старая Рязань. Теперь расстояние от места изготовления чаш до восточной кромки их экспорта увеличилось более чем вдвое. Любопытно, что новой находке по всем критериям наиболее близок именно старорязанский экземпляр. Он, к сожалению, сохранился не полностью, и его опубликованные репродукции значительно разнятся. Если обратиться к более полному и позднему рисунку этой чаши (Древняя Русь..., 1985, табл. 170, *б*), то ее отличие от Тогурской можно проследить лишь в отсутствии афористической надписи вокруг медальона и конечных букв в словах "Humkitas", "Pacientia", пятилепестковом оформлении композиции с добавлением аллегорического изображения с нечитаемой легендой, строго профильном отображении лиц всех антропоморфных персонажей и несколько иной трактовке ворота на одежде погрудных изображений. В остальном сходство поразительно – вплоть до оригинальной графики букв "P" и "R" в слове "PARITAS". Если же сравнивать с более ранней репродукцией старорязанской чаши (Даркевич В.П., 1966, с. 21, 22, табл. 14, *4*), то снимается и такое заметное композиционное противоречие, как количество персонифицированных добродетелей. Большое сюжетно-стилевое, орнаментальное и эпиграфическое сходство новая находка обнаруживает с чашами из Херсонеса (Крым), Риги – 2 экз. (Латвия), Кальви – 2 экз. (Эстония), Филипповки (Польша), Штаде (Нижняя Саксония), Роттердама (Голландия) (Даркевич В.П., 1966, с. 37, 43, 45, табл. 12, *1, 2;* 13, *1, 2*).

На территории Западной Сибири к сегодняшнему дню известно семь предметов западноевропейского происхождения XI–XIII вв., место обнаружения пяти из которых (двух бронзовых водолеев, двух серебряных чаш и серебряной крышки) доподлинно не установлено (Даркевич В.П., 1966, с. 39, 40, табл. 33). На территории Барабинской низменности в Новосибирской обл. найден средневековый европейский меч (Молодин В.И., 1976; Дрбоглав Д.А., Кирпичников А.Н., 1981), в Среднем Приобье – описываемая чаша. Обе последние вещи, помимо их точной географической привязки, объединяет отнесение к числу случайных, вне археологического памятника находок, единое место и время изготовления, а также уникальный для Азиатской части континента факт обнаружения. У В.П. Даркевича относительно бронзовых чаш есть посылка, что их "единичные экземпляры проникали далеко на север – в область финно-угорских племен", однако она не развернута ни в тексте, ни в картографическом приложении (Даркевич В.П., 1966, с. 55). Нам неизвестны случаи обнаружения к востоку от Урала бронзовых западноевропейских чаш XI–XIII вв. описываемого типа, помимо тогурской.

Проблема проникновения продукции западноевропейского ремесла в Сибирь в эпоху развитого средневековья вряд ли может быть сегодня решена.

Скорее всего, чаша была получена через Русь. Известно, что еще с X в. славяне торговали с германскими городами на Дунае. Особое оживление этих связей произошло во второй половине XII в.: например, из 99 восточноевропейских находок художественной утвари из Западной Европы, учтенных в сводке В.П. Даркевича, 61 датируется второй половиной XII – первой половиной XIII в. (Даркевич В.П., 1966, с. 62, 63). В это же время, начиная с XI в., новгородские землепроходцы активно осваивали районы Северного Зауралья и Западной Сибири. В письменных источниках XII в. есть сведения о походах "за Югру и за Самоядь" (Даркевич В.П., 1966, с. 68), в документах XVI в. упоминается о древнем пути в Нижнее Приобье под названием "Зырянская дорога", или "Русский тёс" (История Сибири, т. 2, 1968, с. 34). Связь Руси с Зауральем и Приобьем хорошо документируется и археологическим материалом, причем максимальная ее активность приходится тоже на XII – первую половину XIII в. (Финно-угры и балты..., 1987, с. 215). Такое положение, когда одновременно с массовым выбросом продукции западноевропейских городов в Восточную Европу (Русь в том числе) совпал максимальный торгово-военный интерес русских к "Югорской землице", вполне могло иметь своим следствием проникновение отдельных вещей с берегов Рейна до берегов Оби.

Впрочем, не исключено перемещение чаши в Сибирь опосредованным путем из Северной Европы через Приуралье (Даркевич В.П., 1966, с. 68). Известно, что до установления торгово-военной гегемонии Новгорода в IX–XIII вв. активные связи с населением Биармии (бассейны Северной Двины и Печоры) поддерживали скандинавские мореходы.

Помимо внешних – европейских причин экспорта чаш так далеко на восток существовали и внутренние – сибирские, обусловленные спросом на такого рода изделия. С эпохи раннего средневековья у населения Зауралья и Западной Сибири блюда играли важную роль в культовой практике. Известен, например, обычай обских угров жертвенное мясо в некоторых случаях есть только из металлической посуды. У манси во время жертвоприношения было принято вешать на дерево два блюда, олицетворявших солнце и луну. Еще более яркий характер имеет использование блюд в обрядовой практике, связанной с культом небесного всадника-богатыря. Его образ, знакомый всем западносибирским аборигенам и обским уграм прежде всего, наиболее рельефные формы приобрел в мировоззрении и фольклоре манси, где фигурирует под именем Мир-Сусне-Хума. Во время шаманских камланий, направленных на сношение с этим чрезвычайно важным в жизни людей божеством, около помещения ставились четыре металлических тарелки или блюда. Именно на них должны были опуститься копыта волшебного крылатого коня Товлынг-лува при спускании божества с небес (Чернецов В.Н., 1947, с. 120–124; Пелих Г.И., 1972, с. 147, 148).

Полисемантический образ небесного всадника в мировоззрении дорусского населения Приобья среди прочего персонифицировался и с солнцем, поэтому, по некоторым данным, упомянутые четыре тарелки должны были иметь изображения этого светила (Мифы народов мира, 1988, с. 153). О прямом отождествлении блюд с солнцем уже упоминалось. Вписанный в окружность крест в качестве солярного знака известен в Западной Сибири с эпохи раннего железа, поэтому крестообразная композиция внутри круглой чаши, изготовленной на далеком Западе, понималась и принималась древними жителями Оби в качестве культового символа. Условия нахождения тогурской чаши – изолированность, обернутость берестой – тоже подтверждают ее сакральное употребление.

Широкое использование металлических блюд в обрядовой практике населения Северного Зауралья и Западной Сибири обеспечивало высокий и устойчивый спрос на эти изделия, что, конечно же, учитывалось заинтересованными в торговых контактах соседями. Наиболее массовым ввоз чаш и блюд в указанные регионы стал в конце раннего – развитом средневековье. К давно известным в сибирской археологии образцам торевтики XIII–XIV вв. из Ирана, Золотой Орды, Волжской Болгарии теперь добавилась и чаша из Западной Европы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Древняя Русь: город, замок, село, 1985 // Археология СССР. М.

Даркевич В.П., 1966. Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (X–XIV вв.) // САИ. Вып. Е1–57. М.

Дрбоглав Д.А., Кирпичников А.Н., 1981. Европейский средневековый меч, найденный в Западной Сибири // Памятники кульутры. Новые открытия. Ежегодник. – 1980. Л.

История Сибири, 1968. Т. 2: Сибирь в составе феодальной России. Л.

Мифы народов мира, 1988. Т. 2. М.

Молодин В.И., 1976. Находка меча из Западной Сибири // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. Вып. 3. № 11. Новосибирск.

Пелих Г.И., 1972. Происхождение селькупов. Томск.

Финно-угры и балты в эпоху средневековья, 1987 // Археология СССР. М.

Чернецов В.Н., 1947. К вопросу о проникновении восточного серебра в Приобье // Тр. Ин-та этнографии. Нов. сер. Т. I. М.: Л.

Яковлев Я.А., 1992. Отчет о полевых работах Кетского археологического отряда ТГОИАМ в 1992 г. в Александровском, Колпашевском и Верхнекетском районах Томской области // Архив ИА РАН.

Poklewski T., 1961. Misy brozowe z XI, XII i XIII wieku. Lodz.

Томский государственный объединенный
историко-архитектурный музей

J. A. JAKOVLEV

FIRST 12th-13th CENTURIES MAAS-RHINE CUP FOUND IN ASIA

Summary

The bronze cup was found accidently in the Middle Ob river area on the territory of Tomsk region. It is decorated with anthropomorphic images, allegories of the Christian virtues with Latin inscirptions and ornaments with names of prophets interlaced with them. The find belongs to the group of artifacts produced by the Low Lotharingia urban craftsmen in the second half of the 12th – the early 13th centuries. Nevertheless several signs testify to the fact that it is an original example. Probably the cup was brought to Siberia through Novgorod. It was the time of the great trade and military interests of Rus to Siberia. A great number of products made in the west european towns penetrated to the Eastern Europe simultaneously. Such distant eastern export was caused by both the outer reasons and the inner needs of the local Siberian population. Dishes and cups were used in religious rites as sacral artifacts. The great number of these artifacts produced in Iran, Golden Horde and Bulgaria on the Volga appeared in the western Siberia and the region beyond the Urals in the developed Middle Ages.

История науки

С.П. ЩАВЕЛЕВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПОЧИН КУРСКОГО УЧИТЕЛЯ А.И. ДМИТРЮКОВА В 1820–1830-е ГОДЫ

На протяжении первой половины XIX в. в различных слоях русского общества заметно усилился интерес к прошлому своей страны и памятникам ее культуры. Подъему патриотических настроений способствовали и победоносная Отечественная война 1812 г., и входившие в моду национальные варианты романтизма в искусстве, и труды В.Н. Татищева, Н.М. Карамзина, других первых историков России. Импульсы к сбережению и изучению разного рода древностей шли поначалу из просвещенной среды столичной интеллигенции (Формозов А.А., 1990, с. 34–38). О встречном краеведческом движении в тогдашней провинции известно пока очень мало.

Тем интереснее вспомнить почти забытое ныне имя Алексея Ивановича Дмитрюкова (1795 – после 1868). Уроженец курского городка Суджи, он окончил губернскую гимназию и три года пробыл вольнослушателем Харьковского университета. После этого почти полвека преподавал историю в нескольких уездных училищах Курской губернии (Формулярный список о службе и достоинстве чиновников и учителей Рыльского уездного училища, 1857 // ГАКО, оп. 1, д. 2, л. 132 об. – 133). Малообеспеченный своим скромным чином VIII классов (коллежского асессора) и должностью училищного смотрителя, обремененный большим семейством (из двух сыновей и пяти дочерей), Алексей Иванович тем не менее на досуге много и плодотворно занимался местной стариной, археологической и этнографической.

Разъезжая по губернии в служебных командировках, Дмитрюков попутно изучил и сравнил между собой внешние формы явно искусственных возвышенностей. На его взгляд, они распределялись на две основные группы: 1) "принадлежащие к военному искусству древние крепостцы-городища", а также редуты позднейших времен и 2) "курганы, содержащие смертные остатки – могильники наших далеких предков" (Дмитрюков А.И., 1863, с. 508, 509). Данная классификация по существу совпадает с современными научными понятиями этих заметных на местности памятников археологии. Между тем не только простые, но и ученые люди того времени (вроде З. Доленги Ходаковского или проф. И.И. Срезневского) почитали городища заброшенными святилищами язычников, а многие курганы принимали за остатки дозорных башен (акад. П.И. Кеппен) или жилищ (Ю.И. Венелин).

Еще важнее заметить, как построил свой археологический поиск курский краевед. На протяжении всего прошлого и начала нынешнего веков дорогу постепенно складывающейся научной археологии станут переходить лица, принимавшиеся "копать, когда не знаешь, что ищешь, а накопав вещей, не знаешь, что с ними делать" (Протоколы..., 1915, с. 8, 9). Зачем же шел на курганы и городища с лопатой в руках сам Дмитрюков? Кроме явной фантастичности людской молвы о "кудеяровых станах", – объяснял он мотивы своих раскопок, – "составляемая мною тогда «История города Суджи и его уезда» (напечатанная в 1828 г. в «Историческом и статистическом

© С.П. Щавелев, 1996 г.

журнале», в Москве) обязывала сколько можно изыскать истину" (Дмитрюков А.И., 1854, с. 28).

Первый поход за погребенными в земле древностями энтузиаст предпринял к с. Горналь (Дмитрюков А.И., 1864), что верстах в 15 от Суджи на р. Псел. Там, по его описанию, "идут по лесу и по пахоте весьма многие могильные насыпи с находящимися в них скелетами и при них разными мелочными украшениями; а в особой группе могильников найдены глиняные сосуды со сожженными костями покойников". Большую по сравнению с остальными величину некоторых курганов самодеятельный археолог проницательно объяснял "важностью скрываемого покойника". Всего в 1829 г. им было вскрыто четыре кургана с остатками трупосожжения да восемь курганов из соседней группы насыпей – тех, что содержали трупоположения на уровне материка. Все "это кладбище какого-то неизвестного русской истории города"[1], – подытожил исследователь.

Затем он перешел на близлежащие городища, большое и малое, у той же Горнали, видя в них опять-таки мертвый город на Псле, точнее "развалины бывшего поселения какого-то, доисторических времен, многочисленного народа". На такую в принципе правильную мысль его навело сличение керамики, найденной тут и там: "И как оно (большое горнальское городище. – *С.Щ*) года за два перед тем было распахано, то при поверхностном обозрении находил я на нем черепья банок (фрагменты сосудов, говоря современным языком. – *С.Щ.*), подобные тем, какие были мною вырыты в курганах, наполненных жженными костями".

Что касается меньшего городища, то оно относилось к владениям Николаевского Белогородского монастыря и было занято его деревянной церковью и садом. Краевед заложил здесь глубокий шурф, но ничего из вещей не обнаружил. Во всяком случае он убедился в нелепости крестьянской побасенки, будто "там жила какая-то царица: жители села Горналь водворились тут не более двух веков назад, а жительство какого-то народа, бывшего некогда в этих местах и притом многолюдного, восходит до древнейших времен нашей истории" (Дмитрюков А.И., 1854, с. 26, 27), – заключил первоначально Алексей Иванович.

По возвращении с археологической экскурсии он продолжал штудировать Н.М. Карамзина и другие доступные ему публикации по истории древней Руси. То, что привлекло в них его внимание в связи с обнаруженными суджанскими древностями, представляется опять-таки весьма здравыми в общем догадками. Так, найдя летописное известие (под 1153 г.) о походах киевского князя Изяслава Мстиславича к берегам Псла для отражения половцев, краевед предположил в горнальских укреплениях славянский форпост на рубеже с кочевнической степью. Прослеженный им на местности "высокий вал со рвом составляет с прочими оврагами как бы крепость, имеющую за собой кладбище", – курганник. Здесь очевидно "искусство в защищении сих мест и границ великорусских княжений", прослеживаются следы "неоднократных сражений с татарами и другими неприязненными народами". К сходным выводам приводили его курганные находки – изделия высокоразвитого ремесла (разнообразные бусы, браслеты, перстни, височные кольца, шейные гривны и т.п.). Такие вещи могли принадлежать народу, "более или менее образованному", каким курский историк находил восточных славян накануне христианизации. «А если принять слова Масуд: "У русских и славян, живших на Итиле, сожигаются вместье с мужьями и жены", – рассуждал он, – может быть, в этих банках, стоящих по две в одном кургане, были сожженные тела мужа и жены, а в курганах с одной банкой были прах и кости одного покойника» (Дмитрюков А.И., 1854, с. 37).

Особый интерес возник у него к архивным документам, находившимся в поле

[1] Доследовать горнальские памятники пришлось Д.Я. Самоквасову и советским археологам. Их раскопки уточнили: здесь находилось племенное укрепление славян-роменцев, переставшее в русский город. Предположительно это Воргол, числившийся летописью за Рыльским княжеством и погибший в 70-х годах X в. при набеге степных кочевников. (Куза А.В., 1981, с. 6–39; Кашкин А.В., Узянов А.А., 1994, с. 16–18).

зрения суджанского жителя. Он делал выписки из межевых книг XVII–XVIII вв., копировал некоторые грамоты того же времени, обнаруженные в хранилище Николаевского монастыря (вскоре, кстати, запустевшего) и "присутственных местах" уездных центров губернии. "Весьма желательно, – по убеждению Дмитрюкова, – чтобы живущие в Белгороде и имеющие возможность получить сведения в архивах занялись отысканием актов, указывающих на пребывание в сих местах неизвестного нам народа, в большом селении жившего". Рассчитывал он и на частные собрания старинных бумаг, прежде всего у потомков казачих старшин курско-белгородской части Слободской Украины. "Любители отечественных древностей легко себе представят пользу, могущую произойти для Истории от дальнейшего и подробного исследования сих предметов" (Дмитрюков А.И., 1828, с. 218), – надеялся, и не без основания, Алексей Иванович. Опубликованные им самим акты не столь древние – XVII в., но содержат много оригинальных сведений по исторической географии региона (Дмитрюков А.И., 1851б; 1853а, б).

Для проверки своих гипотез учитель на следующий, 1830 г., опять приехал на горнальские курганы. Тогда "разрыты были еще многие, при пособии помещика с. Рождественского, майора Г.П. Хлопова, и вещи в них попадались подобные упомянутым". Когда же Дмитрюкова в 1848 г. перевели в Рыльск, он и тут – летом 1849 г. – обследовал городище, так называемую гору Ивана Рыльского, нашел пещеры (земляные церкви?) на ее склонах и, наконец, раскопал два кургана – большой и малый – в монастырском саду неподалеку. Те оказались похожи на суджанские по языческому обряду погребения сожженных покойников в урнах. В итоге этих историко-археологических поисков Дмитрюков осторожно предположил в изученных городищах остатки древнерусских городов, а в курганах – их кладбища. Эта версия в принципе подтвердилась впоследствии исследованиями профессиональных археологов.

Оценим логику археологического исследования, предпринятого курским любителем древностей: от осознанной исторической проблемы – к раскопкам, а затем, ради объяснения полученных в поле результатов – к сохранившимся письменым источникам о прошлом этой земли. Подобной методологической схеме, комплексному подходу к анализу источников, что нащупывал Дмитрюков, принадлежало будущее в изучении первых веков отечественной истории. Гипотетические выводы самого краеведа носили, вполне понятно, предельно общий характер и на историческую науку того времени сразу не повлияли. Впрочем, признания со стороны русских историков, включая самых видных вроде С.М. Соловьева или В.С. Ключевского, археологи так и не дождались по крайней мере до конца нынешнего столетия. К вещественным источникам исторического познания абсолютное большинство университетских профессоров относилось тогда с недоверием, опасением.

Скромным, но весьма симптоматичным образцом необходимости полевой, экспедиционной проверки некоторых кабинетных выкладок на исторические темы явилась заметка Дмитрюкова о действительной топографии р. Локни, фигурирующей в летописном эпизоде русско-половецких столкновений. Смотрителю училищ удалось поправить в этом частном вопросе Н.М. Карамзина и С.М. Соловьева, называвших эту речушку притоком то ли Веры, то ли Сейма, а она на поверку оказалась притоком р. Суджи (Дмитрюков А.И., 1862).

Не менее любопытна методика дмитрюковских раскопок, определенная им для себя задолго до 1874 г., когда III Киевский съезд археологов утвердил для России первую инструкцию на сей счет (Щавелев С.П., 1992, с. 9–12). "При разрытии... курганов, – пояснял наш автор, – я не перерезывал их крестообразным рвом, но, отмерив наверху пространство в квадратную сажень, углублялся до основания кургана"). Сейчас археологи уже оставили такой способ вскрытия курганных насыпей – "колодцем" как несовершенный. Однако отмеченный прием вплоть до начала XX в. оставался самым распространенным при раскопках курганов и в России, и за границей, рекомендовался археологическими инструкциями тех лет. Учтем и то обстоятельство, что дореволюционные археологи, начиная с самого Дмитрюкова, не располагали техникой и доста-

точными денежными средствами, чтобы перемещать большие массы земли, чего требует нынешняя методика копать насыпь кургана целиком, на снос. "Для сего потребны и познания, и время, и пособия капитала, – сетовал Алексей Иванович, – что все редко дается в удел одному".

Кроме всего прочего, грубоватые с точки зрения будущей научной методики раскопки курского краеведа объективно носили охранный, даже спасательный характер. При первоначальном осмотре попсельских курганников он насчитал в общей сложности до 2 тыс. отдельных насыпей. "Во всех группах, проезжая после те места, заметил я, – сообщает этот автор, – весьма большое уменьшение их от распашки, которой ежегодно уничтожается весьма большое их количество, особливо по мере вырубки леса". В конце XIX в. могильных насыпей оставалась здесь около 300. К сегодняшнему дню сохранилось всего два десятка горнальских курганов, а на территории Большого Горнальского городища продолжается строительство частных домов сотрудниками здешней школы-интерната. Что касается открытого Дмитрюковым северянского могильника на площади Николаевского монастыря под Рыльском, то ныне он "почти полностью уничтожен огородами и дорогой" (Фролов М.В., 1991, с. 84).

Полученные Дмитрюковым-археологом результаты невелики по объему, но, надо признать, достаточно информативны, особенно для своего времени. Хотя он не представлял себе необходимости помогильной фиксации находок и графического изображения каждого расчищенного погребения, однако весьма подробно описывает устройство однотипных могил, структуру курганной насыпи, состав ее почвы, способ захоронения, положение останков покойного или урны с его прахом, перечисляет весь погребальный инвентарь, извлеченный из данной группы курганов.

Часть своих находок краевед в 1850 г. отослал в Академию наук. С этим учреждением у него к тому времени наладилась корреспондентская связь: сначала он препроводил туда "описание метеоров, кои были наблюдаемы в ночи от 31 октября 1831 г.", а затем и другие синоптические наблюдения. Конференция Академии изъявила за это свою признательность, занесенную в послужной список педагога. Некоторые вещи из суджанских курганов находчик уступил профессору Харьковского университета Венедиктову и другим знакомым, а большинство подарил Курскому статистическому комитету, выполнявшему тогда, кроме всего прочего, историко-краеведческие функции (Бердинских В.А., 1994). Судьба этой последней части дмитрюковской коллекции оказалась самой счастливой – много позднее она легла в основу экспозиции губернского музея, открытого в Курске в 1903 г. вместе с ученой архивной комиссией.

Помимо других школьных дисциплин Дмитрюкову приходилось вести уроки рисования и черчения. Поэтому изображенные им планы местности с указанием обнаруженных археологических памятников вполне точны и даже изящны (рис. 1). То же относится к рисункам, которые он выполнил в масштабе, а частью в натуральную величину с наиболее замечательных вещей (включая сосуды), найденных в курганах (рис. 2) (Дмитрюков А.И., 1830). С подобной же скрупулезностью описаны им городища – отмечены их очертания, состав почвы, высота, площадь, конфигурация валов и рвов, соседние стационарные ориентиры, рассказы местных жителей насчет этих памятников старины, результаты шурфования и сбора подъемного материала.

Важным шагом на пути к научной археологии можно считать дмитрюковский опыт сопоставления полевых материалов отдельных памятников одного географического микрорегиона (суджанских и рыльских). Алексей Иванович предвидел необходимость сводных карт археологических объектов отдельных регионов страны: "Протяжение прерванных в одном уезде валов, замеченное в других уездах и губерниях, могло бы дать справедливую догадку о месте, защищаемом этими рвами и проч." (Дмитрюков А.И., 1863, с. 516, 517). Подобные своды памятников истории и археологии в дальнейшем, как известно, были составлены и перенесены на карты соответствующих райо-

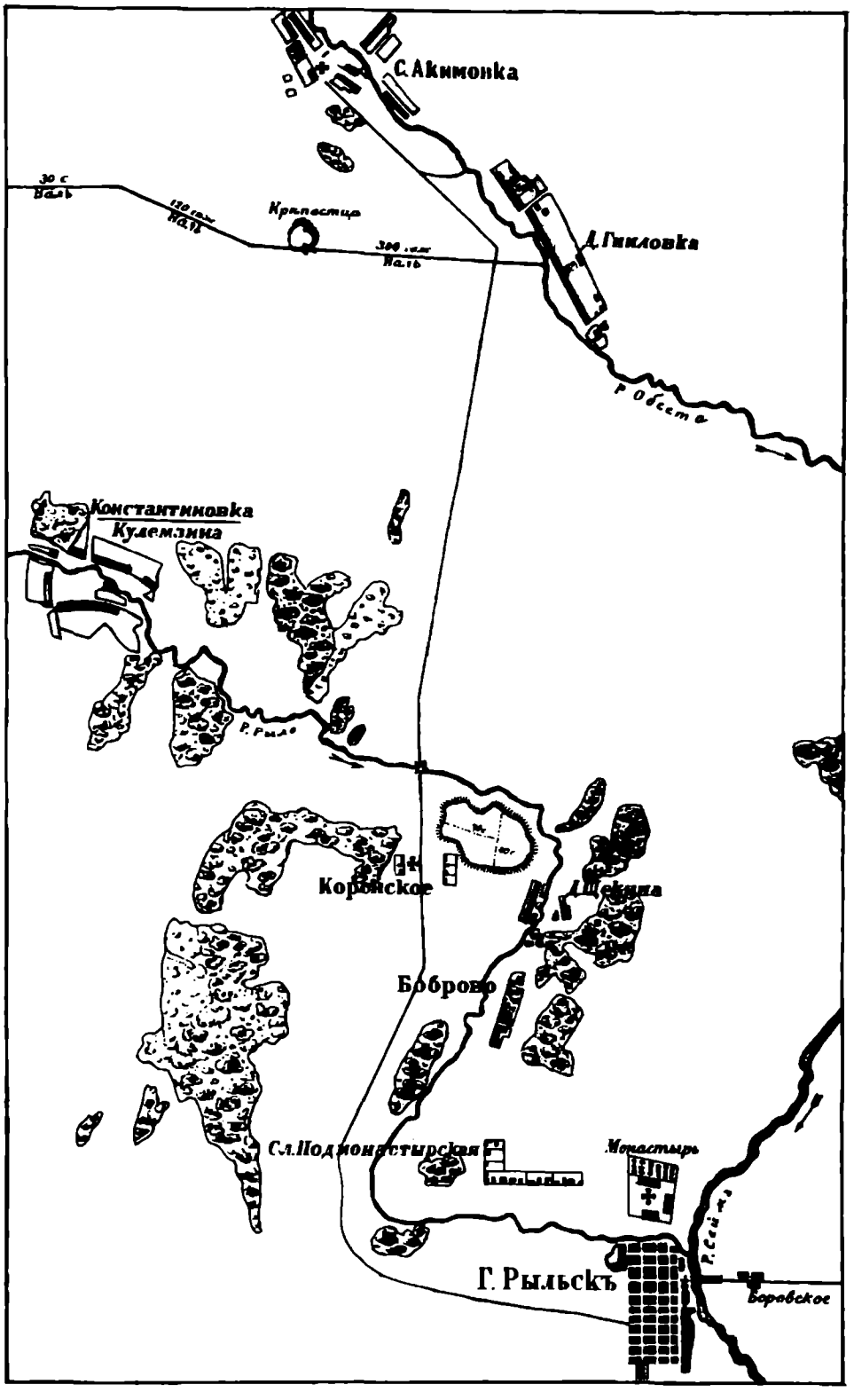


Рис. 1. Чертеж А.И. Дмитриева: городища и валы в округе Рыльска. Из кн.: Дмитрюков А.И., 1863. Илл. между с. 512 и 513

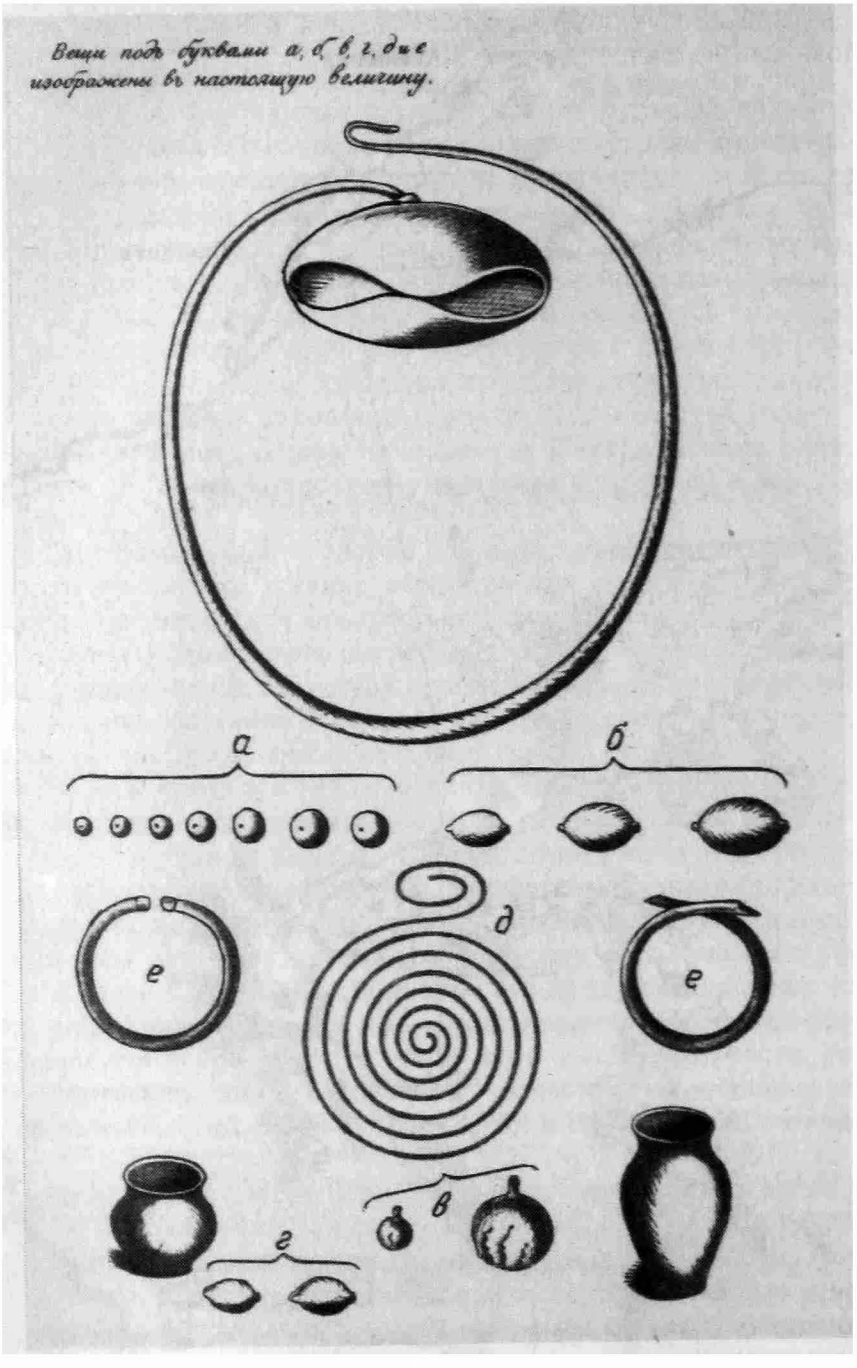


Рис. 2. Образцы погребального инвентаря из курганов с трупоположениями возле с. Горналь Суджанского уезда. Раскопки А.И. Дмитрюкова 1829–1830 гг. Из кн.: Дмитрюков А.И., 1863. Ил. между с. 512 и 513

нов. С их помощью осуществлялись разведки профессиональными археологами, а теперь налаживается охрана уцелевших памятников материальной старины. Археологические публикации курского учителя со временем приобрели характер исторических первоисточников. Ссылки на эти работы открывают историографические обзоры у остальных исследователей археологии Курского Посеймья – Д.Я. Самоквасова, Д.И. Багалея, П.В. Голубовского, А.А. Спицына; А.Е. Алиховой, И.И. Ляпушкина, Ю.А. Липкинга, А.И. Пузиковой, О.В. Сухобокова, А.В. Кузы, А.В. Кашкина,

А.А. Узянова, В.В. Енукова, М.В. Фролова и др., что представляет большую редкость для печатной продукции полуторастолетней давности. Надо сказать, что сам первоисследователь надеялся на такую научную эстафету "в труде, превышающем силы одного лица", "требующем усилий многих любителей древностей", как он оговаривал в итоге своих очерков – близких прообразов полевых отчетов будущих археологов.

Не меньшую пользу отечественной науке оказали этнографические наблюдения А.И. Дмитрюкова. В качестве члена- сотрудника Императорского географического общества, при котором имелось отделение этнографии, он на протяжении 1830–1860-х годов подготовил цикл работ о народных традициях и образе жизни своих земляков – суджанцев и рылян (Дмитрюков А.И., 1831; 1842; 1850; 1850–52; 1865). По собственным наблюдениям и архивным источникам им описаны жилища, одежда и пища, нравы, праздники и обычаи, суеверия и обряды русских и украинских крестьян, представителей других сословий, уездные достопримечательности, архитектурные памятники, ландшафты (Дмитрюков А.И., 1851а, л. 1–4). Информация "небезызвестного курского этнографа" (как называли его издатели) была опубликована лишь частично, в нескольких сжатых очерках, при помощи московских редакторов Н.А. Полевого и М.П. Погодина, с которыми Дмитрюков долго переписывался. Полные рукописи отложились в архиве Географического общества, откуда широко заимствовали информацию Д.К. Зеленин и другие ведущие специалисты по восточнославянской этнографии. Манускрипты Дмитрюкова они считали выдающимися по подробности описания (Зеленин Д.К., 1912, с. 113) и своевременности запечатления реалий народного быта, стремительно менявшегося под натиском индустриальной цивилизации.

Как видно из сказанного, труды Алексея Ивановича Дмитрюкова по археологии и этнографии одними из первых в России приблизились к уровню эмпирического научного знания и потому сохраняют актуальность в наши дни. На примере этого замечательного краеведа видно, что историография отечественных древностей обязана учитывать не только опыт столичных ученых и центральных научных учреждений, но и успешные усилия любителей старины из российской провинции (Щавелев С.П., 1993, с. 91–93).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бердинских В.А., 1994. Губернские статистические комитеты и русская провинциальная историография 1860–1890-х годов. Автореф. дис.... докт. ист. наук. М.

Дмитрюков А.И., 1828. О курганах и могильных насыпях в Суджанском уезде // Исторический, статистический и географический журнал, или Современная история света. Ч. 2. Кн. 1. № 4.

Дмитрюков А.И., 1830. Изображения вещей, найденных в могильниках, находящихся в Суджанском уезде Курской губ. // Отдел рукописей РГБ. Ф. 231. Ч. 5. Оп. 4. Д. 18.

Дмитрюков А.И., 1831. Нравы, обычаи и образ жизни в Суджанском уезде, 1831 // Московский телеграф. Ч. 39, № 9, 11.

Дмитрюков А.И., 1842. Дополнение к очеркам демонологии малороссиян // Маяк. Кн. 12.

Дмитрюков А.И., 1850–52. Домашний быт жителей Рыльского и Суджанского уездов Курской губ. // Архив Географического общества России. Ф. 19. Оп. 1. Д. 16.

Дмитрюков А.И., 1850. Сведения о некоторых местностях Курской губ. // Архив Географического общества России. Ф. 19. Оп. 1. Д. 25.

Дмитрюков А.И., 1851а. Город Рыльск. Приложение. I. Вид города Рыльска со стороны реки Сейма с "Чертова кургана". II. Вид Рыльского Николаевского монастыря // Отсюда рукописей РГБ. Ф. 231. Ч. 3. Оп. 4. Д. 15.

Дмитрюков А.И., 1851б. Отказная книга новому городу Судже, учиненная 1664 года стольником Герасимом Семеновичем Рагозиным // Курские губернские ведомости. № 3.

Дмитрюков А.И., 1853а. Список с грамот и указов, жалованных Сумского полка Черкасским казакам // Курские губернские ведомости. № 16, 17.

Дмитрюков А.И., 1853б. Список к описи окружной межи Суджанского уезда // Курские губернские ведомости. № 32.

Дмитрюков А.И., 1854. Городища и курганы, находящиеся в Суджанском и Рыльском уездах // Вестн. ИРГО. Ч. XI. Кн. 4. СПб.

Дмитрюков А.И., 1862. Река Локня // Этнографический сборник, издаваемый ИРГО. Вып. V. СПб.

Дмитрюков А.И., 1863. Городища и курганы в Суджанском и Рыльском уездах // Труды Курского губернского статистического комитета. Вып. 1. Курск.

Дмитрюков А.И., 1864. О селе Горналь Суджанского уезда // Вестн. ИРГО. Ч. VI. Кн. 3. СПб.

Дмитрюков А.И., 1865. Очерк демонологии малороссиян // Москвитянин. Т. XII. М.

Зеленин Д.К. 1912. Материалы для описания Курской губернии, хранящиеся в Ученом архиве ИРГО // Курский сборник. Вып. VII. Курск.

Кашкин А.В. Узянов А.А., 1994. Об одном несостоявшемся городе на верхнем Псле // Проблеми ранньосло'янскоЇ І давньоруськоЇ археологїЇ Посейм'я. МатерІали науковоЇ конференцІЇ, присвяченоЇ 900-рІччю Вира-БІлопІлля. БІлопІлля.

Куза А.В., 1981. Большое городище у с. Горналь // Древнерусские города. М.

Протоколы общих собраний ИРАО за 1899–1908 годы, 1915. Пг.

Формозов А.А., 1990. Русское общество и охрана памятников культуры. М.

Фролов М.В., 1991. Раскопки в Рыльске // Археология и история юго-востока Руси. Курск.

Щавелев С.П., 1992. Становление археологической методологии и методики в России // Теория и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны. Тез. докл. науч. конф. Липецк.

Щавелев С.П., 1993. Историография провинциальных древностей (Эскиз периодизации применительно к юго-востоку России) // Археология и история юго-востока Древней Руси (Матер. науч. конф.). Воронеж.

Курский государственный медицинский
университет

Критика и библиография

Andre Debenath and Harold L. Dibble. Hand-book of Paleolithic typology. V. I. Lower and Middle Paleolithic of Europe. University of Pennsylvania. Philadelphia. 1994. 202 p. il.

Книга, которую авторы называют справочником, изданная Музеем археологии и этнографии Пенсильванского университета, написана двумя авторами – специалистами по палеолиту – французом Андре Дебенатом и американцем Гарольдом Диббломом. Книга предназначена в первую очередь для студентов, но привлечет внимание и специалистов. Она представляет собой довольно неожиданную для наших дней попытку прокомментировать типологический тип-лист Ф. Борда с современных позиций, обратив большее внимание, чем у маститого ученого, на технологию производства заготовок и орудий, а также на группировку нуклеусов. Но тем не менее основа рассматриваемой работы – это типология орудий. Это очень важно, поскольку в настоящее время, как правильно отметил в предисловии к этому труду Ф. Кларк-Халлуэл, на повестке дня преобладает технология, т.е. изучение процесса производства орудий, выраженного в описании "цепи операций" – выявлении последовательности скалывания и в исследовании путей формирования, разработки и использования каменных орудий (с. viii). Увлечение технологией вызвало падение интереса к типологии. Рецензируемая книга, безусловно, пробудит новый интерес к типологии орудий, и в этом её большая ценность.

Определенное сходство построения книги А. Дебената и Г. Диббла с классическими работами Ф. Борда подчеркивает, что в основу нового издания положены фундаментельные идеи французского ученого и его тип-лист, которые, таким образом, выдержали проверку временем (Bordes F., 1954; 1961).

Рассматриваемая книга состоит из предисловия, 2 частей разбитых на 11 глав, и 2 приложений.

В первой главе рассматриваются два вопроса – современный взгляд на типологию Ф. Борда, организация и охват настоящего изложения. В начале справочника авторы подчеркивают давно известную, но никогда не теряющую своего значения истину о том, что типология каменных орудий является продуктом понимания предмета современным человеком и невозможно даже представить, какой была "классификация" орудий самим первобытным человеком (с. 4). Но любые современные взгляды подвержены изменениям и, следовательно, последние могут происходить и в наших представлениях о типах нижне- и среднепалеолитических орудий как основе для понимания о вариабельности палеолитических ассембляжей.

Можно согласиться с авторами, что какой бы несовершенной ни была существующая в настоящее время типология палеолитических орудий, она помогает их упорядочивать, что облегчает специалистам описания и, далее, эти классификации позволяют сравнивать различные палеолитические комплексы. Таким образом, типология может быть использована для анализа и интерпретации ансамблей артефактов в эволюционном, культурно-историческом плане (с. 4).

Бордовский метод, несмотря на его популярность, позволившую ему просуществовать более 40 лет, имеет ряд недостатков, специально подчеркнутых А. Дебенатом и Г. Диббломом.

1. Субъективность суждений Ф. Борда, основанных на качестве производства ("типичные и антипичные изделия"), интерпретация функций ("острие" и "конвергентное скребло") или на выявлении технической мысли первобытного производителя ("нуклеус предопределенной формы").

© В.А. Ранов, Р.С. Дэвис, 1996 г.

2. Тип у Ф. Борда представляется как идеальная форма. Но ведь на практике нет двух абсолютно одинаковых скребел и часто можно наблюдать постепенный переход от одного типа к другому, причем чрезвычайно трудно найти границы, отделяющие один тип от другого.

3. Бордовская типология не основывается на особенных, хорошо выделенных критериях. Эти признаки нами не могут быть четко поняты как функциональные, стилистические или быть обусловленными какими-то иными факторами.

4. Поскольку точное понимание типов, выделенных Ф. Бордом, невозможно, типология, предложенная этим ученым, является более описательной, чем аналитической (с. 5–6).

Эти недостатки в той или иной степени отмечались и ранее. В результате система Ф. Борда или отвергалась полностью (Г. Бозински, В.Н. Гладилин), или модифицировалась путем прибавления новых типов (А.де Люмлей, Ю.Г. Колосов, В.П. Любин). Упомянем в связи с этим меткое выражение о "прокрустовом ложе" 62 номеров тип-листа Ф. Борда (Коробков И.И., Мансуров М.М., 1972, с. 56). Но следует подчеркнуть, что равной по легкости использования, а отсюда и популярности системе Ф. Борда замены пока никто еще не предложил, в том числе и самые яростные его противники.

Интересно, что авторы справочника имеют различную позицию. Для А. Дебената, как и для самого Ф. Борда, типы палеолитических орудий рассматриваются как конечный продукт, который предусматривал первобытный мастер. С этой точки зрения вариабельность между типами есть отклонение от идеального типа, и это различие стиля разных групп людей, которые производят различный конечный продукт. Отсюда выделение фаций в среднем палеолите, или эти различия отражают разнообразные занятия людей. Для Г. Диббла выделенные Ф. Бордом или другими исследователями типы палеолитических орудий не представляют формальной категории или конечного продукта, но более или менее произвольную группировку изделий, которые были вторично обработаны и обновлялись до тех пор пока их стало более невозможно использовать (с. 6) (Dubble H., 1987).

В разделе "Организация и охват" подчеркивается, что в справочнике представлены новые дополнительные типы орудий, которые выделены другими авторами, специально на центральноевропейском материале. Указано, что недостаточно изучать идеальные формы, более важно исследовать границы между типами. Поскольку типология нижнего и среднего палеолита остается субъективной, настоящая книга рассматривается как первый шаг к созданию нового уровня типологий (с. 7).

Вторая глава – "Фундаментальные концепции и термины". Можно остановиться на относительно новом термине "reduction sequence" (с. 10), который охватывает весь процесс подготовки кремневого желвака к снятию отщепов и нанесения финальной ретуши на орудие. Ранее этот термин в форме "reduction strategy" применялся только к нуклеусам (Marks A., 1983, p. 74). Продолжительность процесса, который Я. Елинек называет "эффектом Фриссона", авторы считают главным в производстве каменных орудий, что отличает его от производства других материальных форм, например, керамики. Каменное орудие практически никогда не является законченным, разве только тогда, когда оно попадает в музейную витрину (с. 10). Это подчеркивает справедливость мнения тех исследователей, которые указывают на то, что специалисты, работают с каким-то уровнем использования нуклеуса или орудия, зафиксированного данным моментом его производства или утилизации (Сулейманов Р.Х., 1972, с. 78, 79; Dibble H., 1987, p. 194, 195).

Производство отщепов. Заключение авторов о том, что пластина есть удлиненный отщеп, имеющий параллельные края и параллельную огранку спинки, или это треугольные острия первого или второго снятия, более логично, чем формулировка Ф. Борда: пластина – это отщеп, длина которого в 2 раза больше ширины.

Полезен раздел, посвященный нуклеусам, в котором указывается на высокую вариабельность этого типа изделий, поскольку форма нуклеуса неоднократно меняется в процессе его использования. Тип нуклеуса, скорее определяется технологией, чем по форме, поскольку последняя непрерывно меняется в процессе скалывания. Другая проблема – отделение нуклеусов от некоторых типов орудий. Авторы полагают, что ее можно решать так: если данное изделие предназначено только для снятия заготовок – это нуклеус, если оно имеет и другое назначение – это орудие (с. 12). Совет очень хороший, да исполнить его не всегда легко, во всяком случае без специального трассологического анализа. Пользуясь случаем, обратим внимание читателя на опыт, в основе которого лежит математико-статистический метод. В результате удалось найти параметры, помогающие разделить эти две категории артефактов (Гинзбург Э.Х., Ранов В.А., 1981).

Далее следуют разделы, посвященные производству и техническим особенностям заго-

товок и измерению изделий. Они банальны, но без них просто невозможно обойтись. Можно согласиться с заключением о сложности измерительного процесса для эмпирических наук, к которым следует отнести археологию (с. 17). Отсутствие стандарта измерения часто приводит к отсутствию положительного сравнительного результата у разных исследователей. Далее следует объяснение принципа рисования каменных орудий. Позволим себе добавить еще одну ссылку на методическое пособие, написанное, кстати, рисовальщиком Ф. Борда (Douvois M., 1976).

Третья глава – "Палеолитические техники и технологии". Как кажется, четкого водораздела между этими двумя терминами нет. Техника – это приемы, при помощи которых производится расщепление камня, технология – процесс последовательного применения указанных приемов. Наиболее высоким уровнем технологии является "цепь операций" – термин, предложенный французскими учеными (он соответствует упомянутому понятию "reduction sequence" в англоязычной литературе). Эти термины охватывают весь объем работы: выбор первичного материала, начальную стадию обработки, снятие отщепов, пластин и заключительное превращение их в ретушированные орудия. На с. 22–23 рассматриваются хорошо известные техники расщепления камня: прямое скалывание, техника наковальни, контрударная техника, биполярное скалывание, скалывание с посредником, отжимная техника.

Здесь авторами приведено несколько интересных наблюдений, например, что существуют трудности с идентификацией заготовок в зависимости от "твердого" или "мягкого" отбойника. Они указывают на то, что как форма, так и размеры отщепов и пластин зависят более от подготовки ударной площадки, поверхности нуклеуса, чем от формы отбойника (с. 22).

Технология раскалывания: выделяется технология препарированного нуклеуса, техника комбева, аббевильская, раннеашельская, клектонская, мустьерская – дисковидный нуклеус, долечная технологии.

Наиболее интересна позиция авторов справочника в отношении технологии препарированного нуклеуса или леваллуазской технологии, поскольку "леваллуазская проблема" является предметом многих споров и все еще далека от разрешения. Сейчас совершенно очевидно, что классическое определение Ф. Борда "отщеп леваллуа – это отщеп, форма которого определена специальной обработкой нуклеуса, произведенной перед его снятием" (Bordes F., 1961, p. 14), явно недостаточно, ибо это, скорее, общая идея ("философия метода"), чем осязаемая реальность, хотя, судя по тексту справочника, его авторы вполне согласны с этим определением (с. 23).

Далее указано, что французские исследователи (Ж. Тиксье, Э. Боёда, М. Женест и др.) достаточно четко разделили леваллуазскую технологию на системные этапы, и каждая из трех выделенных фаз: подготовка поверхности нуклеуса, снятие леваллуазских заготовок и их ретуширование – характеризуется появлением сопровождающего продукта – первичных отщепов, снятий подготовки площадок, боковых снятий, атипичных отщепов, отделенных при подготовке поверхности нуклеуса, собственно леваллуазского продукта и отбросов (débris). А. Дебенат и Г. Биддл считают, что три известных технологических процесса изготовления отщепов, острий и пластин представляют одну общую технологию (с. 24–27). Правильно отмечено принципиальное сходство леваллуазских площадочных нуклеусов и верхнепалеолитической техники снятия призматических пластин (с. 27). Может быть, следовало бы более подробно остановиться на этом важном в плане эволюции технологии палеолита моменте (расширение площадки скалывания за счет охвата узких торцовых частей нуклеуса, начало кругового скалывания в плане замены противоположных площадок скалывания на одну круговую и т.д.).

Дефиниция между леваллуа и другими технологиями производства пластин очень сложна, поскольку в ряде случаев леваллуазскую пластину можно получить и другим, нелеваллуазским путем. Таким, например, является путь через подготовку реберчатого края и снятия реберчатой пластины (crested blade). Дальнейшее скалывание приводит к снятию пластин, которую можно назвать леваллуазской. Эта техника хорошо описана Э. Марксом и его коллегами в ряде работ. Если же брать "широкое леваллуа", причисляя к леваллуазским пластины, не отличающиеся от призматических пластин верхнего палеолита (Révillon S. et Tuffreau A. (eds.), 1994) (для русскоязычных авторов это "протопризматические пластины"), то вариабельность нуклеусов, с которых могут быть сняты леваллуазские пластины, значительно возрастает. Протопризматические пластины часто имеют мустьерские изогнутые площадки, они более массивны и имеют более высокое сечение и менее изогнутый профиль по отношению к настоящим верхнепалеолитическим пластинам.

Однако надо учитывать, что данный термин был выделен на некремневом среднеазиатском материале, в котором указанные выше различия выступают более явственно.

Далее в тексте справочника правильно указывается на сложность выделения реальных леваллуазских заготовок: "Проблема состоит в том, где провести водораздел между определением данной технологии, леваллуазской или нет... Вопрос состоит в том, относить ли данный вариант как один из возможных внутри леваллуазской технологии или же термин "леваллуа" должен применяться только для определенной технологии, а для других вариантов препарированного нуклеуса должны появиться новые наименования" (с. 29). Кстати, такая идея уже высказывалась ранее как возможное разделение леваллуазской технологии по крайней мере на три самостоятельных, существующих независимо от варианта снятия отщепов, острий и пластин (Tixier J., 1967, p. 817; Ранов В.А., 1989, с. 49).

Среди других технологий указаны специфические для Африки методы – Виктория Вест и Комбева. Заметим, что приведение мустьерской техники только к дисковидному нуклеусу вряд ли правильно, так как в мустьерском наборе заготовок участвуют не только сколы с дисковидного нуклеуса, но и другие формы. Очень хорошо, что в отдельную технологию выделена долечная техника citrus, slice, которая играет значительную роль в некоторых индустриях Европы (Вертешсёлеш, Эрд, Понтийское мустье) и в значительной степени имеет распространение в азиатских галечных культурах, например, в каратауской (Ранов В.А., 1986, с. 26–31).

Завершается эта интересная глава разделом "Техника ретуши и стиль производства орудий". Отмечаются три главные задачи, которые древний мастер решал при помощи ретуши края орудий: 1) оформление рабочего края, 2) подготовка рукоятки и, добавим от себя, аккомодационных участков, 3) нанесение ретуши, подготавливающей дальнейшую подправку края. Упоминаются наиболее распространенные формы ретуши (альтернативная, бифасиальная, инверсионная и т.д.) и ее типы (крутая, Кина, ориньякская, зубчатая, клектонская). Рассмотрены резцовые сколы, удар транше (рис. 3, 28). Хорошо, что приведен рисунок псевдорезца (рис. 3, 27), поскольку такой "псевдотип" орудия встречается не так уж редко. Правильно указано, что псевдорезцовый скол пересекает ударный бугорок отщепа, а иногда и точку удара. Можно добавить, что, по нашим наблюдениям, в инвентаре каратауской нижнепалеолитической культуры подобное раскалывание, расщепляющее отщеп примерно пополам, часто является результатом случайного разделения отщепа при его отделении от нуклеуса.

Рассматривая рисунки, представленные в этом разделе (рис. 3, *21* – 3, *28*), еще раз убеждаешься, что графическими средствами очень трудно передать реальный характер разных типов ретуши. Главными в этом вопросе являются все-таки описательные характеристики.

Главы: 4 – "Технологически выделенные орудия", 5 – "Острия", 6 – "Скребла", 7 – "Верхнепалеолитические орудия", 8 – "Зубчатые и выемчатые орудия", 9 – "Разные", 10 – "Галечные орудия", 11 – "Бифасы и кливеры", хотя и последовательно группируют артефакты по принципу бордовского тип-листа, имеют в каждом подразделении существенные дополнения. Так, включены такие типы, как острие Суайон, Фонтмор, скребло Тата, зубчатое скребло и т.д. К каждой главе предпослано небольшое введение, заостряющее внимание читателя на главных особенностях типологии рассматриваемых орудий.

Орудия, определяемые технологически, выделяются по своим морфологическим особенностям и мало зависят от процесса ретуширования. К ним относятся отщепы леваллуа – тип 1–2 тип-листа Ф. Борда, острия леваллуа – тип 3 и ретушированные леваллуазские острия. Правильно отмечены трудности дефиниции леваллуазской заготовки, от чего зависит количество выделенных в данном случае орудий, определяемых технологически (с. 45). Так, достаточно спорным являются примеры леваллуазских форм, таких, как на рисунках 4, *2, 4, 9, 12, 27, 30, 37*. Стоит привести определение, которые авторы справочника дают на с. 46: "Типичные леваллуазские отщепы и пластины имеют в целом симметрию к оси скалывания, пропорциональное соотношение длины и ширины, уплощенную внешнюю сторону. Размеры не играют роли при дефиниции, и отщепы могут быть очень маленькими (2–3 см длиной). Типичные отщепы леваллуа имеют подготовленную ударную площадку, включая фасетированную, двухгранную, но могут иметь и неподготовленную площадку "(последнее заключение, как кажется, противоречит представлению о заготовке леваллуа как продукта специально подготовленного нуклеуса). Если же к вышеприведенному перечислению добавить еще симметричность формы и пропорциональное сечение, с этим определением вполне можно согласиться. Заслуживает

внимания расширение условий отнесения заготовок к категории "леваллуа атипичное" (с. 48–49), но важно подчеркнуть, что большая часть этих форм представляет собой различный результат леваллуазской технологии. Замыкают группу технологически выделенных орудий ножи с естественной спинкой, на трудности дефиниции которых указывают специально. Совершенно правильно указано на то, что в ряде случаев к ножам с естественной спинкой относят "éclat débordant", "в том числе выделенный А.де Люмлеем "нож Бизе" (с. 54).

В главе "Острия" можно указать на не очень удачный рисунок острия первого снятия (рис. 4, *23*). Кажется, что у самого Ф. Борда есть более удачный пример (Bordes F., 1961, pl. 9, 11). В эту группу отнесено острие Суайон, отсутствующее в тип-листе Ф. Борда. Но с таким же успехом к леваллуазской технологии можно отнести и некоторые острия типа Эмирех. Псевдолеваллуазские острия к леваллуазской технологии не относятся (с. 52).

Рассматриваются острия различной технологии производства, оформленные хорошо выраженной ретушью. Это в основном мустьерские острия и удлиненные мустьерские острия. Указаны разночтения по поводу определения этих орудий, обязательным условием которых является устойчивая ретушь. Сложность состоит в том, что с точки зрения функции очень трудно определить, являлось ли данное орудие наконечником копья или дротика, ведь даже использованное по назначению орудие не несет на себе сколько-нибудь заметных следов использования. С другой стороны, функциональный анализ часто показывает, что типологически хорошо выделяемое орудие-острие в действительности является конвергентным скреблом. На с. 61–62 приведено немало полезных рассуждений на этот счет, но окончательные заключения просто невозможны. Среди многих других типов острий, приведенных в литературе, также упомянуты острия Фонтмауэр, Кинсон, лимасы.

Следующая глава рассказывает о наиболее распространенном орудии нижнего и среднего палеолита – скреблах. Скребла – одна из древнейших форм орудий палеолита, они известны уже в олдувае. Это наиболее часто встречающееся орудие среднего палеолита. Достаточно сказать, что название "скребло" было использовано еще Буше де Пертом в 1847 г. М. Брезийон подсчитал, что во французской литературе имеется 60 различных названий скребел, использовавшихся в различных описаниях. Для дефиниции скребел употреблялись разные критерии: форм заготовки, тип ретуши, ее расположение. Все же можно говорить о морфологическом или технологическом сходстве скребел (с. 70). Рассматривая бордовское определение скребла (Bordes F, 1961, p. 25), А. Дебенат и Г. Диббл указывают, что оно имеет слишком общий характер, а это допускает излишне большую вариабельность дефиниций. Определение скребла как орудия имеет функциональный характер, но следует помнить, что не все "скребла" использовались для скребущих функций. Часть из них была режущими орудиями или даже могла иметь и другое назначение. Вероятно скребла, как и многие другие палеолитические орудия нижнего и среднего палеолита, были полифункциональны. Подчеркнуто, что простого измерительного приема, как приставление карандаша для определения формы рабочего края, недостаточно, а более сложная система, могущая быть использованной для этой задачи, еще не отработана. Таким образом, пока мы должны пользоваться имеющимися в значительной степени произвольными дефинициями этого типа орудий (с. 170).

Далее идет краткое описание скребел согласно тип-листу Ф. Борда. Из 20 типов (9–29) исключено 2: скребло с ретушью на брюшке (25) и скребло с утонченным краем (27). Дано объяснение различия между трансверсальным скреблом и концевым скребком. Таблица на с. 79 показывает различное сочетание вариации рабочих краев (6 вариантов). Также даются советы для разделения скребел с крутой ретушью (тип 26 Ф. Борда) и ножей со спинкой, что основывается на морфологии орудий и характере противоположного края. У ножей он нересширован. Не всегда простым является отделение скребел с бифациальной ретушью и определение отличий от бифасов. Указывается на две особенности: край бифасиального скребла обработан наложенной непрерывной ретушью, охватывающей лишь краевую часть заготовки и не заходящей выше, лезвие скребла прямое, а не синусоидное. Во-вторых, общие очертания бифасиального скребла менее регулярны по сравнению с бифасами. Необходимо также отличать скребла с альтернативной ретушью от скребел с одним утонченным краем. Ретушь последних менее регулярна и меньше заходит на поверхность орудия. Авторами справочника дополнительно выделено семь типов скребел (скребло траншуар, которое может быть сопоставлено с бордовским типом 28, скребло с бифациальной ретушью, скребло типа Тата, зубчатое скребло, скребло на ударной площадке, скошенное скребло и скребло-нож).

Седьмая глава группируется согласно тип-листу Ф. Борда, орудия, отнесенные к

верхнепалеолитическим формам. Однако, если у французского исследователя к этой группе относятся четыре названия (концевые скребки, резцы, проколки, ножи с затупленной спинкой), то А. Дебенат и Г. Диббл включают дополнительно еще два номера списка Ф. Борда: тип 39 – раклеты и тип 40 – тронкированные орудия. Они специально указывают на главную слабость типологии Ф. Борда – расплывчатость и сложность применения понятия "атипичный", хотя никакого своего видения этой проблемы не предлагают, ограничиваясь лишь констатацией факта (с. 94). Это справедливо, ибо альтернативой использования термина "атипичный" может быть лишь его полное исключение из научного оборота, а это приведет к тому, что за бортом классификации останется значительное число артефактов.

Хотя большинство резцов нижнего и среднего палеолита выглядит как результат случайного раскалывания, имеются и изделия этого типа, безусловно, сделанные преднамеренно. Как правило, резцы этого времени формируются при помощи только одного удара. Насчет проколок: считать таковыми, по мнению авторов справочника, можно лишь формы с толщиной острия не более 1–2 мм и шириной в 1 мм. Атипичные проколки легко спутать с клювовидными орудиями (с. 99). Ножи со спинкой (в русскоязычной литературе "ножи с затупленной спинкой") также имеют расплывчатый ареал, если мы затронем их атипичные формы. Так, определение такого орудия в том случае, если аккомодиационной частью будет край с "не очень крутой ретушью", кажется нечетким, ибо такое орудие очень близко к скреблу с крутой ретушью. Также нечеткой является предложенная граница между концевым скребком и тронкированным орудием "по более крутой ретуши у второй формы" (с. 102).

Глава восьмая посвящена выемчатым и зубчатым орудиям. Авторы указывают, что эти типы очень аморфны и имеют небольшое число общих характерстик. Сложным является и отчленение настоящих выемчатых и зубчатых орудий от случайного повреждения краев заготовок, что неоднократно фиксировалось различными исследователями. То же можно сказать и о следах работы, которые также могут создать зубчатый край. Согласно классификации Ф. Борда имеется три типа выемчатых орудий: просто выемчатые, концевые выемчатые и треугольно-выемчатые. Что касается зубчатых орудий, то здесь интересно замечание о том, что зубчатая обработка края часто является результатом новой подправки серии выемок, первоначально образовывавших рабочий край (с. 107). Сложным является определение тейякского острия, основной признак которого – конвергентность краев, обработанных крупными сколами, иногда альтернативно. В этом плане рисунок 8, 35 неубедителен, так как достаточно детальная ретушь, изображенная на этом экземпляре, позволяет отнести изделие к обычным мустьерским остриям.

В следующую, девятую, главу включены мустьерское транше, топорики, рабо, псевдорезцы, черешковые орудия (тип-лист Ф. Борда, № 41, 45, 50, 60 и др.). Двухсторонне-обработанные листовидные орудия представлены многочисленными примерами из Центральной и Восточной Европы (Blattspitzen). Здесь полезно указать на работу В.П. Любина, значительно расширяющую территориальный круг этих орудий (Любин В.П., 1965, с. 63–68).

Собственно "Разными" (номер 62 списка Ф. Борда) в справочнике названы другие, чем у Ф. Борда, изделия: комбинированные орудия, изделия с тронкированной обработкой (сюда включены ножи костенковского типа, нуклеусы типа Нахр Ибрагим, известные на Ближнем Востоке, и дисковидные орудия) (с. 122–124).

Всего одна страница посвящена в большой степени спорным в плане определения функции галечным орудиям. Текст содержит ссылки на основные классификации и комментарии по этому типу орудий Африки и Европы. Основными проблемами, связанными с этим типом орудий, являются выделения различий между чоппингом и рубилом "с пяткой", между чоппером и нуклеусом. Авторы справочника указывают, что в сущности все типы орудий, представленные в предыдущих главах, которые обычно изготовлялись на отщепах и пластинах, могут также быть сделаны на гальках и обломках, если характер ретуши будет достаточно ясным для обоснования такой классификации (с. 126).

Определенная чоппера и чоппинга даны по Х.Л. Мовиусу, инверсионного чоппинга – по Ф. Борду.

Заметим, что метрико-классификационный анализ, проведенный в Таджикистане, показал, что единственным реальным различием у чопперов, взятых на нижнепалеолитических, среднепалеолитических и неолитических стоянках в этом регионе, явилось различие характера ретуши на рабочем крае орудия, тогда как другие параметры имеют нестабильные, случайные отклонения (Ранов В.А., Амосова А.Г., 1982).

Одиннадцатая глава "Бифасы и кливеры" – самая крупная в книге. И это вполне оправдано, этот тип палеолитических орудий чрезвычайно разнообразен и многочислен. Глава подразделяется на разделы: метрическая основа классификации бифасов, плоские бифасы, толстые бифасы, частичные бифасы и бифасы с неретушированной основой, аббевильские бифасы и др., кливеры.

Матрическая основа классификации бифасов проводится согласно идеи книги по Ф. Борду (как и метрические соотношения). В то же время предлагается более простая схема метрической классификации, в которой добавлены и новые формы (рис. 11, 4).

Разница между двумя основными группами бифасов – плоскими и толстыми – определяется предложенным Ф. Бордом соотношением максимального измерения ширины к толщине. Если это соотношение больше, чем 2,35, бифас относится к плоским (тонким – В.Р., Р.Д.), в другом случае – к толстым экземплярам (с. 132).

Среди первых рассматриваются треугольные, серцевидные, дисковидные (которые, по нашему мнению, могут быть исключены из классификации, например, бифасы, изображенные на рис. 11, *17* и 11, *18*, могут быть свободно определены как нуклеусы), овальные, лиманды и ладьевидные. Среди вторых названы копьевидные, миндалевидные, нуклевидные, удлиненные. По сравнению с классификацией Ф. Борда приведено несколько новых вариантов. Так, полезным представляется серия локальных форм бифасов, встреченных в палеолитических комплексах Центральной и Восточной Европы (рис. 11, *47* – 11, *101*). Нельзя, однако, согласиться с авторами справочника в справедливости отнесения к группе бифасов ножей "кейлмессер" или ножей "продник", поскольку понятие "бифас", и "бифасиальное орудие" не является тождественными.

Вызывает определенные сомнения включение в классификацию бифасов таких образцов, как приведенные на рис. 11, *40* – 11, *42*, т.е. частично выработанных бифасов и бифасов с неретушированным основанием. Такой подход нарушает очень важный "принцип сделанности", отделяющий собственно орудие от форм, которые являются лишь этапом в процессе его создания (Медоев А.Г., 1982, с. 43, 44).

Кратким является раздел кливеров (с. 170–171). Дефиниция кливера определяется по работам Ж. Тиксье, П. Биберсона, Ф. Борда, Ж. и Г. Гишаров. Основными особенностями этого орудия признаются следующие: кливер – это орудие, сделанное преимущественно на отщепах, которое имеет необработанную дистальную часть (поперечное лезвие, ретушь по длинным краям). Орудие может иметь бифасиальный характер. Вместе с тем, за кливер часто принимают любой крупный отщеп с поперечным лезвием (Mohapatra G., 1962, tabl. 22, *3*; tabl. 27; Islamov U., 1990, p. 683–686). Следовало бы подчеркнуть, что подлинным, завершенным кливером можно считать лишь экземпляры, имеющие характерную, часто детальную ретушь, затупливающую одну или две стороны орудия (Tixier J., 1956, fig. 1).

В первом приложении бегло изложен метод Ф. Борда, во втором – список рисунков, из которого можно узнать, откуда взято то или иное орудие, изображенное в тексте. Представляется что настоящая книга – это хороший пример жизнестойкости системы классификации (тип-лист) Ф. Борда, сохраняющей, несмотря на суровую критику, свое значение вот уже более 40 лет. Компактной и полезной представляется библиография, содержащая 190 названий, охватывающих время от 1847 до 1992 г. Нельзя не подчеркнуть, что книга, изданная "in folio", напечатана на хорошей бумаге с четким шрифтом и удачно тонированном фоном для рисунков.

Можно поздравить международный тандем с превосходной книгой, которая, несомненно, явится ценным вкладом в типологическое изучение нижнего и среднего палеолита. Нет никакого сомнения, что это хорошее дополнение к известным работам Ф. Борда найдет благодарного читателя не только среди студентов и начинающих археологов, которым она в основном адресуется, но и среди профессионалов.

В.А. Ранов, Р.С. Дэвис

Институт истории, археологии
и этнографии АН Таджикистана
Брин Мор Колледж, США

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гинзбург Э.Х., Ранов В.А., 1981. О комплексном сравнении чоппингов и нуклеусов // Описание и анализ источников. Иркутск.

Коробков И.И., Мансуров М.М., 1972. К вопросу о типологии тейакско-зубчатых индустрий // МИА. № 185.

Любин В.П., 1965. К вопросу о методике изучения нижнепалеолитических орудий // МИА. № 131.
Медоев А.Г., 1982. Геохронология палеолита Казахстана. Алма-Ата.
Ранов В.А., 1986. Раскопки нижнепалеолитической стоянки Лахути I в 1979 г. // АРТ. Вып. 19. Душанбе.
Ранов В.А., 1989. Парадокс леваллуа // Каменный век: памятники. Методика проблемы. Киев.
Ранов В.А., Амосов А.Г., 1982. Опыт классификации галечных орудий на примере чопперов Южного Таджикистана // Проблемы взаимосвязи природы и общества в каменном веке в Средней Азии. Ташкент.
Сулейманов Р.Х., 1972. Статистическое изучение культуры грота Оби-Рахмат. Ташкент.
Bordes F., 1954. Les limons quaternaires du bassin de la Seine // AIPH. Memoire 26. Paris.
Bordes F., 1961. Typologie du Paleotithique ancien et moyen. Bordeaux.
Dibble H., 1987. Reduction Sequences in the Manufacture of Mousterian Implements of France // The Pleistocene Old World-Regional Prespectives. New-York; London.
Douvois M., 1976. Precis de essins dynamique et structural des industries Lithique Préhistorique. Fanlac a Perigueux.
Islamov U., 1990. Sel'Ungour un nouveau site du Paléolithique inférieur en Asie Central // L'Anthropologie. T. 94. № 4.
Marks A., 1983. The Middle to Upper Palaeolithic Transition in the Levant // Advanced World Archaeology. Vol. 2.
Mohapatra G., 1962. The Stone Age Cultures of Orissa. Poona.
Révillon S. et Tuffreau A. (eds), 1994. // Les industries laminaires au Paléolithique moyen. Paris.
Tixier J., 1956. Le Hacherau dans l'Acheuléen Nord Africain. Notes typologique // XV CRF. Potiers – Anguleme.
Tixier J., 1967. Procedes d'analyse et questions de terminologie concernant l'etude des ensembles industriels du Paléolithique recent et de l'epipaleolithique dans l'Afrique du Nord. Discussion // Background to Evolution in Africa. Chicago.

О КОШИБЕЕВСКОЙ КУЛЬТУРЕ

В первом номере журнала "Российская археология" за 1995 г. А.В. Циркин выступил со статьей, направленной против периодизации культуры рязано-окских могильников, предложенной В.Н. Шитовым (Шитов В.Н., 1988а, с. 19, 20). В.Н. Шитов полагает, что в III–IV вв. в эпоху совершения ранних захоронений в Кошибеевском, Шатрищенском и Польно-Ялтуновском могильниках происходило формирование культуры рязано-окских могильников, дальнейшее развитие которой в классическом варианте V–VII вв. наиболее ярко отражено в материалах Борковского и Кузьминского могильников.

А.В. Циркин придерживается высказанной еще Н.В. Трубниковой гипотезы о существовании в I–V вв. в бассейне р. Цны самостоятельной кошибеевской культуры, аргументируя это положение рядом доводов (Циркин А.В., 1995, с. 81–90).

Позволим себе, не вдаваясь в подробности дискуссии о содержании термина "археологическая культура", рассмотреть эти аргументы в порядке, предложенном автором указанной работы. Полагая, что основным культуроопределяющим признаком являются элементы женского убора, А.В. Циркин выделяет "археологический предметный комплекс кошибеевской культуры", известный по материалам Кошибеева (в раскопках А.А. Спицына), Польного-Ялтунова, Сергачского могильника "Святой ключ" и захоронений на городище Ножа-Вар. При этом подразумевается, что для классических рязано-окских могильников типа Борковского, Кузьминского, Гавердовского и пр. эти вещи нехарактерны. Среди них "трех- и пятилепестковые височные привески с полушариями", "спиралевидные височные привески со щитком", "круглопроволочные гривны с замком в виде головки с полушарием и широкой петли на расплющенном конце" (речь идет о гривне с круглым раскованным щитком и пробитым в нем отверстием), круглопроволочные гривны с заходящими друг за друга концами в виде петли с обмоткой и грибовидного крючка (гривны "со скользящей" петлей), нарукавные повязки из трех рядов спиральных пронизей и конусовидных бляшек с ложновитым кантом по краю, головной убор из спиральных пронизей и круглых сегментовидных бляшек типа погр. 12 Кошибеева (раскопки А.А. Спицына), круглодротовые браслеты с обрубленными тупыми концами, нагрудные бляхи с двумя валиками, бляхи с концентрическим гравированным орнаментом, "плечевые" конусовидные привески на спиральных пронизях – входят, как правило, в состав накосников (Циркин А.В., 1995, с. 84, 85, рис. 1).

© И.В. Белоцерковская, И.Р. Ахмедов, 1996 г.

Таблица 1

Встречаемость предметов "кошибеевского комплекса" в рязано-окских могильниках

Предмет	Могильник			
	Борковский	Кузьминский	Шатрище	Кораблино
Трехлопастные привески	5	37, 38, 66, 69		Мыс 1, погр. 6
Гривны с круглым щитком и грибовидным крючком	2, 93, 107	24, 36, 78		Мыс 1, погр. 83
Браслеты с тупыми концами	13, 30, 34	4, 6, 7, 64, 110		Мыс 2, погр. 6
Нарукавные повязки		36, 90		
Головной убор с пронизями и бляшками		69	126	Мыс 1, погр. 75
Конусовидные привески на пронизях	85	2, 5, 21, 23, 37, 38, 57, 66, 69, 74, 90		Мыс 1, погр. 72
Височные кольца со щитком			99, РОКМ № 1373*	Мыс 1, погр. 6 39, 57
Гривны со скользящей петлей**			РОКМ № 1373	Мыс 2, погр. 73
Бляхи с концентрическим орнаментом				Мыс 1, погр. 62, 72, 76, мыс 2, погр. 6, 8, 23, 39, 51, 57

* РОКМ № 1373 – дар А.Ф. Стерлигова, сборы на Шатрищенском могильнике.

** Гривна со скользящей петлей встречена также в могильнике у поселка Агрикультура (РОКМ № 6741).

Обратимся к основному источнику, которым оперирует А.В. Циркин, изданию материалов окских могильников (Спицын А.А., 1901, с. 33–43, табл. XIX, *10*; XVIII, *11*), а также коллекциям могильников Шатрище (Кравченко Т.А., 1974) и Кораблино на р. Листвянке, полностью исследованному экспедицией ГИМ в 1986–1994 гг. (Белоцерковская И.В., 1990, с. 172–178) (табл. 1).

Приведенные данные противоречат мнению А.В. Циркина об уникальности кошибеевского "предметного комплекса", который, как видим, присущ также и могильникам рязано-окского типа в целом.

К "археологическому предметному комплексу рязано-окской культуры" А.В. Циркин относит гривны из перекрученного дрота с замком в виде крючка и отверстия на ромбовидном щитке, круглопроволочные гривны с напускными бронзовыми бусами и коробкой, нарукавные повязки из трех рядов спиральных пронизей и бляшек в виде розеток, головные венчики из спиральных пронизей и обойм, браслеты с раскованными концами, нагрудные бляхи с крышкой и "крестовиной" (взаимно перпендикулярно расположенными накладками), сложные височные привески, "звездчатые" привески к ожерелью (очевидно, имеются ввиду входящие в состав головных уборов и накосников коробчатые привески) (Циркин А.В., 1995, с. 84–86, рис. 2).

Эти культуроопределяющие признаки выделены на материалах могильников Кузьминский, Борковский, Гавердовский, Шатрищенский, Шокшинский, Курман. Следует заметить, однако, что часть перечисленных вещей хорошо известна и в Кошибеевском могильнике (Спицын А.А., 1901, с. 17, 21, табл. VIII, *8*; XVII, *11*; Шитов В.Н. 1988б. табл. II, *5*; V, *12*).

Таблица 2

Встречаемость предметов "комплекса рязано-окской культуры" в Кошибеевском могильнике

Предмет	Автор раскопок, № погребений	
	А.А. Спицын	В.Н. Глазов
Гривны с коробками и напускными бусами	41, 47, 108	
Нагрудные бляхи с жемчужным орнаментом на накладках	7, 70	
Крученые гривны с ромбовидным щитком	19, 73, 108	1
Круглодротовые браслеты с раскованными концами		30

Из приведенных данных следует, что подавляющая часть предметов выделенного А.В. Циркиным комплекса кошибеевской культуры часто встречается в могильниках рязано-окского типа и соответственно вещи, характеризующие рязано-окскую культуру, хорошо представлены в самом Кошибеево (табл. 2).

Обособляя "предметные комплексы" рассматриваемых типов памятников, автор статьи полагает, что определенное сходство некоторых элементов в отдельных украшениях объясняется родственностью носителей этих культур (Циркин А.В., 1995, с. 87). Однако проанализированный нами материал говорит не о сходстве отдельных элементов в некоторых украшениях, а просто о полной тождественности целого ряда деталей женского убора из рязано-окских могильников и кошибеевской группы памятников. Отсюда следует, что А.В. Циркин либо неудачно выделил "предметные комплексы" обеих культур, либо, и это очевидно, они представляют одну и ту же культуру. Об этом, кроме всего прочего, свидетельствует состав элементов женского наряда, включающий головной убор, накосники, височные кольца и привески, ожерелья, нагрудные бляхи, гривны, браслеты и перстни.

При сравнении культуроопределяющих, по А.В. Циркину, "предметных комплексов" противопоставляемых им культур бросается в глаза их очевидная асинхронность. Большинство вещей, характеризуемых как принадлежащие кошибеевской культуре, датируется в настоящее время III–IV вв., а рязано-окской культуре – IV–VII вв. Следовательно, более обоснованным представляется часть этих комплексов считать принадлежащей к разным стадиям развития единой археологической культуры. К тому же между некоторыми категориями вещей, относимых к разным культурным комплексам, есть промежуточные типы, отражающие их эволюцию во времени.

К примеру, бляхи со взаимно перпендикулярными накладками существовали и в более раннем варианте – без жемчужного орнамента, но с концентрическим узором. Они происходят из погр. 3 Сергачского могильника "Святой ключ" (Шитов В.Н., 1988а, табл. III, *8*) и из погр. 51 (мыс 2) могильника Кораблино. Эти захоронения по находкам крупной одночленной лучковой фибулы варианта 5 по А.К. Амброзу (Амброз А.К. 1966, с. 51, табл. 9, *12*) и двучленной лучковой с расширенной ножкой фибулы III серии по А.К. Амброзу (Амброз А.К., 1966, табл. 9, *18*), типа II по А.С. Скрипкину (Скрипкин А.С., 1977, с. 109, рис. 3, *17*) датируются III в. Им предшествуют экземпляры с широкой пластинчатой иглой из погр. 57 (мыс 2) и с радиальной прорезью из погр. 8 (мыс 2). В классическом варианте V–VI вв. эти бляхи утрачивают концентрический орнамент и колечки по краям, приобретая так называемый жемчужный орнамент, и распространяются по всему среднему течению Оки. Заметим, что один из таких переходных типов зафиксирован в погр. 21 Кошибеева в раскопках А.А. Спицына (Спицын А.А., 1901, с. 180, табл. VIII, 9). На этой бляхе концентрические круги уже заменены жемчужным орнаментом по всей ее поверхности, но колечки по краям накладок еще сохраняются (рис. 1).

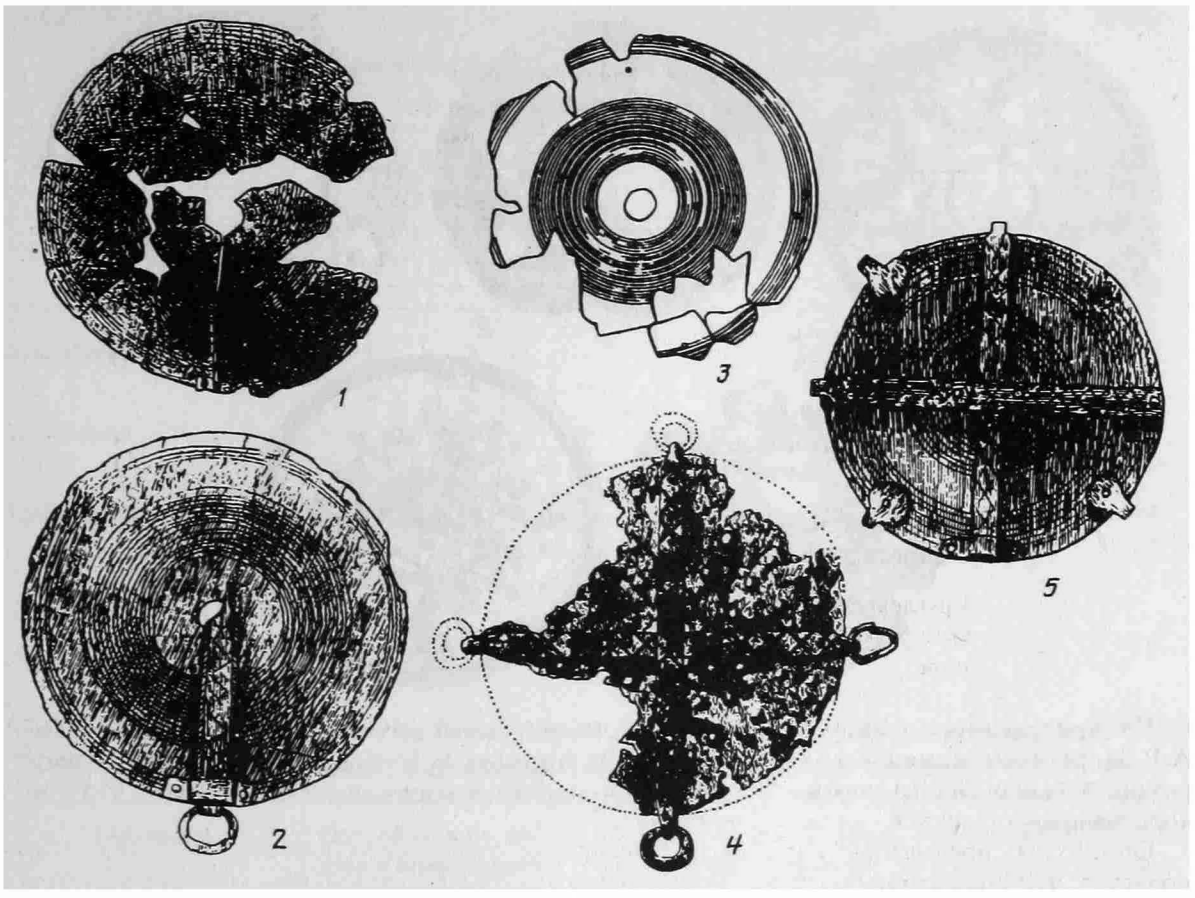


Рис. 1. Схема развития блях с радиальной прорезью и крестовидными накладками. *1* – погр. 6 (мыс 2), могильник Кораблино; *2* – погр. 57 (мыс 2), могильник Кораблино; *3* – погр. 3, Сергачский могильник "Святой Ключ"; *4* – погр. 21, Кошибеевский могильник, раскопки А.А. Спицына, *5* – погр. 51 (мыс 2), могильник Кораблино. *1–5* – бронза. *3* – по В.Н. Шитову; *4* – по А.А. Спицыну

Прототипы рязано-окских нагрудных блях с "крышкой" существовали в виде блях с круглым отверстием в центре, окаймленным рельефно выступающим бортиком и подтреугольных или подтрапециевидных вырезов вокруг него, перемежающихся с жемчужным орнаментом. Они известны в погр. 11 Кошибеево (Спицын А.А., 1901, табл. VIII, *2*), погр. 38 Кузьминского могильника (Спицын А.А., 1901, табл. XV, *10*) и в сборах А.В. Антонова на Борковском могильнике (РОКМ, № 1313). Промежуточным типом является экземпляр из погр. 11 (мыс 1) могильника Кораблино. Примером же классической нагрудной бляхи с "крышкой" является экземпляр из погр. 51 Кузьминского могильника (рис. 2).

"Пятилепестковые" кошибеевские привески со временем трансформировались в пятилопастные с жемчужным орнаментом привески к накосникам рязано-окского типа. Массивные круглодротовые браслеты с тупыми концами приобретают бóльшую легкость, концы их расковывают и различным образом орнаментируют, в этом варианте они и получили наибольшее распространение.

Наряду с этим процессом некоторые типы украшений выходят из моды и соответственно из употребления, взамен их появляются и распространяются новые типы украшений, но функционально выполняющие ту же роль. Так произошло с нагрудными бляхами с валиками, височными кольцами со щитком и спиральными концами, гривнами с заходящими концами и скользящей петлей, представляющими "предметный комплекс кошибеевской культуры".

И трансформация элементов женского убора, и исчезновение отдельных типов украшений с заменой их другими с тем же функциональным назначением при остающейся неизменной композиции женского убора, свидетельствующей о его устойчивости и традиционности, суть проявления одного процесса: формирования и развития культуры. Кстати сказать, еще А.А. Спицын, характеризуя находки из Кузьминского и Борковского могильников, заметил: "С первого взгляда ясно, что типы предметов описываемых могильников

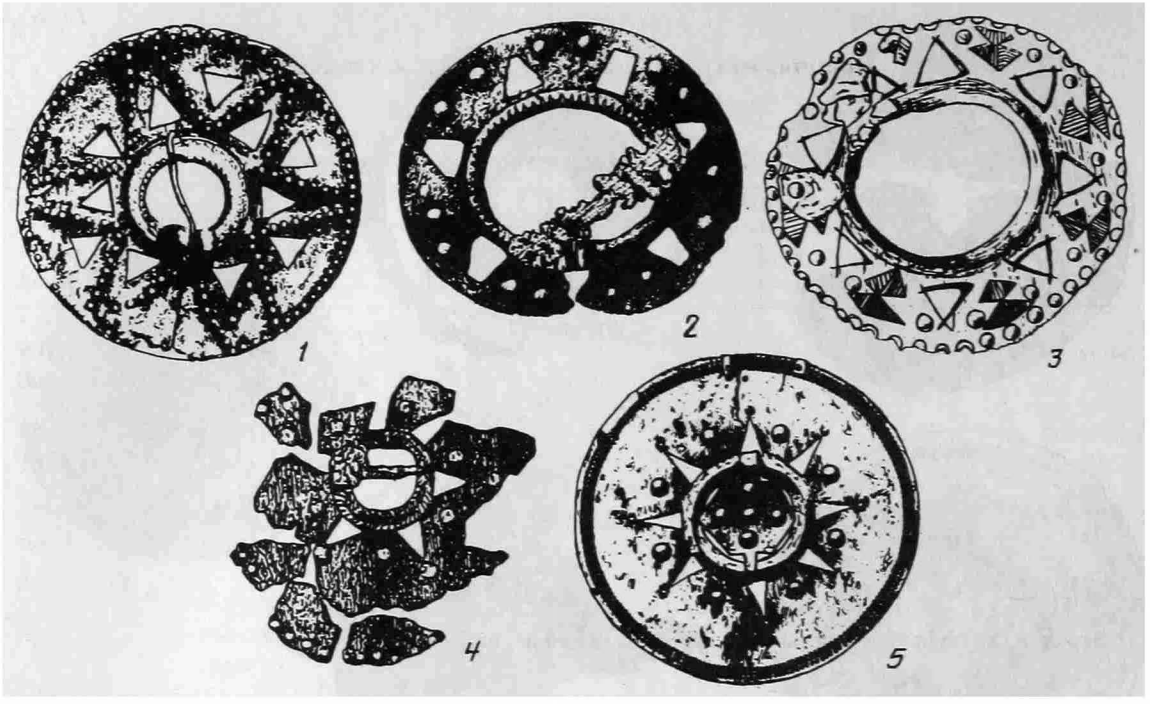


Рис. 2. Схема развития нагрудных блях. *1* – погр. 11, Кошибеевский могильник, раскопки А.А. Спицына; *2* – погр. 38, Кузьминский могильник; *3* – сборы А.В. Антонова на Борковском могильнике; *4* – погр. 11 (мыс 1), могильник Кораблино; *5* – погр. 51, Кузьминский могильник. *1–5* – бронза. *1, 2, 5* – по А.А. Спицыну

составляют по времени прямое продолжение древностей Кошибеевского могильника" (Спицын А.А., 1901, с. 43).

Следующим аргументом в пользу обособления кошибеевской и рязано-окской групп памятников, по А.В. Циркину, являются данные погребального обряда, которые якобы резко отличают их друг от друга. По его мнению, для Кошибеева характерны погребения в прямоугольных ямах длиной до 3,5 м, ориентированные преимущественно головой на восток и юго-восток, а для рязано-окской культуры – в овальных ямах длиной до 2 м с ориентировкой умерших на восток, юго-восток и северо-восток. Заметим, что для рязано-окских могильников в той же степени, что и для Кошибеева, характерны захоронения в подпрямоугольных ямах, достигающих 3,4–3,5 м в длину (Кораблино, Заречье 4, Шатрище) (Белоцерковская И.В., Сорокин А.Н., 1992, с. 35, 36; Кравченко Т.А., 1974, с. 120).

Что касается ориентировки погребенных в памятниках, исследованных в конце прошлого – начале нашего века, то, во-первых, она не всегда указана в изданиях, во-вторых, полагаться на точность этих указаний невозможно, так как определения азимута не производили. Поэтому приведенные в рассматриваемой статье данные не могут служить достаточной основой для характеристики археологических культур. Кроме того, подсчеты А.В. Циркина не всегда точны.

Судя по данным табл. 3 и современных исследований, наиболее вероятным представляется, что при захоронении своих соплеменников древние придерживались в целом восточной ориентировки, а погребения головой на северо- или юго-восток связаны, очевидно, либо с узколокальной традицией, либо с сезонными отклонениями. При суммировании всех погребений, совершенных головой на восток, юго- и северо-восток, получается достаточно показательная картина (табл. 4).

В целом проценты захоронений с восточной ориентировкой в Кошибеевском и Борковском могильниках очень близки, тогда как в Кузьминском процент несколько ниже, но там и выборка погребений с известной по публикациям ориентировкой недостаточно представительна. Примерно такая же ситуация наблюдается в Шатрище, где 75% погребенных (102 погребения) расположены головой на восток, северо- и юго-восток (Кравченко Т.А., 1974, с. 121). Наиболее же показателен в этом отношении могильник Кораблино, где 95% погребенных ориентированы головой на юго-восток. По этому признаку он, безусловно, должен быть отнесен к кошибеевской группе памятников, но инвентарь основной части его

Таблица 3

Ориентировка погребенных по изданию А.А. Спицына (Спицын А.А., 1901)

Могильник	Количество погребений с различной ориентировкой								
	север	юг	запад	северо-запад	северо-восток	восток	юго-восток	юго-запад	всего погребений
Кошибеево	1*	15	5	–	5	44	39	–	109
	1	12	4	–	9	30	40	–	96
Борковский	1	–	3	7	24	12	7	5	59
	1	–	1	6	36	5	7	5	61
Кузьминское	1	1	–	6	15	1	5	5	34
	1	–	–	6	20	–	8	5	40

* Верхний ряд цифр – подсчеты А.В. Циркина, нижний – наши.

Таблица 4

Захоронения с восточной ориентировкой по данным А.А. Спицына

Могильник	Погребения на восток, юго- и северо-восток	Число погребений с известной ориентировкой	Процент погребений на восток, юго- и северо-восток
Кошибеево	88/78*	109/96	87/81
Борковский	43/48	59/61	73/78
Кузьминское	21/28	34/40	62/70

* В числителе – подсчеты А.В. Циркина, в знаменателе – наши.

захоронений – типично рязано-окский. Таким образом, вывод А.В. Циркина о преобладании той или иной ориентировки умерших в некоторых могильниках, на основе чего делается вывод о существенных различиях кошибеевской и рязано-окской групп памятников, представляется необоснованным.

Следующими деталями погребального обряда, разделяющими рассматриваемые памятники, по мнению автора статьи, являются наличие гробовин в могилах у кошибеевских племен и отсутствие их у рязано-окского населения, для которого более характерно обертывание покойников в луб. Заметим, что в погр. 10 и 12 Кошибеева остатки досок прослежены поверх захоронения, и сейчас совершенно невозможно определить, какой внутримогильной конструкции они принадлежали. Например, в Кораблино в нескольких случаях прослежены могильные ямы с заплечиками и деревянным перекрытием. Что касается остальных погребений со следами деревянной подстилки в Кошибеево (№ 23, 41, 52, 53, 62, 64, 67, 72, 75, 76 в раскопках А.А. Спицына), то вполне возможна ситуация, при которой исследователь не смог отличить остатков луба от деревянного настила. Иначе нельзя объяснить, почему им ни в одном случае не отмечены следы луба даже на бронзовых вещах, которые прослежены В.Н. Глазовым в 1902 г. в погр. 5.

Следует отметить, что использование деревянных внутримогильных конструкций неоднократно отмечено в рязано-окских могильниках Шатрище, Кораблино, Старокадомском, при этом в некоторых случаях можно утверждать, что доски были настелены на дно могилы, а сверху шло деревянное перекрытие, и к гробовинам эта конструкция не имеет никакого отношения.

Таблица 5

Размещение сосудов в погребениях по А.А. Спицыну

Могильник	В ногах	В изголовье
Кошибеево	19/54*	12/5
Борковский	–/15	31/6
Кузьминское	–/9	–/1

* В числителе – подсчеты А.В. Циркина, в знаменателе – наши.

Таким образом, и этот аргумент А.В. Циркина опровергается данными современных исследований. Следующее его положение касается обычая постановки погребальных сосудов у ног или в изголовье покойника. По мнению А.В. Циркина, у кошибеевского населения сосуды чаще ставились у ног, а у рязано-окских племен – в изголовье. Следует заметить, что в дневниках раскопок прошлого века исследователи далеко не всегда отмечали местоположение сосудов в могиле, так же как и принадлежность фрагментов горшков развалу одного сосуда. Очевидно, разным пониманием А.В. Циркиным и нами указаний А.А. Спицына объясняется существенная разница в подсчетах могил, содержащих сосуды (табл. 5).

Данные предложенной таблицы противоречат доводам А.В. Циркина, а выводы, следующие из нее, находят подтверждение в материалах современных исследований. В частности, в Шатрище в 31 случае отмечена постановка сосуда в ногах покойников, и лишь в 13 могилах – у головы (Кравченко Т.А., 1974, с. 141–189).

Заметим также, что наличие угольков на дне могильных ям характерно не только для рязано-окских могильников, как утверждает А.В. Циркин, но и для Кошибеева, где в четырех погребениях А.А. Спицын отметил углистые прослойки по дну ям (погр. 54А, 84, 86, 96).

Подводя итоги, следует отметить, что ни детали одного из наиболее устойчивых культуроопределяющих признаков – погребального обряда, ни погребальный инвентарь, где решающую роль играет женский убор, не позволяют отделить памятники кошибеевского круга от рязано-окских. Напротив, форма могильных ям, их устройство, ориентировка, положение покойников, устойчивый набор инвентаря, одинаковые типы украшений и вещи, стоящие в едином эволюционном ряду, указывают на принадлежность их к одной археологической культуре.

Важнейшим источником по этнокультурной истории древних народов является наиболее массовый археологический материал – керамика. Однако до недавнего времени керамические коллекции рассматриваемых групп памятников практически не были введены в научный оборот, исследователи ограничивались выводами, основанными на данных чисто визуального наблюдения. И лишь недавно В.В. Гришаков опубликовал работу, посвященную специальному изучению керамики. Классифицировав и создав типологию керамических комплексов десяти групп населения II–XI вв. правобережья Волги, он убедительно показал, что некоторые типы (А4ж, А5б, А5в, А5и) кошибеевской посуды в равной степени характерны и для синхронных рязанских древностей, причем, в частности, тип А5и, возникнув в среде кошибеевских племен в V в., широкое распространение получил в V–VII вв. уже у рязанской группы населения (Гришаков В.В., 1993, с. 78–81). Эти данные, на наш взгляд, интерпретируются однозначно: ранние захоронения III–IV вв. Кошибеевского могильника оставлены носителями культуры рязано-окских могильников, только начинающими осваивать бассейн Цны и средней Оки. Представленная карта распространения рязано-окских памятников также достаточно убедительно демонстрирует, что кошибеевские и рязано-окские племена обитали на одной и той же территории, а не по соседству, как полагает А.В. Циркин (рис. 3).

Как известно, поводом для выделения самостоятельной кошибеевской культуры в свое время послужило наличие в кошибеевских захоронениях ранней поры вещей пьяноборского облика или их производных (Смирнов А.П., 1952, с. 139). Совершенно закономерно, что на стадии своего формирования археологическая культура, будучи открытой системой, впитывает самые различные элементы, впоследствии отбрасывая неприжившиеся и вырабатывая устойчивый женский убор, в дальнейшем лишь незначительно видоизменяя его

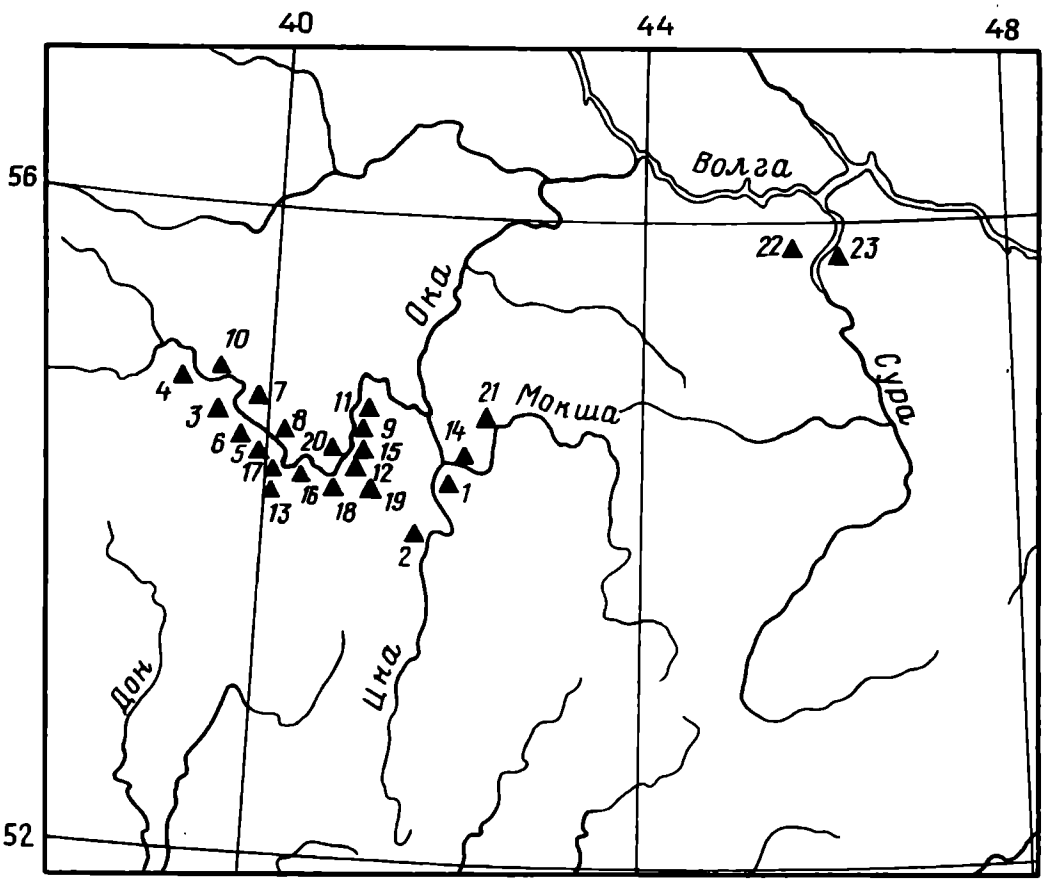


Рис. 3. Карта распространения могильников. *1* – Кошибеевский; *2* – Польно-Ялтуновский; *3* – Борковской; *4* – Вакинский; *5* – Гавердовский; *6* – Кораблино; *7* – Дубровичи; *8* – Закопищенский; *9* – Куземкинский; *10* – Кузьминский; *11* – Курманский; *12* – Кулаковский; *13* – Никитинский; *14* – Старо-Кадомский; *15* – Тырновский; *16* – Шатрищенский; *17* – Заречье; *18* – Дубровский; *19* – Агрикультура; *20* – Дегтяный; *21* – Шокшинский; *22* – Сергачский "Святой Ключ"; *23* – Ножа-Вар. *1–21* – рязано-окская группа; *22–23* – Нижне-Сурские могильники

детали. При этом состав элементов женского наряда остается неизменно традиционным, так что вышедшие из моды украшения заменяются новыми типами, выполнявшими те же функции. Так, очевидно, произошло и с культурой рязано-окских могильников, которая в период своего становления испытала заметное влияние не только пьяноборских и племен андреевско-писеральского круга, но и москворецкой, верхнеокской и других групп синхронного населения (Белоцерковская И.В., 1990, с. 176–178; Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В., в печати). И лишь к V в. сформировался в общих чертах ее классический облик, хорошо известный по материалам V–VII вв. Кузьминского и Борковского могильников. Вслед за А.В. Циркиным, ссылающимся на И.С. Каменецкого, можно с полным основанием утверждать, что кошибеевские и рязано-окские могильники достаточно убедительно демонстрируют свою принадлежность к группе памятников, которая образует сложную, внутренне связанную систему, единообразно изменяющуюся во времени, т.е. к одной археологической культуре.

В связи с этим тщательно продуманная аргументация В.Н. Шитова в пользу отнесения кошибеевских памятников к первой стадии формирования культуры рязано-окских могильников (III–V вв.) не только не вызывает возражений, но создает конструктивную основу для дальнейшей разработки механизма развития этого яркого историко-культурного явления.

Государственный Исторический музей, Москва

И.В. Белоцерковская,
И.Р. Ахмедов

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Амброз А.К., 1966. Фибулы юга Европейской части СССР // САИ. Вып. Д1-30. М.

Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В. О начальной дате рязано-окских могильников. В печати: Археологический сб. ГИМ.

Белоцерковская И.В., 1990. Могильник Кораблино и его место в культуре рязано-окских могильников // Congressus Septimus internationalis Fenno-Ugristarum. Debrecen.

Белоцерковская И.В., Сорокин А.Н., 1992. Исследование могильника Заречье 4 в 1991 г. // Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань.

Гришаков В.В., 1993. Керамика финно-угорских племен правобережья Волги в эпоху раннего средневековья. Йошкар-Ола.

Кравченко Т.А., 1974. Шатрищенский могильник (по раскопкам 1966–1969 гг.) // Археология Рязанской земли. М.

Скрипкин А.С., 1977. Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений // СА. № 2.

Смирнов А.П., 1952. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. № 28.

Спицын А.А., 1901. Древности бассейнов рек Оки и Камы // МАР. № 25. СПб.

Циркин А.В., 1995. В защиту кошибеевской культуры // РА. № 1.

Шитов В.Н., 1988а. Кошибеевский могильник (по материалам раскопок В.Н. Глазова в 1902 г.) // Тр. МНИИЯЛИЭ. Вып. 93. Саранск.

Шитов В.Н., 1988б. Сергачский могильник "Святой ключ" // Тр. МНИИЯЛИЭ. Вып. 85. Саранск.

И.П. Русанова, Б.А. Тимощук. Языческие святилища древних славян. М. 1993

В 1984–1989 гг. Прикарпатской экспедицией института археологии РАН под руководством авторов рецензируемой монографии были проведены исследования на р. Збруч (левый приток Днестра) в пределах Тернопольской обл. Украины. В результате частично изучена группа из трех памятников в восточной части Галицкой земли – Богит, Звенигород и Говда, которые интерпретированы как городища-святилища. Выводы о значимости открытия сформулированы категорично: "Новые материалы, полученные при исследовании огромного языческого центра на Збруче, существовавшего с конца X до конца XIII в., документально подтвердили длительное сохранение языческих верований, доказали славянскую принадлежность знаменитого Збручского идола, показали богатство и разнообразие языческих представлений как целостной и развивающейся со временем (? *–В Д.*) религиозной системы, более или менее общей для всех славянских народов" (с. 94). Особенно сенсационным и в сущности необъяснимым показалось утверждение, что "заключительный этап функционирования святилищ (т.е. вторая половина XII–XIII в. – *В.Д.*) сопровождался массовыми жертвоприношениями, в том числе и человеческими, что в таком количестве не было встречено в других местах славянского мира и не укладывалось в сложившиеся представления о верованиях и обрядах древнерусского населения" (с. 5). Последние замечания соответствуют действительности.

1. О языческом возрождении в XII–XIII вв. Вероятно, чувствуя шаткость своих выводов, их уязвимость для критики, авторы ввели в монографию обширную главу I "Культовые места и святилища славян" (с. 6–30). Она имеет скорее познавательное, чем доказательное значение (проработана обширная отечественная и западная литература). Ее цель – вписать "огромный языческий центр на Збруче" в общеславянский контекст. По-видимому, ближе всего подходят к рассматриваемым памятникам культовые места типа 5 (с. 9): большие центры, в которых сочетаются все типы святилищ и почитаемых природных объектов. Но, как увидим, возможны и другие объяснения их назначения. Нельзя объяснить по́зднее существование святилищ возрождением язычества со второй половины XII в. в городах и в княжеско-боярских кругах (мысль, высказанная Б.А. Рыбаковым). В пору народных бедствий обращались не к давно ниспровергнутым языческим кумирам (с. 91), а к Христу, Богоматери, близким людским чаяниям православным святым. Для языческого ренессанса, т.е. движения вспять, не было почвы. Религиозная мысль развивалась в ином направлении. Так называемое двоеверие (сохранение аграрных культов, магии, гаданий и пр.) не предполагает политеизма с пантеоном высших языческих богов (Перуна, Велеса и др.), воплощавших военные и хозяйственно-природные функции. Можно говорить о "двоеверии"

© В.П. Даркевич, 1996 г.

в ранний период христианизации, которая протекала по крайней мере в течение полутора столетий. Когда "поганские" святилища уже к концу XI в. оказались разоренными, прежние боги – свергнутыми, то говорить о "двоеверии" как поклонении идолам, которым приносили в жертву множество людей еще во второй половине XIII в., абсолютно невозможно. Подобные гекатомбы (отнюдь не из числа военнопленных) примерно в 300 км от католической Венгрии и Польши отразились бы в письменных сообщениях, неминуемо вызвали бы крестовый поход со стороны Галича (100 км) или Киева (200 км по прямой) против живущих "зверинским образом".

Теоретическая основа построений И.П. Русаковой и Б.А. Тимощука, открывателей языческого "затерянного мира", да еще в Южной Руси, представляется ошибочной. Это утверждение позволяют проверить планы памятников, разрезы многочисленных сооружений, профили их заполнения, вещевые материалы из раскопок. Авторы приложили огромный труд по фиксации обнаруженных останков. Но при анализе опубликованных данных обнаруживается, что большинство из них работает не на пользу высказанной идеи. Все противоречащее ей или остается без внимания, или получает подчас курьезные объяснения. Воистину, "факты святы, толкование их свободно". Киевские стеклянные браслеты превращаются в символы солнца, а разбивали их для будущего "размножения" (так!) в потустороннем мире (с. 80). Кресты-энколпионы и иконки были, оказывается, отобраны у христианских священников и принесены в дар кумирам в знак отречения от Христа (с. 83). Число примеров можно увеличить.

2. Природные условия. "Площадки городищ-святилищ расположены на крутых склонах высоких холмов, покрыты камнями и выступающими материковыми скалами и из-за этого не пригодны для повседневной жизни" (с. 84). Напротив, приведенные разрезы городищ (рис. 19, 40) показывают, что на них достаточно почти горизонтальных площадок, где обнаружены наземные или углубленные в известняковый грунт отапливаемые постройки. В настоящее время Збручские городища находятся в местности, покрытой лиственным лесом (граб, бук и др.). Но в X–XIII вв. ландшафт был другим. То, что сейчас представляется уголком дикой природы, словно созданной для тайных церемоний, выглядело иначе: открытое пространство, поросшее разнотравьем и наземными мхами; облесенность с преобладанием сосны была невелика (с. 38).

3. Городище Богит. Я думаю, что это единственный памятник, который, в отличие от остальных, в конце X – первой половине XI в. являлся языческим святилищем. Почему-то само название урочища не привлекло внимания исследователей, а между тем слав. "бог" родственно другим индоевропейским названиям. В славянской мифологии так величали божество счастья, удачи. Первоначально слово "бог" имело значение "доля" (Мифологический словарь, 1990, с. 98; Мифы народов мира, 1980, с. 177). Божество противопоставляли небогу, обездоленному. Выступает в качестве второй части многих славянских названий богов: Белобог, Чернобог, Дажьбог, Стрибог.

К собственно сакральной части городища относится его мысовая западная часть, отделенная поперечным расплывшимся валом. Судя по профилю (рис. 20, 4), до разрушения он представлял собой ограду из двух параллельных рядов каменных глыб, забутованных мелким булыжником. Отнесение стенки к скифскому времени (с. 33) проблематично. Изнутри к ней примыкала сгоревшая постройка с керамикой X–XI вв., возможно, фрагмент стены из полых клетей, примыкавшей к каменной. Подробно описаны и документированы сложенные из камней остатки капища, занимающего господствующее положение над горой Богит. Большая квадратная яма, ориентированная по сторонам света, вполне возможно, служила основанием для Збручского идола (с. 34). Правда, исходя из предпосылки о позднем функционировании святилищ, авторы полагают, что идол не был бесславно утоплен (видимо, в первой половине XI в.), а в надежде на его возрождение "захоронен с должным почтением" в реке (с. 35). Восемь "корытообразных" углублений среди вымостки относились к первоначальной конструкции святилища (трактованы как жертвенные ямы). Человеческие скелеты в трех углублениях явно не имеют отношения к жертвоприношениям. Все они безынвентарные, что для человеческих жертв нехарактерно. Если о детских погребениях (всего два) трудно что-либо сказать ввиду плохой сохранности костей, то оба 60-летних мужчины (предельный возраст для того времени) вполне могли умереть своей смертью. Похоронены они по чисто христианскому обряду (в книге они фигурируют как "наиболее почитаемые жрецы"). В корытовидных западинах вторично вырыты продолговатые ямы, скелеты лежат на спине головой к западу со скрещенными на груди или тазу руками. Углубления забросаны камнями. Место погребений, как можно предположить,

выбрали не случайно: на месте разрушенного капища могли построить небольшую деревянную церковь или часовню.

Находки обломков посуды XII–XIII вв. относятся ко второму периоду существования памятника. Он превратился в крепость-убежище для окружающих поселений (чему способствовал рельеф местности). Площадь укрепленной части увеличивается во много раз, планировка усложняется. И.П. Русанова и Б.А. Тимощук называют преграды в виде невысоких валов "символическими", но это далеко не так. На чертежах хорошо видно, что расплывшиеся валы (местами до 2 м высотой) – остатки каменных оснований стен, возведенных по всему периметру холма; поперечные дугообразные стены разделяли отдельные части поселения. Два параллельных ряда необработанных крупных камней без связующего раствора, забросанные внутри меньшими камнями, образовывали основание стены. Местами поверхность вала сильно обожжена, что авторы книги объясняют горевшими на нем священными огнями. На мой взгляд, более правдоподобна версия, что над каменным цоколем были какие-то деревянные преграды. Даже бесформенные нагромождения бревен, веток, колючих кустарников могли на время остановить врага (рис. 20).

Восточная часть городища была заселена (44 западины от углубленных построек, 3 из них раскопаны). По мнению авторов, в них жили служители языческого культа (не слишком ли много?). Однако полное отсутствие вещей в заполнении, миниатюрные очаги вместо печей (в некоторых строениях – по четыре камелька), а также отсутствие хозяйственных сооружений вблизи построек свидетельствуют об их кратковременном заселении. Скорее всего, здесь находили приют окрестные жители в период набегов кочевников. В XI–XIII вв. Богит превратился в городище-убежище для защиты от степняков. Не получила достаточного объяснения еще одна часть комплекса – территория внутри земляного вала на северном склоне, прерванного с западной стороны, куда отправлялись души усопших. Из четырех курганных насыпей внутри ограды раскопана одна без следов погребения и с обломками посуды XI в.; в двух грунтовых трупосожжениях, кроме пережженных костей, найдены кости животных. Видимо, глинистый вал языческого кладбища выполнял сакральную роль, предохраняя живущих от пагубного влияния перешедших в мир иной и одновременно охраняя покой мертвых.

Обломок стеклянного браслета, керамика XII–XIII вв. определяют позднюю дату существования убежища. Оно погибло в пожаре: сгоревшие части оград, обожженные кости крупного рогатого скота, обломки посуды "вторичного обжига". В отличие от Звенигорода, его гибель не сопровождалась массовыми человеческими "жертвами".

4. Городище Звенигород. "Языческие жертвоприношения" людей до XIII в. включительно. В конце 1240 г., разорив Киев, монгольские захватчики устремились в Галицко-Волынскую Русь. "Копьем" были заняты Владимир-Волынский и Галич; уцелевших жителей монголы "изби не щадя". Подверглись разорению "инии грады мнози, им же несть числа". Вряд ли стоит настаивать на том, что "татары шли на запад по хорошо известным торговым путям, проходившим через города Волыни. Данных о их движении на юг, в лесное и глухое Понизье, в частности на Збруч, где не было ни дорог, ни городов, нет ни в письменных, ни в археологических источниках" (с. 93). Дело в том, что в летопись попали только основные опустошенные города. Монгольские конные войска шли широким фронтом, разоряли все населенные пункты в тылу и на флангах, посылая туда отдельные подразделения. Часто их выводили к месту назначения проводники из местных, причем отряды двигались не столько по дорогам, сколько по долинам рек. 60 км – расстояние от ближайшего к Збручу Теребовля – ничтожное отклонение для легкой маневренной татарской конницы. То, что принято за человеческие жертвоприношения, – это свидетельство целенаправленного уничтожения защитников крепости. Как и валы Богута, первоначальные фортификационные сооружения отнюдь не были "символическими", и, судя по находкам оружия (авторы книги считают их жертвенными дарами), осажденные не сдались на милость победителя. Особенно много наконечников стрел (причем имеются стрелы татаро-монгольских типов; ср. Древняя Русь..., 1985, табл. 140). Найдены наконечник копья, боевые топоры, вещи, характерные для дружинной среды – обломок меча с перекрестьем рукояти, наконечник ножен меча, колечки от кольчуг, пластинки от панциря. Об участии в последнем бою конных ратников говорят шпоры, удила, стремя, скребница, железные накладки на уздечку.

Попытаемся восстановить картину трагедии. Утверждения об оживлении деятельности "колонии язычников" во второй половине XII – первой половине XIII в., "когда резко возросло количество и значимость жертвенных даров, человеческих жертвоприношений,

возникли новые культовые объекты... Усилился приток молящихся, просящих у старых богов помощи и защиты, чего не смог им дать христианский бог" (с. 93) – не выдерживают самой поверхностной критики. Осенью 1240 г. монголы, видимо, без особого труда овладели поселением, перебив большинство его обитателей. После ухода врагов вернувшиеся на место побоища уцелевшие местные жители увидели ужасающую картину. Ее можно представить по раскопкам в Киеве, Родене (Княжьей Горе), по крепостям около с. Райки, Колодяжина, Изяславля и др. Успевшие частично разложиться, растерзанные хищными зверями трупы людей и домашних животных лежали между остатками сгоревших домов и рухнувших стен (Гончаров В.К., 1950, с. 19, сл., рис. 29, 30). Ввиду слишком тонкого почвенного слоя, останки жертв "безбожных татар" были помещены (запрятаны) в углубленные в известняк сгоревшие жилища, ямы, расщелины среди камней. Разрубленные туши животных также сваливали в естественные и искусственные выемки. Все засыпали камнями вперемешку с землей, углями, обломками посуды XII–XIII вв. В одном случае сверху лежал жернов. На костях заметны следы ударов холодным оружием. Имеются буквальные совпадения с эпизодами киевского разгрома. При расчистке жилища на Б. Житомирской ул. в Киеве внутри глинобитной печи обнаружены лежавшие на боку скелеты двух прижавшихся друг к другу девочек с поджатыми ногами (Каргер М.К., 1958, с. 498). На сожженном селище Бабина долина рядом со Звенигородом в одном случае в печи лежал череп ребенка и пережженные кости, в другом – в нишеобразную печь "был втиснут" скорченный скелет подростка (с. 49, 50).

По антропологическим данным, приносимые в жертву и вдобавок зверски расчленяемые относились к числу мужчин самого цветущего возраста (за исключением маленьких детей, коим нет числа) – "жрецы" уничтожали наиболее активную и жизнеспособную часть населения: мужчин от 18 до 25 и от 25 до 40 (до 45–50 в те времена доживали немногие). Это противоречит культовой практике несравненно более архаических обществ, чем славяне XII–XIII вв. В первую очередь погибли опытные воины, оказавшие сопротивление захватчикам. Обращает внимание почти полное отсутствие девушек и юношей, что, исходя из монгольской практики отбора пленников, вполне объяснимо. Чтобы укрепить свои позиции, Русанова и Тимощук ввели в гл. III раздел "Жертвоприношения человека" (в самых широких географических и хронологических рамках), но в результате только повредили своей концепции, приводя общеизвестные факты, не имеющие отношения к их памятникам. Ведь на Збруче и речи не может идти о массовом избиении иноплеменников, рабов, пленных и преступников. У германцев провинившихся топили в болотах, что подтверждает археология, но это были единичные акты. Не забыты и строительные жертвы, и умерщвления женщин при похоронах их повелителей, и даже восстания волхвов (вероятно, финнов) в XI в. В тот же круг явлений авторы относят обряд обезвреживания умершего, преследование колдуний. "Особый магический смысл, – утверждают они, – имели разрозненные кости людей – черепа, их фрагменты, кости рук, ног, найденные во многих местах на святилище Звенигород" (с. 70). Но нельзя забывать и о монгольских способах уничтожения пленных, и о том, что тела успели растерзать плотоядные звери – вернувшимся оставалось собрать и кое-как "захоронить" расчлененные части погибших. Часто у скелетов отсутствуют черепа и челюсти. "Черепа людей как наиболее значимые жертвы оставляли богам в самых священных местах, на капищах и в окружающих их культовых сооружениях" (с. 73). Дело обстояло значительно проще. Так, после захвата столицы Хорезма Ургенча большинство горожан завоеватели перебили топорами, кирками, саблями и булавами: на долю каждого воина пришлось по 24 человека. При раскопках братских могил жертв этого бедствия, обрушившегося на Русь, находят скопления черепов. Даже варварские племена, не знавшие христианского Бога, – кельты, германцы, викинги-русы, прибалтийские славяне, даже половцы не имели необходимости в массовых ритуальных убийствах. Отмеченные монахом-летописцем жертвоприношения перед кумирами пантеона Владимира, когда "осквернилась кровью земля Русская", скорее касаются отдельных действ, как в случае с варягом-христианином. Митрополиты Иларион (был митрополитом с 1051 г.) и Кирилл Туровский (XII в.) писали о человеческих жертвах как об оставленном в прошлом обычае.

Когда останки удавалось частично собрать, их старались схоронить по христианскому обряду. Могильные ямы мелкие, овальные (скорее прямоугольные с закругленными углами) ориентированы на запад с сезонным отклонением к югу (рис. 39). Кроме вещей, случайно попавших в заполнение, найдены бусы, проволочные височные кольца от женских головных уборов, перстни, лучевая привеска, браслеты (в основном стеклянные) – они могли попасть в захоронения вместе с остатками одежд. В одной из братских могил лежал крест-складень. По всем показателям "капище 3" не соответствует своему названию. Оно

далеко от круглой формы (рис. 39). В связи с этим приходится отметить, что на рис. 72 все 4 "капища", прочерченные по циркулю, вводят читателя в заблуждение, ибо на местности ничего подобного нет. Позволим себе высказать предположение, что наиболее "репрезентативное" сооружение (при анализе рис. 27, 39, 72 и находок) служило христианским храмом без сохранившейся алтарной части, вокруг которой группировались погребения. Его размеры примерно 12× 6 м. Из девяти найденных в Звенигороде крестов (в том числе створчатых энколпионов киевского типа) восемь связаны с этим "капищем". Кстати, на городище не обнаружено ни одного языческого амулета, которые хорошо известны в XI–XII вв. Кроме крестов из постройки происходят часть кадила, бронзовая ложечка (для принятия причастия?). Бронзовый котел мог служить крестильной купелью. Сооружение было возведено из камней (без раствора или на глине?). Подпорные стенки, а возможно, нижние ряды кладки, состояли из крупных плит. Выемки неровного скалистого пола выложены мелкими, хорошо пригнанными камнями. Вдоль одной из внутренних "ступенек" интерьера шла продольная стена из обтесанных бревен, обмазанных глиной. Церковь возвели на высоком уступе крепости.

Об уничтожении монголами крупного и мелкого домашнего скота свидетельствуют исследования на Райковецком городище. Совсем редко среди массы костей крупного рогатого скота, свиньи, мелкого рогатого скота попадаются кости лошади, с которой кочевник чувствовал неразрывную связь. А между тем, как пишут сами авторы работы, "в иерархии жертв по индоевропейской традиции конь занимал второе после человека место" (с. 74).

Городище Звенигород – один из многих примеров монгольской тактики выжженной земли. Странно звучат утверждения Русановой и Тимощука, что на нем нет следов разгрома, что все сооружения "оставлены в спокойной обстановке" (так!). Напротив, все факты свидетельствуют, что поселение полностью сгорело, причем следы пожара очевидны не только в сооружениях, которые авторы считают культовыми, но и в жилых домах. Все каменные вымостки (полы, нивелировочные площадки и пр.) обожжены или покрыты слоем угля; вместе с булыжниками и землей уголь обнаружен во всех углублениях, выявлены куски обожженной глины с отпечатками прутьев от обмазки деревянных стен домов, слоем угля заполнено дно хозяйственных (?) ям – от их крышек, а также заглубленных в скалу помещений – от рухнувших перекрытий; воздействию огня подверглись многие керамические сосуды и вещи, зерна злаков, кости людей и животных. Где могли стоять легкие постройки-навесы (?), сильно прокалена материковая глина. Иногда полы зданий выкладывали досками (обуглены).

5. Крепость Звенигород. По моему мнению, городище Звенигород служило не запоздалым святилищем язычников, истреблявших друг друга с таким изуверством, а городищем-убежищем, крепостью, где стремились спастись от военной угрозы жители окрестных весей. В пользу этого говорят сложная фортификационная система памятника, топография и конструкция явно временных построек, состав и размещение вещевых находок. Если с юга и востока имелись естественные преграды (крутые обрывы до 20–30 м над Збручем, овраг "Слепой яр", по которому течет ручей), то "напольная", хотя и возвышенная северо-западная сторона требовала мощных укреплений. Поскольку до сих пор высота каменных валов местами достигает 5–6 м, то об их чисто культовой роли (с. 38) не может быть и речи. Слои скифского времени в основании валов, черепки посуды пражской культуры VI–VII вв. в их заполнении не противоречат сооружению укреплений не ранее конца X– начала XI в. Возможно, крепость возникла при Владимире I, что отвечает летописным данным: вспомним о его походе на белых хорватов в 992 г. Валы представляют собой остатки стен с какими-то деревянными надстройками поверх выложенной камнями верхней площадки. Судя по профилям, они несколько раз подвергались реконструкции (рис. 29, *1, 2*). О верхних деревянных частях стен можно с уверенностью говорить по прослойкам обожженной глины, золы и углей в разрезах (промежуточные строительные периоды). Развалы наиболее крупных необработанных камней позволяют определить ширину основания стены – около 6 м. Вверху она сужалась до 3 м, хранит следы обжига от верхних деревянных конструкций (согласно авторам монографии, это жертвенные площадки). Земляной вал между каменными стенами двух частей крепости – остатки сгоревшей стены из забитых глиной городен.

Нельзя согласиться с трактовкой южной площадки городища как общественного центра. Частично изученные здесь длинные дома с каменными вымостками расположены по периметру городища и внутреннего земляного вала. Эта система фортификации из примыкавшей к массиву стены сплошной линии жилых и хозяйственных срубов характерна для южнорусских городищ с XII в. (Райковецкое, Колодяжинское, Городское) (Раппопорт

П.А., 1956, с. 104–106). В постройках – обычный культурный слой – обломки посуды, кости домашних животных, бытовой инвентарь. Аналогичные длинные дома в северной половине крепости, как считают авторы, предназначались для хранения имущества только потому, что здесь несколько больше находок. Скорее, длинные дома Звенигорода имели жилое назначение; в случае необходимости они могли служить для размещения большого числа беженцев, готовых принять участие в обороне. Назначение длинных наземных домов как места общинных сборищ, пиршеств и жертвоприношений ("кормление" богов) никак не доказано для XII–XIII вв. Их бытование характерно для более архаического социума эпохи военной демократии, когда на общину приходилось только одно такое здание.

В обеих частях городища местами исследованы западины от углубленных построек. Открытые в них нишеобразные очаги, вырезанные в стенках, думается, служили не для выпечки культового хлеба, а для обогрева заглубленных в скальный грунт помещений. На древнерусских городищах такие сводчатые очажки устраивали в служивших кладовками погребах наземных изб. Звенигородские жилища, некоторые с выстланными деревом полами и стенами столбовой конструкции, объявляются авторами книги принадлежащими служителям культа. В одном "жреческом" доме среди других повседневных предметов найден целый стеклянный браслет. Подобные небольшие постройки не были рассчитаны на длительное пребывание. Стационарные печи в них редки; помещение отапливали либо "хлебными печами", либо прямо посередине разводили костер. В культурном слое заполнения, кроме костных останков, обычные вещи: ножи, женские украшения, жернова, серпы, замки и ключи, развалы горшков, стамеска и долото (сооружение 14), точильные бруски, десятки стеклянных браслетов, пряслица, иглы и др. Любопытно, что все эти вещи без исключения Русанова и Тимощук объявляют жертвенными дарами. Если учесть, что городище Звенигород изучено на очень незначительных, выборочных участках, можно только удивляться богатству обитателей окрестных поселений, которые так чтили и боялись своих языческих кумиров (среди "жертвоприношений" имеются дорогие вещи), развернули столь обширное строительство на нужды жрецов. А результат: массовые расправы над верующими с расчленениями трупов – и это все происходит в XIII в.!

Уверенно объявлено языческим храмом весьма скромное сооружение (4 × 4 м, пол глубиной от 30 см до 1,1 м) в "несакральной" части городища. Оно ничем не отличается от обычных жилищ конца XII – первой половины XIII в. (по керамике), но "рядом с входом на полу лежал каменный идол" (с. 45, рис. 4, 5, 59). Сразу отмечу, что если это и идол, то к славянскому язычеству он не имеет отношения. Плоская известняковая плита не похожа на человеческую или хотя бы антропоморфную фигуру. На ней есть, действительно, поперечные бороздки, мелкие выемки в верхней закругленной части; треугольное заостренное основание способствовало вертикальной установке. "Культовый камень" (?) можно отнести к очень отдаленной эпохе. Судя по положению плиты, она не стояла в яме в полу постройки, а перекрывала ее. Внешний вид славянских каменных идолов достаточно известен (Седов В.В., 1982, табл. LXXIV, LXXV).

Не случайно все захоронения сосредоточены в самой высокой, опоясанной мощной стеной и рвом части городища (в монографии названа "сакральной"). По описанию совершенно очевидно, что костные останки, предметы вооружения, снаряжения всадников и верховых коней группируются ближе к северному валу. Именно здесь стояла церковь (?), где уцелевшие пытались найти спасение ("капище 3"), а сохранившие боеспособность мужчины сражались возле крепостных ворот – наиболее уязвимой части укреплений. На обоих общих планах городища (рис. 27, 72) в этом месте показан проем в валу, о чем в тексте не сказано ни слова. У самого въезда изнутри стояла большая разрушенная до основания постройка ("капище 1"). На этом месте неровности скалы выровнены. От здания осталась лишь каменная вымостка, а над ней угли – следы деревянных конструкций, возможно, перекрытий. Аналогичны руины также примыкавшего к валу строения, фигурирующего как "капище 2" (снивелированная площадка, вымостка из камней, сильно обожженная и покрытая углем). На чертеже (рис. 55) видно, что и внутренний, и внешний круги (обозначены пунктиром) проведены искусственно. Судя по скоплению камней, здание было скорее прямоугольным (примерные размеры 12 × 10 м). Оба примыкавших к стене монументальных сооружения входили в систему укреплений и были приспособлены для жилья. Среди многочисленных вещевых находок в развале следует отметить серебряный образок с изображением Богоматери Оранты. Женские украшения (особенно много стеклянных браслетов) группировались в западной половине "капища", да и сами размеры постройки предполагают наличие внутренних помещений.

Несколько мелких замечаний. Так называемые культовые колодцы, которые не достигали воды, по объективным причинам остались неизученными (неизвестно время их сооружения и т.д.). Следовательно, в систему доказательств авторской концепции их вводить не стоит. На городище Звенигород описывается один целебный источник (с. 49), на рис. 72 их уже два, а на с. 63 читаем, что "в комплекс атрибутов святилища Звенигород входили семь источников, вытекающих из-под горы". С одной стороны, подчеркивается уединенное расположение Збручских святилищ в заповедном лесу, а с другой – на основе пыльцевого анализа констатируется малая залесенность во время их функционирования. Языческие святилища балтийских славян и изученные памятники не имеют ничего общего, хотя постоянно сравниваются. Третьему Збручскому "святилищу" Говда XI–XIII вв. посвящен один абзац на с. 99 (на нем вскрыта площадь всего 108 кв.м – рис. 11). Судя по укреплениям (выделено четыре строительных периода, каменные вымостки), это было городище-убежище для жителей прилегающих селищ. На чем основано отнесение памятника к числу культовых – непонятно.

* *
*

Общая оценка монографии И.П. Русановой и Б.А. Тимощука не может быть однозначной. Как в любой крупной работе, к тому же касающейся культурологических проблем, в ней есть и сильные, и слабые стороны. Безусловно выполнена задача, которую сами авторы считали первоочередной: по возможности полная публикация полученных материалов. Сопровождающие текст 73 таблицы – результат огромного и самоотверженного труда, тщательной фиксации малейших деталей. Прекрасная документация дает возможность любому внимательному читателю самому определить, с какого рода памятниками мы имеем дело, занять ту или иную позицию в полемике.

Убедительно, на мой взгляд, определение западной мысовой части городища Богит как святилища, где стоял знаменитый збручский идол (не позднее середины XI в.!). Но, к сожалению, основная концепция авторов интересного во многих отношениях исследования представляется ошибочной и именно "в силу сложившихся исторических условий" (с. 5). На фоне блестящей христианской (а не "двоеверной"!) культуры восточных славян XII–XIII вв. представить существование святилищ, подобных описанным, попросту невозможно. Полученные данные втиснуты в прокрустово ложе нежизнеспособной идеи. На самом же деле задолго до монгольского нашествия культура Руси отличалась духовно-религиозной цельностью, единством нравственных начал. Столь вопиющие исключения никак не вписываются в общеисторический контекст.

Институт археологии РАН,
Москва

В.П. Даркевич

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гончаров В.К., 1950. Райковецкое городище. Киев.
Древняя Русь. Город, замок, село, 1985//Археология СССР. М.
Каргер М.К., 1958. Древний Киев. Т. 1. М., Л.
Мифологический словарь, 1990. / Под ред. Е.М. Мелетинского. М.
Мифы народов мира, 1980. Т. 1. М.
Раппопорт П.А., 1956. Очерки по истории русского военного зодчества X–XIII вв. // МИА. № 52.
Седов В.В., 1982. Восточные славяне в VI–XIII вв. // Археология СССР. М.

Археологические исследования в ареале западных балтов

(экспедиционная работа в 1991–1994 гг.)

Ареал западных балтов, этноязыковой общности на западной окраине балтского мира, археологически определяется со второй половины I тыс. до н.э. на юго-восточном побережье Балтийского моря. Это доказано новейшими исследованиями древностей раннего железного века, в частности культуры западнобалтийских курганов (Седов В.В., 1994, с. 130). Своей юго-западной границей он достигает дельты р. Вислы, на северо-востоке его границей является район современного г. Лиепаи. Самой западной точкой распространения западных балтов в эпоху раннего средневековья является морское побережье п-ова Самбия (ныне – Зеленоградский р-он Калининградской обл. России), на юго-востоке их ареал включает северо-западную часть нынешней Белоруссии.

Археологический материал XI–XII вв. на современном этапе исследования позволяет выделить в этом ареале племенные территории пруссов (п-ов Самбия, побережье Вислинского залива), ламатов (правый берег дельты р. Неман), скальвов (нижнее течение р. Неман), куршей (морское побережье между современными городами Клайпеда и Лиепая) и ятвягов (восточная часть Мазурского Поозерья и левобережье р. Неман в ее верхнем течении) (Кулаков В.И., 1994б, рис. 1). Новейшие исследования грунтового могильника Марвяле (новостроечные раскопки А. Астраускаса в 1991–1994 гг.) в ареале племени аукштайтов (Понеманье в районе современного г. Каунаса) показывают заметное влияние, оказанное западными балтами на культуру центральной Литвы в XI–XIII вв. (Bertašius M., 1994, p. 65, 66). В частности, это реализуется в появлении на правом берегу р. Немана трупосожжений с костяком коня у дна могилы, что свидетельствует о прямых этнических контактах пруссов с аукштайтами. Видимо, это явилось последствием восточной миграции дружинников Самбии на рубеже XI–XII вв. (Кулаков В.И., 1994б, с. 154). Судя по всему, данный процесс затронул и ареал жемайтов, северных соседей аукштайтов (Žulkus V., 1993, p. 33). Данные разведок, проведенных в 1991–1993 гг. В. Шименасом на правобережье Нижнего Немана, позволили выдвинуть гипотезу о влиянии, оказанном на развитие погребальных древностей жемайтов западными балтами (куршами и скальвами) в начале нашей эры и в 5 в. н.э. (Šimenas V., 1995, p. 15, 16).

В послевоенное время широкомасштабное изучение западнобалтских древностей, в территориальном отношении лишь незначительная часть которых приходится на пределы Польши (южная часть земли пруссов и западная часть ятвяжской территории), начало развиваться в отечественной археологии с середины 80-х годов. В 1989 г. в Клайпеде на базе местного краеведческого музея состоялась межреспубликанская конференция «Археология и история западных балтов», выпустившая сборник докладов, ставший уже сейчас библиографической редкостью (Vakarų baltų..., 1989). Двадцатью пятью годами раньше в Институте славяноведения и балканистики (Москва) академиком В.Н. Топоровым началось углубленное изучение западнобалтской лингвистики и этнографии. Результатом этого важнейшего процесса стало, в частности, издание В.Н. Топоровым первых пяти томов «Прусского языка» (Топоров В.Н., 1975–1990), стимулировавшего интерес археологов к западнобалтийским древностям.

Задачи, стоявшие перед исследователями археологии юго-восточной Балтии (целенаправленное изучение поселений железного века всех периодов, создание хронологии погребальных древностей, аргументированное определение племенных ареалов), были четко сформулированы В.В. Седовым в его фундаментальной монографии «Финно-угры и балты в эпоху средневековья» (Седов В.В., 1987, с. 402). Последняя из означенных проблем была вскоре принципиально решена (Кулаков В.И., 1987, с. 101; Žulkus V., 1989, p. 112, 113).

В послевоенное время в соответствии с государственно-территориальной принадлежностью районов, входящих в вышеобозначенный западнобалтский ареал, его древности изучали советские (основная часть ареала) и польские коллеги. В соответствии с этим, несмотря на отсутствие централизованной координации археологических работ, между учеными нашей страны постоянно происходил обмен новейшей исследовательской информацией. Набирала темпы публикационная деятельность (в основном в журналах «Советская археология» и «Краткие сообщения Института археологии АН СССР» (Москва), «Труды Академии наук Литовской ССР, серия А» и в серийном издании «Lietuvos archeologija» (Вильнюс). Возникла идея выпуска монографических публикаций

© В.И. Кулаков, 1996 г.

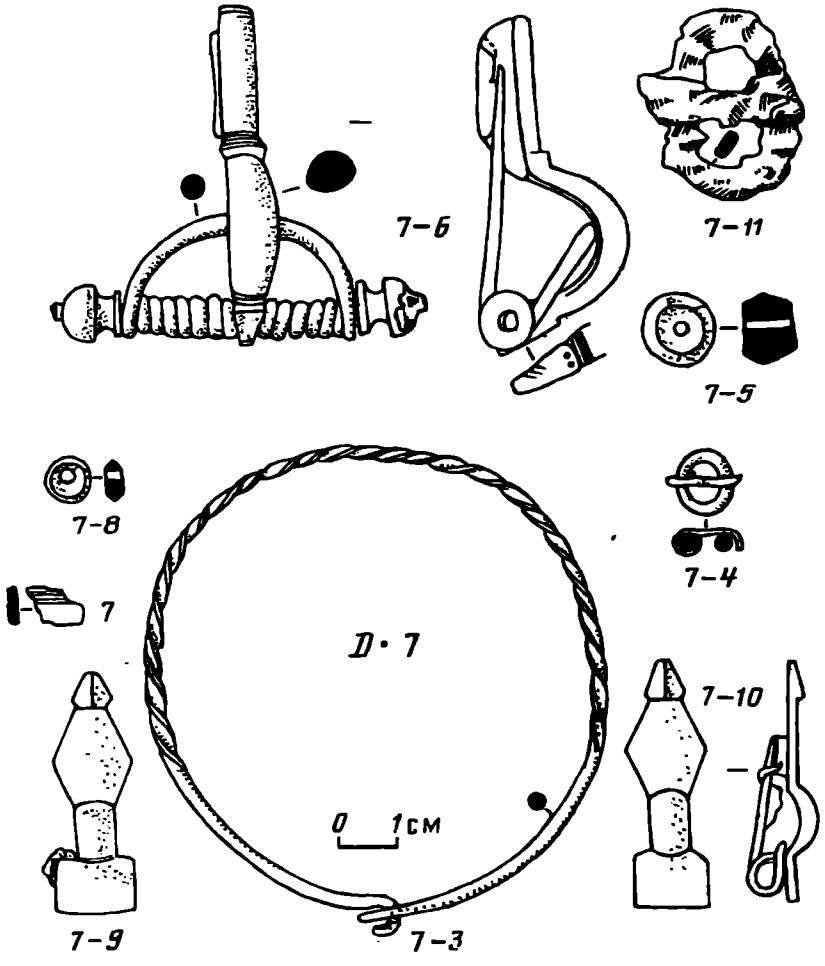


Рис. 1. Могильник Долькайм-Коврово. Инвентарь женского погребения D-7 (начало VI в.н.э.): 7-9, 7-10 – пара бронзовых фибул, у фибулы 7-9 остатки шерстяной ткани у пружины; 7-6 – бронзовая фибула с железным стрежнем пружины; 7-3 – «гривна» бронзовая; 7-5, 7-8 – бусины янтарные; 7-11 – пряжка железная; 7-4 – пряжка бронзовая, обнаруженная под сосудом 7-2, 7 – фрагмент костяного гребня, найденный среди кальцинированных костей человека

материалов по племенным ареалам и по наиболее полно раскопанным памятникам западнобалтской археологии. Реальным началом осуществления этой важнейшей для юго-восточной Балтии научной инициативы стал выход в 1990 г. свода археологических материалов раннесредневековых пруссов (Кулаков В.И., 1990). В результате известных политических событий 1990–1991 гг. утратило реальную перспективу намечавшееся ранее проведение координационных мероприятий по изучению западнобалтийских древностей. К настоящему времени стали невозможны прежде интенсивные и плодотворные контакты между коллегами из России и Балтии. В этой связи представляется крайне важным дать краткий очерк развития западнобалтской археологии на современном этапе (точнее – в период с 1991 по 1994 г.), ориентируясь по древним племенным регионам. Наиболее полно изучена к настоящему времени земля пруссов, находящаяся на западных рубежах западнобалтского ареала.

Земля пруссов локализуется преимущественно в пределах Калининградской обл. России. Центром прусского региона является древняя Самбия (ныне – Зеленоградский р-н). С 1974 г. в области ведет работы Балтийская экспедиция Института археологии РАН (Москва) под руководством автора этих строк, причем раскопки производятся ею в Зеленоградском р-не и финансируются местными административными и музейными структурами. В 1993 г. были завершены начатые в 1985 г. раскопки на могильнике III–V вв. н.э. «Гора Великанов», расположенном к югу от г. Пионерский. За 7 полевых сезонов здесь обнаружено 294 грунтовых погребения, относящихся к самбийско-натангийской группе западнобалтской культуры римского времени (древности эстиев) и к начальному этапу

прусской культуры эпохи Великого переселения народов. При содействии калининградского археолога А.А. Валуева была изучена поверхность расположенной к югу-востоку от территории упомянутого выше могильника площадки для сожжений, датируемая по находкам XI–XIII вв. Частично опубликованные результаты раскопок (Kulakov V., 1994, p. 110–115; Кулаков В.И., 1994а, с. 47–61) предваряют готовящуюся в настоящее время обобщающую монографию «Гора Великанов. Могильник пруссов III–V вв.» В 1994 г. Балтийская экспедиция начала раскопки грунтового могильника Коврово (бывш. Dollkeim) работы на котором были проведены О. Тишлером в 1879 г. и дали базисные материалы для создания им хронологической шкалы прусских древностей 100–500-х годов н.э. (Tischler O., 1880, S. 415–422). На занятой могильником возвышенности Dollkeimer-Berg летом 1994 г. были исследованы 33 грунтовых погребения 450–550 гг. (рис. 1). В октябре 1995 г. в Калининградском историко-художественном музее была открыта экспозиция, специально посвященная результатам этих раскопок. В музей сданы случайные находки из курганов Кауп (рис. 2).

Отряд Балийской экспедиции «Пруссия» под руководством А.А. Валуева в 1991–1993 гг. проводил разведку отдельных находящихся под угрозой уничтожения памятников археологии юго-запада Самбии (Зеленоградский р-н Калининградской обл.). Осенью 1993 г. им были осуществлены раскопки разрушающегося грунтового могильника Велува к северо-западу от современного г. Знаменска, обнаружившие 29 трупоположений 1200–1300 гг. с уникальными чертами обряда (захоронения отсеченных черепов). Значительный интерес представляют найденные в Велуве нехарактерные для прусских древностей спиральные гривны, пластинчатые застежки, позволяющие по-новому взглянуть на историю разноплеменного населения восточных рубежей земли пруссов (Кулаков В.И., Валуев А.А., 1995, с. 30–32).

Другие отряды Балтийской экспедиции вели разведки в Багратионовском (К.Н. Скворцов), Гусевском и Нестеровском районах (М.Е. Смирнова) и раскопки замка XV–XVI вв. Preussisch-Eylau, ныне г. Багратионовск (С.А. Лебедев-Зиновьев).

В 1991–1993 гг. Западнобалтская экспедиция ИА РАН (начальник Г.Н. Пронин), финансировавшаяся Комитетом по охране и использованию памятников истории и культуры Калининградской обл., провела раскопки разрушающегося грунтового могильника Поваровка (бывший Kl. Powayen) на западном побережье Зеленоградского р-на. Выявленные здесь несколько десятков погребений конца XI–XIII вв. нередко перекрывали друг друга. Обнаруженные находки позволяют предполагать дружинный характер части погребений в Поваровке, что является весьма редким явлением для Самбии предорденского времени. Видимо, комплексы, вскрытые на этом памятнике, принадлежат прусским воинам, оставшимся на земле предков после исхода в конце XI в. основного дружинного контингента Самбии (см. выше). Сложная стратиграфическая и вещеведческая ситуация осталась неясной для мало знакомого с прусскими древностями Г.Н. Пронина. В результате этих сложностей последний сезон раскопок на могильнике проводила М.Е. Смирнова. Кроме того, Западнобалтская экспедиция провела раскопки на поселении раннего железного века у пос. Ольховатка (Гусевский р-н). Формально в рамках деятельности этой экспедиции группа студентов историко-филологического факультета Калининградского университета под руководством В.С. Суворова провела раскопки грунтового могильника первых веков нашей эры у пос. Большое Исаково (бывш. Lauth) Гурьевского р-на и на ятвяжском поселении 1 на северной окраине г. Гусев. Отчетные материалы о работе калининградских студентов, надо полагать, находятся в несколько затянувшейся стадии подготовки к сдаче. Также неясным остается вопрос и с публикацией результатов этих раскопок и работ на могильнике в Поваровке.

В 1994 г. Музей Мирового океана (г. Калининград) организовал «Балтийскую подводную археологическую экспедицию» (начальник А.В. Окороков) и финансировал ее раскопки на поселении Затон (в 1,5 км к юго-востоку от г. Зеленоградска). Были вскрыты остатки фундамента одной из построек таверны Glomsack (начало XIX в.), собран материал XVII–XIX вв. Материалы этих исследований фрагментарно представлены в новой экспозиции Музея Мирового океана. Заметим, что эти раскопки в основном дублировали работы Балтийской экспедиции, проведенные на памятнике в 1983 г.

В 1991–1994 гг. М.Г. Гусаков вел финансируемые одним из московских банков раскопки в епископском замке XIV–XVII вв. Georgenburg (ныне – пос. Маевка Черняховского р-на). В результате здесь были открыты поздние фрагменты остатков некоторых замковых построек.

Археологические работы Балтийской экспедиции стимулировали открытие в 1991–

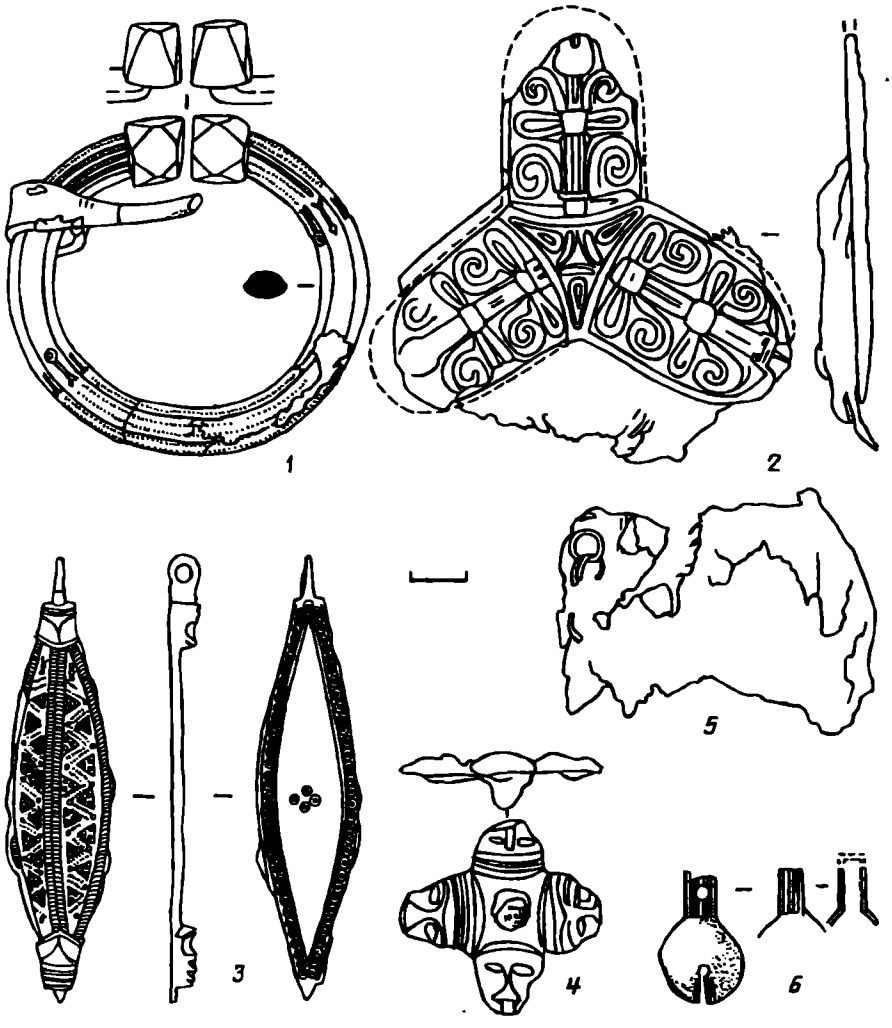


Рис. 2. Случайные находки из курганов могильника Кауп, поступившие в Калининградский историко-художественный музей в 1994 – 1996 гг.: *1* – бронзовая слабо обожженная фибула конца X в.; *2* – бронзовая золоченая фибула начала IX в. с остатками двуслойной шерстяной ткани с внутренней стороны; *3* – бронзовая подвеска второй половины X в.; *4* – бронзовая накладка с железными заклепками, сохранившая на своей внутренней стороне прикипевшие обломки кальцинированных костей (от ларца?), вторая половина X в.; *5* – остатки шерстяной ткани накидки (?) с фрагментами бронзовой цепочки от черепаховидной фибулы, обнаруженные вместе с фибулой № 2; *6* – бронзовый бубенчик

1992 гг. муниципальных музеев древностей «Рантава» (г. Пионерский). «Озерикта» (г. Светлогорск), Музея «Пруссия» при Ассоциации «Возрождение» (г. Калининград). Различные проявления сложной современной ситуации в области блокировали деятельность двух последних музеев, однако остается надежда на дальнейшее расширение в Калининграде и в области музейных собраний местных древностей. Не последнюю роль в этом деле играет их растущий международный престиж. Этот факт подтверждается проведением в 1993 и 1994 гг. экспонирования новейших археологических находок из Калининградской обл. в Восточнопрусском земельном музее (г. Люнебург, Германия). Итак, несмотря на объективные трудности, к своему юбилею, прошедшему в 1994 г. (Кулаков В.И., 1994а, с. 2–9), прусская археология в Калининградской области находится на подъеме. Ее итогом на текущем этапе исследований стала диссертационная работа автора данной статьи по теме «Пруссы в эпоху раннего средневековья» (18 мая 1994 г.), опубликованная монографически (Кулаков В.И., 1994б). Также по прусской тематике в Вильнюсском университете в 1994 г. защитили дипломные работы Г. Казлаускайте (тема – «Изменения в материальной культуре Пруссии в среднем железном веке») и Д. Станкявичус (тема – «Курганы Самбии в бронзовом и раннем железном веках»).

В южной части западнобалтского ареала, представляющем собой территориальной земли Эльблонгского, Ольштынского и Белостоцкого воеводств Польской Республики, в исследовательском отношении сложилась непростая ситуация. В 1990 г. А.Я. Павловский (Замковый музей в Мальборке), специалист по поселенческой археологии прусских земель Помезании, Погезании и Вармии, наметил направления дальнейшего развития археологии в этих регионах. Одним из основных вопросов польских исследований древностей раннесредневековых пруссов он справедливо считал изучение их погребальных древностей предорденской эпохи (Pawłowski A.J., 1990, S. 62). Однако ввиду целого ряда причин объемы изучения древностей юго-западной и южной окраин западнобалтского ареала резко сократились. Приостановлены раскопки М. Ягоджиньским открытого торгово-ремесленного пункта VIII–IX вв. Трусо (у пос. Янув Поморски, Эльблонгское воеводство), отсутствует информация о работах М. Качиньского на ятвяжском городище Шурпилы (Белостоцкое воеводство). Тем не менее базисное изучение западнобалтских древностей продолжается на кафедре археологии Варшавского университета, где усилиями специалиста по прусским древностям римского времени В. Новаковского осуществлено серийное издание «Barbaricum». В рамках этого издания опубликованы концептуальные работы по проблемам культуры западнобалтийских курганов (Okulicz-Kozaryn L., 1992, S. 82–88) и западнобалтской культуры римского времени (Nowakowski W., 1992, S. 218–230). Обобщающую монографию по упомянутой последней проблеме В. Новаковский выпускает в настоящее время в Германии. Польский вариант этой работы увидел свет в 1995 г. в 4-м томе «Barbaricum». В этой работе, в частности, суммированы результаы изучения западнобалтских древностей римского времени по данным раскопок до 1991 г. Основываясь на них, В. Новаковский на южных рубежах западнобалтского ареала в эпоху римского влияния выделяет родственную вельбарским древностям богачевскую культуру. Ее носителями он считает смешанное восточногерманское и западнобалтское население. Данная проблема требует специального изучения с привлечением данных новейших изысканий.

Земля скальвов к 1991 г. была наиболее изучена в археологическом отношении в процессе деятельности экспедиции, возглавлявшейся В. Шименасом. Работая в секторе археологии Института истории Академии наук Литвы, этот ученый добился блестящих результатов в раскопках грунтового могильника Видгиряй (Таурагский р-н), где были обнаружены погребения знатных дружинников 450–500-х годов, судя по характеру инвентаря, связанных со Средним Подунавьем гуннского времени и с Янтарным берегом. В 1991–1992 гг. происходила всесторонняя реставрация данных находок перед их передачей в Исторический музей г. Вильнюса. В 1993 г. В. Шименас перешел работать в Вильнюсский университет, где и защитил диссертационную работу о древностях скальвов V в. Одним из ее основных положений (Šiménas V., 1994, p. 10–17) является доказательство интенсивного влияния западнобалтских традиций на древности племен центральной Литвы, достигающего апогея в V в. По мнению В. Шименаса, этнические перемещения эпохи гуннских войн затронули и этот регион.

Земли куршей и ламатов подвергаются в настоящее время наиболее масштабным исследованиям литовских и латышских археологов. С 1992 г. центром этих работ является образованный при Университете Клайпеды Исследовательский центр истории западной Литвы и Пруссии. С 1993 г. его возглавляет ведущий специалист по куршской археологии В. Жулкус, до этого с 1990 г. руководивший Музеем истории Малой Литвы. Последний, в фондах которого находится значительное количество находок с памятников археологии куршей, возглавляется в настоящее время специалистом по позднесредневековой Клайпеде Й. Генисом. На базе этого музея в 1992 г. была проведена Международная научная конференция «История и культура западных балтов» (Vakarų baltų..., 1992). Третья за послевоенный период конференция по данной проблематике состоялась на базе Исследовательского центра истории западной Литвы и Пруссии 25–30 марта 1994 г. в г. Ниде (Urba K., 1994, p. 20, 21). Значительная доля выступлений на этом представительном симпозиуме принадлежала западноевропейским коллегам (У. Нэсман, Э. Хагберг, М. Мюллер-Вилле, Ю. Луотто, Л. Лецейевич) и была посвящена пробемам контактов Балтии с племенами Скандинавии в период Великого переселения народов и в эпоху викингов. Российскую науку на конференции представляли В.В. Седов и автор данной статьи.

Итог новейших исследований куршских древностей был подведен В. Жулкусом в 1992 г. (Žulkus V., 1992, p. 2–11). В своей монографической статье автор констатирует высокий уровень социальных отношений в куршском обществе, приведший в IX в. к формированию в северной части куршского ареала (морское побережье между современными городами

Паланга и Лиепая) группировки профессиональных воинов-дружинников. Правда, по сей день убедительно не конкретизирован тот пункт (видимо – открытый торгово-ремесленный центр), вокруг которого консолидировались в IX–XI вв. дружинники, торговцы и ремесленники. В этом отношении В. Жулкус склоняется в сторону окрестностей современного г. Паланга. В. Даугудис таким центром считает городище Имбаре, бывший до IX в. племенным центром куршей (Daugudis V., 1994, p. 8–13).

Соответствующий высокий научный уровень литовские коллеги поддерживают не только в публикационной и дискуссионной деятельности, но и в полевой работе. В 1991–1993 гг. в ареале ламатов (ныне – Шилутский р-н) проводил разведки В. Шименас, раскопки позднесредневековых объектов в самом г. Шилуте и на городище Жарде осуществил Й. Генис, работы на средневековом кладбище у кирхи в г. Русне вел Л. Спрайнайтис. Им же в ареале куршей были продолжены раскопки замка XIII–XVII вв. в г. Клайпеде. На грунтовом могильнике в г. Паланга В. Жулкус изучал захоронения жемайтов XV–XVI вв. Последний феномен связан, как и описанные выше вновь открытые погребальные древности на могильнике Велува в ареале пруссов, с миграциями представителей различных племен в западнобалтском ареале орденской эпохи. Они были вызваны как естественными интеграционными процессами на этой территории, так и стимулировались действиями Тевтонского Ордена. Наконец, в Кретингском р-не разведки (в том числе – на хрестоматийном для куршских древностей грунтовом могильнике Андуляй (бывший Andullen, Kr. Memel) осуществил Ю. Канарскас.

В северной части куршской территории, в пределах Лиепайского р-на Латвийской Республики, в интересующий нас период в районе известного куршского городища Импильтис разведки проводил Ю. Уртанс. Исследователь изучил поселение XI–XII вв. Рукава и находящиеся в его окрестностях видимые над современной дневной поверхностью почвы ряды камней. Последние являются, как считает Ю. Уртанс, границами земельных участков, аналогии которым широко известны в скандинавских древностях римского времени. Кроме того, в куршском регионе проводились раскопки могильников Ошениеку (V–VIII вв., И. Вирсе), Ипишу (IX–XI вв., Й. Асарис), Сараи (XI–XII вв., Й. Асарис) и Анце (XIII–XIV вв., М. Лусенс). При раскопках последнего памятника еще в 1967 г. были обнаружены погребения со смешанными элементами обряда и с аналогичными чертами в инвентаре, что позволило В. Уртансу обозначить погребенных на могильнике как «куронизированных ливов» (Lūsēns M., 1992, p. 72). Возникновение тенденций к становлению полигентильной культуры в предорденском западнобалтском ареале уже отмечалось выше в результатах новейших раскопок. В данном случае мы, видимо, стоим на пороге разрешения одной из интереснейших проблем раннесредневековой истории Балтии – механизма сложения наций современного этно-культурного облика. Начало этого процесса реализуется на западных рубежах балтского мира уже во второй половине X в. (Kulakov V., 1994, p. 116).

В завершении краткого обзора работ латвийских коллег на памятниках западнобалтской археологии следует с сожалением отметить прекращение раскопок уникального комплекса Гробиня (окрестности современного г. Лиепая), последовавшее за безвременной кончиной начальника экспедиции – петербургского археолога В.П. Петренко.

Восточная часть земель ятвягов (судавов) изучалась в своей восточной части белорусскими археологами. В результате многолетних работ на городищах культуры штрихованной керамики, продолжавшихся и в начале 90-х годов, А.М. Медведев исчерпывающе воссоздал поселенческую ситуацию I тыс. до н.э. – V в. н.э. на территории современной Белоруссии. В частности, исследователю удалось установить, что финал культуры штрихованной керамики, принадлежавшей восточным балтам, наступает в гуннскую эпоху при непосредственном воздействии носителей культуры восточнолитовских курганов (Медведев А.М., 1994, с. 90). Древности последних в упомянутой части ареала культуры штрихованной керамики отличались присутствием в комплексах сосудов с нарочисто огрубленной поверхностью. Данные находки позволили предположить участие в этнических переменах на рубежах балтского мира и части ятвягов (Звяруга Я.Г., Мядзведзеу А.М., 1994, с. 35, 36). Тем самым гипотеза В. Шименаса относительно кардинальных перемен в западнобалтском регионе, произошедших в гуннскую эпоху (см. выше) получила блестящее подтверждение на ином материале.

Раскопки, проводившиеся в 1991 г. на курганном могильнике Перевоз-IV (Глыбоцкий р-н Витебской обл.), позволили установить существование здесь в XII–XIV вв. локальной группы ятвягов (Дучыц Л., Квяткоуская А., 1994, с. 64–69).

В 1990–1991 гг. в ходе раскопок в урочище Девичья Гора (Молодеченский р-н Минской

обл.) Э.М. Зайковский обнаружил ятвяжские захоронения XI–XII вв. в курганах с каменными обкладками (Зайкоувскі Э.М., 1994, с. 71–87).

Значительной вехой в изучении древностей XI–XIII вв. в восточной части ятвяжского ареала (вплоть до бассейна р. Березины на востоке) стала кандидатская диссертация А.В. Квятковской по теме «Каменные могильники Беларуси XI–XVII вв.». Опираясь на новейшие данные полевых работ, автор диссертации убедительно выделила этапы проникновения ятвяжского населения в среду кривичей (побережье р. Западная Двина) в XII в. и глубокую устойчивость западнобалтских культурно-языковых традиций в северо-западной Белоруссии до середины XIX в. (Квятковская А.В., 1994, с. 18, 23).

Итак, 1991 г. послужил неким рубежом в ходе изучения западнобалтских древностей, причем в результате не политических, а, скорее, экономических процессов в странах Балтийского региона. Намеченная на 1989 г. серия совместных археологических исследований Института археологии АН СССР и Краеведческого музея в Клайпеде в регионах расселения племен западных балтов не состоялась. Не удается полномасштабно наладить ее и на современном этапе, хотя на роль координатора смело может претендовать Исследовательский центр истории Западной Литвы и Пруссии. Несмотря на свое многообещающее название, данный Центр вынужден концентрировать свои научные силы преимущественно в Клайпедском р-не Литовской Республики. Тем не менее прошлое западных балтов продолжает интересовать литовских, латвийских, русских и польских археологов, причем в значительной мере – студенческие круги. Накоплен значительный фактический материал местных древностей III–XIV вв., для временного отрезка V–XIII вв. создана детальная хронология. Думается, время покажет новые пути для сотрудничества коллег в юго-восточной Балтии. Одной из новых форм исследовательской работы, без сомнения, являются работы, ориентированные на формирование международных выставок, посвященных древностям крупных географических регионов подобно прошедшей в Варшаве 4 марта – 30 июня 1994 г. выставке «Древности Литвы» (Starożytności Litwy, 1994). Незначительная представленность в ее экспедиции западнобалтских материалов сама по себе указывает региональным музеям Литвы, Латвии, России и Польши дальнейшее направление исследовательской и экспозиционной деятельности. Такого рода совместная работа археологов стран-соседей предполагает соответствующую полевую и издательскую деятельность, значение которых в современных условиях трудно переоценить. Надо полагать, что это направление в практике изучения западнобалтских древностей наиболее реалистично.

Институт археологии РАН,
Москва

В.И. Кулаков

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Дучыц Л., Квяткоуская А., 1994. Пахавальныя помнікі наваколіц Падсвілля // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 4. Мінск.

Зайкоускі Э.М., 1994. Раскопкі на Дзявочай гары // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 4. Мінск.

Звяруго Я.Г., Мядзведзеу А.М., 1994. Паселішча на беразе возера Свір // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 4. Мінск.

Квятковская А.В., 1994. Каменные могильники Беларуси XI–XVII вв. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Минск.

Кулаков В.И., 1987. Земля пруссов и «прусские земли» // Балтославянские исследования 1985 г. М.

Кулаков В.И., 1990. Древности пруссов (VI–XIII вв.) // САИ. Вып. Г1-9. М.

Кулаков В.И., 1994а. «Гора Великанов». Раскопки 1992 г. // Barbaricum. T. 3. Warszawa.

Кулаков В.И., 1994б. Пруссы (V–XIII вв.). М.

Кулаков В.И., 1994в. Юбилеи прусской археологии // Археологический бюллетень. № 4.

Кулаков В.И., Валуев А.А., 1995. Veluva (Alt-Wehlau): языческий могильник в христианской Надравии // Восточная Европа в древности и средневековье. Язычество. Христианство. Церковь. М.

Медведев А.М., 1995. Поселения культуры штрихованной керамики (некоторые экономические и социалогические аспекты в расселении) // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 5. Мінск.

Седов В.В., 1987. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.

Седов В.В., 1994. Славяне в древности. М.

Топоров В.Н., 1974, 1979, 1980, 1984, 1990. Прусский язык. М.

Bertašius M., 1994. Marvelės degintitial kapai I // Vidurio Lietuvos archeologija. Vilnius.

Daugudis V., 1994. Imbare ir Lietuvos miestų susidarymo pradžiai // Baltų archeologija. N 2.

Kulakov V., 1994. Vakarų lietuvių V–XIII a. radinial prusų žemėse // Klaipėdos miesto ir regiono archeologijos ir istorijos problėmos. Acta Historica Universitatis Klaipedensis. II. Klaipeda.

Lūsēns M., 1992. Izrakumi Ances pagasta centra senkapos // Zinatniskas atskaites sesijas materiali par arheologu 1990. un 1991. gada petijumu rezultatiem. Rīga.

Nowakowski W., 1992. «Hic suebiae finis» – concept of the border of the barbarous world at the East Baltic coast in the Roman Period // Barbaricum. T. 2. Warszawa.

Okulicz-Kozaryn Ł., 1992. Kultura kurhanów zachodniobałtyjskich. Próba werifikacji hipotez // Barbaricum. T. 2. Warszawa.

Pawłowski A.J., 1990. Stan i potrzeby badań nad wczecznym sredniowieczem Pomezanii, Pogezanii i Warmii // Stan i potrzeby badań nad wczecznym sredniowieczem w Polsce. Poznań – Wrocław – Warszawa.

Šimenas V., 1995. Pajurio, Nemuno zemupio ir Vidurio Lietuvos kapinynai I m.e. tukstantmecio pirmojoje puseje // Vidurio Lietuvos archeologija. Vilnius.

Starożytności Litwy, 1994. Warszawa.

Tischler O., 1880. Königsberg. Provinzial-Museum der Physikalisch-Ökonomische Gesellschaft // Katalog der Ausstellung prähistorischer und anthropologischer Funde Deutschlands. Berlin.

Urba K., 1994. Baltai ir ju kayminai Baltijos regione (800–1200) // Baltu archeologija. N 2.

Vakarų baltų archeologija ir istorija, 1989. Klaipéda.

Vakaru baltu istorija ir kultura, 1992. Klaipéda.

Žulkus V., 1989. Tarpgentines dykros ir mirusiujų pasaulis baltų. Pasauležiuroje // Vakarų baltų archeologija ir istorija. Klaipéda.

Žulkus V., 1992. Kuršiai // Mokslas ir Lietuva. T. III. Kn. 4.

Žulkus V., 1993. Mirosiujų pasaulis baltų pasauležiuroje (archeologijos duomenimis) // Žemaicių praetis. T. 2. Vilnius.

Хроника

МЕЖРЕСПУБЛИКАНСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ, ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ УКРАИНЫ» (ХАРЬКОВ, 1–3 МАРТА 1995 г.)

1 марта 1995 г. в Харьковском государственном университете состоялось учредительное собрание Харьковского историко-археологического общества. Инициаторы создания этой научно-просветительской организации надеются, что со временем она может стать одним из центров объединения археологов, специалистов в области древней и средневековой истории, краеведения, музейного дела. В связи с этим начата работа по установлению прочных связей с отечественными и зарубежными партнерами, предполагается регулярное проведение различных научных форумов. Ряд такого рода мероприятий открыла научная конференция «Проблемы археологии, древней и средневековой истории Украины», начавшая свою работу в день учреждения Общества и завершившая ее 3 марта 1995 г.

В работе конференции приняли участие более 80 ученых, представлявших Институты археологии НАН Украины и РАН, а также Институт всеобщей истории РАН; университеты Воронежа, Днепропетровска, Донецка, Запорожья, Киева, Луганска, Нижнего Новгорода, Одессы, Санкт-Петербурга и Харькова; Белгородский, Волгоградский, Полтавский, Сумской и Черниговский педагогические вузы; исторические и краеведческие музеи Донецка, Запорожья, Полтавы, Симферополя, Сум и Харькова; Национальный заповедник «Херсонес Таврический» (г. Севастополь), Керченский государственный историко-культурный заповедник и некоторые другие учреждения.

Участники пленарного заседания заслушали и обсудили доклады харьковских ученых, посвященные истории археологии (Ю.В. Буйнов) и антиковедения (В.И. Кадеев) в Харькове, проблемам охраны и использования археологических памятников Слобожанщины (С.И. Берестнев).

Дальнейшая работа конференции проходила в семи секциях.

На секции археологии каменного века В.И. Беляева (Санкт-Петербург) в докладе «Особенность очага как элемента поселения на верхнепалеолитической стоянке Пушкари I» пришла к выводу о сезонном характере этой обитаемой лишь в теплое время года стоянки, причем центром бытовой и производственной деятельности здесь является расположенный за пределами жилища очаг. Первым итогам исследования стоянки Татьяновка I был посвящен доклад *Ю.Г. Коваля* (Донецк) «Позднепалеолитическая кремнедобывающая мастерская Татьяновка I на Северском Донце». По мнению докладчика, эта мастерская специализировалась на изготовлении нуклеусов. В докладе *В.С. Ветрова* (Луганск) «К изучению стилистических версий археологических культур финального палеолита» рассмотрен способ применения корреляционно-типологических версий анализа форм и орнаментов произведений искусства позднего палеолита, отмечено, что, опираясь на стилевые провинции, в дальнейшем можно будет подойти к определению этнокультурных единств этой эпохи. Анализ материалов исследования мезолитического поселения Вязивок 4а позволил *И.Н. Гавриленко* (Полтава) в докладе «О половозрастной структуре раннемезолитической общины (По материалам поселения Вязивок 4а в Посулье)», основываясь на данных о размерах жилищ и характере обнаруженного в них кремневого инвентаря, прийти к выводу, что «малые» жилища были местом обитания бездетных семей, в то время как в «больших» жилищах могли проживать две семьи, имевшие детей, возраст которых позволял привлекать их к трудовой деятельности. Взаимосвязь между природно-экологическими факторами и формами хозяйства была прослежена в докладе *Е.В. Смынтыны* (Одесса) «Изменение природно-ландшафтной обстановки на территории Украины в эпоху мезолита». Автор обратила внимание на нестабильность климатических условий и продолжающийся процесс становления природных зон в мезолите, что, по ее мнению, отразилось на формировании общностей с особым образом жизни и соответствующими типами хозяйства. Проблемы перехода от присваивающих

© С.И. Берестнев, А.П. Мартемьянов, С.Б. Сорочан, 1996 г.

форм экономики к производящим были подняты в докладе *В.Н. Станко* (Одесса) «Предпосылка становления производящей экономики в причерноморско-приазовских степях». Докладчик выделил основные этапы становления скотоводства: формирование специализированной охоты на бизона (середина позднего палеолита) – появление культа бизона (поздний палеолит) – изменение характера охоты в сторону селективности (мезолит). В докладе А.В. Потоцкого (Харьков) «О хозяйственно-культурных типах населения лесной и лесостепной зон Левобережной Украины в эпоху неолита» на основании анализа археологических материалов конкретных природных зон был сделан вывод о хозяйственно-культурных типах оседлых охотников, рыболовов и собирателей в раннем неолите и о появлении зачатков скотоводства и ручного земледелия в позднем.

На секции археологии энеолита и бронзового века в докладе *В.А. Дмитриева* (Харьков) «Керамика древнеямной культуры лесостепи Украины» было выделено четыре основных типа посуды, обнаруженной к настоящему времени на лесостепных памятниках древнеямной общности, и определен круг аналогий этой керамике на сопредельных территориях. Семантике курганных насыпей был посвящен доклад *Д.Л. Тесленко* (Днепропетровск) «Об архитектурных особенностях ямных курганов степного Поднепровья». Основываясь на стратиграфических и планиграфических наблюдениях, автор счел возможным выделить насыпи антропо- и зооморфной формы, которые, по его мнению, могли служить и культовыми центрами. *А.Л. Антонов* (Запорожье) доложил о находке каменного топора бородинского типа в погребении раннего этапа культуры многоваликовой керамики. В докладе *С.И. Берестнева* (Харьков) «Захоронения животных у племен катакомбной общности» автор пришел к заключению, что подобные погребения следует трактовать не как кенотафы, а как персонифицированную жертву конкретному божеству посвященного ему животного, как акт общественного значения. Доклад «Погребения катакомбной культуры с деформированными черепами на территории Нижнего Поволжья» *Л.В. Гуренко* (Волгоград) был посвящен проблемам появления обычая деформации черепов у поволжских племен. *В.А. Ромашко* (Днепропетровск) в своем докладе обратил внимание на один из типов восточноевропейских кинжалов, датируемый XIII–XII вв. до н.э. В докладе *С.И. Воловика* (Харьков) «К вопросу о сложении бондарихинской культуры» была представлена авторская точка зрения по вопросу о полиэтничности бондарихинской культуры, предполагающая определенное влияние на финно-угорское ядро со стороны балтского и ираноязычного массивов, в также участие некоторых их групп в формировании этой культуры. *А.Г. Плешивенко* (Запорожье) посвятила свой доклад «Ритуальный комплекс в Нижнем Поднепровье» характеристике кургана у пос. Солнечный в Запорожской обл., который предложила трактовать как культовый центр. В докладе *А.Е. Кислого* (Симферополь) «Искусство племен эпохи бронзы Евразийских степей в контексте социодемографического анализа» было обращено внимание на отсутствие натуралистических изображений у скотоводческих племен степей Евразии в это время, что, по мнению автора, объясняется уровнем развития религиозных представлений, абстрактностью культов древних скотоводов. *В.В. Отрощенко* (Киев) в докладе «По поводу культурной принадлежности погребений эпохи бронзы Кулешовских курганов» предложил новую трактовку исследованных в б. Полтавской губ. еще Н.Е. Бранденбургом погребений. По мнению докладчика, захоронения в курганах № 425 и 426 следует относить к кругу памятников «синташтинского» типа и датировать XVIII–XVII вв. до н.э. Доклад *В.В. Цимиданова* (Донецк) «Срубные погребения с гребнями и орудиями прядения» был посвящен интерпретации наборов костяных стержней из погребальных и бытовых комплексов срубной общности. Автор высказал предположение, что в ритуально-мистическом контексте они приобретали иной семиотический статус, в частности как предметы, наделенные магическими свойствами. В докладе *Ю.М. Бровендера* (Алчевск) были представлены материалы исследования поселения срубной культуры у с. Степановка на правобережье Северского Донца.

На секции археологии раннего железного века С.Б. Вальчак (Москва) в докладе «Киммерийские удила и лошади Восточной Европы», основываясь на большей длине рабочей части удил новочеркасского типа по сравнению с черногоровскими, предположил, что это обстоятельство может быть объяснимо изменением породы лошадей, возможно, приведенных киммерийцами из переднеазиатских походов. В докладе *В.П. Власова* (Симферополь) «О хронологических рамках кизил-кобинской (таврской) культуры» на основе анализа ряда кизил-кобинских погребальных и бытовых памятников был сделан вывод о том, что эту культуру следует датировать VIII–IV вв. до н.э. *В.П. Андриенко* (Донецк) в докладе «Курганы раннескифского времени у с. Пожарная Балка» аргументировано выделил комплексы предскифского (позднежаботинского), раннескифского (келермесского) времени, а также комплекс переходного типа. В докладе *Ю.В. Болтрика* и *Е.Е. Фиалко* (Киев) «Басовское городище – центр Посульского узла памятников эпохи раннего железа» были изложены основные результаты исследований 1992–1994 гг. на этом городище, которое авторы считают важнейшим центром в системе территориально-поселенческих структур Днепропетровского Левобережья. *С.А. Скорый* (Киев) в докладе «Скифский этнокультурный компонент на поселениях лесостепного Правобережья» предложил рассматривать некоторые типы обнаруженных на этой территории построек как юртообразные сооружения осевших на землю номадов. В докладе *Б.А. Шрамко и И.Б. Шрамко* (Харьков) «Ямные сыродутные горны Скифии» авторы на примере хорошо датированных материалов Восточного укрепления Бельского городища показали, что металлурги Скифии использовали

небольшие одноразовые ямные горны без шлаковыпуска. Доклад *З.Х. Попандопуло* (Запорожье) был посвящен характеристике скифского грунтового могильника на берегу Каховского водохранилища у с. Скельки Запорожской обл., который докладчица предварительно датировала IV–III вв. до н.э. *А.Б. Супруненко* (Полтава) представил в своем докладе обзор свидетельств труднодоступных и поэтому практически не используемых специалистами письменных источников XIII–XVII вв. об археологических памятниках Днепровского лесостепного Левобережья.

Разнообразием сюжетов отличалась тематика выступлений на секции *«Античная история и археология»*. Большинство докладов было посвящено Северному Причерноморью – религиозным представлениям и быту, этнической принадлежности и внешним связям местного населения в античную эпоху, результатам последних полевых исследований на этой территории и методике обработки, интерпретации археологического материала. Так, *В.А. Латышева* (Харьков) в докладе «Новые данные о культе Геракла в Херсонесе и некоторые аспекты его почитания» высказала предположение, что в широком распространении на Херсонесской хоре образа пирующего Геракла следует усматривать проявление извечной тоски человека о лучшей доле, его веры в возможность приобщения, подобно легендарному герою, к блаженной жизни богов и обретения таким образом бессмертия. В докладе *А.В. Шевченко* (Севастополь) «Культ Аполлона в Херсонесе (По данным коропластики и нумизматики)» было отмечено, что почитание этого божества, особенно популярного в городе в эллинистическую эпоху, продолжало сохранять здесь государственный, официальный характер и в раннеримское время, а в числе частных культ Аполлона оказывается в Херсонесе лишь в конца II в. н.э. *А.А. Масленников* (Москва) в докладе «Боспорские культы: святилища на "вершинах"» на основании анализа ряда ранее известных, а также недавно открытых археологических памятников Боспора, расположенных вне собственно городских территорий, показал, что культовые объекты на «вершинах» могли являться как святилищами различных божеств, так и поминальными памятниками некоторым обожествленным правителям и героям. В докладе *В.И. Кадеева* (Харьков) «О парфюмерии и косметике в античном Херсоне» были проанализированы и обобщены свидетельства источников об использовании херсонеситами в повседневном быту, в культовых целях, в погребальном обряде различных парфюмерных и косметических средств, которые, появившись в Херсонесе не позднее начала IV в. до н.э., в дальнейшем занимали заметное место в жизни его населения на протяжении практически всего античного периода истории города. *О.А. Ручинская* (Харьков) в докладе «Общественные развлечения и отдых граждан северопонтийских городов в первые века н.э.» уделила внимание досугу жителей античных центров Северного Причерноморья и пришла к выводу, что характер культуры этих городов в исследуемый период не был провинциально-римским и в большей мере определялся греческими традициями. В докладе *Е.А. Молева* (Н. Новгород) «Аспургиане Страбона» автор, полемизируя со сторонниками других точек зрения на этот счет, выступил с обоснованием предположения, что аспургиане, вероятнее всего, были действительно, как это следует из буквального прочтения фрагмента XI, 2, II «Географии» Страбона, одним из меотских племен. Центральный сюжет доклада *С.Ю.Сапрыкина* (Москва) «Новый тип клейм Синопы» определила находка на Херсонесском городище фрагмента синопской черепицы с клеймом Κ(ολωνια)·Ουνατ(οεσσα)·Ιουλια. Докладчик привел доводы в пользу датировки клейма промежутком времени между 46 и 30/27 гг. до н.э., отметил, что его находка служит новым подтверждением оживления экономики Синопы во второй половине I в. до н.э., восстановления в этот период ее прежних обширных связей с Северным Причерноморьем. *С.В. Дьячков* (Харьков) в докладе «О функциональном назначении северо-западного квартала портового района Херсонеса в римское время» обратил внимание на то, что характер застройки этой части города в I–III вв. н.э., вероятно, определялся присутствием римского гарнизона, разместившегося в соседней цитадели. После вывода римских войск из Херсонеса происходит кардинальная перестройка всего района, который тем не менее остается центром активной жизнедеятельности и на протяжении IV–VI вв. В докладе *С.В. Ушакова* (Севастополь) «Новые исследования Херсонесского некрополя», в основной своей части посвященном результатам изучения захоронений античного и раннесредневекового времени в низовье Карантинной балки у Карантинной бухты в 1991–1993 гг., было отмечено, что вновь обнаруженные погребальные сооружения позволяют уточнить архитектуру, топографию и хронологию некрополя Херсонеса. *Н.Н. Болгов* (Белгород) представил в своем докладе характеристику Китея и его округи IV – первой половины VI в.н.э. как локального территориально-хозяйственного комплекса, отметив, что, по его мнению, именно исследование таких комплексов является сейчас одной из наиболее перспективных линий изучения истории подзнеантичного Боспора. В докладе *М.И. Золотарева* (Севастополь) был предложен авторский вариант археологической периодизации памятников Херсонеса Таврического, разработанный с учетом возможности использования его в дальнейшем в компьютерных программах. *Д.Ю. Коробков* (Севастополь) в докладе «О методике археологического описания амфорных находок (на материалах раскопок в Херсонесе 1990–1994 гг.)» представил новую систему первичного описания аморфного материала, которая, как считает ее автор, позволяет полноценно учитывать необходимые данные уже в полевых условиях, а впоследствии легко комбинировать и сопоставить их. Доклад *А.В. Куликова* (Керчь) «К изучению древних морских промыслов (функциональная типология рыболовных грузил» был посвящен интерпретации найденных в Северном

Причерноморье античных керамических, каменных и свинцовых грузил, а также установлению их принадлежности к рыболовным орудиям определенных классов. Поднимались на секции и проблемы истории Древнего Рима. Так, *А.П. Мартемьянов* (Харьков) в докладе «О рабочем персонале восточнобалканского доминия римских императоров в I–III вв. н.э.» высказал предположение, что в императорских земельных владениях на территории Нижней Мезии и Фракии организация хозяйственной деятельности базировалась преимущественно на отношениях аренды и труд юридически свободных земледельцев преобладал в них над рабским. *И.П. Сергеев* (Харьков) в докладе «Пальмира и Рим в середине III в. н.э. (К вопросу о сепаратизме провинций Римской империи в период кризиса III века)» пришел к выводу, что целью выступления правителей Пальмиры Зенобии и Вабаллата против Аврелиана было не отделение от Рима, а, напротив, распространение своей власти и на «Вечный город», и на все владения римлян.

Работа секций «*Славяне и Киевская Русь*» и «*Византия и кочевники*» ввиду взаимных научных интересов их участников была объединена на двух совместных заседаниях. В докладе *Ю.Ю. Башкатова* (Киев) «Об одном из типов построек киевской культуры» было высказано предположение о влиянии пшеворской или черняховской культур на сооружение построек III–V вв. с так называемой «печью-камином», которые относятся к домостроительству киевской культуры и, как считается, основывались на позднезарубинецких традициях. Доклад *В.Н. Тимощука* (Киев) «К проблеме хронологии киевских древностей» был посвящен методике разработки хронологической шкалы археологических находок IX–XIII вв., в основу которой, по мнению автора, может быть положена стратиграфия Киевского Подола. *В.В. Дидык* (Харьков) в докладе «Применение метода пространственных связей при анализе черняховских памятников бассейна Северного Донца» предпринял попытку продемонстрировать на примере конкретного района площадью 18 на 12 км возможность предварительного определения мест, наиболее перспективных с точки зрения археологического исследования. О конструкционной классификации и функциональном назначении очагов в восточнославянских жилищах VI–XIII вв. шла речь в докладе *М.С. Сергеевой* (Киев) «Об одном типе обогревательных сооружений в раннеславянском и древнерусском жилище». Докладчица отметила, что сооружение очагов одновременно с печами в раннеславянское время свидетельствует о постепенном формировании традиционного интерьера восточнославянского жилища. Совместный доклад *М.А. Сагайдака, М.С. Сергеевой* и *П.С. Михайлова* (Киев) «Новые находки ремесла в Киеве» был посвящен результатам раскопок 1993 г. в северо-западной части Подола, где в слое XII–XIII вв. были открыты усадьбы, являвшиеся местами сосредоточения товарного ремесленного производства – литейного, стекольного, обработки кости и рога. *П.С. Михайлов* (Киев) в докладе «Реконструкция технологии обработки цветных металлов в ювелирном искусстве Древней Руси X–XIII вв.» ознакомил с результатами серии экспериментов по изготовлению ювелирных изделий из цветных металлов и сплавов, приближающихся по своим характеристикам к материалу древнерусских оригиналов, с использованием технологии мастеров Древней Руси, аналогов их инструментов и приспособлений. В посвященном анализу археологических находок второй половины VIII – первой половины IX в. докладе *В.С. Аксенова* (Харьков) «Импортная керамика в погребениях с конем могильника Красная Горка салтовской культуры» особо было отмечено необычно большое для салтовских памятников количество в погребениях посуды, изготовленной в гончарных мастерских Таврики. *А.В. Крыганов* (Харьков) в докладе «Военное искусство средневековых кочевников Северного Причерноморья» предпринял попытку рассмотреть основные моменты стратегии, тактики и оперативного искусства кочевников IV–XIII вв. одного обширного региона, используя при этом аналогии, почерпнутые из свидетельств византийских, арабских и древнерусских источников. *В.Е. Родникова* (Киев) в докладе «К вопросу о хронологии могильника Суук-Су», используя данные об инвентаре и погребальном обряде одного из крупнейших южнокрымских могильников, предложила новую корреляционную таблицу для материалов погребений нижнего горизонта, датируемого в пределах середины VI – третьей четверти VII в. *С.Б. Сорочан* (Харьков) в своем докладе проследил эволюцию торгово-экономической политики Византии в Таврике с конца VI до начала X в., отметив, что позиции империи в этом регионе строились с учетом влияния хозяйственных связей на местное и салтово-маяцкое население, появившееся здесь со второй половины VII в. Своеобразным продолжением этой темы стал доклад *В.В. Майко* (Симферополь) «К вопросу о христианизации тюрко-болгар Крыма». Анализ материалов некоторых христианских храмов, склепов и могил позволил автору прийти к выводу о византинизации части тюркского населения Таврики в VIII–X вв. Исследованию административной системы Византии был посвящен доклад *В.Е. Науменко* (Симферополь) «Учреждение и развитие византийской фемы в Таврике», в котором на основе письменных и археологических источников была прослежена эволюция византийских органов управления в Херсоне с конца VII – начала VIII до конца XI в. *Н.А. Алексеенко* (Севастополь) в докладе «Новые находки моливдовулов из рода Цулы в Херсонесе» сообщил о двух новых моливдовулах, обнаруженных в 1993–1994 гг. в прибрежной полосе северо-восточного района Херсонеса, которые принадлежали ранее неизвестным представителям рода Цулы – Игнатию (вторая половина X – первая половина XI в.) и спафарию Михаилу (вторая половина XI в.). Тщательно выполненное исследование нескольких тысяч бус из могильника Дружное в Центральном Крыму составило основу доклада

Э.А. Хайрединовой (Симферополь), разработавшей детальную типологию находок и продемонстрировавшей возможности реконструкции одежды, украшенной нашивными бусами.

Насущным проблемам сохранения и использования археологических памятников в современных условиях, а также некоторым вопросам истории становления археологии как науки был посвящен ряд докладов, заслушанных на секции «Охрана памятников и краеведение». *Н.В. Галченко* (Керчь) в докладе «Заповедник как фактор влияния в регионе» ознакомила с возможными вариантами дальнейшего развития Керченского государственного историко-культурного заповедника, которые, по ее мнению, помогут в сложных современных условиях привлечь заинтересованные в функционировании заповедника силы, обеспечить приток необходимых ему средств, расширить круг партнеров по сотрудничеству. Доклад *Т.Н. Федосимовой* (Керчь) «Некоторые проблемы сохранения памятников истории и архитектуры в современной градостроительной ситуации» был посвящен проблемам разработки проекта охранных зон Керченского заповедника, цель которого состоит в определении границ заповедника, границ и режимов содержания отдельных зон охраны, а также памятников, расположенных вне заповедной территории. В докладе *О.Н. Каковкиной* (Днепропетровск) «Вопросы теории и методики археологии в материалах археологических съездов» велась речь о том, как на этих форумах решались вопросы, связанные с определением объекта и предмета археологии, понятия «археологический памятник», какими представлялись ученым второй половины XIX – начала XX в. цели и задачи археологии, ее возможности в реконструкции исторического прошлого, какие методы использовали в то время в своих исследованиях отечественные археологи.

Тезисы представленных на конференции докладов опубликованы в сборнике: «Проблемы археологии, древней и средневековой истории Украины. Тезисы докладов. 1–3 марта 1995 г.» Харьков, 1995.

Проведение следующей научной конференции Харьковского историко-археологического общества намечено на 1997 г.

Харьковский государственный университет

С.И. Берестнев, А.П. Мартемьянов, С.Б. Сорочан

VIII МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ФИННО-УГРОВЕДОВ (АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА). (ФИНЛЯНДИЯ, ЮВЯСКЮЛЯ, 1995)

VIII Международный конгресс финно-угроведов работал 10–15 августа 1995 г. в Финляндии в университетском городе Ювяскюля. В нем приняли участие ученые из 26 стран Европы, Азии, Америки и Австралии. Было заслушано и обсуждено около 600 докладов, представляющих все отрасли финно-угроведения: лингвистику, этнологию, археологию, антропологию, историю, литературоведение, фольклористику и искусствознание. Изложение пленарных и краткие тезисы остальных докладов были опубликованы к началу работы конгресса (Congressus..., 1995).

На секции "Археология" было прочитано 23 доклада. Кроме того, два доклада по археологической тематике (Ч. Балинта и И. Фодора) были заслушаны на специальном заседании по проблеме "Обретение родины венграми в IX веке", доклад Э. Тыниссона был вынесен на симпозиум "Финно-угорский регион как культурный ареал. Прибалтийско-финский культурный ареал (история, лингвистика, топонимика)" (Itämerensuomalainen..., 1995). Н.И. Шутова выступила с докладом в среде этнологов на подсекции "Верования", доклад Ю.П. Чемякина был "выставочным".

Значительная часть докладов была посвящена археологии прибалтийско-финского региона. Несомненный интерес представляет выступление Э. Тыниссона (Таллин) "Археологические ареалы на Балтике", в котором рассматривались регионы археологических культур Юго-Восточной Прибалтики и их изменения, обусловленные миграциями и инфильтрациями различных групп населения или какими-либо иными причинами. В эпоху мезолита выделяются два различных региона: культура Кунда и неманская культура с позднепалеолитическими свидерскими традициями. В IV тыс. до н.э. такое членение нарушается, в это время имело место проникновение в финно-угорскую среду первых индоевропейских лексем. Миграция носителей культуры боевых топоров в середине III тыс. до н.э. стабилизировала ситуацию. Это было расселение в Юго-Восточной Прибалтике первых индоевропейцев. Образовалось два ареала культуры боевых топоров: северный (эстонско-севернолатвийский) и южный (Литва с Подвиньем и Северной Польшей). В бронзовом и раннем железном веке этнические границы сохраняются – южные земли (культура штрихованной керамики и западнобалтийских курганов) принадлежали балтам, северные

© В.В. Седов, 1996 г.

(культура текстильной керамики) – прибалтийско-финским племенам. Имевшие место вторжения носителей волосовской культуры из Верхневолжского бассейна и скандинавов (захоронения в каменных ящиках) не нарушали установившегося этнокультурного районирования.

В докладе "Современные тенденции в финской археологии" А. Сиирияйнен (Хельсинки) утверждал, что заселение территории Финляндии началось около 9000 г. до н.э. (Карелии – в VIII тыс. до н.э.) в связи с существенными климатическими изменениями. Расселение осуществлялось с двух направлений. С юга и юго-запада мигрировали носители свидерских древностей (аренсбургская культура), с юго-востока – племена льяловской культуры. В результате на территории Финляндии образовался финно-саамский рубеж. В дальнейшем имели место неоднократные вторжения более или менее крупных групп населения, среди которых выделяется миграция племен культуры боевых топоров. Остается дискуссионным вопрос о роли влияний, исходящих из Восточно-европейской равнины. Они, как кажется докладчику, были преувеличены исследователями последних десятилетий.

М. Миеттинен (Хельсинки) в докладе "Жилища поселения Хямеенсаари в Пихтипудас" рассказал о результатах раскопок 1991–1992 гг. эпинеолитического селения на оз. Колимайярви в центральной Финляндии. Памятник интересен тем, что дает обстоятельное представление о быте и культуре охотничье-собирательской популяции в регионе, удаленном от морского побережья.

Авторы доклада "Палеоэкологическое и археологическое исследование истории окружающей среды и земледелия на Карельском перешейке и в Ладожской Карелии" А. Сакса, Э. Гренлунд, Х. Симола, Ю.-П. Таавитсайнен, Л. Кивинен, К. Толонен (С.-Петербург, Йоенсуу, Турку) являются представителями различных наук. В исследовании были использованы данные археологии и палеоэкологии (в том числе спорово-пыльцевые анализы), полученные в основном на памятниках Лапинлахти (Ольховка), Риеккала и Кууппала. В результате установлено, что в раннем и среднем железном веке основной хозяйственной деятельности населения рассматриваемого региона была охота. Первые робкие следы земледелия относятся к периоду меровингов. С XII наблюдается расцвет яркой корельской культуры. Это была культура земледельцев, в следующем столетии фиксируется широкое распространение пашенного земледелия.

В докладе Х. Валк (Тарту) "О региональных культурных различиях в археологических материалах Эстонии XIII–XVII вв." были проанализированы могильные древности позднего средневековья, которым до сих пор исследователи уделяли мало внимания. Докладчик показал, что прежде всего значительно различались северные и южные земли Эстонии. В погребениях южного региона в сильной степени сохраняются дохристианские особенности – мужчин и женщин хоронили до XVII в. в противоположных направлениях, до XVI в. встречается обряд кремации умерших, обычны драгоценные украшения (фибулы и привески, янтарные, серебряные и халцедоновые бусы). На сельских кладбищах северной Эстонии уже в XIV в. господствует христианская обрядность, в очень редких могилах встречаются монеты и единичные вещи. Кроме того, выявляются еще два особых региона – северо-восточная Эстония, в культурном отношении до XV–XVI вв. сопоставимая с водью, и юго-восточные области (Вырумаа и Сетумаа), связанные с православием.

П. Пурхонен (Хельсинки) в докладе "Севернофинские погребения шаманов – встреча языческой и христианской веры" рассказала о трупоположениях XVII в., открытых в Савикоски и Куусамо в северной Финляндии, которые интерпретируются как захоронения лапландских шаманов. В этой связи исследовательница попыталась ответить на вопрос, почему в Лапландии захоронения более раннего времени полностью отсутствуют, тогда как в более южных областях Финляндии они известны начиная с эпохи мезолита. Эти различия между Лапландией и более южными землями, по мнению П. Пурхонен, имеют не только этнический, но в большей степени хозяйственный характер. Арктическая охота и экологическая ситуация способствовали сложению особой погребальной обрядности (поверхностные захоронения, может быть, огребения в воде), которая длительное время сопротивлялась распространению христианского ритуала.

В выступлении В.Я. Шумкина (С.-Петербург) "Каменные лабиринты Северной Европы" речь шла о широких исследованиях, проводимых по изучению этих древностей на Кольском п-ове. Выяснено, что лабиринты сконцентрированы в местах скоплений морских промысловых животных и имели культовое назначение. Принадлежат они к разным периодам, их не всегда можно датировать, но, кажется, что в основном они относятся к эпохе железа и раннему средневековью.

Вопрос о древности поселений саамов в срединных регионах Норвегии и Швеции анализировался в докладе И. Захриссон (Стокгольм) "Археология и политика. Саамская предыстория на Скандинавском полуострове". В Швеции и Норвегии длительное время доминировало отношение к саамам, как к чуждому, экзотическому и ненадежному элементу. В этой связи получило распространение мнение об очень позднем расселении саамов в средней части Скандинавии. Только после 1919 г. шведские исследователи стали говорить о саамах, проживавших здесь с XV в. Отдельным вопросам истории саамов XVIII–XIX вв. Средней Норвегии и Швеции было посвящено и выступление А. Лоов (Тронхейм) "Столкновение интересов в области правопользования в регионе южных саамов".

С прибалтийско-финским ареалом связаны и доклады финских лингвистов, прочитанных на археологической секции.

Г. Боденхолм (Хельсинки) в докладе "Финская археология и лингвистика" выступила против прямого перенесения лингвистических построений и гипотез на археологию. Так, отнесение балтских заимствований в западнофинских языках к культуре шнуровой керамики встречает трудности в языкознании. Исследователь полагает, что балтские лексемы "веревка, шнур" и "гребень", которые часто относят к периодам неолита и энеолита, скорее всего, принадлежат к заимствованиям позднеримского времени или периода миграций. А если это так, то отнесение культуры шнуровой керамики к балтскому этносу становится неаргументированным. Г. Боденхолм считает, что языковые схождения являются собственно лингвистическими явлениями, они могут быть обусловлены и конвергенционными процессами, и воздействиями с ныне нам неизвестными языками. Выявляемые ныне схождения в индоевропейских и финно-угорских языках не обязательно связаны с миграциями племен, выявляемыми на основании археологических материалов.

Выступление Э. Мууримяки (Хельсинки) "Предыстория финского языка. Новые оценки" было попыткой перенести построения английского археолога К. Ренфрю о взаимозависимости распространения, дифференциации языков и языковых групп и социально-экономической истории. Докладчик полагает, что индоевропейские языки (племена скотоводов и земледельцев) около 5000 лет до н.э. распространяются на широких пространствах Европы. Незанятыми индоевропейцами оставались северо-восточные земли, где основной экономики были охота и рыбная ловля; здесь и получают распространение финно-угорские языки.

В следующей группе докладов обсуждались различные вопросы археологии и средневековой истории Среднего Поволжья и Прикамья. С обобщающим докладом "Финно-пермский мир и его соседи в древности и в средние века (по археологическим материалам)" выступила Р.Д. Голдина (Ижевск). Она показала, что финноязычные племена Камского региона развивались в условиях постоянного взаимодействия с соседними и отдаленными этносами. Уже в III–II тыс. до н.э. пермский мир испытал значительное воздействие со стороны фатьяновско-балановских племен с запада и полтавкинской культуры с юга. В XVI–IX вв. в среде волго-камских финнов ощущается влияние индоиранского мира (племена абашевской культуры). Миграция сейминско-турбинских племен принесла в рассматриваемый регион новые технологические приемы в металлургии. Влияние со стороны андроновской культуры способствовало распространению в финно-угорских землях Приуралья земледелия. Ранний железный век Прикамья характеризуется сильным влиянием кочевого мира. Проникают новые типы вооружения, конь и предметы его снаряжения. Наблюдается и инфильтрация иранской лексики. IV–IX вв. были периодом угорского проникновения. Угры проникают из Западной Сибири и становятся непосредственными южными соседями (кушнаренковская культура). В X–XIII вв. сильное культурное влияние исходило из Волжской Болгарии. В это же время постепенно усиливается роль Древней Руси в истории и культуре волжско-камских финнов.

В докладе Л.И. Ашихминой (Сыктывкар), озаглавленном "Индоевропейцы в этногенезе финно-угорских народов", речь шла не обо всем финно-угорском мире, а лишь о бассейнах Камы и Вычегды. Первое соприкосновение финских племен этого региона с индоевропейцами имело место в энеолите (носители культуры шнуровой керамики, по мнению докладчицы, – протобалты, ямно-полтавкинские племена – индоиранцы). В бронзовом веке ощущается влияние со стороны фатьяновских племен, но более сильным было индоиранское воздействие (абашевская, поздняковская и срубно-андроновская культуры). В раннем железном веке устанавливаются контакты со скифо-сарматским миром. Легенды о богатых охотниках и отдельные моменты эпических поэм камских финнов сохранили отчетливое иранское проникновение.

Э.А. Савельева (Сыктывкар) прочитала доклад "Этнокультурная история народов Европейского Северо-Востока в железном веке", в котором был рассмотрен вопрос о происхождении коми-зырян. Согласно представлениям докладчицы, пермско-финский этнос восходит к ананьинской и гляденовской культурам, а возможно, и к лебяжским древностям бронзового века. На основе гляденовских древностей в условиях небольшого западносибирского проникновения (угры) на Вычегде и Мезени формируется ванвиздинская культура (V–X вв.) носители которой и стали ядром коми-зырян. Собственно коми-зырянской является культура перми вычегодской (XI–XIV вв.), развивавшаяся при участии западнофинских и древнерусских компонентов.

Обзор погребальных древностей от пьяноборской поры до позднего средневековья сделала Н.А. Лещинская (Ижевск) в докладе "Динамика развития погребальных традиций в Вятском бассейне". Было показано постепенное усложнение обрядности (появление ниш с жертвенными комплексами, обычая "умерщления вещей", захоронений коней, засыпки могил углем и т.п.) и приобретение этнической окраски (распространение широтной ориентировки, пришедшей на смену положению умерших ногами к реке, специфического вещевого инвентаря и т.п.).

В выступлении Е.М. Черных (Ижевск) "Жилища племен Прикамья от железного века до средневековья (основные тенденции развития) был дан обзор эволюции домостроительства камских финнов. Она шла от полуземляночных построек к наземным срубным строениям. Правда, в средние века вновь появлялись полуземлянки. Исключительным консерватизмом характеризуется интерьер жилищ. Очаги устраивались в середине построек, в ряде мест наблюдается многоочаговость, что имеет пьяноборскую основу. Выступивший по этому докладу Э. Тыниссон утверждал, что настоящие срубные жилища получают рас-

пространение лишь с появлением печей. В жилищах с очагами бревенчатые стены не имели рубленных связей, бревна поддерживались столбами.

Три доклада были посвящены различным элементам духовной культуры волжских и пермских финнов. К.С. Королев (Сыктывкар) в докладе "Становление культа коня у предков коми-зырян" показал, что этот культ был привнесен номадами, проникновение которых имело место в середине I тыс. н.э. при становлении ванвиздинской культуры (привески в виде коня, глиняные сосуды с конскими фигурами, выполненные гребенчатой техникой). В дальнейшем по мере развития коневодства культ коня у коми-зырян приобретает большое значение. В выступлении Н.И. Шутовой (Ижевск) "Образ древнеудмуртского женского божества: возможности его реконструкции" анализировались бронзовые и серебряные пластины с изображениями женских фигур с головными уборами в виде птичьих голов и отчетливо выраженными грудями. Среди них есть и изображения всадниц. Архаические элементы в удмуртском фольклоре позволили докладчице ассоциировать эти изображения с удмуртским женским божеством Кылдысин – создателем земли, имеющим параллели среди манси и хантов. А. Ахлквист (Лоппи, Финляндия) в докладе "Загадочные камни Ярославского края" познакомила слушателей с результатами экспедиционного обследования культовых камней в Ростовском и Переяславском районах. Докладчица утверждала, что ямки на камнях связаны с культом умерших. Обследованные объекты относятся к разным хронологическим периодам, а некоторые несут в себе несколько напластований. Наиболее ранние культовые камни следует отнести к исторической мери, поздние – к позднему средневековью.

М.Г. Иванова (Ижевск) в докладе "Формирование топографической структуре поселения Иднакар в IX–XIII вв." исследовала эволюционное развитие этого памятника, в течение многих лет изучаемого раскопками от момента основания до превращения в крупный протогородской центр с тремя линиями укреплений и развитой ремесленной деятельностью. Этому поселению было посвящено и выступление И.В. Журбина и К.И. Куликова (Ижевск) "Опыт применения электрометрии при раскопках городища Иднакар". Докладчики продемонстрировали возможности электрометрического зондирования, в результате которого были выявлены следы вала, невидимого в настоящее время, повреждения культурного слоя, глинобитные площадки. Электрометрические работы были подтверждены последующими раскопочными изысканиями.

Экономика поволжско-финского населения стала объектом анализа Т.Р. Патрушевой (Йошкар-Ола) в докладе "Хозяйство финно-угров Поволжья (I тыс. до н.э.). Докладчица утверждала, что поволжским финнам была свойственна комплексная хозяйственная деятельность, которая включала земледелие, скотоводство, охоту, рыболовство и сбор диких плодов и меда. О земледелии свидетельствуют находки (начиная с VII–VI вв. до н.э.) бронзовых кельтов, железных топоров, больших серповидных ножей, терочников, терочных плит, а также зерен пшеницы и ячменя.

Л.Д. Макаров (Ижевск) в докладе "Русская колонизация Камско-Вятского региона" утверждал, что первые контакты со славянами следует датировать серединой I тыс. н.э., когда племена именьковской культуры вплотную соприкасались с финноязычным населением Волго-Камья. Связи с Древней Русью начинаются с XI в. через посредство Волжской Болгарии. В следующем столетии на средней Вятке появляется славянское население. Новый этап русского влияния начинается с возникновением Никулицины и Котельнича, формируется Вятская земля с полиэтничным населением. В XIII–XV вв. русские культурные элементы распространяются по Верхнему Прикамью, появляются русские поселения Соликамск, Чердынь, Покша, Искор и др.

Выступление О.М. Мельниковой (Ижевск) "Новые подходы к изучению взаимодействия древних и средневековых культур в Уральском регионе" носило теоретический характер. Докладчица констатировала, что финно-пермская общность во второй половине I и первой половине II тыс. н.э. развивалась между двумя различными этносами – тюрками, занимавшими более южные области, и славянами, жившими западнее. Возникает вопрос, каковым было воздействие соседей. По мнению О. Мельниковой, археологические источники позволяют осветить, прежде всего, социально-экономические аспекты, в меньшей степени было культовое, психологическое и цивилизационное влияние.

Угорская проблематика рассматривалась в двух докладах. Л.Н. Корякова (Екатеринбург) в выступлении «Южное угорское общество накануне "великого переселения народов"» утверждала, что праугорская эпоха датируется I тыс. до н.э. и началом I тыс. н.э. Это саргатская культура (VII в. до н.э. – V в. н.э.), которая членится на 4 фазы: становление, возвышение, стабилизация и дезинтеграция. Развитие ее протекало между лесной зоной и степными землями, поэтому среди носителей этой культуры были и номады, и полукочевники с разведением крупного рогатого скота и развитыми домашними промыслами.

В докладе "Об этнической принадлежности кулайской культуры" Ю.П. Чемякин (Екатеринбург) отрицал самодийскую (или праселькупскую) атрибуцию ее носителей и высказал мысль, что это были угры. Исследователь полагает, что кулайская культура сформировалась в Нижнем Пообье и бассейне Конды, в ее основе лежат древности белоярско-васюганского этапа, а в раннем средневековье она перерастает в обь-иртышскую культурно-историческую общность, включающую и нижнеобскую (достоверно угорскую) культуру.

Ч. Балинт (Будапешт) свой доклад "Государство венгров и Европа" посвятил анализу условий

становления венгерской государственности. Факторами, способствующими укреплению ее, согласно положениям этого исследователя, были христианизация населения и сложившаяся в конце IX в. в Паннонии церковная организация, милитаризация венгров и активное экономическое развитие.

Большой интерес представляет доклад И. Фодора (Будапешт) "1100-летие завоевания венграми своих земель". Докладчик утверждал, что в Восточной Европе венгры были союзниками хазар, их постоянно теснили печенеги. Жизнь в восточноевропейских степях была небезопасной, и венграм были нужны новые земли. Паннония оказалась в это время свободной территорией и туда устремились венгры совместно с кабарами. Докладчик дискутировал с И. Хампелем, который дифференцировал погребения ранневенгерских могильников на две группы: 1) богатые захоронения с конями и конским снаряжением (венгры) и 2) бедные захоронения (местное население, преимущественно славяне). Такое членение, основанное только на вещевых инвентарях (без учета особенностей погребальной обрядности), по мнению И. Фодора, неправомерно. Основу населения Дунайской низменности и Трансильвании, как утверждал докладчик, составляли в X в. венгры и кабары, а славяне проживали на своих местах за пределами этих земель. И. Фодор считает, что ретроспективный метод при выявлении древностей венгров VIII–IX вв. в Подонье и на Северном Кавказе не продуктивен, поскольку культура при дальних миграциях не оставалась стабильной. Только два культурных элемента – венгерские сумки и сабли связывают Паннонию с местами предшествующего проживания венгров. Ретроспекцией же выявляются местные древности позднеаварской поры, включенные в ранневенгерскую культуру. Главой венгров был каган. Нужно полагать, что полуфеодальное государственное образование началось складываться у венгров еще тогда, когда они были соседями хазар.

На археологической секции был заслушан еще чисто исторический доклад американского ученого З. Косцтольныик (Техас) "Западные хроники XII в. о жизни, городах и экономике Венгрии".

На пленарное заседание был вынесен доклад В.С. Патрушева (Йошкар-Ола) "Уральские народы России: историческое развитие и современное состояние". Основная часть его была посвящена политико-национальным вопросам, никак и связанным с археологией. Это несколько тенденционное изложение исторических условий от средневековья до XX столетия (в том числе, коллективизация и репрессии 30-х годов, перекосы национальной политики в СССР и т.п.), приведших к ассимиляции и сокращению численности финно-угорского населения Русского Севера. Вместе с тем В.С. Патрушев в начале своего выступления очень бегло изложил компилятивную схему развития уральских народов от VIII–VII тыс. до н.э., когда, по мнению П. Хайду и П. Вереша, уральская общность локализовалась в Приуралье и Западной Сибири, до раннего средневековья. Эти построения остались никак неаргументированными и легковесными.

Очередной X Международный конгресс финно-угроведов решено провести в 2000 г. в Таллинне (Эстония).

Институт археологии РАН,
Москва

В.В. Седов

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum. Jyväskylä 10 – 15.08.1995, 1995. P. I–II. Jyväskylä.
Itämerensuomalainen kulttuurialue – The Fenno-Baltic Cultural Area, 1995. Helsinki.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ "РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ" ЗА 10 ЛЕТ (1987–1996 ГГ.)

Статьи, публикации, заметки, дискуссии, история науки

	год	№
Абдарразак А.Р. О характере патины неолитических орудий из смешанных комплексов стоянок открытого типа Южной Аравии (по материалам района Аль-Абр)	1993	2
Абдуллаев К. Терракотовая пластика Ай-Ханум	1996	1
Абрамзон М.Г. Отношения Рима с союзными городами Причерноморья по нумизматическим данным	1996	1
Абрамов А.П. Классификация и периодизация амфор второй половины VI – первой половины V в. до н.э.	1993	4
Абрамов А.П., Масленников А.А. Амфоры V в. до н.э. из раскопок поселения на мысе Зюк	1991	3
Абрамова М.П. Некоторые особенности взаимоотношений ираноязычных кочевников и оседлых племен Предкавказья	1992	2
Абрамова М.П. Особенности культуры населения Дагестана в албано-сарматскую эпоху	1987	4
Авдеев А.Г., Абрамов А.П., Петерс Б.Г. Функциональная характеристика керамической тары V–II вв. до н.э. с городища у с. Михайловка	1989	4
Авдеев А.Г., Петерс Б.Г. Заметки об аморфных клеймах из раскопок Феодосии	1987	3
Авдусина Т.Д., Владимирская Н.С., Панова Т.Д. Некоторые итоги археологического изучения Московского Кремля (1974–1982 гг.)	1989	3
Авдусина Т.Д., Панова Т.Д. О находке клада на территории Московского Кремля	1989	4
Авилова Л.И. Проблемы датирования бронзового века Анатолии (к вопросу о радиоуглеродной хронологии региона)	1996	1
Алексеев А.Ю. Заметки по хронологии скифских степных древностей IV в. до н.э.	1987	3
Алексеев В.А., Журбин И.В. Использование электрометрии для идентификации археологических объектов по их составу (по материалам исследований городища Иднакар)	1994	3
Алексеев В.П. Древние общества: взаимодействие со средой, культура и история	1991	1
Алексеев В.П. К вопросу о семантике сложных царских знаков Боспора	1991	2
Алексеев Л.В. XII Археологический съезд в Харькове (1902)	1992	4
Алексеев Л.В. Домонгольская архитектура Полоцкой земли в историческом осмыслении	1996	2
Алексеев Л.В. Е.Ф. Канкрин и история открытия "Борисовых камней" в Белоруссии	1991	2
Алексеев Л.В. Крест Евфросинии Полоцкой 1161 года в средневековье и в позднейшие времена (к 830-летию знаменитой реликвии)	1993	2
Алексеев Л.В. Кто был автором "Приглашения барона К.И. Аша" (1819 г.)? (о первой периферийной инструкции собирания древностей)	1990	1
Алексеев Л.В. Мстиславльский детинец в XII–XIV веках	1995	3
Алексеев Л.В. Проблема становления культово-оборонного зодчества Руси в свете раскопок в Мстиславле (Беларусь)	1993	4
Алексеев Л.В. Судьбы археологии и исторического краеведения Белоруссии и Смоленщины в 20-е и 30-е годы XX в.	1990	4
Алексеева Е.М., Розанова Л.С., Терехова Н.Н. Горгиппия: продукция железообрабатывающего ремесла	1994	3
Алексеева Л.И. Заключение по остеологическим материалам раскопок селища "Чертов городок" (сборы 1982 г.)	1995	3
Алексеева Т.И., Бужилова А.П. Население древнерусских городов по данным антропологии: происхождение, палеодемография, палеоэкология	1996	3
Амброз А.К. К происхождению днепровских антропо-зооморфных фибул	1993	2
Амирханов Х.А. К проблеме эволюции и периодизации верхнего палеолита Западного Кавказа	1994	4
Амирханов Х.А. К характеристике ашеля Южной Аравии	1987	4
Анарбаев А.А. Аксихент в древности и средневековье (итоги и перспективы исследования)	1988	1
Андреев Ю.В. Дворец и "город" на Крите во II тыс. до н.э.	1988	4
Андреева М.В. Традиционные проблемы и новые пути их решения (несколько замечаний по поводу дискуссии об этнической принадлежности майкопской культуры)	1990	4
Андрух С.И. Погребение раннескифского воина в Присивашье	1988	1
Андрух С.И., Чернов С.И. Новые скифские памятники Дунай-Днестровского междуречья	1990	2
Аникович М.В. Археологическая культура: последствия определения понятия для процедуры археологического исследования	1989	4

Аникович М.В. К определению понятия "археологическая эпоха" ... 1992 1
Аникович М.В. "Три уровня археологического исследования" или три ступени исторического познания? ... 1988 1
Анпилогов А.В. Поселение Ловозеро 1 ... 1987 1
Антонова Е.В. Знаки престижа и один из признаков архаических лидеров (на материале могильника Сумбар I) ... 1994 3
Анфимов Н.В. Клад пантикапейских монет из г. Славянска-на-Кубани ... 1988 4
Апальков А.Н. Находки предметов вооружения скифского времени в междуречье Сейма и Сосны ... 1995 2
Арефьев В.А. О методике обработки орнамента керамических сосудов ... 1991 4
Артамонов М.И. Первые страницы русской истории в археологическом освещении ... 1990 3
Артемьев А.Р. Древнерусский поруб в Изборске ... 1987 3
Артемьев А.Р. К вопросу о типологии крепостного зодчества в Псковской земле XV в. ... 1990 3
Артемьев А.Р. О мечах-реликвиях, ошибочно приписываемых псковским князьям Всеволоду-Гавриилу и Довмонту-Тимофею ... 1992 2
Артемьев А.Р. Останки непогребенных защитников Албазинского острога ... 1996 1
Артемьев А.Р., Гайдуков П.Г. Лук XIII в. из Новгорода ... 1992 3
Артемьев А.Р., Лопатин Н.В. Предметы вооружения из раскопок въезда на Изборское городище ... 1994 2
Артемьев А.Р., Молчанов А.А. Древнерусские предметы вооружения с княжескими знаками собственности ... 1995 2
Артемьева Н.Г. Жилища Лазовского городища ... 1988 3
Артемьева Н.Г. Раннесредневековые жилища Приморья ... 1987 1
Артюхова О.А. Кошкурган – мустьерский памятник ... 1994 2
Асланов Г., Кашкай С. Погребения некрополя Мунджуглу-Тепе ... 1991 3
Астахов С.Н., Зубарева Г.Ю., Лисицын Н.Ф., Ямских А.Ф. Палеолитическая стоянка Шленка ... 1993 3
Атаев Г.Д. Чиркейские курганы бронзового века ... 1987 1
Афанасьев Г.Е. Иерархия салтовских долговременных поселений лесостепного Приосколья ... 1990 4
Афанасьев Г.Е. Муравьевский клад (к проблеме оногуро-булгаро-хазарских миграций в лесостепь) ... 1987 1
Афанасьев Г.Е. Система социально-маркирующих предметов в мужских погребальных комплексах донских алан ... 1993 4

Багаев М.Х., Ольховский В.С. Новые изваяния скифского времени из долины Аксая (Чечено-Ингушетия) ... 1989 4
Бажан И.А., Каргпольцев С.Ю. Об одной категории украшений-амулетов римского времени в Восточной Европе ... 1989 3
Балабина В.И. Зооморфная пластика трипольского поселения Друцы I ... 1988 2
Балабина В.И., Борисенок Л.А., Яхонтова Л.К. Исследование охр из погребений эпохи бронзы в низовьях Дона ... 1990 1
Барбарунова З.А. Некоторые проблемы истории ранних сарматов (по памятникам Южного Приуралья и Нижнего Поволжья) ... 1989 3
Бахтеев Ф.Х., Лисицына Г.Н., Янушевич З.Б. Ископаемые остатки культурных растений из Ярым-Тепе III в Северном Ираке ... 1992 4
Бахшалиев В.Б. Археологические раскопки на поселении Огланкала ... 1994 3
Бахшалиев В.Б. Могильник эпохи раннего железа на территории древней Нахичевани ... 1991 4
Бахшалиев В.Б. Некоторые образцы изобразительного искусства из могильника Коланы (Азербайджан) ... 1995 3
Башилов В.А., Голенко В.К. К вопросу о периодизации "культуры субтаино" в центральной части Кубы (по керамическим материалам раскопок поселения Эль Конвенто) ... 1992 2
Башилов В.А., Родригес К.А., Э. Сальгадо Лопес. Исследования доиспанского поселения Кабо де ла Вела в Юго-Западной Колумбии ... 1990 1
Бгажба О.Х., Терехова Н.Н., Розанова Л.С. Кузнечные изделия из памятников цебельдинской культуры ... 1990 3
Беговатов Е.А. Биметаллический кинжал с зооморфной рукояткой из Мурзихинского могильника ... 1989 2
Беговатов Е.А., Кочкина А.Ф. О восстановлении размеров сосудов по фрагментам ... 1993 3
Безуглов С.И. Позднесарматское погребение знатного воина в степном Подонье ... 1988 4
Безуглов С.И., Гудименко И.В. Подвеска с выемчатой эмалью из дельты Дона ... 1993 1
Безуглов С.И., Копылов В.П. Катакомбные погребения III–IV вв. на Нижнем Дону ... 1989 3
Бектинеев Ш.И. Весы и гирьки-разновесы X–XIV вв. из Белоруссии ... 1987 1
Белавин А.М., Носкова Е.Н. Серебряная бляха из могильника Телячий Брод ... 1989 2
Беленькая Д.А. Находки из Московского посада ... 1988 1
Белецкий С.В. Загадки печатей Геннадия Гонозова ... 1988 2

Белецкий С.В. Кильдюшевский В.И. Печать Тимофея Васильевича, тиуна новгородского из раскопок в Пскове 1995 1
Белецкий С.В., Крымов Е.Ю. Памятники актовой сфрагистики из древнерусской Дубны 1990 3
Белецкий С.В., Мокеев Г.Я. Клети Псковского Крома 1989 1
Белецкий С.В., Овсянников О.В. Именная владычная печать XIV в. из-под Холмогор 1994 1
Белинский А.Б. К вопросу о времени появления шлемов ассирийского типа на Кавказе 1990 4
Белоцерковская И.В. Керамика Огубского городища 1988 3
Беляев Л.А., Векслер А.Г. Археология средневековой Москвы (итоги исследований 1980–1990-х годов) 1996 3
Беляев Е.В., Левковская Г.М., Харитонов В.М. Новые данные о мустьерских обитателях Губского ущелья (Прикубанье) 1992 3
Бердинских В.А. Археология и кладоискательство в Вятском крае XIX века (по материалам Вятского статистического комитета) 1992 3
Бердникова В.И., Ветров В.М., Лыхин Ю.П. Скифо-сибирский стиль в художественной бронзе Верхней Лены 1991 2
Берестнев С.И. Поселение Таранцево и вопрос о населении днепровского лесостепного Левобережья в начале раннего железного века 1994 3
Беседин В.И. О хронологии Пепкинского кургана 1995 3
Беседин В.И., Сафонов И.Е. Числа в орнаментации керамики срубной культуры 1996 2
Беспалый Е.И. Курган сарматского времени у г. Азова 1992 1
Беспалый Е.И. Погребения позднесарматского времени у г. Азова 1990 1
Беспалый Е.И., Головкова Н.Н., Ларенок П.А. Поминальные памятники IV в. до н.э. – III в. н.э. Доно-Кагальницкого водораздела 1989 3
Беспалый Е.И., Ларенок П.А. Средневековое погребение в кургане у города Азова 1987 4
Беспалый Е.И., Парусимов И.Н. Комплексы переходного и раннескифского периодов на Нижнем Дону 1991 3
Бибиков С.Н. Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский 1990 1
Блаватская Т.В. Посвящение Левкона I 1993 2
Бобринский А.А., Ломан В.Г. Результаты технико-технологического анализа образцов керамики поселения Эль Конвенто, Куба 1992 2
Бобровский Т.А. К вопросу о типологии и датировке древнерусских пещерных монастырей 1993 4
Богачев А.В. К вопросу о поздней дате древности "гуннского круга" 1996 3
Богданович М. Неолитическое поселение в Дивостине и протостарчевская культура 1987 2
Бокий Н.М., Горбул Г.П., Отрощенко В.В. Киммерийские захоронения на Кировоградщине ... 1991 1
Бокий Н.М., Ольховский В.С. Раннескифский курган на днепровском Правобережье 1994 2
Бокий Н.М., Плетнева С.А. Захоронение семьи воина-кочевника X века в бассейне Ингула ... 1988 2
Болелов С.Б. Погребения по обряду кремации на территории Средней Азии 1994 4
Болтрик Ю.В. Сухопутные коммуникации Скифии (по материалам новостроечных исследований от Приазовья до Днепра) 1990 4
Болтрик Б.В., Фиалко Е.Е., Чередниченко Н.Н. Бердянский курган 1994 3
Бонгард-Левин Г.М., Кошеленко Г.А., Мунчаев Р.М. Матхура: 150 лет археологических исследований 1988 2
Борзунов В.А. Генезис и развитие гамаюнской культуры 1990 1
Борзунов В.А., Морозов В.М. К изучению укрепленных поселений горно-лесного Зауралья (городище Уфа VI) 1994 4
Борисковский П.И. Петр Петрович Ефименко. Воспоминания ученика 1989 3
Боряз В.Н. О правомерности выделения "реконструктивного" уровня исследования в археологии 1988 1
Боталов С.Г. Аскизский курган монгольского времени Кула-Айгыр 1992 2
Брайчевская Е.А. О содержании изображений на браслете из клада у с. Городище Хмельницкой области 1988 2
Братченко С.Г., Швецов М.Л., Дубовская О.Р. Курган IV в. до н.э. в бассейне Северного Донца 1989 1
Браунд Д.С. Римско-сирийская стеклянная чаша из Лоо близ Сочи 1991 3
Бужилова А.П. Палеонтологическая характеристика населения Маяцкого археологического комплекса 1995 4
Бузин В.С. Поселения и жилища волосовской культуры как источник социологической реконструкции 1990 3
Булава Л.А. Биметаллический браслет из Прикубанья 1988 2
Булава Л.А. К атрибуции золотого колпачка из Курджипского кургана 1987 1
Бунятян Е.П., Зубарь В.М. Новый участок детских погребений позднеантичного некрополя Херсонеса 1991 4
Буров В.А. К проблеме этнической принадлежности культуры длинных курганов 1996 1
Буров В.А. Купол Большого Сиона 1486 г. как образ мира 1992 2
Буров В.А. К социальной топографии Неревского конца древнего Новгорода 1989 4
Буров В.А. Новгородские писцовые книги и археология 1993 3

Буров В.А. О времени возникновения новгородского погоста Жабна ... 1995 2
Буров В.А. О местоположении княжей сотни в древнем Новгороде ... 1987 1
Буров Г.М. Деревянные орудия охоты у мезолитических племен крайнего Северо-Востока Европы ... 1993 3
Буров Г.М. Запорный лов рыбы в эпоху неолита в Восточной Европе ... 1988 3
Буров Г.М. Сани раннего средневековья с поселения Вис II в бассейне Вычегды ... 1995 3
Буровский А.М. О характере археологических источников ... 1991 2
Буюклиев Хр. К вопросу о франкийско-сарматских отношениях в I – начале II века н.э. ... 1995 1
Былкова В.П. Комплекс сарматского времени из с. Солонцы Херсонской обл. ... 1993 1

Вагнер Г.К. К вопросу о декоре Георгиевского собора 1230–1234 г. ... 1992 3
Вагнер Г.К. К 1000-летию начала русской архитекктуры (по материалам археологии) ... 1988 4
Валеев Р.М., Казаков Е.П. Весовые гири и некоторые другие предметы торговли болгарских поселений X–XI вв. в низовьях р. Ахтай ... 1993 1
Вальчак С.Б. К вопросу о датировке комплекса из Черногоровского кургана ... 1994 2
Варенов А.Б. Древнерусские шумящие браслеты ... 1995 1
Василев В.Й. Бронзовая накладка в виде человеческой фигуры из Южной Добруджи ... 1991 3
Васильев Б.Г. К истории фресок церкви Георгия в Старой Ладоге ... 1988 4
Васильев Б.Г. Фрески церкви Климента 1153 г. в Старой Ладоге (по материалам раскопок) ... 1988 1
Васильев Б.Г. Фрески ц. Успения Богородицы XII в. в Старой Ладоге (по материалам раскопок) ... 1994 2
Васильев В.И. О статье Н.Л. Членовой "Волга и Южный Урал в представлениях древних иранцев и финно-угров во II – начале I тыс. до н.э." ... 1990 3
Васильев С.А. Вклад П.И. Борисковского в становление проблематики современного палеолитоведения ... 1996 1
Васильев С.А. Г.А. Бонч-Осмоловский и современное палеолитоведение ... 1994 2
Васильев С.А. Освоение человеком каменного века гор Западного Саяна ... 1992 1
Васильев С.А. Палеолит Енисея: итоги и проблемы ... 1992 4
Васильев С.А. Поздний палеолит Верхнего Енисея (по итогам раскопок на водохранилище Майнской ГЭС) ... 1991 2
Вивденко С.Б. Об особенностях технологии бактрийской скульптуры эпохи Кушан ... 1992 3
Виленчик Б.Я. К вопросу о пересмотре датировок деятельности глав русских епископий XIII в. ... 1990 1
Винников А.З. Контакты донских славян с албано-болгарским миром ... 1990 3
Виноградов В.Б. Два зеркала золотоордынской эпохи из Чечено-Ингушетии ... 1987 1
Виноградов В.Б., Мамаев Х.М., Федоров-Давыдов Г.А. Клад куфических монет из Ножай-Юрта (Чечено-Ингушетия) ... 1992 2
Виноградов В.Б., Нераденко Т.Н. Новые данные о связях Северного Кавказа с Закавказьем ... 1990 1
Виноградов Ю.А., Марченко К.К. Северное Причерноморье в скифскую эпоху. Опыт периодизации истории ... 1991 1
Виноградов Ю.А., Соловьев С.Л. Археологические исследования на городище Станислав ... 1996 3
Виноградова Н.М. К вопросу о происхождении культуры Свата в Северо-Западном Пакистане ... 1995 4
Винокуров Н.И. Монолитные винодельческие сооружения Боспора ... 1996 2
Винокуров Н.И. Рыбозасолочные комплексы хоры Европейского Боспора ... 1994 4
Винокуров Н.И., Масленников А.А. Виноделие на хоре европейского Боспора ... 1993 1
Винокуров Э.П. От центра к периферии. Культурные связи на рубеже XVII и XVIII вв. ... 1991 3
Вискалин А.В. Стратифицированные находки орудий плейстоценовой эпохи из Ульяновского Поволжья ... 1990 2
Вишневский В.И. Керамический комплекс городища Кубринское 1 ... 1989 4
Вишневский В.И. Новые материалы о земледелии племен дьяковской культуры Верхнего Поволжья ... 1994 3
Вишняцкий Л.Б. Изучение палеолита Средней Азии (материалы, методы, концепции) ... 1989 1
Вишняцкий Л.Б. Костяные изделия с пазами из позднепалеолитической стоянки Березовый ручей I ... 1987 3
Вишняцкий Л.Б. Происхождение Homo sapiens. Новые факты и некоторые традиционные представления ... 1990 2
Власкин М.В., Ильюков Л.С. Каменные песты и ступы катакомбной культуры Нижнего Дона ... 1992 3
Власкин М.В., Ильюков Л.С. Раннесредневековые курганы с ровиками в междуречье Сала и Маныча ... 1990 1
Власов В.Г. К вопросу о календаре верхнего палеолита ... 1989 2
Внуков С.Ю. Новые типы позднесинопской амфорной тары ... 1993 3
Внуков С.Ю. Широкогорные светлоглиняные амфоры Северо-Западного Крыма ... 1988 3
Войнаровский В.Н., Смирнов Г.И. Новые находки древних бронз в окрестностях с. Волока на Буковине ... 1993 4

Волович С.И. Поселение эпохи бронзы у поселка Лагери на Северском Донце 1993 3
Волошин В.С. Ашельские бифасы из месторождения Вишневка 3 (Центральный Казахстан)... 1988 4
Воронина Р.Ф. Мордовская височная привеска с грузиком и спиралью 1988 4
Воронина Р.Ф. Погребальный обряд среднецнинской мордвы VIII–XI вв. 1993 3
Воронина Р.Ф. Трапециевидные привески с трубчатыми подвесками древней мордвы 1990 3
Воронов А.А., Паромов Я.М. Локализация средневекового города Темрюка 1987 4
Воронов Ю.Н. Новые материалы античной эпохи из окрестностей Диоскуриады 1991 1
Выжарова Ж.Н. Славяне к югу от Дуная. Доклад на симпозиуме Комиссии историков СССР и НРБ 29 ноября 1983 г. 1987 4

Гаврилова И.В. Поселение эпохи неолита – бронзы на р. Шаче в Костромском Поволжье 1993 2
Гаврилюк Н.А. Пища степных скифов 1987 1
Гаврилюк Н.А., Пашкевич Г.А. Земледельческий компонент в экономике степных скифов конца V–IV в. до н.э. 1991 2
Гавритухин И.О. К публикации работы А.К. Амброза 1993 2
Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад (предварительная публикация) 1995 4
Гаджиев М.С. О местоположении Варачана 1995 2
Гадзяцкая О.С. Фатьяновский компонент в культуре поздней бронзы (Волго-Клязьминское междуречье) 1992 1
Гадзяцкая О.С., Уткин А.В. Новые раскопки Вашутинской стоянки 1989 1
Гайдуков П.Г. Клад монет Ивана IV в собрании Псковского музея 1996 1
Гайдуков П.Г. Новгородские пулы "князя великого" 1987 4
Галанина Л.К. Атрибуция двух золотых предметов из Келермеса (детали портупеи парадного меча) 1989 4
Галанина Л.К. К проблеме хронологии Келермесских курганов 1994 1
Гей А.Н. Новотиторовская культура (предварительная характеристика) 1991 1
Гей О.А. Погребальный обряд поздних скифов на Нижнем Днепре 1987 3
Генинг В.В. К созданию универсального археологического определителя признака и типа 1989 4
Генинг В.Ф. Археология – целостная научная система или "дилетантские вылазки" и "полуфабрикат знания"? (По поводу концепции объекта и предмета археологии Л.С. Клейна) 1989 3
Генинг В.Ф. Проблема построения фундаментальной археологической теории 1992 1
Геннадиев А.Н., Державин В.Л., Иванов В.К., Смирнов Ю.А. О редкой форме погребального обряда в предкавказской культуре 1987 2
Герасименко Н.П., Колесник А.В. Археологическое и стратиграфическое изучение стоянки Белокузьминовка (Донбасс) в 1986 г. 1992 3
Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Методика выделения раннесредневековых пещерных сооружений Горного Крыма (на примере Мангупа) 1991 2
Гершкович Я.П., Клочко В.И., Евдокимов Г.Л. Новокиевская литейная мастерская и проблемы хронологии сабатиновских памятников Нижнего Поднепровья 1987 2
Гершкович Я.П., Клочко В.И., Оленковский Н.П. Литейная форма эпохи поздней бронзы из Нижнего Поднепровья 1987 3
Гиря Е.Ю. Проблемы тезнологического анализа продуктов расщепления камня 1991 3
Гиря Е.Ю., Нехорошев П.Е. Некоторые технологические критерии археологической периодизации каменных индустрий 1993 4
Гиря Е.Ю., Питулько В.В. Вкладышевые орудия и индустрия обработки камня мезолитической стоянки на о-ве Жохова 1995 1
Гмыря Л.Б. Двусторонняя форма для отливки зеркал из Дагестана 1990 1
Голованова Л.В., Барышников Г.Ф., Левковская Г.М., Несмеянов С.А. Многослойная пещерная мустьерская стоянка Матузка на Северном Кавказе (по исследованиям 1985–1989 гг.) Ч. I. 1995 3
Голованова Л.В., Барышников Г.Ф., Левковская Г.М., Несмеянов С.А. Многослойная пещерная мустьерная стоянка Матузка на Северном Кавказе (по исследованиям 1985–1989 гг.). Ч. II. 1995 4
Голубева Л.А., Варенов А.Б. Новое об огнивах с бронзовыми рукоятками 1993 4
Гоняный М.И., Кренке Н.А. Структура расселения дьяковцев в бассейне р. Пахры 1988 3
Гоняный М.И., Недошивина Н.Г. К вопросу о вятичах на Верхнем Дону 1991 1
Гопак В.Д. Кузнечное ремесло постзарубинецких памятников Среднего Поднепровья и Подесенья 1989 1
Гопак В.Д., Горюнова В.М. Черный металл раннеславянских памятников Днепровского Левобережья (по материалам Е.А. Горюнова) 1991 1
Гопак В.Д., Радзиевская В.Е. Кузнечное ремесло Коломакского городища в VI–III вв. до н.э... 1990 1
Горбунова Н.Г. О подбойно-катакомбных погребениях ранних кочевников Средней Азии (конец I тысячелетия до н.э. – первая половина I тысячелетия н.э.) 1991 3
Горбунова Н.Г. Поселение Арк-тепе в южной Фергане 1994 4

Горбунова Н.Г. Ферганский могильник Хангиз I ... 1990 1
Горбунова Н.Г., Качалова Н.К. Памяти Бориса Александровича Латынина (к 90-летию со дня рождения) ... 1990 4
Горелик А.Ф. Новые мезолитические памятники с янисла вицкими вкладышевыми элементами на Северском Донце ... 1987 3
Горелый А.В. Идентификация обрезанных боспорских монет с византийскими гирьками ... 1996 1
Горский А.А. О переходном периоде от доклассового общества к феодальному у восточных славян ... 1988 2
Гражданников Е.Д., Холюшкин Ю.П. Системное решение вопроса о статусе археологии как науки (к дискуссии о предмете археологии) ... 1991 2
Грантовский Э.А. О хронологии пребывания киммерийцев и скифов в Передней Азии ... 1994 3
Грехова Л.В. Кремневый комплекс стоянки Елисеевичи ... 1987 4
Грехова Л.В. Опыт реконструкции по архивным данным утраченного плана 1935 г. палеолитической стоянки Елисеевичи ... 1993 4
Гугуев В.К., Безуглов С.И. Всадническое погребение первых веков нашей эры из курганного некрополя Кобякова городища на Дону ... 1990 2
Гугуев В.К., Трейстер М.Ю. Ханьские зеркала и подражания им на территории юга Восточной Европы ... 1995 3
Гудим-Левкович А.Н. Методологические проблемы типологического метода в археологии ... 1994 2
Гуляев В.И. Погребальная обрядность: структура, семантика и социальная интерпретация (введение в дискуссию) ... 1993 1
Гуляев В.И. Погребальная обрядность: структура, семантика и социальная интерпретация (введение в дискуссию, часть II) ... 1995 2
Гуляев В.И., Беляев Л.А. О современном состоянии археологии в России (полемические заметки) ... 1995 3
Гуляев В.И., Савченко Е.И. Терновое I – новый скифский курганный могильник на Среднем Дону ... 1995 4
Гуляев В.И., Черных Е.Н. Перспективы марксизма в западной археологии (Marxist perspectives in archaeology/Ed. Spriggs M. Cambridge, 1984) ... 1989 1
Гунова В.С., Кирьянова Н.А., Кренке Н.А., Низовцев В.А., Спиридонова Е.А. Земледелие и система землепользования в долине Москвы-реки в железном веке ... 1996 4
Гуревич Ф.Д. Западная Русь и Византия в XII–XIII в. ... 1988 3
Гурина Н.Н. Наскальные изображения Кольского полуострова ... 1992 3
Гуркин С.В. Половецкие святилища с деревянными изваяниями на Нижнем Дону ... 1987 4
Гутлыев Г., Никитин А.Б. Клад сасанидо-кушанских монет и подражаний чекану Васудевы из Туркмении ... 1987 2
Гэдэ Ф. Иодэ, Любин В.П., Беляева Е.В. Исследования палеолита в республике Кот д'Ивуар ... 1992 4

Давыдова А.В. Бронзовая печать сюнну ... 1992 1
Давыдова А.В., Миняев С.С. Пояс с бронзовыми бляшками из Дыреструйского могильника ... 1988 4
Даркевич В.П. Византия и Восток ... 1991 3
Даркевич В.П. Усадьбы XVII века в Старой Рязани ... 1994 1
Дашевская О.Д. О разорении греческих и скифских могил в древности ... 1994 4
Дашевская О.Д., Раевский Д.С. К статье Б.Ю. Михлина "О характере позднескифской семьи" ... 1987 2
Двуреченская Н.Д. "Стержни" из могильников Северной Бактрии – Тохаристана и их аналогии в Амударьинском кладе ... 1996 3
Джапаридзе О.М. К 100-летию со дня рождения академика Б.А. Куфтина ... 1993 3
Джафаров А.К. Новая многослойная мустьерская стоянка Гамза в Азербайджане ... 1992 2
Джафаров Г.Ф. Курган у селения Беимсаров в Азербайджане ... 1992 2
Джафаров Г.Ф. Курган эпохи поздней бронзы вблизи Сарычобана ... 1993 4
Девис-Кимбол Дж. Каноны пропорций в ахеменидской скульптуре ... 1996 1
Дедов В.Н., Швецов М.Л. Находка древнерусского меча в Донбассе ... 1987 1
Демещенко С.А. Новые скульптурные изображения животных из коллекции стоянки Александровка (Костенки 4) ... 1993 3
Демкин В.А., Дьяченко А.Н. Итоги палеопочвенного изучения поселения Ерзовка-I в Волгоградской области ... 1994 3
Демкин В.А., Иванов И.В., Мокеев О.В. Итоги и перспективы комплексных почвенно-археологических исследований в СССР ... 1987 2
Демкин В.А., Лукашов А.В. Почвенно-ландшафтные условия северо-западного Прикаспия во II тыс. до н.э. – I тыс. н.э. ... 1993 4
Демкин В.А., Лукашов А.В., Ковалевская И.С. Новые аспекты проблемы палеопочвенного изучения памятников археологии ... 1992 4
Денисова В.И. Стихотворная древнегреческая надпись из Ольвии ... 1988 1

Динкова А.Б. Катакомбное погребение из Тимашевского кургана в Прикубанье 1988 1
Днепровский К.А., Кореневский С.Н., Эрлих В.Р. Новые погребения "новосвободненской группы" у станицы Костромской в Закубанье 1995 3
Долгоруков В.С., Колесников А.Б. Новый тип строительных комплексов Фанагории 1993 1
Дороничев В.Б. Анализ технологии расщепления камня в раннем палеолите: проблема метода 1991 3
Достижения и перспективы советской археологической науки 1987 4
Достиев Т.М. Поливная керамика средневекового города Шабрина (XI–XIII вв.) 1989 3
Дрёмов И.И., Юдин А.И. Древнейшие подкурганные захоронения Степного Заволжья 1992 4
Дубовская О.Р. К интерпретации комплексов типа Новочеркасского клада 1989 1
Дубовская О.Р. Локальные зоны черногоровской культуры (по материалам скорченных погребений) 1994 2
Дубовская О.Р. Раннескифские погребения у ст. Новокорсунской 1990 4
Дубровин Г.Е. Новгородские лодки-однодеревки 1994 3
Дьякова О.В. Глиняный гончарный круг из Приморья 1991 2
Дьяконов И.М. Киммерийцы и скифы на Древнем Востоке 1994 1
Дэвлет М.А. И.Т. Савенков как исследователь петроглифов Енисея 1989 3

Егорейченко А.А. Очковидные подвески на территории СССР 1991 2
Емец И.А., Масленников А.А. Новые данные о религиозных представлениях сельского населения античного Боспора 1992 4
Емец И.А., Петерс Б.Г. Граффити из поселения у с. Михайловка 1994 2
Енуков В.В. Курганы в селе Беседы 1987 3
Енуков В.В. Псковские и смоленские длинные курганы (по данным погребального обряда) 1992 1
Енукова О.Н. Роменское погребение из Лебяжьего 1995 1
Ефремов Н.В. Начальный период астиномного клеймения в Синопе 1993 1

Жарнов Ю.Э. Животные в погребальном обряде курганов периода становления древнерусского государства 1991 2
Жилин М.Г., Мирецкий А.В. Мезолитическая стоянка Хриплево I на Верхней Волге 1991 2
Жилин М.Г., Энговатова А.В. Стоянка Велетьминская 2 – памятник с накольчатой керамикой на Нижней Оке 1992 1
Жилина Н.В. Пластина из Старой Рязани ("оправа для креста"). Методы изучения технологии древнерусской скани и зерни 1995 1
Жилина Н.В. Тверская берестяная грамота N 1 ..... 1987 1
Житников В.Г. О бронзолитейном производстве Елизаветовского городища на Дону 1989 2
Жуков А.В. Инкская экспансия на территории Аргентины (1480–1536 гг.) 1994 1
Жульников А.М.Энеолитическое поселение Войнаволок XXVII 1993 2
Журавлев А.П. Два поселения с асбестовой керамикой в Пегреме 1988 2
Журавлев А.П. Поселение Пегрема I 1987 4
Журавлев А.П., Чистякова Э.Л., Жульников А.М. Новые данные по обработке самородной меди в энеолите Карелии 1991 1
Журавлев Д.В., Мошинский А.П. Гончарный производственный комплекс позднекобанского времени на поселении Суар в Дигории 1992 2
Журавлев Д.В., Мошинский А.П. Поясные пряжки из могильника Гастона Уота в Северной Осетии 1994 1
Журавлев О.П., Сычева Л.В. Палеозоологические исследования поселения катакомбной культуры Матвеевка I 1989 2
Журко А.И. Памятники черняховской культуры в лесостепном Днепровском Левобережье 1994 4
Журко А.И. Типология и соотношение жилых сооружений племен черняховской культуры 1994 2
Жервэ Н.Н. Деятельность новгородских краеведов-археологов по изучению и охране памятников древности во второй половине XIX в. 1992 3
Жервэ Н.Н. Пятнадцатый археологический съезд 1992 1

Заверняев Ф.М. Кремневый инвентарь Хотылевской верхнепалеолитической стоянки 1991 4
Заверняев Ф.М. Техника обработки кости из Хотылевской верхнепалеолитической стоянки 1987 3
Завойкин А.А. Классификация фрагментов самосских амфор из Фанагории 1992 3
Завьялов В.И. Железные изделия из памятников Белозерья 1996 4
Завьялов В.И., Чеснокова Н.Н. Железные предметы Лозымского поселения (ванвиздинская культура) 1991 2
Заитов В.И. Каменные перфорированные диски поселения Ботай 1992 2

Зайцев Ю.П. Золотой статер Риметалка из Неаполя скифского 1990 1
Зайцева К.И. Ольвийская расписная амфора III в. до н.э. 1989 1
Залесскаая В.Н. Две заметки о раннесредневековых глиняных светильниках из Северного Причерноморья 1988 4
Зализняк А.А., Колосова И.О., Лабутина И.К. Псковские берестяные грамоты 6 и 7 ..... 1993 1
Засецкая И.П. Проблемы сарматского звериного стиля (историографический обзор) 1989 3
Захаров П.Е., Мордвинцева В.И.. Грунтовый могильник сарматского времени в Нижнем Поволжье 1995 2
Захаров С.Д. Железные наконечники стрел из Белоозера 1996 2
Захарук Ю.Н. Археология: наука историческая или источниковедческая? 1989 3
Захарук Ю.Н. К дискуссии о статусе археологии 1992 4
Захарук Ю.Н. О марксистских позициях в работах западных археологов (Marxist perspectives in archaeology/Ed. Spriggs M. Cambridge, 1984) 1989 1
Захарук Ю.Н. О статье В.Ф. Генинга "Проблема построения фундаментальной археологической теории" 1992 4
Звиздецкий Б.А. О времени существования летописного Городеска 1990 1
Зедгенидзе А.А. К вопросу об удревнении даты основания Херсонеса Таврического 1993 3
Зиливинская Э.Д. Дома с подпольным отоплением в Волжской Булгарии 1989 4
Зиньковский К.В., Петренко В.Г. Погребения с охрой в усатовских могильниках 1987 4
Золотов Ю.М. Надписи XVI в. из Волоколамска 1996 3
Золотов Ю.М. Семь надписей XVI–XVII вв. из Москвы 1987 3
Зубарев В.Г. Характер искажений и общая картина северопричерноморского региона в "Географическом руководстве" Клавдия Птолемея 1995 3
Зубарев В.Г., Масленников А.А. Истрическая география европейского Боспора по Клавдию Птолемею 1987 3
Зубарь В.М. Культ римских императоров в Северном Причерноморье 1995 1
Зубарь В.М. Ольвия и Скилур 1996 4
Зубарь В.М. По поводу достоверности одного письменного источника по истории Ольвии середины II в. (SHA, Ant. Pius., 9, 9) 1993 2
Зубарь В.М., Кубышев А.А. Погребальные комплексы рубежа нашей эры из Нижнего Поднепровья 1987 4
Зуев В.Ю. Об одном письме П.Д. Рау к А.А. Захарову 1992 1

Иванов Г.П. Кувсайский могильник VII–VIII вв. в Ферганской области 1991 3
Игнатов В.Н., Скрипкин А.С. Комплексы сарматского времени из Прикубанья 1988 3
Изотова М.А. Керамика эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья 1996 4
Исаков А.И., Потемкина Т.М. Могильник племен эпохи бронзы в Таджикистане 1989 1
Исламов У. Древнейшая пещерная палеолитическая стоянка Сель-Унгур в Ферганской долине 1990 2
Исланова И.В. Водные пути в восточной части Новгородской земли в IX–XIII вв. 1994 1

К 100-летию со дня рождения В.Г. Чайлда. Письмо советским археологам от 16 декабря 1956 г. 1992 4
Каверзнева Е.Д. Шагарский могильник конца III – начала II тысячелетия до н.э. в Центральной Мещере 1992 3
Казакявичус В. Находка двухпластинчатой фибулы в Литве 1987 4
Калиева С.С. Клад Аксу в степном Притоболье 1988 3
Калинина И.В., Устинова Е.А. (Гаджиева). Использование челюстей животных для орнаментации древней керамики 1995 2
Каменецкая Е.В. О некоторых типах керамики Гнездова 1988 1
Каминская И.В. Сарматские погребения на Урупе 1988 1
Каминский В.Н. Алано-болгарский могильник близ станицы Старокорсунской на Кубани 1987 4
Каминский В.Н. Погребальные комплексы из окрестностей Краснодара 1987 2
Каминский В.Н., Астахов И.Л. Воинские погребения позднекобанского времени из могильника Мостового на Урупе 1990 1
Канторович А.Р. Один из образов копытного животного в искусстве скифского звериного стиля 1995 4
Карпушкина И.А., Арзаманов Г.Ф. Специфика ордерной композиции в архитектуре первых веков нашей эры (на примере находок из Горгиппии) 1988 2

Каспарова К.В. Об одном из возможных компонентов зарубинецкого погребального обряда 1988 1
Кахидзе А.Ю., Кахидзе Н.А. Древнеколхидское хозяйственное орудие цалди 1993 3
Качалова Н.К. О заключительном периоде бронзового века на территории Нижнего Поволжья (к постановке проблемы) 1989 1
Качалова Н.К., Васильев И.Б. О некоторых проблемах эпохи бронзы Поволжья 1989 2
Кашуба М.Т., Гольцева Н.В. Сахарнянский могильник I (Цыглэу) 1991 1
Киржнер Е.Э., Арматынская О.В. Бронзовая ананьинская секира из с. Галаново 1990 3
Кирчо Л.Б. Древнейшие печати и их оттиски из Алтын-депе 1990 3
Кислый А.Е. Палеодемография и возможности моделирования структуры древнего населения 1995 2
Клейн Л.С. В защиту "чистой археологии" 1991 2
Клейн Л.С. Методологическая природа археологии 1992 4
Клепиков В.М. Погребения позднеэнеолитического времени у хутора Шляховский в Нижнем Поволжье 1994 3
Клещинов В.Н., Молчанов А.А. Смоленская деньга Василия III 1990 2
Клочко В.И., Скорый С.А. К исследованию позднечернолесского погребального обряда 1993 4
Клочко Л.С. Скифская обувь 1992 1
Клочко Л.С., Оленковский Н.П. Новые скифские навершия с нижнего Днепра 1990 3
Клюшинцев В.Н. Новые погребения многоваликовой керамики в Побужье 1988 2
Клюшинцев В.Н. Погребения в каменных ящиках сабатиновской культуры на р. Ингулец 1989 4
Коваленко В.П., Молчанов А.А. Древнерусские сфрагистические памятники домонгольского времени из Чернигова 1993 4
Коваленко В.П., Пуцко В.Г. Византийская резная иконка из Чернигова 1990 1
Коваленко С.А. К вопросу о развитии орнаментации античной рельефной керамики 1988 2
Коваль В.Ю. Испанская люстровая керамика в Москве 1996 1
Коваль В.Ю. Каменный топор из Ростиславля Рязанского 1995 1
Ковпаненко Г.Т., Скорый С.А. К изучению погребального обряда скифского времени в Поросье 1988 2
Козак Д.Н. Поселение вельбарской культуры Боратын I на Волыни 1989 2
Козенкова В.И. Инновации и процесс формотворчества в кобанской культуре Кавказа (на примере зооморфных браслетов) 1989 3
Козенкова В.И. Хронология кобанской культуры: достижения, опыт уточнения, нерешенные проблемы 1990 3
Козенкова В.И., Багаев М.Х. О некоторых чертах сакральной воинской атрибутики в позднекобанской культуре 1991 4
Козловская М.В. Антропологическая характеристика скелетных материалов из скифских курганов Среднего Дона 1996 4
Коен В.Ю. Некоторые новые данные о культурно-историческом процессе в Азово-Черноморском регионе в X–XI тыс. до н.э. 1992 2
Колесник А.В. Мустьерская кремнеобрабатывающая мастерская Звановка в Донбассе 1989 1
Колосов Ю.Г., Степанчук В.Н., Чабай В.П. Мустьерская стоянка им. Глеба Анатольевича Бонч-Осмоловского 1993 2
Колотухин В.А. Кизил-кобинская культура: генетические корни и условия формирования 1990 3
Колтухов С.Г. Новые материалы к периодизации и реконструкции оборонительных сооружений Неаполя Скифского 1990 2
Кольцов Л.В., Жилин М.Г. Мезолитическая стоянка Угольново I 1987 3
Кореневский С.Н. К вопросу о датирующих возможностях комплекса из нижнего слоя эшерских дольменов Абхазии 1992 2
Кореневский С.Н. К дискуссии об этнической интерпретации майкопской культуры 1990 4
Кореняко В.А. О социологической интерпретации памятников бронзового века (погребения дандыбай-бегазинского типа) 1990 2
Коробушкина Т.Н., Саливон И.И. Сельское население Среднего Побужья IX–XIII вв. (по материалам курганных могильников) 1990 3
Корпусова В.Н., Ляшко С.Н. Катакомбное погребение с пшеницей в Крыму 1990 3
Косинская Л.Л. Жилища эпохи ранней бронзы в бассейне Вычегды 1987 1
Косяненко В.М. Бронзовые фибулы из некрополя Кобякова городища 1987 2
Косяненко В.М., Максименко В.Е. Комплекс вещей из сарматского погребения у хутора Виноградный на Нижнем Дону 1989 1
Котигорошко В.Г. Жертвенник III–IV вв. н.э. у села Солонцы 1987 2
Котигорошко В.Г. Ремесленное производство на дакийском городище Малая Копаня 1989 2

Кочерженко О.В., Слонов В.Н. О семантике орнамента керамики срубной культуры 1993 3
Кравец Д.П., Швецов М.Л. Скифский кинжал из Донбасса 1987 2
Кравцов А.Е. К хронологии бутовской и иеневской мезолитических культур 1991 2
Кравцов А.Е. Памятники позднего мезолита и эпохи бронзы в подмосковной Мещере 1988 1
Кравцов А.Е., Жилин М.Г. Опыт функционально-планиграфического анализа мезолитической стоянки Беливо-4Г-северная 1995 2
Кравцов А.Е., Лозовский В.М. Мезолитическая стоянка Черная I в Мещере 1989 4
Кравцов А.Е., Луньков В.Ю. Новая мезолитическая стоянка в западной части Мещерской низменности 1994 2
Крайнов Д.А., Зайцева Г.И., Уткин А.В. Стратиграфия и абсолютная хронология стоянки Ивановское III 1990 3
Крайнов Д.А., Костылева Е.Л., Уткин А.В. Волосовская антропоморфная фигурка со стоянки Сахтыш IIA 1994 3
Крайнов Д.А., Костылева Е.Л., Уткин А.В. Могильник и "святилище" на стоянке Сахтыш IIA 1994 2
Кренке Н.А. Глиняная пластинка и некоторые особенности позднедьяковских городищ Подмосковья 1989 2
Кренке Н.А. "Чертов городок" – селище железного века в окрестностях села Коломенского 1995 3
Кренке Н.А., Макаров Н.А. Скандинавская фибула из Салехарда 1995 3
Кренке Н.А., Цепкин Е.А. Рыболовство на Москве-реке с V в. до н.э. по VII в. н.э. 1991 1
Крижевская Л.Я. Некоторые новые данные о хронологии неолита Уральского региона и методах ее установления 1995 2
Крижевская Л.Я. 40 лет изучения каменного века на Урале: итоги и перспективы 1990 2
Крис Х.И. Изобразительное творчество обитателей дьяковских городищ 1995 4
Круглов Е.В. Хазарские погребения в бассейне реки Иловли 1992 4
Крыганов А.В. Кистени салтово-маяцкой культуры Подонья 1987 2
Крыласова Н.Б. Подвеска со знаком Рюриковичей из Рождественского могильника 1995 2
Ксензов В.П. Мезолит Белорусского Подвинья 1994 3
Ксензов В.П. Новые исследования верхнепалеолитической стоянки Юровичи 1987 1
Ксенофонтова И.В. Античные художественные бронзы из Уляпских (Ульских) курганов 1992 4
Кузнецов В.А. Аланы на Западе: археологическая реальность или миф? 1996 4
Кузнецов В.А. Погребения III в. из Кисловодска 1990 2
Кузнецов В.Д. Кепы: ионийская керамика 1991 4
Кузнецов В.Д. Некоторые вопросы организации общественного строительства в Афинах 1990 4
Кузнецова Л.В., Седова М.С. Курганный могильник срубной культуры у с. Волчанка в Куйбышевском Заволжье 1991 3
Кузнецова Т.М. Зеркала в погребальном обряде сарматов 1988 4
Кузнецова Т.М. Зеркала из скифских памятников VI–III вв. до н.э. (классификация и хронологическое распределение) 1987 1
Кузнецова Т.М. О терминах для описания зеркал из скифских памятников 1987 2
Кузнецова Э.Ф., Мадина С.Ш. Исследование древнего золота Казахстана 1990 2
Кузьмин Я.В. Сопоставление хронологий средневековых памятников юга Дальнего Востока России 1993 2
Кузьмин Я.В., Орлова Л.А., Сулержицкий Л.Д., Джалл Э.Дж. Радиоуглеродная хронология древних культур эпох камня и бронзы (Дальний Восток России) 1995 3
Кулаков В.И. "Звериноголовые" фибулы балтов (V–VII вв.) 1990 2
Кулаков В.И. Знамена дружин Балтийского региона 1989 4
Кулаков В.И. Птица-хищник и птица-жертва в символах и эмблемах IX–XI вв. 1988 3
Кулаков В.И. Трусо и Кауп (протогородские центры в земле пруссов) 1996 3
Кулаков С.А. Технология расщепления камня на Абадзехском нижне-палеолитическом местонахождении (Северный Кавказ) 1993 3
Курбатов А.В. Кожаные изделия шведского периода из раскопок Ивангородской крепости 1995 2
Курочкин Г.Н. Золотой сосуд из Марлика 1990 2
Курочкин Г.Н. Скифское искусство звериного стиля и художественные бронзы Луристана 1992 2
Курочкин Г.Н. Хронология переднеазиатских походов скифов по письменным и археологическим данным 1994 1
Кутайсов В.А. Эллинистический дом Керкинитиды 1987 1
Кызласов И.Л. Материалы к ранней истории тюрков. I. Древнейшие свидетельства об армии 1996 3
Кызласов И.Л. Мировоззренческая основа погребального обряда 1993 1
Кызласов И.Л. Палеографическое исследование азиатских рунических алфавитов 1991 4

Кызласов И.Л. Погребальный обряд и уровень развития общества. От отдельного к общему... 1995 2
Кызласов И.Л. Эпитафия из Саргал-Аксы (Тува) 1993 3
Кызласов Л.Р. К истории карасукской металлургии 1993 3
Кызласов Л.Р. О шаманизме древнейших тюрков 1990 3
Кызласов Л.Р. С.В. Киселев – учитель учителей 1995 4
Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л. Новый этап развития енисейской письменности (конец XIII – начало XV в.) 1994 1
Кынчев К. Еще раз к вопросу о функциях скребков 1989 2

Ламберт-Карловски К. Огонь до изобретения керамики и металла 1991 1
Лапшин А.Г. Два портрета из Мансур-депе 1990 4
Латышева В.А., Таденев К.В. Античные свинцовые гири из поселения Маслины 1992 4
Лаухин С.А. Заселение Северной Азии палеолитическим человеком и возможности Берингийского моста 1995 4
Ле Суан Зием. Археологические открытия на равнине Намбо (СРВ) 1987 3
Леонтьев А.Е. Тимерево. Проблема исторической интерпретации археологического памятника 1989 3
Лисицын Н.Ф. К вопросу о начальном этапе позднего палеолита Сибири 1995 1
Лисицын Н.Ф. Средний этап позднего палеолита Сибири 1996 4
Литвиненко Р.А. Курганный могильник Возрождение II на Донетчине 1993 3
Литвинов В.А., Макушников О.А., Дробушевский А.И. Клады древнерусских шейных гривен из Белоруссии 1987 1
Лихтер Ю.А., Осипов Д.О. Московская керамика и московское керамическое ремесло 1995 3
Логвин В.Н. Поселения терсекского типа Соленое Озеро 1 ..... 1992 1
Логвин В.Н. Энеолитические находки у села Ливановки 1988 1
Лозовский В.М. Костяное охотничье вооружение первобытного населения Волго-Окского междуречья 1993 2
Лопатин В.А., Малов Н.М. Срубные погребения в подбоях на Еруслане 1988 1
Лунина С.Б. Расписная керамика X–XII вв. и ее назначение (по материалам Кашкадарьинского оазиса) 1987 3
Лухтан А.Б. Клад из Кярнаве 1988 2
Любин В.П. Адаптация человека в горах Кавказа в верхнем палеолите и мезолите 1994 2
Любин В.П. Изображения мамонтов в палеолитическом искусстве (по материалам Каповой пещеры) 1991 1
Любин В.П. Кавказ и Ближний Восток в палеолитическом времени 1992 2
Любин В.П. Хроностратиграфия палеолита Кавказа 1993 2
Любин В.П., Вишняцкий Л.Б. Открытие палеолита в Восточной Туркмении 1990 4
Любин В.П., Куликов О.А. О возрасте древнейших палеолитических памятников Кавказа 1991 4

Мажитов Н.А. Комплексы с монетами VIII в. из Бирского могильника 1990 1
Макаров Н.А. Древнерусская археология: 10 лет между киевским и новгородским конгрессом.. 1996 3
Макаров Н.А. Древнерусские амулеты-топорики 1992 2
Макаров Н.А. Меч из Кемского некрополя 1987 4
Макаров Н.А. Новгородская и ростово-суздальская колонизация в бассейне озер Белое и Лача по археологическим данным 1989 4
Макаров Н.А. Русский Север и Лапландия: торговые связи XI–XIII вв. 1993 1
Макаров Н.А., Захаров С.Д. Три каменных образка из Белоозера 1995 1
Макаров Н.А., Чернецов А.В. К изучению культовых камней 1988 3
Макарова Т.И. Княжеские (государственные) мастерские и их роль в сложении орнаментального стиля в прикладном искусстве Древней Руси 1991 3
Макарова Т.И. О времени появления вершка на Руси 1993 2
Макарова Т.И., Равдина Т.В. Семилопастные височные кольца с орнаментом 1992 4
Максименко В.Е., Безуглов С.И. Позднесарматские погребения в курганах на реке Быстрой... 1987 1
Малевская М.В. Применение брускового кирпича в архитектуре Западной Руси второй половины XIII–XIV вв. 1989 4
Малышев А.А., Медникова М.Б. Население Цемесской долины в римское время по данным археологии и палеодемографии 1995 4
Малышев А.А., Семенова И.В. Павел Давидович Рау 1992 1

Мамонова Н.Н., Сулержицкий Л.Д. Опыт датирования по С-14 погребений Прибайкалья эпохи голоцена ... 1989 1
Мансфельд Г. Опыт периодизации скифских древностей ... 1992 3
Марков Д.Б., Молчанов А.А. Две древнерусские печати XII в. из Нижнего Подесенья ... 1990 1
Марков Д.Б., Строков А.И. О сребреннике Владимира Святославича из собрания музея исторических драгоценностей УССР ... 1990 1
Марковин В.И. О некоторых новых тенденциях в археологическом изучении древностей Северного Кавказа ... 1994 4
Марковин В.И. Ответ на статьи, присланные в связи с дискуссией о майкопской культуре ... 1990 4
Марковин В.И. Северный Кавказ: историко-археологическое изучение и современность ... 1996 3
Марковин В.И. Современные проблемы в изучении этнической истории Северного Кавказа ... 1994 1
Марковин В.И. Спорные вопросы в этнографическом изучении древностей Северного Кавказа (майкопская культура) ... 1990 4
Мартемьянов А.П. Из истории земледелия Фракии и Нижней Мезии в первых веках н.э. ... 1995 1
Марченко К.К. Третий период стабилизации в Северном Причерноморье античной эпохи ... 1996 2
Марченко К.К., Житников В.Г., Яковенко Э.В. Елизаветовское городище – греко-варварское торжище в дельте Дона ... 1988 3
Марьяшев А.Н., Горячев А.А. К вопросу типологии и хронологии памятников эпохи бронзы Семиречья ... 1993 1
Масленников А.А. Новые материалы к истории военного дела античного Боспора ... 1996 1
Масленников А.А. О типологии сельских поселений Боспора ... 1989 2
Масленников А.А. Раскопки на Узунларском валу (Восточный Крым) ... 1994 4
Маслов В.Е. Погребения VI в. до н.э. Клин-Ярского-III могильника ... 1995 3
Маслов В.Е., Яблонский Л.Т. Могильник Гяур-IV в Северной Туркмении ... 1996 2
Массон В.М. Огонь в эпоху палеолита: многообразие функций ... 1991 1
Матвеев А.В., Матвеева Н.П. Бронзовый котел из Савиновского могильника (Среднее Притоболье) ... 1988 1
Матвеева Н.П. Неолитический памятник в Сургутском Приобье ... 1990 2
Матвеева Н.П. Рафайловское городище – памятник саргатской культуры Среднего Притоболья ... 1993 1
Матюхин А.Е. Макроорудия из палеолитических мастерских ... 1988 2
Матюхин А.Е. Новые палеолитические памятники в бассейне Северного Донца ... 1994 1
Матюхин А.Е. О спорных вопросах датировки палеолитического (?) местонахождения Гора До во Вьетнаме ... 1990 2
Матюхин А.Е. Особенности анализа двустороннеобработанных изделий каменного века ... 1995 3
Махортых С.В., Черненко Е.В. О кавказских "пекторалях" VIII–VII вв. до н.э. ... 1995 2
Медведев А.П. Об этнокультурной ситуации на Верхнем Дону в начале железного века ... 1993 4
Медведская И.Н. Заключение по дискуссии ... 1994 1
Медведская И.Н. Периодизация скифской архаики и Древний Восток ... 1992 3
Медникова Е.Ю., Раппопорт П.А. Строительные растворы древнего Новгорода ... 1991 4
Медникова М.Б. К определению понятия и критериев палеопопуляции в антропологии ... 1995 3
Медынцева А.А. Архангельская ставротека и культ Климента на Руси ... 1991 3
Медынцева А.А. О надписи на "кресте" Манасии (с. Цар Асен, Болгария) ... 1990 4
Медынцева А.А. Оклады "корсунских" икон из Новгорода ... 1988 4
Мельник В.И. Из истории полтавкинской проблемы ... 1990 1
Мельник В.И. Погребальный обычай и погребальный памятник ... 1993 1
Мельничук А.Ф. Материалы мезолитического Огурдинского поселения ... 1989 4
Мелюкова А.И. Новые данные о скифо-фракийских взаимоотношениях в IV–III вв. до н.э. ... 1995 1
Мержанова К.А. Численность населения средневекового города: возможности реконструкции (на примере Пскова) ... 1991 4
Мерперт Н.Я. В.А. Городцов об энеолите Болгарии ... 1994 2
Мерперт Н.Я. К публикации письма В.Г. Чайлда ... 1992 4
Мерперт Н.Я. О планировке поселков раннего бронзового века в Верхнефракийской долине (Южная Болгария) ... 1995 3
Мерперт Н.Я. С.В. Киселев в Монголии ... 1995 4
Мизиев И.М. О создателях майкопской культуры ... 1990 4
Милютина Н.Н. О погребениях древнерусского некрополя Пскова ... 1996 3
Минжулин А.И. Браслет-наруч и колты из клада 1908 г. у с. Старая Буда ... 1991 2
Минжулин А.И. Защитное вооружение воина-лучника V–IV вв. до н.э. из кургана у с. Гладковщина (реставрация и научная реконструкция) ... 1988 4

Минжулин А.И. Технология зерни ... 1990 4
Миняев С.С. Дурёны II – многослойное поселение в Забайкалье ... 1988 2
Миронова В.Г. Берестяные грамоты из Старой Руссы (находки 1985 г.) ... 1990 2
Мирошина Т.В., Державин В.Л. Сарматские погребения из могильника Веселая роща III ... 1988 4
Михайлов Б.Д. Курган эпохи ранней бронзы вблизи Каменной могилы ... 1988 4
Михайлов Б.Д. Об одном сюжете петроглифов Каменной Могилы ... 1987 2
Михайлов Б.Д. Петроглифы из пещеры "Подкова" на холме Каменная Могила в Северном Приазовье ... 1990 1
Михлин Б.Ю. О характере позднескифской семьи ... 1987 2
Мишина Т.Н. Энеолитический комплекс телля "Плоская могила" у с. Юнаците (НРБ) ... 1988 3
Могильников В.А., Данченко Е.М., Труфанов А.Я. Богочановское городище и проблемы культурной стратификации лесного Прииртышья в эпоху поздней бронзы и раннего железа ... 1991 3
Молева Н.В. О происхождении боспорских антропоморфных изваяний ... 1991 2
Молодин В.И., Погожева А.П. Плита из Озерного (Горный Алтай) ... 1990 1
Молчанов А.А. К вопросу о принадлежности усадеб Неревского раскопа в Новгороде ... 1989 4
Моргунов Ю.Ю. Древнерусские городища в окрестностях летописного города Лохвицы ... 1988 2
Моргунов Ю.Ю. К изучению летописного города Римова ... 1989 1
Моргунов Ю.Ю. Редкая находка с перегородчатой эмалью ... 1991 1
Моргунова Н.Л. К вопросу о полтавкинской культуре Приуралья ... 1991 4
Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю. Древнеямная культура Приуралья (по материалам Оренбургской области) ... 1991 2
Мордвинцева В.И. О вторичном использовании ахеменидских блюд их Прохоровского кургана ... 1996 2
Мордвинцева В.И. Фалары с изображением Беллерофонта из сарматского погребения у села Володарка в Западном Казахстане ... 1996 4
Мордвинцева В.И., Сергацков И.В. Богатое сарматское погребение у станции Бердия ... 1995 4
Моруженко А.А. Историко-культурная общность лесостепных племен междуречья Днепра и Дона в скифское время ... 1989 4
Моруженко А.А. К вопросу о памятниках раннего железного века в бассейне р. Ворсклы ... 1988 1
Мошинский А.П. Погребальный обряд некрополя IV–III вв. до н.э. у поселка Заозерное (Крым) ... 1988 4
Мунчаев Р.Н., Мерперт Н.Я. Телль Хазна I (исследования советской экспедиции в Северо-Восточной Сирии, 1988–1989 гг.) ... 1990 3
Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., Бадер Н.О., Амиров Ш.Н. Телль Хазна II – раннеземледельческое поселение в Северо-Восточной Сирии ... 1993 4
Мыськов Е.П. К проблеме периодизации памятников срубной культуры Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья ... 1991 4
Мыськов Е.П. Новые полтавкинские памятники Нижнего Поволжья ... 1987 4
Мыськов Е.П. О некоторых типах головных уборов населения Золотой Орды ... 1995 2
Мыськов Е.П., Сергацков И.В. Позднесарматские комплексы на Нижнем Дону ... 1994 2
Мыц В.Л. Крестообразный храм Мангупа ... 1990 1
Мыц В.Л. Средневековое укрепление Исар-Кая ... 1987 2

Нариманов И.Г., Джафаров Г.Ф. О древнейшей металлургии меди на территории Азербайджана ... 1990 1
Нахапетян В.Е. Знаки строителей на камнях Маяцкого городища ... 1988 3
Нахапетян В.Е. Образ мира в изобразительном искусстве Хазарии ... 1994 4
Недошивина Н.Г. Ритуальные литые фигурки со святилищ острова Вайгач ... 1996 2
Немеров В.Ф. Воинское снаряжение и оружие монгольского воина XIII–XIV вв. ... 1987 2
Неприна В.И., Супруненко А.Б., Гавриленко И.Н. Жилище на мезолитической стоянке Посулья Вязовок 4а ... 1992 3
Неразик Е.Е. Археологический комплекс первых веков нашей эры из Хорезма ... 1987 2
Нерсесов Я.Н. Атлатль – традиционное оружие индейцев Юго-Запада США и Северной Мексики ... 1989 4
Нерсесов Я.Н. Зверь Рекуай в искусстве мочика ... 1993 3
Нерсесов Я.Н. Касас Грандес – крупнейший археологический памятник Северной Мексики (к 100-летию исследования) ... 1992 1
Нерсесов Я.Н. О хронологии культуры рекуай в Северном Перу ... 1994 2

Нерсесов Я.Н. Роль природной среды в истории древних культур Юго-Запада США 1995 4
Нестеров В.С. Об одной находке с Огубского городища 1988 3
Нехорошев П.Е. К методике изучения нижнепалеолитической техники и технологии расщепления камня 1993 3
Нечитайло А.Л. Европейская степная общность в эпоху энеолита 1996 4
Никитин В.И. Матвеевка I – поселение катакомбной культуры на Южном Буге 1989 2
Никитина Г.Ф. Классификация и типология с позиций практики 1994 2
Никитина Г.Ф. Типология трупоположений в погребальном обряде черняховской культуры 1993 4
Никитина Ю.И. Рисунки-граффити из Софии Новгородской 1990 3
Никонов А.А. Археологические и исторические свидетельства разрушительного землетрясения на Устюрте в XVIII веке 1996 4
Новикова Л.А., Шилов Ю.А. Погребения с лицевыми накладками эпохи бронзы (Херсонская область) 1989 2
Новицкий Е.Ю. Плита-жертвенник эпохи энеолита – ранней бронзы из Красноселки 1988 1

Обломский А.М. О роли позднезарубинецкого населения в сложении киевской культуры Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья 1992 1
Обломский А.М. О финале среднеднепровского варианта зарубинецкой культуры 1987 3
Обломский А.М. Среднее Посеймье в позднеримское время. Формирование южной границы колочинской культуры 1996 4
Обломский А.М. Этнические процессы в междуречье Сулы и Ворсклы в I–V вв. н.э. 1994 2
Обломский А.М., Смирнов А.С., Сорокин А.Н. Материалы I тысячелетия н.э. на поселении Шоссейное (Белгородская обл.) 1987 4
Оболдуева Т.Г. Курганы на арыке Джун 1988 4
Овсянников О.В., Рябинин Е.А. Средневековые грунтовые могильники Терского берега 1989 2
Озеров А.А., Беспалый Е.И. Погребение эпохи ранней бронзы близ г. Сальска (Ростовская обл.) 1987 3
Ольховский В.С. О северокавказских стелах эпохи раннего железа 1990 3
Ольховский В.С. Оленные камни (к семантике образа) 1989 1
Ольховский В.С. Погребальная обрядность и социологические реконструкции 1995 2
Ольховский В.С. Погребальная обрядность (содержание и структура) 1993 1
Ольховский В.С., Галкин Л.Л. Культовый комплекс на Устюрте (предварительное сообщение) 1990 4
Ольховский В.С., Ложкин М.Н. К истории монументального искусства древнего населения Предкавказья 1992 3
Ольховский В.С., Шилов Ю.А. Скифский погребально-культовый комплекс кургана Цыганка. 1995 4
Отклики на статью В.А. Башилова и Э.Н. Лооне "Об уровнях исследования и познавательных задачах археологии" (Викторова В.Д., Бочкарев В.С., Григорьев Г.П., Пряхин А.Д., Васильевский Р.С., Симанов А.Л.) 1988 1
Отрощенко В.В. О возможности участия полтавкинских и катакомбных племен в сложении срубной культуры 1990 1
Очикр-Горяева М.А. Клык кабана с зооморфными изображениями из могильника "Заханата" Калмыцкой АССР 1988 4
Очир-Горяева М.А. Наконечники стрел кочевников Нижнего Поволжья 1996 1
Очир-Горяева М.А. Савроматская проблема в скифо-сарматской археологии 1992 2

Павленков В.И. Фрагмент портретной эмблемы с Южно-Донузлавского городища 1988 1
Павлович Г.А. Греческий шлем эллинистического времени из Ставропольского края 1995 3
Панова Т.Д. Каменные саркофаги антропоидного типа 1991 2
Панова Т.Д. Каменный саркофаг из Борисоглебского собора на Смядыни (Смоленск) 1996 3
Панова Т.Д. О назначении мелкой деревянной антропоморфной скульптуры X–XIV вв. 1989 2
Панова Т.Д. О редком типе перстня XIV в. из археологического собрания музеев Московского Кремля 1992 2
Панова Т.Д. Погребальные комплексы на территории Московского Кремля 1989 1
Панова Т.Д. Средневековый погребальный обряд по материалам некрополя Архангельского собора Московского Кремля 1987 4
Панова Т.Д. Ювелирные изделия из раскопок в Московском Кремле 1988 2
Панова Т.Д., Авдусина Т.Д. О находке клада 1991 г. в Московском Кремле 1993 2
Панова Т.Д., Колызин А.М. Клад Смутного времени из Московского Кремля 1996 2

Паньков С.В. Металлургия железа у племен Восточной Волыни (Житомирщины) рубежа и первой половины I тыс. н.э. ... 1992 1
Переводчикова Е.В. Локальные черты скифского звериного стиля Прикубанья ... 1987 4
Перхавко В.Б. Находки энколпионов на территории Югославии ... 1987 4
Петерс Б.Г., Авдеев А.Г. Экономические связи античного городища у с. Михайловка в IV–III вв. до н.э. ... 1990 4
Петерс Б.Г., Чухина Е.В. Костяные изделия из раскопок Патрея 1985–1989 гг. ... 1995 2
Петерс Б.Г., Чухина Е.В. Стеклянные изделия из раскопок Патрея 1985–1989 гг. ... 1994 4
Петраш Й. История средненеолитических центров Центральной Европы ... 1994 1
Петрашенко В.А., Пашкевич Г.А. К изучению земледелия Древней Руси по материалам поселения у с. Григоровка на Среднем Днепре ... 1992 1
Петренко В.Н., Смирнов В.Н. Каменная иконка "Вход в Иерусалим" из Старой Ладоги ... 1995 1
Пидаев Ш.Р. Керамика греко-бактрийского времени с городища Старого Термеза ... 1991 1
Пилипко В.Н. Типология поселений кушанского времени в долине Средней Амударьи ... 1987 3
Платонова Н.И. Российская Академия истории материальной культуры. Этапы становления (1918–1919 гг.) ... 1989 4
Плетнева С.А. Возможности выявления социально-экономических категорий по материалам погребальной обрядности ... 1993 4
Плетнева С.А. Глиняный ритон из Корчева и бронзовая личина из Тмутаракани ... 1987 1
Плетнева С.А. История одного хазарского поселения ... 1993 2
Плетнева С.А. Металлургический и кузнечный комплексы Саркела ... 1996 2
Плетнева С.А. О домашних оберегах в Саркеле – Белой Веже ... 1994 1
Плетнева С.А. Отношения восточноевропейских кочевников с Византией и археологические источники ... 1991 3
Плетнева С.А. Хазарские проблемы в археологии ... 1990 2
Поветкин В.И. Опыт восстановления новгородских берестяных грамот ... 1996 3
Погорелов В.И. Курганы эпохи бронзы Стояновского могильника ... 1996 1
Погорелов В.И. Ямно-катакомбные погребения Среднего Дона ... 1989 2
Погребова М.Н. О принципах датировки скифской архаики ... 1993 2
Подъяпольский С.С. О малоизвестном типе папертей конца XV–начала XVI века ... 1994 3
Полегайлов А.Г., Осадчий Е.И. Свинцовая гирька из Изяслава на р. Горыни ... 1988 3
Полидович Ю.Б. О мотиве свернувшегося хищника в скифском "зверином стиле" ... 1994 4
Полякова Г.Ф. Заготовки обкладки колчана из Болгар ... 1992 1
Попова Е.А. Позднескифские жертвенники с городища "Чайка" ... 1990 3
Потапов В.В. Погребения кобяковской культуры на станции Хапры ... 1993 3
Потехина И.Д. Атропологические материалы из могильника Ясиноватка ... 1988 4
Потёмкина Т.М. О некоторых спорных вопросах ранней и средней бронзы Волго-Уральского региона ... 1990 1
Потёмкина Т.М. Проблемы связей и смены культур населения Зауралья в эпоху бронзы (поздний и финальный этапы) ... 1995 2
Потёмкина Т.М. Проблемы связей и смены культур населения Зауралья в эпоху бронзы (ранний и средний этапы) ... 1995 1
Пронин Г.Н. Исследование памятников второй половины I тысячелетия н.э. в восточных районах Новгородчины ... 1988 4
Пронин Г.Н. Курганы X–XI вв. с сожжениями и с каменными конструкциями у д. Боково ... 1990 2
Прохорова Т.А. Погребение эпохи раннего железа из могильника Криволиманский I ... 1987 1
Прохорова Т.А., Гугуев В.К. Богатое сарматское погребение в кургане 10 Кобяковского могильника ... 1992 1
Прошкин О.Л., Фролов А.С. Камень с чашечными углублениями с "Чертова городища" под Козельском ... 1995 1
Пряхин А.Д., Беседин В.И. О выделении воронежской культуры эпохи бронзы ... 1988 3
Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П. Курган у с. Богоявленское ... 1991 1
Пряхин А.Д., Разуваев Ю.Д. Клад скифского времени с Семилукского городища на реке Дон ... 1994 4
Пугаченкова Г.А., Беляева Т.В. К стратиграфии Кумышкент-тепе ... 1987 4
Пуздровский А.Е. Новый участок Восточного некрополя Неаполя Скифского ... 1992 2
Пуцко В.Г. Крест Марка Пещерника ... 1987 1
Пуцко В.Г. Московский мощевик конца XV в. из Суздаля ... 1989 2
Пушкина Т.А., Розанова Л.С. Кузнечные изделия из Гнёздова ... 1992 2
Пхакадзе Г.Г. К изучению памятников Рион-Квирильского бассейна (IV – середина III тыс. до н.э.) ... 1988 2

Пясецкий В.К. Мустьерский культурный слой палеолитического местонахождения Жорнов и некоторые вопросы стратиграфии палеолита 1992 3
Пясецкий В.К. Ориньякская стоянка Червоный Камень на Ровенщине 1995 2
Пясецкий В.К. Палеолитическое местонахождение Жорнов: верхний культурный слой 1991 2
Пясецкий В.К. Средний культурный слой палеолитического местонахождения Жорнов..... 1991 4
Пятых Г.Г. К дискуссии по происхождению срубной культуры 1990 1

Равич И.Г. Особенности состава и технологии изготовления миниатюрных сарматских зеркал из "белой бронзы" 1995 3
Раевский Д.С. К статье Н.Л. Членовой "Волга и Южный Урал в представлениях древних иранцев и финно-угров во II – начале I тыс. до н.э." 1990 3
Раевский Д.С. О логике построения раннескифской хронологии 1993 2
Разуваев Ю.Д. Курганы I в. н.э. у южной окраины г. Воронежа 1992 1
Ранов В.А. Древнейшие стоянки палеолита на территории СССР 1992 2
Раппопорт П.А. О времени появления брускового кирпича на Руси 1989 4
Раппопорт П.А. О методике изучения древнерусского зодчества 1988 3
Риер Я.Г. К проблеме социального развития раннесредневековой Восточной и Центральной Европы: сравнительный анализ археологических данных 1996 1
Родина М.Е. О неизвестном погребении XII в. из раскопок Н.Н. Воронина возле церкви Спаса во Владимире 1996 3
Розуа Ж.-Ж. Копьеметалка и лук доисторических охотников. Техника и сравнительная деформация..... 1996 2
Романова Г.П. Палеоантропологические материалы из степных районов Ставрополья эпохи ранней и средней бронзы 1991 2
Ромашко В.А., Калагина Г.Н. Новая находка карасукского кинжала в Поднепровье 1991 3
Ртвеладзе Э.В., Пидаев Ш.Р. Древнебактрийская крепость Талашкан-тепе I 1993 1
Рубан В.В. Опыт классификации так называемых милетских амфор из Нижнего Побужья 1991 2
Русанова И.П. Культовые места и языческие святилища славян VI–XIII вв..... 1992 4
Рыбина Е.А. Из истории шахматных фигур 1991 4
Рыжов С.Г. Бронзовая статуэтка Исиды из Херсонеса 1992 3
Рысин М.В. Датировка комплексов из Эшери 1990 2
Рябинин Е.А., Черных Н.Б. Стратиграфия, застройка и хронология нижнего слоя Староладожского Земляного городища в свете новых исследований 1988 1
Рябцев А.Н., Семенов В.А. Ананьинская "парадная" секира из-под Сыктывкара 1988 1

Савватеев Ю.А. Новые петроглифы на о. Ерпин Пудас 1987 1
Савостина Е.А. Античное поселение Юбилейное I на Тамани (предварительные итоги изучения) 1987 1
Сагдуллаев А.С. К вопросу о "второй столице" Согдианы 1988 4
Сагдуллаев А.С. Некоторые аспекты проблемы происхождения среднеазиатских комплексов типа Яз I 1989 2
Сазанов А.В. О хронологии Боспора ранневизантийского времени 1989 4
Сазанов А.В., Иващенко Ю.Ф. К вопросу о датировках позднеантичных слоев городов Боспора 1989 1
Сайгин Ф.И., Юдин А.И. Каменные орудия Кушумской стоянки 1991 4
Санжаров С.Н. К вопросу о культурно-хронологическом членении катакомбных памятников Северского Донца 1991 3
Санжаров С.Н. Каменные сверленые топоры – молотки Донбасса..... 1992 3
Санжаров С.Н. Мариупольская коллекция керамики из раскопок Н.Е. Макаренко 1992 2
Санжаров С.Н. О некоторых вопросах культурного развития и хронологии в позднекатакомбное время 1993 1
Санжаров С.Н. Охра в изобразительной деятельности племен эпохи средней бронзы Донетчины 1989 2
Санжаров С.Н. Погребения донецкой катакомбной культуры с игральными костями 1988 1
Санжаров С.Н., Привалова О.Я. Новые материалы эпохи бронзы из Донецкого музея 1987 3
Сапрыкин С.Ю. Асандр и Херсонес (к достоверности легенды о Гикии) 1987 1
Сапрыкин С.Ю. Уникальный статер боспорской царицы Динамии 1990 3
Сапрыкин С.Ю., Чевелев О.Д. Фрагмент греческой надписи из Пантикапея: к вопросу об организации боспорских религиозных союзов 1996 2

Сарианиди В.И. Бактрийский центр златоделия 1987 1
Сарианиди В.И. Сиро-хеттские божества в бактрийско-маргианском пантеоне 1989 4
Сафронов В.А. Новые пути решения майкопской проблемы 1990 4
Свешников И.К. Новые погребения начала бронзового века на Западной Волыни 1993 3
Седикова Л.В. Керамический комплекс первой половины IX века из раскопок водохранилища в Херсонесе 1995 2
Седов В.В. Древнеевропейцы 1993 3
Седов В.В. Из этнической истории населения средней полосы Восточной Европы во второй половине I тысячелетия н.э. 1994 2
Седов В.В., Чернецов А.В. Международные конгрессы славянской археологии 1996 3
Седов Вл.В. Псковские храмы XV в. круга церкви Георгия со Взвоза 1991 1
Седов Вл.В. Псковские храмы XIV–XV вв. с прямоугольными боковыми апсидами 1988 4
Седов Вл.В. Псковские храмы "группы Выбут" 1993 1
Седова М.В., Мухина Т.Ф. Каменная иконка из Владимира 1995 1
Семенчук И.А. Костяной наконечник дротика из Поднепровья 1994 4
Сергацков И.В. Новые данные к хронологии раннесарматской культуры 1995 1
Сергацков И.В. Новые находки скифского времени в Волгоградской области 1988 3
Сергацков И.В. О времени заселения сарматами северной части Волго-Донского междуречья 1992 1
Сергацков И.В. Погребение предскифского времени на Иловле 1991 2
Сергацков И.В. Погребение среднесарматского времени у села Царев 1989 3
Сергеева Н.Ф. О химическом составе изделий Корсуковского клада 1991 2
Сергин В.Я. Классификация палеолитических поселений с жилищами на территории СССР 1988 3
Сергин В.Я. Палеолитические жилища поселения Мальта (раскопки 1928–1932 гг.) 1996 2
Сергин В.Я. Скопления костей мамонта на палеолитических поселениях 1991 4
Сериков Ю.Б. Выйка II – опорный памятник эпохи мезолита в Среднем Зауралье 1988 1
Сериков Ю.Б. Голокаменская мастерская и ее место в мезолите Среднего Зауралья 1988 4
Сериков Ю.Б. Камень Дыроватый – уникальное пещерное святилище на реке Чусовой (первые результаты исследований) 1996 4
Сериков Ю.Б. Кокшаровско-Юрьинская торфяниковая стоянка в Среднем Зауралье 1992 4
Сериков Ю.Б. Мезолитические памятники реки Баранчи (Среднее Зауралье) 1989 1
Сидоров В.В. Неолит Десны и Волго-Окского бассейна 1995 1
Сидоров Е.А. Скотоводство лесостепного Приобья в I тыс. до н.э. 1989 3
Симонов Р.А., Хромов О.Р. Пластина из Саркела 1988 2
Сингх Р.Н. Техника изготовления стеклянных бус и колец в Райхате 1988 3
Синюк А.Т., Березуцкий В.Д. Раннесредневековое подземное святилище-лабиринт 1991 3
Скобелев С.Г. Подвески с изображением древнетюркской богини Умай 1990 2
Скорый С.А. К вопросу о скифских походах в лужицкие земли 1990 1
Скржинская М.В. Из истории античных украшений 1994 1
Скрипкин А.С. Погребальный комплекс с уздечным набором из Котлубани и некоторые вопросы этнической истории сарматов 1989 4
Слонов В.Н. К проблеме хронологии и локализации места производства эмалевых подвесок-лунниц 1989 1
Смагулов Е.А. Средневековый шлем из Мерке 1989 1
Смирнов А.С. Могильник Стайки II в бассейне Верхней Оки 1987 3
Смирнов А.С. Памятники раннего неолита Десны 1989 3
Смирнов К.А. Геродот о населении Волго-Окского междуречья 1987 4
Смирнов К.А. Жилище на городище у д. Лесничино на р. Вазузе 1992 1
Смирнов К.А. К вопросу о связях племен городецкой и дьяковской культур с населением степи и лесостепи 1991 4
Смирнов К.А. Костяной псалий со Старшего Каширского городища 1988 2
Смирнов К.А. Погребальный обряд дьяковской культуры 1990 2
Смирнов К.А. Проблема периодизации памятников городецкой и дьяковской культур 1994 4
Смирнова Г.И. Памятники Среднего Поднестровья в хронологической схеме раннескифской культуры 1993 2
Смирнова Л.И. Лепная керамика Тимиревских курганов и проблема этнической атрибуции 1987 2
Согомонов А.Ю. Субпротогеометрическая керамика на Востоке: типология, хронология, дисперсия 1988 3
Соколова З.П. Ардви Сура Анахита иранцев и "Злата Баба" финно-угров 1990 3
Соловьев В.С. Денежно-вещевой вклад из Душанбе 1992 1
Соловьев В.С. Керамическая плитка из Кафыркалы 1991 3

Соловьев С.Л. Новые данные о типологии жилищ Березанского поселения в классическую эпоху ... 1995 1
Сорокин А.Н. К проблеме происхождения бутовской культуры ... 1989 2
Сорокин А.Н., Фролов А.С. Мезолитическая стоянка Пенёшки ... 1987 4
Сорокин В.Я. Уникальное трипольское орудие ... 1987 3
Сорокина Г.Г. Новые находки орнаментированных поделок в Юдиново I ... 1993 2
Соффер О.А. Экономика верхнего палеолита: продолжительность заселения стоянок на Русской равнине ... 1993 3
Спиридонова Е.А. Результаты палинологического изучения образцов из толщ четвертичных отложений могильника Дашти-Козы ... 1989 1
Стенников Г.Ю. К вопросу о технике чеканки монет в Золотой Орде ... 1990 1
Степанчук В.Н. Пролом I – мустьерская стоянка в Крыму ... 1994 1
Стефанов В.И., Кокшаров С.Ф. Северное Зауралье накануне бронзового века ... 1990 3
Стефанова Н.К., Кокшаров С.Ф. Поселение бронзового века на р. Конде ... 1988 3
Субботин Л.В. Гробницы кеми-обинского типа Северо-Западного Причерноморья ... 1995 3
Субботин Л.В., Петренко В.Г. Редкие памятники древних культур Подунавья ... 1990 3
Сунгатов Ф.А. Погребение позднесарматского времени в Зауралье ... 1991 4
Супруненко А.Б. Антропоморфная стела эпохи раннего металла из Полтавской области ... 1991 3
Супруненко А.Б. Голова половецкого изваяния ... 1989 4

Татаринов С.И. Сезонное жилище горняков-металлургов эпохи бронзы у сел. Пилипчатино в Донбассе ... 1988 4
Телегин Д.Я. Неолитическая керамика романковского типа в Киевском Поднепровье ... 1995 1
Телегин Д.Я. Посульская группа палеолитических стоянок на Нижнем Днепре ... 1996 2
Телегин Д.Я. Раскопки в Ясиноватке и вопрос о периодизации могильников мариупольского типа ... 1988 4
Телегин Д.Я., Константинеску Л.Ф. Многослойное поселение на Стрильчей Скеле эпохи неолита – энеолита в Днепровском Надпорожье ... 1992 1
Терехова Н.Н. Технологическая характеристика железных изделий из курганного могильника скифского времени у селения Нартан (Кабардино-Балкария) ... 1990 4
Терехова Н.Н., Мехтиев Т.С. Технология изготовления кузнечных изделий из памятников Кавказской Албании на территории Азербайджана ... 1988 2
Тимофеева Т.П. Белый камень древних владимиро-суздальских храмов в собраниях отечественных музеев ... 1993 3
Тимофеева Т.П. Владимиро-Суздальский лапидарий и его значение для изучения памятников белокаменного зодчества XII–XIII веков ... 1990 1
Тимофеева Т.П. К вопросу об орнаменте фризовых колонок владимиро-суздальских белокаменных памятников XII–XIII веков ... 1988 1
Тимофеева Т.П. Реконструкция древнего карниза притвора Георгиевского собора XIII в. ... 1988 4
Тимощук Б.А. Начало классовых отношений у восточных славян (по материалам поселений Украинского Прикарпатья) ... 1990 2
Тимощук Б.А. Отдельный комплекс культовых сооружений святилища Звенигород ... 1996 1
Тимощук Б.А. Языческое жречество Древней Руси (по материалам городищ-святилищ) ... 1993 4
Тихомиров Н.А. Историческая социология Б.Ф. Поршнева и проблема формирования материальной культуры ... 1995 1
Тихонов И.Л. Из эпистолярного наследия А.А. Спицына (письма к С.Ф. Платонову) ... 1991 2
Тохтасьев С.Р. К хронологии и этнической атрибуции памятников скифского типа на Ближнем Востоке и в Малой Азии ... 1993 2
Тощев Г.Н. Белозерский могильник Будуржель в Подунавье ... 1992 3
Травкин П.Н. Зооморфная поделка с Микшинского селища ... 1991 1
Трейстер М.Ю. Италийские и провинциально-римские зеркала в Восточной Европе ... 1991 1
Трейстер М.Ю., Косяненко В.М. Бронзовые фигурки Минервы из собрания Ростовского музея ... 1995 1
Третьяков В.П. Волосовские древности в междуречье Суры и Мокши ... 1990 4
Третьяков В.П. Поселение Имерка 5 – памятник эпохи энеолита в Примокшанье ... 1987 1
Троицкая Т.Н. Новый тип "поминальных" памятников в Западной Сибири ... 1990 2
Тропин Н.А. О характере домостроительства на южном рязанском порубежье в XII–XIV вв. (по материалам селищ Казинка и Каменное) ... 1996 1
Трусов А.В. Верхнепалеолитическая стоянка Шатрицы на Средней Оке ... 1989 3

Тункина И.В. Автографы археологов в альбоме П.И. Кёппена 1987 4
Тюпаев А.П., Детюк А.Н. Восстановление деталей изображения на сильноокисленных предметах из меди и медных сплавов 1996 1
Тюпаев А.П., Детюк А.Н. Восстановление продуктов окисления археологического материала водородом 1994 3
Удеумурадов Б.Н. Керамический комплекс верхних слоев Алтын-депе 1987 1
Ульянов О.Г. К проблеме работы "по образцу" в московской школе художественного оружия XVI–XVII вв. 1990 4
Усачева О.Н., Кошеленко Г.А. Об одной загадке боспорской историографии 1994 3
Уткин А.В. Мезолитическая стоянка Малая Ламна III в бассейне р. Лух 1990 4
Уткин А.В. Неолитическая стоянка Ивановское VI 1989 3
Уткин А.В. Стоянка Яга II близ Вашутинского озера 1991 3

Фахрутдинов Р.Г. Классификация и топографии булгарских городищ 1990 4
Федоров М.Н. Согдийская курильница конца VII – начала VIII в. с городища Кошой-Коргон ... 1993 1
Федоров М.Н., Мокеев А.М. Серебряная чаша XI в. из Кыргызстана 1995 1
Федосеев Н.Ф. Три новых клейма на тонкостенных сосудах 1991 2
Федосова В.Н. О возможностях использования антропологических данных для палеосоциальных реконструкций 1995 2
Федосова В.Н. Развитие современной палеодемографии (методические проблемы) 1994 1
Федосова В.Н. Развитие современной палеодемографии (палеоэкологические аспекты анализа фактических данных) 1994 3
Фехнер М.В. Бобровый промысел в Волго-Окском междуречье 1989 3
Фехнер М.В., Недошивина Н.Г. Этнокультурная характеристика Тимеревского могильника по материалам погребального инвентаря 1987 2
Фиалко Е.Е. Фракийская узда из кургана Огуз 1995 1
Филатова В.Ф. Кремневые наконечники стрел в мезолите Карелии 1987 3
Филатова В.Ф. Мезолитическое поселение Оровнаволок 1988 4
Финкельштейн М.И., Богатырев Е.Ф., Плаунов Н.А., Эрдманис Г.Э. Применение радиолокационного подповерхностного зондирования в археологии 1988 2
Финогенова С.И. Античные терракотовые маски Северного Причерноморья 1990 2
Финогенова С.И. Поливная керамика из раскопок Таманского городища 1987 2
Флёров В.С. Правобережная Цимлянская крепость (проблемы планиграфии и стратиграфии) .. 1996 1
Фомин А.В. Рунические знаки и тамги на подражаниях куфическим монетам X в. 1988 4
Фоняков Д.И. Цветной металл Торопца (типология и технология) 1991 2
Формозов А.А. А.С. Уваров и его место в истории русской археологии 1993 3
Формозов А.А. К биографии А.А. Спицына 1987 2
Формозов А.А. К столетнему юбилею В.И. Равдоникаса 1996 3
Формозов А.А. О двух документах 1860-х годов, касающихся древнерусской архитектуры 1988 2
Формозов А.А. О периодизации энеолитических поселений Прикубанья 1994 4
Формозов А.А. П.Н. Милюков и археология 1995 2
Формозов А.А. С.В. Киселев – советский археолог 1930–1950 гг. 1995 4
Фролов А.С. Позднемезолитическая стоянка Заозерье II на юге Подмосковья 1987 2
Фролова Н.А. Вторжение варварских племен в города Северного Причерноморья по нумизматическим данным 1989 4
Фролова Н.А. Монетное дело Боспора середины VI–V в. до н.э. 1996 2
Фрумкина М.А. К вопросу о сейсмозащите древних сооружений 1992 3

Хайкунова Н.А. Резцы верхнепалеолитической стоянки Супонево (опыт классификации) 1992 2
Харлашов Б.Н. К вопросу о происхождении погостов в Псковской земле 1990 1
Халдеев В.В. Сколько было сарматов? 1987 3
Халилов Дж.А., Мусаев Д.Л., Мехтиев Т.С. Находки китайского фарфора на городище средневековой Гянджи 1988 2
Хварцкия М.Х. Мустьерская пещерная стоянка Мачагуа в Абхазии 1992 4
Хлопин И.Н. Могильник Пархай II (некоторые итоги исследования) 1989 3
Хлопин И.Н. Туркменское ковроделие: древнейшие инструменты 1994 3
Холматов Н.У. Двустороннеобработанные наконечники стрел в неолите Средней Азии 1991 1
Хохоровски Я. Скифские набеги на территорию Средней Европы 1994 3

Цвейбель Д.С., Колесник А.В. Вторичная обработка камня на стоянке Белокузьминовка в Донбассе 1992 4
Цвейбель Д.С., Колесник А.В. Техника расщепления кремния на стоянке Белокузьминовка в Донбассе 1987 1
Цетлин Ю.Б. О реконструкции археологической стратиграфии памятников эпохи неолита 1988 1
Циркин А.В. В защиту кошибеевской культуры 1995 1

Чайкина Л.Г. О назначении двух каменных предметов из Рюрикова городища 1991 3
Чариков А.А. Новые находки средневековых изваяний в Казахстане 1989 3
Чеботаренко Г.Ф., Щербакова Т.А., Щукин М.Б. Два предмета римской эпохи в Молдавии ... 1987 4
Чежина Е.Ф. Уникальная надпись на раннескифском псалии из Южного Приуралья 1989 1
Чередниченко Н.Н., Пустовалов С.Ж. Боевые колесницы и колесничие в обществе катакомбной культуры (по материалам раскопок в Нижнем Поднепровье) 1991 4
Чередниченко Н.Н., Фиалко Е.Е. Погребение жрицы из Бердянского кургана 1988 2
Черненко Е.В., Зубарь В.М., Сон Н.А. Бутероль из Тиры 1989 2
Чернецов А.В. К изучению эволюции архиерейского посоха и его символики (так называемый "посох Никиты Новгородского") 1991 3
Чернецов А.В. Славяно-русская археология в России. Специфика современной ситуации и некоторые перспективы 1996 3
Чернов Г.А. Археологические памятники в низовьях р. Коротаихи и на побережье Баренцева моря 1987 2
Чернов С.З. Археологические данные о внутренней колонизации Московского княжества XIII–XV вв. и происхождение волостной общины 1991 1
Чернов С.З. Сельские монастыри XIV–XV вв. на северо-востоке Московского княжества по археологическим данным 1996 2
Чернов С.З., Бойцов И.А. Раскопки в Историческом проезде и изучение Великого посада Москвы XIII–XIV вв. 1992 1
Черных Е.Н. Древний металл и символы 1991 1
Черняков И.Т., Никитин В.И. Металлические украшения ямной и котакомбной культур с пуансонным орнаментом 1988 4
Черняков И.Т., Новицкий Е.Ю. Погребение раннежелезного века с деревянными конструкциями 1987 4
Чеченов И.М. К проблеме изучения древней истории и археологии Северного Кавказа 1990 4
Членова Н.Л. Волга и Южный Урал в представлениях древних иранцев и финно-угров во II – начале I тыс. до н.э. 1989 2
Членова Н.Л. Заключительное слово по дискуссии 1990 3
Чубур А.А. Памятники археологии, погибшие при строительстве Курской АЭС 1996 3

Шавкунов Э.В. Бохайская кровельная черепица с зооморфным мотивом 1991 1
Шавкунов Э.В. Бронзовая верительная бирка в виде рыбки из Николаевского городища 1989 1
Шавкунов Э.В., Ивлиев А.Л. Бохайская плакетка из Приморья с изображением буддийской кумирни 1991 4
Шавкунов Э.В., Хорев В.А., Тригуб Ф.П. Новые находки средневековых зеркал в Приморском крае 1992 2
Шаповалов Г.И. Вотивные якоря из Черного моря 1990 3
Шарафутдинова Э.С. Памятники конца эпохи поздней бронзы на Нижнем Дону и степном Прикубанье 1991 1
Шарафутдинова Э.С., Калинский В.Н. Михайловский могильник конца эпохи поздней бронзы в Закубанье 1988 4
Шевелев В.В. Кремневые фигурки из Каргополья 1990 3
Шевелев В.В. Культовые камни в Каргополье 1992 2
Шевелев В.В. Стоянка Наволок в Каргополье 1988 2
Шепко Л.Г. Позднесарматские курганы в Северном Приазовье 1987 4
Шер Я.А. О статье И.Н. Медведской "Периодизация скифской архаики и древний Восток" 1993 2
Шилов В.П. О "полтавкинских" погребениях Южного Приуралья 1991 4
Шишлина Н.И. Погребение эпохи бронзы с глиняной маской из Калмыкии 1989 3
Шлеев В.В. К истории начальных шагов изучения искусства Ванского царства 1996 3
Шмидт Е.А. Погребальный комплекс культуры шаровидных амфор в верховьях Днепра 1992 4

Шнайдштейн Е.В. Средневековое погребение на реке Ахтуба в Астраханской области 1989 4
Шнирельман В.А. Медные топоры из Ханси и некоторые спорные проблемы индийской археологии 1989 2
Шорин А.Ф. К этнической характеристике черкаскульской культуры (состояние проблемы) 1994 4
Шрайбман В.И., Серкеров С.А., Сидельникова Т.А., Флёров В.С. Новое в применении магниторазведки и электроразведки при исследовании грунтовых погребений на Северном Кавказе 1988 1
Шрамко Б.А. Детали оленьей упряжки в Скифии 1988 2
Шрамко Б.А., Машкаров Ю.Г. Исследование биметаллического ножа из погребения катакомбной культуры 1993 2
Щавелев С.П. Археологический почин курского учителя А.И. Дмитрюкова в 1820–1830-е годы 1996 4
Щавелев С.П. Первый опыт массового учета археологических памятников в России (анкета Д.Я. Самоквасова 1872–1873 гг. и ее результаты) 1992 1
Щавелев С.П. Последний романтик краеведческой археологии (к 90-летию со дня рождения Ю.А. Липкинга) 1995 3
Щавелев С.П. Эпизоды истории русской археологии (к 150-летию со дня рождения Д.Я. Самоквасова) 1993 1
Щапова Ю.Л. Археология и морфология 1991 2
Щапова Ю.Л. Некоторые проблемы средневекового стеклоделия в свете новых данных ("гладилка" из Новгорода) 1989 4
Щапова Ю.Л. Описание, классификация и эволюционные закономерности в развитии древних вещей 1994 2
Щукин М.Б. Керамика киевского типа с поселения Лепесовка 1988 3
Щукин М.Б. Сарматы на землях к западу от Днепра и некоторые события I в. в Центральной и Восточной Европе 1989 1
Щукин М.Б. Фибулы типа "Алезия" из Среднего Поднепровья и некоторые проблемы римско-варварских контактов на рубеже нашей эры 1989 3

Эрлих В.Р. К проблеме происхождения птицеголовых скипетров предскифского времени 1990 1
Эрлих В.Р. Корчага из Майкопского музея 1989 2
Эрлих В.Р. Об интерпретации некоторых комплексов типа новочеркасского клада 1994 2
Эрлих В.Р. Об одной серии шлемов из Закубанья 1996 3
Юдин А.И., Лопатин В.А. Погребение мастера эпохи бронзы в степном Заволжье 1989 3
Юшко А.А. О междукняжеских границах бассейна р. Москвы в середине XII – начале XIII в. . 1987 3
Юшко А.А. Формирование удела московских звенигородских князей в XIV–XV вв. 1994 4
Яблонский Л.Т. Проблема формирования культуры саков Южного Приаралья 1991 1
Яковлев Я.А. Первая находка Маасско-Рейнской чаши XII–XIII вв. в Азии 1996 4
Янин В.Л. Новгородские берестяные грамоты 1996 3
Яценко С.А. К реконструкции женской плечевой одежды Сарматии 1987 3

Критика и библиография

Абрамова З.А. *Петрин В.Т.* Палеолитическое святилище в Игнатиевской пещере на Южном Урале. Новосибирск, 1992 ..... 1995 1
Алексеев Л.В. Капитальное исследование по начальной истории Минска 1987 2
Амиров Ш.Н. Early Stages in the Evolution of Mesopotamian Civilization. Soviet Excavations in Northern Iraq. The University of Arizon Press. Tucson and London, 1993 ..... 1995 4
Амиров Ш., Мишина Т. Demircihüyük. Die Ergebnisse der Ausgrabungen 1975–1978. Herausgegeben von Manfred Korfmann. B. III_1. Jurgen Seeher. Die Keramik. Mainz am Rhein, 1987 ..... 1991 1
Амирханов Х.А. *Inizan M.-L.* Préhistoire a Qatar. Mission archeologique francaise a Qatar. Edition Recherche sur les Civilisations. P., 1988 ..... 1992 1
Амирханов Х.А., Астахов С.Н. *Любин В.П.* Палеолит Кавказа; *Абрамова З.А.* Палеолит Северной Азии // Палеолит Кавказа и Северной Азии (серия "Палеолит мира"). Л., 1989 ... 1992 2
Андреева М.В. *Кавтарадзе Г.Л.* К хронологии эпохи энеолита и бронзы Грузии. Тбилиси, 1983 ..... 1987 4

Аниcюткин Н.К. *Джафаров А.К.* Мустьерская культура Азербайджана (по материалам Тагларской пещеры). Баку, 1983 ..... 1987 4
Антонова Е.В. *Алекшин В.А.* Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих обществ (по археологическим материалам Средней Азии и Ближнего Востока). Л., 1986 ..... 1989 3
Артемьев А.Р. Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Сб. науч. трудов / Отв. ред. Ю.С. Худяков, Ю.А. Плотников. Новосибирск, 1990 .... 1994 1
Артемьев А.Р. Новые работы о татаро-монгольском вооружении 1989 4
Артемьев А.Р. *Казакявичус В.К.* Оружие балтских племен II–VIII веков на территории Литвы. Вильнюс, 1988 ..... 1992 3
Артемьев А.Р. *Крадин Н.П.* Русское деревянное оборонное зодчество. М., 1988 ..... 1992 2
Афанасьев Г.Е. Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Т. 1, 2, 3. Нальчик 1984, 1985, 1987 ..... 1990 4
Белова Г.А. *Dziobek E.* Das Grab des Ineni. Theben Nr. 81. Ph. von Zatern. Mainz am Rhein. Archaeologische Veroeffentlichungen 68. Deutsches Archaeologisches Institut. Abteilung Kairo, 1992 ..... 1995 1
Белова Г.А. *Osing J.* Das Grab des Nefersecheru in Zawyet Sultan. Mainz am Rhein, 1992 ..... 1994 3
Белоцерковская И.В. *Гришаков В.В.* Керамика финно-угорских племен Правобережья Волги в эпоху раннего средневековья. Йошкар-Ола, 1993 ..... 1996 3
Белоцерковская И.В., Ахмедов И.Р. О кошибеевской культуре 1996 4
Березкин Ю.Е. Gräber von Ancon, Peru (MAVA. B. 17). Munchen, 1983 ..... 1987 3
Березкин Ю.Е. *Kutscher G.* Wordperuanische Gefämalereien des Moche-Stils (MAVA. B. 18). Munchen, 1983 ..... 1987 4
Богданова Н.М. *Романчук А.И.* Херсонес в XII–XIV вв. (Историческая топография). Красноярск, 1986 ..... 1991 1
Большаков А.О. О методе "структурной археологии" Патрика О'Мары 1988 2
Борисковский П.И. *Столяр А.Д.* Происхождение изобразительного искусства. М., 1985 ..... 1988 2
Бруяко И.В. *Полин С.В.* От Скифии к Сарматии. Киев, 1992 ..... 1995 1
Буров В.А. *Гайдуков П.Г.* Славенский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп. М., 1992 ..... 1994 1
Буров В.А. *Юшко А.А.* Московская земля IX–XIV веков. М., 1991 ..... 1993 2
Буров Г.М. *Стоколос В.С.* Древние поселения Мезенской долины. М., 1986; Культуры эпохи раннего металла Северного Приуралья. М., 1988 ..... 1992 3
Буров Г.М. *Smith C.* Late Stone Age Hunters of the British Isles. London – New York, 1992 ..... 1996 1
Буровский А.М. Археологические интерпретации и реконструкции 1995 3
Буровский А.М. Фиктивно-демонстрационный продукт в археологии 1995 2
Васильев С.А. *Деревянко А.П., Маркин С.В.* Мустье Горного Алтая (по материалам пещеры им. Окладникова). Новосибирск, 1992 ..... 1995 1
Васильев С.А. *Деревянко А.П., Дорж Д., Васильевский Р.С.* и др. Каменный век Монголии. Палеолит и неолит Монгольского Алтая. Новосибирск, 1990 ..... 1993 1
Васильев С.А. *Маркин С.В.* Палеолитические памятники бассейна реки Томи. Новосибирск, 1986 ..... 1989 2
Васильев С.А. *Pigeot N.* Magdaléniens d'Etiolles. Economie de débitage et organization sociale. XXV Suppl. à "Gallia Préhistoire". P., 1987. *Olive M.* Une habitation Magdalénienne d'Étiolles. L'Uité P15 // Mémoires de la Societe préhistorique francaise. T. 20. P., 1988 ..... 1991 4
Виноградова Н.М. *Ute Franke Vogt.* Die Glyptik aus Mohenjo-Daro. V. 1, 2. Mainz. 1991 ..... 1994 4
Винокур И.С. *Гудкова А.В., Фокеев М.М.* Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I–IV вв. н.э. Киев, 1984 ..... 1988 4
Вишняцкий Л.Б. *Таймагамбетов Ж.К.* Палеолитическая стоянка имени Ч. Валиханова. Отв. ред. Р.С. Васильевский. Алма-Ата, 1990 ..... 1993 2
Вишняцкий Л.Б. Hunters in Transition. Mesolithic societies of temperate Eurasia and their transition to farming / Ed. Zvelebil M. Cambridge, 1986 ..... 1989 4
Вишняцкий Л.Б. Mousterian Legacy. Human Biocultural Change in the Upper Pleistacene. BAR. Int. Ser. 164. Oxford, 1983 ..... 1988 1
Вишняцкий Л.Б. The Middle Paleolithic: Adaptation, Behaviour and Variability / Eds. Dibble H., Mellars P. The University Museum, University of Pennsylvania, 1992 ..... 1995 2
Вишняцкий Л.Б., Зуев В.Ю., Колпаков Е.М., Платонова Н.И., Тункина И.В. *Bruce G. Trigger.* A history of archaeological thought. Cambridge, 1989. XIII 1992 3
Всевнов Л.М. Археологическая литература за 1991 год. Библиографический указатель 1996 3
Всевнов Л.М. Советская археологическая литература за 1988 г. 1990 4

Всевнов А.М. Советская археологическая литература за 1989 г. 1991 4
Всевнов Л.М. Советская археологическая литература за 1990 г. 1992 4
Габяшев Р.С., Марков А.Н., Халиков А.Х. Археология и этнография Марийского края. Вып. 1–9. Йошкар-Ола, 1976–1985. Серийное издание Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории 1988 3
Гаврилюк Н.А., Махортых С.В. Collins dictionary of archaeology. Ed. by P. Bahn. Glasgow, 1992 ..... 1996 3
Герасимова М.М., Медведев Г.И., Яблонский Л.Т. *Балуева Т.С., Веселовская Е.В., Лебединская Г.В., Пестряков А.П.* Антропологические типы древнего населения на территории СССР. По материалам антропологической реконструкции. М., 1988 ..... 1991 4
Герцен А.Г., Храпунов И.Н. *Возгрин В.Е.* Исторические судьбы крымских татар. М., 1992 ... 1994 1
Гладилин В.Н., Степанчук В.Н. Vértesszölös site, man and culture. Kretzoi M., Dobosi V.T. (eds). Budapest, 1990 ..... 1994 1
Гладких М.И. *Генинг В.Ф.* Объект и предмет науки в археологии. Киев, 1983 ..... 1987 2
Горелик А.Ф. *Телегін Д.Я.* Мезолітичні пам'ятки України (IX–VI тисячоліття до н.е.). Київ, 1982. *Телегин Д.Я.* Памятники эпохи мезолита на территории Украинской ССР. (Карта местонахождений). Киев, 1985 ..... 1988 3
Горелик А.Ф. Ethnoarchaeological Approaches to Mobile Campsites. Hunter-Gatherer and Pastoralist Case Studies / Ed. Gamble C. & Boismier W. Ann Arbor, Michigan, 1991 ..... 1995 1
Гохман И.И. *Балуева Т.С., Веселовская Е.В., Лебединская Г.В., Пестряков А.П.* Антропологические типы древнего населения на террритории СССР. По материалам антропологической реконструкции. М., 1988 ..... 1991 4
Давидан О.И. *Ulbriht I.* Der Verarbeitung von Knochen, Geweih und Horn im Mittelalterlihen Schleswig. Ausgrabungen in Schleswig. Berichte und Studien 3. Neumünster, 1984 ..... 1990 2
Даркевич В.П. *Русанова И.П., Тимощук Б.А.* Языческие святилища древних славян. М., 1993 ..... 1996 4
Дмитриева Т.Н. Проблемы интерпретации палеолитического искусства в трудах зарубежных ученых 1994 2
Дмитриева Т.Н., Аникович М.В. *Кабо В.Р.* Первобытная доземледельческая община. М., 1986 ..... 1989 3
Дэвлет М.А. *Самашев З.С.* Наскальные изображения Верхнего Прииртышья. Алма-Ата, 1992 ..... 1993 3
Егорейченко А.А., Рябцевич В.Н. Энциклопедия "Археалогія і нумізматыка Беларусі". Минск, 1993 ..... 1995 4
Ениосова Н.В. *Forsell H.* The inception of copper mining in Falun Arkeologiska Forskninglaboratoriet. Stockholms Unversitet, 1992 ..... 1995 2
Журавлев Д.В., Малышев А.А. *Meyer-Schlichtmann C.* Die pergamenische Sigillata aus der Stadtgrabung von Pergamon. Mitte 2. Jh. v. Chr.-Mitte 2. Jrh. Chr. // Pergamenische Forschungen. Berlin, New York, 1988. B. 6 ..... 1994 4
Зеленеев Ю.А. *Архипов Г.А.* Марийцы XII–XIII вв. Йошкар-Ола, 1986 ..... 1989 4
Иванов В.А. *Голдина Р.Д.* Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск, 1985 ..... 1989 1
Иванов В.А. *Флеров В.С.* Погребальные обряды на севере Хазарского каганата. Волгоград, 1993 ..... 1995 4
Каминский В.Н. *Мизиев И.М.* Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа, Нальчик, 1986 ..... 1988 4
Качалова Н.К. *Потемкина Т.М.* Бронзовый век лесостепного Притоболья. М., 1985 ..... 1987 3
Кашкин А.В. Baiern und Slaven in Oberösterreich. Probleme der Landnahme und Besiedllung // Schriftenreihe des 00 Musealvereins – Gesellschaft fur Landeskunde. B. 10. Linz, 1980 ..... 1987 1
Кашкин А.В. Pramene k dejinám osidlenia Slovenska z konza 5 až z 13 storočia. Bratislava, hlavné mesto SSR a západoslovenský kraj. Nitra, 1989 ..... 1994 1
Клейн Л.С. *Алексеева О.Е., Саввониди Н.Ф.* Иллюстрированный англо-русский – русско-английский историко-археологический словарь. Санкт-Петербург, 1993 ..... 1995 2
Клосинска Э. Новые памятники ямной культуры степной зоны Украины. Ред. О.Г. Шапошникова. Киев, 1988 ..... 1991 4
Кобылина М.М. *Сидорова Н.А., Тугушева О.В., Забелина В.С.* Античная расписная керамика. Из собрания Гос. музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. М., 1985 ..... 1988 2
Кожин П.М. *Цетлин Ю.Б.* Периодизация неолита Верхнего Поволжья. Методические проблемы. М., 1991 ..... 1996 3
Кольцов Л.В. *Couraud Claude.* L'Art Azilien. Origine-Survivance. XX-e supplément a "Gallia Prehistoire". P., 1985 ..... 1988 3

Кольцов Л.В. Hunters in Transition. Mesolithic societies of temperate Eurasia and their transition to farming / Ed. Zvelebil M. Cambrige, 1986 ... 1990 2
Кольцов Л.В. *Soffer O.* The Upper Paleolithic of the Central Russian Plain. New York, Toronto, 1985 ... 1988 4
Кореневский С.Н. Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М., 1994 ... 1996 2
Косарев М.Ф. *Членова Н.Л.* Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири. М., 1994 ... 1996 2
Кочнев Б.Д. О датировке Акшыйракского сосуда ... 1996 3
Кошеленко Г.А. *Munn M.N.* The Defence of Attica. The Dema Wall and the Boiotian War of 378–375. B.C. Berkeley – Los-Angeles – Oxford, 1993 ... 1995 4
Кошеленко Г.А., Шахова Н.А. Новая литература по проблеме экономических связей между Индией и Средиземноморьем в античную эпоху ... 1995 2
Краснов Ю.А., Флеров В.С. Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985 ... 1989 1
Кренке Н.А., Макаров Н.А. Iron Age Studies in Salo // SMYA, 89:1. Helsinki, 1986 ... 1990 1
Кузнецов В.А., Черчесова М.Д. *Zgusta L.* The old Ossetic Inscription from the River Zelencuk. Wien, 1987 ... 1990 1
Кулаков В.И. Археологические исследования в ареале западных балтов (экспедиционная работа в 1991–1994 гг.) ... 1996 4
Кулаков В.И. Bálint Cs. Südungarn im 10. Jahrhundert. Budapest, 1991 ... 1993 1
Кулаков В.И. *Kovacs L.* Münzen aus der ungarischen Landnahmezeit. Archäologische Untersuchung der arabischen, byzantinischen, westeuropäischen und römischen Münzen aus dem Karpatenbecken des 10. Jahrhunderts. Budapest, 1989 ... 1993 2
Курбатов А.В. *Grew F., de Neergard M.* Medieval finds from excavation in London: 2. Shoes and pattens. L., 1988 ... 1992 4
Курбатов А.В. Medemblik and Monnikendam: Aspects of medieval urbanization in Northern Holland // Cingula, 11. Amsterdam, 1989 ... 1994 1
Леонтьев А.Е. *Рябинин Е.А.* Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л., 1986 ... 1989 2
Лисицын Н.Ф. *Астахов С.Н.* Палеолит Тувы. Новосибирск, 1986 ... 1989 4
Лихтер Ю.А., Осипов Д.О. Московская керамика: новые данные о хронологии. М., 1991 ... 1993 2
Макаров Н.А. *Савельева Э.А.* Вымские могильники XI–XIV вв. Л., 1987 ... 1990 1
Макарова Т.И. *Плешанова И.И., Лихачева Л.Д.* Древнерусское декоративно-прикладное искусство в собрании Государственного Русского музея. Л., 1985 ... 1988 3
Малышев А.А. *Pemberton E.G.* with contr. by Slane K.W. The Sanctuary of Demeter and Kore. The Greek Pottery // Corinth. Results of excavations conductered by the American School of classical studies at Athens. V. XIII. Princeton, New Jersey, 1989. *Slane K.W.* The Sanctuary of Demeter and Kore. The Roman Pottery and Lamps // Corinth. V. XVIII. Pt. II. Princeton, New Jersey. 1990 ... 1994 1
Малышев А.А. *Pferdenhirt B.* Die römische Okkupation Germaniens und Rätiens von der Zeit des Tiberius bis zum Tode Trajans. Untersuchungen zur Chronologie südgallischer Reliefsigillata // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. 33. Jahrgang. 1986 ... 1991 1
Матюшин Г.Н. *Телегін Д.Я.* Мезолітичні пам'ятки України (IX–VI тисячоліття до н.е.). Київ, 1982. *Телегин Д.Я.* Памятники эпохи мезолита на территории Украинской ССР. (Карта местонахождений). Киев, 1985 ... 1988 3
Матющенко В.И. *Косарев М.Ф.* Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981; *Косарев М.Ф.* Западная Сибирь в древности. М., 1984 ... 1988 1
Махортых С.В. *Погребова М.Н., Раевский Д.С.* Ранние скифы и древний Восток. М., 1992 ... 1994 3
Махортых С.В. *Chochorowski J.* Ekspansja kimmeryjska na tereny Europy Srodkowej. Krakow, 1993 ... 1996 1
Медведская И.Н. *Хахутайшвили Д.А.* Производство железа в древней Колхиде. Тбилиси, 1987 ... 1990 2
Медникова М.Б. *Kunter M.* Menschliche Skelettreste aus Siedlungen der El Argar Kultur. Ein Beitrag der Prähistorischen Anthropologie zur Kenntnis bronzezeitlichen Bevölkerung Südostspaniens. Madrider Beiträge. B. 18. Verlag Philipp von Zabern, Meinz am Rhein, 1990 ... 1993 2
Мелюкова А.И. *Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л.* Скифские изваяния VII–III вв. до н.э. М., 1994 ... 1995 3
Мелюкова А.И. *Скорый С.А.* Курган Переп'ятиха. Київ, 1990 ... 1993 2
Мерперт Н.Я. *Нариманов И.Г.* Культура древнего земледельческо-скотоводческого населения Азербайджана (эпоха энеолита VI–IV тысячелетия до н.э.). Баку, 1987 ... 1989 4
Мерперт Н.Я. *Korfman M.* Demircihuyuk. Die Ergebnisse der Ausgrabungen 1975–78. B. I. Rhein, 1983 ... 1988 2

Мизиев И.М. Ответ В.Н. Каминскому 1991 2
Молчанов А.А. *Chernetsov A.V.* Types of Russian Coins of the XIV and XV Centuries; An iconographic study. BAR, Int. Ser. 167, Oxford, 1983 ..... 1988 1
Молчанов А.А., Чернецов А.В. Древний Новгород: История. Искусство. Археология. Новые исследования / Сост. Ямщиков С.В. М., 1983 ..... 1987 2
Монографии и сборники, опубликованные сотрудниками Института археологии РАН в 1994 году 1996 1
Мурзин В.Ю., Симоненко А.В. *Максименко В.Е.* Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону, 1983 ..... 1988 1
Николаева Э.Я. *Воронов Ю.Н., Бгажба О.Х.* Материалы по археологии Цебельды (Итоги исследования Цибилиума в 1978–1982 гг.). Сухуми, 1985 ..... 1989 2
Носенко Е.Э. Кельтская археология на страницах журнала "Gallia" 1991 3
Носов Е.Н. Археология Новгорода. Указатель литературы, изданной с 1917 по 1980 гг. / Сост. Гайдуков П.Г. М., 1983 ..... 1987 2
Носов Е.Н. *Kolchin B.A.* Wooden Artefacts from Medieval Novgorod. Translated from the Russian. Pt. I. Text. Pt. II. Illustrations / Ed. supervision Chernetsov A.V. // British Archaeological Reports. International Series. 495 (I) and 496 (II). Oxford, 1989 ..... 1992 3
Петрухин В.Я. Fruhgeschichte der europaischen Stadt // Schriften zur Ur- und Frühgeschichte. B. 44. B., 1991 ..... 1994 2
Питулько В.В. *Крупник И.И.* Арктическая этноэкология. Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии. М., 1989 ..... 1992 4
Питулько В.В. *Стоколос В.С.* Древние поселения Мезенской долины. М., 1986. Культуры эпохи раннего металла Северного Приуралья. М., 1988 ..... 1991 2
Плетнева С.А. *Димитров Д.* Прабългарите по Северното и Западното Черноморите. Варна, 1987 ..... 1989 3
Пряхин А.Д. Проблематика срубной культурно-исторической общности в сборниках Куйбышевского педагогического института (Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев, 1983; Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев, 1985) 1988 4
Пугаченкова Г.А. *Горячева В.Д.* Город Золотого Верблюда. Фрунзе, 1988 ..... 1990 1
Пуздровский А.Е. Памятники материальной культуры древней и средневековой Полтавщины: Каталог выставки, 1985; Памятники древнеегипетского искусства в собрании Полтавского краеведческого музея: Каталог выставки, 1986 ..... 1988 4
Раев Б.А., Трейстер М.Ю. *Cunliffe B.* Greeks, Romans and Barbarians: Spheres of Interaction. London, 1988 ..... 1993 1
Ранов В.А., Дэвис Р.С. *Debenath A., Dibble H.L.* Hand-book of Paleolithic typology. V. 1. Lower and Middle Paleolithic of Europe. Philadelphia, 1994 ..... 1996 4
Резепкин А.Д. *Renfrew C.* Arhaeology and Language. The Puzzle of Indo-European origins. L., 1987. 1991 2
Рнер Я.Г. Проблемы средневековой аграрной археологии Чехословакии в сборнике "Archaeologia Historica", N 10. Brno, Nitra, 1985 ..... 1989 1
Романчук А.И., Цецхладзе Г.Р. Нокалакеви-Археополис. Археологические раскопки 1973–1977. Т. 1. Тбилиси, 1981. Нокалакеви–Археополис. Археологические раскопки 1978–1982. Т. 2. Тбилиси, 1987 ..... 1990 4
Русанова И.П., Гавритухин И.О. *B. Dostál.* Břeclav-Pohansko. Časně slovanské osidleni. III. Brno, 1985 ..... 1989 2
Русанова И.П., Тимощук Б.А. *Рыбаков Б.А.* Язычество древней Руси. М., 1987 ..... 1988 2
Сазанов А.В. Elephantine X. *Gempeler R.D.* Die Keramik roemischer bis frueharabischer Zeit. Mainz, 1992 ..... 1995 2
Седов В.В. *Fiedler U.* Studien zu Graeberfeldern des 6. bis 9. Jahrhunderts an der unteren Donau (Universitaetsforschungen zur prahistorischen Archaologie. Band 11). Bonn, 1992 ..... 1995 2
Седов В.В., Лопатин Н.В. Энциклопедия "Археологія і нумізматыка Беларусі". Мінск, 1993... 1995 4
Сергин В.Я. *Крупник И.И.* Арктическая этноэкология. Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии. М., 1989 ..... 1992 4
Сердитых З.В. Crossroads of Asia. Transformation in Image and Symbol in the Art of ancient Afghanistan and Pakistan. An Exhibition at the Fitzwilliam Museum, Cambridge. Cambridge, 1992 ..... 1996 1
Сердитых З.В., Валиев А. Ирригация и население Восточной Бактрии (обзор публикаций по итогам исследований 1974–1979 гг.) 1987 4
Сердитых З.В., Кошеленко Г.А. Проблемы истории и культуры Греко-Бактрии в литературе последних лет 1987 3

Сердитых З.В., Кошеленко Г.А. *Mathiesen H.E.* Sculpture in the Parthian Empire. A Study in Chronology. V. I–II. Aarhus, 1992 ..... 1996 2
Сидорова Н.А. Corpus Vasorum Antiquorum. DDR 3. Staatliche Museen zu Berlin, Antikensammlung 1. Elisabeth Rohde. Berlin, 1990 ..... 1994 4
Синицын А.А. The Early Upper Paleolithic. Evidence from Europe and the Near East // Ed. Hoffecker J.F., Wolf C.A. // British Archaeological Reports. International Series. Oxford, 1988 ..... 1991 4
Скорый С.А., Клочко Л.С. *Chochorowski J.* Die Vekerzug – kultur: Charakteristik der Funde. Uniwesytet Jagielloński. Pánstwowe wydawnictwo naukowe. Warszawa, Kraków, 1985 ..... 1989 2
Скрипкин А.С. *Керефов Б.М.* Памятники сарматского времени Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1988 ..... 1991 3
Согомонов А.Ю. *Stucky R.A.* Ras Shamra-Leukos Limen: Die nachugaritische Siedlung von Ras Shamra. Paris, 1983 ..... 1987 4
Соловьянов Н.И. *Тачева-Хитова М.* История на източните култове в Долна Мизия и Тракия V в. пр. н.э. – IV в. от н.э. София, 1982 ..... 1987 1
Ставиский Б.Я. *Grenet F.* et collaborateurs. L'Asie Centrale Préislamique; Bibliographie critique. 1977–1986 (Abstracta Iranica. Volume hors série. 3). Institut Francaise Recherche en Iran. Teheran–Paris, 1988 ..... 1991 2
Степанчук В.Н. *Osole F.* Betalov Spodmol, rezultati paleolitski izkopovanj S. Brodarja. I del Poročilo o raziskovanju paleolita, neolita in eneolita v Sloveniji. T. XVIII. S. 7–41. Ljubljana, 1990. II del T. XIX. S. 7–129. Ljubljana, 1991 ..... 1995 4
Телегин Д.Я., Отрощенко В.В. Курганные древности Степного Поднепровья III–I тыс. до н.э. 1987 3
Трейстер М.Ю. О новых исследованиях Британского института Археометаллургии 1987 3
Трунаева Т.Н. *Asko Parpola.* The Coming of the Aryans to Iran and India and the Cultural and Ethnic Identity of the Dasas // Studia Orientalia. V. 64. Helsinki, 1988 ..... 1992 3
Усачева О.Н. Greek colonists and native populations // Proceedings of the First Australian Congress of Classical Archaeology held in honour Emeritus Professor A.D. Trendall // Ed. by J.-P. Discoeurdres. Oxford, 1990 ..... 1994 2
Уткин А.В. *Никитин В.В.* Медно-каменный век Марийского края: середина III – начало II тыс. до н.э. Йошкар-Ола, 1991 ..... 1994 2
Фалькович Ю.А. *Kaczmarczyk A., Hedges R.E.M.* Ancient Egyptian Faience. An Analitical Survey of Egyptian Faience from Predinastic to Roman Times. Warminster, 1983 ..... 1992 4
Федоров-Давыдов Г.А. Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. 1. Савроматская эпоха. Отв. редактор М.Г. Мошкова. М., 1994 ..... 1996 1
Фехнер М.В., Пушкина Т.А. Birka II: 1. Systematische Analysen der Gräberfunde // Ed. G. Arwidsson. Stockholm, 1984 ..... 1987 1
Фехнер М.В., Пушкина Т.А. Birka II: 2. Systematische Analysen dern Gräberfunde // Ed. G. Arwidsson. Stockholm, 1986 ..... 1990 4
Фехнер М.В., Пушкина Т.А. Birka II: 3. Systematische Analysen der Gräberfunde // Ed. G. Arwidsson. Stockholm, 1989 ..... 1992 4
Фехнер М.В. *Mühle E.* Die stadtischen Handelszentren der nordwestlichen Rus. Aufzuge und fruhe Entwicklung altrussischer Stadte (bis gegen Ende des 12. Jahrhunderts). Stuttgart, 1991 ..... 1993 3
Филлипс П. Трассологические исследования в Великобритании 1991 2
Флёров В.С. Дуранкулак. Т. I. София, 1989 ..... 1992 4
Формозов А.А. Книги об отечественных археологах 1993 4
Формозов А.А. О книге Л.С. Клейна "Феномен советской археологии" и о самом феномене 1995 3
Формозов А.А. О периодизации истории отечественной археологии 1994 4
Халиков А.Х. *Димитров Д.* Прабългарите по Северното и Западното Черноморите. Варна, 1987 ..... 1989 3
Храпунов И.Н. *Дашевская О.Д.* Поздние скифы в Крыму (Свод археологических источников. Вып. Д 1-7). М., 1991 ..... 1993 3
Цетлин Ю.Б. Этнокультурные процессы в пограничье разных природных зон (в связи с выходом книги А.С. Смирнова "Неолит Верхней и Средней Десны". М., 1991) 1995 1
Чистяков Ю.Е. *Mertens D.* Der alte Heratempel in Paestum und die archaische Baukunst in Unteritalien. Deutsches Archäologisches Institut, Röm. Sonderschrift B. 9. Mainz am Rhein, 1993. 1995 4
Шеркова Т.А. Изучение додинастических культур Нижнего Египта 1994 1
Шлеев В.В. Ценный библиографический указатель 1992 2
Щапова Ю.Л. *Teresa Stawiarska.* Szkla z okresu wplywów rzymskich z Pólnocnej Polski. Studium technologiczne. Wroclaw; Warszawa; Kraków; Gdánsk; Lodz, 1984 ..... 1988 3

Абрамова З.А., Синицын А.А. Коллоквиум, посвященный 100-летию открытия палеолита Венгрии (Мишкольц, 1991) ... 1993 1
Авилова Л.И. Конференция "Археология и лингвистика: индоевропейская проблема" ... 1989 2
Авилова Л.И., Терехова Н.Н. Советско-американский симпозиум "Древнейшая металлургия Старого Света" (Тбилиси – Сигнахи, 1988) ... 1989 3
Алексеев Л.В. Три научные конференции в Беларуси (1991–1992) ... 1994 1
Алексеев Л.В. Юбилейная сессия в Гродненском музее (1990) ... 1992 3
Аникович М.В. Всесоюзное совещание по методике полевых исследований памятников каменного века, посвященное столетию со дня рождения П.П. Ефименко ... 1987 1
Аникович М.М. Дискуссия об узловых проблемах первобытной истории в связи с выходом в свет "Истории первобытного общества". Т. 1, 2 ... 1990 1
Археологическое общество "Древности" ... 1992 4
Байпаков К.М. Археологические исследования в Казахстане (1991–1995 гг.) ... 1996 1
Байпаков К.М., Смагулов Е.А. Советско-французский симпозиум "Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций" (Алма-Ата, 1987) ... 1989 4
Березин Я.Б., Савенко С.Н. XVIII "Крупновские чтения" по археологии Северного Кавказа (Кисловодск, 1994) ... 1995 4
Берестнев С.И., Мартемьянов А.П., Сорочан С.Б. Межреспубликанская научная конференция "Проблемы археологии, древней и средневековой истории Украины" (Харьков, 1–3 марта 1995 г.) ... 1996 4
Борзунов В.А., Корякова Л.Н., Федорова Н.В. Семинары по проблемам археологии раннего железного века и средневековья Зауралья и Западной Сибири (Екатеринбург, 1989, 1990) ... 1992 3
Борисова В.В. Пленум Научно-методического совета по охране памятников культуры Министерства культуры СССР "Методические основы охраны и использования памятников археологии" ... 1988 2
Боряз В.Н., Никоноров В.П. Вопросы перестройки советской археологической науки на методологическом семинаре ЛОИА АН СССР ... 1989 2
Буров Г.М. IV Международный симпозиум "Мезолит в Европе" (Лёвен, 1990) ... 1992 4
Буряков Ю.Ф., Филонович М.И. Первый советско-французский коллоквиум по проблемам истории городской культуры Бактрии и Согда ... 1989 1
Вахтина М.Ю., Виноградов Ю.А., Зуев В.Ю. Всесоюзный научный симпозиум "Скифия и Боспор", посвященный памяти академика М.И. Ростовцева (Ленинград, 1989) ... 1991 1
Винников А.З., Пряхин А.Д., Цыбин М.В. Научная конференция "Археология и история юго-востока Древней Руси" (Воронеж, 1994) ... 1995 4
Волокитин А.В., Сериков Ю.Б. Рабочие совещания по палеолиту и мезолиту Урала и Поволжья в 1990–1992 гг. ... 1994 2
Гавритухин И.О., Терпиловский Р.В. I и II конференция "Киевская культура, ее истоки и наследие" (Курск, 1988, 1989) ... 1991 1
Гаджиев М.Г., Гаджиев М.С. XV Крупновские чтения (Махачкала, 1988) ... 1990 2
Гаибов В.А., Согомонов А.Ю. III научные чтения памяти В.Д. Блаватского ... 1987 2
Гей А.Н. Научно-практический семинар "Новое в методике археологических работ на новостройках РСФСР" (Суздаль, 1989) ... 1991 2
Генинг В.Ф. Письмо в редакцию. "О стиле дискуссии Л.С. Клейна" ... 1992 4
Герасимова М.М. Конференция "Проблемы антропологии и археологии каменного века Евразии" (к 80-летию М.М. Герасимова) (Иркутск, 1987) ... 1989 3
Гуревич Ф.Д. Гали Федоровна Корзухина (к 80-летию со дня рождения) ... 1987 2
Гусаков М.Г., Кулаков В.И., Смирнов Ю.А. Конференция "Балто-славянские этнокультурные и археологические древности: погребальный обряд" (Москва, 1985) ... 1987 3
Дашевская О.Д., Джорбенадзе В.А. Конференция по проблеме взаимоотношений между горными и равнинными регионами (Душети, 1984) ... 1987 1
Джорбенадзе В.А. Симпозиум по поливной керамике (Тбилиси, 1985) ... 1988 4
Деревянко Е.И. Итоги работы Института археологии и этнографии СО РАН по проблемам палеометалла в 1990–1994 гг. ... 1996 3
Доде З.В., Охонько Н.А. XVI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (Ставрополь, 1990) ... 1991 3
Долуханов П.М. Новое в археологии СССР и Финляндии. Доклады третьего советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии. 11–15 мая 1981 г. Л., 1984 ... 1988 1

Емец И.А. IV научные чтения памяти профессора В.Д. Блаватского (Москва, 1990) 1992 1
Железчиков Б.Ф., Скрипкин А.С. Первые чтения памяти К.Ф. Смирнова (Москва, 1995) 1996 3
Журавлев А.П. VI полевой симпозиум "Миграции и связи древних обществ лесной полосы Евразии в эпоху камня – раннего металла" (Кижи, 1992) 1994 1
Журавлев А.П., Косарев М.Ф., Наговицын Л.А. VII и VIII полевые симпозиумы по проблемам первобытной археологии Восточной Европы и Урала (Пегрема, Кижи, Бесов Нос, 1993, 1994) 1995 4
Завьялов В.И., Старков В.Ф. V археологическое совещание на Шпицбергене (Калипсобюен, 1992) 1994 1
Заднепровский Ю.А. Камилла Васильевна Тревер (1892–1974) 1993 4
Зверев С.В. Всероссийская нумизматическая конференция (Вологда, 1993) 1994 3
Зискинд Д.В. К вопросу о новой экономической модели археологических исследований 1992 4
Избицер Е.В. Научно-практическая конференция "Археологические исследования в зоне мелиорации. Итоги и перспективы их интенсификации" (Ленинград, 1985) 1987 3
К 75-летию Института археологии РАН 1994 4
К 90-летию Дмитрия Александровича Крайнова 1994 4
Кауров Э.Н., Потемкина Т.М. К вопросу о состоянии археоастрономии в России (по материалам "круглого стола" "Археоастрономия и археология: проблемы взаимодействия", Москва, 1994) 1995 3
Козенкова В.И. Евгений Игнатьевич Крупнов (к 90-летию со дня рождения) 1994 1
Козенкова В.И. XIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа 1987 4
Козенкова В.И., Кузнецов В.А., Чеченов И.М. Двадцать пять лет Крупновским чтениям по археологии Северного Кавказа 1996 1
Конопацкий А.К. 14 Международный конгресс по истории пограничных укреплений Римской империи (Limeskongress) (Бад Дойч-Альтенбург, 1986) 1989 4
Косорукова (Кандакова) Н.В. Совещание по проблеме "Ранний неолит лесной и лесостепной зон СССР и его генезис" (Ленинград, 1990) 1992 2
Лихтер Ю.А., Мастыкова А.В., Станюкович А.К. V Всесоюзная конференция по применению методов естественных наук в археологии "Комплексные методы исследования археологических источников" (Москва, 1989) 1991 4
Лопатин Н.В., Милютина Н.Н. Конференция "Славянская археология – 1990 (к VI Международному конгрессу славянской археологии)". Псков, 1991 ..... 1992 3
Маркин С.В. Итоги деятельности Института археологии и этнографии СО РАН в 1988–1994 гг. по изучению каменного века Азии 1996 2
Матюшин Г.Н. Годичное собрание Российского археологического общества 1992 4
Матюшин Г.Н. Научная конференция "Взаимодействие общества и природы: факты и концепции" (Москва, 1990) 1992 3
Медведев А.М. Обзор научной археологической жизни в Беларуси (1991–1994) 1995 4
Медынцева А.А., Седов В.В. XI Международный съезд славистов. Вопросы этногенеза и археологии славян (Словакия, 1993) 1994 4
Микляев А.М. Конференция "Археологические культуры и проблемы их интеграции" (Санкт-Петербург, 1991) 1993 1
Могильников В.А. Вторые Смирновские чтения (Йошкар-Ола, 1991) 1992 3
Могильников В.А. Конференция "Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий" (Горно-Алтайск, 1992) 1993 3
Могильников В.А. Конференция "Скифо-сибирский мир (социальная структура и общественные отношения)" (Кемерово, 1989) 1992 1
Могильников В.А. Конференция "Скифская эпоха Алтая" 1988 3
Могильников В.А. Конференция "Этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий" (Омск, 1992) 1994 3
Молчанов А.А. Археологическая проблематика на международном симпозиуме "Античная балканистика 6" (Москва, 1988) 1990 2
Мунчаев Р.М., Гуляев В.И. Третий советско-американский археологический симпозиум (Вашингтон, 1986) 1988 3
Обращение к читателям и авторам 1989 1
Ольховский В.С., Завьялов В.И. Конференция "Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ" (Москва, 1985) 1988 4
От редакции 1995 1
Ошибкина С.В. Симпозиум "Результаты новейших исследований эпохи камня и ранней бронзы в Юго-Восточной Прибалтике" (Польша, 1994) 1995 3

Петрухин В.Я., Чернецов А.В. Конференция "Древнерусское язычество и его традиции" (Псков, 1988) ... 1991 1
Плетнева С.А. Симпозиум "Сокровище хана Курбата. Культура болгар, хазар, славян" (София, сентябрь 1989) ... 1990 4
Потемкина Т.М. Совещание по некоторым итогам и перспективам археологических исследований в стране (Москва, 1989) ... 1990 3
Потемкина Т.М., Ковалева В.Т. О некоторых актуальных проблемах эпохи неолита ранней бронзы лесостепной и лесной зоны Урала. По материалам V полевого симпозиума (Тюмень, 1991) ... 1993 1
Прошкин О.Л. Пятая конференция "Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья" (Калуга, 1993) ... 1994 2
Сазонов А.А. XVII Крупновские чтения (Майкоп, 1992) ... 1993 3
Седов В.В. IV конференция по этногенезу и этнической истории балтов (Паланга, 1991) ... 1993 1
Седов В.В. VII Международный конгресс финно-угроведов (археологическая проблематика) (Дебрецен, 1990) ... 1992 1
Седов В.В. VIII Международный конгресс финно-угроведов (археологическая проблематика). (Финляндия, Ювяскюля, 1995) ... 1996 4
Седов В.В. X Всесоюзная конференция по изучению скандинавских стран и Финляндии ... 1988 3
Седов В.В. XI Всесоюзная конференция по изучению Скандинавских стран и Финляндии (Архангельск, 1989) ... 1991 2
Седов В.В. XII Конференция по изучению истории, экономики, литературы, языка Скандинавских стран и Финляндии (Москва, 1993) ... 1995 1
Седов В.В. Международная археологическая конференция "Время, памятники, люди. Памяти репрессированных археологов", (Минск, 1993) ... 1994 4
Седов В.В. Международный симпозиум по славянскому язычеству в Югославии ... 1988 2
Седов В.В. Международный симпозиум "750-летие Берлина – предпосылки и основы городского развития в Средней Европе и начало европейских феодальных городов" (Берлин, 1987) ... 1989 3
Седов В.В. Симпозиум "Проблема именьковской культуры" (Болгары, 1993) ... 1994 3
Седов В.В., Смирнов К.А. Археологическая тематика VI Международного конгресса финно-угроведов ... 1987 1
Седов В.В., Смирнов К.А. XVIII Всесоюзная конференция финно-угроведов (Ижевск, 1987) ... 1989 2
Седов В.В., Смирнов К.А. Советско-финляндский симпозиум по теме "Культурные и экономические связи славянских и финно-угорских племен в древности и раннем средневековье" (Хельсинки, 1988) ... 1990 1
Седов В.В., Чернецов А.В. Международный симпозиум "Переход от язычества к христианству у славян" (Звенигород, 1994) ... 1995 4
Седова М.В. Уваровские чтения (Муром, 1990) ... 1990 4
Смирнов К.А. Всесоюзная конференция "Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС" ... 1988 2
Смирнова Г.И., Флёров В.С. Всесоюзный семинар, посвященный 90-летию со дня рождения Михаила Илларионовича Артамонова ... 1990 3
Смирнова М.Е. Конференция "Опыт компьютерной обработки археологических материалов" (Москва, 1993) ... 1994 3
Ставиский Б.Я. 25 лет регулярных исследований буддийского культового центра в Старом Термезе ... 1988 3
Супруненко А.Б. Конференция, посвященная 100-летию со дня рождения М.Я. Рудинского (Полтава, 1987) ... 1989 3
Тимофеев В.И. Новые открытия археологов Вьетнама ... 1987 2
Тихонов И.Л., Платонова Н.И. Научный семинар "Проблемы истории и историографии археологической науки" ... 1992 3
Трифонов В.А. Межреспубликанский методический семинар Совета молодых ученых ЛОИА АН СССР "Новейшие теоретические и методические разработки в зарубежной археологии. Археология зарубежной Азии" (Ленинград, 1985) ... 1987 3
Устинова Ю.Б. Конференция "Проблемы античной и скифо-сарматской археологии", посвященная памяти П.Н. Шульца (Ленинград, 1986) ... 1988 1
Федоров-Давыдов Г.А. (Москва). Научно-практический семинар "Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XIV вв." ... 1988 4
Федосеев Н.Ф. Конференция "Проблемы археологии и истории Боспора" (Керчь, 1991) ... 1993 1
Флёров В.С. Вторая Международная конференция "Праболгары в Восточной и Центральной

Европе в VI–X вв.". Шумен, 1986 ... 1988 2
Фролов А.С. Первая калужская историко-археологическая конференция, февраль 1986 г. ... 1988 1
Хартия по охране и использованию археологического наследия ... 1991 3
Цетлин Ю.Б. Совещание "Керамика как исторический источник (подходы и методы изучения)" Самара, 1991 ... 1992 3
Шарафутдинова Э.С., Кузьмина О.В. Семинар "Проблемы перехода от эпохи средней бронзы к эпохе поздней бронзы в Волго-Уралье" (Самара, 1990) ... 1992 4
Шер Я.К. К семидесятилетию Ж.-К. Гардена ... 1995 3
Шилов В.П., Массон В.М. Всемирный археологический конгресс ... 1989 1
Щавелев С.П. 150-летие со дня рождения Д.Я. Самоквасова: юбилейные мероприятия ... 1994 4
Щапова Ю.Л. Второй Международный симпозиум археологов и историков стекла в Торуни ... 1989 1

Персоналии

Алексеев Л.В., Колединский Л.В., Метельский А.А. Памяти Михаила Александровича Ткачева (1942–1992) ... 1994 3
Амирханов Х.А. Валерий Павлович Алексеев (1929–1991) ... 1992 3
Арсеньева Т.М. Памяти Дмитрия Борисовича Шелова (1919–1993) ... 1994 2
Блаватская Т.В. Памяти Велизара Ив. Велкова (1928–1993) ... 1994 1
Бродянский Д.Л., Медведев В.Е., Хорев В.А. Памяти Виталия Дмитриевича Ленькова (1938–1995) ... 1996 2
Бунятов Т.А., Мунчаев Р.М., Нариманов И.Г. Памяти Джаббара Асадулла оглы Халилова (1928–1994) ... 1996 2
Бунятян Е.П. Памяти Владимира Федоровича Генинга (1924–1993) ... 1994 3
Бунатян Е.П., Скорый С.А. Памяти Бориса Николаевича Мозолевского (1936–1993) ... 1994 2
Вагнер Г.К., Кирпичников А.Н., Айдаров С.С. Памяти Владислава Владимировича Косточкина (1920–1992) ... 1994 1
Горбунова Н.Г., Брыкина Г.А., Заднепровский Ю.А. Памяти Татьяны Григорьевны Оболдуевой (1908–1995) ... 1996 1
Горбунова Н.Г., Каспарова К.В., Кушнарева К.Х., Смирнова Г.И. Борис Борисович Пиотровский (1908–1990 гг.) ... 1991 3
Григорьев Г.П., Шумкин В.Я., Щетенко А.Я. Памяти Виктора Петровича Третьякова (1940–1985) ... 1990 4
Давидан О.И., Мазуркевич А.Н., Короткевич Б.С. Памяти Александра Михайловича Микляева (1934–1993) ... 1994 2
Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А. Памяти Николая Михайловича Булатова (1938–1994) ... 1995 4
Заднепровский Ю.А., Зуев В.Ю., Хлопин И.Н. Памяти Геннадия Николаевича Курочкина (1946–1993) ... 1994 4
Кирпичников А.Н. Памяти Павла Александровича Раппопорта ... 1989 3
Кирпичников А.Н., Малевская М.В. Памяти Фриды Давыдовны Гуревич ... 1990 2
Кокорина Н.А., Кузьминых С.В., Старостин П.Н., Хлебникова Т.А. Памяти Александры Михайловны Ефимовой ... 1991 2
Кунина Н.З. Памяти Нонны Леонидовны Грач (1929–1991) ... 1993 1
Лунин Б.В. Памяти М.Е. Массона ... 1987 3
Любин В.П., Праслов Н.Д., Амирханов Х.А. Памяти Пшимафа Улагаевича Аутлева (1927–1991) ... 1994 1
Любин В.П., Праслов Н.Д., Амирханов Х.А., Кулаков С.А. Памяти Игоря Ильича Коробкова (1934–1993) ... 1995 1
Макарова Т.И. Памяти Тамары Владимировны Равдиной (1919–1991) ... 1992 4
Марковин В.И. Памяти Валерия Сергеевича Титова ... 1990 4
Массон В.М., Праслов Н.Д., Тимофеев В.И. Памяти Леонида Павловича Хлобыстина ... 1989 2
Мерперт Н.Я. Памяти Владислава Всеволодовича Кропоткина (1922–1993) ... 1994 1
Мерперт Н.Я. Памяти Марии Гимбутас (1921–1994) ... 1994 4
Памяти Валентина Павловича Шилова (1917–1995) ... 1996 3
Памяти Валерия Петровича Петренко (1943–1991) ... 1992 4
Памяти Даниила Антоновича Авдусина (1918–1993) ... 1995 1
Памяти Люции Вольдемаровны Ванкиной ... 1990 2
Памяти Мушни Хумсаевича Хварцкия (1955–1992) ... 1993 2
Памяти Юрия Михайловича Десятчикова (1940–1995) ... 1996 2

Петренко А.Г., Старостин П.Н., Хузин Ф.Ш. Памяти Альфреда Хасановича Халикова (1929–1994) ... 1995 4
Плетнева С.А., Русанова И.П., Смирнова Г.И. Памяти Ксении Васильевны Каспаровой (1929–1994) ... 1995 4
Праслов Н.Д. Памяти Павла Иосифовича Борисковского (1911–1991) ... 1992 3
Рыбаков Б.А., Даркевич В.П. Памяти Георгия Карловича Вагнера (1908–1995) ... 1995 3
Семенов В.А. Памяти Глеба Алексеевича Максименкова ... 1988 3
Смагулов Е.А. Памяти Сержана Мусатаевича Ахинжанова (1939–1991) ... 1992 3
Смирнов К.А. Памяти Александра Федоровича Дубынина (1903–1992) ... 1993 3
Смирнов К.А. Памяти Анны Епифановны Алиховой ... 1990 4
Смирнов К.А. Памяти Екатерины Ивановны Горюновой (1902–1995) ... 1996 2
Смирнов К.А. Памяти Ирины Гавриловны Розенфельдт (1923–1991) ... 1992 4
Смирнов К.А. Памяти Ростислава Леонидовича Розенфельдта ... 1990 3
Столяр А.Д. Памяти Бориса Борисовича Пиотровского ... 1991 3
Шадыро В.И. Памяти Алексея Григорьевича Митрофанова ... 1989 2
Шаскольский И.П., Савватеев Ю.А., Столяр А.Д. Памяти Александра Михайловича Линевского ... 1987 1

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АРТ – Археологические работы в Таджикистане. Душанбе
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. СПб.
БКИЧП – Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. М.
ВАУ – Вопросы археологии Урала
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры
ГАКО – Государственный архив Курской области
ГИМ – Государственный Исторический музей
ДГУ – Днепропетровский государственный университет
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ИГАИМК – Известия Государственной Академии истории истории материальной культуры
ИИАК – Известия императорской археологической комиссии. СПб.
ИРАО – Известия Русского Археологического общества. СПб.
ИРГО – Известия Русского географического общества. СПб.
КГПИ – Куйбышевский государственный педагогический институт
КНИИЯЛИ – Калмыцкий научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
КСИА – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. М.
КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. М.
КСИЭ – Краткие сообщения Института этнографии. М.
МАР – Материалы по археологии России
МАУ – Материалы по антропологии Украины. Киев
МГПИ – Московский государственный перагогический институт им. Н.К. Крупской
МГУ – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.-Л.
МНИИЯЛИЭ – Мордовский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики
МХЭ – Материалы Хорезмской экспедиции. М.
НАНУ – Национальная Академия наук Украины
НЭ – Нумизматика и эпиграфика. М.
ОАМ – Одесский археологический музей
ПАВ – Петербургский археологический вестник
ПИДО – Проблемы истории докапиталистических обществ
РА – Российская археология
РАН – Российская академия наук
РГБ – Российская государственная библиотека
РОКМ – Рязанский областной краеведческий музей
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников. М.
СО АН СССР – Сибирское отделение Академии наук СССР
СОГУ – Северо-Осетинский государственный университет
СУ – Саратовский университет
AE – Archaeologiai Értesitö
AIO – Archaeologia Iranica et Orientalis
AIPH – Archives de l'Institut de Paléontologie Humaine. Paris
BAR – British Archaeological Reports. Oxford
CRF – Congrès Préhistorique de France

Адрес редакции:

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Телефон 124-34-42

Заведующая редакцией *Е.В. Бубнова*

Технический редактор *Скворцова Т.В.*

Сдано в набор 5.07.96 Подписано к печати 09.09.96 Формат бумаги 70 × 100 $^{1}/_{16}$
Офсетная печать. Усл.печ.л. 20,8 Усл. кр. отт. 29,1 тыс. Уч.-изд.л. 27,9 Бум. л. 8,0
Тираж 1386 экз. Зак. 110

Московская типография № 2 РАН, 121099, Шубинский пер., 6